

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
НАЦІОНАЛЬНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ ІМЕНІ В. І. ВЕРНАДСЬКОГО
УКРАЇНСЬКИЙ КОМІТЕТ СЛАВІСТІВ
ІНСТИТУТ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

КИЇВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА
ІНСТИТУТ ФІЛОЛОГІЇ

КОМІСІЯ ЗІ СЛОВ'ЯНСЬКОГО СЛОВОТВОРЕННЯ
ПРИ МІЖНАРОДНОМУ КОМІТЕТІ СЛАВІСТІВ

ВІДОБРАЖЕННЯ ІСТОРІЇ ТА КУЛЬТУРИ НАРОДУ В СЛОВОТВОРЕННІ

Доповіді

**ХІІ Міжнародної наукової конференції
Комісії зі слов'янського словотворення
при Міжнародному комітеті славістів
(25-28 травня 2010 р., Київ, Україна)**

Упорядкування та наукове редагування
Н.Ф.Клименко і Є.А.Карпіловської

ВИДАВНИЧИЙ ДІМ ДМИТРА БУРАГО
Київ 2010

УДК 811.16'373.611(06)
ББК 81.2Словя43
В 42

**В 42 ВІДОБРАЖЕННЯ ІСТОРІЇ ТА КУЛЬТУРИ НАРОДУ В СЛОВОТВО-
РЕННІ:** Доповіді XII Міжнародної наукової конференції Комісії зі слов'янського
словотворення при Міжнародному комітеті славистів (25-28 травня 2010 р., Київ,
Україна) / Упорядкування та наукове редагування Н.Ф. Клименко і Є.А. Карпі-
ловської. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. – 472 с.

ISBN 978-966-489-059-2

Том містить доповіді учасників XII Міжнародної наукової конференції «Відображення історії та культури народу в словотворенні» Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славистів у рамках її засідання в Києві 25-28 травня 2010 р.

У доповідях на матеріалі широкого спектру слов'янських мов обговорено проблеми взаємозв'язків мови з культурою, історією, менталітетом народу, з розвитком суспільства. У центрі уваги доповідачів – роль словотворення в процесах мовної концептуалізації світу, категоризації та профілювання понять, у поповненні номінаційних ресурсів слов'янських мов. Конкретні мовні факти розглянуто в синхронії та діяхронії, у межах однієї чи кількох мов, різних функціональних стилів.

The collection contains reports of participants of XII International conference “Reflection of history and culture of the people in word-formation” the Commission on Slavic Word-formation at the International Committee of Slavists within its session in Kiev on May, 25-28th, 2010.

In reports on the material of a wide spectrum of Slavic languages problems of interrelations of language and culture, history, mentality of the people, society development are discussed. In the centre of attention of authors – the word-formation role in processes of language world conceptualization, categorization and profiling of concepts, replenishment of nominative resources of Slavic languages. The concrete language facts are considered in synchrony and diachrony, within one or several languages, various functional styles.

В оформленні обкладинки відтворено мініатюру «Євангеліст Йоан з Прохором» і фрагмент тексту пам'ятки української мови та мистецтва XVI ст. «Пересопницьке Євангеліє» за виданням: Пересопницьке Євангеліє 1556-1561. Дослідження. Транслітерований текст. Словопоказчик. – Київ: Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського, 2001.

ISBN 978-966-489-059-2

© Національна академія наук України, 2010
© Український комітет славистів, 2010
© Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського, 2010
© Інститут української мови, 2010
© Київський національний університет імені Тараса Шевченка, 2010
© Комісія зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славистів, 2010
© Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010

ЗМІСТ

ВІТАННЯ СЛАВІСТАМ-ДЕРИВАТОЛОГАМ	6
ВІД РЕДАКТОРІВ	7

ДОПОВІДІ ЧЛЕНІВ КОМІСІЇ ЗІ СЛОВ'ЯНСЬКОГО СЛОВОТВОРЕННЯ ПРИ МІЖНАРОДНОМУ КОМІТЕТІ СЛАВІСТІВ

Цветанка Аврамова. Нови думи, производни от названия на политически партии в периода на българския „преход” от края на ХХ – началото на ХХІ век.....	10
Лидија Аризанковска. Современиот македонски јазик меѓу традицијата и современите зборообразувачки тенденции (со осврт на суфиксните именски образувања).....	18
Юлија Балтова. Българското Възраждане и словообразователните тенденции в книжовния език от ХІХ в.	26
Ivana Bozděchová. Kompozita v proměnách moderní české slovní zásoby odborné a neologické.....	35
Krystyna Waszakowa. Adaptacja słowotwórcza i semantyczna zapożyczeń we współczesnej polszczyźnie	47
Валентина Н. Виноградова. Словообразование и аксиология.....	60
Николай Д. Голев. Словообразование как эволютивный процесс.....	67
Райна М. Драгичевич. Слова с положительной и отрицательной коннотацией в сербском языке с точки зрения национальной культуры	75
Ольга П. Ермакова. Некоторые особенности русского менталитета, отраженные в словообразовании.....	85
Євгенія А. Карпіловська. Нова Україна в словотвірній номінації: зміни у мовному «кресленні» світу.....	91
Krystyna Kleszczowa. Rola słowotwórstwa w przejmowaniu i stabilizacji pożyczek (na przykładzie polskich ukrainizmów)	110
Ніна Ф. Клименко. Дієслівне основоскладання у контрастивному висвітленні.....	120
Елена И. Коряковцева. Производные nomina actionis и языковой образ постсоциалистического общества (на материале русского, польского и чешского языков).....	133
Аляксандр А. Лукашанец. Словаўтваральныя сродкі моўнай катэгарызацыі свету.....	145
Елена Г. Лукашанец. Арго и культура: словообразовательный аспект.....	155

Светлана Менгель. Концепт – ментальность – язык: философия языка В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни в свете современных лингвистических теорий.....	165
Игорь Г. Милославский. Роль словообразования в расширении когнитивного пространства русского языка	176
Alicja Nagórko. Procesy slowotwórcze a sekularyzacja	181
Галина П. Нещименко. Отражение гендерных проблем в славянском словообразовании.	192
Алексей В. Никитевич. Русско-белорусские деривационные параллели в культурно-историческом аспекте	208
Геннадий А. Николаев. Поэтическое словообразование: версии.....	216
Ингеборг Онхайзер. (Анти-)утопическое словообразование в романе Дж. Оруэлла «Nineteen Eighty-Four» и его переводах на русский, польский и чешский языки.....	222
Василка Радева. Семейно-родственная лексика – общность и национальная специфика в славянском словообразовании.....	236
Jochen Raecke. Zum Wortspiel in der Wortbildung des Jargons	247
Jerzy Sierociuk. Kompetencja językowa użytkowników gwary a problem zapożyczeń.....	262
Irena Stramljič Breznik. Razvojna dinamika obrazil za nomina agentis v slovenskem jeziku od konca 19. do začetka 21. stoletja	272
Бранко Тошович. Нанизывание приставок в сербском, хорватском и бошняцком языках	286
Игорь С. Улуханов. К вопросу об отражении в словообразовании явлений реального мира	298
Зинаида А. Харитончик. Концептуальные основания семантики производных единиц.....	308
Божо Б. Ћорич. Турски суфикси у јужнословенским језицима (са посебним освртом на прилике у српском).....	317
Barbara Štebih Golub. Složenice u kajkavskome književnom jeziku	329

ДОПОВІДІ УЧЕНИХ УКРАЇНИ, ЗАПРОШЕНИХ НА ЗАСІДАННЯ КОМІСІЇ ЗІ СЛОВ'ЯНСЬКОГО СЛОВОТВОРЕННЯ

Петро І. Білоусенко. Назви податків з суфіксом -ина та -чина (-щина) в історії української мови.....	346
Катерина Г. Городенська. Дії та стани похідних дієслів як джерело пізнання історії та культури українського народу	355
Павло Ю. Гриценко. Лінгвістичне картографування і проблеми словотворення	365

Василь В. Грещук. Культура традиційного гірського пастухування в українському діалектному словотворенні.....	373
Анатолій П. Загнітко. Структурна і функційна типологія синтаксичної деривації	382
Лариса П. Кислюк. Національномовні ресурси відображення соціодинаміки	393
Олена С. Снитко. Особливості номінації в онтогенезі	409
Світлана О. Соколова. Словотвірна парадигма дієслова на тлі теорії фреймів.....	415
Марія Ю. Федурко. Словотвірна морфологія українських фемінативів у лінгвокультурологічному аспекті.....	433
ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ ТОМУ	443

ВІТАННЯ СЛАВІСТАМ-ДЕРИВАТОЛОГАМ

Від імені Українського комітету славістів, Президії Національної академії наук України, академічної наукової громади радо вітаю на гостинній українській землі провідних представників сучасної славістичної дериватології – членів Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славістів. Рішення Комісії провести чергове, дванадцятє, засідання у Києві українські вчені сприймають як високу оцінку здобутків вітчизняної школи дериватології, як вияв зацікавлення членів Комісії – учених-славістів з країн Європи та Азії – в ближчих і глибших контактах з українськими колегами.

Комісію зі слов'янського словотворення справедливо визнано однією з найактивніших і найавторитетніших комісій, які постійно працюють під егідою Міжнародного комітету славістів. Її щорічні засідання, які відбуваються в різних наукових осередках Європи, безперечно, сприяють зміцненню наукових і людських контактів дериватологів різних країн, наукових шкіл і напрямів. Непересічне значення для розвитку теорії та практики сучасної слов'янської дериватології мають видання Комісії, передусім томи доповідей, оприлюднених на Міжнародних наукових конференціях, які вона організує в рамках своїх засідань. Тема, запропонована для цьогорічного київського засідання Комісії, – «Відображення історії та культури народу в словотворенні», – відкриває перспективу для обговорення проблем слов'янської дериватології в широкому контексті загальних проблем і завдань сучасної слов'янської гуманітаристики. Те, що учасники засідання розглядатимуть їх на матеріалі всіх слов'янських мов у зіставленні з іншими, сучасними й давніми, мовами Європи, без сумніву, дасть змогу краще й повніше осмислити закономірності, тенденції та національну самобутність словотворення як провідного способу слов'янської номінації, його роль у розвитку сучасних слов'янських мов.

Щиро вітаючи вельмишановних колег-науковців, я зичу їм успішного виконання напруженої програми засідання Комісії, цікавих і плідних дискусій, розширення контактів з українськими вченими, адже наука може рухатися вперед тільки завдяки єдності наукової спільноти, спільним пошукам *Істини*. Певен, що нинішнє засідання Комісії стане яскравим доказом цього. Українська сторона докладе всіх зусиль для того, щоб перебування в Україні залишило у членів Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славістів гарні спогади не лише про спільну працю з українськими вченими-дериватологами, взаємно корисний обмін думками, а й приємні враження від ближчого знайомства з багатою і самобутньою культурою України, її щирим і гостинним народом.

Зичу всім колегам – учасникам київського засідання успіхів і процвітання на многая і благая літа!

Голова Українського комітету славістів,
генеральний директор Національної
бібліотеки України
імені В.І. Вернадського,
академік НАН України

О.С. Онищенко

ВІД РЕДАКТОРІВ

Тема «Відображення історії та культури народу в словотворенні», запропонована для чергового, XII, засідання Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славістів у Києві 25-28 травня 2010 року, обрана не випадково. Тенденції розвитку слов'янських мов у стрімко глобалізованій і інтегрованій Європі, спільне і національно самобутнє в словотвірній номінації як провідному способі оновлення їх лексиконів, взаємовідношення соціо- і лінгводиноміки дедалі більше привертають увагу не лише дериватологів, фахівців з інших лінгвістичних дисциплін, а й широкого кола гуманітаріїв, представників суспільних, природничих і точних наук, усіх, хто зайнятий нині проблемами мовної комунікації та опрацюванням мовної інформації. Заявлена тема київського засідання Комісії відкриває також заманливу перспективу обговорити широке коло конкретних теоретичних питань і практичних завдань сучасної слов'янської дериватології на матеріалі різних слов'янських мов, в контексті різних наукових концепцій і дослідницьких підходів, у розмаїтому міждисциплінарному науковому просторі.

Традиційно в засіданні Комісії беруть участь не лише її члени, а й дериватологи країни, яка виступає організатором проведення чергового засідання Комісії і – в його рамках – Міжнародної наукової конференції. У київському засіданні зголосився взяти участь 31 член Комісії з 12 країн Європи: Австрії, Білорусі, Болгарії, Македонії, Німеччини, Польщі, Росії, Сербії, Словенії, України, Хорватії та Чехії. Виступити з науковими доповідями на засіданні Комісії було запрошено 9 українських учених – провідних фахівців у галузі теорії та практики слов'янської деривації. Крім представників академічної науки, співробітників Інституту української мови НАН України, це – професори університетів Києва, Івано-Франківська, Донецька, Запоріжжя, Дрогобича.

Зібрані в цьому томі доповіді презентують опрацювання загальної проблеми взаємовідношення мови, передусім її словотвірної системи, з культурою та історією народу в різних аспектах і часових зрізах на матеріалі різних слов'янських мов: білоруської, болгарської, бошняцької, македонської, польської, російської, сербської, словенської, української, хорватської та чеської. У центрі уваги доповідачів – проблеми національномовної концептуалізації та категоризації світу, впливу суспільних зрушень на розвиток мови, втілення у мові національного менталітету, перебігу мовних контактів і їхніх наслідків, зокрема характеру структурного та семантичного адаптування різних типів запозичень. Аналіз мовного матеріалу автори доповідей здійснюють у межах однієї чи кількох мов, у зіставно-типологічному, контрастивному або порівняльно-історичному аспектах, застосовуючи для пояснення мовних явищ різні лінгвістичні концепції, гіпотези та дослідницькі процедури.

Народна мудрість твердить: що більше мов знає людина, то більше світів їй відкрито. Особливого значення ця думка набуває для дослідників-мовознавців.

Зіставлення матеріалу рідної мови з іншомовним, можливість побачити певну проблему в широкому спектрі її трактувань та інтерпретацій, обговорити свої спостереження й висновки з колегами, які зайняті близькими або й тими ж проблемами, надихають на дальші і глибші пошуки на ширшому дослідницькому полі, в багатомірній перспективі. Саме в цьому, на наше глибоке переконання, можуть пересвідчитися зацікавлені читачі цього тому – науковці, викладачі вишів, учителі, студенти, всі, хто любить слово і словотворення, всі, хто не байдужий до майбуття мов і культур слов'янських народів, до збереження їх національної самобутності.

*Ніна Ф. Клименко
Євгенія А. Карпіловська*

12 травня 2010 р., Київ, Україна

**ДОПОВІДІ ЧЛЕНІВ КОМІСІЇ ЗІ
СЛОВ'ЯНСЬКОГО СЛОВОТВОРЕННЯ
ПРИ МІЖНАРОДНОМУ
КОМІТЕТІ СЛАВІСТІВ**

Цветанка Аврамова
(Софийски университет
„Св. Климент Охридски”, България)

НОВИ ДУМИ, ПРОИЗВОДНИ ОТ НАЗВАНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИ ПАРТИИ В ПЕРИОДА НА БЪЛГАРСКИЯ „ПРЕХОД” ОТ КРАЯ НА ХХ – НАЧАЛОТО НА ХХІ ВЕК

Аксиоматична истина е, че радикалните промени в обществено-политическия, икономически и социален живот на дадена държава оказват съществено влияние върху нейната култура и език. В най-новата история на редица централно- и източноевропейски страни, включително България, това е периодът, започнал в края на 1989 г. със свалянето на комунистическия режим и преориентацията към капитализъм и пазарна икономика.

Един от бележите на новата обществено-политическа действителност е възникването на многопартийна система. На словообразователно и лексикално равнище това води до създаване на редица нови названия на политически партии, на техните членове и симпатизанти, и др. Названията на онези партии и движения, които оказват реално влияние върху развитието на държавата¹, могат да бъдат причислени към т. нар. „ключови думи на епохата”. Под ключови думи² се разбират думи, назоваващи явления и понятия, които се намират във фокуса на общественото внимание [Земская 1996: 92].

В този доклад ще съсредоточим вниманието си върху названията на политически партии и движения, характеризиращи се с „голям словообразователен потенциал” [Земская 1996: 92], т.е. такива, от които се създават нови думи. Ще бъдат разгледани както преките деривати, така и останалите производни от словообразователното гнездо (по-нататък СГ), чийто връх е съответното название на партия. За да бъде представена динамиката при образуването на производни думи в разглежданата област, в изследването се включват както узуални новообразования, така и оказионални формации. Като оказионални разглеждаме онези единици, които са засвидетелствани в по-малко от три различни източника. Названията са ексцерпирани от речниците на неологизмите [РНДЗБЕ 2001; РНДБЕ 2009] и от интернет. Процесите в изследваната област са изключително динамични: СГ постоянно се попълват с нови производни, някои от които бързо придобиват гражданственост и стават част от узуалната лексика, а други остават на равнище оказионализми.

Обект на анализ са следните названия на партии като върхове на СГ: *БСП* [бесене] (Българска социалистическа партия); *СДС* [седесе] (Съюз на Демократичните сили); *ДПС* [депесе] (Движение за права и свободи); *ДСБ* [десебе] (Де-

¹ В България през периода на прехода са регистрирани над 300 партии и движения.

² Понятието ключови думи включва не само думи, но и словосъчетания, следователно по-точният термин за неговото означаване би бил ключови названия или ключови номинации. Терминът ключови думи обаче е придобил широка популярност и затова ще бъде използван и в настоящото изследване.

мократи за силна България); *Атака*; *ГЕРБ* (Граждани за европейско развитие на България). Както се вижда, почти всички названия са абривиатури. Извън нашето полезрение остават онези названия на партии, които не притежават голям словообразователен потенциал³.

С цел пестене на място СГ няма да бъдат представени йерархично; мотивационните отношения в рамките на гнездата ще бъдат обяснени в хода на анализа. Разглежданите названия изграждат следните СГ:

БСП: *бесепар, бесепарка, бесепарски* прил., *бесепарски* нрч.⁴, *бесепарство* оказ., *бесепарица* оказ., *антибесепар, антибесепарски* прил., *антибесепарски* нрч., *бесепист, бесепистка, бесепистки* прил., *бесепеец, бесепейка, бесепейски* прил., *пробесепарски* прил., *пробесепарски* нрч. оказ.;

ДС: *седесар, седесарка, седесарски* прил., *седесарски* нрч., *седесист, седесистки* прил. оказ., *антиседесар, антиседесарка* оказ., *антиседесарски* прил., *антиседесарски* нрч., *седесарство, антиседесарство* оказ., *проседесар* оказ., *проседесарски* прил., *проседесарски* нрч., *седесарица, седесария*;

ДПС: *депесар, депесарка, депесарски* прил., *депесарски* нрч. оказ., *депесарщина* оказ., *продепесар* оказ., *продепесарски* прил., *продепесарски* нрч. оказ., *антидепесар, антидепесарски* прил., *антидепесарски* нрч. оказ.;

ДСБ: *десебар, десебарка, десебарски* прил., *десебарство, десебарщина* оказ., *антидесебар, антидесебарство* оказ.;

Атака: *атакаджия, атакаджийка, атакаджийски* прил., *атакаджийски* нрч., *антиатакаджийски* оказ., *атакист, атакистка, атакистки* прил., *атакистки* нрч., *антиатакист, антиатакистки* прил., *проатакист* оказ., *проатакистки* прил. оказ., *проатакистки* нрч. оказ. *атакизация, атакизирам се, атакизиране, атакизъм, атакаджийство*;

ГЕРБ: *гербер, герберка, герберски* прил., *герберски* нрч. оказ., *герберство* оказ., *герберщина* оказ., *антигербер* оказ., *антигерберски* прил. оказ., *противогербер* оказ., *прогербер* оказ., *прогерберски* прил., *прогерберски* нрч. оказ., *гербаджия, гербаджийка, гербаджийски* прил., *гербаджийски* нрч., *прогербаджийски* прил. оказ., *гербист, гербистка* оказ., *гербистки* прил., *антигербистки* прил. оказ., *прогербистки* прил. оказ., *гербовак, гербовачка* оказ., *антигербовак* оказ., *гербовацина* оказ., *гербизация* оказ., *гербизирам се* оказ., *гербизъм* оказ., *герберизъм* оказ.

Някои СГ са доста богати, което до известна степен се дължи на включените в тях оказионализми. Почти всички деривати са разговорни и „рядко звучат

³ Такава е например абривиатурата НДСВ [ендесе] (Национално движение „Симеон Втори”, по-късно след оттеглянето на неговия лидер Симеон Сакскобургготски преименувано на „Национално движение за стабилност и възход”), която притежава доста бедно СГ, срв: *ендесеец, ендесейка, ендесейски* прил. За назоваване на движението и неговите привърженици се предпочитат названия като: *жълти* (по цвета, символизиращ движението), *царисти, царски депутати* и др. Последните са мотивирани от титлата цар, отнасяща се за бившия български монарх и настоящ лидер на движението, и от прозвището Царя, с което той бива наричан.

⁴ Бележките прил. (= прилагателно) и нрч. (= наречие) посочват частеречната принадлежност на съответните омонимни лексеми.

неутрално. Те получават положителна или отрицателна окраска в зависимост от политическата ориентация на субекта на речта” [Земская 1996: 99].

1. От всички названия на партии се образуват съществителни, назоваващи лица, принадлежащи (формално и/или идейно) към съответната партия (*nomina pertinentia*): *бесепар*, *бесепист*, *бесепеец* ’този, който е привърженик на БСП и/или членува в БСП’; *седесар*, *седесист* ’този, който е привърженик на СДС и/или членува в СДС’; по същия начин: *депесар* (от ДПС); *десебар* (от ДСБ); *атакаджия*, *атакист* (от Атака), *гербер*, *гербаджия*, *гербист*, *гербовак* пейор. (от ГЕРБ).

Съществителното *гербер* ’този, който членува и/или е привърженик на партия ГЕРБ’, се асоциира с названието на цветето *гербер*, превърнало се в символ на партията. Тази асоциация създава конотация на шеговитост и ирония.

Много често при образуването на *nomina pertinentia* от названия на партии се конкурират няколко суфикса, в резултат на което възникват словообразователни варианти, срв.: *бесепар*, *бесепеец*, *бесепист*; *седесар*, *седесист*; *атакаджия*, *атакист*; *гербер*, *гербаджия*, *гербист*, дори *гербовак* пейор. Конкуренцията често завършва в полза на едно от имената. Така е при *бесепар* и *седесар*, които отдавна са изместили вариантите *бесепеец*, *бесепист*, *седесист*. Времето ще покаже кои от останалите названия ще се задържат в активна употреба и кои ще отпаднат.

2. Друга сравнително голяма група съставят названията на лица от типа: *антибесепар*, *антиседесар*, *антидепесар*, *антидесебар*, *антиатакист*, *антигербер* оказ. (и *противогербер* оказ.), *антигербовак* оказ. Тези съществителни се свързват мотивационно както с *nomina pertinentia*, така и със съответното название на партия, срв.: *антибесепар* ’този, който е противник на / против бесепар(ите)’ и ’този, който е против БСП’. Струва ни се обаче, че мотивацията от названията на лица е вторична, а по-силна, първична е мотивацията от названията на партии. Това ни дава основания да разглеждаме тези съществителни като префиксално-суфиксални.

3. Към префиксално-суфиксалните (а не към префиксалните) формации отнасяме също така новите оказиионални съществителни със значение ’този, който подкрепя това, което е назовано с мотивиращата основа’: *проседесар* оказ. ’този, който подкрепя СДС’ (вторично мотивирано от *седесар*); по същия начин: *продепесар* оказ., *проатакист* оказ., *прогербер* оказ.

Както се вижда от примерите, дериватите, съдържащи префикс **анти-** като част от словообразователния формант, са повече в сравнение с дериватите, съдържащи антонимния префикс **про-**. В периода на смяна на една политическа система с друга в българското общество противопоставянето и отрицанието както на стария режим, така и на новите политически субекти, е по-силно от подкрепата на онова, което тези субекти предлагат.

4. От почти всички *nomina pertinentia*, назоваващи лица от мъжки пол, се образуват съответните *nomina feminativa*: *бесепарка* (название, изтласкало вариантите *бесепистка*, *бесепейка*), *седесарка* (но **седесистка*), *атакаджийка*, *атакистка*, *герберка*, *гербаджийка*, *гербистка* оказ., дори *гербовачка* оказ. пейор.

4. По-малко са дериватите, образувани със суфикс **-ств(о)**, означаващи дейност, характерна за лицето, назовано с мотивиращото име: *седесарство* ’дейност на седесар’, също: *бесепарство* оказ., *десебарство*, *атакаджийство*, *герберство*.

5. Оказионално се създават и нови префиксални деривати от типа *антиседесарство* оказ., *антидесебарство* оказ. със значение 'дейност, противоположна на дейността, назована с мотивиращата основа' и 'дейност, насочена против дейността, назована с мотивиращата основа'.

6. От названията на партии се създават също така процесуални съществителни на **-аций(а)**, **-изаций(а)**: *седесация*, *атакизация*, *гербизация* оказ.

От синхронна гледна точка съществителните от този тип както в българската, така и в славянската дериватология, обикновено се разглеждат като deverбални и се причисляват към транспозиционните деривати. По този начин могат да се разглеждат само съществителните *атакизация* и *гербизация*, които се съотнасят с глаголите *атакизирам (се)*, *гербизирам (се)* оказ. Глагол **седесирам* обаче до този момент не е регистриран. Един по-широк поглед към всички субстантивни неологизми с процесуална семантика и съотношението *съществително на -аций(а)*, *-изаций(а)* ~ глагол на *-ира-*, *-изира-*, показва, че не винаги към съществителните има регистриран глагол (вж. по-подробно [Аврамова 2003: 90]). Част от новите депроприални съществителни на **-аций(а)**, **-изаций(а)**, образувани от имена на политици, също не се съотнасят с „произвеждащи“ глаголи, срв. напр. *сидеровизация* (от *Волен Сидеров*), *станишевизация* (от *Сергей Станишев*), *живковизация* (от *Тодор Живков*), но **сидеровизира*, **станишевизира*, **живковизира*.

Това ни дава основание да смятаме, че новите съществителни на **-аций(а)**, **-изаций(а)** се създават директно от названията на партии. Тяхното словообразователно значение може да се представи с парафразата 'действие / дейност в духа на това, което е означено с мотивиращата основа', напр. *атакизация* 'дейност (политика) в духа на дейността (политиката), провеждана от (партия) Атака'.

На образуването на съществителни с процесуална семантика директно от имена, а не от глаголи в славянските езици, обръщат внимание и други автори, напр. [Martincová 1983: 78; 2005; Земская 1996: 109].

7. На този етап от глаголите на *-ира-*, *-изира-* рядко се създават *nomina actionis* със суфикс **-не**. До момента е регистрирано само едно съществително (*атакизиране*).

8. Директно от названията на партии се образуват и *мутационни* съществителни с формант **-изъм** със значение 'дейност (политика), провеждана от това, което е назовано с мотивиращата основа', срв.: *атакизъм* 'политика, провеждана от Атака', *гербизъм* оказ. 'политика, провеждана от ГЕРБ'. Интересен от словообразователна гледна точка е оказионалният вариант *герберизъм*. В узуалното българско словообразуване досега не са регистрирани деривати, образувани с разширен суфикс **-еризъм**, следователно за произвеждаща основа би трябвало да се приеме не названието на партия, а на лицето, което е неин поддръжник: *гербер-изъм*. Но тъй като става дума за оказионален дериват, не може да бъде изключена и първата възможност. Вторично съществителните на **-изъм** се мотивират от *nomina pertinentia* на **-ист** (*атакист*, *гербист*). И по това оказионалното съществително *герберизъм* се отличава от останалите производни на **-изъм**, тъй като то изобщо не се съотнася със съществително на **-ист** (**герберист*).

9. Значителен е броят на новите субстантивни деривати със суфикс **-щин(а)**, означаващи '(отрицателно) качество, характерни черти, присъщи на лицето, назовано с мотивиращото съществително име' [Радева 1991: 147–148]. Поради това

че качеството обикновено се проявява в определено поведение, производните съществителни изразяват и значението 'проява, поведение на лицето, назовано с мотивиращата основа' [Аврамова 2003: 122]. Съществителните имена, оформени със суфикс **-щин(а)**, изразяват неодобрително отношение към лицето, характеризирани като носител на качеството или поведението [Радева 1991: 148]. За разлика от някои изследователи, които разглеждат дериватите със суфикс **-щин(а)** за транспозиционни образувания от категорията *nomina essendi* [Радева 1991: 147–149], ние смятаме, че те са мутационни образувания (вж. също [Аврамова 2003: 122]). Примери: *бесепарицина* оказ., *седесарицина*, *депесарицина* оказ., *десебарщина* оказ., *гербоващина* оказ., *герберщина* оказ.

10. На второ място по количество след субстантивните са адективните деривати. Всички нови прилагателни са относителни: *бесепарски*, *бесепистки*, *бесепейски*; *седесарски*, *седесистки* оказ.; *депесарски*; *десебарски*; *атакаджииски*, *атакистки*; *герберски*, *гербаджийски*, *гербистки*. Разглеждани извън контекст, те се съотнасят мотивационно както с *nomina pertinentia*, така и с названията на партии, срв. *депесарски* 'такъв, който се отнася до депесар' и 'такъв, който се отнася до ДПС'. Минималният (в рамките на словосъчетанието със съществителното име) или по-широкият контекст на употреба на прилагателните обаче показва, че в повечето случаи едната от двете мотивации изпъква, доминира и може да се приеме за непосредствена. За непосредствено мотивиращо смятаме названието на партия например в следните словосъчетания: *депесарски мандат* = *мандат на ДПС*, *депесарска група* = *група на (от) ДПС*, *депесарска листа* = *листа на ДПС*, *депесарски съветници* = *съветници от ДПС*, *депесарски сателити* = *сателити на ДПС*, *депесарска фирма* = *фирма, свързана с / на ДПС*, *седесарски кмет* = *кмет от СДС*, *седесарски произход* = *произход от (редиците на) СДС*, *бесепарски течения* = *течения в БСП*, *бесепарски лидер* = *лидер на БСП*, *гербаджийски режим* = *режим на ГЕРБ*, *гербаджийски активисти* = *активисти на ГЕРБ*, *гербаджийски градове* = *градове, в които е спечелила партия ГЕРБ*, и др. Смятаме, че в тези случаи мотивацията от названията на лица е вторична, напр. *гербаджийски активисти* = *активисти гербаджи*, *депесарска фирма* = *фирма на (свързана с) депесар/и* и т. н.

По-рядко непосредствено мотивиращо е названието на лице, срв.: *герберски разговор* = *разговор между гербери*, *герберски куфарчета* = *куфарчета на гербери*, *седесарски глави* = *глави на седесари*. Има обаче и случаи, в които минималният контекст не е достатъчен, за да се определи коя мотивация е по-силна, напр. *депесарски лъжи* = *лъжи на ДПС*, но и *лъжи на депесар/и*; *герберски коментари* = *коментари на ГЕРБ* и *коментари на гербер/и*; *седесарски морал* = *морал на седесар/и* и *морал на СДС*. В такива случаи е необходим по-широк контекст, но понякога той също не е достатъчен – например в изречението *Янко Станев осигури 3000 седесарски гласа за ДПС* (Инт.) *седесарски* може да се разглежда като непосредствено мотивирано от *седесар* (*седесарски гласове* = *гласове на седесари*), но също така и като непосредствено мотивирано от *СДС* (= *гласове от СДС*).

От това коя мотивация ще се приеме за непосредствена, зависи каква ще бъде словообразователната структура на прилагателните: при непосредствена мотивация от название на партия формантът е изграден от сложния суфикс **-арск(и)**,

-истк(и), -ейск(и), -ерск(и), -аджийск(и); при мотивация от названията на лица формантът се състои от простия суфикс **-ск(и)**.

От семантична гледна точка относителните прилагателни изразяват различни значения: най-обща връзка с / отношение към това, което е названо с мотивиращата основа; значение на принадлежност към това, което е названо с мотивиращата основа, значение на прилика / подобие с това, което е названо с мотивиращата основа, и др. (по този въпрос за чешки вж. [Světlá 2005]), които ще бъдат предмет на отделно изследване.

11. От названията на партии се създават и нови прилагателни със значение 'такъв, който е насочен срещу това, което е названо с мотивиращата основа', срв. *антибесепарски* 'такъв, който е насочен срещу БСП' (*антибесепарски нагласи*); по същия начин: *антиседесарски* (лозунги), *антидепесарски* (настроения), *антиатакаджийски* (писания) оказ., *антиатакистки* (сайт), *антигерберски* (настоения) оказ., *антигербистки* (вестник) оказ., и 'такъв, който подкрепя това, което е названо с мотивиращата основа': *пробесепарски* 'такъв, който подкрепя БСП' (*пробесепарски уклон*), *проседесарски* (седмичник), *продепесарски* (лозунги), *проатакистки* (медии) оказ., *прогерберски* (публикации), *прогербистки* (хвалебствия) оказ., *прогербаджийски* (анализ) оказ.

Минималният контекст на употреба ни дава основания да смятаме, че разглежданите прилагателни са мотивирани директно от названията на партии с помощта на препозитивните морфемии **анти-**, респ. **про-** и суфиксите: **-арск(и), -истк(и), -ск(и), -ерск(и), -аджийск(и)**. По същия начин разглежда прилагателното *проседесарски* [Георгиева 2007: 145].

12. Ще посочим и няколко примера за нови адвербиални деривати: (типично по) *бесепарски*, *седесарски* (*Преврат по седесарски готвят на Мозер*); (беззаконие по) *депесарски*, (плурализъм по) *атакаджийски*, (това е по) *герберски*, *гербаджийски* (*да си говорим по кметски, а не по гербаджийски* (всички изброени наречия са okazjiонални); *атакистки* (настроен), (*държи се*) *атакистки*.

Въпросът за мотивацията, респективно за начина, по който се образуват тези наречия, е спорен и изисква специално внимание, което за съжаление не може да им бъде отделено в рамките на доклада. Едно по-задълбочено изследване би показало дали тези наречия се създават чрез транспозиция (от съответните прилагателни) или формалното им съотнасяне с относително прилагателно не е достатъчно, за да се приеме транспозиция, а трябва да се допусне мутация – мнение, което в чешката дериватология изразява О. Мартинцова [Martincová 1983: 81], вж. също [Martincová 2005]), срв. *говоря по гербаджийски* – 'говоря като гербаджия / както говори гербаджия (както говорят гербаджии)', *държи се атакистки* – 'държи се като атакист / държи се така, както се държат атакисти(те)'.

13. Спорен е също така и статутът на новите наречия: *антибесепарски*, *антиседесарски*, *антидепесарски* оказ.; *пробесепарски* оказ., *проседесарски*, *продепесарски* оказ., *прогерберски* оказ. – на модификационни деривати, образувани чрез префиксация от наречията *бесепарски*, *седесарски* и т.н., или на транспозиционни деривати, производни от прилагателните имена *антибесепарски*, *антиседесарски* и т.н.

14. В изследваните СГ са регистрирани само два нови глагола. Те са образувани от названията на партии със суфикс **-пра-** и означават 'придобива характера на това, което е названо с мотивиращата основа', срв: *ГЕРБ се атакизира*; *Атака се гербизира* (оказ.).

В заключение ще изтъкнем, че изследването на словообразователната продуктивност на ключовите думи, назоваващи определена политическа партия, дава възможност да бъдат показани онези явления, които са значими за обществото през определения период. Коя част от новата производна лексика ще остане в езика, зависи от това колко дълъг живот ще имат съответните явления. Но независимо от това доколко преходни ще се окажат явленията и лексемите, които ги назовават, те ще останат част от историята на българския език и общество през периода на т. нар. преход.

Литература

1. Аврамова, Цв. 2003: Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на ХХ век. Heron Press, София.
2. Георгиева, Цв. 2007: Иновационни процеси при именната префиксация в българския книжовен език от края на ХХ и началото на ХХІ век. Автореферат на дисертация за присъждане на образователната и научна степен "доктор". София.
3. Земская, Е. А. 1996: Активные процессы современного словопроизводства. В: Русский язык конца ХХ столетия (1985 – 1995). Москва, 90–141.
4. Радева, В. 1991: Словообразуването в българския книжовен език. София, Унив. изд. «Св. Климент Охридски».
5. РНДЗБЕ 2001: Речник на новите думи и значения в българския език. Е. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. София, Наука и изкуство.
6. РНДБЕ 2009: Речник на новите думи в българския език (от края на ХХ в. и първото десетилетие на ХХІ в.). Е. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. София. (Под печат).
7. Martinová, O. 1983: Problematika neologismů v současné spisovné češtině. Praha.
8. Martinová, O. 2005: Nová příslovečná pojmenování. В: Neologizmy v dnešní češtině. (Kol. autorů pod vedením O. Martinové). Praha, 134–146.
9. Světlá, J. 2005: Nová adjektivní pojmenování. В: Neologizmy v dnešní češtině. (Kol. autorů pod vedením O. Martinové). Praha, 99–118.

Цветанка Аврамова

**НОВИ СЛОВА, ПОХІДНІ ВІД НАЗВ ПОЛІТИЧНИХ
ПАРТІЙ В ПЕРІОД БОЛГАРСЬКОГО «ПЕРЕХОДУ»
КІНЦЯ ХХ – ПОЧАТКУ ХХІ СТОЛІТТЯ**

У доповіді досліджено словотвірні гнізда деяких ключових слів політичної сфери – назв політичних партій і рухів останніх 20 років (т. зв. період переходу від соціалізму до капіталізму, від планової до ринкової економіки, від тоталітаризму до демократії). Об'єктом аналізу є не лише узуальні деривати (неологізми), а й нові оказіональні назви, що дає можливість повнішого представлення динаміки у формуванні похідних слів цієї галузі. Указано словотвірні категорії, типи і моделі, які поповнюються новими дериватами від розглянутих словотвірних гнізд.

Лидија Аризанковска
(Универзитет „Св. Кирил и Методиј“,
Филолошки факултет „Блаже Конески“, Скопје, Македонија)

СОВРЕМЕНИОТ МАКЕДОНСКИ ЈАЗИК МЕЃУ ТРАДИЦИЈАТА И СОВРЕМЕНИТЕ ЗБОРООБРАЗУВАЧКИ ТЕНДЕНЦИИ (СО ОСВРТ НА СУФИКСНИТЕ ИМЕНСКИ ОБРАЗУВАЊА)

0. Прилогот има за цел да ги претстави зборообразувачките тенденции меѓу традицијата и современите зборообразувачки текови во македонски јазик, и тоа преку суфиксните именски образувања настанати пред се како резултат на современите јазични тенденции¹, сепак, прагматички мотивирани, односно се резултат на употребата на јазикот во прагматички цели, а тоа значи се резултат на одредена потреба на јазичната средина која се јавува како корисник на јазикот и која користејќи ги постоечките јазични можности оди кон збогатување на речничкиот фонд на самиот јазик. Разгледувани по одделните функционални стилови овие тенденции доведуваат до дадени резултати во поглед на фреквенцијата на употребата на одделните суфикси за именските образувања.

0.1. Истражувањата од историјата на македонскиот писмен јазик (в. Конески Бл. 1986: 210-213) говорат за три фази во развојот на речникот на македонскиот јазик. Првата е преку контактот со грчкиот јазик, втората со турскиот јазик, кој достигнува свој врв, но и упадок во деветнаесетиот век и третата фаза која се однесува на современата сосотојба на македонскиот јазик, почнувајќи од деветнаесеттиот век и „се карактеризира со приклон кон словенското наследство во зборообразувањето, како и со усвојувањето на оној фонд зборови што спаѓа во интернационалната лексика. Во сите овие три фази македонскиот јазик стапувал во контакт со јазици со престиж. Тој усвојувал, а и денес усвојува, ред зборови од таквите јазици. Се разбира, тој постојано и градел, преизградувал и со свои средства во областа на лексиката“ (Конески Бл. 1986:210), а овој процес и понатаму трае, воедно поставувајќи ја, како што истакнува Блаже Конески (1986:211), на проба продуктивноста на зборообразувачките средства во нашиот народен јазик. Едни од попродуктивните форманти за изведување именски од глаголска основа се на пример **-ба**: *состојба, изградба, положба*; потоа **-ач**: *раскажувач, изведувач, претседавач*, како и **-ачка**: *побарувачка, потрошувачка*; **-ње**: *прашање, движење, разбирање* (в. Конески Бл. 1986:211-213); потоа во рамките на адаптацијата на туѓите заемки од постариот период ги изделуваме оние од турско потекло кои од денешен агол и даваат посебна стилска нота на бојата на јазикот и се врзуваат, главно, за разговорниот стил или публицистичкиот, мислејќи особено на јазикот на печатот, но со една подруга конотација, поттикнати од факторот прагматика (на пример: *филмација, театарација, љубовџија, големџија, есапџија, пазарџија*).

¹ Повикувајќи се на типовите тенденции дадени според [Гутшмит 1998] (системско-структурни, типолошки, книжевни и прагматички), а преземено од [Аврамова 2003:55].

0.2. Во прилогот ќе се насочиме кон одговорот на прашањата од типот: кои форманти се среќаваат во зборобразувачкиот систем на современиот македонски стандарден јазик за образување именки со помош на суфиксација, нивната продуктивност и фреквентност, како сето тоа се манифестира по одделните функционални стилови, особено новинарскиот, односно јазикот на печатот и разговорниот стил како најизложени на медиумско влијание, како и проблемот со туѓата лексика, односно можноста за нивно адаптирање во јазичниот систем и нивната поврзаност со одделен функционален стил. Сите овие прашања би требало да дадат една општа слика за современите зборобразувачки тенденции во современиот македонски јазик во однос на суфиксните именски образувања од денешен аспект, но и да поттикнат низа нови прашања и истражувања кои во овој прилог биле или не биле опфатени.

1. Зборобразувачки форманти во современиот македонски јазик за образување именки со помош на суфиксација разделени по семантички полиња (преземено од Конески К. 1995: 39-71)

1.1. Називи на дејства

-ње (читање, почитување); **-ние** (внимание, образование); **-ба** (градба, молба); **-еж** (бакнеж, грабеж); **-ок** (опстанок, состанок); **-ка** (обврска, обработка); **-ачка** (живеачка, женачка); **-ица/-ница** (караница, турканица); **-от** (екот, кикот); **-ија** (проклетија, расправија); **-ло/-ало/-ило** (светло, потекло); **-ство** (учество, творештво); **-ира** (резервира, рекреира).

1.2. Називи на апстрактни особини

-ост (храброст, вечност); **-ина** (големина, убавина); **-ство(-штво)** (друштво, проклетство); **-ија** (проклетија, тиранија); **-ота (-отија)** (доброта, чистота); **-ие** (величие, одличие); **-ило** (лудило, слепило); **-лак** (баксузлак, грдотилак); **-изам** (хероизам, структурализам).

1.3. Називи на вршители на дејство

-ач (купувач, минувач); **-ар** (рибар, чевлар); **-ник** (уметник, советник); **-ец** (стрелец, ловец); **-тел** (водител, обвинител); **-ција(-чија)** (дуќанција, занаетчија); **-ант** (лаборант, проектант); **-ент** (асистент, диригент); **-ер** (репортер, вулканизер); **-атор** (илустратор, организатор); **-итор** (композитор, корепетитор); **-ист** (гитарист, семинарист); **-аш** (кочијаш, армоникаш).

1.4. Називи на орудија (средства) за вршење дејства

-ло (-ало, -ило) (гребло, стругало, возило); **-ка** (лулка, затка); **-алка (-илка)** (цедалка, носилка); **-ник** (приемник, ладилник).

1.5. Називи на резултати и објекти на дејства

-ок (израсток, пронајдок); **-ка** (добивка, постројка); **-ина** (ископина, пукнатина); **-ица** (гребаница, изгореница); **-иво** (вариво, гориво); **-ло (-ало, -ило)** (плетало, летало).

1.6. Називи на носители на особина

-ец (старец, семец); **-ик (-ник)** (бедник, маченик); **-ка** (странка, лебарка); **-ак (-јак)** (вештак, дивјак); **-ко** (мрзливко, влечко); **-ло** (душкало, трчкало); **-ица (-ница)** (сиротица, пијаница).

1.7. Називи на места

-ница (-ачница, -арница) (печатница, кројачница, цвеќарница); **-ална (-алница, -илница)** (чекална, ситалница, работилница); **-иште (-алиште, -илиште)** (пасиште, игралиште, градилиште); **-ана** (топлана, електрана).

1.8. Називи на множества

-је(-ја) (*лисје, зелје, перје/перја*); **-ство (-штво)** (*селанство, човештво*); **-ија (-арија)** (*сиромаштија, железарија*); **-ина** (*младина, дружина*); **-ишта** (*купишта, краишта*).

1.9. Називи на жители

-ин (*Србин, Арапин*); **-јанин** (*Римјанин*); **-ец** (*Македонец, Данец*); **-анец** (*Американец, Кубанец*); **-јанец** (*Еѓипќанец, Етиопјанец*); **-чанец** (*биточанец, Англичанец*).

1.10. Називи на женски лица

-ка (-инка) (*Македонка, учителка, туѓинка*); **-ица** (*деверица, певица*); **-(н)ица/-(-н)ичка** (*грешница, наставничка*).

1.11. Деминутивно-хипокористични називи

-ец (*ветрец, снежец*); **-ок (-чок)** (*прсток, сончок*); **-ка** (*рипка, височинка*); **-ица (-ца)** (*душица, теткица*); **-ичка** (*водичка, ластовичка*); **-е** (*прсте, носе*); **-че** (*каменче, коковче*); **-це (-енце)** (*крилице, детенце*); **-ле (-уле)** (*козле, детуле*).

1.12. Аугментативно-пејоративни називи

-иште (*човечиште, кучиште*); **-ина** (*јуначина, бабетина*).

2. Земајќи го предвид фактот дека суфиксацијата претставува еден од најпродуктивните модели на зборообразување, особено кога се работи за образувањето именки, треба да се спомене дека вака мотивираните именки се јавуваат со голема функционалност кога се работи за означување лица, и тоа разгледувано по одделните функционални стилови. Не помала функционалност имаат и суфиксите за образување именки кои означуваат називи на дејство.

2.1. Разгледувано по одделните функционални стилови доаѓаме до резултат дека со најголема слобода се јавува уметничколитературниот стил, веќе постоечките суфиксни форманти овој стил ги користи токму во нагласувањето на бојата на јазикот, навраќањето кон традицијата и желбата за креативност (*распетие, страдание, сновидение, копнеж, прокоба, вештица, македонство, смиреност, неспокојство, радување, тагување, трепетлика, болскот, цунцуле²*).

2.2. Административниот стил, пак, главно се држи на веќе искористените зборообразувачки модели (*вршител, извршител, барател, имател, носител, раководител; решение, признание; поднесување барање, вложување молба/жалба, користење права, донесување закони* итн.) Промените во овој стил се бавни, но сепак се чувствува влијанието на живиот јазик кој е секогаш во насока на поедноставување и приближување кон народот (*овластувач* наместо *овластител*; *купувач* наместо *купец*; *работодавач* наместо *работодавец*, *произведувач* наместо *производител* и др.), кој во случајов е негов корисник, за разлика од научниот стил кој, пак, има ограничен број на корисници и главно се врзува за дадена терминологизација (*именител, делител, множител, содржател; сторител, прекршител, иследник; деклинација, конјугација, флексија*, итн.).

2.3. Кај научниот стил, пак, особено е видливо туѓото влијание во науки кои се подложни на брз технолошки развој, како што е тоа, да речеме, во полето на инфор-

² Примерите се преземени од поетската збирка Лапидариум (Миркуловска Бистрица, Скопје, 2009) како дел од едисијата современа македонска поезија.

матиката. Во ваквото подрачје јазикот го дава сиот свој потенцијал, но неговите корисници во интерес на времето и поттикнати од трендовските тенденции се одлучуваат за директно преземање на истите (*маус, хардвер, софтвер, фолдер* и сл.) или адаптирање на системот на јазикот-корисник, во случајов македонскиот јазик (*атачирање, сејфување, аднување, логирање, џојнување, принтање, скенирање, чекнување, маркирање, хакнување* и сл.). И кај овој стил најчест суфикс е суфиксот **-ње**, при што доаѓа до израз можноста на овој тип изведени именки за употреба со глаголско значење, односно како надоместување на реченична предикација, што е, пак, поттикнато од намерата да се постигне експресивност, економичност и згуснатост на изразот, а е главно одлика на разговорниот јазик. (Чашуле 1986).

3. Заедничко за сите стилови е користењето на веќе постоечкиот потенцијал на македонскиот јазик или неговата јазична можност со тенденција создавање прагматички восприемливи творби, не заборавајќи ја притоа тенденцијата кон враќање на старите постоечки модели, понекогаш и стари основи, особено во уметничколитературниот функционален стил (*незнајник, гнилеж, доблест, патило, живејачка, недојдија, неспокојство, вештица* и гореспоменатите примери (в.2.1) или административниот стил, каде што ваквите форми се со цел терминологизација и избегнување на истозначност или блискозначност (*подносител, тужител, поднесок, полномоштво, решение, известие, уверение, барател, извршител, наемател* итн.).

3.1. Во публицистиката, поточно во новинарскиот стил или јазикот на печатот, односно јазикот на медиумите, кој е во релација со современиот начин на живот, во кој е важно брзото и ефектно пренесување на информацијата, и кој е со тенденција за доближување кон разговорниот стил, е особено присутен моделот на суфиксација, главно со цел номинализација на фразите, па токму затоа како еден од најфреквентните форманти се јавува суфиксот **-ње** за именување називи на дејства (*дејствување, олеснување, вложување, продлабочување, зајакнување; иницирање, аплицирање*), нешто помалку фреквентен е суфиксот **-ија** (*либерализација, дигитализација, легитимизација, имплементација*), кој се врзува главно за туѓ корен, но во последно време е се почеста и тенденцијата за негова замена со **-ње** (*рекреација ~ рекреирање, стабилизација ~ стабизирање*, освен кога се работи за семантичко диференцирање: *апликација ~ аплицирање*); **-ост** за означување називи на апстрактни особини (*можност, посветеност, развиеност, припадност, пожртвуваност; транспарентност, комплексност, мобилност*), а за именување на вршители на дејства секако на прво место во поглед на неговата фреквентност е суфиксот **-ач** (*избирач, гласач, претставувач, гледач, олеснувач*) кој воедно ја презел и функционалноста на суфиксите **-тел** (*издател ~ издавач, снабдител ~ снабдувач*), **-(н)ик** (*застапник ~ застапувач*) и **-ец** (*купец ~ купувач*), (в. Аризанковска 2001:). Со особена фреквентност се среќава и суфиксот **-ар** (*политичар, статистичар, ситничар, критичар, аналитичар*), како и **-ор** (*организатор, медијатор, информатор, конзерватор, администратор, инвеститор, модератор*) и **-ер** (*дистрибутер, репортер, режисер*), потоа **-ист** (*гитарист, социјалист, славист, курсист*) особено кога станува збор за туѓа, најчесто интернационална лексика. Интересни од тој тип се директните преземања на туѓа лексика, најчесто од англиско говорно подрачје (повторно медиумско влијание),

на кои им се додаваат фреквентни домашни форманти, односно суфикси, на пр. *мобиларница* (Даниел Силва, *Англискиот атентатор*, Скопје, 2006:126) или кај пример од еден оглас објавен во дневниот печат: *ХЕДИС ДООЕЛ има потреба од 2 мрчандисер-ки*.

Поттикнати од потребата за привлекување внимание на својата, пред се, читателска публика, многу често во игра можат да се сретнат и форми со употреба на суфикси кои се типични за разговорниот стил и главно се употребуваат како народни форми. Тенденцијата тука е повторно во насока на употребата на стари туѓи суфикси чија функционалност со стандардизацијата на јазикот била намалена, па нивната рехабилитација значи привлекување внимание или прагматички мотивирана форма (*филмација, вреваџија, театарџија, дуќанџија, писарџија, фалбација, големџија*; или *сметководџилница*).

3.2. Ќе се задржиме на неколку примери од новинарскиот функционален стил, односно јазикот на печатот во кој тенденцијата за образување именки добиени по пат на суфиксација е особено изразена и е резултат на брзиот развој и потребата за успешно пренесување информација која ќе предизвика внимание кај корисникот и ќе ја направи мислата восприемлива и економична. Токму затоа, кај овој стил, се среќаваат и домашни и туѓи форми кои се пододнакво изложени на тенденцијата за формирање нови зборови, во случајов именки, со помош на распологачкиот зборообразувачки потенцијал на македонскиот јазик.

(1) /... Независно дали станува збор за боја, мебел или комплетна декоративна шема на просторот, во 2010 година може да се очекуваат **тенденции** кои се настроени кон **интензивирање** на пријатното **расположение**. Имајќи го предвид минатиот период на криза и општа **депресија** во светски рамки, природно е човек да тежнее по атмосфера која асоцира на дом, удобност, спокој или еден вид на **прибежиште** од секојдневните проблеми. Затоа оваа година актуелни се стиловите, боите и дизајните кои го одразуваат ова чувство поаѓајќи од мултикултурен изглед, многу сончеви и тиркизни тонови, дизајни на мебел кои олицетворуваат повеќе различни епохи прилагодени на на современите тенденции и паралелна свесност за околината.../ (ТЕА, 17. јануари 2010:46)

(2) /... Со цел да се биде во дослук со модните трендови, особено во доменот на внатрешното **уредување** е навистина скап потфат... Барајте откачени дизајни од големи дизајнерски имиња во индустријата за **стилизирање** на домот.../ (ТЕА, 17. јануари 2010:47)

(3) /... И самиот процес на **создавање** музика претпоставува извесно **ослободување**, па така и самото нејзино **восприемање**, покрај тоа што е процес на **впивање** е и **ослободување** од сите други атракции, за сметка на целокупното **доживување**.../ (ТЕА, 17. јануари 2010:20)

(4) /... Немој само да ми кажеш дека **џупкањето** во место со **дигање** рака за **одобрување** на песната е **играње**.../ (ТЕА, 17. јануари 2010:21)

(5) /... Се забележуваат краеве кои ја потенцираат половината преку соодветни **струкирања** и благи балонести структури во долниот дел .../ (ТЕА, 17. јануари 2010:10)

(6) /... Заеднички интерес е **ревидирање** на историјата ... / (Утрински весник, 26. јануари 2010:3)

(7) /...изненадувачко **пребегнување** на дел од **членството**... не се квалификува како **спонтаност**.../ (Утрински весник, 26. јануари 2010:1)

(8) /...**демонстрација** на високо ниво на **толерантност**.../ (Утрински весник, 26. јануари 2010:1)

(9) /... **Косово** воведо **хомологација**.../ (Утрински весник, 26. јануари 2010:1)

(10) /... „**Арт китчен**“ е приватна независна **институција** за едукација, **создавање** и **промоција** на уметност во сите облици и нејзино **доближување** до широката публика.../ (Утрински весник, 26. јануари 2010:17)

(11) /... Место да подготвува **пеговарач** и **пеговарачки тим**, **Владата** подобро ја троши енергијата за **завршување** на реформите.../ (Утрински весник, 26. јануари 2010:1)

(12) /... мисли на илјадниците **обожаватели** во салата ... и во домовите на 25 милиони **гледачи**.../

(13) /...**Нашиот најдобар фудбалер** ги доведе до катарза **навивачите** на **Интер**.../ (Утрински весник, 26. јануари 2010:1)

(14) /... **пред околу двестотини присутни членови** и **симпатизери** го изјави.../ (Утрински весник, 26. јануари 2010:3)

(15) /... Уште од своето **формирање** културната **рубрика** на „Утрински весник“ **стартуваше со заложбата** да биде активен **чинител** во културниот живот на земјата, еден од **креаторите** на културната **политика**, а не само вообичаен **проследувач** на настаните.../ (Утрински весник, 26. јануари 2010:17)

Примерите беа презентирани со цел да се видат тенденциите во современиот македонски јазик во однос на употребата на суфиксите со цел создавање именки. Речиси и да нема конструкција во која не е присутна глаголската именка на -ње како еден од најфреквентните суфикси за образување именки кои означуваат називи на дејство, во случајов тоа прикажано врз примери од јазикот на печатот, односно новинарскиот функционален стил, стил со кој секојдневно се среќава еден граѓанин како негов корисник и под чие влијание го обликува својот јазик и истиот го пренесува на своите соговорници, трасирајќи го притоа патот на развојот на еден активен современ јазик.

3.3. Кога станува збор за разговорниот стил, особено интересни се тенденциите кај помладата популација, мислејќи на говорот на младите, односно младинци, популарно нарекувани тинејџери, кај кои особено доаѓа до израз нивната креативност или токму спојот меѓу традицијата и современите зборообразувачки тенденции. Се слушаат образувања како: *типац/типец, типци, типка, убавец, слепец; убавица, бубалица; лепотан; глупак, глупача; вицкаст, буцкаст; дролја; мување, драпање, кикснување, шекнување, одлепување, киднување, напињање, пуштање, сакувкање, килнување, депресирање; шмизла/шмизлич; дупка; бацки, бубки/бубчиња, кисче* (со значење: бакнежи); *гушки*³. Со цел да се издвои оваа популација со својот говор, најчесто мотивирана од тредновски причини, користи суфикси кои не се многу фреквентни во современиот стандарден јазик, притоа многу често додавајќи ги и на туѓи основи (како примерите на **-ец, -ич** и сл.).

² Примерите се резултат на анкета на младинци (тинејџери) на возраст од 13 до 16 години.

4. Заклучок. Од изнесеното можеме да заклучиме дека суфиксацијата се јавува како најпродуктивен начин за добивање именки, особено при означувањето на зиви на дејства, називи на апстрактни особини и називи на вршители на дејства. Притоа како најфреквентен од денешен аспект се среќава суфиксот **-ње**, и тоа кај сите функционални стилови. Кога станува збор за називи на дејство, тој е особено фреквентен во разговорниот и новинарскиот стил, но се среќава и во уметничко-литературниот, каде што се постигнува посебен стилски ефект (*човекување, изродување, богатење*, в Велева 2006:47). Суфиксот **-ние** се среќава почесто во религиозниот стил (*распение, откровение, спасение*), и тоа како старо обележје, потоа во научниот и административниот стил, каде што неговата фреквентност е поттикната главно со цел терминологизација, исто така во литературноуметничкиот стил, но во последно време примери од типот писание, дејание се среќаваат и во јазикот на печатот, со цел стилска маркираност на исказот.

Спојот меѓу традицијата и современите зборообразувачки тенденции, главно прагматички мотивиран е најизразен кај јазикот на печатот, како и кај разговорниот стил, значи медиумски, а особено кај говорот на младите, како и во уметничко-литературниот стил, каде што во намерата за создавање именки речиси подеднакво се користи сиот расположив зборообразувачки суфиксен потенцијал.

Во јазикот на печатот со особена фреквентност се среќаваат суфиксите **-ње** и **-ач** кај називи на вршители на дејства; употребата на суфиксот **-ње** е поттикната од економичноста, надоместувањето на реченичната предикација, што е, пак, поттикнато од намерата да се постигне експресивност, економичност и згуснатост на изразот, а е главно одлика на разговорниот јазик (в. погоре) и е една од современите зборообразувачки тенденции во современиот македонски јазик. Административниот и научниот стил се помалку отворени кон промени во таа насока поради семантичко диференцирање на формите, што е, пак, врзано и со процесот на терминологизација, кој не е пожелно да трпи чести промени. Како и да е, зборообразувачкиот потенцијал претставува крајно искористен систем во процесот на создавање нови зборови, а суфиксацијата е еден од начините за создавање именки со цел обогатување на лексичкиот фонд на современиот македонски јазик, но и задоволување на некои негови потреби поттикнати од неговите корисници, односно прагматички обусловени како резултат на фактот дека јазикот е жив. Во сето тоа неминовен е спојот меѓу традицијата и современите зборообразувачки тенденции.

Литература

1. Аврамова Ц., 2003. Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век, Софија.
2. Аризанковска Л., 2001. Функционално оптоварување на наследените словенски суфикси за *nomina agentis* во македонскиот и во словенечкиот јазик (со посебен осврт на суфиксот *-tel'b врз фонот на изофункционалните суфикси), Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет „Блаже Конески“, Скопје.
3. Велева С., 2006. Тенденции во зборообразувањето во македонскиот јазик, Скопје.

4. Груевска–Маџоска С., 2008. Дневник Време, рубрика Јазично катче (јуни, јули, август 2008).
5. Дучевска А./ Минова-Ѓуркова Л., 1992/93. Суфиксот –џија/-чија во македонскиот јазик денес, Годишен зборник на Филолошкиот факултет, кн.18/19, Скопје.
6. Конески Б., 1986. Историја на македонскиот јазик, Култура, Скопје.
7. Конески К., 1995. Зборообразувањето во современиот македонски јазик, Скопје.
8. Марков Б., 1980. Именки со наставката –ар во современиот македонски јазик, Годишен зборник на Филолошкиот факултет, кн. 6, Скопје.
9. Минова-Ѓуркова Л., 2003. Стилистика на македонскиот стандарден јазик, Скопје.
10. Тантуровска Л., 2009. Законодавно-правниот потстил на административниот функционален стил врз примери на македонскиот јазик, Институт за македонски јазик „Крсте Петков Мисирков“, Скопје.
11. Цветковски, Ж., 2002. Суфиксната именска деривација и стандарднојазичната норма, Македонски социолонгвистички и филолошки теми, Скопје, 251-155,
12. Чашуле И., 1986. Глаголската именка во современиот македонски јазик, (докторска дисертација), Филолошки факултет, Скопје.

Ли́дия Ариза́нковска

**СОВРЕМЕННЫЙ МАКЕДОНСКИЙ ЯЗЫК МЕЖДУ
ТРАДИЦИЕЙ И СОВРЕМЕННЫМИ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ТЕНДЕНЦИЯМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБРАЗОВАННЫХ
ПРИ ПОМОЩИ СУФФИКСОВ)**

Данная статья имеет целью представить отдельные тенденции в разных функциональных стилях современного македонского языка, находящихся между традицией и современными словообразовательными процессами. Они представлены на материале существительных, образованных суффиксальным способом. Наибольшей продуктивностью обладает разговорный стиль, его влияние чувствуется и в языке прессы, и в других средствах массовой информации, влияющих на литературный стандарт македонского языка.

Юлия Балтова

(Институт за български език при БАН, София, България)

БЪЛГАРСКОТО ВЪЗРАЖДАНЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛНИТЕ ТЕНДЕНЦИИ В КНИЖОВНИЯ ЕЗИК ОТ XIX В.

А. Тенденции и процеси в българския общественно-политически и културно-исторически развой през периода на Възраждането.

1.0. Българското национално възраждане обхваща почти целия XIX в. То протича в условия на специфична общественно-политическа, икономическа, културна и езикова ситуация, подчертавано от всички български и чуждестранни специалисти: историци, лингвисти, литературоведи, културоведи и др. Въпреки тази специфичност, Българското възраждане представлява „органична част от европейския преход към Новото време, т.е. към буржоазната цивилизация. Епохата на XVIII-XIX в. в българската история... повтаря някои общи и специфични черти на Европейския ренесанс, но заедно с това има друга историческа мотивация и най-важното – друга идейна и културна натовареност”, поради което „възприема и преработва не само ренесансови, но и многобройни класицистични, просвещенски, либерални, романтични и други идеи и постижения” [Генчев 1988: 175].

1.1. През по-голямата част от XIX в. (до 1878 г.) българската народност все още се намира под чуждо (османотурско) владичество, продължило почти цели 500 години (пет века). За българите това означава отсъствие на собствена независима държава, на държавно устройство и на държавен център (столица). Затова главната политическа цел по време на Възраждането, най-вече през втората половина на периода, е подчинена на идеята за постигане на независима държава. А това изисква консолидиране на българската народност в границите на Османотурската империя. Водеща, особено през първите десетилетия на възрожденския период, става идеята за национално самоопределяне и отстояване на славянската самобитност на българската народност и на българския език. За осъществяване на тази идея оказват влияние две мощни културни движения: движението за модерно светско образование, съотносимо с някои просвещенски идеи на западно-европейските култури и изместващо старото килийно обучение, и движението за църковна независимост, ознаменувано своята победа в началото на 1870 г., когато се узаконява българската екзархия. С този акт се отхвърля религиозната подчиненост на българите на гръцката православна църква.

1.1.1. Движението за светско образование дава начален тласък и на идеята за езиково преустройство, за изграждане на книжовен (литературен) език, който, в съответствие с изискванията на епохата, да се превърне в средство за обслужване на обществото във всички сфери на живота, в средство за осъществяване на модерна културна политика. Създаването на книжовен език означава преодоляване на трудностите в съществуващата през Възраждането специфична езикова ситуация. Официален държавен език, който се използва в администрацията и общественно-икономическите отношения в градовете, е турският език. В търговията, икономиката и културата образованите българи използват освен турски и гръцки

език, който е и езикът на богослужението. В районите със смесено население за комуникация служат турският и говоримият гръцки език. Езикът, който говорят българите, се отличава с много голяма диалектна раздробеност. Липсва общ разговорен език, въпреки наченките според някои учени на своеобразно койне, проявяващо се главно в епистоларния стил. Липсва и единно книжовно средище. Тази езикова ситуация поставя пред строителите на книжовния език трудната задача за избор на изходната му основа, за неговия характер, проблем, който трябва да се реши бързо, защото за целите на светското образование са нужни учебници и учебни пособия, написани или преведени на разбираем за всички българи език. Така изграждането на книжовен език се превръща в неделима част от културно-историческите процеси, в основно средство при търсенето и утвърждаването на националната идентичност на българите. „Język był potrzebny bułgarskiej idei narodowej: jako jedno z podstawowych kryteriów samookreślenia się Bułgarów i jako instrument szerzenia idei narodowej; jako istotny element integracji poziomej. Był srodkiem do realizacji idei państwa narodowego, – подчертава Е. Солак, – którego warunek powołania stanowiło istnienie kultury i konieczność jej ochrania” [Солак 1997: 13]. Затова може да се каже, че проблемът за избора на изходната основа на книжовния език за българските възрожденски дейци в своята същност е проблем за избор на модела на културата. Случващото се през целия възрожденски период е доказателство, че, в търсене на своята идентичност, българите отхвърлят гръцкото влияние и дефинитивно скъсват с културата на Ориента.

1.1.2. „Модерните лингвистични идеи в българската култура се налагат през 20-те и 30-те години на XIX в., преди да е съществувала художествена проза и поезия на народен език” – пише например, Н. Генчев [Генчев 1988: 211]. Това според автора показва, че в избора на изходната основа и в разбирането за характера на книжовния език безспорно влияние е имал и чуждият опит на Балканския полуостров и в Европа. Следователно, тенденциите и протичащите процеси в културния, респективно и в езиковия развой, не могат да се разглеждат като изолирани, затворени явления. Те се вписват в контекста на аналогичните тенденции в културите на другите балкански народи или на идеите на различни европейски научни школи за непрекъснатост на културния процес, част от който е и въпросът за книжовния език, за традицията и континуитета в духовното развитие на народите, във „веригата на духовната еволюция” и др. С компромисното решение за характера на книжовния език – народен с елементи от старобългарската книжовна традиция – българските книжовни дейци през Възраждането показват решителност (в сравнение с гръцките културни дейци по време на лингвистичните спорове за паралелното функциониране на народен и „учен” език) и реалистичен усет. Затова не без основание редица изследователи на епохата определят изграждането на книжовния новобългарски език като революционен акт, осъществен по еволюционен път.

1.2. Изграждането на новобългарския книжовен език е пряко свързано и с други два културно-исторически факта: с новобългарските преводи на Библията (Светото писание) и с откриването на българския език за чуждия свят, за европейската славистика. Идеята, че началото на всички европейски езици и литератури започва със Светото писание, не е чужда и за българските книжовници от Възраждането. Още през първите десетилетия на XIX в. започват опитите за превод

на Библията. Финализирането на този културен акт се осъществява през 1871 г. с превода, направен от българския поет и публицист П.Р.Славейков. Значително по-късно П. П. Славейков (син на преводача) определя от своя гледна точка значението на текста и езика на Библията за изграждането на книжовния език. „И това, което е бивало и другаде – например в Германия – става и у нас: преводът на Библията туря край на езиковата безредица, на боричкането на различни наречия за първенства и установява литературен език. След появяване Библията на бял свят – пише Славейков, – заглъхват вече разприите между различните български говори – източнобългарският става общ за всички ратници на мисълта и националното съзнание”¹. „Te słowa Sławejkowa-juniora – пише Е. Солак, – ilustrują powszechne w dobie Odrodzenia bałkańskiego przekonanie o wyjątkowej roli Biblii dla idei narodowej. W ich świetle Biblia jawi się jako jeszcze jedno z uniwersalnych symboli, zawłaszczonych na użytek idei narodowej, jeszcze jeden z istotnych elementów mitu narodowego” [Солак 1997: 14]².

През XIX в. става и откриването на българския език за чуждия свят, първоначална заслуга за което имат Вук Караджич (Сърбия), Ю. Венелин (Русия), българският одески емигрантски кръг и др. Към 40-те години на века от Одеса започва изпращането на лингвистични материали на западноевропейските слависти. Славистичната наука придобива постепенно представа за граматичния строеж, за историята и речниковия състав на българския език. Намерена е връзката с общославянската култура и са активизирани чуждестранните интереси.

Б. Структуриране на лексиката и словообразователната система на българския книжовен език в периода на Възраждането.

2.0. Множеството български и чуждестранни изследвания убедително доказват, че водещите тенденции при изграждането и структурирането на различните равнища на българския книжовен език от периода на Възраждането, както и причините, които ги мотивират, са тенденции, характерни за повечето европейски литературни езици в периодите на тяхното историческо развитие и утвърждаване. Като цяло тези тенденции се определят като книжовноезикови³. С тях се пресичат и различни структурно-системни тенденции. Централно място заемат тенденцията към интелектуализация и тенденцията към автохтонизация (колоквиализация, демократизация). Те отразяват две от основните опозиции, характерни за епохата: *книжовно – некнижовно* и *свое – чуждо*.

2.1. Тенденцията към интелектуализация фокусира в себе си идеята за континуитет в книжовната традиция, за заемане от чужди развити езикови системи. На лексикално равнище това се проявява в бързо нарастващия обем на абстрактната

¹ Цитатът на П. П. Славейков е взет от монографията на Елжбета Солак [вж. Солак 1977: 14], която го привежда въз основа на изследването на Ив. С. Марковски „История на българския синоднен превод на Библията”, отпечатано в Годишник на СУ, Богословски ф-т, 4, 1926-27, с. 19.

² Ситуацията в България, свързана с преводите на Библията, не е изключение в балкански контекст. През XVIII и XIX в. Светото писание се превежда на всички балкански езици [вж. Солак 1997: 14].

³ По въпроса за същността на понятието на тенденция и за видовете тенденции вж. Гутшмит 1998. В настоящото изследване се приема, че тенденциите очертават посоките на развитие в книжовноезиковата система, а процесите регистрират конкретните езикови промени (вж. също Георгиева 2007).

лексика, в утвърждаването на чуждоезикови единици за нуждите на развиващите се стилове и др. На словообразователно равнище най-характерно е утвърждаването на композитообразуването като словообразователен начин, нетипичен за диалектните системи. В тази тенденция се проявява опозицията *книжовно – некнижовно*.

2.2. Автохтонизацията е тенденция, която бележи целия възрожденски период от развоя на българския книжовен език. В нея фокусира идеята за отстояване на славянската самобитност на българския език и се отразява опозицията *свое – чуждо*. На лексикално равнище домашният лексикален пласт, към който възрожденските дейци отнасят не само диалектната лексика, но и традиционните книжовни единици, е противопоставен на чуждоезиковите пластове – в началото на периода на турските и гръцките единици, а към края на Възраждането и към думите от черковнославянски, руски⁴ и западноевропейските езици [вж. История 1989]. На словообразователно равнище автохтонизацията се проявява при синонимията на формантите или при изместването на чуждоезикови словообразователни средства с домашни, характерни за диалектните системи. Особено силно автохтонизацията се проявява по времето на пуризма, когато масово единици, дори и от международната културна лексика, се заместват с домашни, обикновено композитни лексеми (срв. *битоописател* вм. *историк*; *каменорезец* вм. *скулптор*; *книгопазител* вм. *библиотекар* и др.). Автохтонизацията се проявява и в опитите на отделни книжовници да наложат на словообразователната система като норма домашния модел за образуване на композита от типа *скубисвекърва*, *лапнишаран*. Такъв опит прави например един от най-големите пуристи за тогавашния период – Ив. Богоров, който създава неологизмите *носилистак* вм. *портфейл* (калка на фр. *portfeuille*), *миниброд* вм. *митница* и др. Пуризмът в историята на българския книжовен език е умерен и крайностите в позициите на отделни автори не оказват влияние върху развойните процеси, нормирането и кодифицирането на отделни явления и факти. Трябва да се има предвид (и това се отнася не само за отминали епохи, но и за нашето съвремие), че „стремежът за очистване на българския език от прекомерни чужди напластявания става тогава, когато книжовноезиковата практика вече е получила широко развитие и сама налага стабилизиращи тенденции” [История 1989: 326]. Пуристичната дейност през Възраждането има и своето положително влияние в областта на словообразуването – активизира се словотворческата дейност, засилва се ролята на определени словообразователни средства, начини, типове и модели, които стават част от нормата на езиковата система.

2.3. Изграждането на словообразователната система на българския книжовен език през Възраждането е мотивирано и силно повлияно от тенденциите и процесите, които протичат на лексикално равнище. Бързо нарастващият обем на речниковия състав с оглед на обществените, икономическите и културните промени, характерни за епохата, налага и масово заемане на единици от други езикови системи (в началото от черковнославянски и руски, които не се възприемат като чужди с оглед на идеята за отстояване на славянската идентичност на българския

⁴ През последните десетилетия от Възраждането черковнославянски и особено руски език се възприемат вече като чужди.

език, а по-късно и от западноевропейските езици). Натрупаният лексикален материал, за който се следи да бъде ясен по структура, точен по значение и съответстващ на българските езикови закони, се групира с оглед на формата и функционалното му предназначение. По този начин лексикалните единици пренасят във времето и пространството различни словообразователни начини, типове модели и формантни средства, които се възприемат и стават част от изграждащата се езикова система. От своя страна интелектуализацията налага възстановяване и специализиране на книжовните средства за номинация, за което не могат да помогнат диалектните системи.

3.0. Всестранното и пълно изследване на процесите, свързани с изграждането, нормирането и кодифицирането на словообразователната система на българския книжовен език от Възраждането⁵ не е възможно да бъде обект на внимание в една ограничена по обем научна статия. По тази причина тук ще бъдат анализирани и описани само отделни иновационни черти, които обаче илюстрират спецификата на епохата, връзката с културно-историческия развой и някои отличителни особености на българското книжовно словообразуване.

3.1. Иновациите в словообразуването на българския книжовен език през Възраждането могат да бъдат определяни като се диагностицират всички начини и средства, характерни за словообразуването през всеки един от периодите, следващи историческия развой на книжовния език. В резултат на съпоставка между тях проличават и различията в отделните синхронни срезове [вж. Балтова 1989].

Наблюденията върху езика на възрожденските книжовници показват, че два типа иновации характеризират словообразователната система през XIX в.:

3.1.1. Словообразователни начини и средства, отличаващи синхронните срезове един от друг. По произход те могат да бъдат диалектни, книжовно-традиционни, чуждоезикови или да са резултат от собствения развой на книжовния език. Такива иновации се наблюдават напр. в движението на различните словообразователни форманти. Резултатите от това движение се проявяват в синонимията и вариантноста.

3.1.2. Словообразователни начини и средства, характерни за цялостната система на книжовния език и утвърдени в нейния еволюционен развой. Те не са присъщи на диалектния континуум, но също могат да имат различен произход: книжовно-традиционен (от черковнославянски език или от дамаскинската книжина) или вследствие от чуждоезикова интерференция.

Към втория тип иновации спадат утвърждаването на композитообразуването и на транспозиционния тип за образуване на абстрактна лексика. Тук се отнасят също възстановяването на словообразователната активност на традиционни словообразователни форманти и адаптирането от системата на чуждоезикови средства.

3.2. Композитумите и композицията се утвърждават трайно в книжовната система и се превръщат в специфична нейна част, в езикова среда, в която фокусират почти всички тенденции, присъщи на езика от Възраждането. Поради

⁵ До сега все още не е направено в българската лингвистика такова изследване. Описанието на словообразуването в монографичния труд История на новобългарския книжовен език е доста кратко и схематично.

това те трябва да се разглеждат като една от най-съществените прояви на системно-структурните промени, отличаващи книжовния език от стабилния диалектен континуум, и като отразители на традиционната приемственост между новия и старобългарския период от историческия развой на българския книжовен език. Когато става дума за континуиет в традицията по време на Възраждането, трябва да се изхожда и от схващанията и идеите на книжовниците през този период, да се оценява този въпрос и от тяхна гледна точка, съобразно с конкретната за тогавашната епоха среда. Една от идеите, отнасяща се до характера и основата на книжовния език през първите няколко десетилетия на XIX в., е идеята за обръщане към традицията, към старобългарския книжовен език, към историческото минало, но не в ренесансовия европейски смисъл – към античния свят и култура, а към миналото на българите и на тяхната средновековна държава. Затова, почти до средата на XIX в., продължава процесът с натрупване на лексика от черковнославянски език, смятан до 50-те години от отделни книжовници за старобългарски. Чрез неговото посредничество навлизат лексикални единици от руски език. Тази лексика, която е със статус главно на производни единици, пренася във възрожденския език старинните класически модели за образуване на композита и повечето от познатите на старобългарския книжовен език словообразователни средства (срв. *звездочетец, риболовец, летописец, иконописец, мироточец, сребролюбец, землоделател* и др.). Композитните единици са оформени главно със суфикс *-ец*, който почти не се среща в прости производни единици. При еднокоренната производна лексика доминира суфикс *-тел*, изместил *-ач* при *nomina agentis*, особено в езика на книжовниците от първите десетилетия на века (срв. *читател, слишател, искусител, спасител, учител, водител* и др.). Значителна част от черковнославянската лексика е била позната на грамотните български среди и от домашната книжовна традиция. Тя се пренася през вековете от българските книжовници, работили в големите манастири, които са единствените културни средища по българските земи след завладяването на държавата. Около средата на XIX в. в съчиненията на строителите на книжовния език се срещат вече и композита-неологизми, с които се заместват гръцки или турски лексикални единици (срв. напр. у Н. Рилски *вретещедател* в м. *мутафчия*, *колесничедател* в м. *арабаджия*, *рукомийник* в м. *леген*; у Г. С. Раковски *пушкотет* в м. *изстрел*; у Н. Бозвели *скотопрекупец* в м. *бегликчия*, *земеписател* в м. *географ* и т.н.)⁶. Композитообразуването се утвърждава в системата във връзка и с интензивното развитие на науката, културата и обществените отношения. Не без значение за утвърждаването на композитумите и композицията има и калкирането на чужди лексикални единици. Важна роля в тези процеси се пада на учебническата литература и на лексикографските пособия. Производната лексика (композита и деривати) в учебниците и речниците

⁶ Изместването на гръцките и турските лексикални единици става съзнателно от българските книжовници и е свързано с характера на изграждащия се книжовен език. В говоримия език, в диалектите положението е обратнопропорционално. За сравнение вж. напр. [Речник 2002], в който са отразени турските думи в българския език. В съвременния български книжовен език, главно в лексиката от битовата сфера, функционират много гръцки и турски лексикални единици, които носителите на български език не осъзнават като чужди. За тези единици няма славянски заместители.

придобива особено значение, когато става актуална идеята за обща граматика и речник на българския език за целите на просветното дело, когато този вид литература се превръща в „основно кодифициращо начало при формирането на литературния език” [Венедиктов 1981: 101-102].

3.3. Специфична черта на книжовния език през Възраждането, която го отличава от диалектния континуум, е категорията на абстрактните съществителни имена. Голяма част от тази лексика се включва в книжовна употреба чрез заемане през първата половина на XIX в. от черковнославянски език, от руски или се предава по пътя на книжовната традиция. След 60-те години директно се заема и от западноевропейските езици. В резултат на това става постепенно количествено натрупване. Всяка отделна единица се включва в изграждащата се езикова система сама за себе си в отговор на нуждите на епохата от назоваване на нови понятия⁷. Натрупаните лексикални единици постепенно формират словообразователни типове и модели, които представляват част от системно-структурните тенденции, характерни за езика от Възраждането.

Чрез посредничеството на черковнославянския език за употреба се възстановяват и словообразователните форманти *-ние* (срв. *спирание, наказание* и др.) и *-ие* (срв. *безумие, согласие, пришествие* и др.). Създава се опозицията *-ние* : *-ие* при имената от категорията *nomina actionis*. Употребяваният в диалектите суфикс *-ие* почти не се среща в началните десетилетия в езика на възрожденските книжовници (срв. *бързание, дохождане, спирание* и др.). По-късно, поради тъждеството в значението и надделяването на идеята за доминация на народната основа на книжовния език, двата суфикса се употребяват паралелно (срв. *убеждаване – убеждение, изследване – изследвание, основаване – основание, продължаване – продължение*). Разликите в значението им започват да се проявяват към края на възрожденския период, когато отпада и схващането за престижността на суфикс *-ние*. Днес в съвременния книжовен български език суфикс *-ние* е загубил акционалното си значение и има друга функция.

През Възраждането се утвърждава суфикс *-ие*, който започва широко да се употребява за образуване на абстрактна лексика (срв. *внимание, възкресение, отношение, разстояние, създание, учреждение* и др.).

3.3.1. Моделите и типовете за образуване на абстрактна и на конкретна лексика, както вече беше посочено, се оформят въз основа на групиране на езиковите единици и осъзнаването на някои завършеци на чуждоезикови заемки като словообразователни форманти⁸. Типичен е случаят с форманта *-изъм*, който много рано се осъзнава като суфикс и започва своята словообразователна активност. Наред със заети лексикални единици като *атеизъм, варваризъм, национализъм* и др. в книжовния език се появяват и неологизми, главно в публицистиката (срв. *гърцизъм, европеизъм, мохамеданизъм, шарлатанизъм* и др.). Изключително важно е влиянието на международната лексика за утвърждаването на нови, не-

⁷ Повече за спецификата на абстрактните композита и за тяхната функция в езика на Възраждането вж. напр. [Балтова 2002].

⁸ Същите процеси се наблюдават и в съвременните славянски езици под влияние на силната интерференция на английски език.

познати от традицията и народните говори и словообразователни средства. В книжовния език постепенно в словообразователна употреба навлизат суфиксите *-ист*, *-ция*, *-ер*, *-тор*, *-ат* и др., които през Възраждането представляват завършеци на заети лексикални единици (срв. *конференция*, *агитация*, *еманципация*, *акционер*, *журналист*, *авантюрист* и др.), адаптирани към българската граматична система. Западноевропейската лексика първоначално навлиза в книжовния език чрез посредничеството на руски. През последното десетилетие на Възраждането обаче, тя вече се заема пряко главно чрез преводите на статии в най-големите за епохата български вестници, издавани в Истанбул (Цариград) – „Цариградски вестник”, в. „Македония” и др.

4.0. Изграждането на книжовния език през периода на Българското възраждане е процес, който протича и осъществява своето предназначение под влияние и във връзка с конкретните исторически условия и общественно-културните фактори на епохата. Затова този процес може обективно да бъде анализиран, описан и оценен само в контекста на идеите и тенденциите, характерни за цялостното общественно-политическо, икономическо и културно-историческо развитие на територията, населявана с българи. Българският книжовен език през периода на Възраждането е най-важната част от културните постижения в продължение на няколко десетилетия от XIX в. Защото езикът – както пише през 1961 г. Леви Строс, има предимството да бъде най-важният културен фактор „и это во многих аспектах: прежде всего потому, что язык – составная часть культуры, одна из тех способностей или привычек, которые мы получаем от внешней традиции; затем, потому, что язык основной инструмент, самый эффективный способ, посредством которого мы усваиваем культуру; наконец, и в особенности потому, что язык – наиболее современное из всех явлений культурного порядка, которые образуют системы...” [по Вендина 1998: 20].

Откъсването на изследването на българския книжовен език (а и на всички литературни езици) и на неговите системи от факторите, действащи през периода на историческия му развой, от общокултурните процеси, от различните видове контакти и влияния може да остави неразкрити, недоизяснени или недооценени отделни езикови факти. Затова научните изследвания трябва да следват историческите факти и да се съобразяват с тях, да не се ръководят от определена мода или от лични предпочитания, от идеологически или от националистически патос, които могат да подменят редица културни ценности или да доведат до произволни изводи [вж. Генчев 1988: 31].

В този смисъл отделните периоди от историческия развой, в конкретния случай на българския книжовен език, трябва да се проучват и изследват в интердисциплинарен аспект, комплексно, за да се открие общото, което безспорно съществува въпреки отдалечеността във времето и различието, за да се проследи как се осъществява континуитета в традицията и как се проявяват иновациите.

По отношение на словообразуването в българския възрожденски книжовен език може да се каже, че то е единственото равнище, в което умело за нуждите на епохата и за целите на книжовния език са съчетани книжовната традиция и народната основа.

Литература

1. Балтова 1989: Ю. Балтова. Словообразователни иновации в българския книжовен език от периода на Възраждането. – В: *Kształtowanie się nowobułgarskiego języka literackiego*. Wrocław, s. 7-18.
2. Балтова 2002: Ю. Балтова. Сложните съществителни *nomina abstracta* в българския книжовен език от периода на Възраждането (лексико-семантичен анализ). – В: *Българско езикознание. Проблеми на българската лексикология, фразеология и лексикография*. АИ “Проф. Марин Дринов”, София, с. 7-51.
3. Вендина 1998: Т. И. Вендина. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. Москва.
4. Венедиктов 1981: Г. К. Венедиктов. Из истории современного болгарского языка. Изд. на БАН, София.
5. Генчев 1988: Н. Генчев. Българската култура XV-XIX в. УИ „Св. Климент Охридски”. София
6. Георгиева 2007: Цв. Георгиева. Иновационни процеси при именната префиксация в българския книжовен език от края на XX и началото на XXI век. – Авто-реферат за присъждане на образователната и научна степен „доктор”. София
7. Гутшмидт 1998: К. Гутшмидт. Общие тенденции и специфические формы их реализации в современных славянских языках. – *Yazykovedný časopis*, 49, 1-2. Bratislava, s. 15-26.
8. История 1989: История на новобългарския книжовен език. Изд. на Българската академия на науките. София, 1989
9. Речник 2002: A. Grannes, Kj. RÅ Hauge, Hayriye Süleymanoğlu. *A Dictionary of Turkisms in Bulgarian*. Novus forlag – Oslo. Instituttet for sammenlignende kulturforskning.
10. Соллак 1997: E. Solak. *Nowobułgarska Biblia i jej język*. – W-wo Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków

Юлия Балтова

БОЛГАРСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XIX В.

В докладе рассматриваются самые важные словообразовательные тенденции периода Болгарского Возрождения, имеющие значение для формирования современного болгарского литературного языка.

Ivana Bozděchová(Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, Praha, Česká republika/
Hankuk University of Foreign Studies, South Korea)

KOMPOZITA V PROMĚNÁCH MODERNÍ ČESKÉ SLOVNÍ ZÁSoby ODBORNÉ A NEOLOGICKÉ*

1. Úvod

Kompozice jako jeden ze dvou hlavních slovtvorných způsobů tvoření slov hrála svým podílem měnící se roli v jednotlivých etapách vývoje češtiny. Měnilo se i lingvistické hodnocení jejího postavení, funkce, vymezení a klasifikace. Kompozita bývala dokonce (zejména brusíči) považována za slova nečeská, tvořená především pod vlivem němčiny. Přesto jsme na počátku 90. let 20. století na základě analýzy korpusu cca 3 000 kompozit, excerpovaných převážně ze Slovníku spisovného jazyka českého [SSJČ, 1960–1971], doložili [Bozděchová 1994], že kompozice představuje v současné češtině slovtvorný způsob stále živý a frekventovaný. K tomu jen pro úvodní ilustraci srovnajme dva kvantitativní údaje: v polovině minulého století [Helcl 1957] zaznamenal, že s výjimkou pokusů Klaretovy družiny (ve 14. století) kompozita tvoří po dobu ústrojného vývoje spisovné češtiny pouze asi 2-3 % slovní zásoby (změna nastala neústrojným mechanickým tvořením v období barokního purismu od 2. poloviny 17. století až do zákroku Dobrovského v roce 1799); dnes, o 50 let později, tvoří kompozita více než 27 % všech neologismů [Nová slova v češtině 2, dále NSČ 2, 2004]. Tento druhý údaj koresponduje se závěrem naší monografie o kompozitech: „Popis nejnovějších kompozit, včetně hybridních, by mohl přinést cenné poznatky o vlivu cizích modelů na tvoření nových kompozit v češtině i o přejímání v oblasti skládání. Popis kompozit nově tvořených by zároveň přispěl k výzkumu neologismů v současné češtině.“ [Bozděchová 1994: 192]

Lingvistické analýzy následující náš dřívější výzkum i novější kvantitativní údaje o kompozitech především novějších toto naše konstatování nejen potvrzují, ale dokonce prohlubují a konkretizují jeho platnost. Tak např. pro svou monografii shromáždil [Mitter 2003], korpus 1 500 složených hybridních substantiv (s prvním členem cizího původu), excerpovaných především ze SSJČ, Slovníku spisovné češtiny pro školu a veřejnost [SSČ 1978], slovníku Nová slova v češtině 1 [NSČ 1, 1998], Akademického slovníku cizích slov (1995) a Slovníku cizích slov L. Klimeše (6. vydání, 1998). Tento materiál přitom tvoří ze 60 % termíny, a to hlavně z oborů elektrotechnika (*elektro-*, *radio-*, *stereo-*, *auto-*), motorismus (*auto-*, *moto-*), automobilismus, chemie a z různých technických oborů. Toto dílčí procentuální zastoupení složených substantiv koresponduje s dřívějším zjištěním [Poštolková – Roudný – Tejnor 1983], že složenin je zhruba dvakrát více v odborném názvosloví (7 %) než v běžně sdělovací vrstvě (3–4 %). A dále: ve slovníku NSČ 1 (4 591 hesel, 75,54 % cizího původu) je ze 76 kořených morfémů kompozit až 57 cizího původu [Lotko 2000]; také ve slovníku NSČ 2 (2004) jsou zastoupena kompozita většinou cizího původu jako celek nebo s jedním cizím komponentem.

* This work was supported by Hankuk University of Foreign Studies Research Fund of 2010.

Narůstající počet kompozit předpokládá zvýšení počtu komponentů – jak se ukazuje, z hlediska produktivity slovtvorných modelů jde převážně o 1. komponenty cizího původu [Mitter 2006]. Pro srovnání uveďme ještě jeden statistický údaj: SSSJČ předkládá celkem cca 700 komponentů složenin (jako 1. část složených slov celkem 650, jako 2. část složených slov celkem 44)¹. Zřetelný nárůst kompozice v současné češtině znamená, jak konstatuje [Komárek 1997: 144], „důležitý posun v hierarchii jazykových typů, které se podílejí na typologickém utváření češtiny“. Ve smyslu Skaličkovy typologie jazyků [Skalička 1951] se tak v češtině zvyšuje především podíl polysyntetismu (spíše než aglutinismu, srov. např. [Avramova 2003], viz též [Bozděchová v tisku]).

Stručným faktografickým přehledem jsme naznačili a odůvodnili zaměření tohoto příspěvku, kterým se na malé ploše vracíme ke svému dřívějšímu výzkumu (1994) a na materiálu částečně shodném (SSJČ) a v konfrontaci s novějším (NSČ 1 a 2, současné lékařské termíny) se soustředíme pouze na vybrané typy kompozit (neologických, hybridních, odborných), a to i v návaznosti na některé další a novější práce o kompozitech v češtině (viz seznam literatury).

2. K podstatě a pojetí slovtvorné kompozice v české lingvistice

V dosavadní české lingvistice byla kompozitům věnována značná odborná pozornost; s ohledem na rozsah tohoto příspěvku pouze odkazujeme na chronologický přehled nejvýznamnějších českých mluvnic (počínaje J. Gebauerem) a dílčích slovtvorných prací o zpracování kompozit, který jsme poskytli ve své dřívější monografii [Bozděchová 1994: 16–19]².

Kompozice je pravděpodobně vývojově starší než derivace, slovtvorné předpony a přípony vznikaly ze samostatných slov [Poštolková – Roudný – Tejnor 1983] (srov. současný podobný pokles slovního významu u prefixoidů a sufixoidů). Jak dále uvádí [Šlosar 1999: 78–79], kompozice se totiž v současné češtině výrazněji než v minulosti uplatňuje u termínů, a to v souvislosti s rozvojem terminologických soustav; v době praslovanské se totiž kompozita využívala pro speciální okruhy nejen terminologické, ale i popisně charakterizační a onymické (viz tamtéž). V současné češtině zejména nová hybridní kompozita s internacionálními členy [Mitter 2003 a 2006] dokládají, že celkový nárůst kompozit je způsoben mj. také nápodobou slovtvorných postupů z jazyků, z nichž čeština přijímá neologizační podněty [Uher 1996: 127], a to často i při tvoření termínů (*autovzdělanec*, *autoladění*, *krykomora*).

V souvislosti s podstatou a pojetím kompozice připomeňme její typologii: vázáním významových prvků do jednoho slova je kompozice rysem polysyntetize (ve Skaličkově pojetí, [Skalička 1951]). Konfrontačně kompozici postihuje např. [Čermák 2007], poukazem na to, že v některých jazycích kompozitům odpovídají kolokace a že o ní lze bezpečně mluvit jen u jazyků se zřejmými hranicemi mezi slovy, která můžeme zaznamenat diskrétním způsobem. Tak např. ve znakových jazycích (a podobně v jazy-

¹ Tento údaj uvádíme pouze jako orientační, celkový uvedený počet by v našem pojetí komponentů složenin a prefixů/prefixoidů byl poněkud jiný (nižší).

² Viz především [Helcl 1957; Dokulil 1962; Šmilauer 1971; MČ 1986; PMČ 2001; Mitter, 2003 a 2006; Šlosar, 1999].

cích s inkorporací³) totiž kompozice a tvoření kolokací do značné míry splývá [Čermák 2007: 146]. Podle autora [Čermák 1998] je navíc přesný statut kompozit nutné vidět také na pozadí dichotomie langue-parole – zatím není zcela jasné, kde vést hranici mezi ustáleným a textovým kompozitem (např. ve finštině). Tyto Čermákem uvedené aspekty kompozice se do určité míry projevují také v angličtině. V důsledku toho bývá i v anglické slovo tvorbě a gramatice odlišné pojetí skládání, ve srovnání s českým pojetím širší, tj. přesahuje právě rámec jednoho (formálního, grafického) slova. Přejímáním (četných) anglických kompozit, příp. jejich slovo tvorných modelů, se obdobné typy složených pojmenování začínají objevovat i v nejnovější české slovní zásobě (viz zde dále).

3. Vybrané typy kompozit v češtině a jejich proměny

3.1 Specifičnost kompozice při tvoření termínů

Jak jsme připomněli v úvodu, kompozice se obecně uplatňuje výrazněji při tvoření pojmenování odborných než běžných. Vedle slovo tvorných typů ze spisovného (neodborného) jazyka se k tomu někdy využívají, přizpůsobují a dále rozvíjejí i další a nové typy. Jako příklad již před 50 lety [Kuchař 1955] uvedl typ *maloměsto* – v české terminologii se podle něj většinou netvoří kalky a stal se v ní produktivní – s omezením pro 1. člen na adjektiva ze základního slovního fondu a s významem široce obecným nebo obecně hodnotícím (*velký, malý, vysoký, rychlý*).⁴ Jak autor zaznamenal, tato adjektiva se terminologizovala i v některých souslovích (*vysoká pec*). – Touto terminologizací se také potvrzuje výše zmíněná souvislost a podobnost kompozit a kolokací.

Jak jsme uvedli, hranice mezi kompozity a kolokacemi bývají ještě méně zřetelné než v češtině u některých pojmenování v angličtině. To ostatně reflektuje mj. např. i Sagerovo vymezení skládání jako kombinace dvou nebo více slov v novou syntaktickou jednotku s novým významem nezávislým na konstituujících částech [Sager 1997: 34] a zahrnující pojmenovací jednotky nejen jednoslovné (*rock-type soil, vibration-proof construction*), ale i dvou/víceslovné (*water load, masonry structure*). Podle autora v terminologii existuje dodatečný požadavek na skládání: nová jednotka musí reprezentovat pojem relevantní příslušné oblasti, a tak většinou 1. člen složeniny představuje významově determinant (naznačuje kritéria členění kategorie) a 2. člen funguje jako nucleus (jádro, zpravidla signalizuje kategorii pojmenovaného pojmu). Ilustrujme (záměrnou) modelovost takového tvoření na složených termínech z lékařské terminologie: *receptory*⁵ se rozlišují a podle toho pojmenovávají např. podle lokalizace (*exteroreceptor, telereceptor, interoreceptor, proprioreceptor*) nebo podle typu podnětu, na který jsou schopny reagovat (*termoreceptor, baroreceptor, fotoreceptor, chemoreceptor, osmoreceptor, mechanoreceptor*). Podobně viz kompozita jako *leptocytóza* (řec. *leptos* = úzký, řec. *kytos* = buňka), *holoenzym* (srov. *úplný enzym*), *ektodermóza, prvostřevo, nitroblána* aj. [Sager 1997] vyděluje jako zvláštní a v terminologii

³ Jak uvádí [Čermák 2007: 205], inkorporace substantiva, která může přerůst do aglutinace, se uplatňuje zejména pro studium amerických indiánských nebo australských jazyků. Představuje jiné chápání polysyntetice než u Skaličky (srov. např. Baker, M. C. – *The Polysynthetic Parametr*, Oxford U. P., Oxford 1995).

⁴ Celkově můžeme konstatovat, že terminologická pojmenování založená na atributivní determinaci jsou typem v terminologii živým; vyhovují totiž především pojmenovacím potřebám termínů.

⁵ Tj. buňky a skupiny buněk nebo orgány s funkcí zaznamenat stav a změny v organismu nebo v zevním prostředí a informovat vyšší centra či na ně přímo reagovat.

častý typ kompozita eponymická (*Warren truss, Portland cement*); jejich výhodou je jednoznačná diferenciací, postrádají však taxonomický význam. V češtině mají eponymické termíny nejčastěji víceslovnou podobu (viz lékařské terminologické kolokace *Aebyho sval, Cortiho membrána*), determinační kompozita jsou poměrně řídká (viz kalky *Elektra-komplex/Electra-complexus, grampozitivní/gramnegativní*⁶). Naopak poměrně časté bývají kolokace souřadně spojených individuálně přivlastňovacích adjektiv blízké složeným relačním adjektivům; pojmenovávají jeden jev podle dvou i více osob (autorů, objevitelů apod.), viz např. *Calmettův-Guerinův bacil, Abderhaldeňův-Kaufmannův-Lignacův syndrom* atd.

3.1.1 Kompozita v české lékařské terminologii

V lékařské terminologii (běžně užívané v české odborné komunikaci)⁷ jsou zastoupena kompozita především původu řeckého (často i vícečlenná) a latinského. Právě řeckými termíny se výhodně vyjadřuje složitost a různorodost obsahu a pojmových vztahů, a proto převažují nad latinskými zejména v oborech klinických a patologických (např. pro pojmenování onemocnění a jejich lokalizace), viz např. *pneumohemoragie* (řec. *pneumon* = plíce + řec. *haima* = krev + řec. *rrhagein, rhagia* = výron, od *rhegnynai* = roztrhat; tj. plicní krvácení), podobně *cefalalgie, cefalea* (bolest hlavy), *polymelia* (řec. *polys* = mnohý + řec. *melos* = úd, tj. polymelie, nadpočetné končetiny), *urocystektomie* (chirurgické vnyětí močového měchýře) apod. Velmi často si zachovávají internacionální podobu, překlad do češtiny bývá totiž obtížný, mnohdy téměř nemožný či neúnosný (tří- a vícečlenné složeniny jsou v češtině pocíťovány jako nápadné, nebo dokonce cizí).

Z kompozičních slovtvorných postupů u lékařských termínů naprosto převládá vlastní skládání a komplexní kompoziční postupy (derivačně-kompoziční a abreviačně-kompoziční), čistá kompozice se vyskytuje jen u některých typech substantivních termínů (zejména při hierarchické klasifikaci v anatomických a klinických soustavách), juxtapozice téměř vůbec, spřežky pouze např. u názvů chemických a jiných sloučenin. Značně produktivní jsou kompozita determinační, mající široké spektrum sémantických vztahů; vzhledem k tomu, že determinovaným členem bývá nejčastěji substantivum, příp. sloveso, jde v nich především o determinaci atributivní (přímá determinace jakostním adjektivem – *dermatoskleróza, velkobuněčný*) nebo objektovou (*osifikace* = tvoření kosti, kostnatění, *neurosekrece, mokovod*).

Při tvoření lékařských termínů bývá vzhledem k jeho systémovosti a především v důsledku složitosti pojmenovaného obsahu a jeho hierarchizace uplatňována (více než v neoborné slovní zásobě) sekundární kompozice (rekompozice);⁸ produktivní jsou zejména (determinační) kompozita se složenou onomaziologickou bází, jako např. *elektrokardiogram* (záznam elektrického potenciálu srdce), *polyneuromyozitida, mukopolysacharidóza* atd. Poměrně produktivní jsou iniciálová (příp. značková) abreviační kompozita, velmi čas-

⁶ Viz souvislost s termínem Gramovo barvení (běžný způsob barvení bakterií); oba termíny jsou utvořeny od jména dánského lékaře H. Ch. J. Grama.

⁷ Blíže o ní viz [Bozděchová 2009].

⁸ O sekundární kompozici (rekompozici) podrobněji [Bozděchová 1994: 22; Dokulil 1986: 66; Bozděchová 2002: 372].

to přejatá, viz např. *T-buňky*, *B-lymfoproliferace*, *CT-angiografie*, *ATP-dependentní sodíková puma*, *Y-specifické sekvence*, *MR-angiografie*, *β-blokátor adrenoceptorů* apod. Tento typ kompozit se stále běžněji využívá i v neodborné oblasti, zejména u neologických a přejatých pojmenování (viz zde dále), jako např. *NATO-referendum*, *m-shop* aj.

3.2 Specifičnost kompozice při tvoření neologismů

Uplatnění kompozit při tvoření nových pojmenování dobře ilustruje jejich zastoupení v NSČ 1 (1998) a NSČ 2 (2004), jejich analýze bylo věnováno několik dílčích prací (např. ve sborníku *Neologizmy v současné češtině 2005*). Stejně jako jiné neologismy přitom mohou být posuzovány kriticky až puristicky i tolerantně. Rozhodujícím kritériem by však měla být jejich funkčnost. Jak vyjádřil [Šlosar 1999: 33], zároveň by se měly odlišovat „živé formace od výsledků voluntativní kreace, která je pro kompozita typická“. Následující ukázky z obou dílů uvedených neologických slovníků češtiny i z dodatečných zdrojů dalších, zejména korpusových, dokládají nejen tuto tvořivost, ale i formální, sémantickou a stylistickou šíři a variantnost neologických kompozit. Slovnědruhově jsou mezi nimi (obdobně jako u jiných slovotvorných typů neologismů) nejvíce zastoupena substantiva a adjektiva, z hlediska jazykového původu členů převažují neologismy cizí (internacionální) a hybridní (viz výše uvedené kvantitativně údaje), zastoupeny jsou však také složeniny tvořené jen ze členů domácích.

Obecnou tendenci k nárůstu kompozice dokládají nejen neologická pojmenování nových jevů a skutečností, jako např. *mobilyrika* (poezie zasílané jako krátká textová zpráva mobilním telefonem), *klimamembrána* (jemná fólie umístěná mezi vrchním materiálem a podšívkou) nebo *kyberválka* (válka vedená prostřednictvím počítačových sítí, zejména Internetu), ale také nová pojmenování jevů a skutečností již dříve pojmenovaných, jako např. *cyklozámek* (zámek k zabezpečení jízdního kola před odcizením), kosmet. *fotostárnutí* (stárnutí pleti způsobené nadměrným opalováním), *filmfan* (filmové obecenstvo jako celek), *pološance*, *sebereklama*, expr. *čajomil/čajofil* atd. Nové skutečnosti neologismy nejčastěji pojmenovávají lze rozlišit především do následujících tematických oblastí:

1. výrobky, produkty: *aromalampa*, *ekotaška*, *fytokrém*, *sakosvetr*, *termorukavice*, *celodres*, *cyklobrašna*, *ergostůl*, *klozetobidet*, *nanopočítač*, *technobunda*, *termohrnc*, *robokočka*, *robopes*, *videobrýle*

2. služby, podniky, instituce, zařízení: *gastrozařízení*, *etnočajovna*, *etnorestaurovac*, *intimbar*, *mikropivovar*, *charitcentrum*

3. nástroje, pomůcky, prostředky (technické, dopravní): *faxmodem*, *faxpapír*, *plotostřih*, *fotozávora*, *fotovstupenka*, *videoučebnice*, *hotelbus*, *lod'ovlak*, *city-autobus*, *city bike*, *city-taxi*, *skivlak*

4. procesy, společenské a mezinárodní jevy, vztahy, stavy apod.: *chemoprevence*, *narkozisk*, *eurojazyk*, *jednoeuro*, *vnitrounijní*

5. aktivity, zábava, životní styl: *cyklovýlet*, *hipoturistika*, *megafilm*, *technonahrávka*, *retrohit*, *ufoturistika*, *motooblečení*, *multisport*, *airmasáž*, *fitmóda*, *fitcvik*, *fitkuchařka*, *meteosenzitivní*, *mikrovětrání*, *biosolárium*

6. podnikání, ekonomika, finance, reklama: *multipodnikatel*, *bankopojišťovna*, *homebanking*, expr. *úvěrovod*, *promostánek*, *cenořez*

7. osoby podle profese, záliby, příslušnosti apod.: *hypnoterapeut*, *drobnochovatel*, *ranobramborář*, *superstarovec*, expr. *jidloholik*, *jazzofil*, *eurofil*, *euroobčan*

8. speciální obory, oblasti společenského života: *astromedicína, fyto medicína, kosmetologie*

9. chrématonyma – firmy, sériové výrobky, zábavné pořady a programy apod.: *Spravbeton* (malta), *Pustohned* (čisticí prostředek), *Stavlep* (lepidlo), *Dlažbulep*, *Držtofest*, *Všechnoparty*, *Radiautomat*

Mnohé tyto skutečnosti (zejména společenské jevy, vztahy, stavy a osoby) bývají pojmenovány neologismy s expresivním příznakem, užívanými především v publicistice, běžném vyjadřování, příp. reklamě, viz např.: *penězovod* (ve vyjadřování politiků), *klausostrana*, *velkoslezina* (velká sešlost, setkání), *fotonádobičko*, žert. *lidojem* (velká budova pojímající velké množství lidí), žert. *heteroláska*, *miniskandálek*, *monstrplakát*, *cykloježdění/cyklojezdění*, *cyklonadšenec*, hanl. *betónofil* (kdo obhajuje zájmy betonářských firem), *hollywoodumilka*, hanl. *mámatáta*, *kočkohonič* (sukničkář), *kůžesdírač*, *ponáspotopista*, *reklamožrout* atd. Expresivům blízké bývají mnohé příležitostně a analogicky tvořené neologismy, srov. např. *holkořadí* (řada prostitutek čekajících u silnice na klienty), expr. *kolenotechna* (vlastní amatérská výroba), *klipotěka*, *anekdotarium*, expr. *zatloukologie* atd. Analogie a modelovost tvoření se ostatně projevuje u celé řady neologických kompozit i bezpříznakových, viz např. řady jako: *pinkarta*, *setkarta*, *autokarta*, *bankokarta*, bank. *charge karta*, *petrokarta*, *telekarta*; *astrologie*, *astromedicína*, *astroapatyka*, *astrovečer*; *tankomat*, *bankomat*, *mlékomat*, tech. *tempomat*, *knihomat* atd. V těchto případech je paradigmaticnost skládání podmíněna sémanticky (souvisí mj. i se změnami oblastí užití) a vede ke zvyšování kompatibility členů, a to především u těch, které přecházejí v afixy (afixoidy).⁹

Neologickými kompozity se poměrně často vyjadřují vztahy, a tak přibývá relačních složených adjektiv¹⁰, zpravidla determináčních, jejichž základem jsou jmenné kolokace, méně často verbální (domácí i přejaté). Jsou to 1) kolokace přímé: a) volné – viz *centropravicový* (v politické publicistice), *monoreligiózní*, *multiaktivní*, *minuloroční*, *západnězahraniční*, *vysokopevnostní*, *tenkovrstvý*, *medetekoucí*, *programotvorný*, *vodonenásákový*, *vodonepropustný* aj., b) ustálené (pevné), a to ba) apelativní – viz *černěhumorný*, *černokomediální*, *červenoknihovní*, *sametorevoluční*, fin. *volnoměnový*, *nízkorozpočtový*, *vlastněnákladový*, *koaličněsmluvní*, *měnověpolitický*, *mobilnětelefonní*, *pevnolinkový*, *vážnohudební*, *virtuálněrealitní*, *východopobřežní*, *východobřežní*, *primetimový*, *lifestylový* aj., bb) propriální – viz *českotelevizní* (Česká televize), hanl. *rudoprávní* (Rudé právo), *zlatoslavičí* (Zlatý slavík), *pražskojarní* (Pražské jaro), *dobrojitřní* (pořad Dobré jitro), *santaclausovský* (Santa Claus) aj., a 2) kolokace obrazné či idiomatické – viz *zlatogólový*, *slámobotní* (neotesaný, neurvalý, buranský),

⁹ Blíže o nich u neologismů viz zejména [Janovec – Rangelova 2005: 85-98]: vzhledem k tomu, že bývá povaha těchto členů (zejména druhého) formálně (morfematically) nejednoznačná, označují ji autoři pracovním názvem koncová část kompozit (většinou bývají označovány jako sufixoidy). Jak autoři konstatují, rozšiřováním jejich spojitelnosti s domácími i cizími prvými částmi se značně zesiluje sufixoidní charakter těchto prvků. Komponenty představující slovo v různém stadiu transformace na úroveň komponentu (-manie, -mílec, -terapie) označují jako sufixoidní lexémy (tamtéž, s. 85). – Názory, jak morfologicky chápat 2. části kompozit, přehledně shrnuje [Janovec 2004], srov. termíny sufixoid, radixoid, afixoid, morfém přechodného charakteru mezi kořenovým a afixálním apod. Obdobně viz též [Mitter 2004].

¹⁰ Srov. [Světla 2005: 99–118]: skládání se hojně uplatňuje také při tvoření nových přídavných jmen.

hlavoruční (využívající jak myšlení, tak manuální práci), *zlatokapličkovský* (Zlatá kaplička, tj. budova Národního divadla v Praze), expr. *šedomyší* (nevýrazný), expr. *nekalosoutěžní*, expr. *zavelkoloužový* aj. Především v běžné mluvě, příp. v publicistice se užívají adjektivní neologismy expresivní (tvořené opět vesměs z ustálených kolokací), jako např. *kvapnopracovní* (vyznačující kvapnou prací), *životněprostředářský* (vztahující se k ochraně životního prostředí), *minulorežimní*, hanl. *totálsocialistický*, *blbonáladový*, *krvepotný*, *mobilmilný* apod. Adjektivní složeniny koordinační pojmenovávají většinou binární vztahy, viz např. *prezidentsko-premiérský*, *odpoledněvečerní* (probíhající odpoledne a večer), *bankopojistný* (bankovní a pojišťovací), *kladnozáporný*, *politicko-legislativní*, *koaličně-koaliční*, *klausovsko-zemanovský* atd. – Jen pro úplnost připomeňme, že obdobně jako v celé české slovní zásobě i v její neologické složce se tvoří velmi zřídka složená verba, viz např. *mikroplatit* (elektronicky platit velmi malé finanční částky za určitou službu), *samoprivatizovat* (privatizovat podnik, banku apod. jejich vedením), *sebeomezovat se*, *sebepropagovat se*¹¹.

Složenými neologismy se hojně pojmenovává sémantika spjatá s pojmem kvanta, produktivní jsou názvy se specifickým významem míry, rozměru, velikosti apod., viz např. *položánrovost*, *poloambulantní*, *semivegetarián*, *maxivýpěstek*, *maxirodinný*, *megaúspěch*, *megafúze*, *gigaikona*, *multiaréna*, *multioscarový*, *mikrohistorie*, *mikrojemný*, expr. *pidikauza*, *nanočip*, *nanomedicína* atd.

Značné zastoupení mají mezi neologismy, podobně jako v celé slovní zásobě, složené termíny a profesionalismy (viz výše). Pro ilustraci viz pojmenování z různých odborných oblastí: poč. *ikon-menu*, *ikonomanie*, fin. *eurodluhopis*, fin. *eurokonto*, arch. *viladům*, kosmet. *hydrogel*, motor. *airbag*, motor. *celokapotáž*, sport. *armwrestling*, profes. *meteoservis*, *meteosituace*, *plexipřepážka* atd. Právě u termínů se uplatňuje rekompozice (a to zejména z komponentů internacionálních a hybridních), příležitostně se však na základě již existujících kompozit tvoří také neologismy v běžném vyjadřování, viz např. kosmet. *face-myolifting*, *ortofotoatlas*, *pravostředolevý*, *pravostřednělevý*, *psychowalkman*, *minikoloběžka*, *mininotebook*, *minizemětřesení*, *vzdoroveletrh*, expr. *monstrsupermarket*, *naciskinhea/naziskinhead*, *územněsamosprávný*, *územněsamosprávní* aj.

Na základě aktuálních, často příležitostných pojmenovacích potřeb vznikají složené neologické názvy eponymického charakteru, jejich tvoření však zároveň vykazuje značnou míru paradigmatickosti, viz např. *ostravocentrismus/ostravocentrismus*, expr. *simpsonofil*, expr. *beanofil* (obdivovatel postavy Mr. Beana), *havlolog*, *hrabalolog* apod.

Převážná většina neologických kompozit se tvoří vlastní kompozicí, a to hlavně komplexními derivačně-kompozičními postupy. Čistá kompozice¹² bývá méně častá a tvoří se jí hlavně neologická adjektiva (především s 2. členem adjektivním a verbálním), viz např. *freonuprostý*, *myšlenkyprostý*, *viruprostý*, *vrásekprostý*, *podnikáníschopný*, *prodejeschopný*, *módydbalý*, *průrazuvzdorný*, *humoruvzdorný*, *humorutvorný*, expr. *míčemilovný*; *skoromuzikál*, *skoroženich* apod. Velmi nápadným a stále

¹¹ O složených slovesech s 1. členem sebe- a o jejich směru slovotvorné motivace i u příslušných substantiv verbálních viz [Bozděchová 1994: 169].

¹² Někdy bývá považována za tvoření spřežek, avšak [Šlosar 1999: 21] dokazuje, že nejde o pouhou juxtapozici, neboť „role konektů/koncovek na rozhraní předních a zadních členů je funkce delimitačně-spojovací“.

častějším typem neologismů se stávají pojmenování abreviačně-kompoziční, příp. značkově-kompoziční slovtvorné povahy a širě kompozita s fragmentárním komponentem¹³. Pojmenovávají především jevy z oblasti moderní techniky a technologie, viz např. *MW-trouba*, *DVD-přehrávač*, *DVD-man*, expr. *e-mailoman*, *empétrojka* (formát pro digitální kompresi zvuku uchováající při vysokém stupni komprese dat kvalitu zvuku, *MP3*), *MP-man*, *MP3-man*, *NATO-kompatibilní*, *SIM karta*, *SIM kryt* apod. (viz např. [Kochová 2005: 242–248]). Za jejich specifický podtyp lze považovat neologizmy s jednoprvkovými (jednofonémovými/jednografémovými) komponenty jako *e-*, *i-*, *m-* (*e-výuka*, *i-café*, *m-byznys*). Jak zaznamenává [Opavská 2005: 232–241], začínaly se hojněji užívat od 90. let 20. století s rozvojem moderních a komunikačních technologií. Většina těchto kompozit je cizího původu nebo hybridně tvořených, často podle cizího slovtvorného modelu. Mnohé z těchto neologických kompozit se užívají v pravopisných variantách (*biojogurt/bio jogurt*, *diabar/dia-bar*, *diapotraviny/dia-potraviny/dia potraviny*), obdobně jako i jiné typy kompozit s 1. členem nezkráceným, především cizího původu (*audiopřehrávač/audio přehrávač*, *face-lifting/face lifting*). [Lotko 2000] považuje dvojí pravopis za projev kolísání mezi funkcí kořeného morfému kompozit a mezi platností (nesklonných) adjektiv. [Sixtová 2003: 103] grafickými variantami dokládá izafetovou podstatu těchto pojmenování – podoba se spojovníkem jako mezistupeň mezi izafetovou konstrukcí a izafetovou spojeninou. [Martincová 2005: 216] interpretuje koexistenci paralelního kompozita a sousloví jako dvojí vyznění přejímání (na základě společného výchozího diskusa v cizích lexémech). Podle našeho názoru tato variantnost potvrzuje blízkost a podobnost kompozit a kolokací (viz výše). Nasvědčují tomu také procesy dekompozice, při nichž se tyto nevyhraněné prvky vydělují a v nových (paralelních) kolokacích osamostatňují, viz např. *gemoterapie* (léčení pomocí výtažků z pupenů nebo pomocí drahých kamenů) – *lěčit se gemo*, *biopěstitel* – *pěstovat bio*, *etnohudba* – *hudba etno*, *poslouchat etno* apod.

3.3 Kompozice v češtině a internacionalizace slovní zásoby (hybridní kompozita)

Výrazným projevem internacionalizace současné slovní zásoby, především neologické a odborné, je tvoření hybridních pojmenování včetně složených. Přitom se hybridní tvoření používalo již ve staré češtině, jak dokládají např. Klaretovy slovníky z počátku 2. poloviny 14. st [Michálek 1989]. Jejich narůstající roli i množství ilustrují např. následující lexikografická fakta: první vydání slovníku *Váši–Trávníčka* z roku 1937 odmítalo hybridní složeniny, čtvrté vydání z roku 1952 mírně pozměnilo některá hodnocení, následující *SSJČ* byl již vůči hybridním složeninám liberálnější a *SSČ* dokonce žádná hodnocení neuvádí. Znamená to, že se hybridní složeniny ve slovníku zaznamenávají v té době již v užívání ujaly a vžily jako bezpříznakové. Na druhé straně je však třeba respektovat fakt, že hybridní složeniny bývají často původem slangové výrazy (viz např. [Mitter 2003]: autor jich zaznamenal největší počet v oblasti chemie, kde spoluutvářejí názvy chemických sloučenin).

¹³ Tj. komponentem, který se morfematickou stavbou ze synchronního hlediska nekryje s radixem příslušného motivujícího slova, jako např. *mini-*, *euro-*, *krimi-* [Mitter 2006: 112].

V průběhu 20. století se proměňovaly postoje lingvistů (i uživatelů) k hybridním kompozitům. Jejich původně záporné hodnocení již téměř před čtyřmi desítkami let v podstatě (byť nepřímou) oslabil či zamítl [Helcl 1972: 123] tvrzením, že „nejvýraznější změnou v zákonitostech, jimiž se dosud skládání řídilo, je nesporně nutnost upustit od stanoviska, že přívlastkové složeniny se substantivem v první části jsou v českém jazyce jevem okrajovým, a přiznat jim stejnou slovotvornou ústrojnost, jakou mají ostatní typy složenin, tak jak to učinil u typu *maloměsto*, také do té doby kaceřovaného, F. Trávníček (1936).“ Autor totiž zároveň konstatoval, že purismus zaujímal silně záporný postoj právě k hybridním složeninám; v polovině minulého století o nich Helcl zahájil diskusi (1953) a hodnotil je vesměs jako slangové nebo profesionalismy. Smířlivěji je přijímal dále také [Daneš 1962] a [Mejstřík 1965]. V minulosti byla odmítána hlavně kompozita s 1. členem cizího původu; [Mitter 2006] spatřuje příčinu v adaptovatelnosti velkého množství komponentů cizího původu v 2. členu. Přitom podle kvantitativních údajů z obou slovníků českých neologismů zůstává mezi neologismy počet hybridních složenin s 1. členem cizím téměř stejný [Mitter 2006: 95], zatímco hybridní kompozita s 1. členem domácím zaznamenávají přibližně dvojnásobný nárůst.

Hybridní kompozita bývají v současné době někdy označována také jako kvazi-kompozita, příp. internacionální kompozita¹⁴; druhé označení reflektuje jejich internacionální slovotvornou motivaci (modelovost), častou zejména v odborném vyjadřování a u neologismů. Mezi hybridními neologismy jsou zastoupena pojmenování se slovem v úloze určovaného členu a morfologicky neztvárněným, nevyhraněným výrazem, označovaná jako „kvazislova“, viz např. [Martincová 2005: 218]. Právě tyto fragmentární komponenty internacionálního původu většinou nemají český ekvivalent (hlavně u termínů), což přispívá k celkovému zvyšování hybridních kompozit. Na dokreslení uveďme namátkou několik neologických hybridních složenin: *gastronádoba*, *kyberzloděj*, *midivěž*, *mikročas*, *multijazyčný*, *imagnetvorný*, *nanosoučástka*, *narkočistý*, expr. *počítačoman*, sport. *profisezona*, *radioplánovač*, *retrosvět*, *technohvězda*, *telepracoviště*, *toppřehled*, *zoozahradník*, *plexištit*, *bio-obilný* atd.¹⁵

Ačkoliv hybridní složeniny představují nejproduktivnější typ internacionálního neologického tvoření, dochází při něm (v rámci slovotvorné kompozice) také k adaptaci a kalkování cizích kompozit. Viz např. proces (míru) počešťování a napodobování původní (cizí) stránky pravopisné/výslovnostní, slovotvorné, sémantické a stylové u neologismů: *akvacentrum/aquacentrum*, *fytolekař – rostlinolékař*, *agroexport – agrovývoz*, profes. *nounejmový* (nemající regulérní obchodní značku; neznačkový) – *no-name* (neskl. adj.); publ. *telepráce* (práce, zaměstnání na dálku, vykonávané prostřednictvím telekomunikační a počítačové techniky) – *telework*, *teleworking*; expr. hanl. *Vepřoknedloland* (Česká republika – analogicky podle *Disneyland*, *Neverland*) apod.

¹⁴ Viz např. J. Horecký – K. Buzássyová – J. Bosák a kol.: *Dynamika slovné zásoby súčasnej slovenčiny*. Veda, Bratislava 1989.

¹⁵ Podrobněji o hybridních kompozitech v nové slovní zásobě češtiny viz především dvě monografie [Mitter 2003 a 2006].

4. Závěr

Jak jsme se pokusili ilustrovat, kompozice představuje v současné češtině důležitý pojmenovací způsob, vedle tradičního uplatnění v odborné sféře narůstá její role především v textech publicistických (mediálních) a také běžně mluvených. Rozšiřuje se spojovatelnost mnohých domácích základů – využívají se i pro některé nové sémantické okruhy, přičemž stále živý při kompozici zůstává atributivní typ determinace. Existence paralelních víceslovných pojmenování (kolokací) k některým kompozitům (*skiareal – lyžařský areál*) na jedné straně celkově posiluje povědomí o kompozici, na druhé straně dochází, především díky pravopisné nejednotnosti mnohých (zejména hybridních a neologických) kompozit s morfologicky nevyhraněným členem, k proměně vztahu mezi jednoslovnými a víceslovnými pojmenovacími jednotkami (formují se nové afixoidy). Obdobně jako v jiných slovanských jazycích se v české slovtvorbě objevují jevy týkající se samé typologie češtiny. Analýza slovtvorných procesů odrážejících vývoj a proměny jazykových i mimojazykových jevů a vztahů v delším časovém úseku potvrdí, doplní či pozmění zde stručně naznačený popis současného stavu a tendencí v oblasti české slovtvorné kompozice.¹⁶

Literatura

1. Avramova, C.: *Slovoobrazovatelni tendencii pri sštestvitelnite imena v balgarskija i češkija jenzik v kraja na XX vek*. Heron Press, Sofia 2003.
2. Bozděchová, I.: *Tvoření slov skládáním*. ISV nakladatelství, Praha 1994.
3. Bozděchová, I.: *Rekompozice*. In: *Encyklopedický slovník češtiny*. Nakladatelství Lidové noviny, Praha 2002, s. 372.
4. Bozděchová, I.: *Současná terminologie (se zaměřením na kolokační termíny z lékařství)*. Karolinum, Praha 2009.
5. Bozděchová, I.: *Internacionalizační tendence a typ češtiny*. In: *Slovanské jazyky a kultury v současném světě*. MGU, Moskva (v tisku).
6. Čermák, F.: *Types of Language Nomination: Universals, Typology and Lexicographical Relevance*. In: Fontenelle, Th. – Hiligsmann, P. – Michiels, A. *Actes EURALEX '98 Proceedings*. Université de Liege, Liege 1998, s. 237–247.
7. Čermák, F.: *Jazyk a jazykověda*. Karolinum, Praha 2007.
8. Dokulil, M.: *Tvoření slov v češtině I*. Academia, Praha 1962.
9. Helcl, M.: *Podstata kompozice a její podíl na rozhojňování slovní zásoby jazyka českého*. Kand. dis. práce, Praha 1957.
10. Helcl, M.: *Současné tendence při tvoření slov skládáním v češtině*. *Naše řeč* 55, 1972, s. 115–124.
11. Janovec, L.: *Kompozita v současné češtině – komponenty –centrum a –turistika*. In: *Sborník příspěvků z 5. mezinárodního setkání mladých lingvistů*. UP, Olomouc 2004.

¹⁶ Text vznikl v rámci grantového projektu VZ MSM 0021620825 „Jazyk jako lidská činnost, její produkt a faktor“.

12. Janovec, L. – Rangelova, A.: Suffixy a suffixoidní lexémy u substantivních kompozit. In: *Neologizmy v dnešní češtině*. Ústav pro jazyk český AV ČR, Praha 2005, s. 85–98.
13. Kochová, P.: Nové iniciálové zkratky. In: *Neologizmy v dnešní češtině*. Ústav pro jazyk český AV ČR, Praha 2005, s. 242–248.
14. Komárek, M.: Nová slova v češtině (recenze knihy O. Martincové). *Slovo a slovesnost* 58, 1997, s. 141–144.
15. Kuchař, J.: Dva živé typy tvoření odborných názvů. *Naše řeč* 38, 1955, s. 65–68.
16. Lotko, E.: Co odhaluje analýza neologismů v současné češtině? In: *Studia z filologii słowiańskiej ofiarowane profesor Teresie Zofii Orłoś*. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2000, s. 137–141.
17. Martincová, O. a kol.: *Nová slova v češtině 1. Slovník neologizmů*. Academia, Praha 1998.
18. Martincová, O. a kol.: *Nová slova v češtině 2. Slovník neologizmů*. Academia, Praha 2004.
19. Martincová, O.: Nová víceslovná pojmenování. In: *Neologizmy v dnešní češtině*. Ústav pro jazyk český AV ČR, Praha 2005, s. 212–231.
20. Mejstřík, V.: Tzv. hybridní složeniny a jejich stylová platnost. *Naše řeč* 48, 1965, s. 1–20.
21. Mitter, P.: *Složená hybridní substantiva s prvním komponentem cizího původu v současné češtině*. Acta Universitatis Purkynianae 95, Ústí nad Labem 2003.
22. Mitter, P.: Poznámky ke složeným hybridním substantivům s prvním komponentem (členem) cizího původu v současné slovní zásobě. *Slovo a slovesnost* 64, 2003, s. 289–297.
23. Mitter, P.: Vymezení některých prefixoidů a radixoidů v české lingvistické literatuře. *Jazykovědné aktuality* 41, 2004, s. 31–36.
24. Mitter, P.: *Kompozice v kontextu současné češtiny*. Acta Universitatis Purkynianae 127, Ústí nad Labem 2006.
25. *Mluvnice češtiny 1*. Academia, Praha 1986.
26. *Neologizmy v dnešní češtině*. Ústav pro jazyk český AV ČR, Praha 2005.
27. Opavská, Z.: Komponenty e-, i-, m- v nové slovní zásobě. In: *Neologizmy v dnešní češtině*. Ústav pro jazyk český AV ČR, Praha 2005, s. 232–241.
28. Poštolková, B. – Roudný, M. – Tejnor, A.: *O české terminologii*. Academia, Praha 1983.
29. *Průruční mluvnice češtiny*. Nakladatelství Lidové noviny, 2., opravené vyd., Brno 2001.
30. Sager, J. C.: Term Formation. In: *Handbook of Terminology Management*, Vol. 1: Basic Aspects of Terminology Management. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam/Philadelphia 1997, s. 25–41.
31. Skalička, V.: *Typ češtiny*. Slovanské nakladatelství, Praha 1951.
32. Sixtová H.: K otázce adjektiv ovlivněných angličtinou v češtině a bulharštině. In: *Internacionalizmy v nové slovní zásobě. Sborník příspěvků z konference Praha, 16. – 18. června 2003*. Ústav pro jazyk český AV ČR, Praha 2003, s. 99–105.
33. Světlá, J.: Nová adjektivní pojmenování. In: *Neologizmy v dnešní češtině*. Ústav pro jazyk český AV ČR, Praha 2005, s. 99–11.

34. Šlosar, D.: *Česká kompozita diachronně*. MU, Brno 1999.
35. Šmilauer, V.: *Novočeské tvoření slov*. SPN, Praha 1971.

Ивана Боздехова

КОМПОЗИТЫ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕШСКОГО ЛЕКСИКОНА (ТЕРМИНЫ И НЕОЛОГИЗМЫ)

Каждый национальный язык (его словарный состав целиком, а также отдельные номинативные типы и отдельные лексические единицы) отображает общественное, историческое и культурное развитие данного народа. Поэтому языковой анализ может послужить средством реконструкции этого развития. Терминологические системы, стилистическая значимость разных типов новых номинаций или роль чужих и заимствованных слов в процессе номинации новых фактов действительности являются важными иллюстративными средствами такой реконструкции. В связи с этим настоящая статья посвящена словообразовательной композиции в чешском языке, в частности, терминологическим и неологическим наименованиям. Так как в флективном чешском языке композиция типологически имеет лишь небольшое значение, ее доля в чешском словарном запасе в ходе развития меняется. Общее повышение композитов в современном чешском языке обусловлено имитацией словообразовательных моделей, взятых из чужих языков; об этом свидетельствуют прежде всего новые гибридные композиты, в составе которых имеются интернациональные члены. В настоящей статье словосложение рассматривается выборочно и в сокращенном порядке с т.зр. развития его оценки в чешской лингвистической теории (напр. подход к заимствованным и гибридным композитам), а также с т.зр. современных интернационализационных процессов.

Krystyna Waszakowa

(Uniwersytet Warszawski, Warszawa, Polska)

ADAPTACJA SŁOWOTWÓRCZA I SEMANTYCZNA ZAPOŻYCZEŃ WE WSPÓŁCZESNEJ POLSzczyźNIE

1. Uwagi wstępne

O tym, że język polski jest podatny na obce wpływy, świadczą obserwowane na przestrzeni stuleci procesy przejmowania słów i znaczeń. Szczególna rola systemu słowotwórczego współczesnej polszczyzny w procesach adaptacji (przyswajania, przystosowywania) zapożyczeń wyraża się z jednej strony w tworzeniu od nich derywatów (typu *grafciarz* od wł. *graffiti*, *internetowy* od ang. *Internet*), z drugiej zaś – w słowotwórczej dekompozycji pożyczek typu *internauta*, *aborter*, *telemarketer*, które, przejęte do polszczyzny jako całe leksemy, zostały włączone do jej podsystemu słowotwórczego jako jednostki wchodzące w relacje motywacji słowotwórczej. W podanych przykładach wyrazami motywującymi owe zapożyczenia leksykalne są *Internet*, *aborcja*, a w przypadku jednostki *telemarketer* szereg rzeczowników: *telemarketing*, *marketing*, *telefon*, *marketer*. Jak wiadomo, z adaptacją słowotwórczą obcych jednostek nie zawsze idzie w parze ich pełna asymilacja: fonetyczna, ortograficzna, fleksyjna, składniowa, semantyczna, a także pojęciowa. Nie ma też zależności między stopniem adaptacji słowotwórczej obcego słowa a jego aktywnością jako podstawą gniazda słowotwórczego; wielkość, zakres i wewnętrzna struktura gniazd zależą przede wszystkim od czynników pozajęzykowych (zewnątrznych), decydujących o żywotności zapożyczeń i stopniu ich utrwalenia w języku polskim.

W niniejszej pracy zamierzam przyjrzeć się procesom inkorporacji (włączania) obcego słownictwa do języka polskiego w trzech perspektywach: słowotwórczej, semantycznej oraz pojęciowej. Takie spojrzenie pozwoli – jak sądzę – odpowiedzieć na ważne pytanie: co dzieje się z wyrazami obcymi, które obecnie masowo wchodzi do polszczyzny. Jak wiadomo, są to głównie wyrażenia angielskie i internacjonalizmy (w tym zbiorze dominują anglicyzmy i amerykańizmy), dotyczące życia politycznego, gospodarczego, społecznego, szeroko rozumianej komunikacji itp., takie jak np. *billing*, *leasing*, *lobbing*, *fighter*, *mobbing* czy najnowszy *celebryta*. Chciałabym nie tylko zarysować ogólne sytuacje związane z przejmowaniem pożyczek, ale przede wszystkim ukazać: w jakie relacje słowotwórcze wchodzi te włączane do języka polskiego jednostki obce i co się dzieje z ich znaczeniem.

W pierwszej kolejności syntetycznie przedstawię typy asymilacji słowotwórczej wyrazów obcych (pośrednio świadczące o stopniu ich zakorzenienia w polszczyźnie), po czym przejdę do kwestii semantycznych, a dokładniej: do pokazania, jakiego rodzaju sytuacje między językiem-biorcą a językiem-dawcą można wyróżnić ze względu na relacje między znaczeniem leksemy w języku, który dany wyraz zapożyczył, a jego znaczeniem w języku wyjściowym.

W opisie znaczenia zapożyczeń odwołuję się do szeroko rozumianego kontekstu, językowego i kulturowego. Pozwala on wyjaśnić znaczenie przejętego wyrażenia, a także jego strukturę pojęciową. Bliskie jest mi ujęcie R. Langackera, który twierdzi, że:

„znaczenie bazuje na konceptualizacji – doświadczeniu mentalnym obejmującym doświadczenia sensoryczne, procesy tworzenia nowych pojęć i wiedzę kontekstową” [...]; „struktury konceptualne są niezależne od języka, „stają się semantycznymi w takim stopniu, w jakim są one przywoływane przez struktury językowe” [Langacker 1995: 18, 29]¹

Konceptualizacja bywa też ujmowana jako żywy proces tworzenia nowych pojęć; w takim ujęciu w polu badania stają pytania: jak tworzone są nowe koncepty, jak na powstanie nowego pojęcia wpływają inne pojęcia, już istniejące w danym systemie konceptualnym, jak można objaśnić zdolność człowieka do stałego wzbogacania tego systemu [Kratkij 1996: 93].

Idąc tym tropem, spoglądam na inkorporowane do języka polskiego jednostki obce jako na kreowane i interpretowane w tekstach innowacje, które powtarzane w innych tekstach utralają się w polszczyźnie, zyskując w niej status leksemów. Przyjmuję, że każdemu z tych zapożyczeń odpowiada struktura semantyczna, a także przywoływana przez nią struktura konceptualna, złożona z pojęć (zestawu /matrycy domen kognitywnych)². Zaadaptowane wyrażenia badam jako struktury słowotwórcze, semantyczne, a zarazem pojęciowe; staram się też określić, w jakim stopniu odpowiadają ona znaczeniowo i konceptualnie jednostkom w języku-dawcy. Tak zorientowaną analizę przedstawiam w postaci szkicowej; porównanie struktur pojęciowych jednostki w kontekstach językowych i kulturowych języka-biorcy i języka-dawcy jest zadaniem niewątpliwie pasjonującym, ale i skomplikowanym, wymagającym dalszych studiów.

2. Sposoby włączania zapożyczeń do systemu słowotwórczego języka polskiego

Zagadnienie to było przedmiotem uwagi językoznawców w o wiele większym stopniu niż badanie relacji semantycznych zachodzących w procesach zapożyczenia. Do przejmowania elementów z języka bardziej ekspansywnego, a taką rolę pełni dziś język angielski względem języka polskiego, dochodzi w różnych sytuacjach użycia, zwykle w kontekście, z różnym stopniem udziału świadomości nadawcy (mówiącego). Wyrazy obce stają się jednostkami leksykalnymi wtedy, gdy ulegają konwencjonalizacji – rozprzestrzeniają się w użyciu danej wspólnoty mówiących, zwykle poprzez ich wielokrotne użycia; ich rola wzrasta, gdy zostaną wykorzystane w charakterze „budulca” do tworzenia struktur na gruncie języka-biorcy, przez co zwiększa się też stopień zakorzenienia owych pożyczek w języku, który je przejął. Jako wyrazisty przykład tego typu procesów można podać przeniesione w latach 80. do polszczyzny anglicy-

¹ W rosyjskim słowniku terminów kognitywnych to kluczowe pojęcie lingwistyki kognitywnej jest rozumiane jako „jeden z ważniejszych procesów poznawczej działalności człowieka, polegający na interpretacji docierającej do niego informacji i doprowadzający do tworzenia konceptów, struktur konceptualnych i całego systemu konceptualnego w mózgu (psychice) człowieka” [Kratkij 1996: 93].

² Domena kognitywna jest „rodzajem doświadczenia, prostym pojęciem, pojęciowym złożeniem, całym złożonym systemem wiedzy [który jest niezależny od języka i nieograniczony], czasem doświadczeniem zmysłowym. Każde wyrażenie językowe przywołuje jedną lub więcej domen kognitywnych. [...] domeny kognitywne są źródłem treści konceptualnych dla wyrażen językowych [...] tworzą tło, z którego wyodrębnia się pojęcie (koncept)” [Langacker 1995:18-19].

zmy *workaholic*, *shopaholic*, a następnie stopniowo przez nią zaadaptowane, o czym świadczą formy „przejściowe”: *workaholik*, *shopaholik* // *shopoholik*, następnie *pracoholik*, *sklepoholik* / *zakupoholik* (dwie odrębne kalki o różnej strukturze pojęciowej) i w dalszej kolejności – utworzone w ramach już wyodrębnionego w polskim systemie słowotwórczym modelu: nazw osobowych subiektów-nosicieli cech z segmentem *-holik* – derywaty analogiczne w rodzaju *mlekoholik*, *lekoholik* oznaczające osobę, która w sposób przesadny, wręcz nałogowy oddaje się czynności, na którą pośrednio wskazuje pierwszy rzeczownikowy człon złożenia³.

Patrząc od strony słowotwórczej na to, co dzieje się z przejmowanymi jednostkami obcymi, możemy wyróżnić następujące sytuacje związane z ich wchodzeniem do systemu słowotwórczego polszczyzny:

a) włączenie obcego leksemu dokonuje się za pomocą rodzimych morfemów nadających

jednostce obcej status określonej części mowy, por. derywaty *lobbować*, *lobbowany*, utworzone od zapożyczenia *lobbing*, *transparentny*, *transparentnie* od angielskiego przymiotnika *transparent* czy *kliknąć* – od czasownika angielskiego *click*;

b) obcy leksem przejęty do języka polskiego wchodzi w relacje motywacyjne właściwe

polszczyźnie: albo poprzez dotworzenie wyrazu motywującego (np. *lobbing* zyskuje status derywatu dzięki utworzonemu czasownikowi *lobbować*), albo poprzez równoległe zapożyczenie wyrazu motywującego, jak w przypadku formacji *aborter*, *aborcjonista*, motywowanych przez również przejęty do polszczyzny rzeczownik *aborcja*;

c) zapożyczone wyrażenia stają się podstawą nowych derywatów słowotwórczych tworzonych na gruncie języka polskiego, np. od wyrazu *haker* powstały derywaty *hakerstwo*, *hakerka*;

d) włączenie obcych elementów odbywa się z użyciem leksemów rodzimych, np. przyjęty do polszczyzny anglicyzm *workaholic* zostaje inkorporowany do jej podsystemu słowotwórczego w postaci *pracoholik*;

e) w jednostce obcej wyodrębnia się segment, który zaczyna pełnić rolę afiksu lub członu złożenia, np. wydzielone z zapożyczeń *e-mail*, *cyberspace*, *workaholic* elementy *e-*, *cyber-*, *-holik* funkcjonują w polszczyźnie jako aktywne segmenty tworzące liczne composita, np. takie jak *e-uczelnia*, *cyberksięga* czy *słodczoholik*⁴.

³ W wyrazach angielskich reprezentujących ów model rolę słowotwórczego segmentu pełni wyodrębniony ze słowa *alcoholic* morfem *-aholic*, który – jak pisze B. Warren – w żadnym razie nie jest wariantem słowa *alcoholic*, ale jego częścią; w wyrazach typu *workaholic*, *spendaholic* cząstka *-a-* pełni rolę fonemu łączącego oba elementy: *work* i *holic*. Autorka podkreśla, że znaczenie morfemu *-(a)holic* ‘osoba robiąca coś nałogowo’ zostało przejęte z wyrazu *alcoholic*, chociaż w nim samym treści ‘osoba robiąca coś nałogowo’ nie kojarzymy z sekwencją fonemów *-holic* [Warren 1990]. W polszczyźnie człon ten występuje jedynie w postaci *-holik*, choć i w tym przypadku rola wcześniejszej pożyczki *alcoholic* jest bezsporna.

⁴ Osobliwe zjawisko stanowi wyodrębniony z angielskich rzeczowników z sufiksem *-er* typu *rocker* w postaci liczby mnogiej: *rockers*. O tym, że segment *-ers* w polszczyźnie pełni rolę sufiksu świadczą tworzone na jej gruncie nazwy typu *platformersi* ‘o członkach Platformy Obywatelskiej (współczesnej partii politycznej)’, *wrotkersi* ‘jeżdżący na wrotkach’; formy z sufiksem *-ers* reprezentują liczbę pojedynczą, w liczbie mnogiej dołączana jest końcówka fleksyjna, por. *platform-ers(i)*, *wrotk-ers(i)*.

3. Semantyczny aspekt przejmowania wyrazów obcych do języka polskiego

Każdy przyzna, że najłatwiej rozpoznać w tekstach takie zapożyczenia, jak *e-mail*, *graffiti* czy *jacuzzi*, ponieważ „wyglądają obco”. Dokładniejsza obserwacja zjawiska przejmowania wyrazów obcych od strony semantycznej, czyli najogólniej mówiąc, pod kątem odpowiedniości między znaczeniem, jakie przejęte słowo wniosło do języka polskiego, a jego znaczeniem (znaczeniami) w języku-dawcy, ukazuje złożoność i różnorodność procesów inkorporacji leksemów obcych do polszczyzny. Procesy te dają się sprowadzić do czterech typów:

(1) zapożyczony leksem wchodzi wraz z nowym znaczeniem, przy czym może on oznaczać przedmiot, rzecz itp. (np. *jacuzzi*, *musli*) albo złożone pojęcie, np. *lobbying*, *telemarketing*; znaczenie zapożyczenia w pełni odpowiada temu, jakie ma ów leksem w języku-dawcy (np. *jacuzzi*, *musli*) albo tylko częściowo, jednemu z wielu jego sensów w języku źródłowym – tak jak np. w przypadku rzeczownika *klik* i jego źródłosłowa: angielskiego *click*;

(2) zapożyczone wyrażenie odnosi się do pojęcia istniejącego w języku-biorcy i mającego

swoją nazwę (nazwy), np. przymiotnik *trendy*;

(3) zapożyczony wyraz odnosi się do zjawiska (i pojęcia) istniejącego w języku-biorcy,

przy czym nie jest tożsamy z nazwą określającą je, ponieważ zawiera nowe treści, dotyczące np. zakresu użycia danego słowa, nacechowania aksjologicznego i/lub stylistycznego, jak w przypadku rzeczowników *aborcja* i *gej*;

(4) zapożycza się wyłącznie znaczenie – w typie tym istniejący w języku-biorcy leksem

pod wpływem obcym „zdobywa” nowe znaczenie, por. *mysz*, *sieć* w ich użyciach w języku komputerowym.

W kolejnych punktach, omówię krótko te typy wraz z podanymi przykładami, przy czym więcej uwagi poświęcę pierwszej grupie, obejmującej najbardziej zróżnicowane zjawiska.

3.1. Przejmowanie takich zapożyczeń, które są formalnie nowe i niosą nowe treści, jest – jak wiadomo – najbardziej widocznym znakiem otwartości języka polskiego na wpływy obce. Chodzi o leksemy typu *musli* (rzadziej *müsli*, *muesli*), *jacuzzi*, *marketing*, *telemarketing*. Znaczenia tego typu jednostek czasem (zwłaszcza w początkowym stadium ich zapożyczania) przybliżają konteksty, w jakich się pojawiły – zwykle są one bardzo przydatne odbiorcy w rozumieniu nowych słów (bynajmniej nie tylko przejętych z języków egzotycznych). Rolę taką pełni kontekst, w jakim został użyty wyraz *musli* ‘mieszanka różnych płatków zbożowych z dodatkiem orzechów, sezamu, rodzynek, suszonych owoców itp., spożywana z dodatkiem mleka lub jogurtu, zwykle na śniadanie’ [WSWO], por.

Musli owocowe to starannie dobrana kompozycja płatków zbożowych, owoców i bakalii. Stanowi znakomite uzupełnienie codziennej diety wzbogacając ją [Google. www.zdrowazywnosc.com.pl/index]

Z kolei leksem *jacuzzi* (rzadziej *jakuzzi*) wniósł do języka polskiego następujące treści: ‘wanna lub mały basen z zainstalowanymi w wielu punktach dyszami, z których

wypływa pod ciśnieniem woda masująca ciało’; bywa też używany w znaczeniu czynnościowym: ‘kąpiel relaksująca w takiej wannie’ [WSWO]⁵, por.

Najprostszą formą masażu wodnego jest zwykły prysznic. Więcej możliwości daje kąpiel w wannie z hydromasażem. Wanny te potocznie zwane są „jacuzzi” od nazwy firmy, która opatentowała to rozwiązanie i jako pierwsza wprowadziła na rynek ten rodzaj wani. [...] Przy basenach wanna do jacuzzi wydaje się mała, chociaż w rzeczywistości może pomieścić sześć osób. [P-DWN]

Z włączeniem obu tych leksemów do polszczyzny następuje przeniesienie matrycy domen, skupiającej pojęcia z nimi związane, wskazujące na cechy nieznanymi wcześniej użytkownikom polszczyzny desygnatów – przedmiotów, kryjących się za tymi nowymi formami wyrazowymi.

Zapóżyczaniami o bogatej treści, ale odnoszącymi się wyłącznie do złożonych czynności, są np. *marketing* oznaczający ‘działania gospodarcze polegające na poznaniu potrzeb konsumentów, ustalaniu wielkości produkcji oraz metod dystrybucji, sprzedaży i reklamy towarów’ [WSWO]. Wcale nierzadko na równie złożonych strukturach pojęciowych opierają się także wprowadzane do polszczyzny pożyczki, które wchodzą do jej systemu słowotwórczego jako derywaty, czyli jednostki motywowane słowotwórczo, np. takie jak *composita*, typu *telemarketing* i *telemarketer*. Por. konteksty:

Telemarketing jest jednym z narzędzi marketingu bezpośredniego wykorzystującym komunikację telefoniczną z aktualnymi lub potencjalnymi klientami. [Wikipedia]

Telemarketerzy to telefoniczni handlowcy, którzy udzielają klientom podstawowych informacji i umawiają spotkania z agentami. www.praca.gazeta.pl 2002 [P-DWN]

W obu wypadkach za nowość pojęć *telemarketing* i *telemarketer* zasadniczo „odpowiada” ich drugi człon, jako że pierwszy (o postaci zdeintegrowanej) ogólnie nawiązuje do znanego wyrazu *telefon*.

Matryce domen, leżące u podstaw owych zapóżyć – złożone z pojęć, do których odsyłają cechy semantyczne ich desygnatów: przedmiotów, zjawisk, zdarzeń itp. – mogą powiększać się nie tylko dlatego, że dane gniazdo słowotwórcze rozrasta się poprzez zapóżyczanie kolejnych leksemów (tak jak to ma miejsce w przypadku jednostek *marketing*, *marketer*, *telemarket*, *telemarketing* i *telemarketer*), ale i dlatego, że od niektórych pożyczek tworzone są derywaty słowotwórcze również na gruncie języka polskiego. U podstaw tak utworzonych, a zarazem w ten sposób powiększanych, gniazd słowotwórczych polszczyzny znajdują się złożone struktury pojęciowe (matryce domen), w których zawarte są wszystkie cechy semantyczne każdej jednostki należącej do owego gniazda.

⁵ Słownik ten podaje, że wyraz ten jest pożyczką amerykańską: jacuzzi to „nazwa handlowa, od nazwiska C. Jacuzzi, 1903-1986, wynalazca amer[ykański] pochodzenia wł[oskiego]” [WSWO]. Znaczenie czynnościowe wyraża też okazjonalizm jakuzzować się, por. „[...] cudnie było mieć 2 godziny na basenie zamiast jednej, cudnie było się taplać, jakuzzować się w zimnej wodzie” [Internet, wyszukiwarka Google].

Wielkość powstałych na bazie nowych zapożyczeń gniazd bywa różna⁶. Na przykład, gniazdo słowotwórcze, którego podstawą jest rzeczownik *marketing*, nie jest zbyt duże: oprócz wspomnianych compositów należą do niego derywaty: *marketingowy*, *marketingowiec*, *marketingować*, *marketingówka*, *marketerka*, *telemarketerka*, *telemarketingowy*, *telemarketingowiec*⁷. Każdemu elementowi owego gniazda właściwy jest osobny profil – oznacza to, że na znaczenie danej struktury składa się określony zestaw pojęć uwydatnionych (podświetlonych) z matrycy domen leżącej u podstaw tego gniazda. Np. w derywatach *telemarketer* i *telemarketingowiec* podświetlone (wyprofilowane) zostały cechy ‘ktoś, kto zawodowo wykonuje czynność, do której odnosi się pojęcie ‘telemarketing’⁸.

Rzeczą bardzo interesującą, a jednocześnie stosunkowo mało zbadaną i opisaną, są semantyczne cechy leksemów inkorporowanych do języka polskiego, a co za tym idzie: sposób przeniesienia ich struktur pojęciowych, w których zawarta jest określona wiedza, a bywa, że nawet interpretacja rzeczywistości (można rzecz, obraz świata) społeczności używającej języka-dawcy. Jak wiadomo, jednostki, które w języku-dawcy są leksemami polisemicznymi, zwykle są zapożyczane w określonym znaczeniu. Mówiąc o zapożyczeniach, użytkownicy języka, a także w jakimś stopniu i leksykografowie mają na uwadze leksemy, a nie ich konkretne znaczenia w języku-dawcy; słowniki podają język, z jakiego dany wyraz obcy został przejęty, bez uwzględniania szczegółowych informacji, do którego ze znaczeń słowa źródłowego zapożyczone przez polszczyznę wyrażenie bezpośrednio nawiązuje. Np. wieloznaczny w języku angielskim rzeczownik *market* został przejęty do polszczyzny bynajmniej nie ze wszystkimi jego odniesieniami referencyjnymi, ale jedynie w konkretnym znaczeniu: ‘duży, wielobranżowy sklep samoobsługowy’. Przy okazji warto zauważyć, że jego interpretacja w polszczyźnie jest konstruowana na bazie wspólnej wiedzy (językowej i pozajęzykowej) Polaków⁹. Tak jak *market* nie jest synonimem rzeczownika *sklep*¹⁰, tak i zaadaptowany *menedżer* nie jest równoznaczny

⁶Np. gniazdo od podstawy musli jest zaledwie jednoelementowe: baton muslowy. Inaczej jest w przypadku zapożyczenia Internet / internet – na jego gniazdo składają się leksemy zarówno zapożyczone, jak i utworzone na gruncie polszczyzny: internauta / internetonauta, internautka, internautyka, internetecista, internetoholik, internetoholiczka, internetoholizm, internetowiec, internetomania, internetomaniak / intermaniak, interpielgrzym, intersklep, internetowy, internetyzacja, internetyzować. Z kolei gniazdo od podstawy esemes (od angielskiego skrótu SMS: Short Message Service) tworzą utworzone na gruncie polszczyzny derywaty: esemesowy, zaesemesować, poesemesować, esemesik / esemesek. Paralelne gniazda od tych samych zapożyczeń w innych językach słowiańskich ze zrozumiałych względów mają różną objętość, np. w języku ukraińskim gniazdo od podstawy Internet / internet liczy 96 słów [Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008: 267-269]; w dwutomowym czeskim słowniku neologizmów pod red. O. Martincovej gniazdo to liczy 31 wyrazów [NSČ 1998, NSČ 2004].

⁷ Użycia wszystkich tych form można znaleźć w Internecie, posługując się wyszukiwarką Google; por. Apple popelnił niepierwszy błąd: udostępnił technologię, zamiast samemu ją intensywnie marketingować. / Nasza marketingówka niedługo idzie na macierzyński” / Od września będę zatrudniał pracownika, którego obowiązkiem będzie pozyskiwanie dostawców – krótko mówiąc, telemarketingowca.

⁸ Odwołując się do pojęć Langackerowskich powiemy, że formant -er występuje w roli trajectora, a temat słowotwórczy telemarketing – pełni rolę landmarka [Langacker 1987, Waszakowa 2003].

⁹ Mam tu na uwadze utrwalone obrazy kryjące się za wyrażeniami sklep wielobranżowy i sklep samoobsługowy.

¹⁰ Podobnie derywat przymiotnikowy marketowy nie jest równoważnikiem semantycznym leksemu sklepowy.

ani z leksemem *zarządca*, ani *organizator*. Na tej samej zasadzie za jednostkę nową pod względem formy i treści należy uznać wyraz *shopping / shoping* ‘robienie zakupów w centrach handlowych, będące formą spędzania wolnego czasu, por.

Ta grupa najczęściej używa argumentu, że nie należy potępiać naszych handlarzy, skoro „shopping”, czyli wyjazdy na zakupy, nie są tylko naszą specjalnością [P-DWN]

[...] do centrów handlowych przyjeżdżają nierzadko autami, na shopping, randkę lub spotkać się [Internet, wyszukiwarka Google]

W matrycy domen leżącej u podstaw tej struktury semantycznej uwydatnione (podświetlone) są m.in. złożone pojęcia: ‘centrum handlowe’, ‘charakterystyczny dla tego typu miejsc sposób robienia zakupów’.

W omawianym tu aspekcie przenoszenia siatek pojęciowych warto nieco bliżej przyjrzeć się nowym derywatom *klikać /kliknąć, klik, klikanie /kliknięcie*. Stanowią one rezultat adaptacji anglicyzmu *click*, ale tylko w jednym z jego znaczeń – określającym czynność związaną z wydawaniem krótkiego, ostrego dźwięku. W słowniku Collinsa w haśle *click* znaczenie to podane jest jako pierwsze: „1 If something clicks or if you clicks it, it makes a short, sharp sound. *The applause rose to a crescendo and camera clicked ... He clicked off the radio*”; w dalszej jego części czytamy, że *click* jest też rzeczownikiem – tę jego funkcję ilustruje tylko jeden przykład odnoszący się do czynności wykonywanych z udziałem klawisza myszy komputerowej, por. *A click of a button on the mouse controlled the computer's functions*” [CCED]. U podstaw zapożyczonego do polszczyzny leksemu *click* oraz utworzonych na jego bazie derywatów znajduje się matryca domen (złożona siatka pojęciowa). Pojęcia te odnoszą się do czynności aktywizujących szereg domen, m.in. takich jak: ‘komputer, jego elementy’, ‘program komputerowy’, ‘polecenia wydawane komputerowi’, ‘funkcje klawisza myszy komputerowej’. Por. definicja *klikać* w WSWO: „naciskać klawisz myszy komputerowej, aby uruchomić program komputerowy, wydać określone polecenie itp.” oraz konteksty z NKJP:

[...] wystarczy ustawić wskaźnik myszy nad odpowiednim obrazkiem i kliknąć jej lewym przyciskiem

[d]ane wszystkich twoich klientów do komputerowej bazy danych. Jeden klik myszy umożliwi ci szybki dostęp do nich.

Jak widać, leksemy *klikać /kliknąć, klik, klikanie /kliknięcie*, choć pozostają w związku z przytoczonym podstawowym znaczeniem jednostki *click* w języku angielskim, różnią się od niej strukturą pojęciową. Angielskie *click* jako nazwa imitująca charakterystyczny cichy dźwięk odpowiada polskiej jednostce *pstryk* (tej używamy na określenie dźwięku, jaki słychać np. po naciśnięciu migawki aparatu fotograficznego); bywa też określany jako *trzask*. Tego typu użycia wyrazów *klik, kliknięcie* są wprawdzie poświadczone w NKJP, ale w porównaniu z tymi, które odnoszą się do czynności wykonywanych z udziałem komputera, jest ich bardzo mało¹¹.

¹¹ Oto jeden z nielicznych tego typu kontekstów: *Klik, klik. Trzaskają spusty migawek, błyskają flesze – małe światelka, które widać nawet z tarasu [...].*[Internet, wyszukiwarka Google].

Analiza danych korpusowych ukazuje ponadto, że stopniowo zmienia się zakres semantyczny tej grupy słów w związku z rozwojem komputeryzacji, ściślej wraz z wejściem do powszechnego użytku notebooków¹². I tak wyrażenie *kliknąć na* odnosi się do ustawienia kursora w określonym miejscu ekranu i albo kliknięcia myszą, albo dotknięcia (lekkiego uderzenia) w touchpad notebooka – ta druga czynność nie powoduje powstania takiego dźwięku, który był związany z przyciśnięciem myszy komputerowej). Por. konteksty:

[...] należy najpierw skorzystać z menu „Narzędzia”, „Dostosuj” i kliknąć na zakładkę „Polecenia”.

Aby pomóc dzieciom należy na stronie www.pajacyk.pl kliknąć na brzuszek pojawiającego się pajacyka. [Internet, wyszukiwarka Google]

Przy okazji warto zauważyć, że słowo *klikać* okazjonalnie pojawia się też w znaczeniu ogólniejszym: ‘szukać w Internecie, prowadzić dialog przy użyciu komputera’, por.

[j]a też klikam po kilkadziesiąt razy dziennie [...] i ja już jestem nałogową klikaczką chyba [...]

[...] ale nie wiem czy on chce... To znaczy nie chcę znowu siedzieć i klikać z nim 8 godzin dziennie jak kiedyś przed spotkaniem. [Internet, wyszukiwarka Google].

Nowe pojęcia są także przejmowane za pomocą wyrazów należących do języka-biorcy, wykorzystywanych jako środki do odwzorowywania znaczeń jednostek importowanych z innego języka; chodzi o kalki w rodzaju *cyberprzestrzeń*, *cyberwojna* (z ang. *cyber-space*, *cyberwar*), *e-bilet*, *e-książka* (z ang. *e-ticket*, *e-book*). Te formalnie nowe struktury (a zarazem częściowe repliki) nawiązują wprawdzie do pojęć już istniejących w języku zapożyczającym, jednakże każda z nich ma u podstaw całkiem nową siatkę pojęciową, złożoną z tylko sobie właściwej matrycy domen. Ich składowe pojęcia, takie jak ‘przestrzeń’, ‘wojna’, ‘książka’, ‘sklep’ w zestawieniu z pojęciami, do jakich odnoszą się pierwsze człony tych struktur, rozszerzają swoje znaczenia względem tych sensów, jakie odpowiadają podstawowym leksemom prostym: *przestrzeń*, *wojna*, *bilet*, *książka*. W podanych compositach są bogatsze o przynajmniej jedną dodatkową cechę ‘mający związek z Internetem’.

3.2. Sytuację, gdy zapożyczone wyrażenie odnosi się do pojęcia mającego w polszczyźnie swoją nazwę (nazwy), można zilustrować na przykładzie przymiotnika *trendy*. Ten preferowany, a nawet lansowany przez niektóre media, wyraz występuje w użyciach predykatywnych (*ktoś /coś jest trendy*) w znaczeniu takim samym, jakie ma jego angielski „przodek”: ‘modny, nowoczesny, na czasie’. Wykazuje też podobną łączliwość, a także nacechowanie stylistyczne: przynależy do potocznej warstwy języka,

¹² W notebookach funkcję myszy pełni tzw. touchpad „inform. mała prostokątna powierzchnia, po której przesuwa się palcem w celu wprowadzenia w ruch kursora na ekranie komputera i w którą lekko się uderza, aby wybrać żadaną opcję” [WSWO].

bywa używany zarówno w odniesieniu do osób, jak i na określenie wartościowanych dodatnio poglądów, kierunków, wydarzeń itp.¹³ Por. przykładowe konteksty:

Chcesz być trendy? Chcesz znaleźć swój styl i wyróżnić się z tłumu? Podpowiemy Ci, co jest na topie i gdzie kupić najmodniejsze rzeczy w sezonie. [P-DWN]

Ząbkowska jest trendy! [nagłówek]

Pracownie Althamera, Kozyry, Górskiej, teatr Academia, agencje reklamowe, kawiarnie, galerie. Stara Praga zmienia oblicze. Do niedawna źle kojarzone: Szmulowizna, Ząbkowska i Targowa, zaczynają być modnym miejscem do życia, pracy i zabawy.

Zapożyczenie to wykazuje semantyczną bliskość względem innego modnego dziś wyrażenia o szerszym zakresie znaczeniowym (*być, znaleźć się na topie*, tzn. ‘być w centrum uwagi, osiągnąć szczyt popularności’ – opartym na jednym ze znaczeń angielskiego rzeczownika *top*).

3.3. Osobny typ stanowią te pożyczki, które odnoszą się do zjawiska (i pojęcia) istniejącego w języku-biorcy, przy czym nie są one tożsame z istniejącymi w nim wyrazami określającymi dane zjawisko, ponieważ inkorporowane jednostki zawierają nowe treści, dotyczące np. zakresu użycia danego słowa, jego nacechowania aksjologicznego czy stylistycznego. Wśród nowych wyrażen mających swoje leksykalne odpowiedniki w języku polskim znajdują się m.in. *gej* (z ang.-amer. *gay*) i *aborcja* (z ang. < (*artificial*) *abortion* ‘poronienie sztucznie wywołane’, a to z łac. *abortio* ‘poronienie’ [P-SWO]).

Pierwszy z nich jest nowym potoczyszmem (środowiskowym), podczas gdy jego odpowiednik *homoseksualista* podobnie jak większość genetycznie obcych rzeczowników z sufiksem *-ista* należy do erudycyjnej warstwy polszczyzny. Oba leksemu cechuje powodowana czynnikami pozajęzykowymi aktywność słowotwórcza, o której świadczą neologizmy typu *gejowski, gejowy, gejówka, homotata, homomałżeństwo, homozwiązek*. Composita z członem *homo-* należą do dyskursu medialnego dotyczącego praw tzw. mniejszości seksualnej; pojawiają się w wypowiedziach strony nie popierającej żądań środowiska homoseksualistów. W tej funkcji bywają też używane derywaty *homo, homoś*.

Nie trzeba być językoznawcą, aby zauważyć, że wyraz *aborcja* jest dość często używany w języku w mediach, zwłaszcza wtedy, gdy ożywia się dyskurs polityczny (i feministyczny) na temat ustawy o dopuszczalności przerywania ciąży. Przejęty do polszczyzny ogólnej na początku lat 80. leksem *aborcja* szybko stał się podstawą gniazda słowotwórczego skupiającego m.in. derywaty: *aborter, aborcjonista /aborcjonalista, aborcjonistka, aborcjusz, aborcjogenny*. O „karierze” zapożyczenia *aborcja* w polszczyźnie oprócz czynników pozajęzykowych niewątpliwie zdecydowały też względy językowe – potrzeba odpowiedniego leksemu stylistycznie neutralnego odnoszącego się do czynności przerywania ciąży w miejsce nacechowanych (w różnym stopniu) potocznością: eufemizmu *zabieg* i mało eleganckiego ze względu na swą „obrazowość”

¹³ Por. hasło *trendy* w CCED: „1 If you say that that something or someone is trendy, you mean that they are very fashionable and modern; an informal use”.

derywatu *skrobanka*. Jak widać, różnice między pożyczkami *gej* i *aborcja* a funkcjonującymi w polszczyźnie przed ich przejściem nazwami znaczeniowo im bliskimi wiążą się z różnicami w odpowiadających tym jednostkom strukturach pojęciowych, zawierających odmienne sposoby konceptualizacji zjawisk, do jakich się one odnoszą.

3.4. Sytuacje, kiedy istniejący w języku zapożyczającym leksem pod wpływem obcym „zdobywa” nowe znaczenie, nie są bynajmniej czymś niezwykłym, właściwym współczesnym anglicyzmom czy internacjonalizmom. Do zbioru tego typu jednostek określanych mianem *zapożyczeń semantycznych* lub *neosemantyzmów*¹⁴ należą m.in. rzeczowniki *mysz*, *sieć*, *wirus* w ich znaczeniach związanych z rozwojem informatyki, tzn. dotyczących komputera (jego części, sposobu działania), programów komputerowych, Internetu itp. Są one polskimi replikami określonych znaczeń angielskich leksemów polisemicznych; przesunięcia semantyczne, wskutek których wyodrębniły się „komputerowe” znaczenia tych wyrazów dokonały się na gruncie języka angielskiego¹⁵, a nie polskiego, choć treści te semantycznie motywują się również w naszym języku, por. *wirus* „1 zarazek mniejszy od bakterii, rozwijający się wewnątrz żywej komórki, wywołujący choroby u ludzi, zwierząt i roślin [...] 2 program wprowadzony do systemu komputerowego bez wiedzy i wbrew woli użytkowników systemu, mający zdolność powielania się przez dopisywanie swojego kodu do innych programów, powodujący zakłócenia w eksploatacji komputera” [ISJP].

Wymienione przykłady przejętych znaczeń „komputerowych” takie, jak np. *mysz* i *sieć* świadczą, że integracja semantyczna nowych elementów międzynarodowych może dotyczyć także warstwy słownictwa genetycznie rodzimego, wręcz leksemów o korzeniach prasłowiańskich. Chodzi o najnowsze znaczenia tych rzeczowników, będące semantyczną repliką angielskich rzeczowników *mouse* oraz *net /web*¹⁶.

Badacze zwracają uwagę, że procesy przejmowania znaczeń przyczyniają się do semantycznego rozwoju całej leksyki danego języka, a nie tylko jej części genetycznie obcej.

Od zapożyczeń semantycznych w językach tych utworzone zostały liczne derywaty słowotwórcze. Np. niektóre z neosemantyzmów komputerowych w polszczyźnie stały się podstawą formacji słowotwórczych, por. *myszka*, *sieciowy*, *zawirusować*, *zawirusowany*.

Jak wiadomo, z różnych względów nie zawsze jest łatwe ukazanie związku semantycznego struktur bliskich sobie formalnie. Jako przykład tego typu sytuacji niech posłuży nowe słowo *aquapark / akwapark*. Ten przejęty w całości wyraz, podobnie jak omawiane wcześniej rzeczowniki *telemarketing* i *telemarketer*, został włączony w relacje motywacyjne, które uprawniają do uznania go za derywat słowotwórczy. Compositum to formalnie i semantycznie nawiązuje do jednostek należących do leksykonu polszczy-

¹⁴ Drugie określenie ma zakres czasowy: odnosi się do znaczeń, które dla danego okresu można uznać za nowe. Pożyczki te charakteryzują się tym, że są mało widoczne dla przeciętnych użytkowników języka, dlatego też bywają nazywane zapożyczeniami ukrytymi [Markowski 2000] w opozycji do tych widocznych, wyróżniających się cechami formalnymi, np. takich jak *bungee*, *jacuzzi* czy *T-shirt*.

¹⁵ Por. dane ze słownika CCED: „1 A virus is a kind of germ that can cause disease [...] 2 In computer technology, a virus is a program that introduces itself into a system, altering or destroying the information stored in the system”.

¹⁶ W języku czeskim wyraz *sít* w podobny sposób rozszerzył swoje znaczenie, por. połączenia *sít* ‘globalní, počítačová *sít*’.

zny (por. dawne pożyczki *akwarela*, *akwarium*, *akwen*, *akwedukt*, *akwanautyka*). O ile jednak pierwszy segment *aqua-/akwa-* (niesamodzielny, związany) w pełni zachowuje znane polszczyźnie znaczenie ‘związany z wodą’, o tyle związek drugiego członu z wyrazem *park* jest dość luźny – cechami istotnymi w nowej strukturze są ‘obszar /teren, zwykle ogrodzony’ oraz ‘znajdujące się na nim różnego typu baseny służące wypoczynkowi, relaksowi itp.’. Obecność drzew, krzewów, kwiatów, trawy (ogólnie: roślinności), będąca cechą definicyjną *parku* w jego rozumieniu prototypowym, w wyrazie *aquapark* / *akwapark* nie należy do znaczenia drugiego członu. Por. kontekst:

Na akwapark złoży się jednak w sumie aż pięć basenów, w tym dwa rekreacyjne (o powierzchni 200 i 500 metrów kwadratowych), dla dzieci do nauki pływania (brodzik) i basen zewnętrzny (200 metrów kwadratowych), pomyślany jako atrakcja letnia. darlowo.info.pl 2006 [P-DWN]

Można więc mówić o kolejnym przesunięciu znaczenia rzeczownika *park* w polszczyźnie pod wpływem obcym. Wcześniej zapożyczone zostały połączenia typu *park maszynowy*, *samochodowy* ‘urządzenia lub pojazdy będące własnością jakiejś instytucji, przedsiębiorstwa itp.’ [ISJP]¹⁷ – ich struktura pojęciowa nie ma oparcia w znanych polszczyźnie użyciach rzeczownika *park*, związek semantyczny wykazuje natomiast przesunięcie metonimiczne (raczej nie powstałe na gruncie polszczyzny) ‘teren, na którym znajdują się te urządzenia lub pojazdy’¹⁸.

Wszystko wskazuje na to, że przesunięcie znaczenia w wyrazie *park*: ‘teren, na którym rosną drzewa, kwiaty i trawa, położony zwykle w mieście’ na ‘teren, na którym znajdują się urządzenia’ dokonało się pod wpływem języka angielskiego, o czym świadczą choćby utrwalone w polszczyźnie wyrażenia *park maszynowy*, *samochodowy*, a compositum *aquapark* / *akwapark* podtrzymuje jedynie to wcześniejsze przesunięcie semantyczne. To samo znaczenie mają wyrażenia (głównie kalki), takie *park wodny*, *park rozrywki*, *park dinozaurów*, *park miniatur*¹⁹. Człon *-park* w tego typu użyciach jest odpowiednikiem nowego w języku polskim postpozycyjnego segmentu compositów *-land* /*-landia*, który został wyodrębniony z zapożyczonych nazw pospolitych, w rodzaju *komputerland*, *jeansland*, wzorowanych na nazwach własnych typu *Disneyland*, *Legoland*, *Finlandia*, *Grenlandia* (w wersji oryginalnej *Finland*, *Greenland*).

Zmierzając do zakończenia niniejszych rozważań ukazujących złożoność procesów adaptacji słowotwórczej i semantycznej obcych jednostek przyjmowanych do polszczyzny, pragnę raz jeszcze podkreślić wagę interpretacji omawianych zjawisk w ich aspekcie kontekstowym (językowym i kulturowym) oraz pojęciowym. Spojrzenie na procesy inkorporacji elementów obcych do języka polskiego w perspektywie słowotwórczej (a więc formalnej i semantycznej), a także pojęciowej, do których dostęp stanowi analiza

¹⁷ Por. konteksty z ISJP: Modernizacja fabryki się nie opłaca, bo park maszynowy jest przestarzały.../Nie dysponowano odpowiednim parkiem komputerów.

¹⁸ Znaczenie przestrzenne zawiera też wcześniej przejęty do polszczyzny wyraz *parking*.

¹⁹ Por. „Krakowski park wodny to największa w Polsce hala basenowa i najwięcej wodnych atrakcji: 3 baseny o łącznej powierzchni ponad 2000 m², 8 jacuzzi z wodą solankową, hydromasaże, biczki wodne, mnóstwo wodnych atrakcji dla każdego, aneks saunowy z saunami [...]” [Internet, wyszukiwarka Google].

ich użyć w tekstach, pozwala – jak starałam się tego dowiedzieć w niniejszym artykule – ukazać z nieco większą „ziarnistością” złożone zjawiska adaptacji pojęciowej (a przez to i semantycznej) jednostek obcych w polszczyźnie. Ujawnione zróżnicowanie procesów semantycznych obserwowanych w języku-biorcy oraz przy jego zestawieniu z językiem-dawcy z pewnością wymaga dalszych pogłębionych analiz, zwłaszcza pod kątem prześledzenia odpowiedniości siatek pojęciowych właściwych obu jednostkom: inkorporowanej do polszczyzny i tej, która pełni funkcję źródłosłowu.

Jak wiadomo, współcześnie w ogromnej większości językiem-dawcą jest angielszczyzna (wcale nierzadko także w jej odmianie amerykańskiej); należy jednak zaznaczyć, że inkorporowane do polszczyzny znaczenia w wielu wypadkach nie wynikają z jej bezpośrednich kontaktów z językiem angielskim czy amerykańskim – do wszystkich języków słowiańskich obce sensy zwykle przenikają z zasobu słownictwa międzynarodowego.

Polisemiczne internacjonalizmy słowotwórcze i semantyczne na równi z funkcjonującymi w międzynarodowym obiegu zapożyczeniami leksykalnymi (typu *e-mail*, *jacuzzi*, *hacker*, *Internet*), a także wyodrębnionymi z zapożyczonych struktur aktywnymi segmentami słowotwórczymi (w rodzaju *cyber-*, *e-*, *euro-*, *-gate*, *inter-*, *mega-* czy *tele-*) są wyraźnymi znakami tendencji do internacjonalizacji uintensywnionej w językach słowiańskich na przełomie ubiegłego i obecnego stulecia.

Literatura

1. Kratkij 1996 → Kratkij slovar' kognitivnych terminov. Red. E.S. Kubrjakova. Moskva.
2. Langacker R., 1995, Wykłady z gramatyki kognitywnej, pod red. H. Kardeli. Lublin.
3. Langacker R., 1987, Foundations of cognitive grammar. Volume I. Theoretical prerequisites. Stanford University Press. Stanford.
4. Langacker R. W., 2003, Model dynamiczny oparty na uzusie językowym // Akwizycja języka w świetle językoznawstwa kognitywnego. Red. E. Dąbrowska, W. Kubiński. Kraków, 30-117.
5. Langacker R., 2004, Semantyka językoznawcza, Etnolingwistyka 16, 29-73.
6. Markowski A., 2000, Jawne i ukryte nowsze zapożyczenia leksykalne w mediach. // Język w mediach masowych, pod red. J. Bralczyka i K. Mosiołek-Kłosińskiej. Warszawa, 96-111.
7. Warren B., 1990, The importance of combining forms. // Contemporary Morphology. Ed. by W.U. Dressler, H.C. Luschützky, O.E. Pfeiffer, J.R. Rennison. Berlin – New York, 111–132.
8. Waszakowa K., 2003, Kognitywne aspekty tworzenia nowych derywatów słowotwórczych (na przykładzie języka polskiego) // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja / Red. I. Ohnheiser. Opole, 78–102.
9. Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008 → Клименко Н.Ф., Карпіловська С.А., Кислюк Л.П., 2008, Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі. Видавничий дім Дмитра Бураго. Київ.

Źródła

1. CCED → Collins Cobuild English Dictionary. The University of Birmingham. London 1995.
2. ISJP → Inny słownik języka polskiego. Red. M. Bańko. Warszawa 2000.
3. NKJP → Narodowy korpus języka polskiego
4. NSČ → Nová slova v češtině. Slovník neologizmů. Kolektiv autorů pod vedením Olgy Martinové. 1. Praha 1998; 2. Praha 2004.
5. P-DWN → Worbs E., Markowski A., Meger A., Polnisch-deutsches Wörterbuch der Neologismen. Wiesbaden 2007.
6. Wikipedia – wolna encyklopedia w wersji polskiej
7. WSWO → Wielki słownik wyrazów obcych PWN. Red. M. Bańko. Warszawa 2003.
8. Wyszukiwarka Google.

Кристина Вашакова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются в словообразовательном, семантическом и понятийном планах разнообразие процессы заимствования в польском языке. Основная цель работы – описание ситуаций, связанных с освоением иноязычных единиц, а также анализ типов словообразовательных и семантических отношений, в которые вступают разнородные интернационализмы и англицизмы, массово входящие в современный польский язык.

После обобщенного описания пяти типов словообразовательной адаптации иноязычных единиц, в различной степени способствующей их включению в словообразовательную систему польского языка, автор статьи детально рассматривает явление освоения заимствований с точки зрения их понятийного содержания. Сложные и разнородные процессы инкорпорации иноязычных лексем, исследуемые в семантическом аспекте, объединяются в четыре основных типа. Особое внимание автор статьи посвящает наиболее значительному из них, а именно – включению в польский язык иностранных лексем, вносящих новое понятийное содержание в язык-реципиент. При описании семантики заимствований принимается во внимание широкий культурный и лингвистический контекст, необходимый для анализа значения заимствованного слова и его концептуализации. В работе показаны не только конкретные изменения, которым подвергаются в польском языке заимствования, рассматриваются также сложные проблемы, связанные с понятийными структурами, которые соответствуют сопоставляемым единицам – исходной, а также инкорпорированной польским языком.

Валентина Н. Виноградова

(Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия)

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И АКСИОЛОГИЯ

1. Словообразование как систему трудно соотносить непосредственно с историей народа и его культурой – такое непосредственное отношение, как правило, связано с лексическим «наполнением» словообразовательных моделей. Ср.: В галереях конского бега... заседают *жеревятники, кобелятники, борзятники, перепелятники* и прочие *лятники* (Чехов). Ясно, что речь идет о лексически и семантически ограниченной группе слов на **-(л)ятник**.

2. Изучая когнитивные (концептуальные) структуры, отраженные в языке, исследователи приходят к выводу, что «в общем они соответствуют онтологии мира, с той, однако, оговоркой, что мир “как он есть” пропущен все же через голову человека и отражен там поэтому в том виде, в каком он и его восприятие ограничено, во-первых, биологически (тем, что свойственно человеку как определенному живому организму), во-вторых, социально (в широком понимании этого условия, т.е. включения в него всего того, что делает человека детищем своего времени, своей эпохи, цивилизации, своего общества и т.п.) и, в-третьих, прагматически, что предполагает оценку воспринятого по его значимости для совершаемой человеком деятельности и его общего благополучия (выживания)» [Кубрякова 1997: 87–88]. Можно добавить, что немаловажную роль играют оценки обществом форм выражения когнитивных (концептуальных) структур по их соответствию сущности, значимости, времени, обстоятельствам и не в последнюю очередь оценки общих, групповых и индивидуальных взглядов на стилистику и даже эстетику выражения. Оценочное использование словообразовательных структур часто направлено и на общественную структуру, и на жанр того или иного социального стиля, с ней связанный. Речевые формы выражения указывают на характеристику самих групп работников, профессиональная речь которых выявляет их полуобразованность или другие особенности, ср. в стилизации «официального ответа»: Нами выполняются следующие виды бытовых услуг: *пошив, зашив, перешив, заштоп, перекрас, укорот* и *перелицов* брюк и брючно-штанинных изделий (Лит. газета. 1979. – 16/V).

Перечень, начатый с узуального слова с нулевым суффиксом, включает ряд имен действия, узуально образующихся с другими аффиксами.

Еще более иронично нагнетение одноструктурных окказиональных образований: Вот *окожился, оджинсился, овельветился, моторизовался*, купил бар-камин (Лит. газета. 1979. – 29/VIII). Ср. ряд образований с префиксом **сверх-** в ироническом стихотворении Риммы Казаковой «Человек, не надо хапать»: Мы живем в масштабный век: *сверхзадачи, сверхзаботы...* От прогресса ждешь чего ты, современный человек? *Сверхвозможностей, сверхнужд сверхдовольно*, и порою *сверхмодерному* герою *сверхжеланий* зуд не чужд.

3. Образования разговорной речи, будучи нейтральными в указанной сфере, в художественной речи могут использоваться характерологически. Уменьшительные суффиксы, как известно, часто употребляются работниками «сферы обслуживания», являясь выражением своеобразно понятого этикета, ср.: Примерно через

полчаса мы сидели за запятнанной скатертью у окошка ресторана «Неаполь». Приятный блондин хлопотал, уставляя столик кой-какой закуской, говорил ласково, огурцы называл «огурчики», икру – *икоркой* – понимаю (М. Булгаков, Театральный роман); Вас *лачком*? (Из речи парикмахера); Пришла сестра, молодая, деловитая, сказала: – Ну-ка, милая, я вас потревожу. *Укольчик* вот сделаем. Болит рука-то? – Надежда Михайловна глазами показала ей: да, мол, болит. – Ну, вот, от *укольчика* легче станет. – Надежда Михайловна не почувствовала укола (И. Герасимов, Обыкновенные происшествия). Уменьшительно-ласкательные образования могут использоваться и в общении с начальством – они передают заискивание, преувеличенную вежливость: Кузьма встречал и провожал своего начальника как любимую девушку. – Позвольте вашу *сумочку*, ваш *портфельчик* (Б.Егоров).

Положительные герои обычно сами не употребляют и не одобряют употребления таких уменьшительных образований: [Седых]. Не распить ли нам по *рюмашечке* красного? [Галина]. «*Рюмашечка*», «*ручечка*» ... брр! (З. Аграненко, Ключи от дома).

Употребление уменьшительно-ласкательных образований для выражения чего-либо нежелательного, неодобрения, неудовольствия тоже бывает связано с характерологической функцией целого общественного слоя, например: Генералов окинул всех строгим взглядом и сделал решительный жест: – Запомни, план поголовья для нас – святыня! И мы будем пресекать *разговорчики*! (Г. Комраков, За картошкой); [Орел.] ... Я вот Роберта не очень распускал – он у меня рос в строгости, и я им был доволен... А сейчас опасуюсь. Всяческие шатания, *разговорчики* (А. Арбузов, Нас где-то ждут...); [Орел.] Хотелось все же заметить, что наряду с успехами наметились *оттеночки* и нежелательного свойства (Там же).

Выразительным приемом публицистической, художественной, разговорной речи является сопоставление или противопоставление существительных с уменьшительным суффиксом и без него, например: Такого не было еще никогда. Волна, шквал, ураган дискуссий. Рождающиеся чуть ли не каждый день «платформы» и «*платформочки*» (Е. Драбкина, Зимний перевал).

В советское время экономика диктовала устойчивость эмоционально-экспрессивного противопоставления слов *хозяин* – *хозяйчик*: Директора у нас доверенные государства, не *хозяйчики* собственных заводов (Лит. газета, 9 апреля 1969 г.); Подобная оценка, впрочем, отвергалась тогда представителями старшего поколения: – Он был хороший *хозяин*, а не какой-то там абрек. И снова затюкал топориком. Опять какая-то ерунда получается. По-дедушкиному выходит, что абрек хуже какого-то *хозяйчика* (Ф. Искандер, Дедушка).

4. Словообразовательные средства книжных стилей также не всегда получают адекватную оценку, так как не всегда в полной мере учитывается функциональный аспект. Так, А.М. Пешковский возражал против «неумного использования» отглагольных существительных: «...вся эта уродливость формы явилась прямым следствием одного первородного греха: воплощения основных глагольных представлений в форму существительных» [Пешковский 1959: 107].

Отмечая многочисленные стилистические ошибки, возникающие при необоснованном и неумелом употреблении отглагольных существительных, автор статьи приходит к убеждению: «...восстановление глагола (здесь пока в широком

смысле слова, т. е. включая и инфинитив, и деепричастие, и даже причастие) в его правах всякий раз дает более простое, более ясное и более сильное выражение. Отглагольное существительное всегда оказывается чудосочным потугом на книжность, результатом стремления “образованность свою показать”... чем-то запутанным, бледным, вялым» [Там же, 102].

Г.О. Винокур, кажется, был ближе к истине, сделав упор на конкретные стилистические условия использования отглагольных имен в статье 1928 г. «Глагол или имя? (Опыт стилистической интерпретации)», указав на нормативность и долгую историю употребления в русском «письменно-канцелярском языке».

Чужими или чужеродными могут представляться и те элементы словообразования, которые отражают особенности незнакомого стиля или сферы функционирования. Например, для научной, официально-деловой, книжно-литературной речи характерны образования на **-мость** со значением возможности, способности совершения действия: В некоторых отраслях промышленности *сменяемость* кадров достигает двадцати, тридцати и даже сорока процентов! (Лит. газета, 15 мая 1968 г.); Уже существует... литература, связанная с проблемой *ожидаемости* и разными ее видами (ВЯ, 1959, № 6); Все есть жажда увидеть на сцене себя и узнать что-то о себе. *Узнаваемость* – это лучшее, что есть в спектакле «Два цвета» (Театр, 1960, № 3); Качество игры и *«наполняемость»* стадионов находится в прямой зависимости (Сов. спорт, 10 января 1967 г.). Ср. *непотопляемость*, *электризуемость*, *пассажировместимость* и многие другие образования, выражающие указанное специфическое для определенных сфер употребления языка значение. Однако для “чужих” это значение представляется, видимо, несущественным, ибо подобные продуктивные образования являются особенно удобной пищей для юмористов: Авторы делопроизводственных сочинений инстинктивно чужаются глаголов с их прямоотой, живостью, действенностью. Их упорно превращают в существительные. «Глаголом жги сердца людей» тут ни к чему. Отсюда «сплытие», «размораживание», «*перевариваемость*» пищи, «*играбельность*» игрушки, «*снашиваемость*» обуви и «*вынашиваемость*» образов. Даже, как сообщалось в «Неделе», «*замушляемость*». Но тогда почему только так? А «*заклопляемость*»? «*Закомариваемость*»? (З. Паперный, Многодетный жених); ср. в юмористическом радиорассказе о школе: *выступаемость*, *огрызаемость*, *усмехаемость*, *рукоподнимаемость*, *досковытираемость*, *отвлекаемость*, *рогаткостреляемость*, *под-парты-залезаемость*. Протест против образований научной прозы на **-мость** был даже опубликован на страницах журнала «Вопросы языкознания» (1961, № 1, с. 143).

Книжно-схоластические работы высмеивались еще Гоголем: «Шесть огромных томищ предстало ему пред глаза под названием «Предуготовительное вступление в область мышления. Теория *общности*, *совокупности*, *сущности* в применении к уразумению органических начал обоюдного раздвоения общественной производительности». Что ни разворачивал Чичиков книгу, на всякой странице – *проявление*, *развитие*, *абстракт*, *замкнутость* и *сомкнутость* и чорт знает, чего там не было! “Это не по мне”, – сказал Чичиков и оборотился к третьему шкапу, где были книги по части искусств» (Н.В. Гоголь, Мертвые души).

В научной речи, в особенности дискуссионного характера, оспаривание определенной концепции обычно неразрывно связано с отторжением и её термиоло-

гии. Так, возражая против приписывания всем русским одних и тех же черт характера, В.С.Елистратов пишет: «В сущности, речь идет о необходимости выработки некоего “эмического” ряда в освещении национального характера. Образно выражаясь, пока мы оперируем в этой сфере не понятием, аналогичным фонеме в их «московской» интерпретации, а говорим о чем-то вроде акустических параметров звуков или о “пучках дифференциальных признаков” национального характера. Из лингвистики эмические единицы перешли в общегуманитарную сферу (“культурема”, “мифологема” и т.п.). В сфере же национального и интерпретации национального эмическое измерение пока не найдено. Вероятно, потому что пока не определена еще и неэмическая единица. Мы не знаем, идет ли речь о народе, о национальном языке, о национальной культуре, о каком-то поле, “кванте” мультикультурного, мультинационального, мультилингвального пространства, каким, в сущности, и является Россия. Никакая “культурема”, “этнема” или “менталитема” здесь не сработают. Фонетисты и фонологи знают, что реализация фонемы может быть очень не похожа на саму фонему. Аналогично и в нашем случае: реальный русский человек очень часто не похож на себя мифологизированного» [Елистратов 2008: 46].

5. Отдельной проблемой является оценка советских неологизмов эмигрантами. Неприятие общественного устройства и порядков на родине естественно выражается в неприятии и нового языка. Особенно экспрессивным является тот же приём перечисления одноструктурных образований, в который нередко включаются и слова, утратившие свою мотивацию. Отличительной чертой таких перечислений, кроме того, является использование мотивирующих одной лексико-семантической группы.

Н.А. Кожевникова пишет о мироощущении и словоупотреблении эмигрантов: «Хотя ораторская и газетная речь обращена “всем, всем, всем”, это речь непонятная. Одна из отличительных черт нового языка – пристрастие к иноязычным словам. Однотипные слова нагнетаются: «Питая необъяснимую страсть к “учету сил революции”, любители классификаций, пунктов и литер в своих программах, жадные до революций, делегаций, интерpellаций, фракций и депутатий, сторонники национализаций, конфискации, деклараций, экспроприаций, с потенциальным запалом в сторону террора и страшных до помрачения кровавых экзекуций, до оголения внешние, ходячие и сухие схемки неуловимых и отвлеченных выводов, они с первых же дней так легко неожиданно давшейся революции потеряли из вида живое лицо, тело и душу родины и России» (И. Шмелев). Ср.: «Транспортная кооперация путем нормализации, стандартизации и инвентаризации спасет мелиорацию, электрификацию и механизацию».

Этот лозунг больше всего понравился стрелочникам.

– Понять ни черта нельзя, – говорил рыжебородый Гусев, – но видно, что умная штука» (М. Булгаков. Торговый дом на колесах).

Иноязычные слова оцениваются и комментируются: «Я посмотрел, подумал, почесал затылок и вместе с “резвакуируемыми” (о, великий русский язык...) отправился в Крым...» (Дон-Аминадо) (см. [Кожевникова 1998: 82]).

В данном случае игнорируется распространенность подобных образований, как и аббревиатур (см. там же), и в царской России, и во всём мире.

6. С книжными образованиями на **-(е)ние, -ция** и у носителей языка середины XX века внутри страны ассоциируются различного рода нежелательные, часто невразумительные действия и кампании “власть предержажших” и внутри страны: ...И самое опытное ухо не способно бывает различить, где начинается или кончается *реорганизация, уплотнение, разукрупнение, пополнение, свертывание, развертывание, ликвидация, восстановление, расширение, типизация, стандартизация, эвакуация и реэвакуация* (А. Макаренко. Педагогическая поэма). Ср.: «Я спросил: – А кто виноват? – Теперь и не разберешь! – махнула рукой Лена. – *Разъединения, объединения, переподчинения...*» (Г. Калиновский. Закон стального ключа).

Подобные книжные образования в разговорной речи свидетельствуют обычно об отсутствии языковой культуры у говорящего, но занимающего все-таки какой-то начальственный пост и потому стремящегося говорить “культурно”: «– Так-то я приехал однажды в колхоз. Бабы плачут, председатель плачет – тоже баба. У меня и получилось *раскисание* да *благодарушие*» (Ф. Абрамов). «Осуществив *возвращение* домой со службы, я проделал определенную работу по *снятию шляпы, плаща, ботинок, переодеванию* в пижаму и шлепанцы и *усаживанию* с газетой в кресло». – Любченко Олег. Как допускается порча хорошего настроения. (Лит. газета, 23 июня 1971 г.).

Автор, изображающий подобных героев, разумеется, окрашивает с помощью таких образований свой текст иронией.

Образования разговорной речи иронически обыгрываются путем распространения действия разговорной словообразовательной модели на другие типы основ – высокие или книжные, ср. *лидерша, президентша, мобилизнуться, Нобелевка* и под. Ср. обыгрывание такого сокращения в юмористическом интервью: (Корреспондент Агентства Рейтер): – Недавно ваши поклонники строго осудили Шведскую академию, которая не дала вам *Нобелевскую премию...* (Евг. Сазонов). – Ну, во-первых, нынешней осенью не я один лишился *Нобелевки*. Но ведь на ней свет клином не сошелся (Лит.газета, 4 дек. 1968 г.).

7. «Писательское» отношение к элементам словообразования выявляет обычно и общественные и индивидуальные предпочтения. Вхождению определенных образований в язык способствует широкое использование той или иной модели сначала в художественной речи, где она постепенно теряет свою новизну и приводит к ироническому осмыслению этой модели: Что главное в женихе? В женихе главное – *живинка* в деле! (З. Паперный. Геня и Сеня); Но вот в кино есть какая-то *особинка*. Какое-то чудо, черт возьми! (Лит. газета, 22 марта 1967 г.); В последние годы многие очеркисты начали вроде бы стесняться своего жанра, начали всякий раз «тянуть на рассказ», прибегать к услугам беллетристики, стародавних «*смешинок*» и «*лукавинок*» (Новый мир, 1968, № 3); ср. *задоринка, дичинка, хитринка, веселинка, лжинка, жестоковатинка*. Широкое распространение этой словообразовательной модели в художественной речи очень быстро делает ее штампом и вызывает отталкивание; ср. в статье А. Дементьева «О традициях и народности»: «Пристрастие Ивана Лысцова сказалось и в его стихах. Некоторые из них являются как бы литературными упражнениями на заданный стиль. Например, в стихотворении «Шаманов камень» читатель найдет словечки: “обливень седатый”, “гординка”, “бесинка”...» (Новый мир, 1969, № 4).

В русской беллетристике 1960–80-х годов стали особенно популярны наречия, определяющие глагол, а по смыслу относящиеся к существительному или заменяющие сравнительный оборот: «С острым звоном полосовали воздух осколки, *бритвенно* срезали землю на брустверах» (Ю. Бондарев); «Глаза у нее *янтарно* засветились» (Г. Юшков); «Массы *карусельно* несущейся воды» (В. Катаев); «С ... дождиком, в котором *отсырело* позванивает трамвай» (Ю. Бондарев); «*Отсырело* заскрипел... дергач» (Е. Носов). У ряда беллетристов этот прием вызывает отторжение: «Виктор Астафьев вслед за другими авторами очень полюбил почему-то такие вот новообразования – наречия. Сказать о ком-то, что он «пыхтел как паровоз», вроде бы неудобно, штамп. А напишешь, например: «Борис... слушал, как *паровозно* пыхтит он (Мохнаков)...» – и, глядишь, покажется, что ново и свежо написал, хотя никакой новизны и свежести тут нет, а есть насилие над языком, есть слово-уродец, вызывающее физическое содрогание» (Фоняков Илья. Лит. газета, 24 октября 1973 г.).

8. Для лингвистов представляют особенный интерес писатели, которые, как Лев Толстой, в своих произведениях нередко комментируют использование того или иного языкового элемента. Неприятные Толстому “отрицательные” герои обычно выражаются высокопарно, что обнаруживает их неискренность. Так, Берг, поглощенный заботой о приобретении «шифоньерочки» и «туалета» «для Верушки» в то время, когда Москву оставляли французам, изъясняется очень напыщенно и высокопарно, что изображается Толстым почти сатирически:

– Ну, рассказывай же, – сказал граф, – что войска? Отступают или будет еще сраженье?

– Один *предвечный* бог, папаша, – сказал Берг, – может решить судьбы Отечества. Армия горит духом *геройства*, и теперь вожди, так сказать, собрались на совещание.

Особенно широкоую, часто индивидуальную гамму чувств могут выразить разговорными средствами словообразования писатели при изображении речи персонажей. Презрительное отношение выражается с помощью уменьшительных образований, которые видоизменяют значение обычно содержащих положительную оценку прилагательных: Ах вы, полотеры проклятые! *Чистенькие, свеженькие*, точно с гулянья, не то, что мы грешные, *армейщина*, – говорил Ростов... (Война и мир).

Интересно, что Ростов выражает не только свое отношение, но и отношение к таким, как он сам, т.е. точку зрения оппонентов в образовании слова *армейщина*, которое представляет в его устах как бы цитату.

Один из источников сведений о том или ином отношении автора к различным языковым элементам – особенности авторской правки, которая выявляет особенность «зрелого» стиля писателя. Так, Чехов писал Л.А. Авилевой 3 ноября 1897 г.: «Вообще следует избегать некрасивых, неблагозвучных слов. Я не люблю слов с обилием шипящих и свистящих звуков, избегаю их». В его правке немаловажную роль играло стремление сделать текст благозвучным, ритмичным, музыкальным. Этими соображениями, вероятно, вызвана замена предложением такого неблагозвучного образования как *неудачничество*. В

1-ой редакции было: ...Слишком скоро свыкаются с мыслью о своем *неудачничестве*; окончательный вариант: Слишком скоро мирятся с мыслью о том, что *они неудачники*, что личная жизнь обманула их. (Рассказ госпожи NN).

Итак, оценки окружающего мира, выражаемые в словообразовательных элементах языка совместно с их лексическим наполнением, могут многое сказать об отношении общества в его различных социальных разновидностях к социальным явлениям (ср. *гайдарономика*, *прихватизация* и под.) и их историческим изменениям, об отношениях общества к средствам выражения и обозначения этого мира, при условии учета полифункциональности подобных оценок и зависимости их от участников речевого акта и условий его осуществления.

Литература

1. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М., 1984.
2. Виноградова В.Н. О некоторых изменениях в стилистике русского языка. – *Stylistyka* VII, 1998. Opole.
3. Винокур Г.О. Глагол или имя? (Опыт стилистической интерпретации) // *Русская речь* / под ред. Л.В. Щербы. – 3. – Л., 1928.
4. Елистратов В.С. К вопросу о «русском мифе» // *Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности*. – М., 2008.
5. Кожевникова Н.А. Язык революционной эпохи в изображении писателей русского зарубежья // *Русистика сегодня*. – № 1–2/98.
6. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997.
7. Пешковский А.М. Избранные труды. – М., 1959.

Валентина М. Виноградова

СЛОВОТВОРЕННЯ ТА АКСІОЛОГІЯ

Предмет розгляду становлять аксіологічні переваги та відторгнення, які пов'язані зі зміною стану суспільства, його культури і побуту та виявляються у мовленні різних соціальних груп. Опосередковано такі оцінки відображаються і в різних жанрах публіцистики, художньої літератури та поезії.

Николай Д. Голев
(Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия)

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ЭВОЛЮТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

В следующем высказывании Ф. де Соссюра мы находим отправной тезис для выстраивания эволютивной модели динамического словообразования. «Непрерывная деятельность языка, – писал великий лингвист, – заключающаяся в разложении наличных в нем элементов на единицы, содержит в себе не только все предпосылки для нормального функционирования речи, но также и все возможности аналогических образований <...>. Ошибочно думать, что процесс словотворчества приурочен точно к моменту возникновения новообразования; элементы нового слова были даны уже раньше. Импровизируемое мной слово, например, *in-décor-adle* «такой, которого невозможно украсить», уже существует потенциально в языке <...>, его реализация в речи есть факт незначительный по сравнению с самой возможностью его образования» [Соссюр 1977: 200]. В этом высказывании для нас значимы два тезиса, во-первых, тезис об актуализации непрерывности деривационных процессов и, во-вторых, тезис о незначительности роли «момента возникновения новообразования» для языка и речи.

С нашей точки зрения, акт лексического новообразования некоторым образом абсолютизируется в современной дериватологии, что проявляется в частности в том, что он рассматривается как некий «водораздел» между небытием слова и его лексическим, словарным, бытием (такой «водораздел» нередко отождествляется с фактом зафиксированности лексического новообразования в словарях), что противостоит идее непрерывной деятельности языка, выраженной Ф. де Соссюром в приведенной цитате, где он вольно или невольно перекликается с энергетической метафорой языка В. фон Гумбольдта.

Эволютивная модель словообразования не предполагает фиксации момента появления новообразования ни в словаре как компоненте языковой системы на ее лексическом уровне (о чем говорится в приведенной цитате Ф. де Соссюра), ни по отношению к отдельному слову, которое вовсе не разделяется этим моментом-точкой на этапы небытия и бытия, ни по отношению к речевой деятельности и лексикону индивидуума, не фиксирующего момента появления нового слова в своем лексиконе. Эволютивная концепция новообразования «видит» в возникновении слова не момент-точку, а достаточно протяженную – в сущности непрерывную – линию, на которой «искомая» точка принципиально не выделяется, сливаясь с широким стихийным¹ «речепотоком», как индивидуальным, так и всеобщим. Такая линия в свою очередь не является отрезком, поскольку не имеет определенной начальной и конечной точки. В своем «начале» она формируется из точек и пунктиров, олицетворяющих предшествующие индивидуально-окказиональные

¹ Здесь и далее мы говорим только о процессах в области естественной номинативно-деривационной деятельности, не касаясь деятельности искусственной (скажем, терминотворчества, поэтической неологии или рекламного нейминга).

номинативные и деривационные акты. Преобразование потенциального слова в реальное – одна из таких нефиксируемых точек, представляющая собой частный (и незначительный, по Ф. де Соссюру) случай. Эти точки в ходе стихийной номинативной деятельности сгущаются, сливаясь в одну линию, которая постепенно набирает все более определенные очертания. В этом процессе на каждом его этапе все четче формируются контуры означаемого и означающего, постепенно укрепляется их функциональное единство при примате первого. Узуализация такого единства, закрепление его как нормативного требуют длительных усилий всего языкового коллектива; узуализация осуществляется стихийно, в результате выдвигания на первый план повседневной коммуникации одного из конкурирующих вариантов означающего, что и означает в конечном итоге признание его языковым коллективом как нормативного².

Но и в «конце» очерчиваемой линии процесс новообразования также не заканчивается неким моментом зафиксированности слова в словаре как символа узуализации, возникновения новой воспроизводимой (то есть готовой к употреблению) лексической единицы. Ее воспроизводимость ни в плане означаемого, ни в плане означающего не абсолютна, и процесс порождения продолжается. Таким образом, линия трансформируется в спираль, олицетворяющую идею непрерывного деривационно-мотивационного процесса, являющегося главным предметом исследования в нашей монографии «Динамический аспект лексической мотивации» [Голев 1989].

Проиллюстрируем этот тезис примерами из Интернета, взятыми с сайта <http://ratings.7ya.ru/cosmetics/rubr.aspx?rid=54>, на котором идет обсуждение косметических средств - красок для волос. В следующих фразах (разделенных многоточиями) участниц обсуждения нами выделены интересующие нас субстантивные обозначения цвета: <...> *Покупаю №390 (рыжий, цвет нравится без **красноты**, волосы мягкие, а перед тем как красить надо провести тест на чувствительность, а потом уж красить* <...> *Я красилась краской №400, хотела из своего натурального темно-русого сделать **средне-русый**. В итоге, нахожусь в шоке, потому что цвет напоминает рыжий каштан! С чего вдруг столько **рыжины** абсолютно не понятно, брала специально оттенок без **рыжины!** <...>. Краска для волос, L'Oreal Professionnel. Отличная марка!!!!!! **Зеленовласка** <...> *Я покрасилась краской Light Ash Blonde 80, плакала 10 минут: цвет ужасный, какой-то серый, даже с **зеленизной**. Куда жаловаться?* <...>. *До того красилась L'Oreal, тоже блонд, было чуть лучше, но все равно совершенно не тот оттенок, который на фото. Обидно. Это при том, что свои волосы **светло-русые**. Что, остается вернуться к дешевой, аммиачной Лонде?* <...>. Для идеи непрерывного деривационно-мотивационного процесса важна актуализация следующих тезисов, вытекающих из приведенных примеров.*

1. Нет никаких оснований утверждать, что выделенные дериваты различаются на шкале индивидуальной производимости / воспроизводимости. Дериваты *краснота, рыжина, светло-русый* зафиксированы в «Сводном словаре современной русской лексики» [Сводный 1991], но они вполне могут быть в данном контексте

² Этот процесс описан в нашей статье [Голев 2001].

именно произведенными, а не взятыми в «готовом» виде вне актуализированного представления в сознании «дериватора» о цвете и его языковом выражении. Поэтому можно говорить о присутствии в любом акте воспроизводства момента производимости, а в акте производства – воспроизводимости и о разной степени их присутствия в каждом номинативно-деривационном акте.

2. Разумеется, степень вероятности актуализации той или иной из очерченных сторон номинативно-деривационного акта не может быть одинаковой, что является предметом специальных исследований. Например, очевидна ее зависимость от удаленности друг от друга актуальной и мотивационной семантики слова как словарной единицы, и от типа контекста, который может обладать более или менее высоким потенциалом актуализации механизмов производства (см. идею деривативных контекстов конкретного речевого слова [Голев 1998]), от продуктивности в данный момент словообразовательных моделей, обслуживающих данную номинативно-деривационную область и т.п. Менее очевидна зависимость степени производимости от типа языкового сознания, предрасположенного или не предрасположенного к активной производимости. Подчеркнем также, что идея степени производимости легко трансформируется в идею степени «новизны», которая органично сочетается с образом «линии» и концепцией эволютивного словообразования, в рамках которой новое «слово» не создается в разовом акте, а «выкристаллизовывается» в процессе.

Можно предположить, что степень вероятности быть вновь произведенным у редко встречающегося деривата *средне-русый* большая, а у *светло-русый* – меньшая. Говоря вообще, вполне очевидно снижение степени производимости слова по мере роста его употребительности. Но это не опровергает развиваемого здесь тезиса о непрерывности деривационно-мотивационных процессов и включенности готовых дериватов в поле производимости. Ф. де Соссюр сформулировал положение о динамическом равновесии двух тенденций в языке – тенденции к мотивированности (склонности к конструированию – и, добавим, к членимости – слов) и тенденции к немотивированности (склонности к употреблению готовых единиц как целостности) [Соссюр 1977: 165-166]. На наш взгляд, слово утрачивающее потенциал функционирования в роли конструируемой и членимой единицы, не выходит из зоны деривационно-мотивационной тенденции, поскольку его лексикализация означает одновременно усиление потенциала его функционирования в роли производящего слова. В деривационно-мотивационном пространстве оно обретает способность образовывать самостоятельные ряды дериватов, особенно заметную в том случае, если лексикализация сопровождается образованием семантических спецификаций [Голев 1989; Голев, Шкуропацкая 2003].

3. Дериваты *зеленизна*, *средне-русый*, *зеленовласка* не зафиксированы в «Сводном словаре», но это не означает, что их производство выделено «дериватором» в речевом потоке в особый акт создания новообразования. Это означало бы, что он явился следствием целенаправленной речевой деятельности, направленной именно на создание нового слова. Подобное представление о словообразовательном процессе разрабатывалось в ономаσιологической школе проф. И.С. Торопцева, полагавшего, что при необходимости создания нового слова в речи обычное течение речевой деятельности (текстопорождения) останавливается и начинает

осуществляться новый вид языкотворческой деятельности, сопровождающийся, в частности, формированием особого типа контекста. Ср.: «<.> Лексические единицы возникают не в обычном, коммуникативном контексте, а в особом специальном, ономаσιологическом контексте» [Торопцев 1977: 7]. Таким образом, в концепции И.С. Торопцева словообразовательный акт противопоставляется всем другим речевым актам, в том числе имеющим деривационную природу. В нашей концепции непрерывного деривационно-мотивационного процесса признак «непрерывности» ко всему прочему предполагает постоянную «включенность» деривационного механизма в процессы текстопорождения на разных его уровнях, в том числе и на лексическом. Поэтому порождение слов типа *зеленизна* и *средне-русый* является результатом автоматически-спонтанного действия этого механизма. Новизна порожденных единиц вряд ли осознавалась «дериватором» как на этапе замысла речевого произведения (высказывания), так и на этапе его осуществления и осознания результатов. Говоря о последнем, имеем в виду механизмы контроля за правильностью высказывания [Ейгер 1990]. Подробнее эти моменты будут рассмотрены ниже.

Из всего сказанного логически вытекает необходимость пересмотра или по крайней мере уточнения многих понятий динамического словообразования. Среди них основополагающие – словообразовательный акт, словообразовательная интенция, лексическое новообразование (новое слово), потенциальное и реальное слово. Старые представления оказываются во многом поверхностными или нечеткими. Ядерным признаком всех перечисленных понятий выступает признак новизны слова, который, в сущности, сам не имеет определения.

1. К примеру, понятие «**новое слово**» вряд ли возможно без натяжек определить через новизну обозначаемой вещи или понятия. Так, словопроизводственная модель И.С. Торопцева начинается с фазы – «человек встречается предмет, который еще не назван». Однако новизна содержания, которая дает повод для лексического новообразования, крайне редка в естественной жизни, в том числе коммуникативной. Необходимость выделения означаемого, как дискретной единицы плана содержания, нуждающегося в фиксации устойчивым означаемым, формируется постепенно и слово появляется чаще всего тогда, когда новизна означаемого уже давно не «новость» для языкового коллектива. Означаемое тоже не дается языковому коллективу одноразовым актом носителя языка – «творца новообразования» (термин И.С. Торопцева). В подавляющем числе случаев рядовые носители языка предпочитают обходиться описательными формами обозначения денотата или прежними готовыми формами, варьируя их смыслами или комбинируя их выражения. Более того, в окказиональных новообразованиях актуализация новизны как фактора словообразовательной деятельности в естественных условиях, как правило, не происходит. Она не замечается ни автором речевого произведения, ни его адресатом. К примеру, если кто-либо произнесет *ну я и словарище вчера купила*, употребив ранее никогда не употребляемое им слово *словарище*, данное обстоятельство (новизна) останется незамеченным ни им, ни тем, кому это произведение обращено.

Что касается формальной новизны – новой дискретной единицы плана выражения лексического типа, то при ее определении встает неразрешимая проблема фиксации границ в непрерывно-эволютивном процессе «инноватизации» лекси-

ки. В подавляющем большинстве случаев нет никаких оснований утверждать, что ранее, до «зафиксированного появления», никто данного окказионализма еще не употреблял. Так, к примеру, то же слово *словарище*, не отмеченное в «Сводном словаре русской лексики», в Интернете зафиксировано (по данным на 23.05.05) 1067 раз; следовательно, оно уже давно не потенциальное, а реальное слово. Ранее мы неоднократно обосновывали этот тезис на материале данных, извлекаемых из поисковых систем Интернета, например в [Голев 2009]. Они отчетливо показывают, что многие слова, которые на первый взгляд кажутся потенциальными (в том числе лексикографам, не фиксирующим их в словарях), легко обнаруживаются в Интернете как вполне реальные. Фактически никакое слово, объявляемое потенциальным, не может быть обосновано как действительно потенциальное, поскольку вполне могло быть кем-либо образовано и ранее.

2. Через признак новизны обычно определяется и **интенциональность** словообразовательного акта. Осознание новизны в концепции И.С. Горопцева трактуется как энергетический фактор, движущий сознание носителя языка к образованию нового слова. На наш взгляд, при таком подходе на естественную номинацию переносятся особенности словотворчества в сферах, для которых характерно осознанное отношение к языку. Интенция предполагает некое целеполагание. Вряд ли можно допустить в обычном речевом потоке постановку цели создать новое слово. Как уже было отмечено выше, даже в том случае, когда автор лексического речевого произведения спонтанно произвел лексическое новообразование, то чаще всего этот акт сливается с общим процессом речепорождения, текстовой деривации и не выделяется им в качестве особого акта. Создатель текста в этих процессах не дифференцирует, с одной стороны, новообразование и повторные дериваты готового (уже когда-то образованного) слова, а с другой стороны, словообразование и формообразование грамматического (морфологического) типа, в котором момент новизны принципиально отсутствует. Например, если говорящий сообщает: *Я восхищаюсь ее **свободно-элегантной** манерой одежды, **гламурностью** прически и **эпатажностью** поведения, она из тех див, у которых простая ходьба становится эпатирующим **дефилированием***, то для него не актуально новые или «готовые» (известные ему и уже употребленные) лексические единицы *свободно-элегантный, гламурный, эпатажный, дефилирование*, для его речевого мышления и языкового сознания не важно, впервые он их производит или не впервые, наконец, неважно является ли адъектив *эпатирующий* «всего лишь» формой глагола или новым словом. Данная оппозиция не входит в интенциональный план продуцента текста, который автоматически производит и воспринимает такие слова, точно так же, как производит формы (*дефилировавший, дефилируя* от глагола *дефилировать* или даже словосочетания типа *эпатажная походка*).

Все сказанное о словообразовательной интенции не означает, что в естественном речепорождении ей нет никакого места. На наш взгляд, заслуживает серьезного обсуждения концепция стилистической интенции, связанной с сознательным нарушением лексических норм. Разумеется, стилистическая интенция – важный энергетический источник любых инноваций, являющийся проявлением коммуникативного функционирования языка. Эмоциональная

теория Г. Шпербера, касающаяся начальной точки семантических изменений в индивидуальной речи, представляется нам имеющей высокие объяснительные возможности и для описания словообразовательных процессов.

Важным идейным компонентом концепции эволютивного новообразования является положение о том, что не только его означающее, но и означаемое не дано продуценту речевого произведения, а комбинируется им из сем-суппозиций, существующих в виде квантов личного опыта или непосредственно в предшествующем контексте. О таком единстве писал В. Гумбольдт: «... Нельзя никоим образом, имея в виду звук и требование внутренних целей языка, отделять друг от друга обозначающие силы и силы, создающие обозначаемое. И то и другое объединяется и охватывается общей языковой способностью» (Гумбольдт 1984: 98). Движение от означаемого, создающегося в ходе коммуникативного процесса, к означающему, стремящемуся к изоморфному соответствию со своим коррелятом, отражается в почленном или комбинаторном выражении актуализированных в контексте смыслов. Анализ номинативного выхода в зависимости от изменяющихся суппозиций проанализирован в диссертационном исследовании Е.Г. Гусар, выполненном под нашим руководством, на материале эксперимента с одним предложением-стимулом [Гусар 1995]. При этом означаемое формируется относительно независимо от формы означающего, что до определенной мере деактуализирует оппозицию лексического новообразования и новообразований (?) других типов.

Здесь – в рамках обсуждаемой проблемы – целесообразно поставить вопрос: вписываются ли в деривационно-мотивационный процесс очерченные выше признаки новизны речевой единицы. Рассмотрим пример: *Поскольку моя зарплата в то время была скромной, а желание иметь свое жилье вдали от города не угасало, то, соизмеряя свои желания и возможности, купил небольшой коттедж (коттеджик) в 50 км от городской квартиры.* Поставим те же вопросы, расширив их диапазон. Какие интенции определяют здесь выбор номинативной единицы (словосочетания или слова): информативные или стилистические? Мы полагаем – вторые. Существенно ли то обстоятельство, что производное слово *коттеджик* уже употреблялось говорящим или произведено по случаю? Воспринимается ли *маленький коттедж* как создаваемая единица и, если «да», воспринимается ли она как новая? Наш ответ отрицательный для обоих вопросов дан выше - интенция новизны не участвует в текстопорождении.

Мы не исключаем, однако, такой возможности в принципе. При существенной спецификации, которую автор речевого произведения хотел бы акцентировать (интонационно, например, обозначив игровую или ироническую ситуацию), он может задать интенциональный смысл «я создал новую единицу». Но в обычных, стихийных условиях и образование в речи и узуализации спецификация осуществляется как своеобразное «сгущение смысла», приводящее постепенно к «сгущению формы» - созданию дискретной, воспроизводимой номинативной единицы. Этот эволютивный синергетический процесс есть процесс преобразования текстовой единицы в словарную. У лексических единиц большая подготовленность к осуществлению такой трансформации, именно в этом, на наш взгляд, и заключается сущность словообразования, как системы направленной в конечном итоге

на пополнение словарного запаса. (При таком понимании, конечно, мы говорим о цели, предназначенности, функции словообразования в органическом, как говорят о цели природы, а не целеполагающем смысле; в данной парадигме понятие цели сближается с понятием целесообразности. Таким образом, лексические единицы отличаются от других типов номинативных единиц не на уровне значения как отражения внеязыкового содержания, а на уровне значения внутренней формы слова (относящегося к уровню значимостей). Таким образом, словообразование органически включается в смысло- и формообразование, в общетекстовые деривационные процессы, конкурируя в этой сфере с другими их различными формами номинации (деривации, мотивации). Дальнейшее развитие такого функционального понимания словообразования приводит к тому, что лексическими единицами (точнее, может быть, здесь сказать – словарными) следует признавать лишь дискретные воспроизводимые единицы, в том числе формально нелексического типа (что отражено, в частности, в традиции отнесения фразеологизмов к словарному составу); напротив, комбинация морфем – не обязательно в этом смысле лексическая единица (такой подход находим в концепции В. М. Павлова по отношению к сложным словам немецкого языка, которые в этом смысле близки синтаксическим единствам – словосочетаниям [Павлов 1985]).

Литература

1. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1989.
2. Голев Н.Д. К основаниям деривационной лексикологии русского языка: лексико-деривативные контексты как форма проявления деривационной энергетики текста и слова в тексте (проблемы задачи, перспективы) // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка: Кол. монография. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1998.
3. Голев Н. Д., Шкуропацкая М.Г. Деривационное слово и семантическая спецификация как базовые понятия деривационной лексикологии русского языка // Русистика: Сб. науч. трудов. – Киев, 2003. – Вып. 3. – С.31-34.
4. Голев Н.Д. Потенциальные слова и лексические инновации в поисковых системах Интернета: теоретические и прикладные аспекты // Славянские языки и культуры в современном мире: Труды и материалы. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С.101-102.
5. Голев Н.Д. Стихийная узуализация номинативных единиц // Известия Уральского гос. ун-та. – 2001. – № 21. – Проблемы образования, науки и культуры. – Вып. 11. – С.94-102.
6. Гусар Е.Г. Роль суппозитивного фактора в деривации означаемого лексической единицы в тексте: Дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1995.
7. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
8. Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. – Харьков: Основа, 1990.
9. Павлов В.М. Понятие лексем и проблема отношений синтаксиса и словообразования. – Ленинград: Наука, 1985.

10. Сводный словарь современной русской лексики. – М.: Рус. язык, 1991. – Т.1-2.
11. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977.
12. Торопцев И.С. О направлениях в изучении словопроизводственного процесса // Проблемы ономазиологии. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ин-та, 1997. – Вып.4.

Микола Д. Голев

СЛОВОТВОРЕННЯ ЯК ЕВОЛЮТИВНИЙ ПРОЦЕС

У статті обґрунтовано положення про те, що виникнення слова у природній мові відбувається не внаслідок одиночного словотворчого акту, а в тракті тривалого еволюційного процесу. Лексичному новотвору передують підготовчий етап стихійного формування його означуваного та означення. Поява нового слова у словнику певної мови – також не одномоментний акт, а складний процес.

Райна М. Драгичевич
(Филолошки факултет, Београд, Србија)

СЛОВА С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

1. При анализе разнообразных групп лексем в сербском языке, взаимосвязанных парадигматически, нами было установлено, что, как правило, в составе этих групп оказывается значительно больше членов с отрицательной, нежели с положительной коннотацией. Объектом нашего исследования являлись тематические группы лексем, синонимические ряды отдельных лексем, деривационные гнезда простых (однокорневых) слов. Причины такого явления не следует искать внутри лексической системы, среди действующих в ней закономерностей и отношений – они лежат исключительно во внеязыковой действительности: в национальной культуре, в представлении о мире носителей сербского языка, в межличностных отношениях и в определенной общей социальной атмосфере, при которой все нежелательное сильнее бросается в глаза, нежели желательное. Утешает – и при этом, возможно, еще больше обескураживает – то обстоятельство, что такая же особенность отмечена и в лексических системах других языков.

2. **Тематическая группа прилагательных, описывающих человека.** Анализ тематической группы прилагательных, обозначающих особенности человека, [Драгичевич 2001] показал, что в сербском языке заметно преобладает число прилагательных, обозначающих нежелательные особенности, нежели желательные. Приведем в качестве примера некоторые из этих прилагательных, не претендуя на перечисление всех членов этой многочисленной тематической группы: *дебео, јалов, кљакав, крезав, матор, млохав, мутав, нем, рошав, жгољав, глув, хром, лењ, слеп, тром, кљаст, бољешљив, шантав, гадан, ружан, блесав, блентав, буљав, гегав, глуп, грозан, груб, дрљав, дроњав, дрнав, дундаст, жвалав, ждерав, жмигав, жмирав, зао, здепаст, злобан, злобив, злочест(ан), зрикав, зубат, јадан, јадљив, јаукав, јаукаст, језив, језичав, кењкав, киван, килав, клемпав, клецав, кмезав, колебљив, кракат, крезав, кржљав, кукаван, лош, лукав, млитав, мрзак, муцав, низак, наказан, опак, осоран, пакостан, плаховит, плашљив, похлепан, праскав, пргав, презрив, прек, прљав, прост, рђав, рошав, рутав, свиреп, себичан, сиров, ситан, слаб, спор, срамежљив, срамотан, срдит, срдљив, стар, страховит, страхотан, страиан, суморан, суров, ташит, тегобан, тежак, теретан, тескобан, тетурав, трбат, трбоњаст, тром, тртаст, туњав, тунав, хром, чандрљив, чунав, џангризав, шепава, шепртљав, шкрт, шоњав* и т. д. Многие прилагательные из данной группы, у которых сербское происхождение, имеют оноματοпеические корни. При помощи ономатописи словообразовательные основы передают: а) говорение высоким голосом, как напр., *пискати – пискав*; б) звуки раздражения в голосе, как например, *гунђати – гунђав*; в) частое / непрерывное говорение: *брбљати – брбљав*; г) способ ходьбы: *гегати се – гегав*; д) физический внешний вид: *буљити – буљав*; е) особенности характера: *колебати се – колебљив* и т.д.

Что касается особенностей внешнего вида человека, то оказалось, что отдельную группу составляют прилагательные, обозначающие полное отсутствие обычной физиологической характеристики, как например: *глув, нем, слеп*. При этом отсутствуют прилагательные, обозначающие наличие в полном объеме желательной физиологической особенности. Словно во внешнем виде человека не бывает чрезмерно выражена позитивная черта. Желательное находится на уровне сравнительной положительной степени, в то время как нежелательное допускает и некие абсолютные значения.

Наше исследование показало, что физические уродства, по всей видимости, в первую очередь привлекают внимание человека, описывающего чью-либо внешность; сразу за ними следуют особо выделяющиеся части тела. Примеры прилагательных, обозначающих физические уродства: *кљакав, крезав, мутав, рошав, шантав, шепав, шоњав, зрикав, грбав, гурав, гушав, килав, квргав, врљав, гегав, жвалав, клецав, кљакав, буљав*. Примеры прилагательных, обозначающих особо выделяющиеся части тела: *бокат, кошчат, трбаст, тртаст, кракат, ушат, зубат, глават, носат, ногат*.

3. *Nomina attributiva* от прилагательных со значением «особенности человека». В сербском языке у имен прилагательных, обозначающих особенности человека, хорошо развита деривационная система. Среди их дериватов наибольшую группу составляют существительные, обозначающие носителя определенной особенности (*nomina attributiva*). Здесь значительно преобладают существительные, обозначающие человека с нежелательными особенностями, в противовес существительным, обозначающим носителя желательных особенностей. Например: *бедник, блудник, бленто, блентов, блесавац, блесавко, бојажљивац, бојажљивко, болешљивац, болешљивко, гадник, глупак, глупан, глупац, глупоња, глувак, глувац, глувоња, грдоња, грдоба, грдов, грбавац, грбавко, гуравац, гушавац, дебељак, дебељко, дебељчина, дебељушан, дроњавац, дроњавако, жгољавац, жгољавако, ждеравац, ждеравко, збунљивко, јаловак, јаловац, јадник, кашљивац, кварњак, килавац, килавко, кљакавац, кљакавко, кљаствац, крезавец, кржљавац, лудак, лудоња, љигавац, љигавче, матораћ, маторац, маторко, маторњак, метиљавко, млакоња, млитавко, млитвац, млитоња, млохавац, мргуд, мрзник, мршоња, мутоња, мутавац, мутавко, немак, пегавац, плашљивац, плашљивко, простац, простачина, тупак, тупан, тупација, тупоња, туњавац, туњавако, слабуњавац, слепац, слепар, слинавац, слинавко, срамежљивац, срамежљивко, старкеља, старчина, старчуљина, туробник, хромац, шепавец, шепавко, шкртац, ленчуга, ленитина, ленчина, лењивац, празнов и т. д. Список производных в группе *nomina attributiva* мужского рода от простых прилагательных, обозначающих особенности человека, почти целиком состоит из дериватов со значением нежелательных характерных особенностей [Драгичевич 2001].*

Несколько иная картина складывается у имен существительных той же группы, относящихся к женскому роду. Оказывается, что число существительных со значениями желательного и нежелательного практически одинаково, с тем что больше, все же, существительных, указывающих на нежелательный признак. Примеры имен существительных, содержащих в себе нежелательный признак: *блентара, глупара, глупача, гнусница, грдуља, дебељуша, дрзница, јакара, јакача, јаловица,*

јаловка, кљаковица, крезавица, лакомица, лукавица, лукавка, маторка, млитавица, млохавица, мутавица, празнуља, слепица, хромица и т. д. Примеры имен существительных, указывающих на желательный признак: *лепојка, плавојка, чистунка, драгиња, добрица, драгица, драгуница, мудрица, убавица, чистуница* и т. д.

Поскольку отдельные словообразовательные основы повторяются, то нетрудно выделить признаки, чрезмерно привлекающие внимание носителя сербского языка. Чаще это физические особенности, нежели особенности характера, и одновременно это признаки, связанные со способностью родить ребенка, с трудолюбием, с проблемами при ходьбе, с возрастом, с телесной массой. Существительные из этого списка позволяют увидеть, как должен выглядеть человек с желательными особенностями: ему (или ей) нельзя быть ни худым, ни толстым, иметь бросающиеся в глаза уродства, нужно быть трудолюбивым, аккуратным, приятным, мудрым, она должна обладать способностью к деторождению.

4. Деривационные гнезда членов антонимических пар. У пары градуированных антонимов есть маркированный и немаркированный член. Немаркированный член обычно имеет более богатую полисемию, что заставляет нас ожидать от него и более развитой деривации. Однако так происходит не всегда.

Деривационное гнездо у прилагательного *стар* гораздо богаче, чем у прилагательного *млад*. У многих дериватов прилагательного *стар* отсутствуют антонимические соответствия среди дериватов прилагательного *млад*. Например, имя существительное *старешина* и его производные дериваты (*старешински, старешовање* и т. д.). Похожая ситуация складывается с дериватами от прилагательного *стар*, связывающими возраст с традицией, с системой ценностей, которая передается от поколения к поколению (*старевина, староседелац, старина, старински, старокућић* и т. д.). У всех этих слов есть аффирмативная коннотация в противоположность тем многочисленным дериватам, которые относятся к негативным явлениям – поскольку из-за старости дальнейшее применение описываемых ими предметов или неадекватно, или невозможно (*старомодан, старомодност, старомодно, застарети, застарелост* и т. д.). К той же группе часто относятся и дериваты, обозначающие старые предметы (*стареж, старудија*). Дериваты прилагательного *млад* не обладают возможностью создавать группу по наличию положительной или отрицательной коннотации. В то время, как многие дериваты от прилагательного *стар* обозначают старые предметы и места, где они продаются (*стареж, старежница, старина, старинарница, старетина, старетинарница, старудија, старударница*), некоторые дериваты прилагательного *млад* связаны с растениями, животными и местами, в которых последних выращивают или размножают (*младинка, младиковина, младница, млаћ, младунац, младилиште* и т. д.).

У прилагательного *слаб* деривационное гнездо гораздо богаче, чем у прилагательного *јак* (*сильный*). Асимметричность деривационных гнезд у этих антонимов проистекает из отсутствия в деривационном гнезде прилагательного *јак* слов, образованных путем сложения основ, наряду с многочисленностью таких дериватов в гнезде прилагательного *слаб*: *слабовид, слабодух, слабожучност, слабокрван, слабомислен, слабомоћан, слабонерван, слабоног, слаборечив, слабоуман* и т. д. У каждого из этих образований есть по несколько дериватов.

У прилагательного *зао* (скверный, дурной, плохой, злой) деривационное гнездо значительно богаче, чем у прилагательного *добар* (добрый, хороший). Нами отмечена пропорциональность деривационных гнезд этих лексем, однако многие дериваты прилагательного *зао* указывают на предсказание беды, на магические способности кого-либо или чего-либо, что может причинить зло. Такое значение, к примеру, у следующих лексем: *злоочник* (тот, кто может сглазить, у кого злые глаза); *зломисаон* (тот, кто предвидит зло); *злогодница* (сорока, предсказывающая плохой год); *злогук*, *злогуко*, *злогукалица*, *злослутан*, *злослутност*, *злослутња*, *злогласник*, *злогласница*, *злорепи* (дьявол), *злодух*.

Имена существительные *туга* (печаль, грусть, тоска) и, в особенности, *жал* (горе, жалость, печаль) имеют ощутимо большее число дериватов, нежели существительное *срећа* (счастье, удача). Практически у всех дериватов существительного *срећа* абстрактное значение, и они связаны с переживанием или выражением счастья как эмоции. Исключение составляет, например, существительное *срећка*, которое имеет абсолютно конкретное значение (лотерейный билет). Значения некоторых дериватов существительных *жал* и *туга* – или хотя бы одно из их значений – конкретны. У таких дериватов собственные деривационные гнезда значительно расширены, и тем самым нарушается деривационная симметрия данных антонимов. Так, например, существуют *жалба*, *тужба*, *тужбалица*, *тужалька*. У существительного *туга* есть дериваты, образованные путем сложения основ: *тужнолик*, *тужноок*, *тужнокос*. А от существительного *срећа* дериваты, образованные этим способом, не отмечены в словарях современного сербского языка.

Перед тем, как предложить теоретическое толкование представленных данных, дадим их систематизацию. От членов антонимических пар мы ожидаем симметричного развития полисемии и деривации. Если симметрия отсутствует, то мы предполагаем, что у немаркированного члена антонимической пары больше значений и больше дериватов. Однако приведенные примеры указывают на возможность того, что тот член антонимической пары, у которого больше значений, имеет меньше дериватов.

Антоним, у которого деривационное гнездо богаче	Антоним, у которого деривационное гнездо беднее
<i>стар</i> (24 значения)	<i>млад</i> (10 значений)
<i>слаб</i> (11 значений)	<i>јак</i> (12 значений)
<i>зао</i> (3 значения)	<i>добар</i> (11 значений)
<i>туга</i> (4 значения)	<i>срећа</i> (5 значения)

Немаркированным членом антонимической пары (например, *дубок*, *дугачак*, *дебео*, *јак*, *леп*, *добар*), как правило, является тот, который обозначает (выраженное) наличие самого признака (например, *дубина*, *дужина*, *дебљина*, *јачина*,

лепота, доброта). Мы можем задать в антонимической паре немаркированный член как базовый, и, следовательно, ожидать, что у него полисемия богаче. Действительно, немаркированный член антонимической пары имеет более богатую полисемию, но деривация у него – беднее. Объяснение такой неожиданной диспропорции следует искать в том факте, что в системе значительно преобладают лексемы, создаваемые носителем языка для обозначения реалий, отличающихся от ожидаемых, желаемых, повседневных, по сравнению с лексемами, именуемыми нейтральные или желательные, ожидаемые свойства. Поэтому, как показывают наши примеры, деривационные гнезда крупнее у тех маркированных членов антонимических пар, которые указывают – по крайней мере, при описании человека – на нежелательные особенности. Словно отсутствует необходимость в лексикализации, например, особенностей сильного духом человека с хорошим химическим составом крови, с крепкими нервами. При этом из-за броскости признака, из-за неординарности существуют дериваты: *слабовид, слабодух, слабожучан, слабокрван, слабомоћан, слабонерван, слабоног, слабоуман, слабомислен* и т. д.

В той же мере отсутствует необходимость в лексикализации при помощи производных слов примет урожайного года, благополучия, счастья. Зато в нашем языке в изобилии представлены слова для предсказания плохого года, бедности, несчастий. Именно такими лексическими единицами обогащено деривационное гнездо прилагательного *зао* и превосходит ими деривационное гнездо прилагательного *добар* (например, *злоочник, зломисаон, злогодница, злогук, злогуко, злогукалица, злослутан, злослутност, злослутња, злогласник, злогласница, злорепи, злодух*).

У нас есть склонность к именованию свойств грустного (*тужнолик, тужноок, тужнокос*), а не счастливого человека. У песен, исполняющихся в случаях печали или грусти по ушедшим людям, есть свои народные названия (*тужбалица, тужалька, жалопојка*), в то время как песни, выражающие счастье, названы не по содержащемуся в них переживанию, а по событию, с которым они связаны (например, *сватовац*).

Специфика антонимической пары *стар – млад* в том, что ее немаркированный член имеет более богатую и полисемию, и деривацию по сравнению с маркированным членом. Старший возраст является одновременно и желательной, и нежелательной особенностью, поэтому словообразовательное гнездо прилагательного *стар* состоит из двух видов дериватов: с желательной и нежелательной коннотацией. Этим деривационное гнездо этого прилагательного отличается от многих других. В этом случае также одна из причин более богатой деривации кроется в нежелательности характеристики, выраженной прилагательным *стар*, а также в необходимости обозначения специфики старости: *старолик, старовек, старудија, стареж, старомодан, старење*. В то же время в деривационном гнезде прилагательного *стар* присутствуют дериваты с позитивной коннотацией: *староседелац, стародреван, старославан, старешина*.

5. **Лексемы, связанные с работой и бездельем.** Исследуя тематическое семантическое поле лексем, связанных с отношением человека к работе, В. Ружич [2008: 314] отметила, „да за представљање пасивног односа

човека према раду српски језик има далеко више лексема и фразема него за означавање његовог активног односа и с тим у вези његове особине радиности, марљивости¹.

Чтобы в этом убедиться, воспользуемся материалами для этой статьи. Для передачи значения *безделье* в сербском языке используются следующие глаголы: *ленствовати, ленчарити, излежавати се, беспосличити, дангубити, бадаваџисати, дембелисати, пландовати, празновати, залудничити, зазјавати*. Молодежный жаргон добавляет нам данных: *џабалебарити, гњавити се, ландрати, ландарати, луфтирати се, шалабајзати, кулирати, глуварити, ћошкарити, зевзечити се, фрајерисати се, зврјати, зујати, зевати, блејати, зафржавати се, замајавати се, смарати се, отпадати, распадати се* и т. д. Здесь мы не станем проводить семантический анализ перечисленных глаголов, но констатируем, что они не являются полными синонимами, что у одних из них *безделье* выражено основным значением, у других – вторичным, а также то, что некоторые из них означают *ничего не делать*, другие – *пребывать в менее активном состоянии*, а третьи – *заниматься бесполезной, бессмысленной работой*².

Что касается глаголов *радити, делати*, то похоже, что у них нет синонимов в сербском языке. Их аффирмативное значение достигается при помощи наречий: *вредно, марљиво, предано, напорно, тешко* или *много, претерано, непрекидно*. При этом существуют лексемы, выражающие смысл *работать бессмысленно, чрезмерно, трудиться на чужую пользу*, которые, разумеется, имеют отрицательную коннотацию: *ринтати, аргатовати, кулучити, залуђивати се, шљакати, гилјати, рилјати, џепати, курблачити, коњосати, гулити, гристи, рмбати, грчити се, црнчити, копати, мучити се*. По всей видимости, языковая личность, все же обращает внимание на прилежную работу, но только в том случае, если ее по какой-либо причине следует оценить негативно.

Прилагательные, обозначающие безделье, – это *лен, лењ, нерадан, неприлежан, немарљив, неактиван, непокретан, тром, млитав, учмао, докон, готовански, залудан, беспослен, дангубан, насиван*. Прилагательные, обозначающие прилежно работающего человека, следующие: *вредан, радан, марљив, трудољубив, приљежан, ревностан, предан, активан*. Для обозначения безделья в сербском языке используются существительные: *нерад, беспосличење, доконост, доколица, залудност, дангуба, тромост, учмалост, насивност*, – а для обозначения склонности к работе: *вредноћа, радиност, марљивост, трудољубивост, прегалаштво, приљежност*.

Для обозначения ленивого человека в сербском языке (в особенности, в молодежном жаргоне) существуют многочисленные названия: *лењивац, лењивица, ленитина, ленчуга, ленчура, ленгуз, ленгуза, нерадник, беспосличар, бадаваџија, звијук, клатимуда, лендов, џабалебарош, глувар, џабалеску, ладолеж, амеба, блејач, ганфер, кулер, згубидан, дангуба, дангубник, доколичар, трут, трунтов*,

¹...«что в сербском языке для выражения пассивного отношения человека к работе есть гораздо больше лексем и фразем по сравнению с обозначением активного отношения к работе и, соответственно, таких характеристик как трудолюбие, прилежание».

² Подробнее об анализе материала см. [Ружич 2008].

гуланфер, готован, глуварош, флентер, падавичар, шалабајзер, готованка, залудник, залудница, демебелан, паразит. Про трудолюбивого человека мы говорим лишь, что он *вредница, радиша, прегалац*³.

6. Синонимический ряд глаголов, значение которых связано с рождением. Одной из важнейших и почетнейших социальных и биологических функций женщины является рождение на свет ребенка. В народном сознании присутствует пренебрежительное отношение к женщине, которая не может родить ребенка. Как уже отмечалось, в народе такую женщину называют *неротка, нероткиња*, а также *јаловица, јаловка, јаловкиња, јаловуша*. Однако для обозначения действия, относящегося к рождению, в сербском языке используются многочисленные глаголы, многие из которых имеют резко уничижительную оценку: *бабити се, градити, добити (се), дородити се, живнути, задобити, зачети, изметнути се, израђати, имати (се), истоварити се, коврљати, котрљати, наврљати, наврћкати, наићи, најавити се, навалити, наваљати, наковељати, наковрљати, накотрљати, нарађати, нарођавати се, нарољати, наставати, настати, натесати, натркаљати, нафрћкати, находити се, начетити, начинити, обабити (се), обасути, одвалити, одваљивати се, отројити се, побабити се, побачити се, повити, повргнути / поверћи се, помашити (се), порађати (се), породити (се), придати се, придодати се, рађати (се), раздвојити се, растоварити се, родити се, трудити се*⁴.

Глаголы, которые обозначают процесс рождения и человека, и животного: *бачити, близнити се, донети, изваљивати, изнакучити се, ископилити се, испастити, истрести се, истурити, ишућити, копилити, накотити (се), наштенити, накопитити се, натићити, наћи се, облизнити (се), окопилити (се), окотити (се), ројити (се), укотити (се)*.

Часто рожаящая женщина сравнивается с животным, и в этом случае для рождения ребенка и детеныша животного используются одни и те же лексемы. Из некоторых глаголов – таких как *истрести се, наштенити, окотити се, истоварити се, наваљати* и т. д. – следует уничижительное отношение и к новорожденному младенцу. Так, например, из глагола *оштенити се* следует, что и мать, и младенец сравниваются с собаками. Отмечено также и то, что отрицательное отношение отдельно формируется к многократно рожавшей женщине.

7. Глаголы речи. Среди глаголов речи также есть много примеров лексики с уничижительным значением: *баљезгати, бенавити, блебетати, бобоњати, брбљати, булазнити, бунцати, будалити, балавити, бубњати, бубнути, бекнути, брундати, блејати, гроктати, звоцати, зарезжати, исторокати се, кокодакати, квоцати, лајати, лупати, лупетати, лупити, млатити, млети, мукнути, мумлати, мрнцати, мрмольити, наторокати (се), нагваждати, наклапати, налупетати*

³ В работе Владиславы Ружич приведены также многочисленные фразеологизмы, значение которых связано с отношением человека к работе. Среди них оказывается больше таких, которыми выражается лень.

⁴ Материал взят из работы на соискание степени доктора наук Милицы Марьянович о глаголах рождения и смерти в сербском языке. Лексика собрана, в основном, из словарей современного сербского языка.

(се), олајавати, олајати, режати, разлајати се, треснути, тртљати, торокати, трабуњати и т. д.⁵. Ими, в основном, отмечается способ говорения, но также высказывается отрицательное отношение как к содержанию сказанного, так и к говорящему. Глаголов речи с положительной коннотацией очень мало, к примеру: *зукати, цвркутати, вѣсти, плести, зборити, приповедати*.

8. Остальные примеры. Существует множество других примеров, показывающих, что в разнообразных, парадигматически связанных группах лексем представлено большее число единиц с отрицательным значением, нежели с положительным. С. Ристич [2004] обратила внимание на несколько типов именных и глагольных экспрессивов в сербском языке. Среди них доминирует лексика со значением нежелательного. Р. Жугич [1997] на примере отдельно взятого диалекта показала, что людям чаще дают прозвища по их нежелательным характеристикам, нежели по желательным. В группе метафорических названий человека, возникающих в соответствии с отмеченным сходством между человеком и животным, значительно больше примеров метафор, возникших по аналогии человека с животными, о которых у нас сформировано коллективное негативное представление, нежели на основании реального или воображаемого сходства с животными, о которых у нас положительное представление. Клайн [1994: 224] указывает: „Одавно познато, усталом, да негативне особине јаче стимулишу језичку креативност него позитивне“⁶.

9. Выводы. На основании нашего материала один из возможных выводов мог бы быть следующим: очевидная, столь широкая представленность лексики с нежелательным значением сформировалась по причине плохого характера носителей сербского языка. Однако сравнительный анализ показывает, что такое же или весьма похоже обстоят дела и в других языках. По всей вероятности, В. Ружич [2008:314] пошла по правильному пути, когда констатировала, что „вредност оно што је необележено на скали друштвеног вредновања, а оно што није прихваћено, што одступа од тога, то се посебно веома нијансирано квалификује“⁷.

Это означает, что от отдельно взятого человека ожидается, что у него нет ни физических недостатков, ни отрицательных черт характера, что он здоров, трудолюбив, говорит ни много и ни мало, не слишком тихо и не слишком громко и т.д. Именно при наличии всех перечисленных характеристик и еще множества – также желательных – других, он останется незамеченным, не получит особой отметки. Но если хоть что-то у человека не так, как надо, то язык уже имеет наготове языковое средство, которое требуется только связать с конкретной личностью. Все прочие положительные особенности останутся не замечены языком, а недостаток обязательно получит свою констатацию.

⁵ Материал взят из работы на степень доктора наук Катарини Джюриич о глаголах речи в сербском языке.

⁶ «Впрочем, давно известно, что – в отличие от положительных – отрицательные характеристики сильнее стимулируют языковое творчество».

⁷ «Ценность – это то, что не имеет своей отметки на шкале социальной оценки; а то, что неприемлемо, что отступает от нормы, градуируется специально и со всеми нюансами».

Суровая истина заключается в том, что нейтрален не тот, кто обозначен ни положительно, ни отрицательно, а только тот, чьи характеристики позитивны. Очевидно, что в современном обществе социум многого требует от личности, и это получает отражение в языке. На самом деле, столь большие ожидания от человека не являются продуктом современного общества, а существовали всегда. Кроме того, они присущи не только городской среде, но и сельской. И это доказывается лексикой, преобладающей в количественном отношении практически во всех перечисленных группах.

Важно также напомнить, что в лексической системе сила нежелательного, уничижительного, насмешливого, унижающего в значительной мере реализуется в словах ономатопеического происхождения. Как мы видели, ономатопея может выражать нежелательные физиологические характеристики человека (*врљав, ге-гав, клемпав*), нежелательные особенности характера (*џангризав, брљив, кмезав, шуњав*), названия человека – прозвища и иные квалификативы (*брљивко, муџавко, трапавуша, чупавица, брљивица*), глаголы со значением нежелательного, связанные с бездельем или с бессмысленной работой (*зврјати, зујати, блејати, рмбати, шљакати*), глаголы со значением нежелательного, относящиеся к родам (*коврљати, котрљати, наврљати, наврћкати*), глаголы речи (*звоцати, квоцати, грокатати, кокодакати*). Здесь нельзя не вспомнить Фердинанда де Соссюра [1977: 137], который подчеркивает, что ономатопеи немногочисленны, что у них второстепенное значение, что „нису никад органски елементи једног лингвистичког система... Што се тиче правих ономатопеја (типа *глу-глу, тик-тик* итд), оне су не само малобројне, већ је и сâм њихов избор у извесној мери произвољан, пошто представљају само приближну имитацију, већ упола конвенционалну, извесних шумова“⁸. Приведенные нами примеры показывают, что в языке (по крайней мере, в сербском языке) ономатопея жива и играет очень важную роль в мотивации экспрессивной лексики.

Проведенное исследование имеет значение и для использования еще одного метода в лингвокультурологических исследованиях. Очевидно мозаику языковой картины реального мира можно сложить также при помощи выделения и анализа тематических групп лексем. Порою само составление таких групп ярко освещает один из сегментов языковой картины мира и показывает исследователю направление, в котором следует идти.

Литература

1. Драгичевич 2001: Драгићевић Р., Придеви са значењем људских особина у савременом српском језику, творбена и семантичка анализа, Библиотека Јужнословенског филолога, нова серија, књ. 18, Београд: Институт за српски језик САНУ.

⁸ «Но ведь явления звукописи никогда не являются органическими элементами в системе языка. <...>. Что касается подлинных звукоподражаний (типа *буль-буль, тик-так*), то они не только малочисленны, но и выбор их до некоторой степени произволен, поскольку они лишь приблизительные и наполовину условные имитации шумов». [Цит. по переводу А. М. Сухотина, 1933 г.]

2. Драгичевич 2010: Драгићевић Р., Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу, Београд: Друштво за српски језик и књижевност.
3. Джюриич 2009: Ђуричић К., Семантичка анализа глаголâ говорења у савременом српском језику, необјављени мастер-рад, Филолошки факултет у Београду.
4. Жугич 1997: Жугић Р., „Придеви који се односе на човекове особине у говору околине Лебана“, Јужнословенски филолог LIII, 135–145.
5. Клайн 1994: Клајн И., Писци и писмењаци, Нови Сад: Матица српска.
6. Марьянович 2008: Марјановић М., Семантичка анализа глаголâ рађања и умирања, необјављени мастер-рад одбрањен на Филолошком факултету у Београду, 2008.
7. Ристич 2004: Ристић С., Експресивна лексика у српском језику, Београд: Институт за српски језик.
8. Ружич 2008: Ружић В.: „Тематско-семантичко поље: однос човека према раду (радан, вредан / нерадан, лењ)“, у: Семантичка проучавања српског језика, ур. М. Радовановић и П. Пипер, Београд: Српска академија наука и уметности, 301–317.
9. Сосјур 1977: Сосир Ф. де, Општа лингвистика, превео Сретен Марић, [Београд: Нолит.

Рајна Драгићевић

РЕЧИ СА ПОЗИТИВНОМ И НЕГАТИВНОМ КОНОТАЦИЈОМ У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ ИЗ УГЛА НАЦИОНАЛНЕ КУЛТУРЕ

У раду се говори о томе да у српском језику (а вероватно и у другим језицима) различите групе парадигматски повезаних лексема имају много више чланова са негативном конотацијом него оних са позитивном. Предмет испитивања су тематске групе лексема, синонимски редови једне лексеме, деривациона гнезда простих речи. Разлоге за ову појаву не треба тражити унутар лексичког система, његових законитости и односа који у њему важе, већ искључиво у ванјезичкој стварности – у националној култури, у погледу на свет српског народа, у међуљудским односима и у једној општој друштвеној клими у којој је све што је непожељно упадљивије од онога што је пожељно. У раду се наводе бројни примери који потврђују да је творбом речи у српском језику настало много више придева са значењем непожељних него пожељних људских особина, много више речи за нерад и нераднике него за рад и раднике, да је у синонимским редовима глагола који значе рађање и говорење много више пејоратива него неутралних лексема и да су богатија деривациона гнезда простих речи са непожељним значењем него са пожељним. Ауторка наводи неке од могућих разлога за овај лингвокултуролошки феномен.

Ольга П. Ермакова

(Калужский государственный педагогический университет
имени К.Э. Циолковского, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА, ОТРАЖЕННЫЕ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Изучать менталитет любого народа по данным языка, на наш взгляд, можно лишь относительно. Очевидно, в таких исследованиях легко сделать слишком категоричные выводы на основе не вполне убедительного материала. Даже в несомненно интересной книге А. Вежицкой наряду с таким тонким наблюдением, что «в наиболее полной мере особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры – *душа*, *судьба* и *тоска*» [Вежицкая 1996: 33], с которым нельзя не согласиться, встречаются, на мой взгляд, небесспорные утверждения, в частности, утверждение о «весьма высокой эмоциональной температуре текста русского» по сравнению с другими славянскими языками. На основе анализа употребления в русском языке прилагательных с суффиксом – *еньк* [Вежицкая 1996: 55].

Думается, что о высокой эмоциональной температуре текста вряд ли можно судить по употребительности прилагательных с суффиксом – *еньк*.

В русской устной речи все виды так называемых уменьшительно-ласкательных имен – *ручки*, *носик*, *чистенький*, *аккуратненький* чаще избегаются, а их употребление свидетельствует о дурном вкусе. Что касается русских прозаиков, то, по нашим наблюдениям, прилагательные с суффиксом – *еньк* используются писателями как средство выражения отношения автора к герою от слегка насмешливого до явно пренебрежительного обычно в несобственно-прямой речи, что, очевидно, не делает текст высоко эмоциональным. Ср.: *Берг, в своих аккуратных дрожечках на паре сытых саврасеньких, точно таких, какие были у одного князя, подъехал к дому своего тестя; ...Адольф Берг...в чистеньком с иголки мундире, с припомаженными наперед височками ...приехал к нему* (Л. Толстой, *Война и мир*).

Однако и в нашей работе предпринята попытка показать некоторые особенности русского менталитета и, в частности, его противоречивость.

Словообразование трудно отделить от лексики, поскольку именно средствами словообразования пополняется словарный состав языка. Поэтому в определенных случаях наблюдения в области словообразования будут сопровождаться иллюстрацией из области лексической семантики, кроме аффиксального будут анализироваться и примеры семантического словообразования.

Рассмотрим отражение в словообразовательных явлениях некоторых религиозных и нравственных понятий.

Грех – святость

Отношение к греху отчетливо выражается в русских пословицах, которые чаще всего утверждают всеобщность греха и его неизбежность. *Один бог без греха; Без греха веку не изживешь; Не согрешишь – не покаешься* и т.д. Отсюда

некоторая терпимость и снисходительность к грехам. Производных от слова *грех* в русском языке немного: *грешный, грешник, грешок, греховодник, грехопадение, прегрешение, грешить* и приставочные *согрешить, нагрешить* и др.

Несколько легкомысленное и снисходительное отношение к греху выражают слова *грешок, греховодник, грехопадение*, которые соответствуют выражениям *впасть в грех, случился грех, вводить во грех*, создающим представление о непроизвольности греха, а некоторые семантические сдвиги в глаголе *грешить* усиливают несерьезное отношение к явлению. Ср.: *грешить сочинительством* и т.п.

Отсюда противоречивое отношение к тем, кто добродетельной жизнью резко выделяется среди всех. Ср. употребление слов *богомол, богомолка, святой, святые* в виде прозвищ в деревнях или небольших городах с некоторой долей пренебрежения и осуждения. Ср. также употребление в говорах слова *богомолка* – ‘1. Девушка, отказавшаяся от замужества и посвятившая себя молитве и посту’; «Так называются в Феропонтовской волости Буйского уезда старые, обрекшие себя на безбрачие девы» (заметим, что старые девы никогда не пользовались в народе особым уважением) [СРНГ 1968].

Ср.: *Богомолка* – ‘богомолками зовут местами заматерелых девок, грамотниц, посвятивших себя обучению детей и чтению псалтыря и канонов’ (Даль); *Богомолками* же называли женщин, принадлежавших к секте шалопутов (разновидность хлыстовства – О.Е.) [СРНГ 1968]; А *богомол* в тюремно-лагерном жаргоне значит ‘попрошайка’.

Очевидно, что коннотации у слова *богомолка* связаны с негативным оценочным компонентом, что наблюдается и в литературном языке: - *Вот полчаса холодности терплю, / Лицо святейшей богомолки. / И все-таки я вас без памяти люблю!* (Грибоедов. «Горе от ума»)

Сознание, опирающееся на положение «один Бог без греха», сопротивляется вере в святость обыкновенного человека: вряд ли это искренне. Отсюда, например, развитие у слова *святоша* значения ‘лицемер, притворяющийся праведником, ханжа’ (презрит.) (первоначально – ‘богомольный человек, строго исполняющий церковные обряды’).

С почтительным отношением к истинно святым связано и переносное значение у слова *святой* – ‘высоконравственный, безупречный в своей жизни, поведении’. Ср., например, высказывание: *Сахаров был святой* (уст. речь).

Добавлю еще, что отдельные образования от святых имен говорят об отсутствии истовости, доходящей до фанатизма, в отношении к вере у русского народа. Это прежде всего производные *исусик (исусик), христосик, христосики* и некоторые другие.

Исусик (иисусик) и *христосик* называют человека, прикидывающегося невинным, кротким. В Сл. Уш. *исусик* отмечено как разговорное фамильярное. Скорее всего это образование, как и *христосик* – порождение советской эпохи, периода атеизма, внедряемого в стране, хотя достоверно это неизвестно, но до Сл. Уш. оно не отмечалось. В.И. Даль приводит слово *христосики* (тул., курск.) – ‘обувь христов человека, лапотки’ (*христов человек* – милосердный, добрый); у него же находим *христовник* (костромское) – ‘праздничная одежда, кафтан’. Ничего плохого в этих образованиях нет. Однако есть не-

которое приземление высокого имени Христа и даже нарушение заповеди не поминать имени Господа всуе.

Приведу примеры употребления слов *Христос* и *Богородица* из рассказа М. Цветаевой «Кирилловны». Это употребление поддерживает мысль об отсутствии в русском менталитете фанатичной истовости в отношении к религиозным святыням.

«Но не они [не хлыстовки – О.Е.] приходили за яблоками [в чужой сад О.Е.], не те, степенные, долуokie, а они, то есть ихняя Богородица с Христом, рыжим, худым, с раздвоенной бородой,...их Христос с ихней Богородицей, старой,... хотя и не рваной, но все-таки страшноватой.

Наше тогдашнее чувство рассуждало приблизительно так: «Раз они воруют яблоки, то не совсем Христос и Богородица, но так как они все-таки Христос и Богородица, значит, они не совсем воруют» (М. Цветаева, Кирилловны).

В образованиях от имен, называющих «антисвятыни», также проявляется противоречивость народного сознания. С одной стороны, явное осуждение всякого упоминания *черта*, *дьявола*, глагол *чертыхаться* у верующих людей заключает в себе осуждение действия. Но, с другой, выбиваются из общего отрицательного отношения к *черту*, (*дьяволу*, *бесу*), такие образования, как *бесенок*, *чертенок*, *дьяволенок*, *чертик*, *бесик*. В прямых значениях эти слова если и выражают осуждение, то снисходительное, не лишенное даже легкой доли умиления. Ср., например, в сказке Пушкина «О попе и его работнике Балде» бесенок, которого все время обманывает хитрый Балда, явно вызывает сочувствие у автора и читателей:

Вынырнул подосланный бесенок, Замяукал он, как голодный котенок...

Прибежал бесенок задыхаясь, Весь мокрешенек, лапкой утираясь.

Соединение суффикса *-енок* со словами *бес*, *черт*, *дьявол* более естественно, чем с личными именами людей: демоны зла имеют человеческий облик лишь отчасти – рога, копыта и хвост сближают их с животными (так обычно изображаются черти «разного возраста» на фресках). Но уменьшительно-ласкательный характер суффикса создает образ скорее забавного существа, чем страшного или отталкивающего.

Заметим, что слова *чертенок*, *бесенок* толкуются обычно как ‘маленький черт’ (*бес*, *дьявол*), но как ‘детеныш черта», хотя модель здесь именно такая (*тигренок*, *львенок*, *лисенок*, *котенок* и т.п.). Очевидно, по религиозным канонам не положено «семейные отношения» духа зла.

Да и переносные значения этих слов не обнаруживают заложенных в прямых значениях явно отрицательных оценок. Ср.: *чертенок* – 1. Маленький черт, дьяволенок, бесенок; 2. О бойком, озорном мальчишке; *Чертеночек* – уменьшит.-ласк. к чертенок; *Чертик* – то же, что чертенок; *Дьяволенок* – маленький дьявол, бесенок.

Чертовка – не всеми словарями толкуется как ‘женское к черт’ (есть в БАС), синонимом приводится *ведьма*, хотя и по происхождению и «по функции» значения этих слов не соотносительны. Более естественно, на мой взгляд, толкование слова *чертовка* (а также *бесовка*, *дьяволица*) как словообразовательной метафоры – * ‘злая женщина’. Именно так определяется оно в словаре 1847 г., а слов *бесовка* и *дьяволица* там нет совсем.

В сущности образование *чертовка* нарушает ортодоксальное представление о духе зла. Что значит ‘женщина черт’? Как она относится к черту?

Противоречивость отношения в русском народе к «антисвятыням» выражается и в том, что и *чертовка* и *черт* – являются примерами оценочной энантиосемии: наряду с другими бранными словами они могут выражать и осуждение и восхищение. А сравнение *как черт* стало выражением интенсификации разных, часто противоположных признаков: *страшен как черт – красив как черт*.

«Поглядеть со стороны, – говорил Емельянов, – соплей ее перешибешь, а ведь – *чертенок...*» *И, как черт, она была красива...* (А.Н. Толстой, Гадюка); *Кларнет пробит, труба помята, фаягот, как старый посох, стерт, на барабане швы разлезлись... Но кларнетист красив как черт!* (Б. Окуджава, Песенка о ночной Москве).

Совесть и стыд

Разумеется, без предварительного краткого анализа этих концептов нельзя понять отражение их различий в словообразовании. Точнее – в значениях производных слов [о концепте *совесть* см.: Апресян 1995: 353; Вежбицкая 1996: 366, 367; Ермакова 1999: 544; Ермакова 2000: 125; Кант 1965: 376; Урысон 1997: 9].

Не в каждом славянском языке разведены понятия *совесть* и *стыд*. Пересечение смыслов, заключенных в концептах *совесть* и *стыд*, лишь частично. *Стыд* близок не *совести* как нравственному ориентиру, высшему непререкаемому судье, а лишь *укорам совести* после предосудительного поступка (или мысленного намерения его совершить). В. Даль определяет значение слова *стыд* как «исповедь перед совестью»; *прямой стыд* – как «наружное проявление совести».

В нашем бытовом сознании *совесть* и *стыд* – близкие понятия. В ряде контекстов слова *совесть* и *стыд* взаимозаменяемы, ведут себя как синонимы. Ср.: «Он оскорбил мать. Его мучила совесть (терзал стыд)». Как правило, синонимичны производные слов *совесть* и *стыд*: *совестно – стыдно, совеститься – стыдиться* и др.

Однако и в народном сознании эти понятия полностью не отождествляются, о чем свидетельствует выражение *ни стыда, ни совести*. Здесь отмечу только некоторые особенности, различающие *совесть* и *стыд*:

1. Совесть осуждает или предотвращает *аморальные, безнравственные поступки*, стыд может сам по себе быть безнравственным, если человек стыдится того, что с точки зрения морали отнюдь не подлежит осуждению: своего происхождения, непродвижения по службе, отсутствия предметов роскоши и т.п. Ср.: *Кто честной бедности своей Стыдится и все прочее, Тот самый жалкий из людей, Трусливый раб и прочее* (Р. Бернс. Честная бедность. Пер. С. Маршака). Поэтому то, что у человека есть совесть (ср. *человек с совестью*), всегда «имеет оценку» *хорошо*, даже если человек испытывает муки совести за то, в чем нет его вины. Обостренное чувство совести возвышает человека в наших глазах. Этого нельзя сказать о преувеличенном чувстве стыда. всегда важно, на что этот стыд направлен.

2. Отсюда следует и еще одно отличие совести от стыда. Стыд может быть *направлен на самого себя*, чего не бывает у совести. В рассказе Бунина «Темные аллеи» герой встречается через много лет со своей любовницей, бывшей крепостной, которую бросил. Чувствуя вину за прошлое, он при прощании целует ей руку, после чего испытывает сложное чувство стыда: «*Со стыдом вспоминал свои последние слова и то, что поцеловал у ней руку, и тотчас стыдился своего стыда*».

3. *Упреки совести* – это осуждение себя, но не другого человека. Стыд может быть за другого человека. Но в первую очередь стыдиться можно поступков того, кто в какой-то степени тебе близок: родственника, друга, ученика (или учителя), коллеги или даже представителя одной с тобой страны, народа, сферы деятельности и т.д. В этом случае тот, кто испытывает стыд, ощущает некую сопричастность к действиям другого лица (лиц). Ср.: *Ему было стыдно за поведение друга, (сестры, своего соотечественника и т.д.); Его мучил стыд за пьяного опустившегося отца.*

Эти особенности двух концептов находят отражение в значениях производных слов: *стыдиться – совеститься, стыдливый – совестливый* и во вторичных номинациях (метонимических) – *он – моя (наша) совесть и он (это) – мой стыд.*

Так, глагол *стыдиться* (кого-то) имеет два смысла: 1) ‘испытывать чувство стыда за кого-то’: *Ты стыдишься меня; Он стыдится своей матери* – ‘считает свою мать позорящей его’; *Джемма явно стала стыдиться своего жениха* – ‘жених стал ей казаться менее достойным человеком, чем прежде’. 2) ‘испытывать чувство стыда перед кем-то за свои поступки’: *Он не стыдится ни отца, ни матери, и при детях устраивает скандалы.*

Совеститься можно только за себя.

Совестливый и стыдливый также отражают различия этих двух концептов: *совестливый* – ‘стремящийся поступать по совести, не совершать неблагоприятных безнравственных поступки’. Ср.: *«Изучать народ», живучи под чужим кровом и на чужом хлебе, для совестливого Бенни было несносно* (Лесков, Загадочный человек).

Стыдливый – ‘легко смущающийся [в частности из-за собственной неловкости, несоответствующей одежды и т.п. Совесть к этому не имеет отношения], застенчивый, стеснительный’. По природе *стыдливая и робкая*, она досадовала на свою застенчивость... (Тургенев, Ася).

В русском языке возможно употребление *он (она) – наша совесть* и *он (она) – мой (наш) стыд* – о человеке. Однако семантика таких употреблений различна. Совесть, воплощаясь в другом человеке, выступает как тот нравственный ориентир, тот высший судья, перед которым беспрекословно склоняется человек. Ему как бы доверены функции второго «я», живущего в душе человека: *Сахаров – наша совесть; Моя мать (жена и т.д.) – моя совесть.*

Высказывание *он – мой стыд* вовсе не значит, что кто-то по отношению ко мне выполняет функцию стыда – выражает мое недовольство собой, упрекает меня за плохие поступки. Смысл такого высказывания может быть интерпретирован следующим образом: 1) это ‘тот, по отношению к кому я совершил неблагоприятный поступок (подвел, обманул, обидел и т.д.)’ или 2) это ‘тот, кто своим поведением позорит меня’. В первом случае *он (она)* – объект моих постыдных действий, во втором *он (она)* – причина (или источник) того, что я ощущаю стыд, не совершив сам никаких предосудительных поступков. Ср.: *Вон дети, стыд своих семей, отчаянье отцов и матерей* (Крылов. Сочинитель и разбойник). Первое значение находит аналогию в соответствующем употреблении названий некоторых чувств: *он – моя симпатия (любовь, радость, ненависть)*, второе – в употреблении названий состояний: *он – мое мучение, страдание, утешение*, где *он* не объект моих мучений, утешений (у страдания нет объекта), а источник их или причина. Ср.: *сын – мое утешение* значит ‘я утешаюсь тем, что у меня есть сын (источник – сам

факт существования сына) или тем, что он хороший, хорошо себя ведет и т.п.’ Аналогично: *сын – мое мучение* значит ‘поведение сына ли его состояние – источник (или причина) моих мучений’.

Я коснулась лишь некоторых особенностей русского менталитета, отраженных в языке и, в частности, словообразовании.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю.Д. Избранные работы. – М., 1995.: Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. – М., 1996.
3. Ермакова О.П. Концепты совесть и стыд по данным языка // Русский язык в контексте культуры. – Екатеринбург, 1999.
4. Ермакова О.П. Концепты совесть и зависть в их языковом выражении // Русистика сегодня. – №1. – М.: Азбуковник, 2000.
5. Кант И. Метафизические начала учения о добродетели // Кант И. Сочинения: в 6 т. – М., 1965. – Т.4. – Ч.2.
6. Урысон Е.В. Архаичные представления в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1997.

Olga P. Jermakowa

NIEKTÓRE OSOBLIWOŚCI MENTALITETU ROSYJSKIEGO, ODZWIERCIEDLONE W SŁOWOTWÓRSTWIE

Niniejszy referat prezentuje niektóre spostrzeżenia nad cechami rosyjskiej mentalności (w zakresie moralnym i religijnym), jak one wyrażany są w leksyce i słowotwórstwie.

Євгенія А. Карпіловська

(Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України, Київ)

НОВА УКРАЇНА У СЛОВОТВІРНІЙ НОМІНАЦІЇ: ЗМІНИ У МОВНОМУ «КРЕСЛЕННІ» СВІТУ

Зміни в суспільстві за 19 років існування незалежної України не могли не відбитися в українській мові. Це передусім засвідчують різні типи лексичних інновацій: новозапозичення, новотвори та неосемантизми, або нові слова-значення як вияви найоперативнішої реакції мови на соціодинаміку. Активність однослівних номінацій у поповненні номінаційного корпусу української мови переконливо доводить збереження її типологічних рис як мови флективної з провідною роллю синтетизму у концептуалізації суспільно значущих понять, їх категоризації та специфікації (профілюванні) [Вихованець 2007]. Образно кажучи, саме новотвори відіграють провідну роль у зміні як українськомовного «креслення» дійсності в цілому (послугуючись термінами креслення, в її загальному мовному вигляді), так і «креслення» окремих її об'єктів, їх сукупностей чи реальних і ментальних просторів з ними (їх вигляду у певній мовній проекції). Такі нові деривати і засвідчують способи категоризації суспільно значущих понять, або, за влучним висловом О.А.Земської, ключових слів доби, що протягом певного часу перебувають «у фокусі соціальної уваги» [Земская 2000: 92]. Роль нових категоризаторів виконують: 1) нові для української мови основи або 2) уже наявні основи, що зазнали неосемантизації, дальшого структурування позначеного поняття, а отже, виформували нові семантичні валентності, та 3) нові словотворчі форманти (афікси чи основи-афіксоїди), що можуть у новій формі виражати уже наявні категорійні (категорійно-розрядні) словотвірні значення або 4) нові розрядні значення у вже відомій формі [Онхайзер 2003: 47; Українська мова 1999, Ктеја 2002]. Активну присутність реалій і понять, позначених новими похідними, у мовній свідомості українців, їх номінаційну та комунікаційну значущість доводить продуктивність, серійність певних словотворчих засобів у сучасному українському словотворенні. В українській мові, як і в інших слов'янських, до процесу пізнання світу, створення цілісного уявлення про нього широко залучено технічні, фізичні й математичні терміни в ролі категоризаторів нових понять. Завдяки цим ресурсам концептуалізації суспільних зрушень в осмисленні змін уже наявного «креслення» України поживляється комплекс вербалізаторів понять порядку (підпорядкування), виміру, розміщення, співвідношення об'єктів у спільному для їх функціонування просторі, структурування самого такого простору. До цього процесу залучено комплекс основ, слів-категоризаторів та афіксів з просторовими, часовими й оцінними значеннями: **не-, анти-/проти-/контр-, біля-/навколо-/довкола-/близько-, поза-, над-/супер-/топ-/мега-, пост-/після-/по-, до-/перед-, квазі-/псевдо-/ерзац-/недо-/ніби-/нібито-, -подібний/-видний/-оїдний**. Усі ці категоризатори попри розмаїття властивих їм ознак зближує диференційно-номінативна функція, спільне категорійне значення неналежності або неповної чи позірної

(несправжньої) належності означуваного поняття (об'єкта, його атрибутів) до того, що означено мотиватором таких новотворів, а отже, участь у систематизації змін у дійсності, вибудовуванні нової її мовної картини («креслення»).

З'ясування тенденцій використання мовних ресурсів, зокрема словотворчих, для осмислення суспільних змін, встановлення спектру їх дії у процесах категоризації дійсності, семантико-функціонального потенціалу – завдання, для українських мовознавців невідкладне. Його виконання в рамках підготовки нової три томної академічної граматики української мови, безпосередню роботу над якою в Інституті української мови НАН України розпочато цього року, передбачає з'ясування обсягу змістових, формальних та функціональних зрушень, які відбулися в складі словотворчих ресурсів, способах і моделях українського словотворення від часу виходу в світ попередньої академічної граматики – п'ятитомної «Сучасної української літературної мови» (1968-1973 рр.), встановити їх значення для розвитку словотвірної системи, місце і роль у концептуалізації, категоризації та аспектуалізації дійсності у мовній свідомості сучасного українця [Клименко 2006; Клименко/Карпіловська/Кислюк 2008; Карпіловська 2008]. Таке всебічне вивчення розвитку словотвірної системи української літературної мови та закономірностей її функціонування у суспільній, груповій і індивідуально-авторській мовній практиці у часовому проміжку, принаймні, у півстоліття (пор. період 1945-1995 рр., визначений для аналізу стану сучасних слов'янських мов авторами проекту «Najnowsze dzieje języków słowiańskich» під егідою Міжнародного комітету славістів (координатор проекту – проф. С.Гайда)) забезпечує передусім зіставлення сучасного її стану з тим, який їй передував і який засвідчили словники, граматики й тексти радянського часу. Можливість такого моделювання динаміки української словотвірної номінації в її зв'язках із динамікою суспільства протягом ХХ – початку ХХІ століття дають комп'ютерні словникові бази української мови, які є в розпорядженні дослідників української мови. Це: 1) фонд інновацій в українській мові періоду незалежності (на сьогодні він уже налічує понад 17 тис. одиниць текстово-ілюстративної та параметричної баз, далі – КФІ) та морфемно-словотвірний фонд української мови радянської доби (охоплює понад 170 тис. слів параметризованої бази, далі – МСФ), створені у відділі структурно-математичної лінгвістики Інституту мовознавства ім.О.О.Потебні НАН України [Карпіловська 2007/2008; Klymenko/Karpilovska 1994; Карпіловська 2006: 96-104] та корпус українських словників 1920-1930-х років, підготовлений співробітниками київського видавництва «К.І.С.» («Київ-Інформ-Сервіс»¹) Ю.Марченком, О.Телемком і А.Рисінім, до складу якого входять такі авторитетні, в тому числі, академічні видання, як три томи «Російсько-українського словника» за редакцією А.Кримського і С.Єфремова (К., 1924-1932), «Правописний словник» Г.Голоскевича (К., 1930, 7-е вид.), «Український стилістичний словник» І.Огієнка (Львів, 1924), «Російсько-український словник правничої мови» за редакцією А.Кримського (К., 1926) та інші.

¹ Корпус цих словників із засобами доступу і ведення поширюється безкоштовно на компакт-диску, а також виставлений для роботи в Інтернеті на сайтах за адресами: r.2u.org.ua; kuvalda@kis.kiev.ua

Поява нових найменувань неминуче призводить до істотних зрушень в системній організації лексики мови. Проте як у будь-якій живій матерії, і у мові діє закон збереження енергії, наслідком якого завжди стає новий «порядок із хаосу» [Пригожин/Стенгерс 1986], нова організація системи мови або певних її динамічних ділянок. Стосовно новотворів не можна погодитися з думкою Б.Креї, що «розвиток словотворення полягає не тільки у поповненні системи, в її постійному збагаченні, але також в її постійному впорядкуванні. Коли в одному місці цієї системи виникає певне порушення рівноваги, наприклад, функціональної, то починають діяти сили, завданням яких є відновлення такої рівноваги» [Крежа 2002: 305]. Своїм завданням у пропонованій розправі і ставлю виявити не лише нові словотворчі категоризатори понять, значущих для історії та культури нової незалежної України, пояснити активізацію уже відомих українським мовцям зразків словотворення, а й з'ясувати засоби та тенденції врівноваження мобільних оновлюваних ділянок словотвірної системи сучасної української мови і українськомовної картини сучасного світу в цілому. Значення словотворчих категоризаторів зростає для спостережуваного нині в українській мові процесу поглиблення концептуалізації дійсності через, з одного боку, ускладнення певних об'єктів номінації, набуття ними мірності (=неоднозначності, багатоаспектності) чи її поглиблення, а з другого – їх систематизацію, взаємопов'язування, узагальнювання на підставі певних спільних ознак. Це, на мою думку, зайвий раз доводить слушність міркувань німецького філософа Бернарда Нусса, якого у зв'язку зі значущістю концепта *Ordnung* 'порядок' для світосприйняття німців цитує у своїй праці «Angst» А.Вежбицька: «Для того, щоб голова могла нормально функціонувати, а на душі могло бути спокійно, необхідно жити у впорядкованих рамках» [Вежбицкая 2001: 117].

Значущість різноспрямованих, але взаємопов'язаних понять «розмаїття, ускладнення, множення різновидів об'єкта» і «впорядкування, узагальнення об'єктів з новими ознаками та відношеннями» для мовної свідомості сучасного українця доводить активне творення в сучасній українській мові різноманітних нових системних лексичних об'єднань: парадигматичних (антонімічних, синонімічних, гіперо-гіпонімічних, партитивних), а також епідигматичних (власне словотвірних) з уже відомими номінаціями. На прикладі саме таких оновлених вербалізаторів уже відомих понять найвиразніше, на мій погляд, простежуємо напрямки й важливі ділянки відображення у мові соціодинаміки нової України. У ролі нових категоризаторів знайомих понять виступають як питомі, так і запозичені афікси, основи й слова. Зрушення в будь-якій системі спричиняє, як відомо, зміна в її елементах. І зрушення в мовному «кресленні» суспільного життя сучасної України також передусім виявляють окремі значущі для нього об'єкти номінування. Моє переконання у перспективності вивчення такого великою мірою спеціалізованого шару української літературної лексики для розуміння тенденцій розвитку мовної концептуалізації та категоризації світу, місця в ньому ресурсів і способів національних (культурно і мовно специфічних) і загальнолюдських (типових, принаймні, для слов'янських мов), зміцнюють міркування, висловлені ще в 1958 р. О.В.Ісаченком. Аналізуючи джерела розвитку сучасних слов'янських мов, він твердив, що найпоказовішими для них можуть бути «саме ті лексичні елементи, які безпосередньо відображають найбільш активні прояви сучасного

життя. Такими елементами є ті слова, які, доволі умовно, можна назвати «термінологічними» [Исаченко 1958: 336], а не побутова лексика з її виразним «субстратом» чи «адстратом».

Для концептуалізації поняття «об'єкт дійсності певної будови» особливої ваги нині набула запозичена з латини лексема *структура*, давно відома українській мові. Академічний «Словник української мови» в 11 тт. (далі – СУМ) подав її з такими дефініціями: 1. Взаєморозміщення та взаємозв'язок складових частин цілого; будова (з прикладами *структура ґрунту*, *структура східнослов'янських літературних мов*, *структура сталі*, *фізична структура* (дробового набою), *геологічна структура* (берега та островів) і 2. Устрій, організація чого-небудь (з прикладами *нова структура комсомольських організацій*, *структура союзу*) [СУМ IX: 789]. Академічний двотомний «Словник синонімів української мови» (далі – ССУМ) за свідчив слово *структура* в синонімічному ряді з домінантою *будова*, члени якого здатні виражати 6 аспектів загального значення «будова, організація, лад чогось»: 1) взаємне розташування частин у складі чого-н.: *будова, структура, побудова*; 2) взаємозалежність, взаємозумовленість компонентів всередині певного цілого: *організація*; 3) будова літературного твору: *композиція, архітектоніка* (спец.); 4) переважно щодо мови: *стрій, лад*; 5) будова частини тіла: *склад* і 6) будова машини, механізму, приладу; будова словосполучення, речення і под. мовних одиниць: *конструкція* [ССУМ I: 99]. За даними КФІ, сучасна українська мовна практика дедалі активніше засвідчує вживання цього слова саме в значенні «об'єкт певної будови», а не його властивості, тобто у функції суб'єкта висловлення, а не його атрибута. Такий неосемантизм уперше 1999 р. засвідчила в своєму «Російсько-українському словнику іншомовних слів» Т.П.Мартиняк, пор.: *структура* – 2) те, що має певний устрій, організацію [РУСІС: 285]². «Сучасний словник іншомовних слів» О.І.Скопненка та Т.В.Цимбалюк (далі – ССІС) зареєстрував його вже з такою дефініцією: *структура* – 2) підприємство, організація [ССІС: 650]. З приступних нам новітніх слов'янських словників чи не першим таке значення слова *структура* зафіксував «Глумачний словник російської мови кінця ХХ ст.: Мовні зміни» за редакцією Г.М.Скляревської (далі – ТСРЯ). У цьому джерелі вміщено такі два нових значення слова *структура*: 1. Державна, приватна установа, організація, формування, громадське, неформальне і т.ін. об'єднання, що має певну будову, устрій (з прикладами *коммерческая, банковская, риэлтерская с., мафиозная с., структуры организованной преступности, государственная структура, криминальные структуры, силовая структура, теневая структура* і 2. Складена номінація *Энергетическая структура* як синонім до слова *біополе* [ТСРЯ: 615-616]. Матеріали КФІ унаслідують широкий спектр нових складних об'єктів життя сучасної України зі словом *структура* в ролі опорного слова словосполучки чи основи-ономасіологічного базиса композита. Конкурування кілька- і однослівних номінацій з цим категоризатором засвідчує, з одного боку, переважний шлях їх творення – від аналітичного найменування, сполучення іменника-об'єкта номінації з прикметником чи залежним іменником-виразником нової його ознаки – до

² Тут і далі дефініції іншими мовами подаю у власному перекладі.

синтетичного найменування, нового композита, а з другого – вказує на базу, потенціал словосполук для творення ще не реалізованих синтетичних номінацій, пор.: *бізнесструктура*/(*бізнес-структура* (=бізнесова структура), *держструктура*, *PR-структура*/*іар-структура*, *кіноструктура*, *медіа-структура*, *євроструктури* (=європейські структури), *політструктури* (=політичні структури) і пор. *владні структури* (=структури влади), *урядова структура*, *правоохоронні структури*, *силові структури*, *комерційна структура*, *підприємницькі структури*, *тіньові структури*, *фіктивні структури*, *приватно-комерційні структури*, *євразійські структури* тощо. Крім того, трансформація таких номінацій виразно засвідчує їх різну когнітивну функцію, пор.: *політична структура* і *структура політики*, *владна структура* і *структура влади*. Таким чином, слово *структура* в значенні «об'єкт певної будови» стає новим категоризатором явищ змінюваної української дійсності, доказом чого є його здатність вживатися як в однині, так і у множині. Глибинний зв'язок мовних одиниць, що набувають статусу категоризатора, з культурноспецифічними й культурнозначущими концептами підкреслювала свого часу А.Вежбицька на прикладі, зокрема, німецької основи **-sicher** «захищений, певний своєї безпеки» (див. її приклади *diebessicher* «захищений від злодіїв», *fälschungssicher* «захищений від підробок» (про документ, наприклад, про паспорт) [Вежбицька 2001: 107]. Показова і активність осново- і словоскладання на цьому етапі осмислення суспільних змін, нових явищ дійсності. На це вже також звертали увагу дослідники динаміки слов'янських мов [Клименко 2003; Онхайзер 2003: 47]. І.Онхайзер у відомій монографії «Словотворення. Номінація» виділяє активізацію словоскладання як одну з основних тенденцій розвитку сучасної слов'янської номінації, яка потребує на цьому етапі формування нової національномовної картини світу прозорих, однозначних категоризаторів. Це живить потужний струм аналітичних найменувань, зокрема, у сучасній українській номінації, а також підтримує перевагу композитів і юкстапозитів над простими афіксальними похідними [Клименко 2003, Клименко/Карпіловська/Кислюк 2008]. О.П.Єрмакова, досліджуючи активну тенденцію повторного використання словотвірних моделей у сучасній російській мові, дійшла висновку, що залежно від ознакової чи предметної мотивації такі похідні можуть ставати багатозначними за рахунок розширення кола денотатів або, навпаки, з багатозначних ставати однозначними, формуючи узагальнювальне значення [Єрмакова 1999].

Як можу судити за приступними мені джерелами, така тенденція щодо розвитку значення слова *структура* і перетворення його на активний словотвірний категоризатор, крім української і російської, мало властива іншим слов'янським мовам. Наприклад, словник «Нові слова у чеській мові» за редакцією О.Мартинцової [NSČ: 283] у 1-му виданні 1998 року, що охопив нову чеську лексику за період 1985-1995 рр., подав складену номінацію *stará struktura* в двох значеннях «стара номенклатура, яка працювала до 1989 р.» та «консервативна, старомодна людина». Проте у 2-му виданні цього словника 2004 р., що вмістив лексику за часовий відтинок 1996-2002 рр., цієї номінації, як і нових номінацій зі словом *структура*, немає. Не трапилися мені такі номінації і в індексах нових слів у болгарській і польській мовах, що їх подали у своїх працях Ц.Аврамова [Аврамова 2003], Д.Охман [Ochmann 2004] і К.Вашакова [Waszakowa 2005].

Вироблення в основи-категоризатора узагальненого значення і внаслідок цього розширення сфери її функціонування спостерігаємо і в номінаціях з категорійним значенням «форма, різновид об'єкта». До них належить віднедавна слово *версія*. Цей давній латинізм (лат. *versus* з вихідним значенням «борозна; рядок») «Словник чужомовних слів» І.Бойкова, О.Ізюмова, Г.Калишевського та М.Трохименка (Х., 1932, далі – СЧС), повернений до наукового обігу в Україні київським видавництвом «Родовід» при музеї відомого українського художника Івана Гончара 1996 р. репринтом з його 2-го, нью-йоркського, видання 1955 р., зафіксував у значеннях: 1) мовний зворот; 2) виклад, тлумачення; 3) вістка, чутка; 4) обертання, перевертання [СЧС: 87]. СУМ подає таку узагальнену дефініцію цього слова – «один з кількох різних переказів, викладів або одне з тлумачень якогось факту, події» [СУМ І: 331]. У текстах українських ЗМІ, сучасній професійній українській мовній практиці, за даними КФІ, лексема *версія* функціонує як приховане повторне запозичення, цього разу – з англійської мови, пор. в багатомовному електронному словнику LINGVO'12 англ. *version* у значенні «варіант, перекладення» – *movie version of a novel, stage version of a novel*. Саме в такому значенні слово *версія* все неухильніше витісняє питомі відповідники *перекладення, переспів* або словосполуча *за мотивами* (рос. *переложение, перепев, по мотивам*), *переробка* (рос. *переделка*, пор. також новий синонім-англіцизм *рیمейк/рїмейк* з уже засвідченими від нього похідними *рїмейкування* та *кінорїмейк*) або раніші запозичення *варіант, аранжування, адаптація, інсценівка, інсценізація, екранізація, постановка* тощо. Це доводять такі нові українські композити, як *Інтернет-версія, кіноверсія, онлайн-версія, радіоверсія, телеверсія, фотоверсія, аудіоверсія*, префіксальне *контрверсія*, а також складені номінації з цим категоризатором на зразок *сценічна версія, паперова версія, потокова версія, цифрова версія, україномовна (російськомовна) версія, тренувальна версія* тощо. З поданих прикладів можна висувати, що основа-категоризатор **-версія** відносно всіх вищеподаних її відповідників виступає в ролі гіпероніма з узагальнювальним значенням «тип, різновид, варіант об'єкта». Від слова *версія* в такому новому його значенні, яке, втім, ще не засвідчили українські словники, постав уже й новий прикметник *версійний* (пор. *версійна подача підґрунтя*), а також дієслово *версіювати* (пор. *мислити – нині перш за все означає версіювати*). Такі похідні переконливо доводять, що зміна в семантичній будові слова *версія* сприяє формуванню його нових семантичних валентностей і розширенню його словотворчого потенціалу.

Перетворення немірних об'єктів на мірні і навіть багатомірні неминує активізувало категоризувальну функцію слів зі значенням «форма, зовнішній вигляд, спосіб об'єднання чогось», також визначальні для мовного «креслення» світу. Серед них натрапляємо на категоризатори із загальним значенням будови, вигляду чогось на взір *архітектура (архітектура виконавчої влади, архітектура «нової європейської безпеки» (=європейська архітектура безпеки))*, але і на назви конкретних геометричних фігур на зразок *піраміда* (пор. *боргова піраміда (= піраміда з боргів), корупційна піраміда, фінансова меганіраміда*³, *пере-*

³ Композит, не засвідчений у термінології математики, а отже, утворення вже на базі нового переосмисленого, неспеціального значення слова *піраміда*, здатного піддаватися вимірюванню.

вернута піраміда (як метод написання новинних матеріалів у журналістиці) та ін. Витоки формування такого категоризувального значення можна вбачати у детермінізованому ЛСВ цього слова, що його засвідчив свого часу СУМ: «група предметів, укладених або складених у вигляді купки, що має широку основу і звужується догори» [СУМ VI: 538]. Слово *архітектура* в ролі категоризатора дуже продуктивне нині в терміносистемах інформатики та програмування, пор.: *архітектура апаратних засобів, архітектура графічної підсистеми, архітектура комп'ютера, архітектура системи, архітектура клієнт-сервер* та ін. [АУТС: 572], а також прикладної та комп'ютерної лінгвістики, штучного інтелекту, пор., наприклад, назву монографії російського вченого В.М.Андрющенка «Концепція и архитектура Машинного фонда русского языка» (М., 1989). Слово *архітектура* як позначення будови мовних об'єктів в російських спеціальних текстах засвідчив, наприклад, «Англо-російський словник з лінгвістики та семіотики» за редакцією А.М.Баранова і Д.О.Добровольського, див. тут: **архитектура** ◇ У прикладній лінгвістиці та штучному інтелекті – будова комп'ютерних систем, які моделюють мислення людини і володіння мовною здатністю [АРС: 26]. СУМ у 1970 р. подав це слово лише як мистецтвознавчий і будівельний термін: **архітектура** – Мистецтво проектування, спорудження та художнього оздоблення будов; будівельне мистецтво; // Характер, стиль будови [СУМ I: 65]. Натомість «Великий тлумачний словник сучасної української мови» за редакцією В.Т.Бусела (К., Ірпінь, 2007, 3-є вид.. далі – ВТССУМ] додає до нього вже узагальнювальне значення «концепція взаємозв'язку елементів складної структури; вміщує компоненти логічної, фізичної та програмної структури» з прикладами термінологічних словосполук *архітектура обчислювальної системи, архітектура банку даних, архітектура комп'ютерної мережі, стекова архітектура, тегова архітектура, фон-нейманівська архітектура*.

Формування нової структури, нової будови об'єкта відбиває нове узагальнювальне значення слова *формат*, пор. з матеріалів КФІ: *..тоді мріялось про децю інший формат України, формат участі помаранчевих у перевиборах, ми не зможемо брати участі в музичних турах та концертах. Залишиться тільки клубний формат; телевізійний формат (=телеформат), аудіоформат, відеоформат, радіоформат, неформат (і неформатний), переформатувати (і переформатований, переформатування (уряду), переформат), форматувати (і форматуватися) форматний (кліпчик), поп-форматні (радіостанції), а також відображені неосемантизми *широкоформатне представлення депутатів Верховної Ради* (пор. із засвідченим у СУМі *широкоформатний фільм*). Дедалі певніше форма місцевого відмінка *в/у форматі* утверджується в ролі вторинного прийменника зі значенням способу виконання дії чи якості її суб'єкта або об'єкта, пор.: *зробити у форматі телепередачі* [Загнітко/Ситар/Данилюк/Шукіна 2007: 363-364] або такі приклади з КФІ: *коаліція постане в новому форматі, зустріч у форматі «помаранчевої трійки», введіть номери у національному форматі* (щодо мережі мобільного зв'язку), *відчувати себе хоча б у форматі жартів*. СЧС засвідчив це запозичення як галіцизм (пор. франц. *format* з лат. *formatus* «сформований») зі значенням «розмір аркуша паперу, книги тощо» [СЧС: 458]. У такому ж значенні понад 40 років потому його зафіксував «Словник іншомовних слів» за редакцією*

О.С.Мельничука (далі – СІС). СУМ через 5 років (у 1979 р.) вирізняв у цьому значенні розмовний відтінок «розмір кого-, чого-небудь» з прикладами *подушки різного формату і фарб та портрет кабінетного формату*), а також як термін друкарства «довжина і висота полоси набору, довжина рядка» [СУМ X: 622].

Як засвідчили уже згадувані NSČ і NSČ-2, процес детермінізації запозичення *formát* в чеській мові близький до того, який спостерігаємо в українській. Якщо в 1998 р. і це слово, і похідні від нього *formátovací, formátování, formátovaný, formátovat* зареєстровано ще в суто термінологічному значенні, стосовному типу оформлення графічної інформації або типу її носія, що передбачає певний спосіб упорядкування даних, пор. вміщені тут такі словосполучення з цими неолексемами, як *formát stránky, formát disket, formátovat text* тощо [NSČ: 91-92], то в 2-му виданні поруч із терміносполучкою *MP3 formát/formát MP3* знаходимо слово *formát* і новий похідний від нього прикметник *formátový* вже у детермінізованих значеннях «спосіб, тип впорядкування» (*nový diskusní formát*) та «жанрово-тематичний різновид радіо- чи телепередач» (*hudební formát rádia, programový formát, kabelové formátové televize*) [NSČ-2: 126]. Натомість щодо оцінки активного вживання слова *формат* у неспеціальному значенні в сучасній російській мові, на мою думку, цікаві рекомендації Л.П.Катлінської в її «Тлумачному словнику нових слів і значень російської мови» (М., 2008). Першим у ньому подано значення цього слова «прийняте у професійному аргументації працівників телебачення найменування виду, типу телепередачі розважального характеру» подано з ремаркою *спец.* (спеціальне). Друге ж узагальнювальне значення слова *формат* «форма, зразок, вид, склад тощо» вміщено із приписом *! Не рек.* (не рекомендовано), а до конкретних прикладів вказано рекомендовані нормативні заміники, пор.: у *специалистов, прошедших обкатку в магазинах этого формата* (лучше: образца) або *и Президент, и Правительство поставят этот вопрос в нужном формате* (лучше: в нужной форме и в нужном месте) (Катлинская 2008: 353). Час і мовна практика доведуть, чи такі заміни дійсно кращі за слово *формат* у новій для нього ролі категоризатора, чи воно насправді є виявом швидкоплинної мовної моди, порушує мовну норму. На прикладі слова *епіцентр* в українській мові бачимо, наскільки невитравні навіть, з погляду фахівців, помилки у вживанні термінів. Скільки вже борються проти вживання цього слова в значенні «місце, де з найбільшою силою щось проявляється» [СУМ II: 484], а мовці вперто його вживають саме так, пор. уміщений тут приклад *статти справжнім епіцентром величезного політичного вулкана* або такі поширені контексти, як *бути в епіцентрі подій*. До речі, і ССІС – один з останніх за часом видання українських словників іншомовної лексики – з ремаркою *перен.* (переносне) подає це значення в такому формулюванні «місце, де з найбільшою силою щось виявляється; зосередження яких-небудь подій, дій» [ССІС: 271-272].

Урізноманітнення об'єктів дійсності закономірно спричинило необхідність чіткіше окреслити їх місце в просторі, сферу їх дії. Цьому аспекту категоризації активно слугує нині питома слово *мережа*. Стосовно новітніх англіцизмів з основою **-нет** (від англ. *net* «сітка, мережа») і самої такої основи в лексикалізованому її вживанні слово *мережа* виконує роль гіпероніма, що найвиразніше виявляє композит *інтернет-мережа*. Категоризувальна функція для слова *мережа* не нова, що засвідчили словники радянської доби, пор. приклади із IV

тому СУМу 1973 р. *високовольтна мережа, зрошувальна мережа, комунікаційна мережа* [СУМ IV: 674]. Сьогодні цей категоризатор активний не лише в терміносистемах інформатики та обчислювальної техніки (*веб-мережа, IP-мережа, екстралмережа, інтрамережа (=корпоративна мережа)*), а й у професійних лексиконах інших сфер життя українського суспільства, пор.: *бізнес-мережа, екомережа (=екологічна мережа), телемережа, мережа мобільного зв'язку, мережа банкоматів (=банкоматна мережа), соціальна мережа, кабельна мережа, мовна мережа* (щодо телебачення як мовника). Як категоризатор сукупності об'єктів зі спільною функцією чи призначенням в останні роки активно вживано і германізм *пакет*. Номінації з ним, як і всі попередні розглянуті категоризатори, засвідчують різні стадії вербалізації когнітивних структур з таким поняттям у ролі об'єкта означення: кількаслівні та однослівні (композиції) номінації, пор.: *соціальний пакет, стартовий пакет, антикризовий/протикризовий пакет, пакет законів, професійний пакет звуку, відео і тексту, сотівський пакет документів, вдалий пакет реформ, тарифний пакет, конституційний пакет і відеопакет, держпакет, електропакет, турпакет*, а також пор.: адвербіалізацію відмінкових форм цього неосемантизму *голосувати «в пакеті» або затверджувати «пакетом»*. Якщо СУМ в 1975 р. засвідчив слово *пакет* в значенні сукупності лише як технічний термін (див. 4. спец. Стос. однорідних (перев. будівельних) матеріалів з прикладами *арматурні пакети, пакети пиломатеріалів* [СУМ VI: 18]), то ССІС уже фіксує таке значення як узагальнювальне без вказівки на певну сферу вживання цього нового ЛСВ слова *пакет*, пор.: 4) комплект, сукупність чого-небудь, напр., П. (пакет – Є.К.) законодавчих актів [ССІС: 510]. На базі такого нового значення слова *пакет* з'явилася вже й низка похідних – відображених неосемантизмів на зразок *пакетний (пакетне голосування, пакетне домовлення, проект «пакетної» постанови, пакетні хвилини (мобільного зв'язку)), понадпакетний (про хвилини мобільного зв'язку), пакетно (...парламент так само «пакетно» може влізти у перерозподіл комітетів... – ПІК, № 44, 2003)*.

Якщо подані приклади демонструють шлях виформування нових категоризаторів будови об'єктів чи їх упорядкування в певні сукупності, то активізація в категоризувальній функції таких питомих слів, як *простір, вимір, площа, поле, світ* унаочнюють їх нове розташування в сучасному українському реальному, ментальному та мовному просторах. Що деякі з таких лексем як мовні категоризатори координат об'єктів активізувалися в неспеціальній українській мовній практиці не так давно, вказують показники їх уживання у мовній практиці радянського часу. Наприклад, «Частотний словник сучасної української художньої прози» (К., 1981) на 500 тис. слововживань лише по 1 разу фіксує слово *вимір* у формах родового відмінка однини *виміру* і знахідного відмінка множини *виміри*. Натомість нині в ролі категоризатора його вживають переважно у формах місцевого відмінка однини і множини, відповідно, *у вимірі* та *у вимірах* з різноманітними означеннями – залежними прикметниками та іменниками, пор.: «*Теорія брехні*» в українському **вимірі**; *в його творчості дуже помітне прагнення автора осягнути земну простоту, яка пізнається у вимірі журби і радості; Україна у сучасному вимірі транскордонного співробітництва; Вища освіта в Болонському вимірі; Історія організації у національному та локальному вимірах* та

інші. З'явилися уже й композити на зразок *медіа-вимір*, *інтернет-вимір* з такою основою-неосемантизмом у ролі категоризатора-ономасіологічного базиса деривата. Натомість СУМ 1970 р. у своєму 1-му томі подав цей віддієслівний іменник лише в його суто спеціальних значеннях, що посилює і введення до одного з них на позначення власне величини, яку вимірюють, ремарки *мат.* (математичне): **вимір** – 1. Визначення якої-небудь величини чогось (з прикладами *зробити виміри площини підвезеного ґрунту*, *виміри води в тунелі*); 2. *мат.* Величина, що вимірюється (з контекстом уживання *Будинки мають кілька вимірів. Але основний один – площа*). Проте, як засвідчують інші лексикографічні джерела, наприклад, уже згадуваний вище СКЄ, вживання слова *вимір* в узагальненому значенні «кількісний показник об'єкта, процесу» не було чужим українській мові значно раніше, а отже, існував відповідний ґрунт для набуття цим словом статусу категоризатора. Так, СКЄ серед українських відповідників російського слова *измерение* подає *вимір* з ремаркою *чаще в абстр.знач. (чаще в абстрактном значении)* і такими контекстами його вживання: *вимір часу, простору, тепла; вимір судової кари* [СКЄ I: 164]. Останній приклад зближує українське *вимір* також з російським *мера*, пор. тут же *міра (вимір) кари* [СКЄ II: 513]. Однак уживання цього категоризатора явищ дійсності нині саме в значенні «аспект, грань, сторона, точка розгляду чогось» не виключає й впливу англійської мови, а отже, й наявності прихованого запозичення з неї. Адже цей неосемантизм близький до англійського *dimension* в значеннях «сторона, аспект (життя, проблеми)» та «важливість, серйозність (про ситуацію, стан речей)», пор. *problem of international dimensions* «проблема міжнародного масштабу, буквально – міжнародних вимірів», *the issue assumed serious dimensions* «справа повертає на серйозне, буквально – справа набуває серйозних вимірів» [LINGVO'12].

У цьому ж процесі нового «розкреслення» світу, створення уявлення про його нову будову в свідомості українських мовців активну участь беруть і інші математичні та технічні терміни зі значенням форми, способу організації, будови чогось або його виміру, площини, точки зору на нього, його проекції, наприклад, *вертикаль* як синонім до *ієрархія*, *підпорядкування*, *субординація*, а також *горизонталь*, *площина*, *координати*, *вектор*, *площа*, *площина*. Перенесення в іншу сферу уживання й детермінація значення таких лексем спричинюються до їх нових означень, контекстів уживання, а отже, до появи нових похідних і складених номінацій, пор. приклади з КФІ: *організація із суворою вертикаллю*, *виконавча вертикаль*, *відносний порядок у поділі сфер трьох вертикалей влади*, *корупційно-ієрархічна вертикаль влади*, *взаємодія різних органів державної влади «як по горизонталі, так і по вертикалі»*⁴, і відображений неосемантизм – прислівник *вертикально*,

⁴ Повернені нині до мовної практики проекти термінологічних словників української мови, створені в Інституті української наукової мови Української Академії наук у 1920-1930-і роки, період так званої «коренізації», дають змогу інакше подивитися на розвиток значення цього та інших термінів у часовій перспективі, скоригувати картину їх побутування у мовній діяльності українського суспільства, змодельовану пізнішими словниками. Так, у проекті «Словника термінів педагогіки, психології та шкільного адміністрування» П.Горецького 1928 р. натрапляємо на терміни *профшколи різних вертикалей*, *поле свідомости* та інші [Горецький 1928/2008: 6; 42].

пор. *вертикально інтегрована національна компанія (вертикально-інтегрована нафтогазова компанія); боротьба за різновекторне тлумачення свободи слова; різновекторні соціальні інтереси, різновекторні уряди, різновекторно орієнтовані політичні еліти; сума різноскерованих векторів; наш «стратегічний вектор», багатовекторна політика; багатовекторність української моди; друге пришестья «багатовекторності» на геополітичну шахівницю; політичний вектор* тощо. Активні у ролі таких категоризаторів і близькі до них за значенням латинізм *контекст* і питомі *світло, висвітлення, дзеркало*, хоча останні, можливо, з огляду на їх активність у радянській новомові, значно рідше трапляються у мовній практиці сучасних українських медій: *у контексті розмов про українську моду як про індустрію; контекст пріоритетів; у контексті політичних структур парламенту; в «тривожному» контексті подій нового уряду; тло і контекст намагань політичних кіл та інші*. Особливо показові похідні від слова *контекст* у такому способовому значенні, засвідчувані в текстах медій останнім часом, напр., *гасло сьогоднішнього мобільного та інтегрованого у соціоконтекст громадянина*. СУМ засвідчив ще суто літературознавче значення слова *контекст* – «закінчений за змістом уривок тексту, що дає змогу встановити значення слова або речення, які входять до його складу» [СУМ IV: 268]. Наскільки значущі такі категоризатори місця об'єкта в просторі, проєкції його сприйняття мовцем, доводить «Словник українських прийменників» за редакцією А.П.Загнітка, який подає уже багатий, глибоко нюансований синонімічний ряд вторинних прийменників (на думку І.Р.Вихованця та К.Г.Городенської – аналітичних синтаксичних прислівників [Вихованець/Городенська 2004: 342-346], з граматикалізованими відмінковими формами згаданих та інших іменників, питомих і запозичених, з таким категорійним значенням: *у вигляді, у галузі, у діапазоні, у колі, у контексті, у лоні, у межах, у площині, у полі, у положенні, у районі, у проміжку, у ракурсі, у рамках (рамах), у розмірі, у розрізі, у ряді, у світлі, у сфері, у царині, у центрі* [Загнітко/Ситар/Данилюк/Щукіна 2007: 313-366]. Цю тенденцію, як доводять результати виконання міжнародного наукового проекту «Слов'янські прийменники в синхронії та діахронії: морфологія і синтаксис», можна вважати типологічною рисою інтелектуалізації сучасних слов'янських мов [Українські прийменники 2003; Всеволодова 2004; Всеволодова 2008; Конюшкевич 2006; Lachur 1999].

Категоризатори-основи та слова, які беруть участь у створенні мовного «креслення» нової України, врівноважують категоризатори-афікси у складі простих похідних, демонструючи тенденцію до дальшого згортання синтетичних номінацій з активними словотворчими формантами. В останні роки спостерігаємо зрослою активність, зокрема, складеного префікса **поза-** та синонімічних йому основ-афіксоїдів **біля-**, **навколо-**, **довкола-**. Такі категоризатори часто конкурують в номінаціях спільних понять, створюючи шкали їх вербалізаторів з різним прагматичним та функціонально-стилістичним потенціалом. Словники української мови останнього століття дають змогу простежити шлях формування моделей словотворення з такими категоризаторами локалізації об'єктів у просторі відносно один одного – похідних прикметників та іменників з цікавими для нас формантами. Наприклад, у Словнику Грінченка (далі – СГ), що моделює стан українського лексикону другої половини XIX – початку XX століття, знаходимо

ще нечисленні приклади дериватів зі складеним префіксом **поза-**, в яких префікс **по-** в граматицізованому тотально-об'єктному значенні увиразнив і посилив власне просторову семантику базового багатозначного префікса **за-**, пор.: *позавічний* – Заглазний (СГ III: 253). Прикметники на зразок *позанічний* та прислівники *позалітись*, *позаторік*, *позавчора* засвідчують уже здатність префікса **поза-** виражати ознаку за місцем не лише в просторі, а й у часі. Новий формант у складі моделі уможливив і розширення твірної бази таких дериватів. До їх творення дедалі активніше залучають іменники не лише з предметною, а й з процесуальною семантикою. Завдяки цьому за точку відліку розташування в просторі починають правити, за свідченням СГ, як самі предмети (спори, природні об'єкти), так і опредметнені стани особи чи виконувані нею дії, пор.: *позаслужбовий* – Внеслужбный (СГ III: 259). Якщо СГ подав стан українського лексикону другої половини XIX – початку XX століття зі свідомим його ґрунтуванням на народно-розмовній, діалектній, основі, то СКЄ спирався на здобутки української мовної практики в різних сферах науки, освіти й державного управління першої чверті XX століття, а отже, на матеріал, який виявляв дальшу інтелектуалізацію та семантико-функціональну диференціацію виражальних засобів української мови як мови державного управління. Уміщені в СКЄ лексеми з цікавою для нас словотвірною моделлю та її вже сформованими варіантами дають змогу простежити дальшу концептуалізацію поняття «локалізація об'єктів у просторі відносно один одного». Якщо в СГ зафіксовано лише два вищезгадані прикметники з просторовою семантикою, вираженою складеним питомим префіксом **поза-**, то СКЄ вміщує вже цілу їх низку: *позадній*, *позадоговірний*, *позаміський*, *позаочеревинний*, *позапартійний*, *позасудовий*, *позаумовний*, *позачерговий*, *позашкурний*, *позашлюбний* та інші. Причому, як бачимо, зберігається не лише тенденція до розширення форми й семантики префікса-категоризатора, а й тенденція до розширення твірної бази таких прикметників: її становлять як предметні, так і опредметнені імена. Ще рясніше прикметники на позначення локалізації об'єктів у просторі, утворені за моделлю з префіксом **поза-**, подає СУМ. У ньому вперше зафіксовані такі похідні, як *позаатмосферний*, *позабюджетний*, *позавійськовий*, *позапарламентський*, *позакошторисний*, *позалаштунковий*, *позасвідомий*, *позатеатральний* тощо. Активність цієї словотвірної моделі для вербалізації обговорюваного різновиду означення локалізації об'єктів доводять і матеріали останнього, 3-го, видання ВТССУМу. У його реєстрі натрапляємо на такі новотвори, як *позаблоковий*, *позавиробничий*, *позаестетичний*, *позалогічний*, *позасезонний*, *позасімейний*, *позастатутний* та ін. Аналіз нових прикметників з просторовою семантикою, уже зафіксованих українськими словниками, і тих, які ще перебувають на сьогодні поза кодифікованою системою мови, доводить, що завдяки дальшому розширенню твірної бази прикметників триває формування опозицій класів об'єктів, які донедавна в українській мовній нормі не зіставляли за ознакою розташування в просторі відносно одне одного. Причому, контексти вживання таких новотворів переконують у тому, що така опозиція далеко не обов'язково передбачає появу оцінних конотацій. Ось кілька прикладів з КФІ: *На канікулах телевізійник не намагається втекти від зовнішнього, позавідпочинкового світу* (УМ, 2006, №108, с.17) (опозиція *світ відпочинку* (у межах відпочинку) – *світ*

поза відпочинком (поза межами відпочинку) як опредметненим станом людини), *Українська народна партія починає роботу над помилками і намагається укріпитися в політикумі за нових позавладних реалій* (УМ, 2006, № 115, с.4), (опозиція *реалії влади (у межах влади) – реалії поза владою, поза межами влади*), ...*будь-які позакоаліційні домовленості не сприймаються* (УС, 2006 №17, с.4) (опозиція *домовленості коаліції (у межах коаліції) – домовленості поза коаліцією (поза межами коаліції)*). Серед нових прикметників, утворених за цією моделлю від прийменниково-іменникових словосполук з просторовим значенням, спостерігаємо й такі, що передбачають не протиставного члена опозиції, а окреслюють координати нового об'єкта – відокремленої частини того, що називає іменникова основа твірної словосполуки, напр. з матеріалів КФІ: *позафракційна група, позаконтекстове випромінювання, позаелітна верства*, або пор. приклад з книжки есе Оксани Забужко «Хроніки від Фортінбраса»: ...*української майже немає в інституціоналізованому, позакухонному вжитку* [Забужко 1999: 124]. До цього ж типу новотворів належить і іменник *позашляховик* (пор. з рос. *внедорожник*). Новотвори ж на зразок *позалітературний* засвідчують сталу тенденцію означень ненормативного перебування об'єкта (поза межами зіставного об'єкта) в просторі набувати оцінно заряджених конотацій, здебільшого негативних, пор.: *Однозначно, що та «летюча» оцінка не була реакцією на книгу, а викликана якимись позалітературними чинниками...* (Кур'єр Кривбасу, 2007, №208-209, с. 379). Ці й інші приклади демонструють дальшу диференціацію в українській мові категоризаторів просторових знак об'єктів, виформування опозицій вербалізаторів явищ дійсності з різними підставами для зіставлення за їх розміщенням у просторі. Проте з префіксом **за-** переважають новотвори – означення об'єкта відносно певного природного об'єкта в реальному фізичному просторі: *забузький, задворовий, закарпатський* на відміну від утворень з префіксом **поза-**, що позначають перебування об'єкта, зіставлюваного з певною сутністю в соціальному або уявному просторі, напр.: *позаблоковий, позавідпочинковий, позалогічний, позаестетичний, позасоціальний, позасімейний, позасезонний*. Ступінь нормативності утворених за цими зразками прикметників, як бачимо, залежить від міри закріплення в когнітивній і мовній свідомості українців об'єкта, названого їх твірною основою, як просторового орієнтира для зіставлення з іншим об'єктом.

Прислівники місця в ролі категоризаторів прозоріше за префікси виражають поняття «розміщення об'єктів у просторі відносно один одного». Натомість у реєстрі СКЄ знаходимо лічені новотвори з префіксоїдом-прислівником **навколо-**: *навколосвітній, навколеземний*. Однак СУМ засвідчив дальшу його активність в творенні прикметників на базі прийменниково-іменникових словосполук з просторовою семантикою, пор., крім уже засвідчених в СКЄ *навколосвітній* і *навколеземний*, також *навколоторяний, навколомісячний, навколоплідний, навколосерцевий*. Пізніший ВТССУМ додав до них ще й такі утворення, як *навколоаортальний, навкологлотковий, навколополюсний, навколохребетний* та інші. Проте лише ВТССУМ умістив і прикметники з префіксоїдом-прийменником **біля-** на позначення локалізації об'єкта в просторі поблизу іншого: *біляпланетний, біляполюсний, біляполярний, білясонячний*, хоча база для їх утворення в українській мові давня, стабільна і потужна. Це доводять матеріали СКЄ та інших українських

словників, які вміщують численні й різноманітні за своїм складом словосполуки на позначення положення об'єктів поблизу одне одного в просторі. Наприклад, СКЄ подає такі словосполуки, як *біля віконця, біля стіни, біля моря, біля столу, біля хати; навколо сонця, навколо озера, навколо світа, навколо Африки* тощо. Матеріали СГ та СКЄ дають змогу пояснити відсутність в них багатьох потенційно можливих ознакових імен з префіксоїдами **біля-** чи **навколо-** від певних словосполук тим, що тогочасна українська словотвірна номінація в оформленні просторової локалізації об'єктів в іменах за такою ознакою віддавала перевагу іншим формантам – префіксам прийменникового походження **при-, над-, о-, під-**, пор. з матеріалів СГ: *прихаток, придомок, придолинок, приулок* або *надобіддя, надвечір (надвечори), Наддніпрянищина*. СКЄ подає широкі спектри українських відповідників російським номінаціям з просторовою семантикою, які дають змогу окреслити ті орієнтири – твірні основи та просторові ознаки (місце в просторі), які слугували засобами локалізації означуваних об'єктів. Наприклад, до російського слова *пристройка* в цьому словнику подані такі українські похідні іменники, як *прибочок, придомок, примурок, прикухенок, присінок (присінки, присіння)*. Натрапляємо й на пари іменників – словотвірних синонімів з різними префіксами, деякі з яких нині функціонують лише в складі конфіксів, пор.: *окоренок – прикорень, опеньок – підпеньок*.

У сучасній мовній практиці прикметники з префіксоїдом **навколо-** виявляють досить широку шкалу можливих оцінно-експресивних конотацій до суто фізичних координат розміщення об'єкта, що, безперечно, впливає на перспективу їх унормування в системі української мови. Це своє твердження можемо заілюструвати такою низкою прикладів з матеріалів КФІ: *Водночас сталася подія, що визначила розклад сил уже не в ельцинській, а в путінській Росії, – перетворення сировинних міністерств на могутні навколдержавні (чи й просто державні) корпорації* (ДТ, 2006, № 583); *Я думаю, це політика. Більше навіть навколополітичні процеси* (ДТ, 2006, № 332, с. 2); *давно стежу за навколконституційними суперечками* (Post-Поступ, 2007, №5, с.15); *Натомість є інші навколвиборчі речі, варті того, аби бути згаданими на сторінках газети* (УМ, 2007, №73, с.6) та *У результаті обійшлося без серйозних травм, арештовано близько 300 навколофутбольних хуліганів* (УМ, 2006, №108, с. 7); *Слухаючи веселі навколкухарські бувальщини* (Post-Поступ, 2007, №5, с.27). Приступний нам матеріал переконує в тому, що переважна більшість таких прикметників-новотворів поки що залишається оказіоналізмами-словотвірними девіаціями, оскільки їхня семантика контекстно- і, відповідно, ситуативно-залежна. Твірні основи таких прикметників називають абстрактні чи метафоризовані об'єкти, що в нормі сучасної української номінації ще не становлять точки відліку для визначення координат у просторі іншого об'єкта, на зразок *відпочинок, дуель, футбол* чи *кухня* в значенні «місце відвертих, довірочних розмов між своїми». Свідченням усвідомлення самими творцями таких інновацій їх спорадичності, індивідуально-авторського характеру є їх маркування в текстах лапками або іншими графічними знаками виділення, напр.: *...гучний «навколдуельний» скандал...* (УМ, 2006, №109, с. 8). Полярні ділянки шкали означення об'єктів за їхнім перебуванням у просторі за межами локалізації певного об'єкта уподібнення засвідчують прикметники-новотвори

довколамистецький і близькокласичний у таких контекстах їх вживання, як *І не протискуватися через юрмище довколамистецької п'яної тусовки, котра забиває місця за себе і за того хлопця* (Д, 2006, №190, с.19) та *...режисери поступово переходять до близькокласичного формату* (Д, 2006, №165, с.16), *АН-158 будується на базі АН-148, який є близькомагістральним пасажирським літаком* (Економічна правда, 2009, № 9).

Обговорені вище тенденції формування нового ресурсу україномовної категоризації беззаперечно засвідчують доповнення концептуальної картини світу сучасного українця новими поняттями, тенденції їх входження до неї й «облаштування» в цьому мовному просторі. Проте активізація в ролі категоризаторів вербалізаторів, питомих і запозичених, уже відомих понять засвідчує розвиток, поглиблення, деталізацію, дальше структурування вже накопиченого номінаційного ресурсу. Така тенденція оновлення сучасної української словотвірної номінації переконує в тому, що українська мова має достатньо потужний власний потенціал для задоволення нових когнітивних і комунікативних потреб українців, механізми засвоєння інтернаціонального номінаційного ресурсу, та й засоби збереження своєї самобутності, свого національного «обличчя». Уникнути втрати такої самобутності номінування, витворення такого собі *ukrainish* як українського варіанта *globish* (пор. тривогу німецьких мовознавців з приводу експансії *deutscish* і боротьбу французів за збереження самобутності своєї мови) – одне з найневідкладніших завдань українських мовознавців, успішне розв'язання якого потребує вдумливого і всебічного вивчення мовної діяльності сучасного українського суспільства.

Джерела ілюстративного матеріалу

1. АРС – Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Под ред. А.Н.Баранова и Д.О.Добровольского. – М.: Азбуковник, 2001. – Изд. 2-е, испр. и доп.
2. АУТС – Пройдаков Е. М., Теплицький Л. А. Англо-український тлумачний словник з обчислювальної техніки, Інтернету і програмування. – К.: СофтПрес, 2006. – Вид. 2-е, доп. і доопрац.
3. ВТССУМ – Великий тлумачний словник сучасної української мови / Голов. ред. В.Т.Бусел. – К., Ірпінь: Перун, 2007. – 3-є вид.
4. Головащук С.І. Словник-довідник з правопису та слововживання. – Київ: Наук. думка, 1989.
5. Голоскевич Г. Правописний словник. – Київ: Держ. видавництво України, 1930. – 7-е вид.
6. Горецький П. Словник термінів педагогіки, психології та шкільного адміністрування: проєкт. – Київ: Держ. вид-во України, 1928. – Відтвор.: Із словникової спадщини. – К.: Ін-т енциклопед. досліджень НАН України, 2008. – Вип.2.
7. Д – газета «День»
8. ДТ – газета «Дзеркало тижня»
9. Забужко О. Хроніки від Фортінбраса: Вибрана есеїстика 90-х. – Київ, 1999.

10. Загнітко А.П., Данилюк І.Г., Ситар Г.В., Щукіна І.А. Словник українських прийменників: Сучасна українська мова. – Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО», 2007.
11. Катлинская Л.П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка: ок. 2000 слов / Л.П.Катлинская. – М.: АСТ: Астрель, 2008.
12. КФІ – Комп'ютерний фонд інновацій в українській мові / Відділ структурно-математичної лінгвістики Інституту мовознавства ім.О.О.Потебні НАН України.
13. ПіК – журнал «Політика і культура»
14. Російсько-український словник наукової термінології: у 3 т. – Т.1. – Суспільні науки. – Київ: Наук.думка, 1994; Т.2. – Біологія. Хімія. Медицина. – Київ: Наук.думка, 1996; Т.3. – Математика. Фізика. Техніка. Науки про Землю та Космос. – Київ: Наук.думка, 1998.
15. РУСІС – Російсько-український словник іншомовних слів / Укл. Т.П.Мартиняк. – Харків: Прапор, 1999.
16. Русско-украинский словарь: в 3 тт. – Київ: Наук. думка, 1970.
17. СГ – Словарь української мови: в 4 тт. / Упоряд. з додатком власного матеріалу Б.Грінченко. – Київ, 1907-1909. – Київ: Лексикон, 1996. – Репринт. вид.
18. СІС – Словник іншомовних слів / За ред. О.С.Мельничука. – Київ: Гол. ред. УРЕ АН УРСР, 1974.
19. СКЄ – Російсько-український словник / Голов. ред. А.Кримський та С.Єфремов. – Київ: Українська Академія наук, 1924-1932. – Т.1-3.
20. ССІС – Сучасний словник іншомовних слів / Укл. О.І.Скопненко, Т.В.Цимбалюк. – Київ: Довіра, 2006.
21. ССУМ – Словник синонімів української мови: в 2 т. / А.А.Бурячок, Г.М.Гнатюк, С.І.Головащук та ін. – Київ: Наук. думка, 1999-2000.
22. СУМ – Словник української мови: в 11 т. – Київ: Наук. думка, 1970-1980.
23. СЧС – І.Бойків, О.Ізюмов, Г.Калишевський, М.Трохименко. Словник чужомовних слів: Репринт 2-го перероб. вид. 1955 р. – Київ: Музей Івана Гончара; видавн. фірма Родовід, 1996.
24. ТСПРЯ – Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения / Под ред. Г.Н.Скляревой. – Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 2000.
25. УМ – газета «Україна молода»
26. Українські прийменники: Синхронія і діахронія: пробний зошит / За ред. проф. А.П.Загнітка. – Донецьк: ДонНУ, 2003.
27. УС – газета «Українська столиця»
28. Частотний словник сучасної української художньої прози: у 2 тт. / За ред. В.С.Перебийніс. – Київ: Наук. думка, 1981.
29. Электронный словарь АBBYY Lingvo 12.
30. Яценко І.Т. Морфемний аналіз: Словник-довідник: У 2 тт. / За ред. Н.Ф.Клименко. – Київ: Вища школа, 1980-1981.
31. NSČ – Nová slova v češtině: Slovník neologizmů / Kol. autorů pod. ved. O.Martincové. – Praha: Academia, 1998.
32. NSČ-2 – Nová slova v češtině: Slovník neologizmů / Kol. autorů pod. ved. O.Martincové. – Praha: Academia, 2004. – Vyd. 2.

Література

1. Аврамова Ц. Словообразовательни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на ХХ век. – Sofia: Heron press, 2003.
2. Вежбицкая А. Angst // Анна Вежбицкая. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славян. культуры, 2001. – С.44–122.
3. Вихованець І.Р. Синтетизм // Українська мова: Енциклопедія. – К.: Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М.П.Бажана, 2007. – Вид. 3-є, доповн. і виправл. – С.619.
4. Вихованець І., Городенська К. Теоретична морфологія української мови. – К.: Пульсари, 2004.
5. Всеволодова М. «Предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». Первые результаты межнационального проекта // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту / Зб. наук. праць, присвячений ювілею проф. А.П.Загнітка. – Донецьк: ДонНУ, 2004. – С.173-179.
6. Всеволодова М.В. Типология славянского предлога. Системность: категории и парадигмы // XIV Міжнароден славистички конгрес (Охрид, Р.Македонија / 10-16 септември 2008) / Зборник на резимеа. – Скопје, 2008. – Т.І. – Лінгвистика. – С.149-150.
7. Ермакова О.П. Влияние идиоматичности семантики производных слов на повторную реализацию словообразовательных моделей в русском именном словообразовании последних десятилетий (к проблеме взаимодействия словообразования и лексики) // Новые пути изучения словообразования славянских языков: 2-е заседание Междунар. комиссии по славянскому словообразованию, Магдебург, 9-11.10.97 / Р. Беленчиков (изд.). – Magdeburg: Sonderdruck, 1999. – S.239-245.
8. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык в конце XX столетия (1985-1995) / Под ред. Е.А.Земской. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – 2-е изд. – С.90–141.
9. Исаченко А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // Slavica. – Praha: ČSAV, 1958. – Roč. XXVII. – Seš.3. – S. 334-352.
10. Карпіловська Є.А. Вступ до прикладної лінгвістики: Комп'ютерна лінгвістика. – Донецьк: Юго-Восток, 2006.
11. Карпіловська Є.А. Вплив інновацій на стабільність мовної системи: регулятори системної рівноваги // Зб. темблоку «Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов» на XIV Міжнар. з'їзді славистів (Охрид, Македонія). – Київ: Нац. бібліотека України ім. В.І.Вернадського, 2008, с.3–22.
12. Карпіловська Є. Детермінанти змін у сучасній українській номінації: відкритість і самотутність лексикону // Мовознавчий вісник. – Черкаси, 2008. – Вип.8. – С. 147–158.
13. Карпіловська Є.А. Семантико-прагматична диференціація словотворчих ресурсів мови: своє і засвоєне // Нові явища в слов'янському словотворенні: система та функціонування. – Москва, 2009 (у друці).

14. Карпіловська Є.А. Тенденції розвитку сучасного українського лексикону: чинники стабілізації інновацій // Українська мова. – 2007. – № 4. – С.3–15; 2008. – № 1. – С.24–35.
15. Клименко Н.Ф. Місце словотворення у функціонально-категорійній граматиці мови // Функцыянальныя аспекты словаўтварэння. – Мінськ: Вид-во Мінськ. держ. ун-ту, 2006. – С.109-114.
16. Клименко Н. Осново- і словоскладання у процесах номінації сучасної української мови // Українська мова. – 2003. – № 3–4. – С.83–105.
17. Клименко Н.Ф., Карпіловська Є.А., Кислюк Л.П. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008.
18. Конюшкевич М.И. Функциональный потенциал однозначных слов для образования предлогов // Функцыянальныя аспекты словаўтварэння. – Мінськ: Вид-во Мінськ. держ. ун-ту, 2006. – С.115-121.
19. Онхайзер І. Тенденция интернационализации // Słowotwórstwo / Nominacja. / Red. nauk. I.Ohnheiser. – Innsbruck, Univ. Innsbruck, Opole, Univ. Opolski. – С.47.
20. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986.
21. Українська мова / Red. nauk. S. Jermolenko. – Opole: Uniwer. Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 1999. – Najnowsze dzieje języków słowiańskich.
22. Klymenko N.F., Karpilovs'ka E.A. Computer Morpheme-Word-Formative Database of the Ukrainian Language and Its Applications // Journal of Quantitative Linguistics. – 1994. – Vol.1. – № 2. – P.113–131.
23. Kreja B. Ewolucja systemu słowotwórczego i jej przyczyny (na materiale polskim). – In: Swetlana Mengel (Hrsg.). Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. – Münster-London-Hamburg, 2002. – S.305–317.
24. Lachur C. Semantyka przestrzenna polskich przymków prefigowanych na tle rosyjskim. – Opole: Uniwersytet Opolski, 1999.
25. Ochmann D. Nowe wyrazy złożone o podstawie zdeintegrowanej w języku polskim. – Kraków, 2004.
26. Ohnheiser I. Цель и концепция тома // Słowotwórstwo/Nominacja. – Red. nauk. I.Ohnheiser. – Innsbruck: Univ. Innsbruck, Opole: Univ. Opolski, 2003. – С.17–26.
27. Waszakowa K. Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. – Warszawa: WUW, 2005.

Євгенія А. Карпіловська

НОВАЯ УКРАИНА В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ: ИЗМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ «ЧЕРТЕЖЕ» МИРА

В статье на материале новой украинской лексики, зафиксированной в словарях и текстах после провозглашения независимости Украины в 1991 г., рассмотрены тенденции концептуализации и языковой категоризации новых понятий, связан-

ных с изменениями в жизни украинского общества. Особое внимание уделено словам, как исконным, так и заимствованным из европейских языков, уже знакомым украинцам, но развивающим новые значения, указывающие на новые вид, строение объекта, его местоположение в пространстве и связи с другими объектами. Обсуждены предпосылки формирования у таких лексем функции категоризаторов, средств систематизации новой лексики, а также стадии и перспективы их формально-семантического развития. Подчеркнута связь новых языковых категоризаторов с изменениями в строении украиноязычной картины действительности, именуемой автором *языковым «чертежом» мира*.

Krystyna Kleszczowa
(Uniwersytet Śląski, Katowice, Polska)

ROLA SŁOWOTWÓRSTWA W PRZEJMOWANIU I STABILIZACJI POŻYCZEK (NA PRZYKŁADZIE POLSKICH UKRAINIZMÓW)

Doświadczenie w pracach nad słowotwórstwem historycznym skłania do rozpatrywania derywacji w szerszym kontekście, kontekście obejmującym inne techniki nominacyjne, zatem zapożyczanie oraz zmiany znaczeń; zjawiska te są w ewolucji języka mocno ze sobą splecione. Problem to nie nowy, wszak od dawna lingwiści mówią o wpływie wyrazów obcych na system słowotwórczy (nowe formanty), mówią o procesach neosemantyzacji słowoform, co również może zaowocować nowym środkiem słowotwórczym. Także autorka niniejszego tekstu podejmowała te zagadnienia. Ale nacisk położony był na system słowotwórczy, w centrum stała derywacja [Kleszczowa 2001]. Teraz zamierzam spojrzeć na pożyczki oraz ich włączanie do słownika z uwzględnieniem słowotwórstwa, tak więc na pierwszym miejscu kładę problem zapożyczania, a nie derywacji, po drugie zaś – interesuje mnie nie tyle wchłanianie pożyczek, o tym mówi się od dawna, co ich dalsze losy, zaniki bądź trwanie w języku. Stawiam pytanie: W jakim stopniu układy słowotwórcze decydują o dalszych losach zapożyczeń?

I już w tym miejscu mocno chciałabym zaznaczyć, że wysuwane w artykule tezy mają jedynie walor przybliżenia. Na przemiany w słownictwie oddziaływa tyle czynników, że przypisywanie jednemu z nich funkcji decydującej i najważniejszej jest jedynie zabiegiem umożliwiającym klarowną prezentację problemu – nie sposób mówić o wszystkim, bo wtedy spłyca się wszystkie zagadnienia. Tak więc, mając pełną świadomość stopnia komplikacji, mając świadomość, że konstatacje nie są stuprocentowe, zamierzam podjąć problem roli słowotwórstwa w stabilizacji wyrazów zapożyczonych. Analizie poddane będą współczesne polskie leksemy przejęte z języka ukraińskiego w XVI i XVII wieku. Na ten temat polska literatura jest bogata, dysponujemy nawet dwoma monografiemi – jedna dotyczy pożyczek ukraińskich XVI wieku [Minikowska 1980], druga – XVII wieku [Rytter 1992]¹. I choć z językiem ukraińskim stykamy się przez całą historię polszczyzny, te dwa wieki wydają się najważniejsze, bowiem szczególnie w tym czasie pożyczkom sprzyjały związki polityczne, gospodarcze, kulturalne. Ale nie tylko to jest w moim tekście istotne. Wybrałam dwa odległe wieki, aby pokazać proces historyczny; ten ostrzej się rysuje z większej perspektywy czasowej.

Zapowiadałam wcześniej, że zamierzam się zająć rolą słowotwórstwa w stabilizacji pożyczek ukraińskich. Zadanie to jest o tyle skomplikowane, że podkreślam rolę czynników wewnątrzjęzykowych, a przecież wiadomo, że o funkcjonowaniu leksemów decydują warunki, w jakich znaleźli się użytkownicy danego języka, zatem czynniki ekstralingwistyczne winny być pierwszoplanowe. Nie zamierzam z tym dyskutować, to fakty oczywiste. Skoro jednak postawiłam pytanie o rolę słowotwórstwa w stabilizacji poży-

¹ O pożyczkach ukraińskich w polszczyźnie zob. też: Hrabec 1949; Urbańczyk 1968; Rieger, Siatkowski 1993; Dziegiel 2003.

czek, znaczy to, że wierzę w udział słowotwórstwa w przejmowaniu i stabilizacji pożyczek. Należało zatem tak sprofilować rozważania, aby zminimalizować uwarunkowania ekstralingwistyczne. Temu służy dobór jednostek leksykalnych, którymi zamierzam się zająć. Na boku stawiam leksemy silnie związane z realiami ukraińskimi, nazywają takie niektórzy zapożyczeniami rzeczowymi. Kontakt z kulturą ukraińską „zafundował” nam wyrazy odsyłające do ukraińskiej struktury społecznej (np. *bojar*, *car*, *kniaź*, *holofet* ‘kanclerz wołoski’, *policzne* ‘opłata sądowa’), sfery kościoła prawosławnego (*pop*, *monaster*; *obiednia* ‘msza prawosławna’), wojskowości (*komunnik* ‘konny rycerz’, *kosz* ‘obóz tatarski’, *arkan*, *buńczuk* ‘drzewce z kulką (...); oznaka władzy wojskowej’², *czeczuga* ‘szabla’). Te wyrazy stały i stoją nadal na marginesie polskiego słownictwa, funkcjonując w wiekach przeszłych wraz z tamtymi realiami, a teraz pełnią rolę historyzmów.

Nas bardziej interesują wyrazy, które Polacy włączyli do swego słownictwa i ze zdziwieniem przyjmują dziś do wiadomości, że to słowa niepolskie. Są to wyrazy, które wtopiły się w polszczyznę, mimo iż dysponowała ona własnymi znakami językowymi, czasami nawet – pasmami synonimów. Oto garść leksemów, których rodzimość jest tak oczywista, że brak ich w słownikach wyrazów obcych: *bies*, *chyży*, *pieczara*, *chomik*, *klacz*, *grabież*, *kołtun*, *krynica*, *wieźma*.

1. Z obserwacji materiału wynika, że im wyraz bardziej „obcy”, tym większe były szanse na jego stabilizację. Mówiąc o obcości, mam na myśli część rdzenną wyrazu (morfem główny). Analizy słowotwórcze zazwyczaj skupiają się wokół morfemów formotwórczych (afiksów), małą wagę przywiązuje się do tego, co w wyrazie najważniejsze, zatem jego rdzeń. Jak interpretować fakt, że o wchłanianiu bądź odrzucaniu pożyczek decydowały części rdzenne? W moim przekonaniu istotne były funkcjonujące wcześniej gniazda słowotwórcze, o ustalonych już relacjach formalnych i znaczeniowych. Pożyczka o tym samym rdzeniu naruszała te porządki, jej włączenie w zastany ład mogło prowadzić do „zgrzytów” – formalnych bądź semantycznych.

Nie było takich niebezpieczeństw w przypadku, gdy Polacy pożyczali wyraz z nowym rdzeniem. To on zaczynał tworzyć własne gniazdo, nowo utworzone jednostki nie wchodziły w kolizję z innymi gniazdami słowotwórczymi. Nie wchodziły w kolizję nawet wtedy, gdy fundowały wyrazy synonimiczne lub bliskoznaczne wobec tych, które funkcjonowały już w języku. Poziom słownikowy języków naturalnych jest w wysokim stopniu redundantny i tylko w części prawdziwy jest sąd, jakoby pożyczki były uzupełnianiem własnego zasobu słownikowego. Wszak w artykule zajmujemy się właśnie tymi wyrazami ukraińskimi, które polszczyzna XVI i XVII przejęła, mimo iż miała własne środki leksykalne, por. *borsuk* zamiast *jaźwiec* (z psł. *(j)ěзь ‘nora’); *buhaj* zamiast *stadnik*, *bydlnik*; *chomik*³ zamiast (s)krzeczek; *klacz* zamiast *kobyła*; *puchacz* obok *puszczyk* (dotąd obie nazwy funkcjonują!); *szarańcza* zamiast *kobyłki*; *wałach* zamiast *kłesniec*, *rzeszaniec*, *trzebiniec*; *tuman* zamiast *kurzawa*; *kołtun* zamiast *goździec*; *hałas* obok funkcjonujących wcześniej w polszczyźnie: *gwar*, *huk*, *krzyk*, *tumult*, *wrzawa*, *zgiełk*, *burda*, *kłótnia*, *zwada*, *rosterk*⁴.

² Do dziś wyraz ten tkwi w przymiotniku buńczuczny (!).

³ Z compositum *choměstorъ* ‘napelniający (obie torby)’ [Rytzel 1992: 54].

⁴ Pomijam zapożyczenia fonetyczne: *czeremcha* zam. *trzemcha*, *czeresnia* zam. *trześnia*, *dohad* ‘domysł’ (było w XVI w. *dogadać się* ‘domyślać się’).

Małe były zatem szanse na przetrwanie wyrazów o znanych w polszczyźnie rdzeniach, jak np. *(iz)miennik* ‘zdrajca’, *pobratym/pobratyn* ‘przyjaciel’, *dziecki* ‘urzędnik książeący, posłaniec lub woźny sądowy’, *dzieciniec* ‘twierdza wewnętrzna w grodzie’. Rdzenie **-mien-/mian-**, **brat(r)-**, **-dziec-** miały utrwaloną strukturę formalno-semantyczną, a zapożyczone wyrazy nie nadawały się na centrum nowego gniazda słowotwórczego choćby z tego powodu, że były złożonymi strukturami morfemowymi. Generalnie zresztą daje się zauważyć, że stabilne są te wyrazy, także rodzime, które mają zatartą strukturę morfemową [Kleszczowa 2004].

Z przyczyn słowotwórczych nie miał szans na stabilizację ukraiński wyraz *pobratym/pobratyn*. Już w staropolszczyźnie odnotowano 17 jednostek ze rdzeniem **bratr/brat**⁵: *bratanek*, *bratanie*, *bratanka*, *bratcki*, *bratek*, *bratnal*, *bratni*, *bratny*, *bratogłówca*, *bratogłówstwo*, *bratowizna*, *bratowy*, *bratów*, *bratrzyk*, *synówbrat* (SStp). Wiek XVI przynosi nowe jednostki (odnotowano ich w SXVI aż 22): *bracianek*, *bracić się*, *braciec*, *bracieniec*, *bracki*, *brackie* i *bracko* ‘po bratersku’, *bractwo*, *bratać się*, *bratanie*, *bratenik*, *braterski*, *bratobójca*, *bratobójstwo*, *bratogłowiec*, *bratorozbójstwo*, *bratować się*, *obracić się*, *pobracić się*, *pobratać się*, *rozbracić się*, *zbracić się*, *zbracić*, *zbratać się* [Iwan 2006]. Tak więc pożyczka *pobratym/pobratyn* nie wносиła nowego sensu, a obcy był jedynie formant **-yn/-ym**. Dla osobowych subiektów polszczyzna przez całą historię miała wyraziste formanty, jednostkowe **-ym/-im** nie miało szans na akceptację.

Względy semantyczne blokowały stabilizację leksemów *dziecki* i *dzieciniec*. Rdzeń **dziec-/dział-** mocno związany jest w polszczyźnie z sensem ‘najmłodsze pokolenie’, powaga urzędu i miejsca zabudowy dworskiej stały z nim w sprzeczności.

Skomplikowana też była sytuacja leksemu *izmiennik*, powstałego na bazie prasłowiańskiego rdzenia ***mĕn-**. Dał on na polskim gruncie dwie wyraźne pod względem semantycznym rodziny. Jedna kontynuuje znaczenie ‘nazywać, nadawać miano’, druga – ‘zmieniać’. Pożyczka *izmiennik* kontynuuje drugie znaczenie (ΦΞ), ten właśnie derywat pożyczka polszczyzna w znaczeniu ‘zdrajca’. I choć nie mamy poświadczonych w pierwszych wiekach derywatu, mamy udokumentowane inne wyrazy ze rdzeniem: **mian-/mien-**⁶. Niewykluczone zatem, że istniał już wyraz *zmiennik* o innej semantyce niż ‘zdrajca’, co mogło blokować stabilizację pożyczki.

Zdarzało się też czasami, że nowy wyraz wprowadzał homonimie, której kontekst nie mógł rozwiązywać⁷. Tu dobrym przykładem może być wyraz *paśnia* (*pasznia*) ‘pole uprawne’ od strus. *pachati* ‘orać’⁸. W polszczyźnie funkcjonowało już gniazdo z **paś-** pochodnym od **past-**: *paśnia* ‘pastwisko’, ‘wypas bydła’; *pastewnik*, *pastwa*, *pastwisko*, *pastwiszcze*, *pasza*, *paś* ‘wypasanie’ i ‘pastwisko’, *paście*, *paśniczy*, *pasterz*,

⁵ Podaję długą listę tych derywatów bez ustrukturalizowania w gniazdo.

⁶ W staropolszczyźnie odnotowano rzeczowniki: odmienienie, odmienność, miana ‘zamiana, (...)’, mienienie, nieprzemienność, odmiana, przemiana, przemieniacz ‘wymieniający pieniądze’, przemienianie (o świetle) ‘miganie’, przemienienie, przemienność, wymienianie, zamiana, zamianka, zamienienie, zmienienie; przymiotniki: odmienny, nieprzemienny, przemienność; czasowniki: mienić (się), odmieniać, odmienić, przemieniać, przemienić (się), wymienić, zamienić (SStp). Widać, że było to mocno wypełniona klasa.

⁷ Podkreślam tu rolę kontekstu, bo właśnie dzięki niemu rzadko dochodzi do kolizji homonimów.

⁸ W jęz. zachodniosłowiańskich pachać to ‘czynić’ (spachać ‘uczynić, zrobić’, pachawica ‘rodzaj koszuli z lepszego, cienkiego płótna’ od pachać ‘czynić, działać’, spachanie ‘uczynienie, zrobienie’ (SStp).

pasterka, pastuch, pasterstwo, pasterski, pasterka, pastereczka. W semantyce wszystkich tych wyrazów mieści się ‘wypas bydła’, z czym kolidował obcy sens ‘orać’.

Jak pokazałam w tym fragmencie artykułu, bliskość części rdzennej komplikowała układy, w jakich znajdowały się rodzime leksemy z tymi samymi rdzeniami. To w przekonaniu autorki artykułu było przyczyną, że owa bliskość była czynnikiem nie-sprzyjającym stabilizacji nowego, zapożyczonego leksemu.

2. Lepiej przyjmowały się do polszczyzny te ukraińskie leksemy, których rdzenie były Polakom nieznanymi. Wydzielić można trzy ich grupy. W grupie pierwszej (2.1.) mieszczą się wyrazy niesłowiańskie, dla których język ukraiński był jedynie medium, przyznać trzeba, że tych przykładów w materiale jest najwięcej. W grupie drugiej umieściłam rdzenie słowiańskie, ale takie, których polszczyzna nie знаła (2.2.); wiadomo przecież, że prasłowiańszczyzna to język funkcjonujący na olbrzymim terytorium, każda z grup dialektycznych miała swoją specyfikę, także odrębne słownictwo. W grupie 2.3. umieściłam przykłady, których rdzenie, choć słowiańskie, nie były identyfikowane z funkcjonującymi już odpowiednikami w polszczyźnie. Gdyby były identyfikowane, ich adaptacja byłaby zablokowana (zob. p. 1); mamy tu zatem próbę wnikięcia w kompetencję językową naszych przodków.

2.1. W analizowanym materiale uderza fakt, że stabilizowały wyrazy przejęte z języków: perskiego bądź turecko-tatarskiego, z arabskiego, indyjskiego. Warto postawić pytanie: Dlaczego akurat te wyrazy tak dobrze usadowiły się w polszczyźnie? Z góry odrzucam czynnik fonologiczny, wszak medium ukraińskie wystarczająco dostosowało je polszczyźnie, także języka słowiańskiego. Nie ma w tych wyrazach niczego „obcego” fonologicznie – ani obcych fonemów, ani obcych połączeń, dobrze też przypasowane są te wyrazy pod względem prozodycznym (mam na myśli ilość sylab). Nie był też ważny czynnik semantyczny. Wyrazy te najczęściej pojawiały się obok polskiego bliskoznacznika. Z ponad 70 orientalizmów (włączając wypadki, gdy prażródłem były inne języki, np. grecki) zachowały się: *balamut, bazar, bisurmanin, bohater, borsuk, czarka, horda, jarmolka, kaftan, kajdany, kaleka, kary, kobza, koczować, korzeń, kozak, kulak, kutas, oponcza, orkisz, surma, taśma*, zatem prawie 30%. Przyjrzyjmy się bliżej kilku przykładom.

2.1.1. Dość mocno wtopił się w polską leksykę wyraz *bazar* ‘targowisko, rynek’, wyraz pochodzący z perskiego *bāzār* ‘kryty rynek’. Pożyczka to o tyle ciekawa, że konkurująca z synonimicznymi *targ, targowisko*⁹, znanymi już w staropolszczyźnie, wchodzącymi w gniazdo słowotwórcze obok *natargować* ‘pomnożyć majątek, obracając nim’; *wtargać; utargować* ‘przeprowadzić transakcję kupna – sprzedaży, umówić się o cenę’, ‘umówić zapłatę’, ‘zarobić handlem, zyskać’; *stargować się* ‘targując zgodzić się na ostateczną cenę kupna-sprzedaży, dobić targu’, *stargować (się)* ‘targując zgodzić się na ostateczną cenę kupna-sprzedaży, dobić targu’; *targować* ‘przeprowadzać transakcję kupna – sprzedaży, handlować’; *natargować* ‘pomnożyć majątek, obracając nim’, *targowy* ‘odnoszący się do targu’, *targowla* ‘akt kupna - sprzedaży’ (*SStp*). Nowy wyraz *bazar* szybko organizuje sobie własne gniazdo. Już w *Słowniku Lindego* mamy: *bazar, bazarnik, bazarowy (SL)*, dziś: *bazarowicz, bazarowy*.

⁹ Był jeszcze wyraz *jarmark* – póź. ze śrwniem. *jārmarket* z *Jahr* ‘rok’ i *Markt* ‘targ’ (SBo).

2.1.2. Irańską proveniencję ma leksem *chata*, znany polszczyźnie XVI-wiecznej w postaci *chać*. Dziwne to zapożyczenie, wchodziło bowiem w długie pasmo funkcjonujących już: *buda*, *chałupa*, *chromina* (też ukrainizm!), *chycz*, *chyz*, *jata*, *kucza*. Być może adaptacji sprzyjało podobieństwo nagłosu do wyrazu *chałupa* (*chata*). I choć wyraz *chata* nie ma dziś bogatego gniazda (*chacina*, *chatka*, *chateczka*, *chateńka*, *przychacie* (SG2)¹⁰, ma ten wyraz dość silną pozycję w polskim słownictwie.

2.1.3. Wtopił się również w polskie słownictwo wyraz *koczować*, początkowo mający znaczenie ‘uprowadzać cudzych poddanych’. Wyraz pochodzi z języka turekko-tatarskiego. Dość szybko pożyczka zorganizowała sobie własne gniazdo: *wykoczować* ‘przesiedlić’, *kocisko* ‘obóz wojskowy’, *kocowisko* ‘legowisko zwierząt’, *koczowisko* ‘obóz, chwilowe miejsce pobytu nomadów’, *koczownik* ‘ten, kto uprowadza kogoś’ [Minikowska: 74]. Dziś *koczować* ma trzy znaczenia: 1. ‘prowadzić wędrowny tryb życia’, 2. ‘biwakować’, 3. o niektórych zwierzętach: ‘bytować’, a gniazda słowotwórcze mają postać (SG3):

KOCZOWAĆ 1.

koczow-nik	V,S
koczownic-two	V,S,S
koczownic-(y)	V,S,Ad
[koczownicz-ość]	V,S,Ad,S
[koczownicz-o]	V,S,Ad,Adv

KOCZOWAĆ 2. ‘biwakować’

koczowí-isko 1.	V,S
[prze-koczować] <i>rzad.</i>	V,V

KOCZOWAĆ 3.

koczow-isko 2. <i>łow.</i>	V,S

Kończąc ten fragment artykułu, chciałabym jeszcze wspomnieć o leksemie *bałamut* (jego derywaty to: *bałamucić*, *bałamucki*, *bałamuctwo*, *bałamutnia*). Według Sławskiego (SSŹ) jest to wyraz pochodzenia mongolskiego, Boryś (SBo) skłania się do hipotezy, że to zatarte pierwotne złożenie: **bal(a)* + **mątiti*, zatem rodowód byłby słowiański. W świetle powyższych uwag lepiej motywuje się propozycja Sławskiego.

2.2. Jak już wcześniej pisałam, mniej stabilne okazały się pożyczki o słowiańskich rdzeniach. Z ponad 100 XVI- i XVII-wiecznych pożyczek zachowały się tylko: *bies*, *blały*, *chyży*, *czereńcha*, *czereśnia*, *dereń*, *grabież*, *hałas*, *hodować*, *hultaj*, *kołtun*, *krynica*, *manowiec* (*manowce*), *odyniec*, *pieczara*, *portki*, *rubież*, *wiedźma*. Choć stanowi to ledwie 15% wszystkich pożyczek XVI- i XVII-wiecznych, warto zadać pytanie: Dlaczego mimo rodzimości zachowały się jak wyrazy „obce”, opisane w punkcie 1.?

¹⁰ O wiele bogatsze jest teraz gniazdo leksemu *chałupa*, wymienić warto: *chałupina*, *chałupinka*, *chałupisko*, *chałupka*, *chałupeczka*, *chałupnik*, *chałupniczka*, *chałupnictwo*, *chałupniczka*, *chałupniczy*, *chałupniczo*, *chałupnik*, *chałupsko* (SG2).

Część z nich to leksemy wprawdzie słowiańskie, ale nieznanne słowiańszczyźnie zachodniej. Takim wyrazem był np. *bies* (Polacy kontynuowaliby prasłowiańskie **běsъ* w postaci **bias*). W gniazdo słowotwórcze wyrazu *bies* wchodzi dziś: *biesisko*, *biesić się*, *zbiesić się*, *biesowski*.

Podobnie jak *bies*, rozpowszechniła się też na gruncie polskim ukraińska pożyczka *chyży*. Wyraz wszedł w długie pasmo synonimów: *barzy*, *bystry*, *chutki*, *chutny*, *chybki*, *krzepki*, *ochotny*, *prędko*, *ręczy*, *skoczny*, *wartki*, *żartki*, a mimo to już w XVI wieku pojawił się przysłówek *chyżo* (SXVI), a potem: *chyżość*, *chyżoloty*, *chyżolotny*, *chyżolotnie*, *chyżonogi* (SL), a potem jeszcze: *chyżeczk*, *chyże*, *czyżok* ‘zaraz’, *chyżogończy*, *chyżokonny*, *chyżopióry*, *chyżuchny*, *chyżuchno*, *chyżutki*, *chyżuteńki*, *chyżutko*, *chyżuteńko* (SW). Dziś jest to wyraz o charakterze poetyckim, ale znany jest Polakom.

Pisze Siatkowski, że psł. **norvъ* nie było znane północno-zachodniej słowiańszczyźnie [Siatkowski: 25]. Natomiast psł. **norvъ* ‘złe obyczaje’ przyjęło się na polskim gruncie za sprawą kontaktów z Ukrainą w postaci *narow*, *narowy* (w polskim powinno być **nrow*, **nrowić*). Dziś *narowić*, *narowić się*, *narowisty*, *znarowić się* na pierwszym miejscu funkcjonuje, gdy mowa o zwierzętach, na drugim zaś – o człowieku.

2.3. Do ciekawszych pożyczek ukraińskich z pewnością należy leksem *blahy*. Jako pewnik możemy przyjąć, że Polacy nie kojarzyli tego leksemu z psł. rdzeniem **balg-*, kontynuowanym w polszczyźnie w przymiotniku *blógi* o przeciwstawnym znaczeniu ‘szczęśliwy’, a mającym w XVI wieku bogate gniazdo słowotwórcze¹¹. Nowy wyraz *blahy* już w XVI wieku zdołał obwarować się derywatami: *blaho*, *blahość*, a polszczyzna wieków następnych uzupełniła to gniazdo o: *blahoważny* (SL: ‘niedoważny’), *blahostka*, *nieblahy*. Czy leksem wchodził w puste miejsce? Nie. W tym czasie mieliśmy pasmo synonimów: *bezrozumny*, *lekki*, *mały*, *slaby*, *lichy*, *podły*.

Wyrazem o rodowodzie prasłowiańskim, ale przejętym do polszczyzny za pośrednictwem języka ukraińskiego, jest wyraz *hodować* (*zwierzęta*). Jest to wschodnia odmianka polskiego *godować* ‘biesiadować, ucztować’, która na gruncie wschodnim zmieniła znaczenie (*hodov’aty* ‘karmić, tuczyć, pielęgnować’) i myśmy właśnie tę postać fonetyczną i znaczeniową uczynili centrum gniazda:

hodować

hodow-ca

hodowczy-yeni

hodow-la

hodowl-any

do-hodować, dohodow-(ywa)ć

do-hodować się, dohodow-(ywa)ć się

¹¹ W skład gniazda wchodziły wyrazy dawnej polszczyzny: *blógi* ‘szczęśliwy’, *blógo* ‘dobro, szczęście’, *blógoczynny* ‘dobroczynny’, *blógodarzyć* ‘dawać jałmużnę’, *blógoduszy* ‘będący dobrej myśli’, *blógodzietny* ‘mający dobre dzieci’, *blógosławność* ‘szczęście, szczęśliwość’, *blógosławny*, *blógosławiać* ‘wielbić’, *ubłagać*, *ubłogać* ‘ułagodzić, uśmierzyć (np. surowość, gniew), zjednać łaskę’; *ubłógosławiać* ‘uszcześliwiać, obdarzać szczęściem, łaską’; *ubłógosławić* ‘uwielbić, uczcić’, ‘obdarzyć łaską’, ‘nadać moc nadnaturalną, poświęcać’; *ubłogościć* ‘uwielbić, uczcić’; *ubłozżyć* ‘pokrzepić, dodać sił’, ‘zająć czymś przyjemnym, zabawić’; *wzbłógosławić* sobie ‘być zadowolonym z siebie’, *pobłozżyć* ‘sprzyjać, być życzliwym’, *ubłozżyć* ‘pokrzepić, dodać sił’, ‘zająć czymś przyjemnym, zabawić’.

pod-hodować
 po-hodować
 wy-hodować (SG3)

Wyrazem o podłożu słowiańskim, ale nie włączonym do gniazda słowotwórczego opartego o rdzeń **gol-** jest pożyczka *hultaj* : *hołtaj* : *ultaj* (też *hultajstwo*). Brak jeszcze w *SXVI* hasła *hulać*, to też ukrainizm, ale prawdopodobnie dopiero XVII-wieczny przyjął znaczenie ‘bawić się beztrudno’ (*SXVII*)¹². Początkowo rzeczownik *hultaj* oznaczał ‘człowiek nieosiadły, nie trudniący się żadną pracą’. Niewykluczone, że zmianie znaczenia na ‘włóczęga, tułacz, bezdomny, próżniak’ sprzyjała pożyczka *hulać*.

3. Kończąc rozważania o czynnikach, które wpływają na stabilizację pożyczki, chciałabym jeszcze zwrócić uwagę na problem natury onomazjologicznej. Wiadomo, że w językach słowiańskich ponad 95% leksemów wchodzi w jakieś relacje słowotwórcze. Nic zatem dziwnego, że jednostki kategorii pojęciowych z reguły strukturalizują ich profil. Mam tu na myśli wpisany w leksem rdzeń, funkcjonujący nieraz w kilku innych kategoriach pojęciowych. Pożyczka może być „ucieczką” od takiej strukturalnej konceptualizacji pojęcia. Pokażę to na dwóch przykładach.

3.1. Funkcjonowało w staropolszczyźnie wiele wyrazów w polu ‘bohaterstwo’, ale były dość wyraziście i czytelnie sprofilowane. Bohaterstwo wiązało się z młodością (*junak*), siłą (*gardzina*¹³, *mocarz*, *silacz*), walecznością (*rycerz*, *walecznik*), wysoką hierarchią w społeczeństwie (*możny pan*, *pan wielki*, *potentat*, *wielmożny*). Dodać warto, że wymienione cechy często nakładały się na siebie, wiadomo przecież, że młody człowiek na ogół jest silny, a skoro silny, to i waleczny; także waleczność łatwiej było zauważać u kogoś z wysokiego rodu (o ludziach z warstw niższych mało się mówiło). Brakowało wyrazu, który byłby odpowiedni dla ludzkiej niezwykłości mimo braku wymienionych wyżej przymiotów, dla hiperonimu kategorii. W takich wypadkach dobrze sprawdza się pożyczka, bowiem ta nie jest obciążona skojarzeniami¹⁴. I właśnie takim wyrazem stał się w XVI wieku *bohater*, tworzący własne gniazdo słowotwórcze.

3.2. W długie pasmo wyrazów bliskoznacznych wszedł zapożyczony przez ukraińskie medium wyraz turecki *kalyk* ‘brakujący, ułomny’. Człowieka niepełnosprawnego nazywano w XVI w.: *chromy*, *ułomny*, *kulawy*, *ślepy*, *niemy*, *głuchy*, *garbaty*, *małomocny* ‘słaby, chory, też kaleki’ (*MSZP*), *przekost* ‘kaleka, garbus, paralityk’ (*MSZP*). Był nawet wyraz zbieżny ze źródłowym *kalyk*, mianowicie *ułomny*. Rzecz w tym, że znaczenie ‘kaleka’ dla *ułomny* stało obok sensu ‘coś, co można ułamać – coś kruche go, łamliwego’ (por. *Oba nie ułomne, obracali w rękę swym oszczepy ogromne. (SW)*). Także wyraz *chromy* był dwuznaczny. Mógł znaczyć ‘kaleki’, ale najczęściej człowiek był: *chromy na nogę*, a w skutek wchłonięcia tego dodatkowego znaczenia doszło do zawężenia: *chromy* = ‘kulawy, utykający’.

¹² W języku ukraińskim miał wyraz szersze znaczenie – *hulaj/gulat* ‘przechadzać się, spacerować, spędzać życie na próżnowaniu’.

¹³ Wyraz odnotowany w *SStp*, w *SXVI* już nie ma poświadczenia, choć jest przymiotnik *gardy* (*hardy*).

¹⁴ Być może, że stabilizacji leksemu *bohater* pomogły również skojarzenia z rodzina wyrazów rdzenia *-bog-*. Jest to tylko domniemanie, trudno bowiem udowodnić taką hipotezę.

Nie dziwi w takiej sytuacji „kariera” nowego leksemu *kaleka*. Mówił o niepełnosprawności, ale bez specyfikacji charakteru ułomności, pełnił funkcje hiperonimu pola. Szybko też stał się centrum nowego gniazda, pojawiły się *kaleczec* ‘dogorywać, męczyć się, konać’, *kaleczny* ‘kaleki, ułomny, wątpy, niedołączny’ (te są już zapomniane); dziś gniazdo ma postać:

KALEKA

kalec-two

kalecz-(yć) się

po-kaleczyć (się)

s-kaleczyć (się)

[skaleczenie]

o-kalecz-(eć)

o-kaleczy(yć), o-kalecz-(ać) (się)

[okalecz-enie]

samo-o-okaleczenie

po-kalecz-eć

kalek-i (SG2)

Zakończenie

W orzekaniu o prawidłach językowych trzeba być bardzo ostrożnym. Bogactwo poziomu słownikowego jest tak wielkie, że prawie na każdą tezę znajdziemy antytezę. Całościowy wgląd w losy ukraińskich pożyczek w polszczyźnie pokazuje, że leksemowi wcale nie jest potrzebne gniazdo słowotwórcze, choć czasami były szanse na stworzenie go, a mimo to zajmuje stabilną pozycję, trwa przez połowę tysiąclecia (por. *manowce, pieczara, wertepy*). Dlatego trzeba mocno opierać hipotezy o materiał, szukać serii przykładów i zawsze zakładać, że być może uchwycona prawidłowość ma się całkiem inaczej w innych przykładach. Ale fakt ten należy traktować jako cechę stałą wszelkich rozważań na temat przeszłości. Ta nigdy nie będzie poznana w stu procentach; jest to słabość wszelkich nauk historycznych, ale zarazem ich siła. Praca historyka to nieustanne wybory. Historyk zawsze posługuje się jakimś kryterium ważności, także same kryteria nieustająco się zmieniają, zależą od historyka bądź od czasu, w jakim działa. „W tym w dużym stopniu kryje się tajemnica nieprzemijalności badań historycznych. Ostatecznie, o ile mi wiadomo, w ciągu paru dziesięcioleci (...), baza źródłowa do dziejów Imperium za Cezara czy Augusta nie rosła – a wiedza ludzka o tej epoce posuwała się przecież naprzód.” [Kula 1988: 45].

Jest oczywiste, że wielowiekowe kontakty polsko-ukraińskie musiały zaowocować pożyczkami, w obie strony; na ten temat literatura jest bogata i nie zamierzałam wzbogacać jej w artykule. Interesowała mnie rola słowotwórstwa we włączaniu pożyczek do zasobów słownictwa. Jako polonistka zajmowałam się ukrainizmami w języku polskim, mając nadzieję, że zaproponowany sposób analizy wykorzysta jakiś ukrainista do badań roli słowotwórstwa w adaptacji polonizmów w języku ukraińskim.

Wykaz słowników wraz ze skrótami

- SBo** – Boryś W., 2006, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków.
- SG2** – Jadacka H. 2001 (red.), *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*. T. 2: *Gniazda odrzeczownikowe*. Kraków.
- SW** – Kryński A. A., Karłowicz J., Niedźwiedzki W. 1900–1927 (red.), *Słownik języka polskiego*. T. 1–8. Warszawa.
- SL** – Linde S. B., *Słownik języka polskiego*. T. 1–6. Lwów 1855.
- SXVI** – Mayenowa R. 1966–2004 (red.), *Słownik polszczyzny XVI wieku*. T. 1–31. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- SG3** – Skarżyński M. 2005 (red.), *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*. T. 3: *Gniazda odczasownikowe*. Kraków.
- SSI** – Sławski F. 1952–1982, *Słownik etymologiczny języka polskiego*. T. 1–5. Kraków.
- SXVII** – *Słownik języka polskiego XVII i 1. poł. XVIII wieku*. Red. W. Gruszczyński; http://xvii-wiek.ijp-pan.krakow.pl/pan_klient/index.php.
- SStp** – Urbańczyk S. 1953–2002, (red.), *Słownik staropolski*. T. 1–11. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- MSZP** – Wysocka 2003 (red.), *Mały słownik zaginionej polszczyzny*. Kraków.
- ФЭ** – Фасмер М. 1986, *Этимологический словарь русского языка*. Т. II. Москва.

Literatura

1. Dziegiel 2003: E. Dziegiel, *Polszczyzna na Ukrainie*. Warszawa.
2. Hrabec 1949: S. Hrabec, *Elementy kresowe w języku niektórych pisarzy polskich XVI i XVII wieku*. Toruń.
3. Iwan 2006: P. Iwan, >Brat< w historii języka polskiego. W: *Bogactwo polszczyzny w świetle jej historii*. Red. K. Kleszczowa, A. Rejter. Katowice, s. 11–24.
4. Kleszczowa 2000: K. Kleszczowa, *Gasnące słowa*. „Prace Filologiczne” XLV, Warszawa, s. 265–274.
5. Kleszczowa 2001: K. Kleszczowa, *Rola pożyczek w przekształcaniu polskiego systemu słowotwórczego*. [W:] *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów. Katowice 27–29 września 2000 r., red. Krystyna Kleszczowa, Ludwik Selimski. Katowice, s. 203–208.
6. Kleszczowa 2004: K. Kleszczowa, *Stabilne w żywiole przemian. Ze studiów nad historią polskich przymiotników*. W: *Język polski w perspektywie diachronicznej i synchronicznej*. Zielona Góra, s. 131–139.
7. Kula 1988: W. Kula, *Wokół historii*. Warszawa.
8. Łesiów 1995: M. Łesiów, *Zagadnienia polsko-ukraińskich wzajemnych stosunków językowych*, w: *Rozprawy slawistyczne*, t. X, red. M. Łesiów i M. Sajewicz, *Studia z językoznawstwa słowiańskiego*. Lublin, s. 245–258.
9. Minikowska 1980: T. Minikowska, *Wyrazy ukraińskie w polszczyźnie literackiej XVI w.* Warszawa – Poznań – Toruń.
10. Rieger, Siatkowski 1993: J. Rieger, J. Siatkowski, *Kontakty polszczyzny z językami słowiańskimi*, w: *Encyklopedia kultury polskiej XX wieku*, t. 2, *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Wrocław, s. 511–523.

11. Rytter 1992: G. Rytter, Wschodniosłowiańskie zapożyczenia leksykalne w polszczyźnie XVII wieku. Łódź.
12. Siatkowski 1965: J. Siatkowski, Bohemizmy fonetyczne w języku polskim. Cz. 1. Wrocław–Warszawa–Kraków.
13. Urbańczyk 1968: S. Urbańczyk, Charakterystyka staropolskich zapożyczeń wyrazowych z języka ukraińskiego. W: Szkice z dziejów języka polskiego. Warszawa, s. 295–304.

Кристина Клещова

РОЛЬ СЛОВОТВОРЕННЯ В ЗАСВОЄННІ ТА СТАБІЛІЗАЦІЇ ЗАПОЗИЧЕНЬ (НА ПРИКЛАДІ ПОЛЬСЬКИХ УКРАЇНІЗМІВ)

Метою статті є спроба з'ясувати роль словотворення в стабілізації запозичень. До аналізу авторка залучила українські запозичення в польській мові XVI і XVII століть. Прагнучи зменшити роль позамовних чинників, до уваги не взято слова, пов'язані з українськими реаліями. Виявилося, що в польській мові закріпилися ті назви, які мали іншомовний корінь, а саме: 1) орієнталізми, для яких українська мова відігравала лише роль посередника (*bazar, chata, koczować*), 2) слова, яких не знали західнослов'янські мови (*bies, chyży, narowić się*), а також 3) ті слов'янські слова, фонетична форма і значення яких різнилися від слів, що функціонували в польській мові XVI і XVII століть (*hultaj, hodować*). Причини такого стану авторка вбачає в словотворчому чиннику. Істотними були словотвірні гнізда, що функціонували раніше, з уже усталеними формальними та значенневими відношеннями. Запозичення з тим самим коренем порушувало такий порядок, його вторгнення в устрій, що вже склався, могло призводити до «зсувів» («скреготу» («*zgrzytów*»)) – формальних чи семантичних (див. приклади: *izmiennik, dziecki, pobratym*).

Ніна Ф. Клименко

(Київський національний університет ім. Тараса Шевченка, Київ, Україна)

ДІЕСЛІВНЕ ОСНОВОСКЛАДАННЯ У КОНТРАСТИВНОМУ ВИСВІТЛЕННІ

Коротка характеристика складних дієслів у сучасній українській мові може вміститися на кількох сторінках. Насамперед звертає на себе увагу незначна їхня кількість у лексиконі мови. Відомо, що в реєстрах словників різних мов 40% становлять іменники, 25% – дієслова, 20% – прикметники. Решта відсотків припадає на слова інших частин мови [Папп 1962: 141].

Аналіз складних слів, представлених у найавторитетніших словниках сучасної української мови, серед них і неологічних, за розподілом між частинами мови показує, що в них левову пайку займають іменники та прикметники, а на дієслова не припадає і одного відсотка одиниць [СУМ 1970; УОС 2007]. Зіставлення реєстрів словників української та новогрецької мов, що мають приблизно однаковий обсяг – 140 тисяч слів, показало, що в українській мові питома вага складних слів усіх частин мови \approx 11%, у новогрецькій їх близько 17%. [Μπαμπινιώτης 1998]. Композитних дієслів у сучасній українській мові понад 200, у новогрецькій – їх більше 1200, тобто їхня питома вага більша в кілька разів порівняно з українською. Це ставить дослідника перед завданням з'ясувати, чому ми спостерігаємо таке явище.

Серед тих складних дієслів, які засвідчено в словниках, трапляються слова двох типів: ті, що співвідносні з еквівалентними їм за значеннями словосполученнями: *марно тратити – марнотратити, плескати руками – рукоплескати, зрікатися самого себе – самозрікатися*, та ті, що є афіксально-компаративними похідними від інших частин мови: *хлібороб – хліборобити, сталевар – сталеварити*, прикметників: *різноманітний – урізноманітнювати, кособокий – скособочитися*. Переважають останні, тобто утворені афіксальним способом від композитних іменних основ.

У зіставному плані важливі дані дозволяє одержати аналіз сполучуваності основ в композитному слові, насамперед здатність комбінуватися в одному дієслові двох дієслівних основ. Таких композитів ми не спостерігаємо в українській мові. Композиція двох дієслів трапляється в небагатьох юкстапозитах, тобто одиницях, утворених словоскладанням: *говорити-балакати, думати-гадати, казати-співати, пити-гуляти, ходити-походжати*. Ці слова побутують у фольклорних текстах, у художній літературі, але їх не засвідчують словники. Це відрізняє композитні дієслова від іменників, прикметників, для яких характерна сполучуваність основ свого ж класу: *лісостеп, лісотундра, оленебик, шишокягода, історико-філологічний, військово-морський, жовто-зелений, зеленувато-блакитний*.

Від дієслівних композитів за допомогою афіксів утворюються нечисленні похідні: *благословення, видозмінений, животворящий, кровоточивий*. Видотворення за допомогою префіксів, що так характерне для простих (з одним коренем) дієслів, у сучасній українській мові обмежене громіздкістю морфемної структури композитних дієслів. Відомо, що збільшення афіксальних похідних від композита супроводжується в сучасній мові певною декомпозицією слова, спрощенням

основ у ньому і наближенням до простих афіксальних слів: *злодій* – *злодіювати*, *злодійка*, *злодіячити*, *злодійський*; *тихомирити* – *утихомирити* – *утихомирення*. Композиція основ стримує подальше морфемне розростання слова і робить складні дієслова специфічною за співвідношенням словотворчих компонентів групою слів порівняно з морфологічно простими дієсловами. Адже прості афіксальні дієслова становлять більшість слів цієї частини мови, близько 82% утворено дієслівними морфемами (суфіксами і префіксами).

Характерною особливістю складних дієслів у сучасній українській мові є незначна частина афіксоїдних (префіксоїдних та суфіксоїдних) основ у їхній будові. Власне префіксоїдів, тобто перших основ композитного слова, що широко комбінуються з іншими основами, в матеріалі дослідження не засвідчено. Використання суфіксоїдних основ (складників слова, що займають у ньому останню позицію і повторюються в багатьох словах) теж обмежене небагатьма прикладами на зразок: *благословити*, *гострословити*, *поблагословити*, *злословити*, *кривословити*, *лихословити*, *полихословити*, *налихословити*; *взаємодіяти*, *добродіяти*, *лиходіяти*, *лицедіяти*, *священнодіяти*, *чародіяти*; *куховарити*, *покуховарити*, *сталеварити*. Це відрізняє дієслова від інших частин мови, насамперед іменників, у яких наявність префіксоїдів становить визначальну рису основовакладання: *лісоматеріал*, *лісоруб*, *лісосадивний*, *лісостеп*, *лісосмуга*, *лісосплав*. Для іменників та прикметників характерне вживання багатьох суфіксоїдних компонентів: *бензовоз*, *молоковоз*, *лісовоз*, *цементовоз* та ін.; *дугоподібний*, *місяцеподібний*, *підковоподібний*, *серпоподібний* тощо.

Словосполучення перехідних дієслів з іменниками стають джерелом широкого творення від них слів інших частин мови – іменників-найменувань різних словотворчих категорій: *лісоруб*, *сировар*, *криголам*, *м'ясорубка*, *риборозвідня*, *маслоробство* та прикметників: *водоплавний*, *зерноочисний*, *нафтодобувний*, *мідеплавильний*, *сонцесяйний*. Однак дієслівні двокомпонентні словосполучення обмежено використовуються для формування складних дієслів, що пов'язано зі згортанням багаточленних словосполучень у слово, якого уникає мова. Отож, широкий зовнішній синтаксис дієслів призводить до обмеження їхнього внутрішнього синтаксису в композиції основ у слові.

Аналіз неологізмів у сучасній українській мові за два останні десятиліття показує, що нових дієслів з'явилося у лексиці мало: *демонополізувати*, *забюрократитися*, *зіноземитися*, *розбюрократизувати*. Оформилися нові видові пари: *взаємозалежати* – *узвзаємозалежнити*, *узвзаємозалежнювати*, зворотні дієслова: *самоліквідуватися*, *самоототожнюватися*, *саморозпускатися*, *самострафікуватися*. Засвідчено деякі композитно-суфіксальні лексеми: *мікроскопувати*, *голографувати*. Реєстр неологізмів значно поповнився за рахунок іменників, прикметників та прислівників [Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008: 221-223].

Новогрецьким композитним дієсловам властиве поєднання в межах того самого слова двох дієслівних основ, співвідносних з дієсловами, що називають протилежноспрямовані дії: *ανεβκατεβαίνω* підніматися і спускатися, *ανεβκατεβαζω* піднімати й опускати, *αναβοσβήνω* блимати, *ανοιγοκλείνω* відчиняти і зачиняти, блимати, моргати, *αυξομειώνω* зростати і зменшуватися, коливатися, *μπαίνωβγαίνω* входити і виходити, *πηγαίνωέρχομαι* ходити взад і вперед,

курсувати або дії як ціле: *παιζογελώ* гратися, сміючись, *πειθαναγκάζω* примушувати силоміць, умовляти погрозами, *τρεμοφέγγω* мерехтіти, *τρωγοπίνω* пити-гуляти, *χασκογελώ* реготати.

Від таких композитних дієслів можливе утворення суфіксальних похідних: то *ανεβοκατέβασμα* підйом і спуск, то *ανοιγοκλείσιμο* відкриття і закриття, блимання, моргання, *η αυξομείωση* збільшення і зменшення по черзі, коливання, *αυξομειωτικός* який то збільшується, то зменшується, *αυξομειωτικά* навперемінки, та *μπαινοβγάλματα* снування, ходіння взад і вперед, часті відвідини, то *πηγαινοέλα* ходіння взад і вперед, поїздка туди і назад.

Розгляд сполучуваності основ дієслова з іншими частинами мови розкриває своєрідність їх мотивації у новогрецькій мові. У ролі їхніх мотиваторів активно використовуються різні за семантикою словосполучення дієслова з іменниками, прикметниками, числівниками, а також прислівниками.

Найбагатшу за семантикою групу утворюють дієслова, мотивовані сполученнями дієслова з іменниками, які виражають об'єктні: *αλυσοδένω* одягти наручники, *μηλοβολώ* кидати яблуками, *τυροκομώ* виготовляти сир, *βιοπαλεύω* боротися за життя, *αστροθετώ* класифікувати зірки за сузір'ям, а також інструментальні значення: *αλάτοπιπερώνω* посипати сіллю з перцем, *σφυροκοπώ* бити молотком; *θαλασσοδερωμα* бути побитим морем.

Композитні дієслова утворюються на основі словосполучень дієслів з іменниками з локативними значеннями: *θαλασσοπνίγομαι* тонути в морі, *θαλασσομαχώ* битися на морі, *οπισθοδρομώ* рухатися в зворотному напрямку, *ευθυδρομώ* рухатися прямою дорогою.

У новогрецькій мові численна група композитних дієслів з першими основами, співвідносними з числівниками: *δεκαπλασιάζω* удесятерити, *εικοσιπλασιάζω* збільшити в 20 разів, *δευτεροπαντρεύομαι* одружуватися вдруге.

Велике лексичне наповнення властиве групі композитних дієслів, у структурі яких у першій позиції використано основи займенників: *αυτοεπαινιέμαι* самовихвалитися, *αυτοσχεδιάζω* імпровізувати, *αυτοσυντηρούμαι* утримувати самого себе, *αλλοστρατίζω* змінювати маршрут, іти іншою дорогою.

Продуктивному перетворенню цих словосполучень у слова сприяють особливості синтаксису новогрецької мови, зокрема здатність багатьох дієслів бути в одних контекстах перехідними, в інших – неперехідними. Це дозволяє іменникам у знахідному відмінку в поєднанні з дієсловами виконувати кілька функцій: бути об'єктом дії, виражати локальні, а також інструментальні значення, пор.: *αμαξοδρομώ* їхати швидкісним поїздом, *πελαγοδρομώ*, *θαλασσοδρομώ* плити морем, *παγοδρομώ* кататися на ковзанах, *ιστιοδρομώ* пересуватися на вітрильнику, *πεδιλοδρομώ* кататися на ковзанах, *τροχοπεδιλοδρομώ* кататися на роликових ковзанах і *σταδιοδρομώ* робити кар'єру.

У багатьох таких композитних дієсловах, особливо тих, що мотивовані дієслівно-іменними словосполученнями з об'єктними значеннями, використано численні суфіксоїдні основи дієслівного походження. Останні можуть співвідноситися з дієсловами, що функціонують самостійно, типу *σκολώ* обстежувати, спостерігати, *στηθοσκολώ* вислухати (хворого), *σπλαγχοσκολώ* обстежувати внутрішні органи, *ενδοσκολώ* обстежувати внутрішні органи за допомогою ендос-

копа або бути зв'язаними, тобто використовуваними лише в складі композитних дієслів: *ανθοβολώ* цвісти, *αβγοβολώ* нести яйця (про курку), *βροντοβολώ* гриміти, *κεραυνοβολώ* вражати громом, *λιθοβολώ* кидати каміння, *πετροβολώ* закидати камінням, *σπινθηροβολώ* іскритися, сяяти, *φεγγοβολώ* світити, сяяти.

У матеріалі дослідження визначено понад 120 таких суфіксоїдних основ [Κουρμούλης 1967]. Багато з них дуже продуктивні в мові. До високопродуктивних, наприклад, належать основи *-λογω* (об'єднує 163 слова), *-γραφο* (76), *-ποιω* (120), *-βολω* (45), *-κοπω* (41). По кілька десятків слів групують основи *-φορω*, *-δρομω*, *-μετρω*, *-μιλω*, *-λαλω*, *-ζω*, *-περνω*, *-πατω*, *-δοτω*, *-μαχω* та ін.

Це означає, що такі одиниці стали словотворчими і утворюють композитні слова, оминаючи перетворення словосполучення – мотиватора в слово. Вони присьднуються до інших, переважно іменникових основ, виражають типове семантичне співвідношення основ: дія (останній у слові дієслівний компонент) та її об'єкт/ місце/ інструмент (вказані першими співвідносними з іменниками основами). Це окреслює серійність творення подібних між собою композитів за однотипною моделлю.

Продуктивність дієслівного основоскладання у новогрецькій мові зумовлено також морфологічними характеристиками самого дієслова, зокрема властивою йому часо-видовою категорією. Її визначає опозиція часів дії у процесі, в розвитку, що утворюються на основі дієслів теперішнього часу (*ενεστώτας*, *παράτατικός*, *μέλλοντας ατελής*), та дій цілісних, які відбулися (*αόριστος*, *παρακείμενος*, *υπερσυντέλικος*, *μέλλοντας τέλειος*). Учені Х.Клерис та Г.Бабінійотис називають цю категорію *γραμματικό ποίον ενεργείας* граматична якість / властивість дії, що буває *ατελής* тривалою та *τέλειο* закінченою [Κλαίρης, Μπαμπινιώτης 2005: 1126]. Саме вона характеризує бачення мовцем події з погляду її внутрішньої часової межі: як розвиток, продовження чи повторення, тобто тривалої *ατελής* або закінченої, напевно виконаної (*τέλειο*).

Інше впорядкування часо-видових значень дієслова у новогрецькій мові порівняно з часовими та видовими значеннями в дієсловах української мови зумовлює інакші способи оформлення родів дієслівної дії та їх продуктивність. У сучасній українській мові видотворення здійснюється здебільшого за допомогою префіксів та суфіксів. За спостереженнями вчених, в українській мові дієслова за реалізацією виду поділяють на парновидові (співвідносні в межах видової пари), непарновидові (непарні, неспіввідносні за видовою ознакою) та двовидові [Вихованець 1998: 103; Загнітко 1996: 215-216; Городенська 2004: 226, 234; Украинская грамматика 1986: 97-98].

Видотворення пояснюють, з одного боку, як таке, що має морфологічну словозмінну сутність, з другого, як лексико-семантичну нетотожність, отже словотвірну сутність. За наслідками функціонального аналізу зроблено висновок про те, що видові форми словозмінної природи переважають, бо становлять 70% від загальної кількості перфективів та імперфективів [Загнітко 1996: 216]. К.Г.Городенська підкреслює, що морфологічну категорію виду слід розглядати як категорію мішаного словозмінно-словотвірного типу, «її словозмінна сутність виявляється в імперфектних видових протиставленнях, а словотвірна – переважно в перфектних видових протиставленнях» [Городенська 2004: 226].

Морфологічно-словотвірну категорію дієслівних родів (способів) дії в українській мові формують переважно префіксальні дієслова доконаного виду, утворені

від дієслів недоконаного виду. Більшість із них – це дієслова з новими лексичними значеннями [Городенська 2004: 227]. Саме в їхньому середовищі насамперед формуються дієслівні роди, тобто «ряди дієслів, які характеризуються морфологічною однотипністю та семантичною спільністю» [Сучасна українська... 1997: 414; Украинская грамматика 1986: 117]. Їх ще називають способами дієслівної дії, доповнюючи рядами дієслів, яким властива лексико-семантична спільність [Маслов 1965: 71; Бондарко, Буланін 1967: 13-14; Маслов 2004: 228, Петрухіна 2009: 95]. Меншою мірою роди дієслівної дії формуються в середовищі одновидових дієслів недоконаного виду, серед них і ті, що утворюються за допомогою постфікса **-ся**.

У сучасній українській мові роди дієслівної дії виражено переважно префіксальним, суфіксально-префіксальним, префіксально-суфіксальним, суфіксально-постфіксальним і префіксально-суфіксально-постфіксальним словотвірними способами і найменшою мірою – основоскладанням.

У новогрецькій мові з її часо-видовою дієслівною парадигмою головним способом вираження значень дієслівних родів дії є основоскладання, меншою мірою – префіксація.

Для зіставлення родів дієслівної дії в новогрецькій та українській мовах обираємо семантичний поділ їх на групи: часові, або фазові, кількісні; результативні (в українській вони об'єднують одновидові дієслова доконаного виду), а також власне – зворотні та взаємно-зворотні (реалізовані в українській мові одновидовими дієсловами недоконаного виду).

В обох зіставлюваних мовах спостерігаємо синонімію різних словотвірних засобів вираження значень родів (способів) дієслівної дії. Цей тип відношень поєднує між собою префікси та ці морфеми з афіксоїдними основами. Так, у вираженні кількісного дієслівного роду дії, зокрема надмірної, синонімічні відношення об'єднують префікси *ката-*, *пара-*, *улер-*, *ана-*: *катаθουρώ* дуже кричати, *καταλαμπώ* дуже сяяти, *παρὰπληρώω* переплачувати, *παρὰφωνάζω* дуже кричати, *υπερχειλίζομαι* переливатися через край.

У вираженні часових значень, а також кількісної багатократної дії синонімія характерна для префіксів *μετα-/ματα-* *ματαβάζω* класти знову, *ματαβαίνω* знову виходити, *ανα-* *αναζώ* повертатися до життя, *ανακολλώ* клеїти знову та афіксоїдних основ *ξανα-*, *пал-*: *ξαναβάζω* класти знову, *ξαναφυτεύω* пересаджувати, *παλινορθώνω* відновлювати, реставрувати. Кількісна інтенсивна дія об'єднує значення дієслів з префіксами *пара-* *параβρέχω* дуже поливати, *улер-* *υπεραγαπάω* дуже любити та основу *полύ-* *полυποτίζω*, *полуαγαπάω*.

Синонімічними відношеннями охоплено самі композити завдяки їхнім першим основам, що єднають їх за спільним оцінним компонентом значення дії або віддієслівної ознаки: *κουτσοκαταλαβαίνω* = *μισοκαταλαβαίνω* розуміти мало, трохи, *κουτσοκαταφέρνω* = *μισοκαταφέρνω* ледве встигати; *πολυθρήνητος*, *πολυδάκρυτος*, *πολύκλαυστος* дуже оплакуваний; *μισόκλειστος* = *ημίκλειστος* напівзачинений, *μισοτελειωμένος* = *ημιτελής* напівзакінчений; пор. ще *στραβοκέφαλος*, *ξεροκέφαλος*, *χοντροκέφαλος* упертий.

Часто такі відношення спричиняють виникнення словотвірних синонімічних варіантів: *στραβοπόδαρος*, *στραβοπόδης*, *στραβοκάνης* кривоногий.

Дієслівним композитам з різними значеннями родів дії властиве упорядкування за антонімічними відношеннями: *καλοτερνώ* – *κακοτερνώ* жити добре – погано, *καλοπαντρεύω* – *κακοπαντρεύω* одружити вдало – невдало, *μεγαλοδείχνω* – *μικροδείχνω* здаватися старшим – молодшим за свій вік, *μακρολογώ* – *κοιτολογώ* говорити довго – коротко, *πολυκλαίω* – *ψιλοκλαίω*, *σιγυκλαίω* плакати багато – мало, схлипувати, *χοντροκόβω* – *ψιλοκόβω* різати товсто – тонко, *αυτοθαυμάζομαι* милуватися самим собою – *αλληλοθαυμάζομαι* захоплюватися один одним, *αυτεπαινούμαι* самовихвалятися – *αλληλοεπαινούμαι* вихваляти один одного тощо.

Усе це свідчить, що роди дієслівної дії в новогрецькій мові упорядковано в межах лексико-словотвірної категорії, де протиставлення одиниць за словотворчими засобами доповнює зіставлення (або об'єднання) їх за лексико-семантичними відношеннями.

До дієслівного основоскладання залучено не лише ті прикметникові основи, що мають оцінні компоненти значення і через транспозицію прикметника в прислівник стають потужним засобом творення композитних дієслів. У новогрецькій мові в цій сфері функціонують параметричні прикметники, що вказують на розмір предметів (висоту, довжину, ширину, об'єм тощо) типу *μεγάλος* великий, *μικρός* малий, *ελαφρός* легкий, *βαρύς* важкий. Їхні основи використовуються в композиції дієслів, хоч і не в такому обсязі, як основи інших оцінних прикметників. Для цього необхідно, щоб вони містили в своїх семантах певні ознаки, скажімо, довготи – стислості як властивостей часу, чи семи переносних значень, які трансформують їх в оцінні одиниці типу *ελαφροτάτω* ступати легко, *βαρυαλύω* тяжко страждати, *μεγαλουργώ* вершити подвиги, *μικρολογώ* бути дріб'язковим, *μικροψυχώ* бути малодушним.

У сучасній українській мові не засвідчено жодного випадку використання основи, співвідносної з параметричним прикметником, для творення дієслів.

Вираження часових, фазових характеристик дії за допомогою основоскладання і префіксододавання у новогрецькій мові охоплює незначну частину лексики. Часо-видові значення (представлення дії в процесі та дії завершеної) зосереджено в морфології дієслова, в словозмінній його парадигмі, що є флексійною і суфіксальною. Фазові її ознаки, які відносять до родів дієслівної дії, у новогрецькій мові реалізовано описовими конструкціями типу «починати/закінчувати плюс дієслово»: *αρχίζω* *να τραγουδώ*/ *τελειώνω* *να τραγουδώ* починати, закінчувати співати, *τελεώνω* *να τραγουδήσω* переспівати.

Основоскладання вносить свої семантичні характеристики у часові виміри дієслів у лексичному плані. Основ, що модифікують семантику часу в композитних дієсловах, небагато: *μακρο-/μακρυ-*, *κοιτο-* (вказують на довгу-коротку тривалість дії, названої другим складником слова): *μακρομερεύω* довго жити, *κοιτοστέκω* зупинятися ненадовго. Вони можуть утворювати між собою антоніми *μακρολογώ* – *κοιτολογώ* говорити довго – коротко. Продуктивність їх у сучасній мові невисока. Не підвищують її слова з одного синонімічного з ними ряду за семантикою першої основи. Так, основи *βραχυ-* (від прикметника *βραχύς* короткий, маленький) та *συντομο-* (від *σύντομος* недовгочасний, короткий) у композитних дієсловах не трапляються.

Основи *νεο-*, *καινο-*, що є корелятами прикметників *νέος* новий, *καινός* новий, у дієсловах-композитах рідкісне явище: *καινοτομώ* запроваджувати нове, новаторське.

Їхній вимір часу в плані якісної характеристики дії (через її результат, що є новим) реалізовано здебільшого в прикметниках та іменниках. І в новогрецькій, і в українській мові продуктивне творення композитних прикметників від простих віддієслівних прикметників результативного стану за допомогою основи гр. νεο- та укр. **ново-**: νεοφερμένος новоприбулий, νεοφυτευμένος новопосаджений.

Серед засобів вираження часових ознак засвідчено префікс про-, що підкреслює в лексичному значенні похідного «передування дії, попередньої відносно твірного слова»: προβλέπω передбачати, προαισθάνομαι передчувати. український відповідник префікса про- морфема **перед-** у творенні дієслів малопродуктивна.

Більша активність властива основам ζανα-, επανα-/επαν-, παλι та префіксам μετα-/ματα-, ανα-, що виражають значення багатократної, повторюваної дії: ξαναθυμίζω знову нагадувати, ξαναβρίσκω знову знаходити, επανεκτιμώ переоцінювати, επανεκλέγω переобирати, επανπροσδιορίζω перепризначати, παλινοστῶ знову повертатися на батьківщину, μετασχηματίζω перепланувати, μεταχρωματίζω перфарбовувати, αναδημοσιεύω передруковувати, ανεξετάζω перевіряти ще раз.

Найчисленнішими за лексичним наповненням є кількісні роди дієслівної дії. Їх реалізує багато основ і продуктивні префікси παρα-, κατα-, υπερ-. Поділ цих родів дієслівної дії на певні семантичні підгрупи передбачає об'єднання дієслів недостатнього ступеня вияву дії, середнього, виконаного наполовину (основа μισο-: μισοκλείνω напівзакрити, напівзаплющити), рівномірно розподіленої між об'єктами дії (основа ισο- ισοζυγώ бути в стані рівноваги, ισοσκελίζω зрівноважувати) та надмірного ступеня вияву дії: πολυαγαλώ дуже любити, πολυγελώ багато сміятися, πολυκαπνίζω багато палити.

У новогрецькій мові основа πολυ-, співвідносна з прислівником πολυ багато, дуже, високопродуктивна в творенні дієслів надмірного ступеня вияву ознаки. Протилежна їй за значенням основа λιγο- (від λιγο мало), що виражає недостатній ступінь вияву ознаки, трапляється в поодиноких дієсловах типу *розм.* λιγοθυμώ = λιποθυμώ непритомніти.

Матеріал показує, що завдяки участі багатьох основ найповніше представлено якраз композитні дієслова, що передають значення неповного ступеня вияву ознаки, точніше, послабленого її ступеня, за допомогою інших основ. Найпродуктивніша серед них ψιλο-, яка виражає значення «трохи, ледве»: ψιλοαπειλώ трохи погрожувати, ψιλοαρέσω трохи подобатися, ψιλοκουτσαίνω накульгувати. Для неї характерні ще значення «філігранно, точно», що співвідносять дієслова з цією основою та синонімічною з нею λεπτο- і антонімічною χοντρο-: χοντροκόβω різати товсто – ψιλοκόβω різати тонко; ψιλολογώ, λεπτολογώ, ψιλοκοσκινίζω досліджувати щось дуже уважно, з подробицями.

Дію не в повному обсязі характеризують основи κουτσο-: κουτσοβλέπω ледве бачити, κουτσοπερνώ ледве животіти, κουτσοπίνω пити потроху та κουφο-, яка підкреслює млявість, повільність дії, названої другим компонентом композита: κουφοβράζω кипіти на повільному вогні, κουφοβοσκώ пасти худобу потай.

Серед композитних дієслів з характеристикою кількісних родів дії виділяється тематична група лексем, що характеризують рух за його повільною/ прискореною швидкістю. До їхнього складу входять основи αργο-, σιγο-, βραδυ-: αργοκινώ рухатися поволі, αργοπατώ поволі ступати, αργοσβήνω поволі гаснути; σιγοβρέχει накрапа-

ти (про дощ), σιγοκλαίω схлипувати; βραδυτορώ поволі рухатися, βραδυπλόω поволі плисти та ταχυ-, γοργο-: ταχυπλόω плисти швидко, γοργοδιαβαίνω проходити швидко, γοργοδρομώ швидко бігти, γοργοποδίζω швидко йти.

Слід підкреслити, що композитних дієслів з основами, які виражають швидкий, тобто інтенсивний, рух, менше, ніж лексем, котрі називають рух повільний, млявий.

У новогрецькій мові поширено композитні дієслова, які характеризують кількість дії і містять основу πρωτο- (співвідносно з порядковим числівником πρώτος перший) зі значенням «уперше». У словнику Г.Бабіньотиса таких слів близько двох сотень: πρωτολαίζω вперше грати, πρωτοπαίρνω вперше брати, πρωτογνωρίζω вперше познайомитися, πρωτοδοκιμάζω вперше скуштувати [Г.Μπαμπινιώτης 1998: 1526]. Такі дієслова широко використовуються в новогрецькій розмовній мові та її художньому стилі.

У ній набули продуктивності дієслова з основою χιλιο- тисячо-, що мають експресивно-оцінний відтінок значення дії, виконаної багато разів: χιλιοευχαριστώ тисячу разів дякувати, χιλιοπαρακαλώ тисячу разів (наполегливо) просити, та численні композити від віддієслівних прикметників з ознаками результативного стану: χιλιοδιαβασμένος тисячу разів прочитаний, χιλιοεπωμένος сказаний багато разів, χιλιοτραγουδισμένος тисячу разів співаний.

Рівноправно розподільну дію характеризують композитні дієслова з основою ίσο- (співвідносною з прикметником ίσος = ίσιος рівний, однаковий), якій відповідає українська **рівно-**. Вона стосується ступеня вияву предикативної ознаки і вказує не на недостатні за інтенсивністю чи надмірні дії, а на однаковість впливу дії, розподіленої між кількома об'єктами: ίσοζυγώ зрівноважувати, ίσοροπώ, ιοσκελίζω збалансувати. У обох зіставлюваних мовах основи ίσο- та **рівно-** трапляються частіше в іменниках, ніж у дієсловах: η ίσοδυναμία рівновага, рівнозначність, η ίσομετρία рівномірність, η ίσοτιμία рівноправність. У обох мовах ці основи – складники численних прикметників, виниклих на ґрунті прикметниково-іменникових словосполучень: ίσογώνιος рівнокутний, ίσομεγέθης рівновеликий, ίσοπλατής рівноширокий. На відміну від новогрецької в сучасній українській мові представлено численні композитні прикметники результативного стану: *рівновіддалений, рівноможливий, рівноприскорений*.

Серед дієслів, у яких підкреслено недостатній ступінь вияву дії, виділяються композити з основами μισο- та **напів-**: μισοαποίγω напіввідчинити, напіврозкритися, μισοβράζω напівзварити, μισοχορταίνω напівнаїстися. Характерною їхньою особливістю є приєднання до віддієслівних прикметників результативного стану: μισοακρεμισμένος напівзруйнований, μισολησμονισμένος напівзабутий, μισοφαγόμενος напівз'їдений. Інша основа ημι-, що виражає значення дії, виконаної наполовину, в творенні дієслів малопродуктивна. Здебільшого вона трапляється в іменниках: οι ημιαγωγοί напівпровідники, η ημισέλιος напівмісяць, το ημικύκλιο півколо. У новогрецькій основу ημι- засвідчено в численних прикметниках – ознаках результативного стану: ημίθραυστος напіврозбитий, ημικατεργασμένος напівоброблений, ημίσβηστος напівзгорілий.

У функціонально-семантичних полях аспектуальності підполя власне- і взаємно- зворотної дії в двох зіставлюваних мовах мають спільні та відмінні риси. В обох мовах для вираження їх використовуються афіксальні морфеми: в новогрецькій

префікси *αντι-* (для передачі значення дії у відповідь) та *συν-* (для окреслення солідарної дії), а також система закінчень зворотньо-пасивного стану, основи *αυτο-* і *αλληλο-* разом із множиною займенників (зворотних, означених) як лексичних конкретизаторів дієслів та деяких прийменникових конструкцій типу *μεταξύ μας* між нами, *ο ένας στον άλλο* один другому, *ο ένας με τον άλλο* один із другим, *ο ένας εναντίο του άλλου* один проти одного, *ο ένας από του άλλο* один від одного, зворотного займенника *τον εαυτό μου* самого себе.

В українській мові це конфіксально-постфіксальні комплекси **на-...-ся, за-...-ся** *находиться, заходиться* та інші, постфікс **-ся** *голитися*, основи **само-, взаємо-** та зворотний займенник *себе*, означальний *сам*, словосполучення *один одного, один з одним, один для одного, один проти одного* та ін.

На відміну від новогрецької мови, в якій дієслівне основоскладання реалізовано численними лексемами, які характеризують у композитах ролі дієслівної дії, в українській основоскладання такого типу обмежене кількома прикладами на зразок *марнотратити* або трапляється в нечисленних дієсловах з фразеологізованими значеннями: *тихомирити, утихомирити, утихомирювати, взаємовиключати, кривословити, злословити*.

У сучасній українській мові в незначному обсязі порівняно з іншими частинами мови композитні дієслова утворюються на ґрунті дієслівно-іменникових словосполучень з об'єктивними відношеннями: *видозмінити, боготворити, благодіяти*, а ще частіше їх мотивують словосполучення іменника в наз.в., що вказує на абстрактну дію, та іменника в род.в.: *боговшанування, боговтілення, боговідступництво, богозневага, боготворення, богошукач*.

Близько трьох десятків дієслів з двома основами є афіксальними похідними від композитних іменників – назв осіб: *верховодити, вітрогонити, коногонити, куховарити, сталеварити, хліборобити*, назв приладів: *гектографувати, літографувати, мікроскопувати, стереотипувати, склографувати, фонографувати, картографувати, телеграфувати* та прикметників: *легковажити, врівноважувати*.

Натомість і в новогрецькій, і в українській мовах зростає тенденція до оформлення композитів від прикметників результативного стану, до яких приєднуються численні основи, співвідносні також з прикметниками, що містять оцінні значення: *βραδύκαυστος* який повільно спалахує, *легкозаймистий*, *βραδύκίνητος*, *αργόκίνητος* який повільно рухається, *γλυκομίλητος*, *γλυκολάλητος* солодкомовний, *γλυκοτραγουδησμένος* солодкоспівий, *λεπτοκαμωμένος* філігранно оброблений, *νεόκτιστος* новозбудований, *νεοεπιστρατευμένος* новобранець, *новомобілізований*, *ψιλοαλεσμένος* тонкозмелений тощо.

Багато з них утворює ряди синонімічних лексем типу *ελαφρόπιστος*, *ευκολόπιστος* легковірний або антонімічних *ψιλοκομμένος* – *χοντροκομμένος* порізаний тонко – товсто.

У новогрецькій мові спостерігаємо паралелізм вираження значення надмірної кількості композитними прикметниками результативного стану та префіксальними утвореннями, які мають тотожні з ними другі основи: *ολόκλειστος* = *κατακλειστος* повністю закритий, *ολοστόλιστος* = *καταστόλιστος* повністю прикрашений, *ολόφωτος* = *παμφωτος* = *κατάφωτος* залитий світлом.

У новогрецькій мові існує своєрідна група композитних ознакових слів (дієслів та прикметників), яким немає паралелей у вигляді композитів у сучасній украї-

їнській мові. Це слова з основами αξιό-, що виражає значення «гідний чогось»: αξιολάτρευτος гідний обожнювання, αξιοπρόσεκτος гідний уваги, αξιόποινος вартий покарання та ετοιμο- – «готовий до чогось»: ετοιμοπόλεμος готовий до війни, ετοιμοθάνατος готовий вмерти.

Значно більше паралелей в українській мові до прикметників та іменників, що побудовані на ґрунті прикметниково-іменникових словосполучень: *добродушний, доброзвичайний, добропристойний, доброякісний; благочестивий, благопристойний; зловорожий, злоокий, злоязикий, злоякісний; лихомовний, лихолітний; добросердя, доброжиток, злоцастя*. Деякі з них є кальками з грецької.

Вираження оцінно-якісної характеристики дії теж доцільно назвати лексико-словотвірним способом дії, оскільки воно ґрунтується на основоскладанні двох частин мови – дієслова (останній складник композита) та прикметника (його перший компонент), тобто слів з однаковою семантикою – статичною (прикметниковою) і динамічною (дієслівною). Приписування дієслівному компоненту статичної ознаки відбувається через транспозицію прикметника в прислівник і виникнення нового слова з оцінним компонентом значення або характеристичною його ознакою: ματαιοπονῶ марно працювати, ματαιοσπουδῶ марно намагатися, κρυφογεῶ потай сміятися, κρυφομιῶ шепотітися, λαθροθηρῶ незаконно полювати, λαθρομεταναστεύω незаконно переселятися в іншу країну, στραβοβλέπω дивитися косо, збоку, στραβοπατῶ ходити навшпинець, πλαγιοδιποδίζω іти боковим галопом (про коней), πλαγιотροχάζω іти труськом, тюпки, λοξοδρομῶ відхилятися вбік, лавірувати, λοξοτεμνῶ рубати навкосяк, криво, καθαρογράφω переписувати начисто, καλοτερνῶ добре жити, καλοπουλῶ добре продавати, κακοπαντρεύω невдало одружити, κακοπληρώνω погано платити, ψευτοαρρωσταίνω удавано хворіти, ψευτοκλαίω удавано плакати.

Названі основи наділено різною продуктивністю в композиції дієслів грецької мови. Продуктивність характерна для основ кало-, како-, ψευδο-, γλυκο-, ματαιο. Малопродуктивними є καθаро-, αληθο-, праγματο-, πληρο.

Близькість семантики перших оцінних компонентів дієслів, прикметників та іменників створює передумови для налагодження між ними синонімічних: ματαιολογῶ, κεвологῶ просторікати, βαρυκαρδίζω тяжко засмучувати, πικροκαρδίζω гірко засмучувати, στραβοκοιτάζω, λοξοκοιτάζω дивитися скося, збоку та антонімічних відношень: βαρυκοιτούμαι тяжко спати – ελαφροκοιτούμαι легко спати, γλυκογεῶ – πικρογεῶ сміятися лагідно – гірко, γλυкотραγουδῶ співати лагідно, ніжно – πικροτραγουδῶ співати гірко, καλομιῶ розмовляти привітно – каκομιῶ лихословити, καλοσυσταίνω – κακοσυσταίνω відгукуватися добре – погано.

Усім їм властиве широке використання в складі прикметників, менше – іменників – назв абстрактних дії та ознак. Серед прикметників поширені композити, що називають ознаки результативного стану дій, які часто є наслідком черезступеневого словотворення, тобто перші основи в них додано безпосередньо до віддієслівних прикметників καλοχτενισμένος добре причесаний, κακοψημενος погано посмажений, αξιολάτρευτος гідний обожнювання. Таке явище властиве як новогрецькій, так і українській мові.

У новогрецькій мові серед оцінно-якісних композитних прикметників результативного стану високою продуктивністю виділяються відприкметникові основи ευκολο- зі значенням легко та δυσκολο- важко, що часто трапляються

у вигляді префіксоїдних аломорфів *ευ-* та *δυσ-*: *ευκολόβραστος* легкорозваруваний, *ευκολοδιόρθωτος* легковиправний, *ευκολοτεραστος* легкопрохідний, *ευκολόπιστος* легковірний, *ευμετάλειστος* якого легко переконати, *ευσυνείδητος* добросовісний, *δυσκολοβαστακτος* нестерпний, *δυσαπόδεικτος* який важко довести, *δυσκολογιάτρευτος* важковиліковний, *δυσδιάβατος* важкопрохідний, *δυσερμίνευτος* важкопояснюваний, *δυσορατος* важкорозрізняваний.

У сучасній українській мові основи **легко-** та **важко-** мають високу продуктивність у творенні композитних прикметників результативного стану: *легковірний, легкозмінний, легкозрозумілий, легкокерований, легкорозчинний; важковиховуваний, важкооброблюваний, важкопрогнозований, важкорозв'язний*.

В обох зіставлюваних мовах ці основи не є засобом творення дієслівних композитів. Композитні прикметники результативного стану з цими основами утворюють розгалужені антонімічні групи в новогрецькій мові: *ευκολογνώριστος* – *δυσκολογνώριστος* легко- і важкопізнаваний, *ευκολοεξήγητος* – *δυσκολοεξήγητος* легко- і важкопояснюваний, *ευκολοκίνητος* – *δυσκολο-/δυσκίνητος* проворний, повороткий, мобільний – неповороткий, повільний, *ευκολοπρόφερτος* – *δυσκολοπρόφερτος* легко- та важковимовний, *ευκολοχώνευτος* – *δυσκολοχώνευτος* легко- і важкотравний.

Подібне явище спостерігаємо і в сучасній українській мові: *легковимовний – важковимовний, легкозаймистий – важкозаймистий, легкодоступний – важкодоступний, легкорозчинний – важкорозчинний*.

Дієсловам сучасної української мови мало властиве складання основ з оцінно-якісною характеристикою дії: *марнословити, марнотратити, марнотратитися*.

Переконливим підтвердженням продуктивності композитного способу творення прикметників результативного стану в новогрецькій мові є слова з основою *φρέσκο-* (від *φρέσκος* свіжий, прохолодний), що виражає значення «свіжо, щойно». Цю основу не засвідчено в жодному дієслові-композиті, але представлено в понад шести десятках лексем, утворених від простих віддієслівних прикметників: *φρεσκοαλεσμένος* свіжомелений, *φρεσκοαλωνισμένος* свіжообмолочений, *φρεσκοασπρισμένος* свіжовибілений, *φρεσκοβαμμένος* свіжопофарбований, *φρεσκοκαθαρισμένος* свіжовичищений, *φρεσκοκατεψυμένος* свіжоморожений, *φρεσκοξυρισμένος* свіжопоголений, *φρεσκοπλυμένος* свіжовипраний [Г.Μπαμπινιώτης 1998: 1926].

У сучасній українській мові в реєстрі орфографічного словника близько шести десятків композитних прикметників з основою **свіжо-**: *свіжовикопаний, свіжовиритий, свіжозораний, свіжозрубаний, свіжонапрасований, свіжопросолений, свіжотесаний, свіжоструганий* [УОС 2007: 767]. В обох мовах їхні твірні утворено виключно від дієслів конкретної фізичної дії.

Продуктивне творення композитних дієслів, належних різним родам дієслівної дії, у новогрецькій мові уможливило синтаксична позиція прислівника в реченні. Він здебільшого стоїть у постпозиції до дієслова. Згорання такого словосполучення в композит супроводжує пересування прислівникового компонента в початкову позицію слова: *μιλό γλυκά* – *γλυκομιλό* говорити привітно. Це створює широкі можливості для творення композитних дієслів за словотвірними моделями основоскладання з використанням афіксоїдних основ без мотивації їх сло-

восполученнями: πρωτοβλέπω бачити вперше, πρωτομαγειρεύω готувати вперше, πρωτοχορεύω танцювати вперше, γλυκολαλώ привітно говорити, ψιλοαρρωσταίνω трохи захворіти, ψιλοφοβάζομαι трохи боятися. Сказане стосується також утворення прикметників результативного стану.

Література

1. Агрелль С. О способах действия польского глагола // Вопросы глагольного вида. – М., 1962.
2. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л., 1967. – 192 с.
3. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. – Л., 1971. – 239 с.
4. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л., 1983. – 208 с.
5. Вихованець І.Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті. – К., 1988. – 256 с.
6. Городенська К.Г. Дієслово // Теоретична морфологія української мови. – К., 2004. – С.217-298.
7. Загнітко А.П. Теоретична граматики української мови. – Донецьк, 1996. – 398 с.
8. Маслов Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. – Л., 1965. – С.53-80.
9. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. – М., 2004. – 228 с.
10. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. – М., 1981. – 254 с.
11. Клименко Н.Ф., Карпіловська Є.А., Кислюк Л.П. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі. – К., 2008. – 335 с.
12. Папп Ф. Морфологическая система глагольных основ в современном русском литературном языке. – Дебрецен// Publicationes Institut Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis. – 1962.
13. Петрухина Е. В. Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков) // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. – М., 1998.
14. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. – М., 2000.
15. Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени. – М., 2009.
16. Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. – М., 2005.
17. Русанівський В. М. Дієслово // Сучасна українська літературна мова. Морфологія. – К., 1969. – с. 296-429.
18. Сучасна українська літературна мова/ за ред. А.П. Грищенка. – К., 1997. – 493 с.
19. Украинская грамматика. – К., 1986. – 360с.
20. Тріандафіллідис М. Мала граматики новогрецької мови. – Салоніки, 2003. – 262 с.
21. Holton D., Mackridge P., Φιλίππική –Warburton Eur. Γραμματική ελληνικής γλώσσας. – Αθήνα, 1998. – 495ς.

22. Κλαίρης Χ., Μπαμπινιώτης Γ. Γραμματική της νέας ελληνικής γλώσσας. Δομολειτουργική. Επικοινωνιακή. – Αθήνα, 2005. – 1160 σ.

Словники:

23. Словник української мови. СУМ, Т. 1-11. – К., 1970-1980.
24. Український орфографічний словник. УОС. – К., 2007.
25. Κουρμούλης Γ. Αντίστροφον Λεξικόν της νέας ελληνικής. – Αθήνα, 1967.
26. Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. – Αθήνα, 1997.
27. Λεξικό της κοινής νεοελληνικής. – Θ/κη: Α.Π.Θ., Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 1998. – 1532 σ.

Нина Ф. Клименко

**ГЛАГОЛЬНОЕ ОСНОВОСЛОЖЕНИЕ В КОНТРАСТИВНОМ
ОСВЕЩЕНИИ**

В статье рассмотрены морфологические и синтаксические факторы, влияющие на глагольное основосложение в современных украинском и новогреческом языках, показано продуктивность образования в греческом глагольных композитов, мотивированных субстантивно-глагольными словосочетаниями с объектными, инструментальными и локальными значениями, активность использования в нем при образовании глаголов аффиксоидных основ.

Елена И. Коряковцева
(Akademia Podlaska, Siedlce, Polska)

ПРОИЗВОДНЫЕ *NOMINA ACTIONIS* И ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ПОЛЬСКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)

0. Язык как способ духовной консолидации этноса (А.А.Потебня) не просто объективирует формы его мышления, обусловленные культурно-историческим состоянием, – он создает свои модели «видения мира», чутко реагируя на изменения во всех сферах жизни общества. На качественные изменения этнического языка и отражаемой им картины мира наиболее быстро и ярко реагирует «интеллектуальная», абстрактная лексика [ср.: Мальцева и др. 1975: 10; Тяпко 2003: 231]. Процесс образования абстрактных существительных – *nomina actionis* и *nomina qualitatis* – предполагает сознательный контроль над когнитивными процедурами, в том числе – над выбором деривационных средств [Высоков 2004]. Выбирая словообразовательные средства из репертуара родного языка или используя заимствованные форманты, говорящие тем самым оценивают их, находясь под влиянием как языковой моды, так и социокультурной ситуации, которой эта мода обусловлена.

На наш взгляд, большой интерес представляет анализ абстрактных существительных, появление которых было вызвано «давлением» со стороны социальных факторов, поскольку такой анализ позволяет судить не только о специфике национально-языковой картины современного мира, но и о лингво-психологическом облике говорящего сообщества. В данной статье ввиду её ограниченного объема проанализированы в сопоставительном плане русские неодериваты с высокопродуктивным формантом **-изациј(а)**, пополняющие категорию *nomina actionis* – наиболее активно развивающийся ныне класс абстрактных предикатных имен [Коряковцева 2008]. Новые *nomina actionis* на **-изация** рассматривались как формы реагирования носителей языка на внешние, культурно-исторические стимулы, которые в современную эпоху глобализации создаются средствами массовой информации, определяющими стиль материальной жизни и мировоззрения, диктующими языковые и социокультурные моды. Именно средства массовой информации являются основными «поставщиками» неологизмов, и потому в данной статье были описаны медиальные неодериваты, а также неологизмы, «индуцированные» текстами СМИ, которые появились в репликах читателей – участников интернет-форумов на сайтах многотиражных российских газет¹.

Русские неодериваты на **-изация** по возможности сопоставлялись с изофонными польским и чешскими *nomina actionis*, обнаруженными с помощью поисковой системы GOOGLE². Выбор материала польского и чешского языков обусловлен

¹ Выборка проводилась в основном из текстов проблемных статей, опубликованных с января 2001 г. по август 2009 г. в газетах «Известия», «Труд», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Советская Россия», «Завтра».

² Об Интернете как об источнике языкового материала см. [Голев 2009: 101].

их тесной связью с русским в сфере абстрактной лексики [Виноградов 1977: 45], а также сходством культурно-исторического состояния постсоциалистических России, Польши и Чехии. Особый интерес представляют позиции в аналогичных словообразовательных типах, не заполненные в одном из этих языков: лакуны можно считать в определенном смысле диагностическими.

Анализируя неодериваты – русские *nomina actionis* на **-изация**, мы ставили перед собой следующие задачи: 1) показать зависимость их появления от социальных факторов, влияющих на развитие современной лингвокультуры; 2) выявить особенности эволюции русских словообразовательных типов с формантом **-изациj(a)**, сравнивая их с аналогичными типами в польском и чешском языках; 3) установить, каким образом в семантике процессуальных неодериватов отражаются лингво-психологические особенности носителей языка, обусловленные современной социокультурной ситуацией.

1.0. Обратимся к характеристике тех социальных факторов, определяющих развитие современной русской лингвокультуры, действие которых можно проиллюстрировать с помощью новых *nomina actionis* на **-изация**. Среди социальных факторов, детально описанных И.А. Стерниным [Стернин 2000], их четыре.

1.1. «Нестабильность в политическом и экономическом положении России, обуславливающая низкий уровень жизни значительной части населения, инфляционные процессы, безработица и дороговизна. Следствием этой нестабильности является стресс, в котором живут сегодня многие россияне самых различных социальных и возрастных групп, а также рост агрессивности общественного диалога, т.е. увеличение удельного веса оценочной лексики в речи, активное употребление вульгаризмов и арготизмов» [см.: Стернин 2000: 13].

Изменение общественного строя, повлиявшее на современную русскую лингвокультуру и обусловившее смену лексических парадигм, привело к появлению неологизмов буржуализация ‘создание класса буржуазии’, демократизация, коммерциализация; ср.: «полная коммерциализация общества и буржуализация» // <http://www.seochase.com/post33930.html>; «...марксисты-ленинисты активно трудятся теперь на ниве буржуализации всей страны» // Советская Россия, 23.12.2001//. Ср. также: «Ельцинизация» экономики (возврат к схемам создания капиталов от начала 90-х) ехидно улыбнулась российским олигархам» // www.yaroslavova.ru/main.mhtml?; «Натурализация экономики и феодализация общественных отношений — таковы российские реалии на седьмом году «рыночных» реформ» // <http://encyc.mir-x.ru/114791.html>; «Монетизация льгот в Свердловской области, с трудом принятая региональным парламентом накануне Нового года, снова под вопросом» // www.ng.ru/tag/monetizatsiya; «Пиаризация льгот» // Новая Газета | № 06 от 27 января 2005 г. // www.NovayaGazeta.ru/data/2005/06/20.html

Поляризация общества, вызванная социально-экономическими реформами в пользу «власть имущих», нашла отражение в тенденции к наделению противоположными коннотациями одних и тех же слов, напр. *олигарх*, *магнат*, *олигархизация*, *магнатизация*, в целом позитивными со стороны официальных СМИ и большинства общероссийских газет, резко негативными, с «выбросами» агрессивной грубости, – со стороны большей части населения страны, ср.: «Долой зажравшихся олигархов!» (www.kp.ru/daily/23398.5/33756), «Перестройка есть олигархи-

зация власти плюс бандитизация всей страны» (20.04.2009 <http://www.anekdot.ru/id/34731/>) и «Частную собственность надо было вводить постепенно – мы бы избегали олигархитизации экономики и, скорее всего, не находились бы сегодня в тяжком экономическом положении» (www.aif.ru/news/2004/31/12); «...славянами управляет кучка зажравшихся, потерявших все нравственные ориентиры, финансовых магнатов» (s30668851382. mirtesen.ru/ 43102160623) и «Эпидемия магнатизации оказалась неуправляемой» (www/kp.obozrevatel.com/news/2007/1/12/151618).

В нестабильное и кризисное для общества время особенно страдает духовное и социальное здоровья молодежи, которая чутко реагирует на социальный стресс и легко поддается внушению. Процессы духовной и физической деградации молодого поколения также отразились в неодериватах с формантом **-изация**. Ср.: «У нас за счет рекламы пива произошла массовая алкоголизация молодежи» // www.rg.ru/2004/07/06/alkogol.html; «...организованная наркотизация и спидизация молодежи» // Михаил Конопля, 26 сентября 2006, www.protvino-forum.ru/showpost.php?; «Расцвет криминализация некоторой части молодежи, агрессивность, с одной стороны, и апатия, растерянность, алкоголизация, наркоманизация – с другой» // www-sbras.nsc.ru/HBC/hbc.phtml?; «инфантилизации молодежи» // bloggingblab.com/?p=177; «Сплошная алкоголизация плюс героинизация молодежи» www.rg.ru/2003/10/18/alkogol.html (ср. также: *алкоголизация детей, населения, страны, народа; массовая алкоголизация; дебилизация, инфантилизация, наркоманизация, наркотизация, параноизация, шизофренизация молодежи, населения, общества, страны*).

Негативные общественно-политические процессы получили языковое воплощение – они индуцировали активное появление пейоративных nomina actionis с суффиксальным терминоэлементом **-изация** со значениями: а) «превратить в того, кто назван мотивирующим словом» (*быдлизация/быдловизация, дебилизация, кретинизация, манкуртизация, олигофренизация, плебеизация* и т.д.); б) «подвергнуть действию того, что названо мотивирующим словом» (*алкоголизация, ГБ-изация / КГБ-изация, героинизация, наркотизация, опричнизация*), в) «довести до состояния, названного мотивирующим словом» (*параноизация, шизофренизация*); г) “наделять свойством, названным мотивирующим прилагательным” (*блатнизация, матернизация, экстремизация*).

Новообразования данных типов отличаются высокой частотностью (ниже приведены лишь некоторые примеры), ср.: «...повальная ГБ-изация России» // forums.ng.ru/archive/.../13_22:49_13.06.2005; «Это результат ГБ-изации, той омерзительной, бесчеловечной политики, которую проводит путинская бандитско-чекистская клика» // <http://www.apn.ru/opinions/comments22257.htm>; «КГБ-изация власти и экономики – современная проблема России» // www.echo.msk.ru/564460-echo/comments.html; «...программа опричнизации всей России» // 21 февраля 2007 г., www.zavtra.ru/data/zavtra/07/692/73.html; «Российский демократизм = коррумпированная власть + кретинизация всей страны!»; «Уместно говорить о прискорбной плебеизации нашей общественной жизни и о плебеизации культуры,... плебеизации общества, плебеизации его элиты»; «Чего достигли? Параноизации и последующей шизофренизации населения» (*чужой* – 8/9/04 14:19:24); «У нас происходит сильная деградация нашей политики... Я бы сказал, олигофренизация» // Интернет-форум «Новой газеты», 25.08.2008; «...стремительная хамизация, «быдлизация» и «блатнизация»

общества». 05.03.2009 22:06// detki.tyumen.ru/forum/759605/?page=6; «Нет – бандитизации власти!», 30.11.2009 //http://www.ikd.ru/node/11810; «Современная Россия – бандитизация всей страны + путинская власть» //pozandtiv.livejournal.com/179300.html; «...наркотизация и бандитизация населения, хола беспризорности...» // 10 мая 2006 г., www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/06/651/63.html; «Принудительная наркоманизация и алкоголизация лишнего населения» // vitz55.ru/thread-t-969.html; «Паразитизация всего общественного организма России»// www.contr-tv.ru/.../old.php?; «В общем, монетизация всея Руси обернулась матернизацией. Как ни мотивировала власть свою монетизацию, разгневанный народ материл и то, и другое»// www.hron.ru/index?content=statya&t=11887; «экстремизация социальной жизни»// www.rg.ru/Anons/arc_2002/1001/1.shtm.

1.2. «*Политический плюрализм* в обществе, демократизация общественно-политической жизни в стране, реальная политическая борьба партий и отдельных кандидатов на выборах в органы власти различных уровней – примета сегодняшней обстановки в стране. Это приводит к существенному обновлению, пополнению и структурной перестройке политического лексикона в русском языке...Вырабатывается особый политический язык тех или иных партий, организаций и отдельных политических деятелей. Возникает также политический жаргон» [Стернин 2000: 11].

Уместно вспомнить весьма показательный оборот «мочить в сортире», прозвучавший в комментариях президента РФ В. В. Путина о событиях 23 сентября 1999 года, когда российская авиация нанесла ракетно-бомбовые удары по северным пригородам города Грозного. Окационально-авторский фразеологизм В.В.Путина («*мочить в сортире*») состоит из двух элементов ненормативной лексики: арготизма *мочить* ‘убивать кого-либо, расправляться с кем-либо’, заимствованного из языка преступного мира, и грубо-просторечного слова *сортир* ‘уборная, туалет’.

Оборот «*мочить в сортире*», многократно повторенный в текстах СМИ, – это и есть тот дискурс, который был предложен российскому обществу в самом начале правления В.В.Путина, объяснившего в одном из интервью, что «у нас страна огромных возможностей не только для преступников, но и для государства» (Путинки, 2004). Вполне закономерным является факт, что в такой стране нормой стала повышенная речевая агрессивность в отношении политических противников, отдельных политических лидеров, лиц другого социального слоя, причем речевая агрессия в адрес оппонентов – привычный компонент предвыборной политической борьбы. Ср.: «*Дерьмократия* – это *чубайсовщина* плюс *быдловизация* всей страны» // trv.trovant.ru /arhiv/591/trv-591; «Неужели опять *быдловизация* российской нации происходит во имя «светлого будущего, которое будто бы должно родиться именно из этого дьявольского мрака?» //Интернет-форум// www.mosoblpress.ru/uvm/ show.shtml?d_id=1661; «Победа Путина = ликвидация свободных СМИ + административный ресурс + *кретинизация* всей страны» //smi.ru/01/05/04 (реплика на форуме: «Плюс *путинизация* всех газет»).

Медиальные *nomina abstracta* сигнализируют о тенденции к новой идеологизации словаря, о т.н. «борьбе словами», а нередко и «лексическими обоями», в которых появляются процессные имена на **-изация**; ср.: *демократ* – *дерьмократ*, *демократия* – *дерьмократия*, *демократизация* – *дерьмократизация* («Не верьте *зажравшимся дерьмократам!*» //www.tlt.ru/ article. php?articleID=60396; «*Дерь-*

мократия позволяет стать олигархом – человеком, которому не писаны законы»// ut3nm.livejournal.com/293.html; «*Дерьмократия* – это власть рабов над рабами. Нет и не может быть свободных людей в *дерьмократии*: но все рабы» // vombatij.livejournal.com/25723.html; «...подлый ельЦИНИЗМ во всех сферах жизни общества + *дерьмократизация* и *чубайсизация* всей страны, влекущая за собой озверение народных масс» // [opinion.km.ru/opinion/index.asp?data=17.12.2001 15:00:00 &archive=on&](http://opinion.km.ru/opinion/index.asp?data=17.12.2001%2015:00:00&archive=on&); «... продолжается та же самая *сатанизация* нынешней России, как ранее – советского строя» // news.km.ru/prodolzhaetsya_satanizacziya_nyn

1.3. «*Резкое падение культуры речи и общей культуры* во всех социальных и возрастных группах, в том числе и в среде работников средств печати, радио и телевидения...Ставшее модным раскованное поведение в эфире в языковом плане приводит к повышенной громкости, убыстренному темпу речи, повышенной напряженности артикуляции и чрезмерной эмоциональности диалога со зрителем, а также нередко к использованию ненормативной лексики, рискованных речевых эпитетов и метафор, сомнительных речевых приемов поддержания внимания» [Стернин 2000: 9].

Рост активности стилистически сниженных средств в текстах СМИ объясняется общей тенденцией к предельной сниженности публичной речи, характерной для современной лингвокультуры, а также стремлением журналистов найти языковые средства, не «затертые» традицией, их «интеллектуальными изысками, облеченными в просторечные формы. Российские лингвокультурологи указывают на «социокультурный парадокс: в средствах массовой информации с каждым годом все меньше выступают представители нижних слоев общества, занятые простым трудом, и наоборот – все чаще мелькают в печати, радио, телевидении субъекты элиты, однако культурно-речевой регистр прессы опускается все ниже» [Ржанова 2006: 24]. Сравнивая современную прессу с прессой доперестроечного периода, исследователи приходят к выводу, что характер отношений между адресатом и адресантом и по сей день продолжает оставаться неравноправным; он не только не стал более уважительным, чем прежде, но и приобрел оттенок грубой фамильярности и пренебрежительности [Михальская 2001].

Конфликтно-агрессивный и конфликтно-манипуляторский тип речевого поведения журналистов, эскалация речевой агрессии в СМИ высвобождает в их адресатах ответную агрессию. Показательна популярная на интернет-форумах дешифровка аббревиатуры *СМИ*, оценивающая качество медийного «новояза», самих масс-медиа – «Средства Массовой *Идиотизации*». Ср.: «Средства массовой информации давно пора переименовать в *средства массовой идиотизации*»; «К числу наиболее значимых инструментов подрыва генофонда общества следует отнести *средства массовой идиотизации*» населения» // www.tr.rkgp-rpk.ru/get.php?1164; «Наши СМИ недавно родили новый термин: *шизофренизация сознания* – это когда в результате применения определенных пропагандистских приёмов некое слово/словосочетание в сознании обывателя перестаёт ассоциироваться с тем понятием, которое оно обозначает» // [cldlune2006-06-15 21:51:00// livejournal.com](http://cldlune2006-06-15%2021:51:00//livejournal.com) .

Не менее показательны «реактивные» неологизмы – названия процессов, собранные нами на интернет-форумах «Известий» и «Российской газеты», ср.: «Первый канал нам только пример скудоумия и *дебилизации* населения демонстрирует...»; «... постоянное приведение в уныние и снижение знаний, ноу-хау в

пользу *идиотизации* общественного языка, языка СМИ и науки»; «Идёт *поганизация* раздавленной страны» // www.rus-sky.com/bogolubov/katakomb/003.html; «...*плебеизация* народа, в которой участвуют журналисты посильно»; «Надоела *плебеизация* искусства!!!» // www.walz.web-portfolio.ru/guestbook.php?page=22; «Опошление, *офикализация* и *лохотронизация* телеканалов, право, не знаю, как её покультурнее назвать» // cableman.ru/forum/viewtopic.php?t=2728&start=0; «Такая явная *кретинизация* и *лохотронизация* зрителя» // forum/index.php?act=Print&klient=printer&f=60&t=16729; «...процесс *хамизации* сознания населения отнюдь не убыточен...» // www.libereya.ru/biblus/zlo/ostr3; «Принудительная скотинизация социума» // www.apn.ru/publications/article19153.htm.

1.4. «Открытость *российского общества* связана прежде всего с развитием широких контактов россиян с зарубежными странами... Резко увеличилось число иноязычных заимствований в русском языке, особенно из английского языка. Это объясняется, с одной стороны, действием общемировой тенденции к интернационализации лексического фонда развитых языков, с другой – потребностями в номинации новых предметов и понятий, вошедших в российскую жизнь в период перехода к рынку» [Стернин 2000: 13].

Действительно, медиатексты насыщены множеством заимствованных финансово-экономических терминов типа *инжиниринг*, *клиринг*, *консалтинг*, *котировка*, *лизинг*, *локаут*, *маркетинг*, *мониторинг*, *скрининг*, *туринг*, *тьюнинг*, *хайринг*, *хеппенинг*, *холдинг*, *хостинг*, *форфейтинг*, *франчайзинг* и др. [Коряковцева 2008a]. Термины-англицизмы, как правило, немотивированно употребляемые в журналистских текстах, по сути являются агнонимами, т. е. словами, значение которых непонятно, неизвестно большинству носителей языка. Адресаты текстов СМИ, насыщенных агнонимами-англицизмами, испытывают состояние напряженности и тревоги [ср. Котова 2005]. Судя по «интернет»-реакциям адресатов текстов СМИ, значительная часть российского сообщества воспринимает американизацию как несомненное зло, а внедрение в русский язык англо-американизмов рассматривает как одно из проявлений манипуляции общественным мнением через СМИ, непосредственно или скрыто финансируемых государством [Михальская 2001]. Ср. мнения, высказываемые на интернет-форумах газет «Труд» и «Московский комсомолец» о «*англо-саксонской вульгаризации* и *блатнизации* русского языка» (<http://www.zlev.ru/cont72.htm>): «Заполнить речь ненужными иностранными словами – значит прилагать руку к убийству родного языка – этого последнего нашего богатства» // www.russia-talk.org/cd-history/murder.htm; «...полнейшая *проститузация* прессы...» // forum.vkostrome.ru/t5467-st90.html; «...*американизация* плюс *идиотизация* всей страны. Более того, создаётся впечатление, что «*идиотизация*» населения носит преднамеренный характер и управляется кем-то сверху» // www.tr.rkrp-rpk.ru/get.php?1164; «*Демократизация*, *глобализация*, *американизация*... *скотинизация* и *дебилизация*» // водолей. 01.11.2006, 23:45 // hell.kiwibird.ru/forum/archive.2579.html; «Поголовная *болванизация* – это признак глобализации» // nepoganini.narod.ru/uls88.html; «Сейчас развивается узкая специализация, развивается *кретинизация* личности» // ezo7.narod.ru/encyclopedis. Ср. также: «*макдональдизация* общества» // nauchi.livejournal.com/6601.html; «...*макдональдизация* нашей жизни» //

uchitel.ru/?module=articles&c =articles&b =1&a=7&; «...макдональдизация» культуры, которая ведет к депопуляции суперэтносов» //for.eaglesofgod.ru/index.php?topic=65.75.

2.0. С помощью поисковой системы GOOGLE удалось обнаружить значительное количество польских и чешских *nomina actionis*, полностью изофонных русским процессуальным существительным, рассмотренным выше³, ср.: *американизация* (95 000) – *amerykanizacja* (4 600) – *amerikanizace* (3820), *глобализация* (4 000 000) – *globalizacja* (178 000) – *globalizace* (156 000); *дебилизация* (136 000) – *debilizacja* (1460) – *debilizace* (populacje, spolecnosti, naroda – 848); *ельцинизация* (398) – *jelcynizacja* (1) – *jelcinizace* (1); *инфантилизация* (13 000) – *infantyliczacja* (spoleczenstwa – 186) – *infantilizace* (spolecnosti – 65), *криминализация* (278 000) – *kryminalizacja* (31 700) – *kriminalizace* (43 100), *кретинизация* (2592) – *kretynizacja* (431), *маргинализация* (126 000) – *marginalizacja* (22 000) – *marginalizace* (15 300), *макдональдизация* (3424) – *makdonalizacja* (478) – *macdonaldizace* (404), *медиатизация* (политики – 4431) – *mediatyacja* (polityki – 3880) – *mediatizace* (polityki – 60), *наркотизация* (157 000) – *narkotyzacja* (380) – *narkotizace* (734), *олигархизация* (власти, политики – 10 000) – *oligarchizacja* (polityki – 6010) – *oligarchizace* (181), *параноизация* (255) – *paranoizacja* (43) – *paranoizace* (1) *шизофренизация* (8130) – *schizofrenizacja* (116) – *schizofrenizace* (1), *хамизация* (31) – *chamizacja* (4).

Большинство польских и чешских процессуальных существительных, изофонных русским *nomina actionis* на **-изация**, называют социальные процессы, связанные с изменением общественного строя и глобализацией, а именно: внедрение американской культуры и образа жизни; превращение средств массовой информации в основное орудие управления обществом; растущую силу преступного мира и власть олигархов; духовное и материальное обнищание населения; распространение наркотиков; рост психических заболеваний, спровоцированных социокультурной ситуацией в постсоциалистических странах.

Судя по частоте употребления на интернет-сайтах, общественное сознание поляков и чехов (как и русских) волнуют прежде всего глобализационные процессы, ведущие к американизации основных сфер общественной жизни, усиление влияния преступного мира и олигархов (*globalizacja*, *globalizace*, *amerykanizacja*, *amerikanizace*, *makdonalizacja*, *macdonaldizace*, *kryminalizacja*, *kriminalizace*, *oligarchizacja*, *oligarchizace*). Значительно реже на польских и чешских сайтах появляются названия процессов, ведущих к различным деменциям и социальной дезадаптации (*debilizacja/debilizace*, *infantyliczacja/infantilizace*, *narkotyzacja/narkotizace*, *paranoizacja/paranoizace*, *schizofrenizacja/schizofrenizace*).

Большинство новых польских и чешских процессных существительных на **-изация/-izace**, мотивированных существительными или прилагательными, имеет также глагольную мотивацию: *globalizacja* – *globalny*, *globalizować*, *globalizace* – *globálni* – *globalizovat*, *amerykanizacja* – *amerykański* – *amerykanizować*, *amerikanizace* – *Amerika*,

³ Ниже представлены результаты поиска на 28 января 2010 г.; в скобках указано количество страниц, где появились данные *nomina actionis*.

amerikanizovat, kryminalizacja – kryminalny – kryminalizować, kriminalizace – kriminální – kriminalizovat, infantylizacja – infantylny, infantylizować; infantilizace – infantilni, infantilizovat; narkotyzacja – narkotyki, narkotyzować; narkotizace – narkotyki, narkotizovat; oligarchizacja – oligarcha, oligarchizować; oligarchizace – oligarcha, oligarchizovat paranoizacja – paranoia, paranoizować; paranoizace – paranoia, paranoizovat.

В отличие от русских изофонных *nomina actionis*, лишь одиночные неодериваты – польск. *chamizacja, jalcynizacja* и чешск. *jelcinizace* – образуются от существительных.

В развитии словообразовательных типов *nomina actionis* с изофонными формантами **-изация/-izacja/-izace**, безусловно, наблюдается конвергентность, что объясняется системной близостью русского, польского и чешского языков, действием универсальной тенденции к экономии речевых средств и сходством социокультурной ситуации. Однако конвергентность отнюдь не означает полной идентичности словообразовательных процессов, о чем свидетельствует эволюция словообразовательных типов *nomina actionis* с финалями **-изация/-izacja/-izace**.

В русском, польском и чешском языках появление греко-латинского форманта **-isatio (-изация/-izacja/-izace)** и активный рост его продуктивности в XIX веке были вызваны интенсивным развитием науки, нуждавшейся в абстрактных существительных – терминах процессов [Коряковцева 1998: 177; Długosz-Kurczabowa 2001: 375, Martincová 1983: 78]. Ко второй половине XX века в русском, польском и чешском языках сформировались четыре группы процессуальных имен на **-изация/-izacja/-izace**, различающихся типами словообразовательных связей: 1/ *nomina actionis* – заимствованные немотивированные термины с непроизводной основой, типа *дератизация*, польск. *deratyzacja, deratizace*; 2/ *nomina actionis*, соотносительные только с однокоренными глаголами, типа *гальванизация, инсценизация, секуляризация*; польск. *inscenizacja, galwanizacja*; чешск. *inscenizace, galvanizace* и др.; 3/ *nomina actionis*, соотносительные помимо глаголов либо с существительными, либо с прилагательными, типа *морализация, интеллектуализация, математизация, профессионализация*; польск. *moralizacja intelektualizacja, matematyzacja, profesjonalizacja*; чешск. *moralizace, intelektualizace, matematizace, profesionalizace* и др.); 4/ *nomina actionis*, соотносящиеся только с именами существительными и прилагательными, типа *гимлеризация, эстетизация*; польск. *estetyzacja, hitleryzacja*; чешск. *estetizace, hitlerizace* и др.).

Польские и чешские имена действия на **-изация, -izace** имеют те же процессуальные значения, что и русские *nomina actionis* на **-изация**, ср.: 1/ «процесс превращения в то, что названо мотивирующим существительным» (*символизация, symbolizacja, symbolizace*); 2/ «процесс образования того, что названо мотивирующим существительным» (*мифологизация, mitologizacja, mytologizace*); 3/ «процесс внедрения того, снабжения тем, что названо мотивирующим существительным» (*медиализация, medykaliczacja, medikalizace*); 4/ «процесс осуществления действия по способу (методу) лица, названного мотивирующим существительным» (*ельцинизация, jalcynizacja, jelcinizace*); 5) “процесс наделения свойством, названным мотивирующим прилагательным” (*американизация, amerykanizacja, amerikanizace*).

Nomina actionis с финалями **-изация/-izacja/-izace** являются сложными носителями информации, объективирующими или персонифицирующими обозначае-

мые процессы, причем во всех трех языках существуют отглагольная, отсубстантивная и отадективная модели образования *nomina actionis* на **-изация, -izacja, -izace**, однако в современном русском языке отглагольная модель неактивна.

Большинство имен на **-изация/izacja/-izace** – интернациональные термины, а в терминологии существует «логическая подчиненность понятий, передаваемых глагольными формами, понятию, соответствующему имени действия» [Канделаки 1977: 44]. Такого рода подчиненность способствует превращению суффикса **-изациj-/-izacij-/-izac-** в автономный процессуальный терминологический элемент. В польском и чешском языках суффиксальные терминологические элементы находятся на стадии формирования, поскольку с их помощью образуются пока еще одиночные окказионализмы, типа польск. *gburyzacja* (=хамизация, от *gbur* 'хам'), *lepperyzacja* (от *Lepper*), *PR-izacja*, *SMS-izacja*, чешск. *blbizace* (=кретинизация, от *blbý* 'тупой, слабоумный'), *zemanizace* (от *Zeman*). Появление этих окказионализмов позволяет предположить, что модели отыменных имен *nomina actionis* с терминологическими элементами **-izacja/-izace** со временем могут стать продуктивными в польском и чешском языках.

В русском языке терминологический элемент **-изация** обладал высокой продуктивностью уже во второй половине XX века [см. Коряковцева 1998: 177-180]. К началу XXI века его комбинаторные возможности значительно расширились, возрос стилистический потенциал, поскольку отыменные *nomina actionis* на **-изация** стали регулярно образовываться уже не только в научно-техническом стиле, но и в разговорно-литературном, газетно-публицистическом стилях [Коряковцева 2003]. По аналогии с терминами типа *спирализация, химизация* в этих стилях появились псевдотермины, т.е. терминоподобные лексические единицы, не имеющие дефиниции в определенной терминологической подсистеме (напр.: *гайдаризация, хиппизация*).

Особенно широко процессуальный терминологический элемент **-изациj-** используется в языке современных СМИ: анализ новых *nomina actionis* на **-изация** показал, что подавляющее их большинство составляют медиальные и «постмедиальные» неологизмы, которые обозначают процессы, типичные для постсоветской России. Их словопроизводственную базу формируют существительные всех лексико-грамматических разрядов, качественные и относительные прилагательные, а с недавнего времени – аббревиатуры (*ЕГЭ-изация, ГБ-изация, КГБ-изация*), жаргонизмы (*лохотронизация*) и заимствования-трансплантаты (*Internet-изация, SMS-изация, PR-изация*; ср.: транскрибированный вариант – *ПИАРизация*).

Инновацией в области *nomina actionis* с терминологическим элементом **-изация** является образование медиальных и «постмедиальных» пейоративизмов, обозначающих процессы, ведущие к нравственному и физическому вырождению, а также к социально-политическим катаклизмам. Пейоративизмы – мутационно-модификационные имена процессов – активно образуются от основ личных и абстрактных существительных, а также прилагательных, имеющих переносное пейоративное значение (напр., *бандит, быдло, дебил, идиот, кретин, манкурт, маргинал, матерный, олигофрен, паранойя, плебей, поганый, скотина, шизофрения* и под.). Экспрессивная составляющая семантики производных *nomina actionis* на **-изация** формируется за счет производящей именной основы: содержащаяся в ней отрицательная оценка объекта или признака переносится на процесс, с которым связан этот объект или признак.

Интересен лексический статус пейоративных *nomina actionis* на **-изация**: имея яркую экспрессивную окраску и осознаваемую отыменную производность, а не воспроизводимость, они, тем не менее, не обладают достаточным набором признаков, типичных для окказионализмов, поскольку многократно употребляются в разных источниках и входят в активный словарь – в отличие от окказиональных польских и чешских отыменных пейоративизмов *gburyzacja*, *blbizace*, *paranoizace*⁴, созданных ad hoc на интернет-форумах.

Подводя итоги анализа, следует отметить, что рост продуктивности русских, польских и чешских *nomina actionis* на **-изация/ -izacja/-izace** на рубеже XX и XXI века обусловлен прежде всего спецификой информационной среды, в которой функционируют современные русофоны, поляки и чехи. Эта специфическая информационная среда тяготеет к моделям теоретического знания, призванным упорядочить практический опыт, сделать его передачу быстрой, удобной и надежной с помощью абстрактных систем символов. Использование моделей, типичных для терминообразования, позволяет предельно четко и кратко отразить в звуковой оболочке *nomina actionis* на **-изация/-izacja/-izace** все необходимые и достаточные признаки называемых процессов.

3.0. Высокий «удельный вес» пейоративных *nomina actionis* на **-изация** в медиальных и особенно в «постмедиальных» текстах, а также активность их образования во многом обусловлены особенностями психологии и ментальности современных носителей русского языка, по образному определению М.А.Кронгауза, находящегося на грани нервного срыва. Среди русских людей преобладает, по выражению К.Г. Юнга, «интуитивно-чувственный психологический тип», т.е. чувства у них чаще всего берут верх над разумом, и потому деградация родной страны, которая наблюдается практически по всем показателям, серьезно удручает россиян, вызывая в них активный эмоциональный протест [ср.: Сергеева 2006: 136].

Преломляясь в общественном сознании и нанося ему явный ущерб, процессы социокультурной деградации вызывают ответную реакцию, выражающуюся в экстремистских формах речевого поведения, направленных на «власть предрержащих»⁵. Именно речевым экстремизмом, спровоцированным ситуацией в стране, вызвано появление пейоративных процессуальных существительных на **-изация**,

⁴ *Gburyzacja*// forum.wp.pl/fid, 195, page,3,tid,92771,fullText,1,temat.html; *blbizace*// zprawy.idnes.cz/diskuse.asp?iddiskuse=A080411; *paranoizace* //«Kolektivní selhání» 23. 8. 2009 19:12 - Jiří Kratochvíl respekt.ihned.cz/c1-38116890-kolektivni-selhani

⁵ Обращение к поисковой системе «Яндекс» показало, что пейоративизмы с формантом **-изация**, обозначающие негативные социально-экономические процессы, отличаются высокой частотой употребления, ср. результаты поиска на 28 января 2010 г.: алкоголизация – 178 тыс. страниц, дебилизация – 92 тыс.стр., дерьмократизация – 1545 стр., идиотизация – 7620 стр., кретинизация – 1737 стр., маргинализация – 83 тыс. стр., манкуртизация – 3467 стр., наркотизация – 93 тыс. стр. В конструкции «плюс (*nomina actionis* на **-изация**) всей страны» (ср. прецедентный текст – высказывание В.И.Ленина: „Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны“) появились на интернет-страницах: алкоголизация (9860), маргинализация (9988), дебилизация (10 506), идиотизация (1939). В сочетании с прилагательным **массовая** на интернет-страницах обнаружены наркотизация (10 209), идиотизация (5040), шизофренизация (2666), олигофренизация (204).

причем в инновационном процессе их образования отражается как взаимодействие тенденций к интеллектуализации, интернационализации и речевой экономии, так и стремление русофонов к коммуникативной выразительности.

Литература

1. Голев Н.Д., Потенциальные слова и лексические инновации в поисковых системах Интернета: теоретические и прикладные аспекты // Славянские языки и культуры в современном мире. Труды и материалы Международного научного симпозиума, Москва, МГУ, 24-26 марта 2009 г. Москва, МАКС ПРЕСС, 2009.
2. Виноградов В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. Москва, 1977.
3. Высоков И.Е., Базовые и стратегические процессы распознавания семантических отношений // Психологический журнал, Москва, 2004, т. 25, №2.
4. Канделаки Т.Л., Семантика и мотивированность терминов. Москва, 1977.
5. Коряковцева Е.И., Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика, Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН. Москва 1998.
6. Коряковцева Е.И., Тенденции развития русских и польских *nomina actionis* с изофонными формантами // Проблемы теории и истории славянского словообразования. Тезисы докладов VI Международной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. Минск, 2003.
7. Коряковцева Е.И., Русский язык в эпоху Интернета: новые *nomina abstracta* в текстах общероссийских газет // ROSSICA OLOMUCENSIA, t. XLVI-I, Olomouc, 2008.
8. Коряковцева Е.И., Язык современной российской прессы: варваризмы и арготизмы как сигналы речевой агрессии // Z. Rudnik-Karwatowa (red.), Współczesna komunikacja językowa: najnowsze zmiany w leksyce słowotwórstwie języków słowiańskich. Seria: Prace Slawistyczne, tom 125, SOW, Warszawa, 2008.
9. Котова Т. Г., Имплицитная агрессия и способы ее выражения. [Электронный ресурс:] <http://conf.phil.spbnu.ru/Archives/book/2005/kotova.pdf>
10. Мальцева, И.М., Молотков, А.И., Петрова, З.М., Лексические новообразования в русском языке XVIII века, Ленинград, 1975.
11. Михальская А.К., Полевая структура политического дискурса // Журналистика в 1999 г.: Тез.науч.-практ. конф. Ч.5. Москва, МГУ, 2000.
12. Путинки: краткий сборник изречений президента (Первый срок). Москва, 2004.
13. Ржанова С.А., Речевая культура как феномен массовой коммуникации «переходного периода». Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии, Саранск, 2006.
14. Сергеева А. В., Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность, Москва, 2006.

15. Стернин И.А., Социальные факторы и развитие современного русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда, Воронеж 2000.
16. Тяпко Г.Г., Источники обновления абстрактной лексики в сербском и хорватском языках на современном этапе//Z. Rudnik-Karwatowa (red.), Procesy innowacyjne w językach słowiańskich, Seria: Prace Slawistyczne , tom 114, SOW, Warszawa 2003.
17. Długosz-Kurczabowa K., Dubisz S., Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 2001.
18. Martinová O., Problematika neologismů v spisovné češtině. Praha, 1983.

Jelena I. Koriakowcewa

**DERIVATIVES *NOMINA ACTIONIS* AND LANGUAGE IMAGE
OF THE POSTSOCIALIST SOCIETY (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN,
POLISH AND CZECH LANGUAGES)**

The analysis covers more recent derivatives – Russian, Czech and Polish *nomina actionis* with formants **-изация/ -izacja/-izace** found in the Internet and in the Russian press that have emerged the past year and have not yet been listed in professional dictionaries. The study of these types is based on the semantical approach in the description of word-formation facts. The author focuses here on formants and word-formation bases of *nomina actionis*, which have been analyzed and their semantic peculiarities have been obtained. The paper also tackles the problem of pejorative derivatives and the rhetoric role of this phenomenon in the discourse of Russian mass media and Internet.

Аляксандр А. Лукашанец
(Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы
НАН Беларусі, Мінск, Беларусь)

СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫЯ СРОДКІ МОЎНАЙ КАТЭГАРЫЗАЦЫІ СВЕТУ

Словаўтварэнне, як важнейшы сродак папаўнення слоўнікавага складу мовы, самым непасрэдным чынам уплывае на фарміраванне сучаснай моўнай карціны свету. Таму словаўтваральная сістэма любой мовы, у тым ліку і беларускай, як сістэма словаўтваральных спосабаў і сродкаў аказвае самы непасрэдны ўплыў на фарміраванне гэтай карціны, служыць сродкам не толькі катэгарызацыі навуковай карціны свету, але і ў пэўнай ступені вызначае яе нацыянальную спецыфіку. Можна нават сцвярджаць, што сістэма словаўтваральных катэгорый у той ці іншай ступені адлюстроўвае канцэптвальную катэгарызацыю свету, а сістэма словаўтваральных сродкаў з’яўляецца маркерам яе нацыянальнай спецыфікі. Такое сцвярджанне грунтуецца на характары суадносін словаўтваральных катэгорый мовы з лексіка-семантычнымі і анамасіялагічнымі (паняцыйнымі) катэгорыямі. Так, выдзяленне пераважна семантычных (лексіка-семантычных) катэгорый звязана з катэгарызацыяй з’яў рэчаіснасці, і таму яны грунтуюцца на паняцыйных анамасіялагічных катэгорыях. Словаўтваральныя ж катэгорыі як катэгорыі, што “фарміруюцца сукупнасцю словаўтваральных тыпаў, якія аб’ядноўваюцца агульнасцю дэрывацыйнага значэння незалежна ад фармальнага сродкаў выражэння гэтага значэння” [Земская, 1981: 220], з’яўляюцца, па сутнасці, другаснымі ў адносінах да катэгорый лексіка-семантычных. Больш таго, паколькі ў шырокім сэнсе слова моўная катэгорыя – гэта “любая група моўных элементаў, якая выдзяляецца на падставе якой-небудзь агульнай уласцівасці”, а класіфікацыя моўных катэгорый праводзіцца па пэўнай сінтаксічнай ці семантычнай прыкмеце”, то “ў лексікалогіі выдзяляюць “лексіка-семантычныя катэгорыі”, маючы на ўвазе класы тыпу: “назвы жывых істот”, “назвы прафесій”, “назвы дзяржаў” і г.д. Калі катэгарызуемая сема атрымлівае фармальнае словаўтваральнае выражэнне, то катэгорыя называецца словаўтваральнай, напрыклад, “назвы дзеяча” (учытель, возчик, бегун), “памяншальныя назвы” (домик, дымок, блинчик)” [Булыгина, Крылов 1990: 215 – 216]. Фактычна любая словаўтваральная катэгорыя – гэта словаўтваральна маркіраваная лексіка-семантычная катэгорыя, і існуюць розныя тыпы ўваходжання словаўтваральных катэгорый у склад адпаведных лексіка-семантычных [Лукашанец 2007]. Такім чынам, трыяда **словаўтваральная катэгорыя – лексіка-семантычная катэгорыя – анамасіялагічная катэгорыя** вызначае характар словаўтваральнай катэгарызацыі карціны свету, а сістэма словаўтваральных катэгорый мовы адлюстроўвае ступень гэтай катэгарызацыі.

Відавочна, што зыходзячы з азначанага вышэй можна гаварыць аб ролі словаўтваральных сродкаў розных узроўняў у адлюстраванні карціны свету. Так, суадносная з сістэмай анамасіялагічных катэгорый сістэма словаўтваральных

катэгорый з той ці іншай ступенню дакладнасці адлюстроўвае аб'ектыўную (навуковую) карціну свету, а сістэма словаўтваральных тыпаў і словаўтваральных сродкаў, што ўваходзяць у склад словаўтваральных катэгорый, характарызуе ступень паўнаты гэтага адлюстравання. Нарэшце, валентнасць гэтых словаўтваральных сродкаў, ступень прадуктыўнасці і асаблівасці граматычнай маркіроўкі і інш. фарміруюць нацыянальную спецыфіку моўнай карціны свету.

Напрыклад, суфіксальнае словаўтварэнне назоўнікаў у беларускай мове адбываецца ў межах наступных 19 словаўтваральных катэгорый [Лукашанец 2001], якія дастаткова выразна суадносяцца з адпаведнымі паняццёвымі катэгорыямі і таму дастаткова рэлевантна адлюстроўваюць канцэптuallyную карціну свету:

- назвы адцягненага дзеяння (*пераварот, прызнанне, пераадрасацыя, гадоўля*);
- назвы адцягненай прыметы (*блакіт, спакой, маладосць, храбрасць, зелень, далячынь*);
- назвы асобы (істоты) – носьбіта прыметы (*грыбнік, выкладчык, інструментальшчык, камп'ютаршчык, пакаёўка*);
- назвы абстрактных паняццяў (*абсалют, будзень*);
- назвы прадметаў – носьбітаў прымет (*персцень, саджанец, агароджа*);
- назвы інструментаў, прылад, прыстасаванняў (*паруснік, гадзіннік, тапарышча, вудзільна*);
- назвы месц (памяшканняў) (*паштамт, кацельня, вучылішча*);
- назвы месц (мясцовасцей) (*аэрадром, тарфянік, дзялянка, паселішча*);
- назвы рэчыўныя (*фасфарыт, белкавіна, піва, лякарства*);
- назвы зборныя (*генералітэт, інструментарый, каланада, каменне*);
- назвы са значэннем падабенства (*метэарыт, статуэтка, піянісіма*);
- назвы сваяцтва (*каралевіч, паповіч, пападдзя*);
- назвы жыхароў (*паляшук, гараджанін, вясковец*);
- назвы асоб (істот) процілеглага полу (*удавец, акрабатка, правадніца, мантажніца*);
- назвы са значэннем недаросласці (*бусяня, ласяня, зайчаныя*);
- назвы адзінкавыя (*сем'янін, дажджынка, саломіна, гарошына*);
- назвы памяншальныя (*унучак, вішанька, гняздзечка*);
- назвы павелічальныя (*рабацяга, хлапчына, палотнішча*);
- назвы са значэннем стылістычнай мадыфікацыі (*сняданак, лабаціна, смяхоцце*).

Як можна бачыць, лексічныя адзінкі, утвораныя ў межах названых словаўтваральных катэгорый, ахопліваюць шырокае кола найменняў, што прэзентуюць аб'ектыўную рэчаіснасць. Гэта дазваляе сцвярджаць, што сістэма словаўтваральных катэгорый беларускай мовы ў цэлым адпавядае сістэме асноўных паняццёвых катэгорый і забяспечвае адэкватную вербальную прэзентацыю аб'ектыўнай карціны свету.

Адначасова вынікі поўнага і паслядоўнага даследавання сістэмы суфіксальнага словаўтварэння назоўнікаў у беларускай мове паказваюць і нацыянальную спецыфіку выкарыстання моўных сродкаў для прэзентацыі і канцэптuallyзацыі моўнай карціны свету, што знаходзіць сваё выражэнне ў а) актуалізацыі рээстра канкрэтных словаўтваральных сродкаў з пэўнай катэгарыяльнай семантыкай;

б) граматычных межах словаўтварэння (асабліва сцягах граматычнай рэалізацыі катэгарыяльнай словаўтваральнай семантыкі, а таксама граматычных абмежаваннях валентнасці словаўтваральнай базы і г.д.); в) спецыфіцы морфнага вар’іравання словаўтваральных фармантаў і граматычнага дыяпазону іх функцыянавання ў залежнасці ад катэгарыяльнай семантыкі.

I. Словаўтваральная сістэма беларускай мовы валодае ўласным наборам словаўтваральных суфіксальных фармантаў, якія рэалізуюць тое ці іншае катэгарыяльнае словаўтваральнае значэнне. Так, адушаўлёныя назоўнікі з катэгарыяльным значэннем ‘асоба паводле месца жыхарства ці нацыянальнай прыналежнасці’ ўтвараюцца з дапамогай суфіксаў **-ыёт** (*кіпрыёт*), **-от** (*нілот*), **-ац** (*алжырац, нарвежац, запарожца*), **-эц** (*алтаец, бельгіец, брытанец*), **-овец** (*пасялковец, местачковец*), **-анец** (*хутаранец, амерыканец, афрыканец*), **-ак** (*сібірак*), **-ін** (*грузін*), **-ат** (*азыят*), **-эец** (*еўрапейец*), **-інец** (*кубінец*), **-ыец** (*камбаджыец, андыец*), **-ук** (*паляшук*), **-алезец** (*кангалезец*). Пры гэтым “запатрабаванасць” асобных суфіксальных марфем і ступень іх морфнага вар’іравання залежыць ад розных фактараў, напрыклад, роду ўтваральнай асновы. Вытворныя адушаўлёныя назоўнікі са значэннем падабенства ў сучаснай беларускай мове ўтвараюцца з дапамогай суфіксаў **-оід** (*еўрапейоід, негроід*), **-ак** (*маршалак*), **-ым** (*айчыым*), **-ан** (*дыякан*), **-ытос** (*негрытос*), **-ет** (*баранет*). Варта падкрэсліць, што ў сферы суфіксальнага словаўтварэння назоўнікаў у беларускай мове прадстаўлены словаўтваральныя катэгорыі з вельмі багатым наборам словаўтваральных фармантаў і адпаведна вялікай колькасцю вытворных лексічных адзінак (напрыклад, катэгорыя ‘асоба, носьбіт прадметнай прыкметы’), што сведчыць пра яе месца і значнасць у канцэптuallyнай карціне свету: *дактарант, рыбак, грыбнік, бетончык, бізнесмен, банкір, адрамант, дазорац, ацыянер, алгебраіст* і г.д. З другога боку, існуюць словаўтваральныя катэгорыі, якія рэалізуюцца фактычна з дапамогай аднаго словаўтваральнага фарманта і прадстаўлены вычарпальным спісам вытворных адзінак (напрыклад, катэгорыя ‘недаросласці’: *бусяня, зайчаня, птушаня*). Відавочна, што інвентар словаўтваральных сродкаў выражэння пэўнага катэгарыяльнага словаўтваральнага значэння складае адну з асноўных адметных уласцівасцей беларускай мовы ў фарміраванні ўласнай нацыянальна маркіраванай моўнай карціны свету (асабліва ў параўнанні з блізкароднаснымі мовамі).

II. Другім важным маркерам нацыянальнай адметнасці моўнай карціны свету на словаўтваральным узроўні трэба лічыць граматычныя межы рэалізацыі катэгарыяльнай словаўтваральнай семантыкі (гл. табліцу 1).

Як можна бачыць з табліцы, толькі для чатырох словаўтваральных катэгорыяў суфіксальных назоўнікаў з дзевятнаццаці (падабенства, памяншальнасці, павелічальнасці і стылістычнай мадыфікацыі) значэнне адушаўлёнасці/неадушаўлёнасці аказваецца нерэlevantным. Астатнія разрады суфіксальных назоўнікаў у сучаснай беларускай літаратурнай мове выразна абмяжоўваюцца значэннем адушаўлёнасці ці неадушаўлёнасці. Такім чынам, граматычная катэгорыя адушаўлёнасці/неадушаўлёнасці выступае як дыферэнцыруючая практычна для ўсіх суфіксальных назоўнікаў транспазіцыйных, транспазіцыйна-мутацыйных, мутацыйных і мутацыйна-мадыфікацыйных словаўтваральных катэгорыяў. Пры гэтым відавочна, што катэгорыя неадушаўлёнасці дае значна большыя магчымасці

для словаўтварэння суфіксальных назоўнікаў у беларускай мове, што пацвярджаецца як колькасцю саміх рэалізаваных у гэтым граматычным дыяпазоне словаўтваральных катэгорый, так і колькасцю суфіксальных дэрыватаў, якія рэпрэзентуюць гэтыя катэгорыі ў слоўнікавым складзе беларускай літаратурнай мовы другой паловы XX ст. [Лукашанец 2001]. Можна меркаваць, што менавіта мутацыйныя словаўтваральныя катэгорыі найбольш непасрэдна адлюстроўваюць канцэптואльную карціну свету, а катэгорыі мадыфікацыйныя ў большай ступені ўплываюць на яе нацыянальную спецыфіку.

Табліца 1. Граматычныя межы рэалізацыі катэгарыяльнай семантыкі словаўтваральных сродкаў беларускай мовы

Катэгарыяльнае словаўтваральнае значэнне	Граматычныя параметры абмежаванняў					
	адуш./неадуш.		род			
	адуш.	неадуш.	м.	ж.	н.	Pl.t.
1. назвы адцягненага дзеяння		+	+	+	+	+
2. назвы адцягненай прыметы		+	+	+	+	
3. асоба (істота) – носьбіт прыметы	+		+	+	+	+
4. назвы абстрактных паняццяў		+	+	+	+	+
5. назвы прадметаў – носьб. прымет		+	+	+	+	+
6. назвы інструментаў, прылад ...		+	+	+	+	+
7. назвы месц (памяшканняў)		+	+	+	+	
8. назвы месц (мясцовасцей)		+	+	+	+	+
9. назвы зборныя		+	+	+	+	+
10. назвы рэчыўныя		+	+	+	+	+
11. назвы са значэннем падабенства	+	+	+	+	+	+
12. назвы сваяцтва	+		+	+		
13. назвы жыхароў	+		+			
14. назвы асоб (істот) проціл. полу	+		+	+		
15. назвы са значэннем недаросласці	+				+	
16. назвы адзінкавыя		+	+	+		
17. назвы памяншальныя	+	+	+	+	+	+
18. назвы павелічальныя	+	+	+	+	+	
19. назвы са знач. стыліст. мадыф.	+	+	+	+	+	

Табліца 2 паказвае дыяпазон словаўтваральнай базы суфіксальнага словаўтварэння назоўнікаў у беларускай мове. Як можна заўважыць, самую шырокую словаўтваральную базу мае словаўтваральная катэгорыя “асоба – носьбіт прыметы”, якая ўключае ў свой састаў, як указвалася вышэй, некалькі падкатэгорый. Суфіксальныя назоўнікі з гэтым значэннем утвараюцца ад слоў усіх часцін мовы. Што датычыцца ўнутрычасцінамоўнай катэгарыяльнай дыферэнцыяцыі, то можна гаварыць толькі пра наяўнасць тэндэнцый да той ці іншай маркіроўкі. Так, аддзяслёныя назвы асобы выразна арыентаваны на незакончанае трыванне матывавальнага дзеяслова, а адназоўнікавыя на значэнне неадушаўлёнасці матывавальнага назоўніка, а таксама на граматычныя значэнні мужчынскага і жаночага роду.

Табліца 2. Валентнасныя магчымасці словаўтваральнай базы суфіксальнага словаўтварэння назоўнікаў

Сло- ваўт. знач.	Граматычныя параметры абмежавання валентнасных магчымасцей												
	Часціна мовы					Род				Адуш./Неадуш.		Трыванне	
	N	V	A	Q	P	м.	ж.	н.	Pl.t.	Адуш.	Неадуш.	Зак.	Незак
1.		+										+	+
2.			+		+								
3.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4.	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+	+
5.	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
6.	+	+	+			+	+	+		+	+	+	+
7.	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+	+
8.	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+	+
9.	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
10.	+	+				+	+	+	+	+	+	+	+
11.	+					+	+	+		+	+		
12.	+					+		+		+	+		
13.	+					+	+	+	+		+		
14.	+					+	+	+		+			
15.	+					+	+	+		+			
16.	+					+	+	+	+		+		
17.	+					+	+	+	+	+	+		
18.	+					+	+	+		+	+		
19.	+					+	+	+	+	+	+		

Як паказвае даследаваны матэрыял, ад асноў назоўнікаў утвараюцца суфіксальныя назоўнікі 17 з 19 даследаваных словаўтваральных катэгорый: асоба (істота) – носьбіт прыметы; назвы абстрактных паняццяў; назвы прадметаў – носьбітаў прымет (канкрэтных прадметаў, вырабаў, аб’ектаў дзеяння...); назвы інструментаў, прылад, прыстасаванняў...; назвы месц (памяшканняў); назвы месц (мясцовасцей); назвы зборныя; назвы рэчыўныя; назвы са значэннем падабенства; назвы сваяцтва; назвы жыхароў; назвы асоб (істот) процілеглага полу (мужчынскасці); назвы асоб (істот) процілеглага полу (жаночасці); назвы са значэннем недаросласці; назвы адзінкавыя; назвы памяншальныя; назвы павелічальныя; назвы са значэннем стылістычнай мадыфікацыі.

У межах часцінамоўнага дыяпазону N → N дзейнічаюць граматычныя абмежаванні паводле адушаўлёнасці/неадушаўлёнасці і роду. Так, толькі ад адушаўлёных назоўнікаў утвараюцца суфіксальныя назоўнікі са значэннем ‘назвы асоб (істот) процілеглага полу (мужчынскасці)’, ‘назвы асоб (істот) процілеглага полу (жаночасці)’ і ‘назвы са значэннем недаросласці’. Толькі ад неадушаўлёных назоўнікаў утвараюцца суфіксальныя назоўнікі са значэннем ‘назвы жыхароў’ і ‘назвы адзінкавыя’, а таксама фактычна ‘назвы інструментаў, прылад, прыстасаванняў’, ‘назвы месц (мясцовасцей)’, ‘назвы са значэннем стылістычнай мадыфікацыі’.

Абмежаванні словаўтваральных магчымасцей матывавальных асноў назоўнікаў адносна роду зводзяцца ў асноўным да наступнага. Фактычна толькі ад асноў мужчынскага роду ўтвараюцца назвы са значэннем ‘сваяцтва’, ‘жаночасці’; ад асноў жаночага роду – назвы са значэннем ‘мужчынскасці’, ад асноў мужчынскага і жыночага роду – ‘недаросласці’. Акрамя таго, фактычна толькі матывавальнымі асновамі жаночага роду абмежавана ўтварэнне суфіксальных назоўнікаў са значэннем ‘жыхароў’.

Ад асноў дзеясловаў утвараюцца суфіксальныя назоўнікі са значэннем ‘адцягненага дзеяння’, ‘асоба (істота) – носьбіт прыметы’, ‘назвы абстрактных паняццяў’, ‘назвы прадметаў – носьбітаў прымет (канкрэтных прадметаў, вырабаў, аб’ектаў дзеяння...)', ‘назвы інструментаў, прылад, прыстасаванняў’, ‘назвы месц (памяшканняў)’, ‘назвы месц (мясцовасцей)’, ‘назвы зборныя’, ‘назвы рэчыўныя’. Характэрна, што абмежаванні валентнасных здольнасцей дзеяслоўных асноў паводле трывання заключаюцца толькі ў значнай колькаснай перавазе суфіксальных назоўнікаў, утвораных ад асноў незакончанага трывання, са значэннем ‘адцягненага дзеяння’, ‘асобы – носьбіта прыметы’, ‘назвы інструментаў, прылад, прыстасаванняў’, ‘назвы месц (памяшканняў)’.

Адпрыметнікавае словаўтварэнне суфіксальных назоўнікаў абмежавана словаўтваральнымі катэгорыямі ‘назвы адцягненай прыметы’, ‘назвы асобы (істоты) – носьбіта прыметы’, ‘назвы абстрактных паняццяў’, ‘назвы прадметаў – носьбітаў прымет (канкрэтных прадметаў, вырабаў, аб’ектаў дзеяння...)', ‘назвы інструментаў, прылад, прыстасаванняў’, ‘назвы месц (памяшканняў)’, ‘назвы месц (мясцовасцей)’, ‘назвы зборныя’.

Вельмі абмежаваныя магчымасці ўтварэння суфіксальных назоўнікаў маюць лічэбнікі і займеннікі. Нешматлікімі дэрыватамі прадстаўлены адлічэбнікавыя ‘назвы асобы – носьбіта прыметы’, ‘назвы прадметаў – носьбітаў прымет (канкрэтных прадметаў, вырабаў, аб’ектаў дзеяння...)', ‘назвы зборныя’, а таксама адзінкавымі – адзайменнікавыя ‘назвы адцягненай прыметы’ і ‘асобы’.

Такім чынам, з пункту погляду словаўтваральных магчымасцей часцін мовы адрозніваюцца словаўтваральныя катэгорыі двух тыпаў:

1. Катэгорыі, якія не абмежаваны часцінай мовы матывавальнага слова. Да такіх адносяцца суфіксальныя назоўнікі са значэннем ‘асоба (істота) – носьбіт прыметы’, ‘назвы абстрактных паняццяў’, ‘назвы прадметаў – носьбітаў прымет (канкрэтных прадметаў, вырабаў, аб’ектаў дзеяння...)', ‘назвы інструментаў, прылад, прыстасаванняў’, ‘назвы месц (памяшканняў)’, ‘назвы месц (мясцовасцей)’, ‘назвы зборныя’, ‘назвы рэчыўныя’.

2. Катэгорыі, рэалізацыя якіх абмежавана пэўнай часцінай мовы матывавальнага слова. Да такіх словаўтваральных катэгорый суфіксальных назоўнікаў у беларускай літаратурнай мове адносяцца наступныя:

2.1 Катэгорыі, якія “прывязаны” да назоўнікавых матывавальных асноў: ‘назвы са значэннем падабенства’, ‘назвы сваяцтва’, ‘назвы жыхароў’, ‘назвы асоб (істот) процілеглага полу (мужчынскасці)’, ‘назвы асоб (істот) процілеглага полу (жаночасці)’, ‘назвы са значэннем недаросласці’, ‘назвы адзінкавыя’, ‘назвы памяншальныя’, ‘назвы павелічальныя’, ‘назвы са значэннем стылістычнай мадыфікацыі’.

2.2. Катэгорыі, якія ўтвараюцца ад асноў дзеясловаў: ‘назвы адцягненага дзеяння’;

2.3. Катэгорыі, якія ўтвараюцца ад асноў прыметнікаў: ‘назвы адцягненай прыметы’.

III. Самастойную лінгвістычную праблему ўяўляе даследаванне граматычных межаў рэалізацыі словаўтваральных сродкаў з пэўнай словаўтваральнай семантыкай, што таксама можа служыць паказчыкам спецыфікі сістэмы словаўтварэння і асаблівасцей словаўтваральнай катэгарызацыі моўнай карціны свету. Ніжэй, у табліцы 3 паказаны асаблівасці функцыянавання словаўтваральных суфіксальных фармантаў са значэннем памяншальнасці ў залежнасці ад граматычных параметраў матывавальнага і матываванага слоў.

Прыведзеныя ў табліцы звесткі паказваюць, што словаўтваральнае значэнне памяншальнасці ў беларускай літаратурнай мове прадстаўлена нязначнай колькасцю словаўтваральных фармантаў, якія маюць спецыфічную граматычную маркіроўку. Перш за ўсё адзначым, што найбольш пашыранымі з’яўляюцца фарманты з элементам **-к-**. Пры гэтым кожны канкрэтны морф гэтага словаўтваральнага фарманта мае своеасаблівую “прывязанасць” да граматычнага роду матываванага слова, а таксама да значэння адушаўлёнасці/неадушаўлёнасці. Так, найбольш шырока рэалізуе значэнне памяншальнасці морф **-к(а)**, які па сутнасці з’яўляецца немаркіраваным паводле граматычнага роду і катэгорыі адушаўлёнасці/неадушаўлёнасці. З яго дапамогай утвараюцца адушаўлёныя і неадушаўлёныя дэмінітыўная назоўнікі мужчынскага, жаночага і ніякага роду. Пры гэтым адрозненне граматычнага роду ў зыходнай форме Н. склону не знаходзіць нават флексійнай дыферэнцыяцыі. Да гэтага морфа прымыкаюць таксама морфы **-к(о)** і **-к(і)**, у якіх на родавую прыналежнасць указваюць флексіі.

Табліца 3. Граматычнае размеркаванне фармантаў са значэннем памяншальнасці

М → М		Н → М	Ж → М	Ж → Ж		Н → Н		РІ → РІ
		М						
Адуш.	Неадуш.	Адуш.	Неадуш.	Адуш.	Неадуш.	Адуш.	Неадуш.	Неадуш.
-О(я)								
-к(а)				-к(а)	-к(а)	-к(а)	-к(а)	
								-к(і)
							-к(о)	
							-ік(а)	
								-ік(і)/ -ык(і)
-ужк(а)								
							-айк(а)	
-эйк(а)							-эйк(а)	
					-ульк(а)			
-ульк(а)				-ульк(а)				
								-ульк(і)
				-аньк(а)	-аньк(а)			
					-інк(а)/ -ынк(а)			

					-урк(а)			
						-атк(а)		
-ачк(а)				-ачк(а)	-ачк(а)		-ачк(а)	
								-ачк(і)
				-эчк(а)	-эчк(а)		-эчк(а)	
								-эчк(і)
				-ічк(а)/- ычк(а)	-ічк(а)			
-ушк(а)				-ушк(а)	-ушк(а)			
-ськ(а)								
-уськ(а)								
-ак	-ак							
-ок	-ок		-ок					
		-онак						
	-чак							
	-ычак							
	-ушак							
-ік/-ык	-ік/-ык		-ік					
-энік								
-чык	-чык							
-ук	-ук							
	-чук							
-ул(я)				-ул(я)				
-ун(я)								
-с(я)								
-ус(я)				-ус(я)				
-усь								
	-эц							
							-ц(а)	
							-ц(о)	

У выніку можна гаварыць пра функцыянаванне пяці словаўтваральных морфаў **-к(а)** з аднолькавай словаўтваральнай семантыкай “памяншальнасці”, але якія адрозніваюцца значэннем граматычнага роду і адушаўлёнасці/неадушаўлёнасці. З улікам флексійнай маркіроўкі родавай дыферэнцыяцыі рэальна адрозніваюцца сем граматыка-словаўтваральных фармантаў **-к-** з тоеснай семантыкай. Параўн.: **-к(а)₁** (М. адуш.), **-к(а)₂** (Ж. адуш.), **-к(а)₃** (Ж. неадуш.), **-к(а)₄** (Н. адуш.), **-к(а)₅** (Н. неадуш.), **-к(о)** (Н. неадуш.), **-к(і)** (Pl.t. неадуш.).

Па характару сваёй “прывязанасці” да граматычнага значэння роду, а таксама адушаўлёнасці/неадушаўлёнасці матываванага слова ўсе словаўтваральныя морфы са значэннем памяншальнасці (семантычна адназначныя) падзяляюцца на:

Граматычна сямізначныя (паводле роду і адушаўлёнасці/ неадушаўлёнасці; з часткова выражанай флексійна-граматычнай дыферэнцыяцыяй): **-к(а)₁**: М. адуш. (*братка*); **-к(а)₂**: Ж. адуш. (*мамка*); **-к(а)₃**: Ж. неадуш. (*вішанька*); **-к(а)₄**: Н. адуш. (*дзетка*); **-к(а)₅**: Н. неадуш. (*воблачка*); **-к(о)₆**: Н. неадуш. (*малачко*); **-к(і)₇**: Pl.t. неадуш. (*грабелькі*).

Граматычна пяцізначныя (паводле роду і адушаўлёнасці/ неадушаўлёнасці; з часткова выражанай флексійна-граматычнай дыферэнцыяцыяй): **-ачк(а)₁**: М.

адуш. (*татачка*), **-ачк(а)₂**: Ж. адуш. (*малпачка*), **-ачк(а)₃**: Ж. неадуш. (*зімачка*), **-ачк(а)₄**: Н. неадуш. (*горачка*); **-ачк(і)₅**: Pl.t. неадуш. (*вілачкі*).

Граматычна чатырохзначныя (паводле роду і адушаўлёнасці/ неадушаўлёнасці; з часткова выражанай флексійна-граматычнай дыферэнцыяцыяй): **-эчк(а)₁**: Ж. адуш. (*зязюлечка*); **-эчк(а)₂**: Ж. неадуш. (*долечка*); **-эчк(а)₃**: Н. неадуш. (*гняздзечка*); **-эчк(і)₄**: Pl.t. неадуш. (*сенечкі*).

Граматычна трохзначныя (паводле роду і адушаўлёнасці/ неадушаўлёнасці; з часткова выражанай флексійна-граматычнай дыферэнцыяцыяй): **-ульк(а)₁**: М. адуш. (*татулька*), **-ульк(а)₂**: Ж. адуш. (*бабулька*); **-ульк(і)₃**: Pl.t. неадуш. (*танцулькі*).

Граматычна трохзначныя (паводле роду і адушаўлёнасці/ неадушаўлёнасці; з невыражанай флексійна-граматычнай дыферэнцыяцыяй): **-ушк(а)₁**: М. адуш. (*бацюшка*); **-ушк(а)₂**: Ж. адуш. (*дачушка*); **-ушк(а)₃**: Ж. неадуш. (*кадушка*).

Граматычна двухзначныя:

а) паводле роду (з выражанай флексійна-граматычнай дыферэнцыяцыяй):

-ік(а)₁: Н. неадуш. (*калёсіка*); **-ік(і)/-ык(і)₂**: Pl.t. неадуш. (*вусікі*);

б) паводле роду (з невыражанай флексійна-граматычнай дыферэнцыяцыяй):

-ус(я)₁: М. адуш. (*татуся*); **-ус(я)₂**: Ж. адуш. (*мамуся*);

в) паводле адушаўлёнасці/ неадушаўлёнасці:

-аньк(а)₁: Ж. адуш. (*дзеванька*); **-аньк(а)₂**: Ж. неадуш. (*ночанька*);

-ічк(а)/-ычк(а)₁: Ж. адуш. (*сястрычка*); **-ічк(а)/-ычк(а)₂**: Ж. неадуш. (*расічка*);

-ак₁: М. адуш. (*чалавечак*); **-ак₂**: М. неадуш. (*арэшак*);

-ок₁: М. адуш. (*дзядок*); **-ок₂**: М. неадуш. (*грыбок, парок*) (рэалізуецца ў межах трох граматычных мадэлей);

-ік/-ык₁: М. адуш. (*гаспадарык*); **-ік/-ык₂**: М. неадуш. (*марозік, гармонік*) (рэалізуецца ў межах трох граматычных мадэлей);

-чык₁: М. адуш. (*кабанчык*); **-чык₂**: М. неадуш. (*агоньчык*);

-ук₁: М. адуш. (*сябрук*); **-ук₂**: М. неадуш. (*канчук*);

-ул(я)₁: М. адуш. (*дзядуля*); **-ул(я)₂**: Ж. адуш. (*бабуля*);

г) паводле роду і адушаўлёнасці/ неадушаўлёнасці: з невыражанай флексійна граматычнай дыферэнцыяцыяй):

-эйк(а)₁: М. адуш. (*госцейка*); **-эйк(а)₂**: Н. неадуш. (*лецейка*).

Граматычна адназначныя:

М. адуш.: **-ужк(а)**: *зладзюжка*, **-ськ(а)**: *коська*, **-уськ(а)**: *татуська*, **-энік**: *браценік*, **-ун(я)**: *дзядуня*, **-с(я)**: *кося*, **-усь**: *швагрусь*, **-Ю(я)**: *баця*;

М. неадуш.: **-чак**: *раўчак*, **-ычак**: *ножычак*, **-ушак**: *гарнушак*, **-чук**: *раўчук*, **-эц**: *блінец*;

Ж. неадуш.: **-улк(а)**: (*рачулка*), **-інк(а)/-ынк(а)**: *сяжынка*, **-урк(а)**: *пячурка*);

Н. адуш.: **-атк(а)**: *дзіцятка*, **-онак**: *дзіцёнак*;

Н. неадуш.: **-айк(а)**: *сэрцайка*, **-ц(а)**: *акенца*, **-ц(о)**: *азярцо*.

Такім чынам, сістэма словаўтваральных катэгорый можа разглядацца як пэўная праекцыя сістэмы паняццёвых катэгорый на словаўтваральную сістэму сучаснай беларускай мовы праз “пасрэдніцтва” сістэмы лексіка-семантычных катэгорый і з’яўляецца важным сродкам моўнай катэгарызацыі аб’ектыўнай карціны свету. Сама ж сістэма словаўтваральных сродкаў, якія фарміруюць словаўтваральны

катэгорыі, а таксама граматычны дыяпазон іх функцыянавання, не толькі забяспечвае патрэбы моўнай намінацыі, але вызначае нацыянальную спецыфіку моўнай карціны свету на словаўтваральным узроўні.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Булыгина, Т.В.. Крылов, С.А. Категория / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия. – 1990. – С. 215 – 216.
2. Земская. Е.А. Словообразование / Е.А. Земская // Современный русский язык: Учебник / Белошапкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В.; Под. ред. В.А. Белошапковой. – М. : Высшая школа. – 1981. – С. 133 – 239.
3. Лукашанец, А.А. О соотношении словообразовательных категорий с категориями других уровней языка / А.А. Лукашанец // Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung. Hanna Burkhardt/Alicja Nagórko (Hg.). Hildesheim – Zürich – New York. – 2007. – S. 215 – 224.
4. Лукашанец, А.А. Словаўтварэнне і граматыка / А.А. Лукашанец – Мн. : Права і эканоміка. – 2001. – 252 с.

Аляксандр А. Лукашанец

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА

В статье рассматриваются некоторые аспекты словообразовательной категоризации языковой картины мира. В частности, отмечается, что триада “словообразовательная категория – лексико-семантическая категория – ономаσιологическая (понятийная) категория” позволяет рассматривать систему словообразовательных категорий как своеобразную проекцию на словообразовательную систему системы понятийных (ономаσιологических) категорий и определяет характер словообразовательной категоризации картины мира. Совокупность словообразовательных средств, формирующих словообразовательную категорию, особенности и грамматические границы их функционирования не только обеспечивают номинативные потребности языка, но и определяют национальную специфику языковой презентации картины мира.

Елена Г. Лукашанец

(Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь)

АРГО И КУЛЬТУРА: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Тесная взаимосвязь языка и культуры – один из известных постулатов современной лингвистики, не нуждающийся в доказательствах. Однако обычно исследования этой связи проводятся в рамках этнолингвистического подхода: рассматривается язык данного этноса во взаимодействии с его культурой. Между тем не меньший интерес для лингвистики представляет несколько иной ракурс этой проблемы: насколько связаны социальные подсистемы языка, в частности социолекты, с культурой их носителей – членов социальной группы.

Поскольку любой социолект является языком определенной социальной группы, он не может не быть связан с интересами, мировосприятием, «идеологией» и психологией этой группы, не может не выражать ее. Говорящий на жаргоне, аргю, сленге не только манифестирует свою принадлежность к определенной социальной группе, но и «выражает отношение к окружающему – с позиции этой социальной группы» [Химик 2000: 13]. Все это в полной мере относится и к криминальному аргю, что неоднократно высказывалось в трудах социолектологов [Грачев 1997; Вахитов 2001; Ерофеева 1995]. Однако вопросы взаимосвязи аргю и мировосприятия, образа жизни, традиций и особенностей быта его носителей – словом, их культуры, точнее – субкультуры, еще не получили должного освещения в современной социолектологии (не считая интересных и ярких, но во многом спорных по провозглашаемым идеям и публицистических по стилю работ В.С. Елистратова [Елистратов 1995; Елистратов 2005: 614–663]).

Неизученными остаются и вопросы отражения культуры аргю в арготическом словообразовании. Между тем, как известно, именно словообразование «открывает возможности для концептуальной интерпретации действительности. Оно позволяет понять, *какие* элементы внеязыковой действительности и *как* словообразовательно маркируются, *почему* они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [Вендина 1998: 9]. То же самое можно сказать и о словообразовании в социолекте: оно в определенной степени выражает отношение носителя социолекта к окружающей действительности, служит маркером культурных отличий членов данной социальной группы от остальных людей.

Основная проблема изучения взаимодействия аргю (его словаря, его словообразовательной системы) и культуры состоит в определении того, в каких именно единицах и каким образом культура выражается в аргю. На наш взгляд, такой анализ удобно проводить по группировкам тематического характера (ТГ)¹. Поскольку в

¹ Оставляем за пределами нашего исследования сложные проблемы разграничения всех видов подобных группировок: семантических полей, тематических и лексико-семантических групп, ассоциативных полей и др.

исследуемом нами современном русском криминальном арго, как и во многих других социолектах, имеется разветвленная синонимия – значительное число рядов абсолютных или очень близких по значению синонимов, важность конкретной предметной области для носителей арго маркируется двояким образом: с помощью наполненности ТГ лексемами с разной семантикой и с помощью числа синонимов для выражения определенного понятия. Первый параметр назовем зоной аттракции, второй – центром аттракции². Таким образом, выявление зон и центров аттракции показывает наиболее «номинированные», маркированные языковыми средствами – и, соответственно, наиболее важные для носителя арго – области окружающей действительности.

Анализ арготизмов, образованных различными способами словообразования – морфологических дериватов, показал, что чуть более трети из них (2511 из 6887 ЛСВ) обозначают конкретные предметы. Они распределяются по следующим ТГ.

1. «Алкоголь, курево, наркотики». Среди них выделяются названия: 1) типов алкогольных напитков: *вареха* ‘брага’, *рассытуха* ‘вино в розлив’, *крепяк* ‘вино красное’, *денатурка* ‘денатурат’, *сишибало* ‘смесь водки с пивом’; 2) табачных изделий и приспособлений для курения: *чиркалки* ‘зажигалка’, *смолянка* ‘махорка’, *перхалки* ‘папиросы’, *лоханка*, *перхоночник* ‘портсигар’; 3) наркотиков и приспособлений для их изготовления и использования: *калики* ‘барбитураты’, *травка* ‘гашиш низкого сорта’, *бензолка* ‘кодеин’, *марфуша* ‘морфий сухой’, *ширка* ‘шприц для инъекции наркотиков’, *бешенка* ‘этаминал натрия’. Центрами аттракции здесь служат в основном типы наркотиков и спиртных напитков: ‘гашиш’, ‘лекарство в таблетках, содержащее наркотик’, ‘морфий’, ‘наркотик, вводимый внутривенно’, ‘опий’, ‘самогон’ (5), ‘наркотик в ампулах’, ‘окурок’ (6), ‘кокаин’, ‘спички’ (7), ‘наркотик’, ‘спиртное’ (9), ‘водка’ (10).

2. «Еда». Названия еды, продуктов питания в арго группируются вокруг двух центров: 1) еда в ИТУ и 2) продукты питания (также в основном присылаемые в продуктовых посылках в места заключения). В первом случае – это, например, слова *хряпа* ‘второе блюдо в столовой ИТУ’, *кирзуха* ‘каша перловая’, *рыгаловка* ‘пища плохая’, *шамовка* ‘похлебка’; во втором – *помазуха* ‘жиры’, *грохотули* ‘печенья’, *вафлюшки* ‘конфеты’, *рассытуха* ‘сахарный песок’, *сливак* ‘масло сливочное’. Наименования *чихнарка* ‘заварка чая’, *вторяк* ‘заварка, оставшаяся от чифирия’, *осьмак* ‘пачка чая весом 50 г’, *паренка* ‘чай крепкий’, *купец* ‘чай крепкий, но слабее чифирия’ свидетельствуют о том, какое большое значение в преступном мире придается чаю: крепко заваренный чай (т.н. чифирий) заменяет в условиях ИТУ спиртные напитки благодаря своему воздействию на организм человека. Центры аттракции: ‘суп тюремный’, ‘хлеб черный’ (5), ‘хлеб’ (7), ‘еда’, ‘чай’ (8), ‘продукты’ (10), ‘пища’ (11).

3. «Одежда, обувь и их элементы». Здесь имеются названия: 1) головных уборов: *парашиотка* ‘кепка, сшитая из восьми клиньев’, *плевок* ‘кепка, сшитая из клиньев, с пуговицей наверху’, *лохмушка* ‘шапка меховая’; 2) белья: *гидник*

² К центрам аттракции были условно отнесены нами те десигнаты (предметы и понятия окружающей действительности), которые получили в арго не менее 5 наименований.

‘белье нижнее’, *лифарь* ‘бюстгальтер’, *куцарки* ‘плавки женские’; 3) платья, костюмов и др.: *кругарка* ‘блуза’, *лепушок* ‘китель’, *подымалки* ‘штаны’; 4) верхней одежды: *пальтуханка* ‘доха’, *кожуха* ‘пальто кожаное’, *телашка* ‘телогрейка’, *бурмеха* ‘тулуп’; 5) обуви: *совальники* ‘ботинки’, *теплухи* ‘валенки’, *кирзачи* ‘сапоги кирзовые’; 6) частей одежды: *коцка* ‘бирка на одежде’, *задняк* ‘карман брюк задний’, *ксивник* ‘карман пиджака внутренний’, *скуленок* ‘карман потайной маленький’, *правок* ‘карман правый’; 7) одежды, вещей в вообще: *личняк* ‘вещи заключенного’, *серьё* ‘одежда заключенного’, *лантуха* ‘одежда’, *шелковье* ‘шелковые изделия’; 8) остальных предметов одежды: *давилка* ‘галстук’, *пятачули* ‘носки’, *марочка* ‘носовой платок женский’, *рамки* ‘очки’, *граблюхи* ‘перчатки’, *кишкотник* ‘ремень брючный’, *удавчик* ‘шарф’.

Предметы одежды в криминальном мире выполняют двойную функцию: во-первых, естественно, их носят представители преступного мира, поэтому преобладают названия предметов одежды мужчины, во-вторых, они служат объектами кражи, поэтому так много названий верхней одежды. Большое число названий карманов разных типов обусловлено также потребностями в номинации этих «вместилищ» для кошельков и ценных вещей – объектов кражи. Центры аттракции здесь следующие: ‘брюки’, ‘вещи краденые’, ‘галстук’, ‘карман брюк задний’, ‘костюм’, ‘шуба’ (5), ‘жилет’ (6), ‘кепка’, ‘пиджак’ (7), ‘пальто’ (8), ‘одежда’, ‘рубашка’, ‘фуражка’ (9).

4. «Кошельки, сумки». Кроме названий кошельков и сумок, в эту группу включены также названия средств перемещения вещей и вместителищ для укрывания драгоценностей: *кисуха* ‘кисет’, *скрипуха* ‘корзина’, *кожевич* ‘кошелек женский кожаный’, *тормозок* ‘мешок вещевого’, *прицепчик* ‘саквояж’, *мазляк* ‘сверток, проносимый в зону ИТУ’, *медвежонок* ‘сейф маленький’, *ягдашник* ‘сумка спортивная’, *тырка* ‘тачка’, *угольник* ‘чемодан’, *железячка* ‘ящик металлический’. Основание для выделения этой подгруппы ЛСВ в арго криминального мира – значимость для совершения преступления вышеназванных предметов, которые могут быть объединены под общим названием «вместилище» и фигурируют в описаниях краж обычно в качестве места, **из которого** совершается кража. Соответственно центрами аттракции служат ‘портфель’ (8), ‘сумка женская’ (10) и ‘кошелек’ (15).

5. «Части тела». В этой группе представлены не только собственно названия частей тела, но также названия человеческих органов, физиологических выделений и телесных повреждений: *бедраж* ‘бедра’, *венярка* ‘вена’, *тарачки* ‘глаза’, *душец* ‘горло’, *вислихи* ‘грудь женская’, *курсак* ‘желудок’, *верзуха* ‘зад женщины’, *жевалки* ‘зубы’, *глинка* ‘испражнения’, *кровянка* ‘кровь’, *тарабанник* ‘лоб’, *сообразильник* ‘мозг’, *инопак* ‘нос большого размера’. По-видимому, без этих слов не обходится ни одно средство коммуникации. Естественно также преобладание в криминальном арго, как и во многих других социальных подсистемах языка, названий половых органов и зада человека, что проявляется, в частности, в характерных для этой группы центрах аттракции: ‘зубы’, ‘мужской половой орган небольшого размера’ (5), ‘сперма’, ‘язык’ (6), ‘лицо’ (7), ‘горло’, ‘зад’, ‘нос’, ‘рука’ (9), ‘влагалище’, ‘глаза’, ‘голова’ (10), ‘анальное отверстие’ (12), ‘женские половые органы’ (13), ‘мужской половой орган’ (15), ‘рот’ (30).

6. «Деньги, драгоценности». В эту группу были зачислены названия денег и ценных бумаг и драгоценных камней либо украшений с ними: 1) денег

вообще, типов денег без указания валюты и стоимости: *верхуша* ‘деньги краденые’, *наличман* ‘деньги наличные’, *бельё* ‘деньги серебряные’, *грудняк* ‘деньги, спрятанные на груди’, *шелестуха* ‘купюра новая’, *сарка* ‘монета золотая’, *общак* ‘общие деньги преступников’; 2) валюты определенного государства: *лошадки* ‘английские фунты стерлингов’, *финаги* ‘финляндские марки (деньги)’; 3) денег определенной стоимости: *четверак* ‘двадцать пять рублей’, *зюжка* ‘двухкопеечная монета’, *декаша* ‘десятирублевая купюра’, *канька* ‘копеечная монета’, *целкач* ‘один рубль’, *ломыга* ‘пятидесятикопеечная монета’, *стошка* ‘стورублевая купюра’, *косарь* ‘тысяча рублей’; 4) ценностей: *сверкальцы* ‘бриллианты’, *рыжик* ‘золотое изделие’, *обручок* ‘кольцо драгоценное’, *паутинка* ‘цепочка золотая’, *бочатка* ‘часы женские’.

Наличие этой группы практически в любом средстве общения не подлежит сомнению. Значимость же ее в криминальном арго подчеркивается не только большим числом десигнатов, не только разветвленностью группы, но и большим числом наименований денег вообще: *алтушки*, *бабули*, *вишивики*, *звон*, *лавьё*, *липняк*, *маньки*, *сарка*, *финаги*, *чистон*, *шайбочки* и др. (28); остальные центры аттракции: ‘пятидесятикопеечная монета’, ‘монета разменная’, ‘монеты золотые’ (5), ‘золотые изделия’ (7), ‘часы’ (9), ‘золото’ (10).

7. «Добыча, заработанное; посылки, передачи»: *крупняк* ‘добыча богатая’, *шкурка* ‘добыча небольшая’, *отначина* ‘доля добычи, присвоенная при дележе’, *лапка* ‘доля помощника шулера’, *халтон* ‘заработок легкий’, *навальняк* ‘нечто достающееся даром’, *гревак* ‘передача в ИТУ’, *бердыч* ‘посылка продуктовая’. Эта группа была выделена вследствие большого числа обозначений и, естественно, вследствие значимости соответствующих десигнатов в жизни преступника. Очевидно дальнейшее деление группы на две подгруппы, отражающее а) быт преступника (объекты кражи) и б) быт заключенного (получаемые им передачи), что проявляется в центрах аттракции: ‘объект кражи’, ‘передача заключенному’, ‘передача’ (6) и ‘краденое’ (7).

8. «Временные отрезки, меры»: *годяра* ‘год’, *кубик* ‘единица нормы выработки на лесоповале’, *лысак* ‘календарный месяц’, *литерник* ‘литр’, *круглуха* ‘неделя’. Эта небольшая группа почти исчерпывается приведенными ЛСВ: как видно, время не является средоточием интересов арготирующего (центров аттракции здесь тоже нет).

9. «Предметы быта»: *гармошка* ‘батарея отопления’, *обручка* ‘бочка пивная’, *бочата* ‘будильник’, *ведрик* ‘ведро’, *парашика* ‘емкость для испражнений в камере’, *внутряк* ‘замок взрезной’, *собачка* ‘замок’, *обезьянка* ‘зеркало’, *кимарка* ‘кровать’, *держало* ‘ложка’, *подружка* ‘подушка’, *бухарник* ‘стакан’, *нифельник* ‘умывальник’, *ветренка* ‘форточка’, *лёдник* ‘холодильник’, *шалфейник* ‘чайник’, *разводяга* ‘черпак’. В эту группу собраны наименования, связанные с бытом любого человека. Специфичность группы проявляется в выделении а) большого числа названий замков, как важных для преступника предметов, б) названий предметов быта, характерных для ИТУ, тюрьмы. Все это отражается в немногочисленных центрах аттракции: ‘емкость для испражнений в ИТУ’ (5) и ‘замок навесной’ (8).

10. «Место». Эта значительная по численности группа была разделена на подгруппы:

а) место, предназначенное для чего-либо вообще: *шурша* ‘место в бараке, где осужденный тайно принимает наркотики’, *мельница* ‘место для игры в карты’,

кимарка 'место для сна в бараке', *пекарня* 'место изготовления фальшивых денег', *юрцьильник* 'место отдыха', *ишачня* 'место работы', *явочка* 'место сбора воров', *пяточок* 'место сбора заключенных в свободное время', *торчак* 'место сбора нищих', *причалка* 'место скупки краденого';

б) учреждения, организации: *травилровка* 'административная комиссия исполкома', *бессрочка* 'ВТК', *общак* 'ИТУ общего режима', *дальняк* 'ИТУ, расположенное в отдалении', *ларуха* 'ларек', *рыжуха* 'магазин ювелирный', *вытряхаловка* 'медицинский вытрезвитель', *ментавра* 'милиция', *больничка* 'поликлиника', *жмурня* 'похоронное бюро', *хазовка* 'притон воров', *психарня* 'психиатрическая больница', *шамановка* 'ресторан', *клоповник* 'спецприемник для бомжей', *обжорка* 'столовая', *лягавка* 'уголовный розыск';

в) дома, здания, постройки, квартиры: *амбарец* 'амбар', *домовуха* 'дом', *бутырка* 'квартира изолированная', *сквозняк* 'квартира, подъезд с запасным выходом', *звонарь* 'колокольня', *лачужник* 'пристройка';

г) части дома или учреждения: *бакач* 'бакалейный отдел в магазине', *шаровня* 'бильярдная', *сушиллка* 'изолятор ОВД', *отлежник* 'камера для нарушителей режима', *гадильник* 'комната участкового инспектора', *парадушник* 'коридор', *самолетчик* 'лифт', *чернухарь* 'подъезд', *парилкач* 'СИЗО', *северок* 'туалет в ресторане, кафе', *голубятня* 'чердак';

д) места, расположенные вне помещений: *запретка* 'запретная зона в ИТУ', *локалка* 'локальная зона в ИТУ', *садильник* 'остановка городского транспорта', *бровчик* 'перрон', *сквозняк* 'проходной двор', *безлюдка* 'пустырь', *темняк* 'улица неосвещенная', *топталовка* 'улица';

е) государства: *чухляндия* 'Карелия', *хохляндия* 'Украина'.

Группа названий мест – одна из самых значимых в предметно-понятийной структуре криминального арго, что проявляется 1) в большом числе десигнагов, 2) в значительной разветвленности наименований, в) в наличии центров аттракции, которые отражают все стороны жизни представителя преступного мира, все этапы его жизни: совершение преступления ('квартира', 'рынок'), сохранение, укрытие краденого ('притон воров', 'хранилище', 'тайник'), отдых после совершения преступления ('закусочная', 'пивная', 'притон', 'туалет'), поимку и последующее наказание ('милиция', 'карцер', 'ИТУ', 'тюрьма').

11. «Транспорт»: *садильник* 'автобус', *рокотуха* 'автомобиль грузовой', *ментовка* 'автомобиль патрульный милицейский', *коробочка* 'вагон с одним выходом', *вагачник* 'вагон', *аппаратик* 'велосипед', *дощанка* 'лодка плоскодонная', *таратуха* 'мотороллер', *змейка* 'поезд пригородный', *бочкарь* 'поезд товарный с цистернами', *расписуха* 'такси'. Транспорт также играет в жизни преступника двоякую роль: 1) как место совершения кражи (общественный транспорт, поезд) и 2) как средство, помогающее скрыться с места преступления (такси). Однако роли эти, по-видимому, не столь уж значительны, что имеет своим результатом отсутствие центров аттракции.

12. «Документы, письма, печатная продукция». В криминальном арго имеются названия двух противопоставленных десигнагов: 'документы надежные' (*справила*) и 'документы фальшивые' (*мастырка*, *липняк*). Кроме этого, для носителей арго важны и другие документы: *бумажка* 'билет лотерейный', *вытирка*

‘билет на поезд’, *рапортичка* ‘ведомость по учету и распределению заключенных на работу’, *ксивёнка* ‘записка, письмо, утаенные от контроля в ИТУ’, *справила* ‘справка об освобождении из ИТУ’ и т.д. Центры аттракции: ‘печать’ (6), ‘документ, удостоверяющий личность’ (7).

13. «Досуг». В этой небольшой группе больше всего – названий разных видов карт: *мазиха* ‘дама (игральная карта)’, *литерка* ‘карта с цифровым значением’, *мутузки* ‘карты старые’, *чалдонка* ‘колода самодельных карт’; названия, связанные с другими играми, более редки: *костышки* ‘домино’, *зарик* ‘кубик для игры в нарды’. По-видимому, музыка также играет в жизни преступника немалую роль, так в арго имеются наименования основных музыкальных инструментов: *гармоза* ‘баян’, *певучка* ‘гитара’, *рожак* ‘музыкальный инструмент духовой’, *пъендрос* ‘рояль’, а также технических устройств, позволяющих ее слушать: *вертон* ‘проигрыватель’, *вещалка* ‘радио’, *цикадыльник* ‘радиоприемник’, *рыгун* ‘репродуктор’, *дурок* ‘телевизор’. Центром аттракции здесь, естественно, служит десигнат ‘карты’ (14 номинаций: *бой*, *бойцики*, *листки*, *молитвенник*, *очата*, *рамки*, *светух*, *святунцы*, *стели*, *стельки*, *стирки*, *съянцы*, *цветухи*, *стиры*).

14. Группа «Оружие, орудия» распадается на несколько подгрупп. Это, прежде всего, **а) оружие вообще**: *отмазка* ‘оружие защиты’, *ржавье* ‘оружие и боеприпасы, сохранившиеся со времен войны’. Затем выделяется подгруппа **б) оружие огнестрельное и принадлежности к нему**: *плевательница* ‘автомат’, *братка* ‘браунинг’, *винтарь* ‘винтовка’, *ручняк* ‘граната’, *шпайка* ‘наган’, *моёшка* ‘обойма к пистолету’, *курочка* ‘пистолет небольшого размера’, *поджигало* ‘пистолет самодельный’; центрами аттракции здесь служат ‘оружие огнестрельное’ (5), ‘револьвер’ (9) и ‘пистолет’, 14 номинаций: *бедалага*, *братка*, *бронек*, *зверёк*, *иголка*, *курочка*, *плевательница*, *плевок*, *пукалка*, *фуфырик*, *чекушка*, *шпайка*, *дудка*, *крючок*.

В жизни преступника не меньшую, если не большую, роль играет **в) холодное оружие**: *кокошник* ‘кастет’, *шутильник* ‘кистеня’, *иголка* ‘стилеть’, *накидыш*, *перышко*, *пикалка*, *пикало*, *пиконина*, *приблуда*, *приблудка*, *сажалло*, *саксон*, *финяк* ‘кинжал’ (центр аттракции – 10 наименований). В эту подгруппу собраны также различные виды ножей: ‘нож’ (центр аттракции – 17 наименований) – *блуда*, *иголка*, *кнопарь*, *лисичка*, *месарь*, *накидыш*, *перышко*, *правило*, *приблуда*, *пырляк*. *сидильник*, *сажалло*, *саксон*, *тык*, *финяк*, *ежикарь*, *жалило*, *писало*, также ‘нож небольшого размера’ (8), ‘нож финский’ (7), *лисичка* ‘нож складной’, *сажалло* ‘нож, сделанный из напильника’.

Целесообразно выделить также подгруппу **г) другие предметы, могущие служить оружием** (как преступникам, так и представителям органов правопорядка): *гаврилка* ‘веревка для удавливания’, *духовик* ‘газовый балончик с хлопекрином’, *глушарь* ‘мешочек для оглушения человека’, *мастырка* ‘остро заточенный металлический предмет’, *розочка* ‘отбитое горлышко бутылки с острыми краями как холодное оружие’, *выключатель* ‘предмет, используемый для оглушения жертвы’, *приблуда* ‘цепь с велосипеда, употребляемая в качестве оружия’, *усыпалка* ‘яд’.

Наконец, последняя подгруппа здесь обозначает **д) орудия**. В нее собраны названия как орудий труда вообще: *лапки* ‘клещи’, *лисичка* ‘скальпель’, *отжимник* ‘стамеска’, *дрелик* ‘электродрель’, так и орудий преступлений, прежде всего названия лезвий (орудие карманного вора) и лома (орудие квартирного вора),

а также названия ключей и отмычек: *мойка*, *писалка*, *писаловка*, *писка*, *письмо*, *расписка*, *оперилка* ‘бритва’ (центр аттракции – 7), *вертун* ‘инструмент для взлома сейфов’, *мыло* ‘лезвие бритвы, ножа’, *гитарка* ‘ломик для взлома’, *пацанята* ‘набор ключей’, *волчатки* ‘отмычка’, *лисичка* ‘приспособление для кражи через открытые окна и форточки’.

15. Последняя группа «**Природа**» невелика и объединяет прежде всего несколько десигнагов, относящихся к погоде, ландшафту, природным явлениям: *балдох* ‘луна’, *святик* ‘ручей’, *колдобарь* ‘рытвина’, *шуршанка* ‘сено’, *балдюха* ‘солнце’, *зелень* ‘трава’. Кроме этого, сюда же были отнесены немногочисленные названия животных. В арго представлены а) названия насекомых-паразитов, что связано в основном с пребыванием в местах лишения свободы: *бегун* ‘вошь’, *чижик* ‘клоп’, б) названия собаки, как животного, в наибольшей степени препятствующего совершению кражи или способствующего раскрытию преступления: *звонок* ‘собака маленькая’, *волчара* ‘собака служебно-розыскная’, *подружка* ‘собака, используемая для поиска наркотиков’, *гавка*, *гармошка*, *зволярь*, *псира*, *свисток*, *тявкула*, *тявкуша*, *звонок*, *звякала* ‘собака’ (единственный в подгруппе «Природа» центр аттракции – 9), в) немногочисленные остальные названия: *шкапенек* ‘жеребенок’, *ревуха* ‘корова’, *ушатик* ‘кролик’, *хрюка* ‘свинья’. Незначительная численность этой группы связана с «сугубо «городским» характером арго» [Береговская 1975: 33–34].

Можно представить предметные ЛСВ в виде поля, выделив в качестве ядра те ТГ, которые являются зонами аттракции (рис.1):

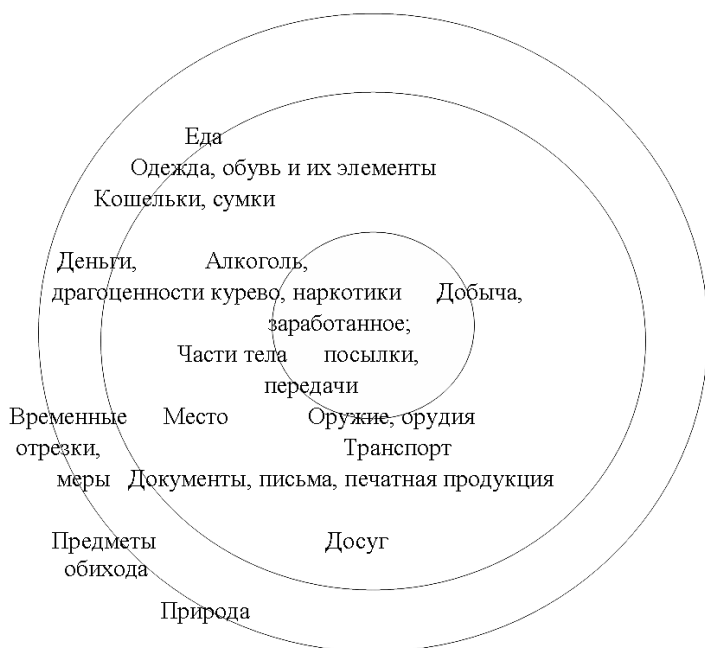

Рис.1. Поле предметных ЛСВ криминального арго

В самом центре поля находятся названия, связанные с алкоголем, наркотиками, а также названия частей тела. Криминальная специфика арго проявляется в большей степени на втором уровне (ближняя периферия), где сконцентрированы все важные для деятельности преступника предметные десигнаты. Как и следовало ожидать, дальнюю периферию предметных имен составляют названия предметов, связанных с досугом, с измерением, обозначения предметов обихода и транспортных средств.

Таким образом, словообразовательно маркированными оказываются наиболее значимые для носителя арго сферы – как общечеловеческого характера (части тела), так и отражающие собственно криминальный образ жизни. Однако внутри каждой из зон аттракции могут также проявляться определенные закономерности номинации. Так, анализ центральной зоны – ТГ «Части тела» – позволяет выявить долю десигнатов, которые получили наиболее число наименований, образованных способами морфологической деривации, среди всех десигнатов данной понятийной области. Рассмотрению будут подвергнуты только центры аттракции этой сферы, как объединяющие наибольшее число синонимов.

Наибольшее число наименований (56) здесь имеет 'рот', из них больше половины являются результатом морфологической деривации, причем большая часть из последних – слова со значением «носитель процессуального признака»: *ботало, грызло, дыхло, едало, жевалка, звякала, крикушка, матюгальник, плевальник, рыгальник, хавало, хлебало, хохоталка, хрюкала, чавка*. В этих наименованиях отражены все основные «функции» рта – говорить, есть, хохотать и др. Почти все остальные ЛСВ с этим значением – семантические дериваты, метафорически сближающие рот человека с соответствующим органом животных (*пасть, хобот, клюв*), с отверстиями (*амбразура, ворота, поддувало, сопло, форточка*), с устройствами, распыляющими жидкость (*фонтан, форсунка*), с помещениями, вместилищами, сосудами (*корыто, курятник, сарай, скворечник, скворечня*), в том числе и отрицательно оцениваемыми (*помойка, унитаз*).

Чуть меньше (50) наименований получил десигнат 'голова'. Однако здесь меньше и морфологических дериватов и совсем немного – отглагольных: *вертлюга, думалка, ругняк, сообразилровка*, больше – отыменных оценочного характера, имеющих метафорическое значение: *чердачок, жбанец, коробочка, шарabanка*, так же как и остальные семантические дериваты, сравнивающие голову человека с круглыми плодами (*арбуз, вилок, дыня, кочан, маковка, подсолнух, репа, тыква*), другими круглыми предметами (*глобус, шар, ядро*), с вместилищами, помещениями, сосудами (*горшок, жбан, колокольня, короб, котел, макитра, скворечник, чан, чугунок*) или предметами, находящимися наверху чего-л. (*чердак*).

Почти одинаковое число названий в арго имеют руки (42) и ноги (40), однако эти десигнаты различаются по соотношению морфологических и семантических дериватов: в названиях руки больше первых, чем в названиях ноги. Поскольку конечности человека имеют довольно схожее анатомическое строение, метафорические их названия в арго могут быть одинаковы: *кегли, клешни, костыли, лапты, протезы, рычаги*; и те и другие могут получить названия, относящиеся к частям тела животных: *крыло* ('рука'), *копыто* ('нога'); оба десигната могут ассоциироваться с орудиями труда, оружием (*весло, вилка, грабли, клюка, смычок, хвататы*

– ‘рука, руки’, *пика, тесак, штык* – ‘нога’); руки чаще сближаются по форме с частями растений (*ветка, пруттик*), ноги – с предметами, служащими основанием чего-л. (*лафет, подпорки, стропы*).

Так же как в предыдущем случае, близкие по числу ЛСВ десигнаты ‘лицо’ (37) и ‘нос’ (33) имеют разное соотношение дериватов различного характера: в первом случае доля морфологических дериватов меньше. Оба десигната получают название по основной функции: *храпка, хрюкала, чавка* – ‘лицо’, *дыхло, нюхало, сопилка, хлопальник* – ‘нос’. Как и в предыдущих случаях, здесь есть переносы названий частей тела животных (*лыч, пятак, рыло* – ‘лицо’, *жало, клюв, хобот* – ‘нос’); кроме того, лицо человека ассоциируется с каким-то изображением, выставлением чего-л. напоказ (*витрина, вывеска, карточка, маска, паспорт, портрет, реклама, фотография, фотокарточка*), нос – с имеющим соответствующую форму инструментом (*бушприт, паяльник, руль, штуцер*).

Среди остальных десигнатов по числу морфологических дериватов лидируют ‘горло’ (9 из 18 ЛСВ), ‘язык’ (6 из 12 ЛСВ), ‘зубы’ и ‘глаза’ (соответственно 38 и 35%). Среди этих наименований отметим, прежде всего, функциональные обозначения: ‘горло’ – *грызло, пищак, свисток, хаватьярня, храпок*; ‘язык’ – *ботало, звон, звякало, трекало, шлепало*; ‘зубы’ – *едылы, жевалки, кусалки, трескалы*, ‘глаза’ – *зекала, зырки, лупетки, моргалы, тарачки, хлопалки*. Есть также и зооморфные названия: *клыки, бивни* – ‘зубы’, *жало* – ‘язык’ – и наименования предметов: *очки, салазки, самовары, фары, шары* – ‘глаза’, *метла, помело, пулемет* – ‘язык’.

Остальные центры аттракции: ‘волосы’, ‘грудь’, ‘живот’, ‘уши’ – получили в основном наименования метафорического характера, сравнивающие волосы с похожими предметами растительного или животного происхождения (*ботва, грива, конопля, пакли, солома, шерсть*), грудь – с выступающими вперед, выставленными предметами (*витрина, дышло, киль, литавры, радиатор*), живот – с вместительными (*бункер, короб, наволочка*), уши – с мелкими предметами схожей формы (*вареники, пельмени, раковины*).

	Общее число лексем	Число ММН	Число ММН, %
‘ноги’	40	3	7
‘уши’	10	1	10
‘волосы’	9	1	11
‘грудь’	19	3	16
‘лицо’	37	7	19
‘голова’	50	10	20
‘живот’	15	3	20
‘руки’	42	9	21
‘нос’	33	9	28
‘глаза’	26	9	35
‘зуб’	13	5	38
‘горло’	18	9	50
‘язык’	12	6	50
‘рот’	56	30	54

Таким образом (см. таблицу), наибольшую долю морфологических дериватов получили в качестве названий более «функциональные» части тела человека, в основном – части лица (нос, глаза, зубы, горло, язык, рот), что также свидетельствует о большей их роли в жизни человека. Тем самым арготический материал позволяет не только выделить сегменты окружающей действительности, словообразовательно маркированные и тем самым являющиеся значимыми для носителей арго, но и, вследствие развитой синонимии, охарактеризовать те предметы и понятия, которые могут маркироваться в языке именно с помощью средств словообразования, что позволяет связать собственно лингвистические аспекты словообразования с глубинными процессами человеческого сознания, осмысления и категоризации им окружающей действительности.

Литература

1. Вахитов, С.В. Лекция о русском сленге / С.В. Вахитов. – Уфа: Изд во Башкир. гос. пед. ун-та, 2001.
2. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т.И. Вендина. – М.: Индрик, 1998.
3. Грачев, М.А. Русское арго / М.А.Грачев. – Н. Новгород: Нижегород. гос. лингвист. ун-т, 1997.
4. Елистратов, В.С. Русское арго в языке, обществе и культуре / В.С. Елистратов // Рус. язык за рубежом. – 1995. – №1. – С. 82–90.
5. Елистратов, В.С. Толковый словарь русского сленга / В.С. Елистратов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
6. Ерофеева, Т.И. Социолект : стратификационное исследование : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т.И. Ерофеева; СПбГУ. – СПб, 1995.
7. Химик, В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В.В. Химик. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2000.

Алена Г. Лукашанец

АРГО І КУЛЬТУРА: СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫ АСПЕКТ

У дакладзе разгледжаны праблемы адлюстравання субкультуры сацыяльных груп у словаўтваральнай сістэме арго. Выяўлены асаблівасці праяўлення светапогляду, псіхалогіі членаў мікрасоцыумаў як у дэнагатыўнай аднесенасці матываваных слоў, так і ў іх словаўтваральным значэнні. Увага таксама ўдзелена канкурэнцыі спосабаў намінацыі (марфалагічнага і семантычнага) у працэсе стварэння аргатызмаў. Аналіз праведзены на матэрыяле рускага крымінальнага арго.

Светлана Менгель

(Университет им. М. Лютера Галле-Виттенберг, Галле, Германия)

КОНЦЕПТ – МЕНТАЛЬНОСТЬ – ЯЗЫК: ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В. ФОН ГУМБОЛЬДА И А.А. ПОТЕБНИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Самое позднее с того момента, когда знаменитые лекции по общему языкознанию Ф. де Соссюра [Saussure 1916] были изданы его учениками, а предлагаемый в них метод лингвистического анализа, получив название структурализма, стал ведущей методологией XX-го столетия для всех гуманитарных дисциплин, принято рассматривать язык как систему знаков. Поскольку сущность любого знака заключается в его бинарности, последняя характерна и для языковых единиц: она проявляется, как известно, в единстве (звуковой) формы и содержания, т.е. закреплении определенного языкового значения за конкретным звуковым комплексом.

Одним из центральных положений теории Соссюра является постулат об арбитrarности (*arbitrariness*) языковых знаков, т.е. произвольности взаимоотношения между формой (*signifiant*) и содержанием (*signifie*), которое определяется исключительно конвенционально принятыми установлениями и правилами. Так в нижеприведенных примерах (ср. [1]) носитель русского языка-стандарта может понять смысл высказываний, только зная «код» звукового комплекса *макароны* в жаргоне нефтянников и в современном молодежном жаргоне:

[1] (а) Караваны грузовых автомашин день и ночь везли на Джегор «макароны» – стальные трубы для бурения и обсадки скважин. (А. Рекемчук, цитируется по [Калинин 1978: 149]). (б) Макс уже второй месяц ходит с макаронами на голове. (Из разговора. *Макароны* – ,модная прическа в виде длинных, свалывшихся локонов’).

Другими словами, в своей основной функции как средство коммуникации язык как знаковая система способен выступать лишь в том случае, если его носителям (или пользователям) известна установленная кодировка языковых единиц. Приведенный пример наглядно демонстрирует механизм такого кодирования в социолектах и специальных (профессиональных) языках, где продуктивным способом словообразования является, как известно, семантическая деривация – использование уже существующего языкового знака в новом значении, отражающем определенный избранный признак денотата (в нашем случае – сходство по форме).

Применяя постулат Соссюра об арбитrarности языковых знаков к естественным этническим языкам, ответить на вопросы о механизме кодирования, о возникновении и разнообразии языковых кодов представляется по меньшей мере затруднительным.

Проще всего в этом отношении, казалось бы, дело должно обстоять с ономотопозитическими наименованиями, мотивированными фонетически. В русском языке *жук жуужжит* (ж-ж-ж), в немецком пчела *summt* (*sumt-sumt*), в русском и немецком лягушка *квакает* (*ква-ква, quak-quak*). Но в английском «квакает» утка

(*quak-quak*), в русском утка *крякает* (*кря-кря*), а в немецком она *schnattert*, «произнося» при этом *nack-nack*. Т.е. восприятие действительности и ее кодирование (отражение) в языке различными этническими сообществами отличается уже на «примитивном» звукоподражательном уровне.

Мысль о том, что язык каждого народа есть выражение его «духа» (*Geisteseigentümlichkeiten*) и отражает специфическое видение мира, впервые высказывает и развивает В. фон Гумбольдт [1830-1835; 1907] в своей философии языка:

«<...> so liegt in jeder Sprache eine eigentümliche Weltansicht. Wie der einzelne Laut zwischen den Gegenstand und den Menschen, so tritt die ganze Sprache zwischen ihn und die innerlich und äußerlich auf ihn wirkende Natur.»¹ [Humboldt 1994: 434].

Языковое сообщество² – более или менее многочисленная группа людей, говорящая на одном языке и имеющая общие культурные традиции, – определяет «форму языка», которая находит свое окончательное оформление в речи индивидуума. Наличие «говорящего» и «понимающего», т.е. «совместной речи»³, является неременным условием для возникновения языка. Как индивидуумы участники «совместной речи» обладают различными интеллектами – их мысли, чувства, воззрения не одинаковы. Поэтому в процессе говорения и понимания могут возникать «преломления», не являющиеся, однако, непреодолимыми благодаря единой «форме языка». По Гумбольдту, язык имеет внешнюю и внутреннюю форму. Первая представляет собой звуковую оболочку, морфологическую структуру – то, что обозначает.

Вопрос о внутренней форме языка занимает центральное место в философской концепции Гумбольдта. Внутренняя форма составляет «интеллектуальное ядро» языка, состоящее из «вещества», находящегося в сознании как «говорящего», так и «понимающего». Это «вещество», которое способно постоянно обогащаться и расширяться под воздействием новых впечатлений, образует «внутреннюю идею» языка в целом. Так, если использовать известный пример Гумбольдта, в санскрите немецкому *Elefant* (или русскому *слон*) соответствует обозначение «дважды пьющий». Возможны также наименования «двузубый», «имеющий одну руку» или, скажем, «животное с длинным хоботом». Все эти восприятия-наблюдения составляют «вещество» или «внутреннюю идею» языка и могут реализоваться в различных языках в соответствии со спецификой видения мира определенными языковыми сообществами. В интерпретации Дельбрюка [Шпет 1927/1999: 85] внутренняя форма языка в концепции Гумбольдта «есть особый способ, каким язык постигает подлежащее в нем выражению понятие» в том смысле, что «вещи

¹ «<...> в каждом языке представлено особое, своеобразное восприятие мира. Тем же самым образом, каким каждый отдельный звук становится посредником между предметом и человеком, весь язык в целом выступает посредником между человеком и природой, воздействию которой он подвержен изнутри и снаружи». (Перевод мой – С.М.)

² Гумбольдт не употребляет понятия «народ» или «нация», поскольку в определенных случаях различные нации и народы могут пользоваться общим языком.

³ Позднее это положение развивается Н. Хомским в теории речевых актов.

именуются языком по различным признакам». Свое выражение внутренняя форма находит в различных проявлениях внешней формы – в звучании, морфологических формах, синтаксических конструкциях.

А.А. Потебня, многолетние труды которого о вопросах взаимоотношения языка и мышления остались в свое время не понятыми в России и почти забытыми в Советском Союзе, развивает положения Гумбольдта о внутренней форме языка и разрабатывает на их основе свою концепцию о внутренней форме слова:

«В слове мы различаем: внешнюю форму, т.е. членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание.» [Потебня 1862/ 1999: 156].

Как видим, определенным образом предвосхищая знаковую теорию языка Соссюра, Потебня пытается распознать механизм кодирования языковых знаков путем вычленения внутренней формы слова, которая связывает внешнюю форму с содержанием. Внутренняя форма представляет собой, по его мнению, «отношение содержания мысли к сознанию», след того процесса, при помощи которого языком было создано данное слово, сохраняющее «отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» [Потебня 1862/1999: 91, 156]. Этот след движения мысли может быть более или менее заметным, может быть утерян, а у заимствованных слов полностью отсутствовать. При этом слово выражает не всю мысль, но только один ее признак. Так образ стола имеет много признаков, но русское слово *стол*, по мнению Потебни, выделяет только ‚постланное‘ (*стлать* > *стол*)⁴ и поэтому может обозначать различные столы независимо от их формы, величины или материала, из которого те изготовлены. Осознание образа предмета, который хранится в «душе» как неосознанная мысль, заключается в том, что этот образ разлагается на признаки, один из которых и становится внутренней формой слова. Она рождается как сгусток образности, «этимон», «изначально поэтический символ» представления о каком-либо предмете, признаке, процессе.

Исключительно внешней формой обладают междометия, которые возникают как непосредственное выражение чувства. Однако именно первобытные междометия, по мысли Потебни, легли в основу членораздельного языка, распавшись на такие, которые навсегда остались междометиями, и на такие, которые превратились в «обычные слова». Возникновению последних предшествует процесс «апперцепции», т.е. обусловленности каждого конкретного восприятия предыдущим опытом человека:

«Апперципируя внутреннее, слово апперципирует тем самым и внешний объект. Если восприятие нашло выражение в звуковом рефлексе, то как восприятие. Так и воспроизводимый в памяти образ апперципируется этим рефлексом, и этот

⁴ Мнение о мотивационных отношениях *стелю́* > *стол*, *столá*, *столу́* и т.д. подкрепляется окситоническим ударением. Возможны и другие предположения, ср.: ст.-сл. *столь*, др.-рус. *столь*, серб. *stól*, луж. *stól*, словен. *stól* ‚стол, трон, сидение‘, рус. *стол*, пол. *stół*, чеш. *stůl*, словц. *stól* ‚стол‘, бол. *стол* ‚сидение, трон‘, герм. *stōls* ‚сидение‘, др.-инд. *sthálam* ‚возвышение, холм‘, из чего можно сделать вывод об основном общем общейнодоевропейском признаке «возвышение».

рефлекс представляет этот находящийся внутри образ. Таким образом, новое значение формируется через отношение к предшествующей мысли, которая служит внутренней формой и обозначается в новом слове как знак знака или внешней формой. Так, память – это способность сохранять и воспринимать в сознании прежние впечатления, а опыт – это запас впечатлений, который хранится в сознании.» [Потебня 1862/1999: 104].

Таким образом, внутренняя форма слова есть субъективное понимание объективного смысла вещи, которое благодаря общению (ср. «совместной речи», по Гумбольдту) приобретает общеязыковой характер.

Наличие внутренней формы слова означает наличие у данного слова определенного типа парадигматических смысловых отношений. В этой связи Потебня выделяет три основных типа внутренней формы слова: словообразовательный, эпидигматический и смешанный. Внутренней формой словообразовательного типа обладают слова, имеющие деривационную историю и образованные по относительно живой словообразовательной модели (ср. *стлать* > *стол*). Эпидигматическая внутренняя форма слова представлена в случаях семантической деривации (ср. [1]), сопровождающейся возникновением полисемии. Преобладающий смешанный тип внутренней формы слова являет собой своеобразную комбинацию первых двух (ср. *рука* > *ручка* ‚дверная ручка‘). Напомним для сравнения, что Гумбольдт [Humboldt 1830-1835] выделяет два способа мотивации словесных знаков: звукоподражательный и «символический», соотносимых в целом с тремя типами внутренней формы слова у Потебни.

Итак, философские концепции В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни о внутренней форме языка и слова позволяют сделать вывод, что механизм кодирования языковых знаков в естественных языках, т.е. установление конвенционально принятых правил, закрепляющих определенную форму за соответствующим содержанием, определяется психическими, социальными, культурными и другими особенностями этносов, обуславливающими их восприятие действительности.

Взаимоотношения между языком и мышлением особенно интенсивно стали изучаться, начиная с середины XX века, что отразилось в возникновении ряда психолингвистических теорий. Однако, как представляется, органично соединить лингвистический и философский подходы к речевой деятельности человека удалось лишь когнитивной науке, в рамках которой лингвистика призвана изучать процессы получения, обработки и сохранения информации и знаний о мире мозгом человека в качестве ментальной картины мира в языке как знаковой системе, а философия – осмыслять и оценивать эту ментальную картину мира (ср. [Кубрякова и др. 1997]). Когнитивная лингвистика как самостоятельная дисциплина получила свое развитие, как известно, в последнее десятилетие прошлого века и связана с трудами Лакоффа [Lakoff 1982], Карона [Caron 1989], Дина [Dean 1992], Вежбицкой [Wierzbicka 1985, 1990, 1991], Н. Хомского [Chomsky 1994], Кубряковой [1994, 2004] и др.

Напомним, что согласно постулатам когнитивной науки восприятие действительности происходит в процессе ее познания и отражается в сознании человека в виде ее концептуализации. Концепты, различающиеся по сложности содержания

(концепт-схема, концепт-понятие, концепт-фрейм и др.), возникают на основе эмпирических чувственных образов (символов, прототипов действительности), образующих ядро концепта. Заключенный в ядре первоначальный образ может развиваться, абстрагироваться, консолидируя по мере своей абстракции содержание концепта. Совокупность концептов в их взаимодействии образует концептосферу – непосредственную ментальную картину мира. Таким образом, каждый индивидуум, группы индивидуумов, включая отдельные этносы, все человечество в целом имеют собственную концептосферу – свою непосредственную ментальную картину мира. Когнитивная наука исходит из того, что человек (и животное на примитивном уровне) мыслит концептами, и видит своей задачей изучение моделирования концептов в сознании.

В целях коммуникации часть «внутренней» концептосферы получает «внешнюю» форму в виде вторичных знаковых систем, одной из которых является язык. Репрезентированная в языке часть концептосферы представляет собой, таким образом, опосредованную языковыми знаками ментальную картину мира – семантическое пространство языка. Его изучение является задачей когнитивной лингвистики, анализирующей, каким образом концепты, их части и компоненты отражены в языке, как они категоризируют его семантическое пространство и на каких уровнях языковой системы они проявляются.

Обратимся в связи с выше сказанным еще раз к учениям Гумбольдта и Потебни о внутренней форме языка и слова, которые, как представляется, следует безусловно считать предшественниками когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности. Концепция Гумбольдта о «внутренней идее» языка предвосхищает, как думается, когнитивное понятие концептосферы как непосредственной ментальной картины мира. Его представления о специфической «внутренней форме» каждого естественного языка соотносимы с понятием опосредованной языком ментальной картины мира. Углубленное в языковой философии Потебни понятие о «внутренней форме слова», представляющей собой «отношение содержания мысли к сознанию», рождающейся как сгусток образности, «этимон», способной развиваться, абстрагироваться и «теряться», безусловно соответствует центральному в когнитивной науке понятию концепта. Вопрос о национальной специфике концептов и их отражения в языке, на который пытались дать ответ в своих философских изысканиях Гумбольдт и Потебня, остается одной из важных теоретических проблем когнитивной лингвистики. Концептосферы различных этносов выявляют больше сходств, чем различий. Благодаря этому языки переводимы. Однако как раз особенности языковой репрезентации концептов (их «кодирование» в языке) и представляют несомненный интерес. Они отражают, по мнению Гумбольдта, специфическое видение мира и указывают, в соответствии с представлениями Потебни, на «отпечаток движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова».

Специфическое восприятие и особый способ осознания действительности, т.е. совокупность тех психических, социальных, культурных и других особенностей, на которые указывали в своих трудах Гумбольдт и Потебня, в современной науке принято связывать с понятием менталитета или ментальности. Ментальность определяется совокупностью когнитивных стереотипов, хранящихся в сознании.

Так же, как каждый индивидуум, группы индивидуумов, включая отдельные этносы, все человечество в целом, обладают собственной концептосферой, всем этим индивидуумам и сообществам присуща их собственная индивидуальная и групповая ментальность. Хотя ментальность непосредственно связана с когнитивной концептуализирующей деятельностью сознания, она действует *quasi* «автоматически» и бесконтрольно и может препятствовать объективному восприятию действительности. Не являясь объектом лингвистики⁵ и составной частью языковой деятельности человека, именно ментальность (этноса) выполняет тем не менее «отборочную» и оценочную функции при репрезентации концептов в языке. Она определяет, как представляется, тот единственно важный признак – «этимон», «символ», ядро концепта –, которым последний «кодируется», обозначается, в опосредованной языком как знаковой системой ментальной картине мира. Приведем пример.

Во всех славянских языках жители Германии по национальности называются *немцы* (ср. [2]):

[2] рус. *немец*, серб. *немац*, болг. *немец (германец)*, н.-луж. *нёмс*, пол. *niemiec*, словц. *netec* и др. Ср.: нем. *Deutsche*, англ. *german*, фр. *allemand* и др.

Нетрудно заметить, что основным признаком (ядром концепта, «этимомом») является «немой», т.е., не способный говорить, произносить слова⁷. По терминологии Потебни здесь представлен словообразовательный тип внутренней формы слова – морфологический способ словообразования, деривация, мутация: *немой* > *немец*. Самоназвание *славяне* связано, напротив, по широко распространенной этимологической концепции, с «этимомом» «слово» – ср. в [Востоков 1820]: *Славяне – люди словесные*⁶ – и реализует тот же словообразовательный тип внутренней формы слова: *слово* > *славяне*, т.е., способные говорить, произносить слова⁷. Таким образом, для названия «чужих», неславянских, германских племен, соседей на западе, в общеславянском языке «славянской» ментальностью выбирается единственный признак, который оценивается по отношению «к своему» необъективно и негативно – «неспособность говорить», хотя объективно славяне не способны понимать своих соседей.

Однако, было бы поспешно делать вывод о специфически «плохой» («заносчивой») ментальности славян. Если славяне самое позднее в VIII веке назвали германцев *немцами*, то еще задолго до нашей эры последние (вместе с другими народами неэллинистической культуры) были «закодированы» в древнегреческом языке как βάρβαροι с помощью звукоподражательной мотивации, т.е. «производящие непонятные звуки *бар-бар*, не способные говорить⁷. Как видим, налицо – аналогичное свойство «древнегреческой» ментальности. *De facto* при репрезентации концепта «свое и чужое» в языке (в языках) последовательно проявляется общечелове-

⁵ Ставшее на сегодняшний день модным понятие «ментальность/менталитет» в науке до сих пор не определено однозначно. Ясным представляется, на наш взгляд, лишь то, что оно не является предметом лингвистики, психолингвистики или когнитивной лингвистики и относится скорее к области социальной и национальной психологии.

⁶ Цитируется в современной русской орфографии.

ческая ментальность. Для называния «чужого» избирается характерный, отличный от «своего» признак, который оценивается небъективно и негативно – «срабатывает» стереотип ксенофобии, актуальный и по сей день. Сравним в этой связи возникшие в недавнем прошлом «неофициальные» наименования украинцев и русских в русском и украинском языках: рус. *хохол* ,украинец', укр. *кацап* ,русский'. Первое создано приемом синекдохи: наименование необычной для русского (и вообще для православного славянина?) прически (поэтому осуждаемой, отрицаемой, высмеиваемой, пугающей) используется в качестве наименования представителя народа, характеризуемого т.о. отрицательно по характерному внешнему признаку. Второе возникло в результате морфолого-синтаксического способа словообразования путем сращения: как *цап* (т.е. как козел) > *кацап* и имеет по терминологии Потебни смешанный тип внутренней формы слова. Но в качестве «этимона» и здесь выступает характерный, противоположный «своему» и поэтому отрицательно оцениваемый внешний признак – «наличие бороды, как у козла».

Если основные положения теории Гумбольдта нашли отражение в последующих лингвистических концепциях, то изыскания Потебни остались практически неизвестными западноевропейской и американской науке и только с конца 1990-х годов начали изучаться и интенсивно использоваться российскими исследователями. Тем более досадно, что в ряде работ понятие «внутренней формы слова» применяется, в определенном смысле, прямолинейно, некритически и зачастую однобоко с целью подчеркнуть не только «культурологическое», но и «важное педагогическое значение» изучения истинно русской языковой картины мира и русской ментальности [Савельева 1997: 77]. Рассмотрим в этой связи концепт-фрейм «время».

На специфически русское понимание времени как «то, что вертится», «вечная „вертушка“», указывает Савельева [1997: 77], приводя однокорневые слова: др.-рус. *веремя*, рус. *вертеть*, *веретено*. Привлечение сравнительно-исторического материала показывает, однако, наличие не только общеславянского концепта, отраженного в старославянском языке как *врѣмѧ* (именно в этой фонетической огласовке лексема была заимствована из церковнославянского в русский), но и наличие уже в санскрите однокорневых семантических параллелей, ср.: др.-инд. *vārtma* ,дорога, след, желоб', *vārtanam* ,вертеть, производить круговые движения, ходить туда-сюда'. Современные когнитивные исследования доказывают, что восприятие времени как «чего-то вечно повторяющегося» является очень древним общечеловеческим концептом и связано с циклом четырех времен года, его значением для земледелия [Anstatt 1996].

Особый интерес для изучения «кодирования» непосредственной ментальной картины мира в языке в плане специфики этнической (национальной) ментальности представляют т. наз. лакунарные образования, поскольку знаковой системой языка обозначаются, как известно, только те явления, которые имеют коммуникативное значение для данного этноса. В русском концепте-фрейме «время» в этом плане безусловно важным является понятие ,день и ночь', выраженное словом *сутки*. Савельева [1997: 77] определяет его внутреннюю форму как «„то, что соткано“, „стык“ дня и ночи». Последнюю этимологию предлагает и Потебня [1888: 47]: «су и **тъка*, связанное с *тыкать*» (цитируется по [Фасмер 1987: 811]), с ней следует, очевидно, согласиться, ср. [3]:

- [3] рус. диал. новг. *сутки́* ‚углы в избе‘, укр. *сутки́* ‚узкий проход‘, чеш. *soutka* ‚узкий проход‘ [Фасмер 1987: 811].

Концепт ‚день и ночь‘, безусловно присутствующий в концептосферах других этносов, не выражен в большинстве европейских языков, в том числе и в славянских, за исключением украинского диалектного *сутки* (где он, по всей вероятности, обозначен заимствованной из русского лексемой) и польского *doba* (ср. литературное украинское *добá*). Наши исследования показали, что обозначение концепта ‚день и ночь‘ характерно для северных языков различной типологической структуры, напр., исландского, финского, шведского. Это обусловлено, очевидно, коммуникативной значимостью концепта в географических широтах, где в определенное время года день и ночь невозможно различить по солнцестоянию, и поэтому соответствующую временную единицу, представляющую собой единство дня и ночи (работы и отдыха), необходимо обозначить. Выбор признака «стык, соединение (дня и ночи воедино)», рус. *сутки*, можно, очевидно, признать специфическим для русской ментальности, по сравнению, например, со шведской или исландской, где обозначение суток связано со словом «день», ср.: швед. *dygn*, исл. *dögn* ‚сутки‘; швед., исл. *dag* ‚день‘ (ср. нем. *Tag* ‚день‘, лат. *diurnalis* ‚ежедневно‘). С другой стороны, показательно, что в этих языках обозначение суток темного времени года («полярной ночи») специально маркировано как «звездные сутки», ср. швед. *stjärndygn*. Несомненный интерес представляет, безусловно, тот факт, что на морфологическом уровне во всех известных нам языках, отражающих концепт «сутки», он «закодирован» как *pluralia tantum*. Предположение о том, что этим выражается единство (соединение, «стык») двух временных единиц – дня и ночи –, а представленные сегодня формы множественного числа восходят к форме двойственного числа (т.е. два «дня» в светлое время года – швед. *dygn*, и два «звездных дня» в темное время года – швед. *stjärndygn*), кажется нам отнюдь не безосновательным.

Специфика национальных концептосфер – непосредственных ментальных картин мира – может быть выявлена путем контрастивного сравнения языков на основе безэквивалентных языковых единиц. Так, в русском языке отсутствует лексема для обозначения ‚свободного от работы времени с вечера пятницы до конца воскресенья‘, представленная в германских языках, ср.: англ. *week-end*, нем. *Wochenende*. В этом, очевидно, действительно проявляется специфика русской (славянской?) ментальности: в русском концепте-фрейме «время», как кажется, исконно отсутствуют понятия для четкого разграничения времени для работы и времени для отдыха, характерные для англо-саксонской ментальности и для нее коммуникативно значимые. В немецком языке существует даже специальное обозначение для ‚ежедневного свободного от работы времени‘ – *Feierabend* («праздничный вечер»). При этом «кодируемый» данной лексемой концепт, воспринимается сегодня не только как ‚свободный от работы вечер‘, ср.: *Mach’ mal Feierabend!* ‚Кончай работать!‘; фразеологизм *Schluss! Aus! Feier-abend!* ‚Всё! Конеч! Больше ничего делать не буду!‘. С недавнего времени и в русском языке появилось в системно-языковом плане еще не

вполне освоенное заимствование из английского *вик-енд* (которое в сербский пришло несколько-кими десятилетиями ранее), заимствован и соответствующий концепт-понятие, расширивший русский концепт-фрейм «время».

В «наплыве» заимствованной лексики некоторые исследователи усматривают нарушение (и разрушение) русской «языковой экологии» и тем самым угрозу русскому «этноисторическому мировидению» [Савельева 1997: 41 след. и др.]. Думается, с этим нельзя согласиться.

Несмотря на в корне верное утверждение Потевни об отсутствии у заимствований «внутренней формы слова» (см. выше), более детальный подход к данной проблематике показывает, что в результате адаптации заимствования могут приобретать не только новые системные характеристики, соответствующие принимающему языку, но и новую «внутреннюю форму слова», соответствующую принимающей ментальности. Рассмотрим в заключение известный пример Гумбольдта со слонем (см. выше) применительно к славянским, специ-ально русскому и польскому, языкам, ср. [4]:

[4] ц.-сл. *слонь*, др.-рус. *слонь*, др.-пол. *wstoń*, рус. *слон*, укр. *слон*, болг. *слон*, словен. *slòp*, чеш. *slon*, словц. *slon*, пол. *stoń*, в.-луж. *stoń*, н.-луж. *slon* ,слон’.

Концепт, отражающий соответствующее животное, по понятным географическим и климатическим причинам не мог быть характерен для общеславянской ментальности. Заимствование *слонь* находим, однако, уже в ранней богословской и душеспасительной церковнославянской литературе – в «Златоусте», у Иоанна Экзарха и др. (ср. [Фасмер 1987: 674]). Фонетически приемлемо предположение о заимствовании из тюркских языков, ср.: тур., тат. *arslan*, азерб., карач., балкар., крым.-тат. *aslan*, где данные наименования обозначают также малоизвестное древним славянам животное ‘лев’ [Фасмер 1987: 674]. На русской почве слово *слон* получает в результате т. наз. народной этимологии новую внутреннюю форму словообразовательного типа: *слонити ся* ‘прислоняться’ > *слон*, ср. «объяснение» в рукописи Троице-Сергиевой лавры XV века – *Ѣгда хошетъ спати дѣвѣ сѧ възлонивъ спитъ* [Рук. № 729, л. 178]. Для польского языка Ильинский и Брюкнер предполагают этимологию (т.е. внутреннюю форму слова того же словообразовательного типа) от др.-пол. *stopień* ‘ступенька, подножка’ > *stoń* или от др.-пол. *stapać* ‘топать’ > *stoń* [Фасмер 1987: 675]. Кстати, немецкое название слона *Elefant* заимствовано из греческого, ср. др.-гр. ‘ελέφας, род. п. ‘ελέφαντο’ ‘слон’, куда оно пришло из хамидского и связано со славянским *верблюд* [Фасмер 1987: 293].

Таким образом, национальные концептосферы (как и индивидуальные, а также другие групповые концептосферы) и языки не являются чем-то застывшим, они изменяются и развиваются под воздействием экстралингвистических и внутриязыковых факторов, благодаря языковым контактам и внутрисистемным изменениям в языке. Признание этого «движения» составляет одно из основных положений философии языка В. фон Гумбольдта и А.А. Потевни. Их учения, на более чем столетие предвосхитившие современные когнитивные теории, требуют к себе сегодня творческого подхода.

Литература

1. Востоков А.Х.: Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка. В: Труды общества любителей российской словесности при Московском уни-верситете, т. XVII. Москва 1820.
2. Калинин А.В.: Лексика современного русского языка. Москва 1978.
3. Кубрякова Е.С.: Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус. В: Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка, 53 (1994) 2.
4. Кубрякова Е.С.: Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва 2004.
5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.: Краткий словарь когнитивных терминов. Москва 1997.
6. Попова З.Д., Стернин И.А.: Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж 2000.
7. Попова З.Д., Стернин И.А.: Язык и национальная картина мира. Воронеж 2002.
8. Потебня А.А.: Из записок по русской грамматике. Москва 1968.
9. Потебня А.А.: Мысль и язык. Москва 1999.
10. Потебня А.А.: Слово и миф. Москва 1989.
11. Савельева Л.В.: Языковая экология. Петрозаводск 1997.
12. Шпет Г.: Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта. Иваново 1999.
13. Фасмер М.: Этимологический словарь русского языка, тт. I-IV. Москва 1987.
14. Anstatt T.: ‚Zeit‘. Motivierungen und Strukturen der Bedeutungen von Zeitbezeichnungen in slavischen und anderen Sprachen, München 1996. (Specimina Philologiae Slavicae, Supplement-band 43, Hamburger Arbeiten zur slavistischen Linguistik 1).
15. Caron J.: *Precis de psycholinguistique*. Paris 1989.
16. Chomsky N.: *Bare phrase structure*. Cambridge 1994.
17. Dean P.D.: *Grammar in mind and brain: Explorations in cognitive syntax*. Berkeley 1992.
18. Humboldt W. v.: *Über Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. Berlin 1830-1835.
19. Humboldt W. v.: *Denken und Sprechen*. Berlin 1907.
20. Humboldt W. v.: *Schriften zur Sprachwissenschaft*. Paderborn 1994.
21. Lakoff G.: *Categories and cognitive modes*. In: *Berkeley cognitive science report 2*. Berkeley 1982.
22. Saussure F.: *Cours de linguistique generale*. Genef 1916.
23. Wierzbicka A.: *Different cultures, different languages, different speech acts: Polish vs. English*. In: *Jurnal of Pragmatics 9* (1985).
24. Wierzbicka A.: *Prototypes save*. In: S.L. Tsahatzdis (ed.): *Meanings and prototypes: Stadies in linguistic categorisation*. London 1990.
25. Wierzbicka A.: *Cross-cultural pragmatics: The semantic of human interaction*. Berlin 1991.

Світлана Менгель

(Університет ім. М. Лютера Галле-Віттенберг, Галле, Німеччина)

**КОНЦЕПТ – МЕНТАЛЬНІСТЬ – МОВА:
ФІЛОСОФІЯ МОВИ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА І О.О. ПОТЕБНІ
У СВІТЛІ СУЧАСНИХ ЛІНГВІСТИЧНИХ ТЕОРІЙ**

У пропонованій статті здійснено спробу подати та усвідомити вчення В. фон Гумбольдта про внутрішню форму мови та О.О. Потебні про внутрішню форму слова у світлі сучасних лінгвістичних теорій – структуралізма, психолінгвістики, когнітивної науки – і представити їх як раних попередників останньої. Необхідність творчого підходу до пошуків цих учених сьогодні демонстровано на прикладі аналізу концептів «своє і чуже», «час», і почасти – на розгляді механізму освоєння запозичень.

Игорь Г. Милославский

(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия)

РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РАСШИРЕНИИ КОГНИТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Проблема, к которой автор хочет привлечь внимание коллег, покоится на двух идеях.

Первая заключается в том, что в современной лингвистической научной парадигме язык рассматривается не как самодовлеющая ценность, но как деятельность. Принципиально различая при этом рецепцию (чтение и аудирование) и продукцию (письмо и говорение). В такой научной парадигме словообразовательные отношения имеют ценность исключительно для продукции. Причем не в направлении от более сложного к более простому (от чего образовано?), но в противоположном направлении. От более простого к семантически более сложному. Это соответствует тому элементу продуктивных речевых действий, когда пишущий/говорящий, стремясь найти для воплощения своего замысла наиболее подходящие средства, преобразует пришедшие на память слова с опорой на их словообразовательный потенциал. Подчеркну, что речь вовсе не идет о «подборе однокоренных слов», но о преобразовании слов на **заданные семантические параметры**, которые, в частности, могут иметь и словообразовательное оформление.

Вторая состоит в том, что современный русский язык в последние десятилетия часто не поспевает за усложняющейся действительностью, не всегда предлагает собственные краткие и точные средства обозначения для новых артефактов, а особенно для различных элементов ментального пространства с учетом аксиологического аспекта. Особую проблему представляет «встраивание» соответствующих слов и словосочетаний в коммуникативную систему русского языка. В свете этих соображений проблема заимствований, например, выступает как частный случай заполнения разнообразных лакун, открывающихся в русском языке в результате научно-технического прогресса, когнитивных прорывов, аксиологических изменений.

Иными словами, предлагаемые для обсуждения вопросы находятся в точке пересечения проблемы лакун, или «дефицита слов», и тех возможностей, которые открывают словообразовательные отношения, рассмотренные как семантическое усложнение в рамках продуктивных речевых действий.

2. В нашей науке глубоко укоренилась традиция рассматривать язык от формы языковых знаков к их коррелятам в действительности. Эта традиция лишь изредка нарушалась, когда наблюдения велись «от значений к форме». Однако даже в этом случае исследователь обычно не вырывался из круга значений, заданных самими языковыми знаками. В то же время общественная практика настойчиво требовала двигаться не от значений слов и форм, но от многоаспектной и сложной действительности – к единицам, адекватно эту многоаспектность и сложность обозначающим. При таком подходе сразу выяснилось, что существует множество явлений, характеристик, комбинаций признаков и т.п., для которых в некотором

или многих языках существуют лишь многословные описания, а внятные и краткие именованья – отсутствуют. Приведу примеры.

Как назвать человека, в театре или на концерте, с билетом на балкон и пытающегося занять место в партере? Он не *безбилетник* и не *заяц*, который существует только на транспорте. А кто? Как назвать учащегося, озабоченного только отметками. А не получением знаний, умений и навыков? *Формалист* – слишком широко, *чинодрал* – существует лишь среди военных и чиновников. Как назвать естественную внутреннюю реакцию человека, когда он слышит, что справедливо критикуют его родных, близких или друзей? *Гнев*, *возмущение*, *протест* не учитывают того компонента, который связан с чувством справедливости. Тот, кто нарушил *корпоративную этику*, *вынес сор из избы* с позиций членов той же корпорации имеет оценку «плохо», его называют и *непорядочным*, и *предателем*. А с позиций общества в целом, с учетом общественных ценностей тот, кто рассказал о внутрикорпоративных безобразиях, по крайней мере, не должен получить оценку «плохо», но должен обозначаться либо нейтрально, либо с оценкой «хорошо». Однако же едва ли *героем* или *борцом* и т.п., что было бы и слишком широко, а следовательно неясно, и слишком пафосно. Но как?

Особенно отчетливо видны такие и другие лакуны при переводе, например, на русский язык. В частности, для весьма полезного английского гиперонима *gap* нет русского гиперонимического соответствия, но есть только гипонимы, такие, как *разрыв*, *провал*, *щель*, *промежуток*, *зазор*, *дыра*, *окно* (в расписании) и т.п.

3. Предъявленные выше языковые лакуны являются таковыми по отношению к объективной реальности, максимально полно и точно отражать которую должен стремиться любой язык. Эти языковые лакуны не то же самое, что сравнительно редкие **морфологические лакуны** (*щец*, *дровец*) как единственные члены соответствующих парадигм, отсутствие родительного множественного для *мечта* или 1 лица единственного числа для *победить* и т.п.). Языковые лакуны не то же самое, что весьма частые отсутствия предполагаемых дериватов в словообразовательных гнездах и парадигмах. Я имею в виду такие, например, случаи, как *читать* – *читатель*, но *смотреть* (спектакль, кинофильм) – *зритель*, *писать* (статью) – *автор*, *лечить* – *врач*; *мучить* – *мученик*, но *обслуживать* – *клиент*, *возить* – *пассажир* и *груз*, *обманывать* – *лох*, *хранить* – *хранилище*, но *учить* – *школа*, *вуз*, *курсы* и т.п., *лечить* – *больница*, *поликлиника*. Во всех приведенных примерах некоторая «ментальная сетка» уже как бы заранее наложена на действительность, и соответствующие «клеточки» лишь заполняются по-разному, с помощью или словообразовательных дериватов, или лексических единиц с иными корнями. Иными словами, в этих случаях языковой лакуны нет, есть лишь разные формальные способы заполнения соответствующей позиции. При этом отсутствие словообразовательного деривата принципиально соответствует основной характеристике словообразовательных отношений – их нерегулярности. В отличие от регулярного словоизменения.

Построенные по известным словообразовательным моделям, многие окказиональные слова новейшего времени, возникающие в русском языке, как кажется, не содержат серьезных когнитивных прорывов. Они реализуют лишь не слишком активную тенденцию к «подравниванию» собственно словообразовательных

реализаций. Среди слов – финалистов конкурса «Слова 2009» к таким, например, следует отнести *влиятель* – «человек, оказывающий влияние» или *нехоть* – «состояние, когда ничего не хочется» (замечу, что очень близкое значение получает в новейшем употреблении слово *лениво*, выступающее в качестве категории состояния вместо *лень*). Сюда же и придуманное А.Б. Градским *журналюга* – «журналист» + оценка «плохо», соотносимое формально с *вор* – *ворюга*, а содержательно со *статья* – *статейка*, *компания* – *компашика* и т.п.

Из финалистов конкурса «Слова 2009» заслуживают внимания слова *беруша* – «взяточник» + «ласково» и *спасибчивый* – «щедро раздающий «спасибо»». Первое придает *взяточнику*, т.е. тому, кто *берет* (с невыраженным *что?* и *за что?*), положительную оценку, что весьма симптоматично для характеристики общества. Второе *спасибчивый* едва ли содержит когнитивный прорыв в указанном значении (ср. *улыбчивый*, *влюбчивый* с семьей «больше нормы»). Ситуация могла бы стать прорывной, если семантизировать *спасибчивый* иначе, а именно «ограничивающийся только словами *спасибо*» Ср. *из спасибо шубу не сошьешь; спасибо некрасиво, надо денежки платить; сухая ложка горло дерет* и т.п., отражающие ту корыстную мораль, которая набирает силу в современном русском обществе (ср. *беруша*). Подчеркну, что во второй предполагаемой семантизации отражается отнюдь не традиционная для словообразовательных отношений семантика, а именно «употребляющий X больше нормы», но необычная «пользующийся только X-ом».

4. Наиболее эффективным способом обогащения когнитивного пространства русского языка выступает не деривация по словообразовательным формальным моделям и семантическим образцам. В такой роли выступает чаще всего сложение корней, служащее для нестандартного обозначения нуждающихся в номинации феноменов. При этом в таком сложении корни часто выступают не полностью, но своими частями. Самый яркий пример такого типа *хрущоба* для обозначения пятиэтажных панельных домов без лифта, с минимальными удобствами, без всяких претензий на комфорт, возводимых очень быстро и рассчитанных на 20-летний срок эксплуатации. Соединение в одном слове и обозначения времени строительства – «при Хрущеве» – (ср., например, *сталинский дом*), и качества дома – *трущоба* – обеспечило этому слову удивительную жизнеспособность. Принципиально таким же образом создано протоиреем Михаилом Ардовым слово *олигархирей* (олигарх + архиерей) для обозначения неприлично богатого служителя церкви. Кажется, набирает силу очень простое образование по такой же модели – *Кимерика* для обозначения зоны взаимодействия между Китаем и Америкой (Ср. также *Евразия* и *Азиона*). Из слов-финалистов конкурса 2009 года сюда же *брехлама* (*брехать*, *хлам*, *реклама*) и *трепортер* (*трепать* – «безответственно говорить» и *репортер*). Впрочем эти слова – едва ли нечто прорывное, поскольку содержательно они реализуют очень простую семантическую модификацию по параметру «отрицательная оценка» (ср. *журналюга*).

5. В заключение обращусь к одному примеру, который, на мой взгляд, очень четко показывает и необходимость создания новых слов для становящихся актуальными жизненных реалий, и трудности, возникающие в процессе такой работы.

В конце 80-х годов прошлого века в русском языке появилось слово *васькизм*, обозначающее ситуацию, описанную в басне И.А. Крылова «Кот и повар», где повар страстно и долго обличает кота по имени Васька, сжигающего в это время украденного со стола курчонка. Последние слова басни «*А Васька слушает да ест*», став поговоркой, и дали основание для деривата *васькизм* от *Васька*. Это слово обозначает любую ситуацию с двумя участниками. При этом один из них нагло нарушает нормы поведения. Другой же, обязанность которого этому противодействовать, ограничивается лишь обличительными речами, но реально ничего не делает для того, чтобы изменить ситуацию. На авторство в изобретении слова *васькизм* претендуют академик-экономист Леонид Абалкин, поэт Евгений Евтушенко и писатель Сергей Есин. Дело, однако, не в том, кто первым сказал «А». Обилие претендентов говорит лишь о том, что объективно необходимы какие-то слова для обозначения самого явления. *Попустительство*, *халатность* отражают действие только одной стороны и не предполагают шумного словесного протеста. *Призывать*, *угрожать*, относясь также лишь к одной стороне, не сообщают, что источником этих действий является тот, чьи возможности и обязанности требуют не слов, но решительных и эффективных действий. *Наглый*, *распоясавшийся*, *отмороженный* по отношению к коту также характеризуют ситуацию односторонне. Но как совместить «слова вместо дел» с одной стороны и «игнорирование этих слов и продолжение безобразий» с другой? Удачно ли избрано для обозначения этой ситуации имя собственное *Васька*? Едва ли. Более того. Хотелось бы точно назвать отдельным особым словом не только ситуацию, но и каждого из двух ее участников. И дать какие-то мотивировки их поведения. Почему так ведет себя «правоохранитель»? Из-за физической или умственной немощи? Не потому ли, что он сам заинтересован в безобразиях (его подкупили, свалит затем на «правонарушителя» собственное воровство)? А «правонарушитель» просто наглец, или имеет защиту наверху (ср. *протекционизм*, *телефонное право* и т.п.), или сам в сговоре с «правоохранителем». Для всего этого не годятся длинные многословные описания, но очень желательны четкие и ясные слова. Нужны такие слова, например, в текстах на тему борьбы против коррупции или борьбы с экологическими преступлениями. И даже в вузовской практике, когда нерадивый студент многожды пытается с нулевыми знаниями сдать экзамен в уверенности, что *возьмет измором* или что *его никогда не отчислят*.

6. Наличие языковых лакун, как мне кажется, не помогает обществу развиваться и самосовершенствоваться. А возможности заполнения таких лакун менее всего связаны со словообразовательной семантической модификацией. Здесь словообразование может помочь лишь в рамках остроумной и неожиданной мутации. Однако учтем опыт М.В. Ломоносова – Н.М. Карамзина – В. Хлебникова и др., обогативших русский язык многими словами – когнитивными открытиями. Эти выдающиеся деятели культуры апеллировали не только к словообразовательным ресурсам русского языка, но и к другим языкам, широко используя как прямые заимствования, так и калькирование.

Igor G. Miloslavsky**WORD-FORMATION ROLE IN THE EXPANSION OF
COGNITIVE SPACE OF RUSSIAN LANGUAGE**

The paper deals with two questions: shortage of words in modern Russian and possibility of word-formation system to diminish this shortage. Regular semantic modifications as a feature of word-formation system are not able to achieve wanted progress in reflecting reality. Such enrichment can be done with «mutation», using compound of roots and other techniques apart from word-formation.

Alicja Nagórko

(Humboldt-Universität zu Berlin, Niemcy)

PROCESY SŁOWOTWÓRCZE A SEKULARYZACJA

1. Latynizm *sekularyzacja* (czes. *sekularyzace*, ukr. *секуляризація*) pochodzi jak wiadomo od przymiotnika *saecularis* ‘świecki’¹. W prawie kanonicznym słowo to oznaczało pierwotnie powrót osoby zakonnej do stanu świeckiego. W okresie rewolucji francuskiej odnosiło się ono do konfiskaty mienia kościelnego przez państwo. W najszerszym sensie jest to nazwa procesu postępującego rozdziału kultury, oświaty, wychowania, nauki itp. i religii – inaczej mówiąc, ograniczania wpływu kościoła na życie publiczne. „Sekularny“ staje się więc synonimem sfery „profanum“ i antonimem „sacrum“. Sekularyzacja pewnych praktyk społecznych, rytuałów, idei, kultury masowej, nie pozostaje bez wpływu na język. Teolingwistyka zwraca uwagę na postępujące zeświecczenie języka religijnego, mówi się nawet o zaniku poczucia sacrum (por. Grzelak 2005: 45, Przybylska/ Przczyzna 2005: 222). Rozdział tych dwu sfer – religijnej i świeckiej – to zjawisko inkryminowane przez jednych, pozytywnie oceniane przez innych. W swoim referacie powstrzymuję się od jakiegokolwiek wartościowania i skupiam się na analizie wybranych faktów językowych. Z braku miejsca rezygnuję też z prób wytyczania granic leksyki religijnej, które są nieostre. Pragnę skupić się na słowach-kluczach (»key words«), których religijna proveniencja nie budzi niczyich wątpliwości².

2. W szczególności mam zamiar zająć się słowotwórczymi mechanizmami sekularyzacji. Dotyczy ona bowiem przede wszystkim leksyki, ta zaś jest w dużej mierze produktem słowotwórstwa. Jej analiza tekstowa, uwzględniająca semantykę i pragmatykę, pozwala też ukazać w nowym świetle procesy derywacji. Dodać trzeba, że określenia *proces* używam w znaczeniu operacyjnym, a nie historycznojęzykowym. Chodzi o techniki derywacyjne w szerokim znaczeniu, a więc poza kanonicznym słowotwórstwem **afiksальnym** byłyby to: **konwersja** (np. *świętość* sg.t., por. *świętość życia* > *świętości* pl.t., por. *narodowe świętości*, *świętości nie szargać*³; *Maryja Wniebowzięta*_{żeńsk.} >

¹ Przymiotnik ten pochodzi z kolei od *saeculum* ‘wiek, stulecie’, znanego z liturgicznej formuły *in saecula saeculorum* ‘na wieki wieków’. To skojarzenie, znane wiernym pamiętającym mszę łacińską, może być mylące i prowadzić do utożsamiania sekularyzacji z sakralizacją. Sprzyja temu brzmieniowa bliskość obu terminów. Wspominam o tym, ponieważ parę osób, z którymi rozmawiałam na temat projektu, zdawało się iść tym tropem.

² Prezentowane tu badania wchodzą w zakres szerszego projektu leksykograficznego, który obejmuje leksykę pierwotnie religijną w jej użyciach pozareligijnych w języku niemieckim, polskim, słowackim i czeskim. Na hasła wytypowane do analizy w pierwszym etapie składają się niem. *Antichrist, Apokalypse, Arche Noah, beichten/ Beichte, Buße, Christus, Demut, Engel, erlösen/ Erlösung/ Erlöser, ewig/ Ewigkeit, Fasten, Fegefeuer, geißeln/ Geißelung, Geist, Gewissen, glauben/ Glaube, Gott, Guru, heilig, Himmel, Hölle, Ikone, Karma, Keuschheit/ Reinheit, kosher, Kreuz, Kult, Märtyrer, Mekka, Messias, Nirvana, Opfer, Pate, Paradies, Prophet, Religion, Satan, Schuld, Seele, segnen/ Segen, sündigen, taufen/ Taufe, Tempel, Teufel, Versuchung, Wunder*. Niemieckie słowa kluczowe mają swoje odpowiedniki w pozostałych badanych językach. Łatwość przekładu, znikome trudności translatorskie, wynikają ze wspólnej bazy tej leksyki, jaką jest przede wszystkim Biblia i wybrane internacjonalizmy pochodzące ze słownictwa religii niechrześcijańskich.

³ Por.: *ale Świętości nie szargać, bo trza, żeby święte były, ale Świętości nie szargać: to boli* (Stańczyk, w: S. Wypiański, Wesele)

wniebowzięty ‘zachwycony’: w tym znaczeniu przymiotnik odmienny przez rodzaje⁴), **kontaminacja** i różnego typu **ucięcia**, zawsze mocno nacechowane (por. *Budda + psu na budę* > *psu na Buddę*; niem. *Arche Noah* + łac. *nova* > *Arche Nova* lub *Arche noVa* jako nazwa własna różnych instytucji⁵; słow. pot. *ančičáš*, czes. *ancijáš* od *antikrist/ ancikrist*), **kompozycja** (tak charakterystyczna dla języka niemieckiego, por. utworzone ad hoc komposita *EU-gläubig*, *fussballfromm* o nowych wzorach bombek choinkowych – z flagą unijną bądź w formie piłki futbolowej, zasłyszane w ZDF, 2.12.09), a nawet **frazematyka** (niem. *Hund(e)himmel/ pol. psie niebo, Fußballhimmel/ czes. fotbalové nebe*, słow. *futbalové nebo*).

3. Niektóre zjawiska słowotwórcze są niejako z przyczyn kulturowych naznaczone piętnem sekularyzacji, inne należą raczej do immanentnych reguł językowych, które rodzą przy tym podobne skutki semantyczne. Te pierwsze można powiązać z nowymi nurtami w teologii: z rozwijaną od połowy XX wieku teologią feministyczną, oraz z późniejszą zooteologią, powstałą w latach dziewięćdziesiątych ubiegłego wieku (zwaną inaczej teologiczną zoologią)⁶. Nie wdając się w debatę teologiczną, warto w tym miejscu zwrócić uwagę na rolę **feminatywów**, których podstawą mogą być zarówno antropimimy, jak i zoonimy. Transcendentny, pozamaterialny wymiar sacrum jest z kolei przyczyną niepodatności leksyki religijnej na tworzenie zdrobnień – zastosowanie odpowiednich technik słowotwórczych prowadzi do **quasi-deminutywów**. Do immanentnych mechanizmów językowych zaliczyłabym zaś oparte na **metaforze** i **metonimii** derywaty typu czasownikowych *demonizować*, *rozanielić się*, *ubóstwiać*, przysłówkowych *anielsko*, *bosko* itp. Różny jest stopień ich motywacji słowotwórczej, czasem już zatartej i niewyraźnej. Podobnie oceniać można religijne konotacje w wykrzyknikach typu *Boże! Jezu!* Te ostatnie są również produktem derywacji, różnią się bowiem od odpowiednich rzeczowników *Bóg*, *Jezus* ubóstwem znaczenia, które ustępuje opisowi sytuacji użycia. Wykrzykniki są zatem domeną pragmalingwistyki, siła illokucyjna wielu z nich bliska jest zaklęciom, klątwie i przekleństwu. Wiele z nich ma podstawę religijną (por. ocierające się o blasfemię niem. *Himmel*, *Arsch und Zwirn!*, czes. *Himlhergot!* słow. *nebesá!*, pol. *do diaska!*). Przyjrzyjmy się nieco dokładniej wybranym przykładom.

3.1. Nazwy żeńskie (feminativa)

Tradycyjny, androcentryczny obraz Boga przekazany przez Biblię jest faktem, por. metafory *Ojciec*, *Sędzia*, *Pan*, *Król*. Ten typ obrazowania należy do naszego dziedzictwa kulturowego, toteż poddawanie go w wątpliwość nie ma większego sensu. Warto jednak przyrzeć się feminatywom: nazwom kobiet i samic pochodnym od nazw

⁴ Znaczenie tego złożonego przymiotnika jest prymarnie religijne, toteż za wyjściową uznaję formę żeńską. Jest też ona podstawą dla urzeczownikowionej nazwy własnej, pisanej dużą literą *Wniebowzięta* – synonimu Maryi.

⁵ Ta modyfikacja związku arka Noego stała się mniej lub bardziej umotywowaną nazwą własną, por. *Arche noVa – Initiative für Menschen in Not e.V.*; *Arche Nova Montessori Schule für Alle e.V.*, München; także nazwa ekologicznej restauracji we Frankfurcie nad Menem itp.

⁶ Por. prace niemieckiego teologa Rainera Hagencorda *Gott und die Tiere*, 2008, *Diesseits von Eden*, 2009, w których krytyce poddana została antropocentryczna wizja świata.

męskich bądź gatunkowych występujących w Biblii i innych tekstach religijnych. Sama ich analiza lingwistyczna mówi sporo na temat religijności społeczeństwa, które takiego języka używa.

Zacząć trzeba od stwierdzenia, że istnieją w języku religijnym nazwy wyłącznie żeńskie, jak określenia Maryi *Bogurodzica*, *Wniebowzięta* – por. obraz *Madonny Wniebowziętej*. Wspomniany wyżej przymiotnik *wniebowzięty* z rodzajową formą męską ma już znaczenie zsekularyzowane, por. *Pułkownik był wniebowzięty, poklepał go po ramieniu i od tej chwili darzył szczególnymi względami*. (ISPJ 2). Języki słowiańskie rozróżniają *Wniebowzięcie (Maryi)* i *Wniebowstąpienie (Chrystusa)* – analog. słow. *nanebovzatie* i *nanebovstupenie*, czes. *nanebevzetí* i *nanebevstoupení*, które w niemczyźnie mogą być oddane tym samym złożeniem *Himmelfahrt*⁷. Wśród określeń Chrystusa brak jednak **Wniebowstąpiony*. Genetycznie biorąc byłby to bowiem zrost zawierający imiesłów bierny **wstąpiony*, którego czasownik ruchu *wstąpić* – podobnie jak inne czasowniki ruchu *pójść*, *pojechać*, *udać się* – nie dopuszcza. Odmienne rzecz ma się z *wziąć* (*kogoś do nieba*), bo ten czasownik poddaje się pasywi-zacji. W ten sposób gramatyka pozwala różnicować istotne treści teologiczne: tylko Chrystus, jak to określa pieśń wielkanocna, *udał się do nieba samowładnie*.

Mamy też nazwy wyłącznie męskie, zastrzeżone dla Chrystusa: *Mesjasz*, *Odkupiciel*, *Zbawiciel*, *Ukrzyżowany* oraz dla Boga Ojca: *Stwórca*. Ale już jako symbol *Ducha Świętego* występuje w Biblii feminativum *gołębica*, czeskie *holubice* – por. *A gdy Jezus został ochrzczony, natychmiast wyszedł z wody. A oto otworzyły Mu się niebiosy i ujrzal Ducha Bożego zstępującego jak gołębicę i przychodzącego na niego*. W czeskim: *Když byl Ježíš pokřtěn, hned vystoupil z vody, a hle, otevřela se nebesa a spatřil Ducha Božího, jak sestupuje jako holubice a přichází na něho* (Mt. 3,16) Także Noe wypuścił z arki nie *gołębia*, lecz *gołębicę*, chcąc się przekonać, czy opadły wody potopu: *Prze-czekawszy zaś jeszcze siedem dni, znów wypuścił z arki gołębicę i ta wróciła do niego pod wieczór, niosąc w dziobie świeży listek z drzewa oliwnego*. Czeskie: *Čekal ještě dalších sedm dní a znovu vypustil holubici z archy. A holubice k němu v době večerní přilétla, a hle, měla v zobáčku čerstvý olivový listek*. (Rodz. 8,10-11)⁸. W języku niemieckim jest tylko jedna nazwa gatunkowa *Taube* (brak **Taubin*).

W polszczyźnie XVI w. frekwencja *gołębicy* (87) i *gołębia* (116)⁹ są niemal sobie równe. Jest to o tyle nietypowe, że współczesna polszczyzna raczej nie dopuszcza słowotwórczych nazw samic dla nie-ssaków. Jest *lwica*, *niedźwiedzica*, *wilczyca*, ale nie **pingwinica*, **rekinica*, **wężyca*, **wróblica*. Świadczyłyby to o istnieniu pewnej hierarchii w postrzeganiu świata zwierząt: im wyższa pozycja, tym bardziej szczegółowy

⁷ Niezróżnicowane niem. *Himmelfahrt* – por. *Himmelfahrt Christi* oraz *Mariä Himmelfahrt* – może być w niemczyźnie użyte w sensie pozareligijnym, jak w złożeniu *Himmelfahrtkommando* ‘jednostka militarna do niebezpiecznych zadań specjalnych’ (w domyśle: jej członkowie mogą nie wrócić żywi z wyprawy).

⁸ Nawiązujący do Biblii symbol pokoju – gołąb z gałązką oliwną w dziobie – jest już jednak rodzaju męskiego: *gołąb(ek) pokoju*. Rozpoznawalny rysunkowy kształt nadał mu Pablo Picasso na powojennym światowym kongresie młodzieży we Wrocławiu (1948). Gołąb z gałązką oliwną był ulubionym symbolem popieranym przez ZSRR ruchów pokojowych. Czy zdawano sobie sprawę z jego biblijnego rodowodu?

⁹ Dane za: Słownik polszczyzny XVI wieku, tom VII, F – GOŃCZY, Ossolineum 1973. Dla porównania: różnica w częstotliwości użycia pary *oślica* (80) i *osioł/ osiel* (396) ma się już jak 1 : 5 – tamże, tom XXII OPOW – OŹŹ, 1994.

ogład. Wśród ptaków hodowlanych zwraca uwagę zwyczaj tworzenia nazw samców, a nie samic, por. serię *gęsior*, *indor*, *kaczor* z sufiksem **-or**. Jak stwierdza Kleszczowa w odniesieniu do staropolszczyzny: *Kierunek derywacji wśród nazw zwierząt nie był tak oczywisty jak wśród rzeczowników osobowych. Różnicowanie obu płci odbywało się głównie na poziomie leksykalnym (...) Różnicowanie za pomocą środków słowotwórczych było rzadsze i dwukierunkowe, choć – przyznać trzeba – więcej jest przykładów na kierunek pochodności: żeńskie od męskich...* (Kleszczowa 1998: 80-81). Zauważmy, że odrębne leksemy dla samic i samców, a więc maksymalne zróżnicowanie, spotyka się w odniesieniu do zwierząt hodowlanych (*baran – owca*, *byk – krowa*). Wysoka ranga *gołębic* wynika z jej symbolicznego charakteru w Biblii i jest dziełem tłumaczy (w języku niemieckim parze *gołąb/ gołębica* odpowiada jedna nazwa gatunkowa *die Taube*).

Środki słowotwórczej feminizacji są jak wiadomo dość bogate i zróżnicowane. W interesującym nas zbiorze nazw znaleźć można zarówno derywaty sufiksalne, jak i przykłady konwersji. Zaczniemy od derywacji sufiksальной:

a) nazwy z przyrostkiem **-ica/-yca**: *gołębica*, *niedźwiedzica* (Prz 17,12), *oślica*; *anielica*, *czarownica/ Hexe*, *diablica/ Teufelin/ cz. čertice*, *papieżyca/ Päpstin*.

Jako środek wyspecjalizowany w funkcji tworzenia nazw samic, gdzie żeńskość ma wybitnie biologiczny charakter, jest to sufiks pragmatycznie nacechowany. Tylko określenia samic w świecie zwierząt są neutralne. Poza już omawianą *gołębicą* przekaz biblijny zna oślicę (czeskie *oslice*) mądrzejszą od swego pana, proroka Balaama – w języku ogólnym utrwaloną w postaci frazeologizmu *oślica Balaama* – por. Wówczas otworzył Pan usta oślicy, i rzekła do Balaama: »Cóż ci uczyniłam, żeś mnie zbił już trzy razy?«Balaam odpowiedział oślicy: „Dlatego, żeś sobie drwiła ze mnie” (Lb 22,28).

Pozostałe formy można uznać za sekularne bądź zsekularyzowane. Pochodne od anioł i diabeł nazwy żeńskie *anielica*, *diablica* odnoszą się nie do transcendentnych istot duchowych, lecz do kobiet. Ciśnie się jednak pytanie, jakiego rodzaju są te duchy? Mamy tu na myśli rodzaj gramatyczny, który w przypadku nazw żywotnych jest jednak skorelowany z płcią. Istotom bezpłciowym nadaje się cechy płciowe na podstawie metaforycznej. W polszczyźnie możliwa jest przy tym ambiwalencja rodzaju męskoosobowego i niemęskoosobowego: *diabli – diabły*, *anieli/ aniołowie – anioły*, por. A niech to Diabli, Diabli, Diabli, Diabli, Diabli! (Gombrowicz, *Transatlantyk* 77), ale: *Diabły z Loudun*, tytuł opery Pendereckiego. Jest to jednak już problem nie słowotwórczy, lecz fleksyjno-składniowy: te *diabły* lub ci *diabli*. Pobieżny przegląd frazeologii zdaje się wskazywać na przewagę form męskoosobowych, por. *Złego diabli nie biorą; jak wszyscy diabli; A niech to diabli!*

Odnoszące się do kobiet *czarownica* i *papieżyca* mają dziś znaczenie historyczne: *czarownica* motywowana jest nie przez odpowiednią nazwę męską, lecz wprost przez rzeczownik *czary*: ‘kobieta, którą podejrzewano o moc czynienia *czarów* za sprawą diabła’ (*czarownik* to raczej postać z bajek)¹⁰; *papieżyca* to kobieta-*papież* ze

¹⁰ Brak prostej odpowiedniości między *czarownicą* a *czarownikiem* świadczyć może o tym, że kobietom przypisywano inny rodzaj grzeszności, co dzisiaj byłoby anachronizmem. Zwrot *polowanie na czarownice* używany w publicystyce ma już znaczenie ogólniejsze, odnosi się w ogóle do ludzi, por. *Komitet McCarthy’ego rozpoczął oficjalne polowanie na czarownice wśród podejrzanych o komunizm*. (ISJP 2) W niemieckim od feminativum *Hexe* utworzony został derywat męski *Hexer*, podobnie pol. *wiedźma* > *wiedźmin*. Magia zdaje się być domeną kobiet.

średniowiecznej legendy, por. *papieżyca Joanna*. Dziś używane są one jako ironiczno-złośliwe epitety, por. *ty czarownico!*; *redaktor Papieżyca Parandowska*, *papieżyca współczesnej teatrolologii*, *papieżyca polskiej blogosfery* (przykłady *papieżycy* zaczerpnięte z Internetu)¹¹

b) nazwy z sufiksem **-ini/-yni**: *Bóg* > *bogini*, *prorok* > *prorokini*...

Interesujących nas form jest w tej grupie niewiele. Jaskrawym przykładem jest tu *bogini*, w której żeński pierwiastek jest nie do pogodzenia z ideą jedyne *Boga*. Może tu chodzić albo o postać z religii politeistycznej, albo o w pełni zsekularyzowane znaczenie ‘kobieta adorowana przez kogoś, głównie z racji niezwyklej urody’. Nazwa *prorokini* natomiast – w przeciwieństwie do *proroka* – nie jest zdaje się używana w języku ogólnym. Chrześcijanie identyfikują ją z *prorokinią Anną* (Łk 2,36).

c) nazwy z sufiksem **-ka** są liczniejsze – poniższy wybór obejmuje nie tylko przejawy sekularyzacji. Porównajmy: pol. *apostol*/ niem. *Apostel* > *apostolka*/ *Apostelin*¹², inne: *asceta*/ *Asket* > *ascetka*/ *Asketin*, *benedyktyn*/ *Benediktiner* > *benedyktynka*/ *Benedikterin*, *franciszkanin*/ *Franziskaner* > *franciszkanica*/ *Franziskanerin*, *heretyk*/ *Ketzer* > *heretyczka*/ *Ketzerin*, *kapłan*/ *Priester* > *kapłanka*/ *Priesterin*, *katolik*/ *Katholik* > *katoliczka*/ *Katholikin*, *misjonarz*/ *Missionar* > *misjonarka*/ *Missionarin*, *mystyk*/ *Mystiker* > *mistyczka*/ *Mystikerin*, *mnich*/ *Mönch* > *mniszka*/ *Nonne*, *teolog*/ *Theologe* > *teolożka*/ *Theologin*.

Produktywność tego środka jest porównywalna z niem. **-in**, toteż cytowane są tu i niemieckie odpowiedniki polskich par wyrazowych. Nie zawsze są one izomorficzne (por. czysto leksykalna opozycja w *Mönch – Nonne*, konwersja w *der/ die Scheinheilige*). W centrum naszej uwagi znajdują się jednak procesy sekularyzacyjne. Wyjściowe nazwy męskie są związane z pełnieniem rozmaitych funkcji w życiu religijnym i kościelnym. Jeśli są one zastrzeżone dla mężczyzn, wówczas ich odpowiednik żeński – o ile funkcjonuje w języku – musi mieć znaczenie świeckie, chociaż niepozbawione konotacji religijnej, por. *apostolka*, *kapłanka*. Ta pierwsza nazwa w języku polskim odnosi się do podstawy apostoł₂ ‘zarliwy krzewiciel jakiejś idei, nauki, jakichś zasad, w tym zasad chrześcijańskich’, a nie do apostoł₁ ‘jeden z dwunastu uczniów wybranych przez samego Chrystusa, którego imię podają Ewangelie’¹³ (por. DSS: 415). W materiale słowackim znaleźć można formację *apostolka* – np. *laicka apoštolka Lujza* (z blogu internetowego). Formacja *kapłanka* używana bywa w odniesieniu do kobiet pastorów, brzmi jednak archaicznie i przez to podniosłe. Podobnie uroczysty charakter ma ona w kontekstach świeckich, por. *kapłanka sztuki*.

¹¹ „Papieżycza z zachodniej granicy” – tak Newsweek.pl (15.12.09) zatytułował materiał o wyborze Margot Käßmann w październiku 2009 na przewodniczącą Rady Kościoła Ewangelickiego. Tytuł taki jest o tyle zaskakujący, że kościół protestancki nie uznaje zwierzchności papieża. Intencją nazwy *papieżyca* może być jednak ośmieszanie papieżstwa.

¹² Nienotowana w słownikach języka niemieckiego, już w tłumaczeniu Biblii Lutra występuje *Apostelin Junia*, w polskim przekładzie Biblii Tysiąclecia odpowiada jej forma męska, por. Pozdrowcie Andronika i Juniasa, moich rodaków i współtowarzyszy więzienia, którzy się wyróżniają między apostołami, a którzy przede mną przystali do Chrystusa. (Rz 16,7). Jednak w przypisach polscy tłumacze podają, że w Wulgacie Junias ma imię żeńskie *Junia* i że chodzi o „apostołów” w szerszym sensie.

¹³ W szerszym religijnym sensie *apostol* to ktoś, kto jest zaangażowany w apostołstwo – por. utarte wyrażenie *Apostolowie Słowian* w odniesieniu do Cyryla i Metodego.

Sufiks **-k(a)** nie cofa się dziś przed łączliwością z tematami męskimi na **-log**, jeszcze do niedawna nieakceptowanymi jako podstawy (por. Łaziński 2006: 257). Nazwy takie jak *teolożka* nie brzmią dziś mniej poważnie niż *kobieta teolog*, choć mogą zdradzać sympatie względem teologii feministycznej. Z kolei pewne nazwy zakonne stały się w świecie współczesnej konsumpcji nazwami firmowymi, por. *Franziskaner* – marka piwa, *benedyktynka* – nazwa likieru. Z klasztorami wiąże się tradycyjnie produkcję preparatów ziołowych, leków, nalewek itp., toteż zakonnicy i zakonnice stanowią częsty motyw w reklamie. Jest to już jednak sekularyzacja innego typu niż ten, który nas tu interesuje.

d) rzadki sufiks **-ysza**: *przeor/ Prior* > *przeorysza/ Priorin* – godzien jest wzmianki choćby z tego powodu, że pomijany w opracowaniach słotwórczych. Jest on jednak nieproduktywny i niepodatny na zeświecczenie, co zapewne idzie ze sobą w parze.

e) konwersja polegająca na zmianie typu fleksji jako głównym sygnale żeńskości:

chrzestny/ Pate > *chrzestna/ Patin*, *świętoszek/ der Scheinheilige* > *świętoszka/ die Scheinheilige*, *święty/ der Heilige* > *święta/ die Heilige*, *wierzący/ der Gläubige* > *wierząca/ die Gläubige*; tu wejdzie też nowy typ *ksiądz* > *pani ksiądz*¹⁴, *pastor* > *pani pastor* (por. Łaziński 2006: 229). Podobnie jako konwersję wypadnie zaszerzować rzeczowniki na **-ica**, ponieważ mają one regularnie oparcie w postaci form na **-nikø**, por. *grzesznik/ Sünder* > *grzesznica/ Sünderin*, *pokutnik/ Büsser* > *pokutnica/ Büsserin*, *pustelnik/ Eremit* > *pustelnica/ Eremitin*, *zakonnik/ Ordensbruder* > *zakonnica/ Ordensschwester*. Część przykładów – jak *pokutnica*, *pustelnica* – brzmi współcześnie dość staroświecko. Nie można jednak z góry założyć, że feminizacja prowadzi automatycznie do profanizacji.

Przeniesienie do domeny świeckiej obserwuje się już niekiedy w samych nazwach męskich, por. *ojciec chrzestny* i neosemantyzm *ojciec chrzestny mafii*. W języku niemieckim daleko posunięty proces sekularyzacji dotknął parę *Sünder/ Sünderin*, por. *Verkehrssünder* ('pirat drogowy', tylko żart. 'ten, kto dopuścił się grzechu cudzołóstwa'), *Ampel-Sünder*, *Rot-Sünder* (o kierowcach przejeżdżających na czerwonym świetle), *Kfz-Sünder*, *Kindergeld-Sünder*, *Dopingsünder/in*, *Hygiene-Sünder*, *Euro-Sünder* (*Finnland fordert härtere Strafen für Euro-Sünder* – Welt-online). Ich pisownia jest nieustabilizowana, z dywizem lub nie, por. *Steuer-Sünder* albo *Steuersünder*. Lista grzechów współczesnego grzesznika dokumentuje przemiany cywilizacyjne, są to zarazem czyny kwalifikowane przez prawo jako wykroczenia bądź przestępstwa. Nazwy żeńskie używane są przy referencji określonej, kiedy referentem jest kobieta, por. *Dopingsünderin Klaudia Pechstein*, ale: *mutmaßliche Doping-Sünder der Olympischen Winterspiele in Vancouver*.

3.2. Pseudozdrobnienia (quasi-deminutiva)

Swoistą cechą słotwórstwa słowiańskiego jest jak wiadomo łatwość tworzenia zdrobnień, które często nie mają odpowiedników w językach germańskich. Te same wykładniki stosowane są też w funkcji pragmatycznej, tj. w słotwórstwie o dużym

¹⁴ Standardowy tytuł *ksiądz* jako ta *ksiądz* ma szansę przyjąć się w odniesieniu do kobiet ordynowanych w kościołach protestanckich. Literatura piękna wyprzedza tu uzus ogólny, por. dramat Mariana Pankowskiego *Ksiądz Helena* (1990). W sztuce S. Mrożka „Wielebni“ występuje też żeńska forma *wielebna* – *wielebna Glora Burton* (por. S. Mrozek, *Utwory sceniczne*, Warszawa 1999: 19) Dodać trzeba, że tradycjonaliści postrzegają tę ekspansję feminatywów jako zagrożenie dla jedności Kościoła.

ładunku ekspresywnym, gdzie nie chodzi o nazwanie czegoś, lecz o wartościowanie i emocje – są to quasi-deminutiva. Niektórzy badacze przypisują im obecność elementu ‘non-serious’ (por. Nagórko 2006: 128), a więc jakby dystansowanie się mówiącego względem ich podstawowej treści. Wiele przykładów pochodzi przy tym z języka dziecięcego i nosi piętno infantylności: tak niektórzy dorośli rozmawiają na tematy religijne z małymi dziećmi. Spotyka się je też w języku folkloru jako przejaw ludowej pobożności. Oba kody – dziecięcy i gwarowy – cechuje silniejsza niż normalnie potrzeba emocjonalności i bliskiej więzi z tematem. Z teologicznego punktu widzenia kryją się za takimi formami pojęcia niepodlegające „zdrabnianiu”, to ostatnie jest nawet sprzeczne z istotą sacrum. Porównamy: pol. *aniołek, anioleczek, Bozia, Boziuchna, Boziulka, cherubinek, diabelek, diabłątko, duszek, duszyczka, grzeszek, Jezusek, krzyżyk, paciorek, piekielko...*; czes. *anděliček, andělek, bužek, čertík, diblík, dušička, hříšek, Jezulátko, křížek, pekličko...*; słow. *anjelik, anjeliček, diablik, dušička, dušok, hriešik/ hriešok, križik*. W czeskim i słowackim możliwe jest nawet *nebičko* – por. czes. *odejít do nebička, být v nebičku*; Tak może wyglądać rozmowa z dzieckiem na trudne tematy śmierci osób bliskich.

Brak umiaru w stosowaniu zdrobnień grozi jednak infantyлизacją, por. *To jest zając, Tu palemka, Tu kurczaczek z barankiem mieszka, A na końcu pisaneczki: białe, żółte, malowane, na talerzu układane* (Internet: Platforma Edukacyjna, konspekt zajęć dla dzieci 6-letnich).

W języku niemieckim takie prawdziwe bądź wyimaginowane pomniejszanie pojęć ma dość ograniczony zakres, por. *Engelchen, Kreuzchen, Teufelchen, Seelchen, Götze/božek* – ale już *paciorek* ‘kurzes Gebet’, *grzeszek* ‘kleine Sünde’. Zabiegi te prowadzą nieuchronnie do znaczeniowej profanizacji.

Wyjątek stanowi tu *baranek* (a nie *baran*) jako zapowiedź ofiary Chrystusa¹⁵, por.: *Jak baranek na rzeź prowadzony/ Jako béranek vedený na porážku/ Wie ein Lamm zur Schlachtbank*, Iz. 53,7). Wielkanocne figurki z cukru, gipsu lub innej masy noszą też nazwę *baranek* i są pamiątką ofiary paschalnej. Mamy tu rzecz jasna do czynienia ze starą tradycją tłumaczenia Biblii. Wybór *baranka* a nie *barana* przez tłumaczy podkreśla młodość, a przez to i niewinność ofiary (niemieckie *Lamm* to przede wszystkim ‘jagnię’). Nasuwa się jednak pytanie, jak rozumiana jest ta nazwa w ponowoczesnej kulturze konsumpcji? (Por. Mamzer 2005).

3.3. Derywacja metaforyczna

Dekonstrukcja metafor słowotwórczych jest próbą wnikięcia w ich motywację, co nie dla wszystkich i nie zawsze jest czytelne. Na przykład stare nazwy przyrodnicze, używane potocznie, zawierają często aluzje religijne, są odbiciem tradycyjnego ludowego postrzegania świata, por. niem. *Engelstrompeten*, pol. *anielskie trąby* ‘duże kwiaty, wyglądające jak trąby’¹⁶, *Himmelsschlüssel*, czes. *nebe(s)klič*, dosł. ‘klucze (do) nieba’

¹⁵ W Im. *baranki* to użyte przez Jezusa określenie ludu Bożego (J 21,15). W Ewangeliach mowa jest też często o owcach (por. Mt 18,12; J 16-17), jednak proboszcz nazwie swoich parafian raczej *owieczkami* a nie *owcami*. Deminutywizacja działa tu łagodząco, ułatwiając przeniesienie nazwy ze zwierzęcia na człowieka.

¹⁶ Anioły muzykujące na różnych instrumentach to częsty motyw malarski w Średniowieczu i Renesansie, por. też frazeologizm (*Jdm. hängt) der Himmel voller Geigen* – dosł. ‘niebo pełne skrzypiec’ (Ktoś patrzy z optymizmem w przyszłość).

(w pol. *pierwiosnek*): te polne i leśne kwiaty wyrosły jakoby w miejscu, gdzie św. Piotr zgubił klucze do nieba. Dla współczesnych użytkowników języka jest to całkowicie arbitralne złożenie, którego podzielnosc jest jeszcze wyczuwalna, ale już nie motywacja. Ta ostatnia jest zapewne zrozumiała w eufemicznym, ironiczno-zartobliwym compositum *Engelmacherin*, czes. *andělíčkářka*, słow. *anjeličkárka* ‘fabrykantka aniołków’. Jest to wyraz przestarzały, jeśli nie archaizm, i odnosi się do nielegalnych praktyk usuwania ciąży przez niewykwalifikowane babki-akuszerki. Makabryczny humor tych określeń mógł być przez ludzi religijnych odbierany jako bluźnierstwo. Wiele tradycyjnych nazw nie kojarzy się już zupełnie z sferą sacrum, por. pol. *boża krówka* jako określenie biedronki. Etymologicznie jest *biedronka/ biedrona* dialektalną nazwą krowy łaciatej (**bedrǫ* ‘mający plamy na biodrach’ – patrz SEJP), toteż jedyną cechą umożliwiającą przeniesienie nazwy krowy na nazwę chrząszcza jest podobieństwo plamek na pancerzu do łat na ciele krowy. Przydawka *boża* wskazuje na pozytywny językowy obraz tego owada i ma oparcie w praktykach ludowych. Jest to jednak dziś materiał interesujący etnologów a nie lingwistów.

Podstawowe rzeczowniki, należące do religijnych słów kluczy, stanowić też mogą bazę dla metaforycznej derywacji. Porównajmy:

a) czasowniki: pol. *demonizować, zbiesić się, poświęcić się, rozanielić się*; niem. *himmeln* ‘spoglądać marzycielsko a. umierać’, *vergöttern* ‘ubóstwiać’, *weihnachten* (*Es weihnachtet*), czes. *čertit se* ‘wściekać się’.

b) przymiotniki: pol. *boski, cudowny, diabelski, niebiański, piekielny*; niem. *engelrein* ‘czysty jak anioł’, *himmelangst* ‘śmiertelnie przerażony’, *höllisch...*; por. też przysłowki odprzymiotnikowe: pol. *bosko, diabelnie, nabożnie, piekielnie*, czes. *nebesky – nebesky krasná žena* ‘niebiańsko piękna kobieta’, niem. *himmlisch – himmlisch leckere Plätzchen, sündhaft – sündhaft teuer, sündhaft dumm* i in. (W przypadku niektórych przymiotników/ przysłówek w grę wchodzić może też derywacja czysto semantyczna, tj. współwystępowanie w ramach tego samego leksemu znaczenia religijnego i świeckiego).

4. Quasi-religia – neopogaństwo?

Jak twierdzi Wierzbicka (1971: 69), leksyka religijna używana jest poza językiem religijnym jakby w cudzysłowie, na zasadzie cytatu, albo też na zasadzie porównania, przenośni. Dość ustabilizowane są konteksty ironiczne, np. *niebo, święty, wyznawca, kościół, bóg* (pisany małą literą) w odniesieniu do utopii komunistycznej. Przykłady:

„Ten etap – zrealizowanego komunizmu – jest miejscem *świętym ze świętych* dla *wyznawców* i nie wolno tam sięgać wzrokiem. Jest to *Niebo*.” [„Die letzte Etappe, der verwirklichte Kommunismus, ist für seine *Gläubigen* ein *heiliges Misterium*, das kein Auge zu schauen sich unterstehen soll. Es ist der *Himmel*.”] (Cz. Miłosz „Zniewolony umysł“ 1953: 47, niem. „Verführtes Denken“ 1959: 48);

„Ideologia legła w gruzach. Jeszcze w 1965 r. byliśmy z pewnością *heretykami* komunizmu. Chcieliśmy zniszczyć ten *kościół*, ale wierzyliśmy w jego *boga*.” (z wywiadu z Karolem Modzelewskim, „Gazeta Wyborcza“ 143/ 2009: 17);

„Gorbačovova perestrojka hledala ideologickou oporu v „pravem“ a nedeformovaném leninismu. Géníem zla, *padlým andělem komunistického nebe* a původcem odklonu od

hluboce lidského leninismu byl podle Volkogonova právě Stalin“ (Mlada fronta Dnes, 03.05.1996)

W języku niemieckim, czeskim i słowackim, zwłaszcza w tekstach prasowych, występuje *Himmel/ nebe/ nebo* jako synonim *Parnasu*, w którym dane jest już za życia przebywać najlepszym w danej dziedzinie, por. composita w niem.: *Architektenhimmel, Fussballhimmel, Rockhimmel, der politische Himmel...*; czes. *foťbalové nebe*, <někomu > *se otevřely brány filmového/sportovního nebe dokořan, první muž na hudebním nebi...*; słow. *futbalové nebo, sportové nebo*. To niebo postrzegane jest wyraźnie z pozycji tych, co są niżej, jest to patrzenie „z dołu w górę”, na co wskazują frazy z przyimkiem *auf/ na* (nie: *in/ v*). Pojawia się też metafora gwiazdy, por. czes. frazem *zářit jako hvězda na filmovém/politickém nebi*; niem. *Jospin, der neue Stern am linkem Himmel* (Neue Kronen-Zeitung, 08.05.1994). Wskazywałoby to na *niebo* ‘firmament’, a więc w jego świeckim, fizycznym sensie, jako konceptualną podstawę tej metafory. Nie bez znaczenia jest także kulturowe nawiązanie do przedchrześcijańskiej mitologii greckiej.

Bardziej zaskakującym kierunkiem ewolucji ‘nieba’ jest jego quasi-religijne użycie w złożeniach z nazwami zwierząt jako pierwszym członem, por.: *Hund(e)himmel, Katzenhimmel*, w których przejawia się żywiona przez ich właścicieli wiara w życie pośmiertne pupilów, w istnienie *psiego* lub *kocięgo nieba*¹⁷. Na forach i stronach internetowych roi się od wyznań typu:

„Ich kann meinen Hund doch nicht einfach einschläfern lassen. Das Herz ist für dich, was ich dir in deinen *Hundhimmel* schicke, liebe Grüße an dich und schau immer mal zu uns runter.“;

„Der kleinen Cleo wünsche ich nach ihrem Kampf eine unbeschwerte Zeit im *Hundehimmel*.“

Użycie żartobliwe przy braku emocjonalnego zaangażowania: „Bill Clintons Haustier: Socks ist im *Katzenhimmel*. Zum Abschied leise „Miau“...“ (Spiegel online, 24.02.10)

Można uznać ten uzus po prostu za swoisty przejaw neopogaństwa, albo też za przyczynek do zooteologii. Byłby to jednak już temat na odrębną rozprawę.

5. Podsumowanie

Porównawcza analiza pozwala lepiej śledzić pewne zjawiska o charakterze globalnym, do jakich należy również językowa sekularyzacja. Obok podobieństw, w obrębie grupy języków zachodniosłowiańskich widać także wyraźnie różnice nierzadko dające się objaśnić metodami lingwistyki arealnej (silniejsze wpływy kultury austriacko-niemieckiej na czeski i słowacki). Podobieństwa wynikają ze wspólnej tradycji biblijnej, w tym z pośrednictwa czeszczyzny w przekładach Biblii na język polski i słowacki. Badacze dostrzegają cechy swoiste odróżniające pod tym względem języki grupy zachodniej od pozostałych języków słowiańskich. Na przykład w przypowieści o chwaście uderza tłumaczenie jego nazwy jako pol. *kąkol*, słow. *kúkol'*, czes. *koukol*

¹⁷ Jak się wydaje, nie chodzi tu tylko o dziecięcą imaginację, jak w filmie USA Charlie – *all dogs go to heaven trailer* (1989), niem. tytuł *Charlie / alle Hunde kommen in den Himme*.

(Mt 13, 24-30), podczas gdy w języku rosyjskim występuje nazwa *плеveлы*. Określenia te nie są synonimiczne (Biblia Tysiąclecia zastępuje je ogólnym hiperonimem *chwast*). Zamiana w językach zachodniosłowiańskich była nieprzypadkowa, kąkol stanowił bowiem na tych ziemiach najbardziej rozpowszechniony typ chwastów (zob. Birik/Nikolaeva/Stepanova 1993: 36).

Z kolei różnice między językiem polskim a czeskim i słowackim można tłumaczyć silniejszym wpływem niemieczyzny na te ostatnie, por. *Himmelsschlüssel* oraz kalka czes. *nebe(s)klič*, podobnie *Engelmacherin* oraz czes. *anděličkářka*, słow. *anjeličkárka*, wykrzyknik *Himmelherrgott!* oraz jego czeska pożyczka *Himlhergot!* itd. Także quasi-religijne złożenia i zestawienia typu *Katzenhimmel* łatwiej znaleźć w tekstach czeskich niż polskich.

Byłoby jednak rzeczą przedwczesną wyciąganie z tych obserwacji wniosków co do tempa procesu sekularyzacji w poszczególnych językach. Potwierdziło się natomiast przypuszczenie, że swój udział mają w nim środki słowotwórcze.

Literatura, źródła

1. Bible. Písmo Svaté Starého a Nového Zákona. Český ekumenický překlad, Praha 1995.
2. Birik, A., Nikolaeva, E. K., Stepanova, L. I., 1993: Universal'noe i nacional'noe vo frazeologičeskich bibleizmach, w: Frazeológia vo vzdelávaní, vede a kultúre/Phraseology in Education, Science and Culture. Nitra, s. 35-39.
3. DSS = Nagórko A., Łaziński M., Burkhardt H. 2004: Dystynktywny słownik synonimów, Kraków.
4. Grzelak E., 2005: Zróżnicowanie funkcjonalne języka religijnego, w: Mikołajczak, S., Węclawski T. (red.): Język religijny dawniej i dziś, Poznań, s. 39-46.
5. Kleszczowa K., 1998: Staropolskie kategorie słowotwórcze i ich perspektywiczna ewolucja. Rzeczowniki, Katowice.
6. Łaziński M., 2006: O panach i paniach. Polskie rzeczowniki tytułarne i ich asymetria rodzajowo-płciowa, Warszawa.
7. Mamzer. H., 2005: Baranek na talerzu. Ponowoczesne menadry konsumpcji, w: Grad, J., Mamzer, H. (red.): Kultura przyjemności? Eseje kulturoznawcze, Poznań, s. 27-37.
8. Nagórko A., 2006: Warme Kulturen – kalte Kulturen? Morphopragmatische Evidenz, w: Simmler, S., Tomiczek, E. (red.): Wrocław – Berlin. Germanistischer Brückenschlag im deutsch-polnischen Dialog. II Kongress der Breslauer Germanistik. 1. Sprachwissenschaft, Wrocław – Dresden, s. 119-132.
9. Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu. Biblia Tysiąclecia, wyd. III poprawione, Poznań – Warszawa 1988.
10. Przybylska R. / Przychyna W., 2005: Komunikacja w Kościele współczesnym. Bariery i pomosty, w: J. Bartmiński, U. Majer-Baranowska (red.), Bariery i pomosty w komunikacji językowej Polaków, Lublin, s. 213-232.
11. SEJP = Boryś W., 2008: Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków.
12. Wierzbicka A., 1971: Kocha, lubi, szanuje, Warszawa.

Nagórková Alicja**TVOŘENÍ SLOV A SEKULARIZACE**

Příspěvek analyzuje slovtvorné postupy, které přispívají k semantické sekularizaci náboženské slovní zásoby, a srovnává při tom němčinu a zápodoslovanské jazyky. Mnohé slovtvorné jevy nesou už z jazykově externích důvodů pečeť sekularizace (profanizace). Nové směry v teologii – feministická větev a zooteologie – nově interpretují přechylování antroponym a zoonym. Také nepravá diminutiva – z teologického úhlu pohledu paradox – je třeba nově přehodnotit z perspektivy dětské řeči a folklóru. K jazykovým procesům profanace patří metaforické a metonymické odvozeniny ze základní náboženské slovní zásoby. Zároveň si položíme otázku po stupni jejich motivace.

Галина П. Нешименко

(Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

ОТРАЖЕНИЕ “ГЕНДЕРНЫХ” ПРОБЛЕМ В СЛАВЯНСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ¹

Вместо преамбулы

Изучением лингвистического феномена обозначений лиц, фиксирующих родополовую корреляцию, я занимаюсь на протяжении длительного времени, привлекая к исследованию синхронный и диахронный материал различных славянских языков, в первую очередь чешского и русского². Проведенные исследования позволили убедиться в практической неисчерпаемости данной проблематики, открывающейся по мере углубленного погружения в нее все новыми и новыми гранями.

Возрастание острой потребности в новых наименованиях женщин, выходящих за рамки традиционной внутрисемейной иерархии, а также их первичной профессиональной специализации, стало особенно актуальным с середины XIX в. в связи с усилившимися процессами эмансипации женщин.

В сложившейся ситуации детальное изучение данного лексического пласта, традиционно относимого к ономаσιологической / словообразовательной категории *Nomina mota*³, стало весьма значимым для решения широкого спектра теоретических вопросов, причем как из области словообразования, так и социолингвистики.

В отличие от других языков славянские обладают богатейшей палитрой средств аффиксальной деривации, активно участвующих в том числе и в образовании парных феминативов. Причем, как правило, для этой цели используются регулярные словообразовательные схемы, репродуцируемые как в повседневной непринужденной речи, так и в литературном узусе.

В силу четкой структурированности рассматриваемой деривационной категории она может служить весьма удобным материалом для решения, например, таких сложных проблем как вычленение центра и периферии словообразовательной системы, установление критериев степени продуктивности деривационных формантов. Отметим, что, в числе этих критериев важную роль играет не только участие того или иного аффикса в создании новообразований, но и процесс конкуренции дублетных формантов. Кстати говоря, феномен словообразовательной конкуренции мало изучен исследователями [Нешименко 1999], однако сам факт наличия конкурирующих друг с другом дублетов свидетельствует о возникнове-

¹ Исследование проводилось в рамках проекта “Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности”, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (проект № 08-04-00050а).

² Именно этой теме были посвящены не только моя кандидатская диссертация «Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке», но и ряд публикаций [Нешименко 1960; Нешименко 1966; Нешименко 2006; Нешименко 2009 и т.д.].

³ В Академическом словаре иностранных слов [Academia. Praha, 1995] отмечается, что лингвистический термин *moce (móce)* используется для обозначения имен существительных, у которых к названию живого существа присоединяется дополнительный знак, соответствующий определенному полу, как правило, женскому, у названий животных – также мужского (например, *učitel – učitelka, liška – lišák*).

нии в деривационной системе точек напряжения, поиске наиболее адекватного комбинаторного решения⁴. Учитывая сказанное, своевременная локализация и интерпретация возникающих очагов конкуренции имеет большое прогностическое значение, поскольку именно в местах сосредоточения конкурирующих друг с другом языковых единиц следует ожидать потенциально возможных сдвигов в системе, диагностировать направленность языкового развития, выявить точки динамической иррадиации. Чрезвычайно перспективным является и изучение на материале парных существительных женского рода со значением лица синхронной и диахронной динамики языковой материи.

Вся совокупность изложенных выше обстоятельств побуждает нас вновь и вновь обращаться к данной чрезвычайно интересной теме.

Как уже отмечалось, обозначения лиц, связанных отношениями родо-половой корреляции, в славистике традиционно относятся к ономазиологической / словообразовательной категории, именуемой *Nomina mota*. В различных национальных лингвистических школах данному международному латиноязычному наименованию соответствуют адекватные терминологические аналоги, чаще всего описательные⁵. Что касается моих работ, посвященных этой проблематике, то обычно я отдаю предпочтение обозначениям “парные феминативы” или же “парные существительные женского рода со значением лица”. Распространенные ныне англоязычные термины “гендер”, “гендерный” и пр. мною не используются. Не случайно в заглавие данной статьи определение “гендерный” введено в “закавыченном” виде, т.е. носит полемический характер. В этой связи не можем не отметить, что настойчивое “внедрение” этих новомодных обозначений, получающих вдобавок неоправданно расширительную интерпретацию⁶, не имеет под собой достаточных научных оснований.

⁴ Ср. диалог журналистов: *диджейка или диджейша. Не знаю, как сказать*. Эхо Москвы, 2003. Реальную потребность в образовании и использовании феминативов наглядно демонстрирует язык современных СМИ, причем журналисты, наделенные развитым языковым чутьем, в своем словотворчестве нередко следуют регулярным деривационным образцам, развертывая соответствующий модельный ряд; ср.: Русская служба новостей, 2009, С. Доренко: *судьяца Егорова; посллица* (приведем пример из диалога С. Доренко с соведущей: *Кать, ну, как сказать? судьяца Егорова? Но, ведь есть же модель! Посллица. Я, как филолог...*); ср. там же, но в 2010 г. (С Доренко); *Как сказать – акционерка или акционерша или же акционерика*. Его соведущая подсказывает: *А Вы скажите: акционер* (речь идет о новом акционере Интерсити – Ксении Собчак. – ГН). Ср. также образования *ad hoc*: *свиногрипп* ‘свиной грипп’, *свиногриппец* (о мужчине), *свиногриппка* (о женщине) и мн.др. Как мы видим, потребность в новых обозначениях лиц женского пола является достаточно актуальной.

⁵ См. фундаментальный второй том, посвященный словообразованию существительных в чешском языке [Tvoření slov v češtině 2. Odvozování podstatných jmen, вышедший под редакцией Фр. Данеша, М. Докулила, Я Кухаржа в 1967 г. в Праге в издательстве “Academia”], где приведены и соответствующие чешский, русский, английский терминологические эквиваленты для *Nomina mota*, а именно: *Jména přechýlená; Парные имена; Nouns forming sex-opposites*.

⁶ Ср., к примеру, термин-понятие “гендерная лингвистика”. В своей книге “Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека” [Москва, 2005 – Интернет-версия] А.Н. Никонов пишет о создании в Америке при каждом университете гендерных факультетов, о возникновении большого количества феминистических кружков, учреждении Национальной ассоциации гендерных исследований, добывающейся, причем с немалым успехом, введения в учебные программы лесбийских и гомосексуальных курсов.

Существенно и то, что попытки исследователей выявить маркантные различия современной мужской и женской речи вряд ли можно признать успешными. Не находят убедительного подтверждения в материале и высказывания о большей экспрессивности женской речи по сравнению с мужской⁷.

И, тем не менее, фактом является то, что в современной научной (в том числе и славистической) литературе англоязычный термин “гендер” (грамматический род / социальный пол) с конца столетия упорно пробивает себе дорогу, употребляясь достаточно широко⁸, причем в различных словосочетаниях и контекстах. Не можем, однако, не отметить, что сопутствующее этим терминам акцентирование внимания на социально-политических аспектах взаимоотношения полов отвлекает внимание от рассмотрения собственнолингвистических проблем, интересующих нас в первую очередь. Это чревато не только нежелательной политизацией, но и агрессивным, а главное – **непрофессиональным** и даже волонтаристским вмешательством в языковые закономерности⁹.

Мы уже говорили выше, что в славянских языках за термином *Nomina mota* стоят огромные лексические массивы, богатое разнообразие деривационного инвентаря, набора производящих основ и т.п. В отличие от других языков славянские *Nomina mota* представляют собой лингвистический феномен с принципиально отличным удельным весом и системной значимостью.

⁷Общее возрастание экспрессивности речи (безотносительно к полу индивидуума) является характерной особенностью современной публичной, в том числе и медийной речи. Приведем ниже примеры из речи мужчин, выступающих в роли ведущих, гостей передач или просто радиослушателей, беседующих по телефону с радиостанцией; ср. (“Эхо Москвы”): *Вот такой фестивальчик, вот такой концертчик будет* (2003); *Мы создадим такую атмосферочку* (2002); *А походочка у него кривоножестенькая* (2003); *Очень душевненькая вышла кассета* (2003); *Положение, прямо скажем, было спорненькое* (2000); *Наша радиостанция информативная, с небольшим музыкальным уклончиком* (2001); *Вы варите курочку, кладете туда приправочку, капусточку, морковочку. Супец типа щей, мясо* (2002); *петардочка; логотипчик; сейчас запишут Ваш телефончик; не кладите трубочку* (2002, новогодняя игра); *там есть такая маленькая табличечка, перед вами купончик* (2001); *Мы проиграем слушателям сегодня компактные диски, компактненькие такие дискочки. Обалденное впечатление* (2002); *послушаем еще звоночек и посмотрим пейджерочек* (2002); *такой маленький клипчик* (2004); *у вас три минуты на звоночек, наденьте наушничек* (2005); *У нас есть детские дивидишки* (2005); *Будет дико интересно* (2003); *я дико извиняюсь, безумно интересно* (2005); *не фига было его* (государство. – Г.Н.) *создавать* (1999); *Это дико пробочные места* (о городском движении) (2006); *Я дико ржал, когда увидел* (2007); (Русская служба новостей) *А мы смотрим на этот экранец* (2009); *Очень прошу, дайте нам свой телефонец!* (2009); *Давайте им* (Украине. – Г.Н.) *всандалим за транзитец* (2009); (ирония) *подправить статистичку, чтобы преступнички* (2009) и пр.

⁸“Гендер – это смоделированная обществом и поддерживаемая социальными институтами система ценностей, норм и характеристик мужского и женского поведения, стиля жизни, способа мышления, ролей и отношений мужчин и женщин, приобретенных ими в процессе социализации [ср. Интернет-версия публикации “Гендер, пол, отличие” К. Максименко, Л. Гейдар, 17.11.2005]. Существуют и несколько пародийные трактовки этого понятия, кстати, как мы покажем ниже, весьма близкие к реальности – и здесь мы опять отошлем к упоминавшейся выше книге А.Н. Никонова “Конец феминизма ...”]: “А что такое гендер? Это «социальный пол». То есть то, чем мужчины и женщины реально занимаются в жизни. Их социальные роли. И самоощущение. Позиционирование в пространстве действия... Непонятно? Ничего страшного, для того и придумано – чтобы замутить, затушевать, забодяжить проблему [...] Гендерный подход, безусловно, представляет собой новую и особую теоретическую парадигму [...] При

Стремление ряда ученых ввести в обиход славистики англоязычные термины “гендер – гендерный”, на наш взгляд, обусловлено весьма характерной для глобализационных устремлений тенденцией к унификации используемой терминологии на основе предпочтительного использования англоязычных образцов и аналогов.

Не можем в этой связи не процитировать фрагмент “Новояз” из упоминавшейся выше книги А. Никонова: « *Мужчина (человек) по-английски тап. Женщина по-английски – вотап. Это оголтелый сексизм. Поэтому феминистки пишут слово женщина как вотуп или wittin. Только для того, чтобы избежать в написании ненавистного тап. Но язык так устроен, что мелкой кастрацией там не обойдешься. Работать надо по-крупному, везде острым пролетар... простите, маточным чутьём различая контру сексизма. Вот, скажем, слово waitman – официант. Опять там этот тап, черти бы его драли! А ведь официантом может работать не только тап, но и женщина. Стало быть нужно изменить слово на что-нибудь нейтральное – например, называть официантов waitperson. В настоящее время английский переживает настоящую феминную революцию. Английские слова, оканчивающиеся на “угнетателя”, меняются в сторону большей политкорректности: policeman превращается в police-officer, chairman (председатель) – в chair-person, spokesman (депутат) – spokesperson, cameraman (оператор) – camera operator, foreman (начальник) – supervisor (надзиратель), fireman (пожарный) – fire fighter (устрашитель огня), postman (почтальон) – mail carrier (почтовый курьер), businessman (бизнесмен) – executive (исполнительный директор), stewardess (стюардесса) – flight attendant (лётная обслуга), headmistress*

этом нужно заметить, что появление таких парадигм в научной среде обычно принимается благосклонно, поскольку обещает новые результаты. Однако это не относится к феминизму, который продолжают считать чем-то вроде научного казуса, несмотря на то, что его чисто исследовательские возможности всерьёз обсудить так до сих пор и не удосужились. В результате феминистки не имеют достаточно весомых оснований работать с представителями новых научных парадигм [...] феминистская критика науки встречает постоянное недопонимание. Дело в том, что [...] феминистки поставили под сомнение именно тип объективности применяемых сейчас теорий. После проведения анализа феминистского типа стало понятно, что смещение кроется в самих принципах, на которых базируется представление об объективности”.

⁹ Ср. информацию, размещенную на чешском сервере Aktualne.cz, 05.03.2010, со ссылкой на источник “Reuters”: *Otava – Kanadská generální guvernérka Michaëlle Jeanová ve středu vyzvala parlament, aby přezkoumal, zda není na místě upravit text kanadské státní hymny “O Canada” tak, aby byl genderově vyváženější. Problém je prý ve sloce, kde se zpívá “Ó Kanado... opravdový vlastenec miluje všechny tvé syny”. Právě slovo syny by podle guvernérky mělo být zaměněno za něco obecnějšího, aby dámy neměly pocit, že právi vlastenci musejí milovat pouze Kanadany a na Kanadanky se už tato povinnost nevztahuje. Návrh Jeanové vyvolal v parlamentu pozdvižení a někteří poslanci se netajili svým názorem, že jde o malichernost, která je bude zdržovat od důležitějších povinností. Podle šéfa kanadských liberálů Michaela Ignatieffa je podnět ke změně hymny symbolickým gestem konzervativní vlády, ke kterému se kabinet uchyluje pokaždé, když se ministrům nechce dělat nic kloudného. “Vše, co vede k tomu, že je národní hymna citlivější k problému rovnoprávnosti mužů a žen, je dobré. Ale domnívám se, že máme na práci důležitější věci. Pokaždé, když je vláda vyzvána, aby udělala něco konkrétního, udělá něco symbolického,” řekl Ignatieff pro televizi CBC. “Pro ženy můžeme udělat mnohem užitečnější věci, než je měnit slova v národní hymně. Stejně tak jako můžeme seniorům pomoci jinak, než vyhlášením Dne seniorů,” dodal ještě Ignatieff. S šéfem kanadských liberálů souhlasí také většina čtenářů serveru kanadské televize CBS. 85 procent z nich v anketě vyjádřilo názor, že je změna hymny zbytečná. Anketa ovšem neukazuje, jakou část hlasujících tvořili muži.*

(*direktřica*) – *headteacher* (глава учителей) и т.д. Вместо обращений “мисс” и “миссис” (*Mrs* и *Miss*), различающих замужнюю и незамужнюю даму, теперь употребляется только *Ms*. Чтобы непонятно было – замужем она там или не замужем. Потому что обозначать семейный статус – явный и неприкрытый сексизм, вы же понимаете и пр.» (цитируется по Интернет-изданию).

Все это было бы, наверное, очень забавно, если бы нам на глаза не попался циркуляр, распространенный в 2009 г. в Европарламенте (публикация одной из центральных чешских газет – „*Lidové noviny*“, 17.03. 2009): “*BRUSEL. Světem může hýbat finanční krize, parlament EU má ale docela jiné starosti: jak oslovovat ženy, aby si nepřipadaly diskriminované vůči svým mužským kolegům. Důkaz? Manuál s názvem “Genderově neutrální jazyk v Evropském parlamentu”, který v uplynulých dnech rozeslalo vedení sněmu svým zaměstnancům a také europoslancům. Jak už název napovídá, obsahuje pokyny, jak se správně vyjadřovat při komunikaci s ženami na půdě parlamentu, aby se maximálně zachovala rovnost pohlaví. Z materiálu plyne několik zajímavých zjištění. Tak například: žádné „slečny“, ale jenom „paní“. Zaměstnanci parlamentu se mají vyhnout všem slečnám, mademoiselles a seňoritám, protože implikují status nezadaných žen, což není neutrální označení. Materiál též vybízí, aby zaměstnanci parlamentu vždy dbali na kontext. Jde-li například o schůzku expertů, ideální oslovení je „vážené odbornice a odborníci“ místo pouhého „vážení odborníci“. Čeština je na tom ještě dobře. Skutečná komičnost manuálů vyvstane při pohledu do anglické či francouzské verze. Na tapetu se dostala běžně užívaná slova jako “statesman” či „sportsman“ (tedy státník, respektive sportovec), protože jsou složené ze slova „man“ – muž. Manuál proto nabádá používat „political leader“ (politický lídr) a „athlete“ (atlet). S francouzštinou je to podobné: „homme politique“ (politik či politička) v sobě obsahuje „homme“ – muž, proto příručka radí užívat „responsable politique“ – politický činitel. Britští europoslanci neváhali a označili brožuru za důkaz, že se genderová korektnost „definitivně proměnila v čiré šílenství“. Generální tajemník eurosněmu Harald Romer si to nemyslí: tvrdí, že jde o „významný počin“ parlamentu, který přispěje k používání „nesexistického jazyka“. Mluvčí sboru Jaume Duch hájí iniciativu slovy, že „nejde o zákazy, ale pouze doporučení“. „Dospěla k nim loni skupina europoslanců, kteří vycházeli z praxe a průzkumu preferencí mezi ženami v různých členských státech. My jsme to teď jen vydali,“ řekl LN. „Například oslovení slečna nepoužíváme, co jsem nastoupil do parlamentu, a to už je dlouho.“*

В Приложении „*Módní kariéra*“ к той же газете „*Lidové noviny*“ от 13 марта 2009 г. помещена публикация о том, что у чешек, использующих в своей фамилии традиционный суффикс *-ová* (ср.: *Novák – Nováková*) со значением принадлежности, за границей возникают политические проблемы, поскольку их „*řadí do bývalého Sovětského svazu*“¹⁰. По этой причине, вопреки наличию строгих законодательных

¹⁰ Приведем в качестве иллюстрации текст письма на ТВ в период Олимпийских игр (26.08.2008, программа “*Čeština před kamerou*”): “Dobrý den, chtěla bych poděkovat pánům reportérům za pohotový přehled sportovních událostí během OH. Ale budu i kritička. Vysvětlí mi někdo, proč redaktori používají stále jako za komunismu koncovky u cizího ženského příjmení? Pokud se jedná o Rusky, Bělorusky či Ukrajinky, chápu, ale proč ta příjmení u jiných národností nečtou a nevyřkují tak, jak je ve světě běžné? Myslím si prostě, že by měli od přidávání koncovek upustit. Naše střelkyně Kateřina Emmons je důkazem toho, že to jde, ale u ryze anglických, švédských a jiných příjmení (s koncovkou -ová) je šílené to poslouchat. Denně sleduje tisíce lidí

предписаний, а также действующей кодификации¹¹, они зачастую переделывают свои фамилии на западный лад; ср.: *Kateřina Emmons*, *Kateřina Jack*, *Lucie Robinson* и т.д. Станет ли от этого *Kateřina Kůrková* (девичья фамилия нынешней *Kateřiny Emmons*) более светской и цивилизованной – большой вопрос!

Считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что выискивание политических мотиваций, препятствующих употреблению парных феминативов в чешском узусе – это проявление элементарного невежества, поскольку речь идет о давних традициях словообразования и словоупотребления, уходящих своими корнями к древнейшим славянским традициям, в том числе и к древнечешскому языку¹², когда использование женских наименований было необходимо для обозначения реалий традиционной семейной иерархии, а также первичной профессиональной специализации. Особенно актуальным это стало с середины XIX. в. в связи с усилением процессов эмансипации женщин.

Следует, однако, подчеркнуть, что игнорирование или же нарушение системных закономерностей родного языка, его грамматических особенностей, деривационной специфики, перенасыщение речи неадаптированными заимствованиями и пр.¹³ неминуемо ведет к разрушению этноязыковой идентичности индивидуума.

Отдавая должное желанию исследователей добиться единообразного толкования ключевых понятий, их компатибельности, нельзя, тем не менее, идти по пути простого переименования, перекодирования основного понятийно-терминологического аппарата, поскольку это неизбежно ведет к хаосу и неразберихе, нарушению преемственности терминологической традиции. Это тем более нежелательно, когда речь идет о лингвистических номинациях с сомнительными коннотациями, как это обстоит в случае с “гендер”: ныне это скорее оценочное, чем нейтральное терминологическое обозначение.

Весьма спорной является и попытка заменить традиционное для славистических исследований понятие *литературный язык* на *стандартный*, также восходящее к

tento socialistický nešvar; probírají jej jak v práci či v obchodě, tak doma. Jsme v tomhle pozadu. Za pár měsíců budeme předseda EU, ale totalitní zlozvyky máme ještě stále vžité, i když se jedná o mladé komentátory” (выделено нами. – Г.Н.).

¹¹ Zákon o přechylování: Zákon o matrikách, jménu a příjmení. Č. 301/2000. Paragraf 69 hned v úvodu zmiňuje, že příjmení žen se tvoří v souladu s pravidly české mluvnice. Při zápisu uzavření manželství lze na základě žádosti ženy, již se uzavření manželství týká, uvést v matriční knize příjmení, které bude po uzavření manželství užívat, v mužském tvaru, jde-li o: a) cizinku, b) českou občanku, která má nebo bude mít trvalý pobyt v cizině, c) občanku, jejíž manžel je cizinec, d) občanku, která je jině než české národnosti. См. также статьи М. Кнапповой [Кнаппová 1992] или М. Баловского [Balowski 2002]. Приведем высказывание М. Кнапповой: “V poslední době se občas objevují ve veřejnosti názory, že přechylování příjmení je jev poplatný minulému politickému režimu; příjmení se jím prý komolí a nositelky přechylených příjmení, zejména cizího původu, se tím zneuctívají” [Кнаппová 1992: 12].

¹² Что касается древнечешского языка, то: „Skutečných „doktorek“ stará doba neměla, starý jazyk tedy jim nevytvořil jména. Někdy se objeví slovo doktorka nebo doktorkyně spíše posměšně v lidových lékařkách; v Hádání Pravdy a Lži pana Ctibora Tovačovského z Cimburka se objevuje Chytrrost jako „všech práv doktornice a mistryně“ [Naše řeč 1922: 266].

¹³ Ср.: *вумен (рандевумен, полисвумен, бизнесвумен), леди* (из текста объявления о приеме на работу: *Сеть ресторанов: приглашает: су-шеф, кофе-леди* – здесь же разъясняются весьма прозаические обязанности, которые надлежит выполнять кофе-леди: поддержание чистоты в офисе, подача чая, кофе).

англоязычной лингвистической традиции. Данное намерение не представляется нам ни конструктивным, ни приемлемым [ср.: Нецименко 1999а; Нецименко 2003; Нецименко 2005; Нецименко 2005а].

При внесении изменений в сложившуюся терминологическую традицию следует отдавать себе отчет в том, *для чего* мы это делаем и *какие* это будет иметь последствия. Уточним нашу собственную позицию в этом вопросе:

– мы полагаем, что любое вмешательство в сложившуюся терминологическую традицию – шаг чрезвычайно ответственный, особенно если это касается ключевых понятий. Оно не должно носить характер перекодирования, следования моде, поскольку терминологическое псевдоноваторство может лишь нарушить преемственность научного развития, затруднить соотнесение получаемых результатов, внести сумятицу и неразбериху, негативно сказаться на практике преподавания и т.п.

– изменения, вносимые в терминологию, должны иметь четкую и обоснованную мотивацию. Они оправданы в том случае, когда в терминологическом инвентаре отсутствуют подходящие номинации, либо когда имеющиеся номинации в силу их несовершенства становятся тормозом на пути научного исследования, затрудняют обобщение и сопоставление результатов, полученных на материале как одного и того же языка (в том числе и при сопоставлении его различных синхронных срезов), так и нескольких языков – в нашем случае славянских.

Хотелось бы уточнить, что, призывая к осторожности при внесении изменений в сложившуюся терминологическую традицию, мы отнюдь не выступаем в защиту единообразия, единомыслия, поскольку концептуальные расхождения, обусловленные логикой научного мышления, а также спецификой исследуемого языкового материала, являются важным стимулом научного прогресса.

Возвращаясь к основному предмету нашего рассмотрения – парным именам существительным женского рода со значением лица – отметим, что данная лексика, несомненно, входит в число *магистральных* номинационных потоков, лексический состав которых очень быстро обновляется и пополняется за счет постоянного притока новообразований, а также иноязычных и иноидиомных заимствований. В последнем случае имеются в виду, прежде всего заимствования, проникающие в публичный узус в результате *возрастающего влияния различных манифестаций разговорной речи*. Интенсивный приток подобной лексики усиливает общую тональность непринужденности и экспрессивности, столь характерную для современной публичной коммуникации, о чем уже упоминалось ранее.

Немаловажно и другое – разговорные включения, активно проникая в публичный узус и осваиваясь в нем, зачастую вступают в *конкурентные* отношения с исконно литературными номинациями, стимулируя развитие деривационного инвентаря интересующей нас словообразовательной категории¹⁴.

¹⁴ Так, например, в современном литературном русском языке в настоящее время намечается новый очаг конкуренции – это производные с суффиксами женского лица **-к(а)** и **-ш(а)**, причем приток последних первоначально осуществлялся из разговорной речи, ныне же они самостоятельно образуются и на почве публичной речи, т.е., например, в языке СМИ. Приведу некоторые дериваты с суф. *-ш(а)*: *авторша, акционерша, ассистентша; банкирша, бизнесменша, боксерша, билетерша; гидша, гримерша, гомеопатша; дикторша, депутатша, диджейша, дискжокейша, диспетчерша,*

Выше мы уже упоминали о востребованности парных феминативов носителями и пользователями языка. Проиллюстрируем сказанное на примере небольшой выборки из объявлений, размещенных в специализированном издании – газете “Работа для Вас” (номер за 2008 г.)¹⁵. Проведенный анализ показал, что для конкретизации пола приглашаемого на работу лица обычно используется суффиксация, особенно это касается лексем, прошедших языковую адаптацию; ср.: *Помощник/ца руководителю! Срочно!*; *Помощник/ца руководителя. з/п 90000*; *Приглашаю надежного трудолюбивого сотрудника/цу*; *Работа с документами. Инна Борисовна возьмет спокойную и надежную сотрудницу*; *Приглашаю помощника(цу)*; *Приглашаю сотрудника(цу)*; *Гардеробщици(цы)*; *Административн. помощник/ца*; *Административный заместитель (ца)* и пр.¹⁶ Реже присоединяются суффиксы к заимствованным основам, особенно не прошедшим адаптацию в воспринимаемом языке (сказанное подтверждает расшифровка круга обязанностей, которые надлежит выполнять): *диспетчер – жен.*; *координатор-логист – жен.*; *менеджер отдела логистики – жен.*; *врач-дерматокосметолог – жен.*; *офис-менеджер – жен (гл.о.)*; *специалист-маркетолог – муж/жен.*; *секретарь-референт – жен.*, как правило; *администратор на Reception – девушка*; *инженер по охране труда*; *инженер-проектировщик – муж/жен.*; *ассистент менеджера – Жен.*; *промоутеры – муж/жен.*; *контролер ОТК (Муж/жен.)*; *геодезист – М/ж.*; (торговый центр): *мерчендайзер, муж/жен.* (обязанности: *выкладка товара, мониторинг, поддержание ассортимента и пр.*); *диетолога жен.25-35 лет*; (казино) *оператор видеонаблюдения (камермен)*; *администратор службы приема гостей – жен.*; *пит-босс*; *дилер (крупье) муж/жен*; *сотрудник ресепшен – жен.*; *официант – муж/жен.*; *бэк-вокалистка-звукооператор*; *пиццамейкер – муж/жен.* и т.п.

дизайнерша, диктаторша; интервьюерша, инспекторша; канцлерша, комментаторша, кассирша, корреспондентша, комендантша, киллерша; лейтенантша; маклерша, музыкантша, музыковедша, могоканиша, модельерша, меценатша, мистификаторша; наркокурьерша; организаторша, операторша, оппонентша; профессорша, парикмахерша, почтальонша, предпринимательша, плантаторша, президентша, продюсерша, партнерша; режиссерша, реквизиторша, рэперша, ржетириша, редакторша; секретарша, сенаторша, принтерша, следовательша, снайперша; фараонша, фермерша. У подчеркнутых лексем, судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, есть и соответствия с суф. -к(а). Среди них имеется и такой неологизм, как канцлерша; ср. В Германии президент Буш обрел нового друга – канцлерицу Меркель. НТВ, Новости, речь корреспондента, 2006. Стоит упомянуть, что компьютерный тезаурус маркирует большинство парных женских номинаций красным цветом, т.е. они воспринимаются кодификацией как чуждые. Приведем также несколько примеров, почерпнутых из радиопередач “Русской службы новостей” (2009 – 2010 гг.): (передача, посвященная обзору газет): в суде выступила экспертиша; (спортивный обзор) На мировом чемпионате русские боксерши (употребление данного феминатива вызвало некоторое замешательство ведущей передачи журналистки); появилась экстрасенс (далее последовало уточнение ведущего: экстрасенсша, именно эта лексема и употреблялась в дальнейшем. – ГН) и т.д.

¹⁵ Примечательно, что опубликованные объявления содержат некоторые уточняющие детали, ранее вряд ли допустимые, например, уточнение национальной принадлежности; ср.: *славянская внешность; только россияне; пиццамейкеры – славяне; Администратор и сотрудников 30-69 лет. Актуально! Руководителю-корейке; Работа без обмана у русской женщины; Работа. Женщинам-татаркам шанс!* и пр.

¹⁶ Ср. примеры на чешском Интернете: *Nabídky zaměstnání Asistent/ka (quality); Zástupce/kyně ředitele – Zlín; bankovní poradce/kyně – Třebíč (Zn. HM). iHned.cz 06.06.09.*

Для уточнения пола используется и такой способ как приложение, например: *женщине-руководителю нужна помощница от 35 лет, без вредных привычек*. Только женщины приглашаются для выполнения таких профессий как: *медсестра; секретарь на рецепшен; сиделка; няня; гувернантка; экономка; горничная* и пр.

Особый интерес представляют так называемые “асимметричные” феминативы, т.е. существительные женского рода со значением лица, у которых парные мужские соответствия, отсутствующие *de facto*, тем не менее включены в структуру феминного деривата, т.е. деривационная последовательность соблюдается: *Швейному производству требуются: швея, кеттельщица, ручница, клейщица деталей, утюжилщицы, швея-отпарщица, модистка, пятновыводчица (химчистка); трикотажному производству требуются: закройщица-резчица; соответственно для бутика нужна закольщица* и т.п. Наличие подобных асимметричных образований лишь подтверждает регулярность моделей, по которым образуются парные феминативы. Численность подобных обозначений довольно велика. В указанной ситуации промежуточное существительное мужского рода оказывается как бы в ситуации “отложенного спроса”, поскольку в случае необходимости отсутствующее деривационное звено может быть восстановлено; ср. русское *дояр, усатый нянь* и пр.¹⁷.

Нельзя не отметить, что, несмотря на возрастающую востребованность парных феминативов, “судьба” данной категории в определенном смысле складывается драматично. Дело в том, что их образование и употребление во многом зависит от действия *внешних* факторов, находящихся *за пределами* языкового пространства. Мы имеем в виду не столько стимулирующую роль в появлении соответствующих новообразований социального заказа, сколько *регламентирующее* воздействие на словопроизводственные потенции данных существительных *правил речевого этикета*, а также некоторых – *не вполне правомерных*, на наш взгляд – *типологических рекомендаций*. Впрочем, как говорится, “нет худа без добра”: поскольку представление о речевом этикете у носителей и пользователей различных славянских языков не всегда совпадает, это вносит разнообразие в наблюдаемую языковую картину, в результате чего рассматриваемая словообразовательная категория становится весьма значимым объектом сопоставительного изучения близкородственных языков.

Наибольшие споры вызывает проблема целесообразности конкретизации родо-полового признака у обозначений лиц, занимающих “статусное” положение в социуме, т.е. имеющих титулы, звания, высокие должности и пр. Вопрос можно сформулировать и иначе: нужно ли фиксировать родо-половую принадлежность лица во всех случаях, включая и “статусные” обозначения, или достаточно ограничиться употреблением существительного мужского рода с универсальным значе-

¹⁷ Ср. малую выборку из чешских асимметричных феминативов (все примеры зафиксированы в Лексикографическом архиве Института чешского языка Чешской АН): *Byla zaměstnána v Café Prenzle jako cigaretárka*. 1979. A. Branald. Dva muži, 11; *místo bufetárky v hotelu*. 1979. A. Branald. Dva muži; *salatárka*; *příjme: došivačky, repasírky, vychystávačku, sukařku*. 1977. Práce, N 175; *příjmou na koupaliště a plovárny ... šatnářky, kabináři*. 1978. Rpr, N 91; *příjmete ... truhláře, laminátice*. 1982. Rpr, N 284.

нием лица с привлечением соответствующих родо-половых маркеров (использование приложения, согласования по родо-половому признаку, введение фамилии, имени и пр.)¹⁸.

Рассмотрим, как эта проблема решается в ряде славянских языков.

В современном чешском языке последовательное употребление парных феминативов характерно не только для повседневной непринужденной речи, но и для литературного узуса. Иными словами, в этом фрагменте словообразовательной системы различие между кодификацией и системными языковыми закономерностями является практически незначительным. Соответственно, существовавшие в первой половине XX в. разногласия, касавшиеся целесообразности использования парных феминативов для обозначения женщин, занимающих статусное положение в социуме, были более или менее успешно преодолены и окончательный выбор был сделан в пользу употребления парных феминативов; ср.: *akademička, profesorka, docentka, prezidentka* и пр. Приведем в качестве иллюстрации некоторые примеры, зафиксированные в чешском Интернете: *Chomutovská primátorka Ivana Řápková*. iHNed.cz 14.05.09.; *Předchozí rekord petrohradské aukce držela místní gubernátorka Valentina Matvičková*. Ibid. 14.06.09.; *Europoslankyně Bobošíková, kdysi Železného zaměstnankyně, sympatizantka komunistů a protikandidátka našeho dnešního prezidenta*. Aktuálně dnes. cz 15.05.09.; *Bylo mi ctí, osobně poznat některé kolegy blogery a kolegyně blogerky*. Ibid. 13.05.09.; *proto se stane příští litevskou prezidentkou už po prvním kole voleb. Tuhle dámu s pověstí tvrdé správkyně rozpočtu a skvělé ekonomky by chtěl mít v křesle prezidenta či premiéra v dobách ekonomické krize asi každý. V prvním kole výrazně zvítězila eurokomisařka pro rozpočet Dalia Grybauskaitėová. Letos triapadesátiletá ekonomka a politička; má z Bruselu pověst tvrdé vyjednávačky se skvělou pamětí na čísla, místo eurokomisaře¹⁹ pro rozpočet patří k jednomu z klíčových postů v Evropské komisi; v roce 1999 dělala náměstkyni na ministerstvu financí; Pragmatická v životě i v politice; Grybauskaitėová může přidat svoji zkušenost ministryně financí z let po ruské finanční krizi v roce 1998*. Ibid. 13.05.09.; *Kandidátka na německou prezidentku nadbíhá krajní levici*. Aktuálně dnes. cz 15.05.09.; *pětašedesátiletá socioložka*. Ibid.; *při hledání experta či expertky*. Aktuálně dnes.cz 24.05.09.; *jedna úspěšná islandská investorka*. Ibid.; *neskrývá však své pochyby manažerka rizik České spořitelny Monika Laušmanová*. Ibid.; *islandské finančnice*. Ibid.; *Jeden z poslanců vyjádřil podiv nad tím, že se přátelí starostka za ODS Řápková s hejtmankou za ČSSD Vaňhovou*. Ibid. 03.07.09.; *zpovídala „justiční mafiánku“ Renátu Veseckou*. Ibid. и мн.др.

Из приведенных примеров видно, что чешский язык молниеносно реагирует на возрастающую потребность в обозначениях женщин, занимающих те или иные престижные жизненные позиции. Трудности вызывает лишь образование парных феминативов от некоторых еще не освоенных заимствований (то же мы наблюдали и в объявлениях о найме на работу); ср. отсутствие парных феминативов у таких

¹⁸ Как известно, современные правила политкорректности во французском и немецком литературном языках предполагают обязательное использование соответствующих деривационных суффиксов при обозначении статуса лиц.

¹⁹ В данном случае речь идет об обозначении функции, а не лица, ее выполняющей.

заимствованных обозначений как *spíkr*, *atašé* и пр., даже если они относятся к выполняющей эти функции женщине: *Jak si na práci spíkra zvykla Iva?* Vlasta, 1983, диалог с модератором передачи ТВ; *česká kulturní atašé* и пр. Впрочем, в сходной структурной позиции более освоенному заимствованию может соответствовать новообразование *lídryně* (от *lídř*).

В русском литературном узусе используются как парные феминативы (родовые корреляты), так и существительные мужского рода со значением лица с не-словообразовательными конкретизаторами пола (согласование, указание имени лица, фамилии, присоединение приложения²⁰).

Парные феминативы встречаются обычно при обозначении лиц, занимающихся физическим трудом или спортом, т.е. в тех случаях, когда признак пола важен для характера выполняемой деятельности (*аккумуляторищица*, *бетонищица*, *укладчица* и т.д.; *биатлонистка*, *каратистка*, *хоккеистка*, *многоборка*, *фигуристка* и пр. – то же наблюдается и в текстах объявлений). Сказанное касается и обозначений лиц, выполняющих те виды деятельности, в которых, главным образом, заняты женщины (*учительница*, *билетерша* и пр.).

В русском литературном языке при обозначении женщин, занимающих статусные позиции, в соответствии с действующими кодификационными предписаниями зачастую употребляются существительные мужского рода общего или же универсального значения. Словообразовательные конкретизаторы, т.е. феминные суффиксы, в этом случае отсутствуют, их функцию выполняют, например, согласование (*врач пришла*; *Рассказывает главный лесничий Наталья Шипова* и здесь же: *К услугам лесничей – бесплатная аптека*. Новая газета 2003), указание фамилии (*врач Иванова*), приложение (*женщина-врач*) и т.д. Что касается использования приложения, то в современных медийных русских текстах оно встречается довольно часто: *Выступала женщина-депутат*, Новая газета 2001; *женщины-камикадзе*, Там же 2002; *амбициозная женщина-политик*, Эхо Москвы 2006, модератор. Иногда уточнение пола лица посредством использования приложения является совершенно излишним, т.е. избыточным, поскольку вся необходимая информация о поле лица содержится в деривате; ср.: *женщины-художницы*, *женщины-пенсионерки*, *женщины-бетонищицы*, *женщина-террористка*, *женщина-бомбистка*, *женщина-подрывница*, *женщина-спринтерша*, Новая газета 2000, 2001, 2002, 2006 и т.д.

Невзирая на сказанное, в современном русском литературном языке отчетливо прослеживается тенденция *активизации* образования парных суффиксальных феминативов, соотносимых с существительными мужского рода со значением лица (родо-половая корреляция). В этом, несомненно, проявляется усиливающееся влияние разговорной речи; ср.: *кураторша* конкурса (2006); *меценатка*, *депутатка*, *оппонентка* (2000); *арфистка* и *виртуозка* (2000); *боевичка* (1997); *диск-жокейша* (1998); *дикторша* «Новостей культуры» (1999); *диск-жокейша* на ТВ (1998); *киллерша-биатлонистка* (2000); *бизнесменка*, *бизнесменша* (2002); люди звали Курбику *ваххабиткой*, или просто *ваххабкой* (2003); *галеристка* (2003); *гидша* (2002); *диджейка* или *диджейша* (2003); звонок *пресс-службистки* (2002);

²⁰ Ср. в тексте объявления: требуется *повар-блинпек*. Муж./жен.

была *самурайкой* (2001); *тинейджерка* (2002); *канцлерша* Меркель (2006); *музыковедша* (2003); *продюсерша* утреннего вещания (2003); *снайперша* (2001); имя *смертницы* (2003); *пиарищица* Мосводоканала (2003); вербовала *женщин-подрывниц* (2003); *предпринимательница* (1999); *предпринимательша* (2000) и мн. др. Иногда даже уточняется хронология появления новообразования: *боевички* (появился такой неологизм во вторую войну). Новая газета, 2000 (имеется в виду вторая чеченская война); симпатии зрителей, дружно подбадривавших “*боксерку*” (вполне законный неологизм с 9 октября). Московский комсомолец, 1999.

Более сложная и противоречивая картина наблюдается в польском языке, в котором особенно культивируются отличия между повседневной непринужденной речью и литературным узусом.

Именно разногласия по поводу правомерности фиксации родо-половой корреляции у статусных обозначений стали причиной возникновения бурной лингвистической дискуссии, в которой активно участвовали журналы „*Język polski*“ и „*Poradnik językowy*“.

Журнал „*Język polski*“ целенаправленно проводил линию на маскулинизацию соответствующих обозначений. При этом полностью игнорировалось то, что предлагаемые рекомендации вступают в противоречие как с традиционной литературной нормой, так и с нормой повседневной непринужденной речи.

Поборниками тенденции маскулинизации выступали и крупнейшие авторитеты польской лингвистики (В. Дорошевский, З. Клеменевич и др.). Так, в частности, В. Дорошевский утверждал, что образование парных суффиксальных феминативов опирается лишь на языковую традицию, а отнюдь не на современную реальность: „*Jeżeli kobieta jest ministrem, magistrzem i tak dalej, to trudno powiedzieć o niej inaczej niż: to jest minister, magister, profesor, doktor*“ [Doroszewski 1948: 69 и далее]. В. Дорошевский также говорил о наличии двух тенденций при образовании профессиональных обозначений: акцентирование признака пола – игнорирование признака пола, когда акцент ставится именно на выполняемой лицом общественной функции [см. Doroszewski 1948: 72]. Сам В. Дорошевский высказывался в пользу второй тенденции.

О войне²¹ между двумя тенденциями – традиционной и новаторской – говорит З. Клеменевич. Как утверждает ученый, традиционная тенденция „*zaleca odrębne formalne nazwy zawodów kobiecych*“, в то время как новаторская тенденция „*przemawia za zachowaniem wspólnej formy, gramatycznie męskiej, dla obu płci*“ [Klemensiewicz 1957: 111]. Как мы видим, речь идет не только о „войне“ между упомянутыми тенденциями, но одновременно дается и их качественная оценка (тенденция **традиционная** / тенденция **новаторская**). З. Клеменевич высказывает и прогноз: после пятидесятилетнего единоборства тенденция „традиционная, извечная“ должна потерпеть поражение, в то время как тенденция новаторская, т.е. „*przyznawania kobietom męskich tytułów zawodowych*“, одержит окончательную победу, поскольку „*zostaje ona docentem, adiunktem, lekarzem, adwokatem, sekretarzem*“ [Klemensiewicz 1957: 103].

²¹ Об эмоциональности этой дискуссии свидетельствует, помимо прочего, использование военной терминологии: *totalna wojna z uniwersalnym maskulinum, totalna walka, kapitulacja* и пр.

Журнал „*Poradnik językowy*“, оппонировавший журналу „*Język polski*“, был обвинен последним в пуризме и традиционализме, поскольку он добивался того, чтобы „*w czasach, gdy kobiety otrzymują doktoraty, katedry itd.*”, они должны иметь право носить и соответствующие титулы: *doktorka, docentka, profesorka, adwokatką* [Poradnik językowy 1934, 3: 46]. В защиту парных феминативов при образовании “статусных” наименований выступали и некоторые другие ученые: „*przy tytułach mamy skłonność używania jednej formy dla obu płci, a więc słyszy się: pani doktor, pani profesor. Lud nie dba o takie rzeczy i nie robi różnicy między tytułem a nazwą zajęcia; mówi więc pani profesorka (=pani nauczycielka), pani doktorka (=pani lekarka)*“ (Benni – Obrębska 1933: 184).

Ставить окончательно точку в этой дискуссии, на наш взгляд, еще рано, не смотря на то, что польский лингвист М. Лазиньский твердо верит в победу „универсального маскулина“: „*Totalna wojna z uniwersalnym maskulinum nie ma w polszczyźnie wielkich szans powodzenia, ponieważ prowadzi do zbyt dużej redundancji tekstu, choć jest częściowo uzasadniona psychologicznie* [Laziński 2005: 144]. Судя по тональности приведенной цитаты, напряженность по-прежнему сохраняется.

В целом можно сделать следующее итоговое обобщение: в середине XX в. в литературном чешском языке более или менее последовательно соблюдалась родовая корреляция; в литературном польском языке более прочные позиции занимала маскулинизация; у русского литературного языка было несколько промежуточное положение.

Не намереваясь выступать в роли арбитра в полемике, проходящей в польской лингвистике, выскажем все же несколько замечаний.

Нам кажется концептуальной ошибкой то, что на основе процессов, наблюдаемых лишь в литературном узусе, делается вывод о системных типологических параметрах этнического языка в целом. Спорным представляется и разделение языков на *конкретные* и *абстрактные*, причем к языкам с преобладанием абстрактности относятся языки английский и отчасти французский. Именно в этом направлении *должен*, по мнению сторонников данной концепции, развиваться и польский язык. При этом высказывалось предположение о том, что целенаправленная маскулинизация могла бы способствовать большей абстрактности польского языка (использование парных феминативов соответственно рассматривалось как проявление конкретности), его включенности в число наиболее престижных языков.

При выведении типологических обобщений, по нашему мнению, допускалась важная логическая ошибка – подмена понятий. Так, системные языковые закономерности отождествлялись с кодификацией; национальный (этнический) язык – с языком литературным. Данная подмена отнюдь не была случайной, она обусловливалась недостатками используемой в то время социолингвистической концепции, которую можно было бы определить как *литературноцентристскую* и *стратификационную*²². Суть этой концепции состоит в квалификации литературного языка как самой престижной, самой перспективной, универсальной формы

²² Подробный анализ этой концепции представлен в монографиях [Нешименко 1999а; Нешименко 2003].

существования этнического языка. Все остальные языковые идиомы заведомо ставились в неравное положение.

Как нам представляется, польская лингвистическая дискуссия наглядно показала уязвимость *литературноцентристской* концепции и сделанных на ее основе выводов. Ход последующих событий продемонстрировал сомнительность и “типологической инженерии”, когда в угоду типологическим предпочтениям языку навязывались чуждые его традициям свойства, когда он должен был подстраиваться под “элитные”, более “абстрактные” языки.

Симптоматично, что польская исследовательница Т. Смулкова в составе современных польских неологизмов приводит и “статусные” парные феминативы *businessmenka, menedżerka, bioterapeutka* [Smółkowa 2002: 110].

Начиная со второй половины XX столетия активизируются новые социолингвистические и коммуникативные факторы, влияние которых, судя по всему, будет долговременным. В этой связи следует упомянуть о происходящем изменении речевого стандарта публичного общения в направлении “массовизации”, “устнизации”, усреднения узуса. Большую роль в этом играют новые электронные информационные технологии. Приоритетное положение в этот период начинают занимать устные СМИ, характеризующиеся повышенной коммуникативной и языковой интерференцией, большей толерантностью в отношении к узусу повседневного, непринужденного общения. Именно узус устных медийных средств становится ныне эталоном вербальной культуры, нормообразующим фактором в узусе публичного общения [см. по этому поводу: Нещименко 1999а; Нещименко 2001; Нещименко 2003 и т.д.]. В свете этих изменений переоценка действующих кодификационных предписаний становится неизбежной.

Что касается обозначений лиц женского пола, то здесь отчетливо проявляется активизация словообразовательной фиксации родо-половой корреляции, возрастания ее продуктивности. В аспекте тенденции языковой экономии суффиксальные производные являются более компактными. Благодаря этому их использование способствует решению проблемы насыщения каналов коммуникативной связи бóльшим количеством информации, ускорению ее доведения до адресата.

Изменение вербального стандарта публичного общения облегчает приток включений из повседневного узуса в литературный, усиливает вариативность и конкуренцию при образовании новых слов. Это позволяет взглянуть по-новому на проблему выработки кодификационных предписаний, смягчает категоричность запретов, открывает перспективы для принятия новых номинационных решений.

Литература

1. Нещименко 1960: Нещименко Г.П. Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке // Уч. зап. Института славяноведения АН СССР. – № 19. – С. 159–202.
2. Нещименко 1966: Нещименко Г.П. Явление асимметрии у существительных со значением лица в чешском языке // Сов. славяноведение. – № 2. – С. 31–40.

3. Нецименко 1999: Нецименко Г.П. Словообразовательная конкуренция как фактор динамики литературной нормы // Проблемы славянской диахронической социолингвистики. Динамика литературно-языковой нормы. – М. – С. 240–269.
4. Нецименко 1999а: Нецименко Г.П. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков) // Specimina Philologiae Slavicae. – München: Verl. "Otto Sagner". – В. 121.
5. Нецименко 2001: Нецименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопр. языкознания. – 2001. – № 1. – С. 98–132.
6. Нецименко 2003: Нецименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. – М.: Наука.
7. Нецименко 2005: Нецименко Г.П. Некоторые раздумья над книгой "Языковая ситуация: Истоки и перспективы (Болгарско-чешские параллели)" // Вопр. языкознания. – №6. – С. 67-96.
8. Нецименко 2005а: Нецименко Г.П. Переименовывать или не переименовывать? (О некоторых терминологических проблемах в славистике) // Стандарт и субстандарт. Диахронни и синхронни аспекти. – Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски». – С. 5–17.
9. Нецименко, 2006: Нецименко Г.П. Образование обозначений лиц женского пола на перекрестии закономерностей функционирования языковой системы, формирования нормы и кодификации // Функцыянальныя аспекты словаўтварэння. Доклады IX Міжнар. навук. канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнар. камітэце славістаў. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі. Інстытут мовознаўства імя Якуба Коласа. Мінск / Беларусь 9 – 14 кастрычніка 2006. – Мінск: ВТАА «Права і эканоміка». – С. 173 – 184.
10. Нецименко, 2009: Нецименко Г.П. Существительные женского рода со значением лица в чешском и русском языке: Тенденции развития // Язык. Сознание. Коммуникация. Сб. науч. статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой. – М.: МГУ. Филологический факультет. Макс Пресс. – Вып. 38. – С. 10-25.
11. Balowski 2002: Balowski M. Sytuacja języka czeskiego po aksamitnej rewolucji // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 10. Językoznawstwo. Prace na XIII Międzynarodowy kongres slawistów w Lublanie. – Warszawa. – S. 5-13.
12. Benni – Obrębska 1933: Benni T.– Obrębska A. „*Sportswoman*“ *chcie się widzieć z panią doktorką* // Język polski. – XVIII. – Z. 6.
13. Doroszewski 1948: Doroszewski, W, Rozmowy o języku, Warszawa, 1948.
14. Doroszewski 1954: W. Doroszewski, Rozmowy o języku. Warszawa, 1954. – Сеп. 4.
15. Klemensiewicz 1957: Klemensiewicz Z. Tytuły i nazwy zawodowe kobiet w świetle teorii i praktyki // Język polski. – XXXVII. – Z. 2. – S. 101–119.
16. Knappová 1992: Knappová M. Přechylování příjmení jako problem kodifikační a legislativní (návrh doplňkové kodifikační úpravy) // Naše řeč. – LXXV. – Č. 1. – S. 12-21.
17. Łaziński 2005: Łaziński M. Czy gramatyka może przeszkadzać w rozmowie kobiety i mężczyzny? // Bariery i pomosty w komunikacji językowej Polaków. – Lublin. – S.119–146.

18. Smółkowa 2002: Smółkowa T. Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej. – Kraków, 2002.
19. Tvoření slov v češtině, 1967: Tvoření slov v češtině 2. Odvozování podstatných jmen. Zpracoval kolektiv pracovníků Ústavu pro jazyk český ČSAV za redakce Fr. Daneše, M. Dokulila, J. Kuchaře. – Praha: Academia.

Galina P. Neščimenková

„GENDER“ A JEHO MÍSTO V SLOVANSKÉ SLOVOTVORBĚ

Příspěvek je věnován problému Nomina mota (Jména přechýlená). Rozebírají se základní tendence fungování této onomaziologické/ slovotvorné kategorie na materiále ruštiny, češtiny a polštiny. Věnuje se pozornost terminologickým otázkám, konkrétně účelnosti použití termínu „gender“ v slavistice. Zvláštní pozornost se věnuje dynamickým tendencím v slovotvorbě, které se hodnotí skrz pryzma systému, normy a kodifikace.

Алексей В. Никитевич

(Гродненский государственный университет им. Я.Купалы, Беларусь)

РУССКО-БЕЛОРУССКИЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Отражение истории и культуры народа в словообразовании. Удивительно привлекательная тема! Близкое родство русского и белорусского языков, как известно, отчасти обусловлено общностью исторических и культурных связей между этими славянскими народами. Значительна близость лексического состава, морфологии и синтаксиса. Тем больший интерес вызывает весь комплекс нетождеств и различий, обнаруживаемых при сопоставлении, казалось бы, внешне тождественных деривационных подсистем.

В настоящей статье мы хотели бы остановиться на следующем ряде вопросов. Что собой представляет производная лексика белорусского языка (в своей основе родственная русскому), *отсутствующая в языке русском*, относящаяся к так называемой сфере безэквивалентности? Каковы тематические группы данной лексики? Как обнаруживаемые различия связаны: а) с особенностями истории и культуры белорусского народа и б) с особенностями словообразования в белорусском языке?

В нашем, не претендующем на исчерпывающую полноту, анализе хотелось бы прежде всего обратить внимание на ту область различий, которая касается *мотивированной лексики* белорусского и русского языков. Здесь вполне возможно выделение не только отдельных слов (лакун в том или ином языке), но и целых групп единиц, которые в некотором количестве «порождены» одной словообразовательной системой и отсутствуют в другой. К примеру, в белорусском языке достаточно большой и хорошо дифференцированной предстает группа единиц, обозначающих временные отрезки и поры года. Сравните: *залетась* 'В позапрошлом году', *адвячоркам* 'В предвечернее время', *змярканне* 'Наступление сумерек', *напрадвесні* 'Ранней весной, в конце зимы', *нацямочку* 'Перед рассветом' (ср. в русск. *Встать засветло*), *налета* Разг. 'В будущем году, будущим летом', *налеце* Обл. 'Лето следующего года', *надвячоркам* 'Перед наступлением вечера', *надранне* 'Предутреннее время', *летась* 'В прошлом году' (ср. также существительное *лецішча* 'Дом, где живут летом').

Вызывают интерес также глаголы, обозначающие действия, «сопряженные» с некоторыми временными промежутками: *заднець* 'О времени приближения рассвета', *заасянець* 'Повернуть на осень', *заасяніць* 'Стать похожим на осень (по погоде)', *зараваць* 'Встречать зарю', *зарэць* 'Заниматься на зарю', *днець* 'Заниматься на день', *пералетаваць* 'Пережить лето', *падначоўваць* 'Ночевать время от времени', *тыдняваць* 'Заниматься чем-либо в течение недели', *злеціцца* 'Сделаться теплой, как в летний день (о воде)...вада і не падумала *злеціцца* такой гарачыней...; *лунаць* 'Распространяться, расходиться в пространстве'. Потым над прыціхлымі прасторами Даўгавы доўга *лунала* беларусская песня (С.Александрович); ...небасхіл, над якім нашы песні *лунаюць*... (М.Танк); *вечараваць* 'Коротать время вечером'.

Среди производных имен существительных отдельно следует отметить группу слов, характеризующих в той или иной степени родственные отношения. Например: *зязеўства* ‘Статус женатого человека по отношению к теще’, *сямейнік* ‘Член семьи’, *млынароўна* ‘Дочь мельника’, *пісараўна* ‘Дочь писаря’, *леснікоўна* и *леснічоўна* ‘Дочь лесника’, *старастоўна* ‘Дочь старосты’, *ткачоўна* ‘Дочь ткача’. Ср. в русской диалектной речи: *батькишна* и *батьковна* волог. ‘Дочь, похожая на отца или любимая им более других детей’ [Литвинникова 2008: 13]. Важно отметить, что «исходные» имена могут выступить в качестве производящих основ для целой группы производных, по тем или иным причинам отсутствующих в русском языке. Ср.: *леснічоўка* ‘Дом лесника и его семьи’, *леснікаваць* ‘Выполнять работу лесничего’, *лясоўка* Обл. ‘Лесная яблоня, плод такой яблони’, *млынарышча* и *млынішча* ‘Место, на котором стояла мельница’. В последнем случае морфонологические особенности белорусского слова *млын* ‘Мельница’ позволяют эксплицировать значение, не имеющее однословного коррелята в русском языке.

Достаточно активной для системы белорусского словообразования является следующая модель: *лепардзья* ‘Детеныш леопарда’, *ластавяня* и *ластаўчана* (*ластаўчанё*) ‘Птенец ласточки’, *крацяня* ‘Детеныш крота’, *сабачаня* (*сабачанё*) ‘Маленькая собачка’, *салаўяня* ‘Птенец соловья’ и даже *удадзья* ‘Птенец удода’. Как известно, появление некоторых слов может объясняться и экстралингвистическими факторами. Осмелимся предположить, что бел. *кратоўка* ‘Норка крота’ и разг. *кратавінне* ‘Холмики земли, нарытые кротом’ – результат действия и этих причин.

Одной из самых интересных и значительных по числу дериватов групп являются производные, в той или иной степени обозначающие различные «точки» пространства. Например: *завуголле* ‘Место за углом дома, за домом’, *прылужжа* ‘Местность, окаймляющая луг’, *захлеўе* ‘Место за хлевом’, *хлевішча* ‘Место, где стоял хлев’, *азярышча* ‘Место, где прежде было озеро’; *засень* и *зацень* ‘Затененное место’, *зацішак* ‘Укромное (тихое) место’, *забалаць* ‘заболоченное место’, *загароддзе* ‘место за огородами’, *залужжа* ‘о том, что расположено за лугом’, *замчышча* ‘место, где стоял или стоит замок’, *невараць* ‘Место, откуда не возвращаются’. Залішне шмат у ім [слове] таго, што добра распачыналася, але знікла дазвання ў *невараці* (В.Акудовіч)... Юлька...падпісала штосьці страшнае пра каханага хлопца, якога варанок павез у *невараць*... (У.Арлоў); *натанч* ‘Натопанное ходьбой или ездой место на земле’. Гняды і Уюн упэўнена ступаюць па коўзкай *натанчы* зімовай дарогі вострымі шыпамі новых падкоў... (Я.Брыль); *надрэчча* ‘Местность, прилегающая к берегу реки’, *наддольны* ‘Находящийся в надземном пространстве (над долом)’. Лясны жаваранак вольны, снуючыся ў яснай далі, песню пеў у жытнім кліне і будзіў прастор *наддольны* (Я.Колас), *надзем’е* ‘Надземное пространство’. Шэптам задавалення шушукаліся суседнія дрэвы і ...неслі іх далей па лесе, аддавалі мурожнай траве на лузе, аксамітным руням засеваў на полі і вечна рухлівым хвалям рэк, а срэбраныя ніці тужлівага месяца пераносілі іх у прасторы маўклівага *назем’я* (Я.Колас)... Пакутуюць у *надзем’і* і духі тых, хто пры жыцці не выканаў свайго зямнога прызначэння (К.Цвірка), *надлужжа* ‘Пространство над лугом’.

Любопытно, что в ряде случаев речь идет о достаточно детализированном представлении “пространственных координат”, а сочетание “морфонологической свободы” производящей основы и активности префиксов приводит к появлению

целой группы производных. Сравните: *прылужжа*, *надлужжа*, *залужжа*; *над-рэчча* ‘Местность, прилегающая к берегу реки’, *узрэчча* ‘Место, расположенное у реки’ (ср. в русском *заречье* ‘Место, расположенное за рекой’); *забалаць* ‘забоченное место’, *узбалотак* и *ўзбалоце* ‘Край болота’.

В белорусском литературном языке, в целом ряде конкретных наименований содержится точная «пространственная» мотивировка номинации. Сравните: *пад-воканне* ‘Место снаружи дома под окнами’, *падмосце* ‘Место под мостом’, *пад-столле* ‘Пространство под потолком’, *падстрэшиша* ‘Место под нижним краем крыши какого-либо строения’; *прыгрэбнік* (*прыгрэбак*) ‘Пристройка перед входом в погреб’, *прыклеце* ‘Место перед клетью’, *прысады* ‘Деревья, посаженные возле, вдоль или около чего-либо’, *прысценак* ‘Боковая пристройка’, *прыямак* ‘Небольшая яма специального назначения перед или под чем-либо’; *пазахлеўе* ‘Место за хлевом’. Причем значительная часть слов характеризует быт и уклад жизни человека на селе, что, естественно, не удивительно, зная историю становления и развития Беларуси.

Как видно, среди рассматриваемых номинаций встречаются производные для обозначения “координат” пространства не только конкретного, но и (в той или иной степени) абстрактного. В этой связи любопытны и некоторые наречия: *наўзбоч* (нареч., в знач.предлога) ‘На некотором расстоянии, отдельно от места, где что-либо находится, движется’. Конь чмыхнуў пры слупе, спыніўся *наўзбоч* (М.Лужанин). *Наўзбоч* гаю дзве бярозы ды з дубочкам маладым абняліся так прыгожа на узгорачку крутым (М.Машара). Трашчыць касцёр, і бульба варыцца, табун стрыножаны – *наўзбоч* (А.Сербантович); *наўсцяж* ‘Во всех направлениях, в пределах обозримого пространства’ І *наўсцяж* краінаю, радасць услаўляючы, песні салаўіныя льюцца не сціхаючы (П.Глебка)... там, дзе жыты высокія – *наўсцяж*... (М.Калачынскі), *нагбом* разг. ‘Нагибая сосуд (пить)’. Той (сусед) выцер рукавом акрываўленыя губы і пацягнуў баланду *нагбом*... (С.Александрович). Жаўнер прыпаў да вады і піў посярбам – нахіліць ядро і напіцца *нагбом* не мог з-за балячай рукі (Я.Лецка), *назіркам* ‘Не спуская глаз, не теряя из виду (идти, бежать)’. У лесе Косцік вывернуў на другі бок кажух, надзеў на сябе і пайшоў *назіркам* кустамі (С.Александрович); *накругла* и *наўкругла* ‘Вокруг головы’. У адкрытым кузаве – станок, а каля яго жанчына ў камбінезоне, у чырвонай касынцы, завязанай *накругла* (Л.Арабей). Любопытно, что встретившееся в одном из последних предложений выражение *піў посярбам* отсутствует в словарях. Есть лишь указание на глагол *сёрбаць* ‘1. Разм. Есці вадкую страву, прысмоктваючы. 2 Піць, прысмоктваючы. 3. Піць невялікімі глыткамі час ад часу. 4. Утвараць у час яды характэрныя гукі сёрбання’ [Тлумачальны слоўнік беларускай мовы 1984: т.5: 125].

Деривационное «осложнение» общих для белорусского и русского языков корней приводит к целому комплексу нетождеств и различий в области производной лексики. Сравните: *намакліца* Собир. ‘Намокшие вещи, предметы, солома и под.’, *насевак* Разг. ‘То, что можно посеять; то, что может посеяться само’, *неруш* Разг. ‘Что-либо нетронутое, первозданное’, *непатрэбшчына* Собир., разг. ‘Ставшие ненужными вещи’, *крушня* ‘Куча камней’, *набыток* ‘Нажитое за годы добро’, *плеціва* ‘Что-либо изготовленное или получившееся в результате плетения (переплетения)’, *маркоўнік* Собир. ‘Морковная ботва’, *лапушнік* Собир. ‘За-

росли лопуха', *ламачына* 1. 'Обломок дерева' 2. Разг. 'Поломанная, испорченная вещь', *любошчы* Разг. 'Любовные отношения, любовные приключения'. Яшчэ перад тым як Сяргея ўзяць у армію, яны моцна кахаліся. Людзі казалі, што гэтакіх *любошчаў* і вадой не астудзіш (Р.Сабаленка).

В словообразовании, как в зеркале, отражены не только общие и частные модели мотивации, но и некоторые особенности духовной и материальной культуры народа. Об этом, в частности, свидетельствуют и рассматриваемые нами слова белорусского языка, отсутствующие в русском. Например: *лежанка* Разг. 'Вылежавшийся для доспевания плод садового дерева', *масціна* и *маставіна* 'Доска или бревно в мосту', *межытока* Обл. 'Дорога, соединяющая два озера или болота', *мінавіца* Разг. 'Путь или дорога, проходящая мимо чего-либо в обход', *мянташка* 'Наждачная лопатка для точки косы' и, соответственно, *мянташыць* 'Точить косу с помощью мянташки', *пластаваць* 'Ползти по-пластунски', *кнігарня* 'Книжный магазин', *крывянка* 'разг. Кровяная колбаса', *кусанік* Обл. 'Недоеденный или надкусанный кусок', *насыпанка* Разг. 'Насыпная дорога', *насенка* Разг. 'Растение (имеющее название женского рода), оставленное на семена'. Праўда, якая ж там *насенка* была – вядро бульбянога лупіння выпадкова набрала яна [Рэната] на памыйніцы ля нямецкага шпітала (А.Савицкий); *насілы* (только мн.) 'Жерди без настила для переноски сена в копах' [Міхась і Алена] падсадзілі *насілы* пад капу і панеслі яе з балота на поплаў (В.Дайлида). Мужчыны і жанчыны трымалі ў руках граблі, вілы, з кожнага воза тырчалі *насілы* (Р.Сабаленка), *насоўка* Разг. 'Носовой платок', *насцак* Обл. 'Удар носком сапога'. Падбег потым сабачка, дык ён [гаспадар] яго так варсануў *насцаком*, што яно, беднае, аж звілося... (А.Навроцкий); *начніца* 'Летучая мышь', *недасаль* Обл. 'Недосолённая еда', *надворак* 'Двор возле дома', *надзежнік* 'Холст для накрывания дежи с квашнёй'. Пасля дзяжу накрываюць *надзежнікам* і накладваюць века, а зверху, перахрысціўшыся, ухутваюць кажухом (М.Лужанин). Ср. в русском *дежа* Обл. 'Деревянная кадка, в которой обычно растворяют и месят тесто; квашня' [Словарь современного русского литературного языка 1954: т.3: 646]; *напавер* 'Под честное слово (взять, получить в долг)'.

Специфика некоторых слов белорусского литературного языка (в известных нам словарях отсутствуют какие-либо иные пометы) позволяет обратиться к лексическому фонду... русской диалектной речи. Слишком очевидна семантика и построение некоторых производных. Знание фактов диалектного словообразования (безусловно, с учетом того, что это особая подсистема) позволяет более глубоко понять механизм деривации как процесса и в литературном языке, а также более рельефно представить ту степень различий, которые могут обнаруживаться между близкородственными языками. В этой связи важно отметить, что некоторые из рассматриваемых ниже слов отмечены и в русских говорах на территории Беларуси, о чем свидетельствует Словарь А.Ф.Манаенковой [Манаенкова 1989]. Прозрачность «внутренней формы» некоторых диалектизмов дает возможность провести интересные (и порой неожиданные) параллели при сопоставлении деривационных подсистем русского и белорусского языков.

С учетом указанных обстоятельств приведем примеры из русской диалектной речи: *дворовик* 'Неопределенное название всего того, что относится ко двору', *деревина* 'Отдельное дерево', *заглуха* (ср.урал.) 'Глухое место, глушь', *залуговеть*

‘Покрыться травой, стать лугом’, *заколотеть, заколотить* (олон., волог., сев.) ‘Стать непроезжей, будучи заваленной упавшими деревьями, колодами (о дороге)’, *истопле, истопок, истопье* ‘Количество дров на одну топку печи, охпка дров, которая укладывается в печь’, *каплюга* (курск., тамб.), *каплюжник* (пенз., тамб., ворон.) ‘Тот, кто собирает вино по каплям, сливая остатки из пустой посуды, и напивается этим’, *каплюжить* ‘Собирать вино по каплям, сливая остатки из пустой посуды, и напиваться этим’, *квасник* ‘Деревянная посуда для приготовления и хранения кваса’, *лакомка, лакомник* ‘Принадлежность женской, обычно праздничной одежды – мешочек для конфет, других сладостей, мелких вещей или денег, привешиваемый к поясу’, *ленивка* ‘Широкая скамья, лежанка у печи’, *лещевик* (симб., Даль) ‘Сеть с большими ячейками для ловли лещей или другой крупной рыбы’, *лозан* (курск., смол.) ‘Удар лозой, палкой или рукой’, *луквенник* (куйб., ряз.) ‘Пирог с луком’, *медведеничик* калуж. ‘Человек, показывающий за деньги обученного медведя’ (ср. в бел. *медзведзяваты* ‘Похожий на медведя, напоминающий медведя’), *междудворник* ворон. ‘Бездельник, который ходит от нечего делать по чужим дворам (домам)’ и *междедворить* тамб., курск. ‘Ходить, шататься без дела по чужим домам, дворам’, *мехонош* (пск.), *мехоноша* (Даль, смол.) ‘Участник обряда в честь Рождества Христова’, *мздоимоватый* (яроsl.) ‘Склонный к мздоимству, взяточничеству’, *молитвовать* (арх.) и *молитвить* (якут.) ‘Читатать установленную молитву над женщиной после родов’, *навалиха* (волог., нижегор.) ‘О женщине, девушке, напросившейся на замужество, принудившей взять себя замуж’. Я к тебе не *навалихой* пришла – сам взял. *Наворотка* (пск., новг.) ‘Шест или кол (иногда с небольшим загибом на конце), помогающий поворачивать жердь подо льдом при подледном лове рыбы’, *наживочник* (арх., помор.) ‘Тот, кто наживляет наживку на рыболовные крючки, наживщик’, *наголовень* (твер.) ‘Тесьма для стягивания волос на голове’, *нагревень* (твер., калин.) ‘Горшок, в котором нагревают, кипятят воду’, *нагреблины* (мн.) ‘То, что сгребли в кучу (сено, солома и т.п.)’ (сравните в белорусском языке слово *насевак* с аналогичной моделью ‘то, что ~’).

Можно предположить, что один и тот же фрагмент деривационного пространства (реализованный или потенциальный) может являть собой в одном случае часть языковой картины диалекта, в другом – часть языковой картины литературного языка. К примеру, русское слово *кудель* ‘Пучок вычесанного льна, пеньки или шерсти, приготовленный для пряжи’ (в диалектах также *куделя, кужель*) в диалектном словообразовании проецируется в производных глаголах *куделить* Обл. ‘Драть, трепать за волосы’, *куделиться* Обл. ‘Лохматиться’. О волосах. Семантика аналогичных белорусских глаголов *кудзелиць* и *кудзелицца* (производных от бел. *кудзеля*) имеет свою специфику, что подтверждают и контексты. Ср.: *кудзелиць* ‘Делать похожим на кудель’. *Ніхто са мной так радасці не дзелиць, як жаўранак і ціхі васілек, і ветрык, што дымкі з дамкоў кудзелиць* (А.Лойка). *Будзе сніцца [край] раннім сонцам, што ўстае з пасцелі і на рэчках па старонцы туманы кудзелиць* (Л.Геніюш). *Кудзелицца* и *кудзелиць* ‘Становиться подобным на кудель’. *Раптам нікне ў сэрцы горыч, унь кудзелицца дымок!* (Я.Колас). *На платах тчэцца шоўк павуціны, і кудзелиць над хаткай дымок* (З.Бядуля). В белорусском языке в глаголах фактически не отражена исходная семантика производящей единицы. Ср. в русском: *Начнут меня за волосы куделить* – *стружки*

летят (Левит.) – Ну, известно, пошли бабенку **куделить** с уха на ухо, таскать за волосы (Мам.-Сиб.). На пухлых щеках неровная **куделилась** борода (Шолох.). Не говоря уже о том, что в русском языке указанные глаголы – диалектные, а в белорусском – принадлежность литературного языка. Кроме этого, в белорусском языке отмечено слово **кудзялянка** разг. ‘Подстилка, сделанная из кудели’.

Как видно, среди приведенных примеров есть и такие, которые в полной мере представляют духовную и материальную культуру русского и белорусского народов. Причем есть и факты тождественные и тонкие различия. Так, например, в [Шкраба 2008] ошибочно указывается, что в белорусском языке есть слова *набірак* Обл. ‘Берестяная или лубяная коробочка, в которую набирают ягоды, грибы и под.’, *дзядзіна* ‘жена дяди’, *замужніца* ‘замужняя женщина’, якобы отсутствующие в русском. Однако сравните: *набирка*, *набирок* (ряз., сиб., иркут...) ‘Корзина, лукошко из бересты или лубка для собирания ягод, грибов’ [Литвинникова 2008: 113], *дядина* ‘жена дяди’, *замужница* ‘замужняя женщина’ [Манаенкова 1989: 61, 72]. С другой стороны, можно отметить и немало тонких различий. К примеру, в белорусском языке *каласавік* ‘ранний боровик, который растет во время колошения ржи’, а в русских диалектах производное от *колос* – *колосник* (симб., вят., свердл...) ‘Постройка для хранения отходов, остающихся при обмолоте хлебов (соломы, мякины)’.

Как уже мы однажды отмечали [Никитевич 2009: 475], активность белорусской глагольной модели на *-ваць* способствовала реализации целого ряда семантических позиций в белорусском языке, в отличие от русского. И приводили среди прочих пример глагола *дзедаваць* в значении ‘быть дедом’ (І заважаў я што ў званні дзеда сёння многа несівых мужчын: вось адзін такі *дзедае* у сорах. М.Кусянкоў). Однако в культурно-историческом плане интересен другой глагол *дзедаваць*, семантика которого связана с древним обычаем, обрядом поминовения усопших. Ср.: А памятаеш, у тых, бывала, што за стол *дзедаваць* сядуць... (А.Калюча). Аналогично: *запасаваць* ‘Совершая древний обряд, выгонять скот на пастбище впервые после зимы’. Цяпер няма такога звычаю, а раней *запасвалі* кароў (Л.Калюга).

Среди производных слов белорусского языка, отсутствующих (как однословные номинации) в русском языке, особую группу единиц представляют наименования лица. Ср.: *плечавень* Обл. ‘Плечистый человек’, *навуковец* ‘Человек, занимающийся наукой’, *недавьярак* ‘Человек, не верящий во что-либо, кому-либо’, *непакора* ‘Тот, кого невозможно покорить’, *нецярплівец* ‘Тот, кому не свойственно терпение’, *нешчаслівец* ‘Несчастливый человек’, *нікчэмнік* ‘Никчемный, ничтожный человек’, *лірнік* ‘Музыкант, играющий на лире’. Как известно, самыми причудливыми с точки зрения характера мотивации могут оказаться и номинации лица в русских диалектах. Например: *водоход* (арх.) ‘Тот, кто хорошо плавает и ныряет’, *грустлика* (курск.) ‘Тот, кто грустит, печалится’, *дележер* (моск.) ‘Тот, кто делит что-л.’, *долгоспан* (перм.) ‘О том, кто долго спит, поздно встает’, *заболотень* ‘Человек, живущий за болотами’, *запечник* (твер., олон.) ‘О том, кто любит посидеть на печи. Особенно при появлении в избе посторонних’, *заспа* (пск., твер.) ‘Тот, кто много спит, ходит с заспанным видом; соня’, *игральник* (олон., арха.) ‘Молодой человек, ухаживающий за девушкой’, *игральница* (олон.) ‘Девушка, за которой ухаживает какой-либо молодой человек’, *каждогодки* (новосиб.), *кажелетки* (курск.) ‘Погодки (о детях)’, *катальник* (твер., арх.) ‘Тот, кто катается на санках и т.п.’, *ковишарь* (костром.) ‘Мастер, делающий

ковши’, *косолапина* ‘О косолапом, неуклюжем человеке’, *кочерука* (волог.) ‘О человеке со сломанной рукой’, *красовар* (влад.) ‘Мастер, умеющий готовить (варить) краски’, *кроватьник* (олон.) ‘Человек, убирающий кровать’, *лазак* (арх.-ср.урал., омск.) ‘Тот, кто хорошо залезает на деревья, в том числе – для сбивания кедровых шишек’, *легкоум, легкоумок* (пск., твер.) ‘Дурачок, слабоумный’, *личник* (влад.) ‘Иконописец, пишущий только лица (лики) и руки на иконах’, *ласкомойка* (новг.) ‘Женщина, которая из щегольства слишком часто и усердно моет лицо, стараясь придать ему белизну’, *лысаниха* (пск., твер.) ‘О жене лысого человека’, *межемер* (ворон., курск.) ‘Землемер’, *метальщик* и *метельщик* (смол., пск., новг.) ‘Тот, кто мечет сено’, *мигач* (ворон., курск.) и *мигун* (нижегор., пск.) ‘О том, кто мигает, подмигивает или перемигивается с кем-либо’, *могут* (фольк., пск., новг.) и *могутай* (твер.) ‘Силач, богатырь’, *молокан* (перм., курган.) и *молоканчик* (урал., свердл.) ‘Приемщик молока’, *молоканка* (свердлл.) ‘Любительница молока’, *моргай* (пск., твер.) и *моргач* (костром.) ‘О том, кто часто моргает глазами’, *морозеник* (пск., твер.) ‘Человек, быстро мерзнувший, страдающий от холода’, *морянин* (фольк., арх., олон.) ‘Человек, живущий за морем (о мужчине и женщине)’, *мурник* (пск., эст., лит.) и *муричик* ‘Каменщик, печник’ (ср. в белорусском: *мур, мураванка*), *мытейка* (перм.) ‘Женщина, моющая полы, посуду и т.п.’, *мяльщица* (Даль, пск., свердл.) ‘Женщина, мнущая лен’, *набивоня, набивщик* (пск., твер.) ‘О том, кто назойливо навязывается (набивается), когда его не спрашивают’, *навязка* (пск., твер.) ‘Назойливый, навязчивый человек’.

Рассмотрение такого обширного и, намеренно, разнородного материала в сопоставительном плане свидетельствует и о единых закономерностях процессов деривации в таких близких по родству языках, как русский и белорусский, и о том, что в белорусском литературном языке существуют весьма специфические по своему содержанию лексемы (и их, надо признать, немало), более напоминающие слова, которым в [Словарь современного русского литературного языка 1950 – 1965] дается помета «областное». Есть, конечно, и фактор некоторой неупорядоченности соответствующих помет в лексикографических источниках, но и с учетом этого обстоятельства можно констатировать, что в белорусском литературном языке в большей степени, чем в русском языке, ощущается диалектная основа, так как это совсем молодой литературный язык (в сравнении опять же с русским языком). Поэтому при чтении белорусской литературы этот язык предстает столь самобытным, приближенным к народной основе.

Заслуживают внимания и глаголы – наименования самых различных действий. Здесь можно привести примеры, когда хорошо известные (родственные) для белорусского и русского языков корневые морфемы могут лежать в основе производных, образованных от взаимоисключающих в данных языках основ: *прававацца* ‘Доказывать кому-либо свои права, свою правоту’, *праўдзіць* ‘Говорить правду’, *пукаціць* ‘Делать выпуклым, холмистым’, *раздалікаціцца* ‘Стать изнеженным, деликатным’, *разнасцежыць* ‘Открыть настежь’, *разумецца* ‘Понимать друг друга’, *рамансаваць* ‘Петь романсы’, *распалавініць* ‘Разделить приблизительно на две равные части’, *рассмакавацца* ‘Войти во вкус’, *расчытаць* ‘С трудом разобрать написанное’, *рачкаваць* ‘Работать не разгибаясь, ползая на четвереньках’, *раяваць* ‘Жить, чувствовать себя, как в раю (беззаботно, беспечно)’, *ручыцца* ‘Успешно развиваться (о хозяйстве); хорошо поддаваться разведению (о животных, растениях и

под.)', *склеціць* 'Поставить избу клетью', *сніць* 'Видеть сон, видеть во сне', *сплычваць* 'Соединять бревна в плоты', *ссінячыць* 'Наставить синяков', *спрычыніцца* 'Послужить, стать причиной', *спеліць* 'Доводить до спелости, зрелости'.

При исследовании *границ деривационного потенциала* системы языка на второй план могут отступать не только факторы стилистического расслоения лексики (разг., простор.), но и принадлежность производной единицы к ареалу употребления (литературный язык, диалект). Для деривации, исследования закономерностей словообразовательной мотивации ценность может представлять любой факт: не только создания слова, но и сама возможность проекции (находящей свое подтверждение в родственной языковой системе) той или иной корневой морфемы в известный класс единиц.

Литература

1. Литвинникова О.И., Алексеенко М.А., Головина Л.И. Словарь словообразовательных синонимов русской народной речи. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2008.
2. Манаенкова А.Ф. Словарь русских говоров Белоруссии. – Минск: Университетское, 1989.
3. Никитевич А.В. Словообразовательные лакуны в лексических подсистемах русского и белорусского языков // Branko Tošovic (Hg.). Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen Kroatischen und Serbischen: Lexik – Wortbildung – Phraseologie. Wien, Münster, Berlin: LitVerlag, 2009. – S. 473-486.
4. Словарь современного русского литературного языка: Академия наук СССР. Ин-т русского языка. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950 – 1965. – Т.1–17.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Акадэмія навук БССР. Ін-т мовазнаўства ім. Я.Коласа. Галоўная рэдакцыя беларускай савецкай энцыклапедыі, 1977 – 1984. – Т.1–5.
6. Шкраба І.Г. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі. – Мінск 2008.

Аляксей В. Нікіцевіч

РУСКА-БЕЛАРУСКІЯ ДЭРЫВАЦЫЙНЫЯ ПАРАЛЕЛІ Ў КУЛЬТУРНА-ГІСТАРЫЧНЫМ АСВЯТЛЕННІ

У дакладзе разглядаецца вытворная лексіка беларускай мовы, роднасная рускай мове, аднак такая, што не мае ў ёй аднаслоўных адпаведнікаў. Аналізу падвяргаюцца не толькі асобныя словы, але і цэлыя групы адзінак, якія ў некаторай колькасці «спараджаны» адной словаўтваральнай сістэмай і адсутнічаюць у іншай.

Разглядаюцца як адрозненні ў саміх словаўтваральных падсістэмах блізкароднасных моў, так і такія асаблівасці рада вытворных, што так ці інакш звязаны з культурай і гісторыяй двух народаў. Ілюстрацыйны матэрыял прадстаўлены фактамі не толькі літаратурных моў, але і рускай і беларускай дыялектнай мовы.

Геннадий А. Николаев

(Казанский государственный университет, Казань, Россия)

ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: ВЕРСИИ

Поэзия – это высшее проявление словесной культуры народа. Поэтический язык представляет собой специфический феномен, имеющий общезыковые основания, но отличающийся целым рядом присущих только ему признаков: рифмо-ритмической организацией, фоностилистикой, особой интонацией, лексическими, грамматическими, словообразовательными особенностями, сохранившимся в нем семантическим синкретизмом. Последнее особенно важно, так как делает язык поэзии семантически объемным, «стереофоническим». Поэтический язык глубоко индивидуален, и эта индивидуальность проявляется не только в специфике языка поэта, но и в языковой специфике отдельного поэтического произведения. Это становится очевидным, если сравнить разные стихотворения одного поэта, например, «Пророк» и «Не пой, красавица, при мне» А.С.Пушкина. Одним из наиболее ярких признаков поэтического языка является *поэтическое словообразование*.

Как понятие и соответствующий термин «поэтическое словообразование» активно применяется в работах М.М.Гиршмана, выпускника Казанского университета, сейчас – профессора Донецкого университета [Гиршман 1972 2003, 2004 и др.]. В последнее время это понятие используется и другими учеными [Виноградова 2009: 99]. Но оно не имеет единого толкования.

По одной версии, поэтическое словообразование – это словообразование (прежде всего – морфологическое, аффиксальное) в поэтическом языке. Его составляют в основном авторские новообразования, которые распределяются исследователями по разрядам потенциальных и окказиональных слов. Например, у А.А.Блока: а) потенциальные слова (созданные по моделям) – *утреть* (по аналогии к *вечереть*), *сверкучий*, *секучий* (по аналогии к *плакучий*, *скрипучий*), *гуд*, *зык* (по типу *рев*, *стон*); б) окказионализмы (созданные не по моделям) – *звездясь*, *струнно*, *приневеститься*, *бытийственный* и др. [Николаев 2009: 17].

Не нужно говорить, что таким поэтическим новообразованиям посвящено немало работ и они изучены досконально. Причем эксплицитно или имплицитно эти слова сопоставляются и соотносятся в исследованиях с фактами лексики и словообразования непоэтической речи и их функция квалифицируется как стилистическая. Действительно, слова эти необычны и почти никогда не выходят за пределы поэтической речи, мало того, за пределы одного поэтического текста. Несмотря на то, что такие слова привлекают внимание читателя (наверное, они на это и рассчитаны), они не составляют центра поэтического словообразования, а находятся на его периферии. Поэтическое словообразование нельзя ограничивать этими производными словами, представляющими отдельные словообразовательные формы в поэтическом языке.

Поэтическое словообразование – это системный феномен, и рассматривать его надо как своеобразное явление, отличное (а может быть, и противопоставленное) словообразованию непоэтическому.

М.М.Гиршман придерживается, мне кажется, более приближенной к истине версии. Она опирается на глубокие разработки специфики поэтического языка учеными-стиховедами. Особенно показательны взгляды на поэтический язык Г.О.Винокура, подводящими нас к феномену поэтического словообразования. «О разновидностях языка, – пишет он, – можно говорить не только как о разных «стилях речи» (sic! – Г.Н.), то есть как о различных традициях языкового употребления, связанных с различными условиями общения через язык. О них можно говорить также в том отношении, что одна и та же система языка может иметь различное жизненное назначение, служить разным областям культуры, выражать различные модусы сознания. Например, можно говорить о поэтическом языке как об известной обособленной области языкового употребления, характеризующейся возможным присутствием в ней таких форм, слов, оборотов речи, которые в других областях употребления не встречаются. Но выражение «поэтический язык» может означать также язык в его *художественной функции*, язык как материал искусства, в отличие, например, от языка как материала логической мысли, науки. В этом случае речь будет идти уже не о «стиле речи», а об особом модусе языка, о предназначенности его для передачи смысла особого рода, именно того, какой искусство специфическим образом несет в жизнь, в той мере, в какой оно отличается от остальных областей культурного творчества» [Винокур 1991: 51].

Поэтический язык создается на базе общенародного языка, поэтическое слово – на основе слова «обыденного», которое в поэзии приобретает поэтический смысл. На его основе строится образная система поэтического текста. По мнению Г.О.Винокура, слово в поэзии является воплощением «второй, образной действительности, которую искусство открывает в действительности реальной. И здесь снова грамматическая форма означает сразу и то, что она означает обычно, и то, что за этим обычным значением раскрывается как художественное содержание этой формы» [Винокур 1991: 57]. Это говорит о синкретичности слова в поэтическом контексте: слово выступает здесь одновременно во всех или нескольких своих «значениях», которые нельзя разделить контекстом.

Поэтический язык создается как целостная система. В этой системе единицы ее связаны между собой часто не так, как в общенародном языке. Помимо общеязыковой мотивированности единицы поэтического языка имеют внутреннюю текстовую мотивированность. И эта мотивированность является определяющей для поэтического слова.

Нельзя считать, что поэтический язык механически включает как общеязыковые элементы, так и слова с образными значениями. М.М.Гиршман, вслед за Г.О.Винокуром, считает, что любое слово в поэтическом языке не равно своему общеязыковому эквиваленту: «Каждый значимый элемент поэтического произведения является одним из моментов становления органической художественной целостности, и он неповторим в таком же своем качестве за пределами целого» [Гиршман 1972: 36]. Ср. также рассуждения Г.О.Винокура о нетождественности слова *рыба* в строке А.С.Пушкина: «Старик ловил неводом рыбу» и в общенародном языке [Винокур 1991: 52].

Таким образом, поэтический язык – это не сочетание отдельных индивидуальных преобразованных слов, а целостная образно-художественная система. «Это

преображение языка в единственно возможную форму существования образно-художественного содержания позволяет говорить об особом *поэтическом словообразовании*, в процессе которого формируются в известном смысле «новые» слова, образные значения которых не просто надстраиваются над прямыми значениями, а присваивают и прямые и другие возможные значения для создания нового индивидуального смысла» [Гиршман 1972: 37].

Из сказанного следует, что поэтическое словообразование – это не семантическое преобразование *отдельных* слов поэтического текста, отличающихся от своих аналогов в общем языке. Ср., например, прилагательные в пушкинском стихе «В пустыни *чахлой* и *скупой*» («Анчар») и их общезыковые эквиваленты. И тем более не образование морфемным путем поэтических окказионализмов, о чем говорят сторонники первой версии. Поэтическое словообразование – это способ преобразования общенародного языка в язык поэтический, слов общенародного языка в лингвопоэтические единицы, *всех* слов, входящих в конкретный поэтический текст.

В.П.Григорьев предлагал назвать этот процесс не словообразованием, а словопреобразованием в художественной речи [Григорьев 1973: 63]. Он считал, что язык литературного произведения составляет специфический метаязык, который должен быть изучен как таковой [там же, стр.78-83]. Ученый предлагал также определить основную единицу поэтического языка и назвать ее *экспрессемой* (стр 61). Фактически экспрессема – это слово в поэтическом контексте, результат поэтического словообразования (по М.М.Гиршману), или словопреобразования (по В.П.Григорьеву).

Конечно, поэтический язык можно рассматривать и как стилистическую разновидность русского литературного языка, как это и делают многие лингвисты. Такой подход допускают и Г.О.Винокур, и В.П.Григорьев. «Художественные тексты подобно любым другим, – писал В.П.Григорьев, – могут быть интерпретированы как последовательность лексем и стилём и использованы как материал для лексикограмматических и стилистических штудий. При этом сознательно или несознательно, полностью или в значительной части игнорируется специфика самой художественной речи» [Григорьев 1973: 60]. Для сторонников такого подхода к поэтическому языку слова *парус* (у Лермонтова), *злато* и *булат* (у Пушкина) и другие подобные лексемы представляют просто слова с переносными значениями (метафорическими или метонимическими). А вся специфика стихотворной речи (в ее лексической части) сводится к переносному употреблению отдельных слов в поэтическом контексте. Однако все разработки специфики поэтического языка, проведенные выдающимися стиховедами и лингвистами (Б.Томашевским, Е.Поливановым, Ю.Тыняновым, Р.Якобсоном, Г.Винокуром и другими), подводят нас к признанию феномена поэтического словообразования. Именно словообразования, а не словопреобразования, так как последнее все же менее решительно отмежевывается от того традиционного, и не вполне адекватного сути явления, понимания поэтического языка как стилистической разновидности литературного языка.

Таким образом, поэтическое словообразование – это образование на основе языка «обыденного» языка поэтического текста; образование в абсолютном большинстве случаев без изменения фонетического и морфемного облика слов, то есть такое, какое наблюдается в семантическом безморфемном словопроизвод-

стве. Значит ли это, что поэтическое словообразование есть разновидность семантического словообразования? Для ответа на этот вопрос нужно определиться с понятием «семантическое словообразование».

Нужно сразу же отвести понятие «лексико-семантическое словообразование», бытующее до сих пор в дериватологии. И прежде всего потому, что основным «средством» при этом способе (как это трактуют его сторонники) является фактически деэтимологизация: новая лексическая единица возникает тогда, когда разрушаются этимологические связи одного из ЛСВ со словом.

Этот взгляд не имеет под собой теоретической основы, так как никто еще не доказал, что деэтимологизация является способом словообразования, даже семантического. Как известно, в ходе деэтимологизации производное слово переходит в разряд немотивированных, нечленимых и (с оговоркой, условно) непродных. Такое может произойти и с семантическим дериватом. Пока этого не произошло, семантически производное слово (как и морфемное производное) сохраняет мотивационные связи, соотнесенность со своим производящим.

Для «лексико-семантического» способа словообразования придумали даже определение – диахронический.

Специалисты-деривтологи установили, однако, что словообразовательный процесс как при семантическом (безморфемном) словообразовании, так и при морфологическом (морфемном) словопроизводстве имеет одинаковые этапы осуществления: предпроцессный этап, сам акт словопроизводства и постпроцессный этап [Торопцев 1974, Адливанкин 1986]. Акт словопроизводства при любом способе словообразования протекает во многом одинаково (одномоментно, «сразу», как писал Н.М.Шанский [Шанский 1953: 8]). Так что разграничение способов словообразования на синхронические и диахронические не имеет под собой реальной основы [Николаев 2010: 23].

Самым горячим пунктом (Brennpunkt) новой теории семантического словообразования является квалификация его результатов, отнесение их к полисемии или омонимии. Ученые понимают, что появление новых номинаций в результате семантической деривации происходит по устоявшимся семантическим моделям и адекватно словообразовательным процессам. Но сила традиции не позволяет признать, что фактически это и есть словообразование, семантическое словообразование. Ввели даже новый термин – «регулярная многозначность» [Апресян 1974: 193].

В настоящее время в трактовке этой проблемы существует две непримиримые группы ученых: большинство считает, что в результате семантической деривации возникает новый ЛСВ и многозначность; другие видят в семантической деривации словообразовательный процесс и его результатом считают омонимию. Автор данной работы является сторонником второй точки зрения и не аргументирует ее, так как аргументы уже высказаны учеными [Потебня 1968, Щерба 1974, Марков 1981 и др.]. Отмечу только, что число сторонников семантического словообразования постоянно увеличивается [Русское семантическое словообразование 1984, Семантическая деривация 2003, Развитие 2009].

Поскольку поэтическое словообразование происходит в основном за счет семантического преобразования общезыкового слова, оно относится к семантическому словопроизводству, но представляет его специфическую разновидность.

Семантическое словообразование в обычном языке имеет типовой характер, развертывается по определенным семантическим моделям, что позволяет даже прогнозировать появление тех или иных семантических дериватов. Поэтическое словообразование всегда индивидуально, его результаты неожиданны и непредсказуемы, и это во многом связано с их функциональным предназначением.

Литература

1. Адливанкин С.Ю. Модели словообразовательного процесса и способы словообразования // Деривация и семантика: слово – предложение. – Пермь, 1986. – С. 6-12.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974.
3. Виноградова В.Н. Поэтическое словообразование как фактор появления инноваций в языке // Славянские языки и культуры в современном мире: Межд. науч. симпозиум (Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, филол. факультет, 24-26 марта 2009 г.): Труды и материалы. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 99.
4. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М.: Высш. школа, 1991.
5. Гиршман М.М. Слово в поэтическом контексте // Вопросы теории и истории русского словообразования. – Казань: Казан. гос. ун-т, 1972. – С. 36-38.
6. Гиршман М.М. Стиль и поэтическое словообразование в лирике Ф.И. Тютчева // Литературоведческий сборник: творчество Ф.И. Тютчева: филологические и культурологические проблемы изучения. – Донецк: ДонНУ, 2003. – Вып. 15–16. – С.6–15.
7. Гиршман М.М. Поэтическое словообразование в художественной литературе // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, филол. факультет, 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 620.
8. Григорьев В.П. Новые словарные предприятия и идеи в области лингвистической поэтики // Поэт и слово: Опыт словаря. – М.: Наука, 1973. – С.13–92.
9. Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке. – Ижевск, 1981.
10. Николаев Г.А. Лекции по русскому словообразованию: учеб. пособие. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009.
11. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – Изд. 2-е, дополн.
12. Потенция А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1968. – Т.3.
13. Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республ. науч. семинара (18-21 ноября 2009 г., Саратов). – Саратов: Изд. центр «Наука», 2009.
14. Русское семантическое словообразование: Сб. науч. трудов. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т., 1984.

15. Семантическая деривация и ее взаимодействие с морфемной: Межвуз. сб. науч. трудов. – Омск: Изд. ОмГУ, 2003.
16. Торопцев И.С. Предмет, задачи, материал и методы ономазиологии // Проблемы ономазиологии. – Орел, 1974. – С. 3–75.
17. Шанский Н.М. Основы словообразовательного анализа. – М.: Учпедгиз, 1953. – С. 8.
18. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – М.: Наука, 1974. – С. 265-304.

Геннадій О. Ніколаєв

ПОЕТИЧНЕ СЛОВОТВОРЕННЯ: ВЕРСІЇ

У статті розглянуто феномен «поетичного словотворення», кваліфікованого як специфічний різновид семантичного словотворення, як спосіб перетворення загальнонародної мови на мову поетичну, слів загальнонародної мови – на лінгвопоетичні одиниці.

Ингеборг Онхайзер

(Институт славистики, Инсбрукский университет, Австрия)

**(АНТИ-)УТОПИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В РОМАНЕ
ДЖ. ОРУЭЛЛА «NINETEEN EIGHTY-FOUR» И ЕГО
ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ, ПОЛЬСКИЙ И
ЧЕШСКИЙ ЯЗЫКИ**

К отражению истории и культуры народа (народов) в словообразовании – тематике, которой посвящена киевская конференция Комиссии по славянскому словообразованию в 2010 г. – следует отнести и переход оруэлловского авторского неологизма *newspeak*, языка фиктивного «ангсоца», в критическое обозначение языка официального политического общения в государствах «реально существующего (существовавшего) социализма».

В регламентированном и, по сравнению со «староязом», упрощенном «новом» языке Оруэлл видел мощный фундамент «ангсоца»:

Новояз был разработан для того, чтобы обслуживать идеологию ангсоца [...]. Новояз должен был не только обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность приверженцев ангсоца, но и сделать невозможными любые иные течения мысли. [...] Это достигалось изобретением новых слов, но в основном исключением слов нежелательных и очищением оставшихся от неортодоксальных значений [...]. Новояз был призван не расширить, а сузить горизонты мысли, и косвенно этой цели служило то, что выбор слов сводили к минимуму.¹

Так, *newspeak* стал своего рода (социо-)лингвистическим термином, который применялся оппозиционными польскими лингвистами в начале 1980-х гг. (ср., напр., Nowa-Mowa 1981/1985; Głowiński 1990), а несколько позже в западноевропейских работах о политическом языке Советского Союза (напр., Weiss 1986²). В период перестройки и постперестройки на данную работу ссылались и русские авторы при критическом ретроспективном анализе русского «новояза» (напр., Земская 1996 и др.).

1. Перед тем как перейти к сопоставительному анализу переводов фиктивного текста “The Principles of Newspeak”³ с особым учетом словообразования, резюмируем вкратце, в чем заключались, по Вайсу (Weiss 1986: 262 и след.), отличительные черты «реального» новояза:

Новояз, служащий манипуляции населения, характеризуется как гиперстиль над публицистическим и официально-деловым стилем, а по своей коммуникативной

¹ Ввиду использования перевода, опубликованного в Интернете, цитаты и примеры приводятся без указания страниц. Это касается также английского текста и переводов на польский и чешский языки. Интернетовские адреса источников приведены в списке литературы.

² При этом Weiss (указ. соч., 247-260) дает и обзор истории исследования языка советской пропаганды, начиная с 1920-х гг., и указывает на связь между языковой критикой и критикой политической системы.

³ Текст обозначается Оруэллом как Appendix (приложение) к роману.

функции – как «амальгама» бюрократических, пропагандистски-экспрессивных и ритуально-литургических элементов. Признаками новояза являются, напр.:

- шаблонность (*неуклонно/неукоснительно следовать; мудрое/испытанное руководство*); тенденция к двух- или трехчленным сочетаниям лексем, т.е. обязательное атрибутирование ключевых слов (*решительная/суровая/жестокая/беспощадная борьба*);
- экстремальная семантика атрибутов (*колоссальный, титанический, исторический*);
- употребление суперлативов и элятивов и/или атрибутов или наречий, отражающих тотальность, сплоченность и стабильность (*полностью, целиком и полностью; неизменный, нерушимый, неутомимый; все, весь, каждый; всецело, всенародно, всемирно; Ленин жил, жив и будет жить*) или же обозначение градации определенных качеств, напр., *эффективнее, активнее*; глаголы типа *умножить, удвоить, усилить*;
- четкая метафорика, основанная на оппозиции «мы : они» (мы = *единая семья советских народов; братский; отец родной* (Сталин) : они = *отребье, свалка, язва*);
- перенос обозначений из области военного дела (*отряд, штаб, кампания*) и техники/строительства (*строительство коммунизма; железное, стальное единство, локомотив истории, перековка*);
- квазифразеологическая устойчивость на синтагматическом уровне (напр., *партия и народ*), из чего вытекают – в парадигматическом отношении – ограничение выбора лексического материала и высокая предсказуемость сочетаний (см. выше);
- активная неология, включая разные типы сокращений и производные от них (напр., *субботник, путевка, пятилетка, комсомол* → *комсомолец, комсомолка*);
- создание и устранение синонимии (*учитель – шкраб < школьный работник*) и многозначности (*ударник* в новом значении 'передовой рабочий');
- тавтология (*демократия* → *народная демократия*);
- ликвидация понятий (*дума, земство*).

2. Целый ряд приведенных выше и подобных примеров, наряду с характерным «лозунговым синтаксисом», встречается в романе «Котлован» Андрея Платонова, в послесловии к которому И. Бродский (1973) писал:

«Платонов говорит о нации, ставшей в некотором роде жертвой своего языка, а точнее – о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир и впавшем от него в грамматическую зависимость.

Мне думается, что поэтому Платонов **непереводим и, до известной степени, благо тому языку, на который он переведен быть не может.**^[4] И

⁴ Между прочим, проблема перевода отмечается и Оруэллом: «Перевести текст со старояза на новояз было невозможно, если только он не описывал какой-либо технический процесс или простейшее бытовое действие или не был в оригинале идейно выдержанным [...] Практически это означало, что ни одна книга, написанная до 1960 года, не может быть переведена целиком. Дореволюционную литературу можно было подвергнуть только идеологическому переводу, то есть с заменой не только языка, но и смысла.» (Выделено нами. – И. О.) На примере отрывка из американской «Декларации независимости» Оруэлл приходит к саркастическому выводу: «Самое большое, что тут можно сделать, – это вогнать весь отрывок в одно слово: мыслепреступление.»

все-таки следует приветствовать любую попытку воссоздать этот язык, компрометирующий время, пространство, самую жизнь и смерть – отнюдь не по соображениям «культуры», но потому что, в конце концов, именно на нем мы и говорим.» (Выделено нами. – И. О.)

Двуязычное англо-русское издание «Котлована» вышло в 1973 г.⁵, в немецком переводе роман был опубликован в 1990 г.⁶ Оба перевода заслужили бы специального исследования, потому что они требуют не меньшего лингвистического умения переводчиков, чем и перевод романа Оруэлла на славянские языки, которые находятся в центре внимания настоящей статьи. Это касается, прежде всего, адекватной передачи авторской системы лексических и семантических новообразований, входящих в пресловутые словари А – С новояза, а также адаптации грамматических нововведений. На последних мы однако не будем останавливаться.

В дальнейшем предпринимается анализ некоторых переводческих решений с особым учетом словообразования, а также внутри- и внелингвистической обусловленности выбора эквивалентов⁷.

3. Как было отмечено выше, в основу нашего анализа легли переводы на русский, польский и чешский языки. На украинский язык роман Оруэлла еще не переведен (ср. Ребрий 2009: 218), но статья Ребрия посвящена системному подходу к выработке стратегий перевода именно приложения “The Principles of Newspeak” на украинский. В связи с этим отмечается следующее (там же):

[...] задля максимальної прагматичої адекватності перекладач має прагнути не стільки ,одомашнення‘ чи ,очуження‘ оригіналу в класичному розумінні, скільки перенесення свого реципієнта у створений автором ,прекрасний новий світ‘. [...] при перекладі антиутопійного художнього дискурсу в цілому перекладач має орієнтуватися на оригінал [...]. З іншого боку, необхідно враховувати, що головним героєм есе є сама мова майбутнього – мова тоталітарного суспільства.

И далее, учитывая специфический языковой опыт украинских читателей, Ребрий пишет:

На нашу думку, перекладач не має права знехтувати такими історичними алюзіями, враховуючи ,багатий‘ тоталітарний досвід української мови радянського періоду [...].

В этой связи нас будет интересовать вопрос, насколько исторический опыт отражается в языке существующих уже переводов, в первую очередь, перевода на русский, но и на другие языки, которые во второй половине XX в. испытывали существенное влияние советского «новояза».

⁵ The foundation pit = Kotlovan. English translation by Thomas P. Whitney. Ann Arbor 1973.

⁶ Die Baugrube. Aus dem Russischen von Alfred Frank und Werner Kaempfe. München/Wien 1990.

⁷ В данном контексте мы смогли отметить интересную параллель с наблюдениями Шлоссера (Schlosser 1984/85) над языковыми изменениями в немецких переводах Оруэлла за 1950-1984 гг. Так, напр., в первом послевоенном переводе находилось гораздо больше эквивалентов, унаследованных из языка «Третьего рейха», чем в переводе 1980-х гг., так как переводчик мог исходить из соответствующих знаний, воспоминаний и ассоциаций читателей.

3.1. Лексика новояза, официального языка Океании, подразделялась на три класса:

Словарь А заключал в себе слова, необходимые в повседневной жизни – связанные с едой, питьем, работой, одеванием, хождением по лестнице, ездой, садоводством, кухней и т. п. [...], но по сравнению с сегодняшним языком число их было крайне мало, а значения определены гораздо строже. Все неясности, оттенки смысла были вычищены. [...] Он предназначался для того, чтобы выражать только простейшие целенаправленные мысли, касавшиеся в основном конкретных объектов и физических действий. [...]

Словарь В состоял из слов, специально сконструированных для политических нужд, иначе говоря, слов, которые не только обладали политическим смыслом, но и навязывали человеку, их употребляющему, определенную позицию. [...] Слова В представляли собой своего рода стенограмму: в несколько слогов они вмещали целый круг идей, в то же время выражая их точнее и убедительнее, чем в обыкновенном языке. [...]

Словарь С был вспомогательным и состоял исключительно из научных и технических терминов. [...] (Выделено нами. – И. О.)

Перед тем как перейти к анализу переводов отметим следующее: компетентность переводчиков романа “Nineteen Eighty-Four” отражается не только в том, чтобы (1) средствами целевого языка достичь наиболее точной адекватности передачи замысла автора, т.е. речь идет не исключительно о лексической эквивалентности, но и об адаптации, о преобразованиях, заменах и дополнениях в зависимости от системных различий исходного, английского, и целевых, славянских, языков. Не менее важной является (2) лингвистическая компетентность, владение языковедческой терминологией при переводе и адаптации метаязыковых комментариев Оруэлла. Переводы на русский и на польский языки отражают оба аспекта, чешский – только второй, так как относительно первой из упомянутых выше компетенций русский и польский переводчики следуют принципу адаптации, в то время как в чешском переводе сохраняются английские примеры (частично с «нейтральными» эквивалентами, частично с краткими дополнениями/комментариями, помогающими понять механизм образования). Только в одном случае чешский переводчик отходит от этого принципа, т.е. он образует окказиональные эквиваленты на основе чешского языкового материала (см. 3.1.2.2.). Таким образом реализуются разные стратегии перевода, которые, как известно, можно, в самом общем виде, подразделить на «одомашнение» и «очуждение» (ср., напр., Ребрій 2009).

3.1.1. Рассмотрим несколько характерных приемов словопроизводства Словаря А в подлиннике и их передачи в переводах.

3.1.1.1. Конверсия и суффиксация

The grammar of Newspeak had two outstanding peculiarities. The first of these was an almost complete interchangeability between different parts of speech. Any word in the language [...] could be used either as verb, noun, adjective, or adverb. [...]

No etymological principle was followed here: in some cases it was the original noun that was chosen for retention, in other cases the verb. Even where a noun and verb

of kindred meaning were not etymologically connected, one or other of them was frequently suppressed. There was, for example, no such word as CUT, its meaning being sufficiently covered by the noun-verb KNIFE.

При адаптации данного отрывка в русском переводе наблюдается отход от подлинника в соответствии с возможностями словообразования русского языка⁸:

Грамматика новояза отличалась двумя особенностями. Первая – чисто гнездовое строение словаря. Любое слово в языке могло породить гнездо, и в принципе это относилось даже к самым отвлеченным, как, например, «если»: «еслить», «есленно» и т. д. [...] словом-производителем могли стать и глагол, и существительное, и даже союз; суффиксами пользовались гораздо свободнее, что позволяло расширить гнездо до немислимых прежде размеров. Таким образом были образованы, например, слова «едка», [...], «хвостистски» (наречие), [...], «убежденец».

Как видно, наряду с образованными переводчиком окказионализмами (напр., *еслить*), привлекаются и засвидетельствованные образования (в том числе из советского политжаргона) с достаточно комплексной словообразовательной структурой.

Как в русском, так и в польском переводе подчеркиваются, вслед за Оруэллом, «легкость» и регулярность словообразования. В качестве примера из польского перевода можно привести *krewać* (< *krewny*), заменяющий «староязовский» глагол *krwawić*, так как в последнем формальная связь с мотивирующим существительным якобы менее прозрачна.

Интересны переводческие компенсации «новоязовской» замены глагола *cut* ‚резать‘ отыменным (конверсивным) глаголом (*to*) *knife* (< *knife* ‚нож‘):

Русский переводчик прибегает к другому примеру, на котором демонстрируется принцип получения однокоренных глаголов и существительных: *писаць* > *писатель* с одновременной моносемизацией словообразовательных значений суффикса *-тель* в пользу единственного значения *nomen instrumenti*:

Если существительное и родственный по смыслу глагол были этимологически не связаны, один из двух корней аннулировался: так, слово «писатель» означало «карандаш», поскольку с изобретением версификатора писание стало означать чисто физический процесс. Понятно, что при этом соответствующие эпитеты сохранялись, и писатель мог быть химическим, простым и т. д.

Польский перевод семантически ближе оригиналу, что достигается новообразованием отыменного глагола (*nóżyć* < *nóż*):

Wyeliminowano na przykład słowo *ciąć*, gdyż sens ten oddawał czasownik *nóżyć*, mający za punkt wyjścia rzeczownik *nóż*.

⁸ Так как в русской словообразовательной системе нет полной «взаимозаменяемости слов разных частей речи» (complete interchangeability between different parts of speech), т.е. нет неограниченной возможности конверсии, переводчик выбирает формулировку «чисто гнездовое строение словаря» в качестве адекватной передачи смысла.

Меньше «словообразовательных усилий» переводчики прилагают к возможным соответствиям английских «новых» прилагательных на *-ful* и наречий на *-wise*:

Adjectives were formed by adding the suffix *-FUL* to the noun-verb, and adverbs by adding *-WISE*. Thus for example, *SPEEDFUL* meant 'rapid' and *SPEEDWISE* meant 'quickly'. Certain of our present-day adjectives, such as *GOOD*, *STRONG*, *BIG*, *BLACK*, *SOFT*, were retained, but their total number was very small. There was little need for them, since almost any adjectival meaning could be arrived at by adding *-FUL* to a noun-verb. None of the now-existing adverbs was retained, except for a very few already ending in *-WISE*: the *-WISE* termination was invariable. The word *WELL*, for example, was replaced by *GOODWISE*.

Русский переводчик ограничивается кратким текстом, ссылаясь при этом, как и Оруэлл, на существующие словообразовательные типы и засвидетельствованные или же потенциальные производные, которые в данном случае семантически неэквивалентны английским примерам⁹. В противоречии со «старой» нормой находится, однако, образование наречий от используемых относительных прилагательных:

Прилагательное можно было произвести от любого существительного, как, например: «пальтовый», «жабный», от них – соответствующие наречия и т. д.

В польском переводе выбирается, по семантической аналогии с подлинником, производное прилагательное *pedny*, которое должно заменить *szybki*; кроме того, отмечается, что наречия в новоязе образуются исключительно при помощи *-ie*, напр., *głośnie* вместо *głośno*.

В чешском переводе, который придерживается принципа «очуждения», механизм новоязовского «регулярного» словообразования можно только косвенно понять благодаря дословному переводу, причем лучше в случае прилагательных и наречий, чем в области чуждой славянским языкам бессуффиксальной конверсии «имя > глагол»:

Například přestalo existovat sloveso *cut* – řezat a jeho význam uspokojivě převzalo podstatné jméno *knife* – nůž. Přídavná jména se tvořila přidáním *-ful* – (-ný) k podstatnému jménu – slovesu, příslovce přidáním *-wise* – (-ně). Takže například *speedful* – rychlostný znamenalo *quickly* – rychle.

3.1.1.2. Префиксация

«Регулярность» новояза отражается также в префиксации:

[...] any word [...] could be negated by adding the affix *UN-*, or could be strengthened by the affix *PLUS-*, or, for still greater emphasis, *DOUBLEPLUS-*. Thus, for example, *UNCOLD* meant 'warm', while *PLUSCOLD* and *DOUBLEPLUSCOLD* meant, respectively, 'very cold' and 'superlatively cold'.

⁹ Относительно *speedful*, *goodwise* Ребрий (Ребрий 2009: 219) отмечает, что ему не удалось образовать украинские эквиваленты из-за неимения соответствующих суффиксов. На наш взгляд, вопрос заключается не только и не столько в отсутствии суффиксов, которым семантически вполне отвечают, напр., русск. **-ов-** и **-н-**, сколько в мотивации. В этом отношении нам представляется весьма интересным выбор эквивалента-объяснения '*rychlostný*' чешским переводчиком (см. ниже).

It was also possible, as in present-day English, to modify the meaning of almost any word by prepositional affixes such as ANTE-, POST-, UP-, DOWN-, etc. By such methods it was found possible to bring about an enormous diminution of vocabulary. All that was necessary, in any case where two words formed a natural pair of opposites, was to decide which of them to suppress. DARK, for example, could be replaced by UNLIGHT, or LIGHT by UNDARK, according to preference.

Данный отрывок относится к таким местам «Приложения», где в русском переводе наблюдается достаточно сильное отклонение от подлинника, не только относительно примеров, но и некоторых дополнений переводчика. При этом вводятся слова, засвидетельствованные в русском языке, в том числе ряд советизмов или слов, образованных по образцу последних, а также образования и синтаксические конструкции, ассоциирующиеся с советским официально-деловым стилем.

Так, в связи с отрицанием (как эквивалент англ. *up-* выбирается *ne-*) русский переводчик добавляет примеры (*нелицо, недонос*). Относительно единообразного усиления/выражения степеней сравнения прилагательных приставками *плюс-* и *плюсплюс-* (англ. *doubleplus-*) дается дополнительное объяснение, что они якобы не привились «ввиду неблагозвучия¹⁰», а вместо них стали употребляться *лучше* и *более лучше*. Следующее предложение, приводимое переводчиком без опоры на подлинник, отражает характерное нанизывание родительного падежа и, одновременно, типичную для новоязовского стиля тавтологию (*наращивание ускорения*):

Косвенно аналогичный процесс применялся и к существительным (чаще отглагольным) путем сцепления близких слов в родительном падеже: «наращивание ускорения темпов развития».

Примеры в следующем отрывке относятся, как и английские, к префиксации, но этим и ограничивается ссылка на подлинник, так как выбираются префиксальные и префиксально-суффиксальные образования типа *беспреступность (коэффициент), отоварить, зарыбление*, наряду с потенциальными производными или же засвидетельствованными, по нашим наблюдениям, в сатирических текстах советского времени, как, напр., *обескоровить, довыполнить*¹¹ и др.

Ввиду отклонения от подлинника при выборе примеров, а также дополнения определенных конструкций и способов словообразования, переводчик переносит общее содержание предложения *By such methods it was found possible to bring about an enormous diminution of vocabulary* на конец отрывка, причем в слегка уточненном виде:

¹⁰ Если в данном случае ссылка на (не)благозвучие является дополнением переводчика, то следует отметить, что этот аспект, хотя в других местах, встречается и в подлиннике, ср., напр.: “Because of the great difficulty in securing euphony, irregular formations were commoner in the B vocabulary than in the A vocabulary. For example, the adjective forms of MINITRUE, MINIPAX, and MINILUV were, respectively, MINITRUTHFUL, MINIPEACEFUL, and MINILOVELY, simply because -TRUEFUL, -PAXFUL, and -LOVEFUL were slightly awkward to pronounce.” (Выделено нами. – И. О.)

¹¹ Вспоминается, напр., текст в «Крокодиле», где речь шла о том, что бригада «недоперевыполнила» план.

Расширение гнезд позволило радикально уменьшить их общее число, то есть свести разнообразие живых корней в языке к минимуму.

В польском переводе, который в данном отрывке точнее, чем русский текст, следует подлиннику, можно найти такие эквиваленты, как обозначение отрицания исключительно при помощи префикса *bez-* (в соответствии с одной из возможностей польского словообразования для выражения отрицания, что, однако, впоследствии приводит и к необычной сочетаемости, так как *bez-* принимает и значения префикса *nie-*), или же выражение усиления/градации при помощи *plus-* и *dwaplus-*, напр.: *bezciepły* означает ‚zimny‘, *plusciepły* – ‚gorący‘, *dwaplusciepły* – ‚bardzo gorący‘. Таким образом, прилагательное *zimny* стало таким же излишним, как и *zły*, вместо которого употреблялось *bezdobry*.

Как уже было отмечено выше, в переводе на чешский язык сохраняются английские примеры, которые только переводятся, ср., напр.:

[...] uncold – nestudený znamenalo warm – teplý, zatímco pluscold a doublepluscold znamenalo very cold – velmi studený, resp. superlatively cold – nadmíru studený. Význam téměř každého slova bylo možno, **tak jako v současné angličtině**, modifikovat předponami jako ante – před, post – po, up – nahoru, down – dolů. Zjistilo se, že takovými metodami lze nesmírně zredukovat slovní zásobu. Máme-li například slovo good – dobrý, pak už není zapotřebí slova jako bad – zlý, špatný, protože požadovaný význam lze právě tak dobře – ba lépe – vyjádřit slovem ungood – nedobry. (Выделено нами. – И. О.)

Данный прием в чешском переводе позволяет сохранить и указание на английский язык, между тем как в других переводах находятся парафразы типа *как и в современном языке; podobnie jak obecně*.

3.1.2. Обратимся к Словарю В, который состоит из слов, «специально сконструированных для политических нужд».

3.1.2.1. Гнездовой принцип новояза

В качестве примера Оруэлл приводит пресловутое *goodthink*¹² – образование, которое (в соответствии с упомянутой уже активностью конверсии в английском языке) могло рассматриваться как имя существительное или как глагол¹³; от него образованы причастие на *-ing*, прилагательное (*goodthinkful*), наречие (*goodthinkwise*) и *nomen agentis* (*goodthinker*).

В русском переводе добавляется филологическая заметка, что от каждого из подобных образований «по обычным принципам производилось гнездо». В качестве эквивалента *goodthink* выбирается не окказиональное слово, как в английском, а существующий в русской лексике славянизм *благomyслие*, но сразу же да-

¹² Небезынтересно отметить, что в современной австрийской политической риторике именно правых сил существует слово *Gutmensch*, дословно: ‘доброчеловек’ – пренебрежительное обозначение политических деятелей и других лиц, выступающих, напр., за права иммигрантов, социальное равноправие и т. п.

¹³ В соответствии с упрощением грамматики и «очищением» языка от нерегулярных форм, в том числе явлений аблаута и т.п., форма прошедшего времени и причастия гласила *goodthinked* (вместо **-thought**). Регулярность рассматривалась как отличительная черта грамматики новояза.

ется его «новоязовское» значение (приблизительно 'ортодоксия', 'правоверность'). Все производные тоже засвидетельствованы в русском языке (*благомыслить, благомыслящий, благомысленный, благомысленно*), причем с положительной оценкой. Таким образом, теряется окказиональность, которой отличаются образования в подлиннике: эквивалентность базируется исключительно на иронии или даже сарказме, которые, естественно, налицо и в подлиннике, но там они основываются не только на извращенном значении корня *good*, но и на необычном заполнении словообразовательной модели и (частично) на необычной сочетаемости морфем.

В основу польского перевода (*dobromyśl, dobromyślec, dobromyślenie, dobromyślny, dobromyślnie, dobromyślak*) тоже легли существующие модели (ср., напр., *dobroczynność, dobroczynny, dobroczynnie, dobroczyńca*), но сочетаемость элемента *dobro-* с корнем *myśl-* (синхронно) засвидетельствована лишь в одном имени собственном (*Dobromyśl*), но не среди имен нарицательных.

3.1.2.2. Характерные способы образования слов, относящихся к Словарю В

Больше формальных соответствий между подлинником и переводами наблюдается у названий различных министерств и учреждений, обозначение которых базируется на сложнокращенном способе словообразования, столь характерном и для советского новояза. Ряд образований данного типа встречается и в чешском переводе. Это и единственные примеры, при передаче которых переводчик не только цитирует и комментирует английские авторские окказионализмы. Некоторые из данных названий выбирает и Ребрий (Ребрий 2009: 220) в качестве иллюстрации возможных украинских эквивалентов, ср.:

англ.	русск.	укр.	польск.	чешск.
Minitrue ¹⁴ (Ministry of Truth)	миниправа	Мініправа	Miniprawd	Pramini
Minipax (Ministry of Peace, i.e. Ministry of War)	минимир	Мінімир	Minipax	Mírmini
Miniluv (Ministry of Love)	минилюба	Мінілюбов	Minimiło	Lamini
Thinkpol (Thought Police)	[не переведено; заменено другим примером]	думкопол	polmyśl (Policja Myśli)	[не переведено; заменено другим примером]

¹⁴ Специально следует отметить неслучайную, наверное, омонимию **Mini-/мини-** (здесь в значении 'министерство', с одновременной ассоциацией с прилагательным *минимальный*). С данным способом образования соприкасается и обозначение *ingsoc*, где в переводах сохраняется способ образования (*ангсоц; angsoс*), между тем как в подлиннике отражается и «новый», частично фонетический, принцип правописания.

joyscamp (forced-labour camp)	радлаг (лагерь радости, т.е. каторжный лагерь)	радотабір	miłbóz (karny obóz pracy)	[без адаптации, но с объяснением: joy – radość, camp – tábor, ve skutečnosti znamenalo tábor nucených prací]
Recdep (Records Department)	доко (отдел документации)	Докувід Докудеп	Ardep (Departament Archiwów Ministerstwa Prawdy)	Recdep [без адаптации]
Ficdep	лито (отдел литературы)	Літвід Депліт	Lidep (Departament Literatury)	[пример опущен]
Teledep	телео (отдел телепрограмм)	Телевід Теледеп	Teldep (Departament Teleprogramów)	Teledep [без адаптации]

Оруэлл указывает на то, что подобные названия – характерные, по его словам, и для других тоталитарных стран, как, напр., *наци*, *гестапо*, *агитпроп*, *коминтерн* – были образованы не только «для экономии времени»:

Стало ясно, что, сократив таким образом имя, ты сузил и незаметно изменил его смысл, ибо отрезал большинство вызываемых им ассоциаций.

Как вытекает из приведенных выше примеров, многие образования являлись эвфемизмами. Другие слова, как, напр., *Prolefeed* («означавший низкосортные развлечения и лживые новости, которые партия скармливала массам»), ничего не маскируют. В польском переводе ‘*proźlarło*’ явный цинизм отражается, на наш взгляд, отчетливее, чем в русском ‘нарпит’¹⁵. С другой стороны, русский эквивалент вызывает ассоциации с советским новоязом и соответствующими (и еще сегодня существующими) образованиями на *-num*, как, напр., *общенум*.

3.1.2.3. Роль контраста

В цитированной уже статье Вайса (Weiss 1986) отмечается и роль противопоставления (напр., «мы : они» и др.) в структуре лексикона новояза. Данное явление, которое, как правило, переводчикам не доставляет особых проблем, можно наблюдать и у Оруэлла, ср., напр.:¹⁶

англ.	русск.	укр. [по: Ребрій 2009]	польск.
goodsex ¹⁷	добросекс	добросекс	dobroseks

¹⁵ Ср. толкование в БАС, т. 7 «Н», Москва 1958: 458: «Государственная организация общественного питания в СССР до 1930 г.»

¹⁶ Так как в чешском переводе английские образования только цитируются и дословно переводятся или объясняются, он не представлен в таблице.

sexcrime ¹⁸	злосекс	сексзлочин	seksozbrodnia
goodthinker	благомыслящий	добродумник	dobromyślak
oldthink	старомыслие	[не приводится в качестве примера]	staromyślenie
oldthinker	старомысл	стародумник	staromyślak
oldspeak	старояз	старомова	staromowa
newspeak	новояз	новомова	nowomowa

3.1.2.4. Новообразования без аналогии с существующими моделями

Более сложным является поиск эквивалента оруэлловского *unbellyfeel* в таком предложении из передовой статьи «Таймс»: OLDTHINKERS UNBELLYFEEL INGSOC¹⁹. Переводчики предлагают следующие решения, исходя из ассоциации с внутренней формой английского образования (*belly* ‚живот‘, *feel* ‚чувствовать‘; т.е. чувствовать внутри себя, но, судя по мотивации, физически, а не психически/эмоционально):

русс. 'Старомыслы **не нутрят** ангсоц.' (< нутро)

укр. 'Стародумники **ненутрочують** Ангсоц.' (< (не) відчувати (чути) нутром)

польск. 'Staromyślaki **bezkiszkozują** angsoc.' (< kiszka + czuć)
(Выделено нами. – И. О.)

Между прочим, это – по словам Оруэлла – пример предложения, полностью состоящего из элементов новояза.

3.1.3. На Словаре С мы не будем останавливаться. Научные и технические термины напоминали, по Оруэллу, сегодняшние термины,

но, как и в остальных случаях, были определены строже и очищены от нежелательных значений.

Не было однако самого слова *наука*: «Все допустимые его значения вполне покрывало слово *ангсоц.*»

3.2. Выводы

Как показал приведенный нами анализ, русский и польский переводы отличаются многочисленными адекватными решениями в тех случаях, когда переводчики могут исчерпать системные аналогии, особенно в области аффиксации. При этом им удается сохранить всю абсурдность, которая так свойственна «новообразованиям» подлинника. Вместе с тем как подлинник, так и переводы демонстрируют, что словообразовательные инновации затрагивают не только и не столько само словообразование, сколько лексическую систему в целом: осуществление «гнездового принципа», сужение синонимических и антонимических ресурсов (в том числе и словообразовательной синонимии и антонимии) и, тем самым, приближение к урегулированной псевдотерминологии приводят к обеднению лексики, не говоря о

¹⁷ ‚целомудрие‘.

¹⁸ ‚половая аморальность‘. Данным словом «обозначались блуд, прелюбодеяние, гомосексуализм и другие извращения, а кроме того, нормальное совокупление, рассматриваемое как самоцель.»

¹⁹ В не полностью адекватном переводе на старояз: «Те, чьи идеи сложились до Революции, не воспринимают всей душой принципов английского социализма». (Выделено нами. – И. О.)

произвольном вытеснении целых лексем или же значений многозначных слов, на которых в рамках данной статьи мы не смогли подробнее остановиться.

В целом ряде случаев переводчики вынуждены были искать компенсации для английских способов словообразования, не имеющих структурно-формальных аналогий в славянских языках, как, напр., конверсии «существительное ↔ глагол».

Системно обусловленные расхождения касаются также возможностей словосложения. В связи с данным способом словообразования бросается, однако, в глаза, что в подлиннике не исчерпывается все богатство моделей сложения, а предпочитают образования с адъективными (часто антонимичными) первыми компонентами (напр., *good-* : [*crime-*] ; *new-* : *old-*) или же сложносокращенные образования (ср., напр., приведенные выше обозначения министерств и учреждений), которые и были характерной чертой словообразования «реального» новояза.

Переводы на русский и польский языки придерживаются принципа «одомашнения». При этом отражаются не только языковые компетенции и фантазия переводчиков, но и их лингвистическая компетентность. О наличии последней свидетельствует и работа чешского переводчика, хотя он при передаче примеров следует принципу «очуждения».

Несмотря на применение приемов «одомашнения» как в русском, так и в польском переводе, при сравнении переводов можно отметить некоторые решения русского переводчика, которые заимствованы у советской языковой действительности – так, частично, Оруэлловская (анти-)утопия «стала (языковой) бльёю».

4. Заключение

Если, наконец, сравнить «Словари новояза» Оруэлла с наблюдениями Вайса, процитированными в начале настоящей статьи, то на интересующем нас словообразовательном и лексическом уровнях можно доказать ряд аналогий, как, напр., отражение «нового» мышления в антиномиях (новое : старое; мы : они), активная неология, включая разные типы сокращений и производные от них, создание и устранение синонимии и многозначности, а также ликвидация обозначений и связанных с ними понятий. Данные явления можно, по-видимому, считать прототипичными чертами как фиктивного, так и реального новояза на парадигматическом уровне. Параллели в области синтагматики можно, несомненно, установить при анализе самого романа, но мы исходили из «Словарей» в Приложении к роману и – согласно тематике конференции – сосредоточились на отражении культуры, или, вернее, идеологически обусловленного бескультурья в лексике и словообразовании.

Советский новояз продолжает занимать языковедов и культурологов и в настоящее время. Так, на богатом материале текстов Сарнов (2005) исследовал его прагматические и структурные особенности. Одновременно можно отметить употребление понятия «новояз» в связи с критикой новых тенденций речевого поведения, в том числе – политиков, и упадка культуры речи (ср., напр., Карпіловська 2009; Ohnheiser 2007). Также и в западных странах словом *newspeak* отрицательно оцениваются всё новые явления эвфемизации и языковой манипуляции в публичной политической коммуникации.²⁰

²⁰Ср., напр.: http://www.zeitgeistlos.de/neusprech/orwell_politik.html; <http://www.zeit.de/online/2009/04/neusprech-schaeuble-lexikon>

Литература

1. Бродский И. (1973): Послесловие к «Котловану» А. Платонова // http://lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt
2. Земская Е. А. (ред.) (1996): Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва.
3. Карпіловська Є. А. (2009): Образ держави у мові відкритого суспільства: новомова чи мова нового мислення? // Мови та культури у новій Європі: контакти і самобутність. Київ 2009, 127-138.
4. Ребрій О. В. (2009): Системний підхід до вироблення стратегії перекладу (на матеріалі «Новомови» Джорджа Орвелла). // Вісник ХНУ, № 848, 215-220.
5. Сарнов Б. М. (2005): Наш советский новояз: маленькая энциклопедия реального социализма. Москва.
6. Głowiński, M. (1990): Nowomowa po-polsku. Warszawa 1990.
7. Nowo-mowa. Materiały z sesji naukowej poświęconej problemom współczesnego języka polskiego odbytej na Uniwersytecie Jagiellońskim w dniach 16 i 17 stycznia 1981. London 1985.
8. Ohnheiser, I. (2007): Sprachgesetz und Sprachkritik. Zeitgenössische Schriftsteller/innen über jüngere Entwicklungen im Russischen. // Deutschmann, P. (Hg.), Kritik und Phrase. Festschrift für Wolfgang Eismann. Wien 2007, 265-284.
9. Schlosser, H. D. (1984/85): Orwell deutsch 1950–1984. Sprachwandel in Übersetzungen der Utopie „1984“. // Muttersprache. Zeitschrift zur Pflege und Erforschung der deutschen Sprache, XCV. Wiesbaden, 111-126.
10. Weiss, D. (1986): Was ist neu am „newspeak“? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion. // Slavistische Linguistik 1985. Referate des XI. Konstanzer Arbeitstreffens (= Slavistische Beiträge. 200). München, 247-325.

Источники

1. Orwell, G., Nineteen Eighty-Four. Appendix: The Principles of Newspeak.
2. <http://ebooks.adelaide.edu.au/o/orwell/george/o79n/>
3. Оруэлл Дж., 1984. Приложение: О новоязе. <http://lib.ru/ORWELL/r1984.txt>
4. Orwell, G., 1984. Zasady nowomowy. <http://www.oltarz.pl/forum/viewtopic.php?t=3713>
5. Orwell, G., 1984. Dodatek: Principy newspeaku.
6. http://www.elidor.cz/literatura/autori/Orwel_George/dilo/1984/1984_doslov.htm

Ingeborg Ohnheiser**(ANTI-)UTOPICKÉ TVOŘENÍ SLOV V ROMÁNĚ G. ORWELLA
„NINETEENEIGHTY-FOUR“ A JEHO PŘEKLADECH DO RUŠTINY,
POLŠTINY A ČEŠTINY**

V reglementovaném a, v porovnání se „starým jazykem“, zjednodušeném „novojazyce“ (*newspeak*) Orwell viděl silný základ antiutopického „angsocu“. Překlad románu „Nineteeneighty-four“ vyžaduje zvláštní překladatelské umění. To se týká především Orwellova systému lexikálních a semantických neologismů, které se nacházejí v pověstných slovnících novojazyka A – C, a také adekvátní adaptace gramatických „novinek“.

Po obecném úvodu, který se věnuje různým pojmům novojazyka, autorka provádí srovnávací analýzu překladů se zřetelem na tvoření slov a na vnitřně- a mimojazykové podmínky specifických překladatelských řešení.

Василка Радева

(Софийский университет Св. Климента Охридского, София, Болгария)

СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННАЯ ЛЕКСИКА – ОБЩНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА В СЛАВЯНСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

При раскрытии национально-специфического в номинативных возможностях славянских языков, определяемого на фоне их общности, особое место занимает терминология родства. В ней содержится важная информация о национальной культуре традиционного общества, где роль и функция отдельного индивида определяются и характеризуются по отношению к его связям и видам отношений в семье. Они отражают не только накопленный житейский опыт и установленную практику, но представляют собой своеобразный корректив и предписание по отношению к обусловленному степени культурно-исторического развития поведению человека в обществе. В унаследованной терминологии, которая отражает семейно-родственные отношения, зафиксированы относительно старое состояние общества и значимость семьи в нем, из чего проистекают функции каждого ее члена, отражающие его отношение к другим индивидам в семье.

В лексике, связанной с семейно-родственными отношениями, отражаются важные моменты жизни носителей языка. Она содержит информацию о том способе, которым воспринимается, сегментируется и концептуализируется значительный фрагмент общественной жизни людей, чтобы потом отразиться в языке. В качестве выражения отношений между членами семьи, хранителем и продолжателем культурных традиций, исторически установленных связей, накопленного жизненного опыта и сформированного менталитета, термины родства представляют интерес в нескольких аспектах:

– Названия, которые отражают основные связи и отношения в семье, имеют общеславянский характер, что обуславливает их наличие во всех славянских языках, специфичным образом отразившие следы их развития и деривационные возможности.

– Непроизводные в синхронном плане названия включаются в деривацию в роли мотивирующих слов, при этом общность и различие между славянскими языками обуславливается и их словообразовательными моделями и инвентарем, которые тоже являются общеславянскими.

– В то время как основными названиями раскрываются общность и универсализм в семейно-родственных отношениях, диалектная лексика свидетельствует о различной сегментации внеязыковой действительности в зависимости от традиционно созданных отношений в семье. В ней находят свое языковое выражение родо-видовые отношения, которые в литературном языке не дифференцированы. Например, в болгарском языке наряду с общим названием *племенник* употребляют *сестренник*, *братанец*, *золвичник*, *деверичник* и др.

Объектом исследования является участие основных названий родства в деривационном процессе и характер производных слов, а также результат этого

процесса, что, в свою очередь, позволяет раскрыть характерные национально-культурные особенности, отраженные средствами номинации. Например, от названий *смейство* и *фамилия* (болг.), которые своим значением ‘супружеская пара и живущие с ней дети и родители’ не включаются в группу рассматриваемых терминов родства, но имеют важное значение для категоризации отношений в семье (для концептов *godzina* (пол.) *family* (англ.)) [Вежбицкая 1999: 394–398], образованы прилагательные *семеен* и *фамилен* для означения ‘принадлежности к семье’: *семеен празник* (*кръг, имот, тържество, проблем*); *фамилно жилище* (*наследство*) и др. Будучи отнесенными к лицам, которые включаются в семью, эти прилагательные характеризуют только супругов и означают ‘такой, который создал семью’: *Синът му още не е семеен. Децата му са семейни и не живеят при него*. По отношению к ребенку принадлежность к семье является нормальным состоянием, и поэтому нет необходимости в его экспликации и языковом выражении, т.е. не употребляется сочетание **смейно дете* в значении ‘ребенок, которого растили в семье его родители’. Созданы, однако, названия для значения ‘ребенок без родителей’, так как это состояние, осознанное как отклонение от нормы, исключение из правила: *сирак, сираче, полусирак*, а также *сирашки, сиротен, осиротее*. Специальные названия образованы и для номинации ребенка по отношению к неродному отцу (матери) или ребенка от второго брака.

Функция терминов родства в деривационном процессе рассматривается в связи с унаследованным общеславянским словообразовательным инвентарем [Sławski 1974: 41–141], при этом раскрывается деривационный потенциал основных терминов семейного родства. Общеславянские термины родства показывают качественное своеобразие в своем развитии, являясь основой исторически более поздних терминов, оформленных словообразовательными средствами в отдельных славянских языках.

По отношению к унаследованным названиям в болгарском языке *баща, бацьо* (*batja*), *татко* и *отец* для выражения значения ‘мужчина по отношению к его собственным детям’ славянские языки обнаруживают общность, специфическим образом проявляющуюся в их семантическом дифференцировании и участии в деривационных процессах. Например, существительное болг. *отец*, рус. *отец*, белорус. *айцец*, сербс. *отац*, пол. *ojciec*, чеш. и словац. *otec* и др. [Трубачев 1959: 18]) в болгарском языке является выражением значения ‘звание православного священника’, а форма *отци* имеет значение ‘прадеды’. Основным значением слова *отец* (болг.) мотивированы названия *отечество* ‘родина’, *отчов* (болг.), *ojczym* (пол.) ‘неродной, второй отец’.

Общеславянский характер имеют названия, которые выводятся из *bat(j)a* и имеют как значение ‘мужчина по отношению к его собственным детям’: *бата* (рус.), *бацько* (укр.), *баща* (болг.), *башта* (серб.), *bat'a* (чеш. диал.) и др., так и значение ‘старший брат’: *бата* (рус.), *бата, бате* (болг.), *bat'ko, bat'a* (словац.), *bat'a* (чеш.) и др. [Трубачев 1959: 21].

Ясно разграничены по своей семантике производные прилагательные с суффиксами *-ин / -ин, -ов / -ев, -ив*, с одной стороны, и *-ински, -овски / -ивськи / -овский / -ovský / -owsky*, с другой стороны. При помощи суффиксов *-ов / -ин* образованы прилагательные со значением ‘такой, который принадлежит отцу’.

Предпочтение в использовании **-ов** или **-ин** обусловлено звуковым оформлением производящей основы, ср. в болгарском *отцов, татков* (*татов, тейнов, тетюв*), но также *башин* и *бацив* (диал.), *татин* и *татев* (диал.), в украинском *батюшчин/батюшин*, но *батеньків, батьків* [Карпіловська 2002: 41]. Большое число прилагательных в украинском языке образовано от существительного *тато* (корень *тат-*), при этом предпочитается суффикс **-ів**: *татів, татеньків, таточків, татків, татоньків, татуленьків, татулів, татуненьків, татунечків, татунців, татусеньків, татусечків, татусів, татців*, которые непосредственно мотивированы модификационными структурами, производными от *тат(о)*, а от *татуньо* образованы прилагательные *татунин* и *татунів* [Карпіловська 2002: 813].

При помощи формантов **-овски** и **-ински** образованы прилагательные со значением 'такой, который присущ отцу': *бащински* (болг.), *батьківський* (укр.), *отцовский* (рус.), *ojcowski* (пол.), *otcovský* (чеш.) и др. Таким образом, разграничиваются прилагательные *otcív* и *otcovský* (чеш.), ср.: *Otcív archiv existuje* и *Zapisovatelé otcovský lásky*; *ojczysty* (пол.), например, *Dlaczego język ojczysty jest ważny?* В болгарском языке различаются *бащинска закрила* и *бащин гроб*, *майчинска обич* и *майчини сълзи*.

Различно распределены термины *отец, татко* и *баща* при мотивировании названий со значением 'страна, по отношению к родившимся в ней'. Наряду с *родина* в болгарском языке употребляются производные *отечество* и *татковина*. При помощи слова *бащиния* в болгарском обозначается 'унаследованная от отца недвижимость', а словом *бащина* в сербском – 'родное место' и 'отцовское наследство', при этом 'наследник отцовской недвижимости' – это *бащиник*, а 'наследница' – *бащиница* [БЕР I 1971: 37]. В русском языке, кроме *родина*, употребляется *отчизна*, в польском название родной страны – это *ojczyzna*, а в украинском – *батьківщина* и *батьківщина*. В польском языке название *ojcowizna* имеет значение 'отцовская земля'. Существительным *отчество* в русском означает 'наименование по личному имени отца'.

Необходимость разграничения 'родной' и 'неродной' *отец* породила создание соответствующих средств номинации. Наряду с сочетаниями *роден* (*същински, истински*), но *повторен, очав баща* (болг.); *родной, но второй, неродной отец* (рус.), *nevlastni otec* (пол.), в славянских языках образованы отдельные названия для значения 'неродной отец': *отчим* (рус.), *вітчим* (укр.), *ojcim / осум* (пол. диал.), *отчов, очев, очов, очух, очу* (болг. диал.), *очух* (серб. диал.) [Трубачев 1959: 29]. В болгарском языке для названия отца при сводном родстве используется и название *настрок*, а также диалектные варианты *настрок, пайстрок* и *настрадажия*. Название *настрок* в болгарском языке не мотивирует производные слова, но вызывает интерес своей этимологией и морфологической структурой. Связанное с древнеслав. *stryji* [Шаур 1975: 72] со значением 'брат отца' и с производными *стрико, стрина* (болг.), *стрико* (серб.), *стрий* и *стрийко* (укр.), *stríc* (словен.), *strýc* (чеш. и словац.), *strji* (пол.) и др. [Фасмер III 1971: 780], оно содержит препозиционный компонент, с помощью которого обнаруживает структурную связь с *побащим, побратим*.

Словообразовательные форманты **па-** (*настрок, pastorek, надчерица*), **-ов** (*отчов*) и **-им** (*отчим*) показывают специфику, связанную с их функцией при систематизации терминов родства по отношению к основным названиям, включенным в нее.

Постпозиционный компонент **-им** связывается с основами при помощи препозиционной части **по-** при оформлении названий лиц, принимаемых за родственных по отношению к денотату производящего существительного: *по-бащ-им*, *по-брат-им*, а также *по-майч-им(а)*, *по-сестр-им(а)*. В своей семантике производные существительные содержат сравнение, с помощью которого приписываются качества, присущие лицу, называемому мотивирующим именем, например: *побащим* ‘такой, который воспринимается как отец; который выполняет функции отца в свадебном обряде’. Названия *побратим* и *посестрима* обозначают лиц, которые создают соответствующее отношение между собой: *побратим* – это ‘лицо, которое считает кого-л. своим братом, который со своей стороны также его считает братом’.

Название *побащим* в современном болгарском языке обозначает не столько мужчину, кого кто-л. считает своим отцом и уважает как отца, а прежде всего имеет значение ‘лицо, участвующее в традиционном болгарском свадебном обряде, которое замещает свекра и является главным организатором свадьбы’ [БТР 1994: 643], а *помайчима* имеет значение ‘пожилая женщина, которая замещает свекровь или хозяйку во время свадьбы’. И то, и другое название употребляются в своих производных значениях, в которых отражается значимость функции, выполняемой этими лицами в ходе свадебного обряда.

В словообразовательном отношении *побащим* выводится из засвидетельствованных в болгарских диалектах глаголов *побащя*, *побащявам* ‘считать кого-либо своим отцом’, а также *бащя* и *бащия* ‘иметь кого-либо в качестве отца’ [БЕР 1971: 37]. Глаголы *побащия* и *побащиявам* производны от *побащим*.

Глаголы *побратимя* (*се*) / *побратимявам* (*се*) со значением ‘считаю, объявляю кого-л. своим братом’ образованы от существительного *побратим* (болг.), *побратим* (рус.), *побратим* (серб. и хорв.), *pobratim* (слов.), *pobratim* (чеш. и словац.), *pobracim* (пол.), которые формально и семантически выводятся из *братимя се*, *побратимя* (серб. и хорв.), *bratiti se* (словен.), *побрататися* (укр.) [Фасмер III 1971: 293].

При помощи форманта, который включает препозиционный компонент **по-**, в современном болгарском языке образуются десубстантивные глаголы со значением ‘приобретать признаки лица, обозначенного мотивирующим именем’: *подетини се*, *поевропейчи се*, *погърчи се*, *потурчи се*, *пограждани се* и др. или ‘превращаться в то, что обозначено мотивирующим именем’ – *покалугери се*.

В болгарских диалектах от слова *баща* образованы специальные названия для обозначения ребенка, который по характеру или внешности похож на своего отца: *бащичка*, *бащичко*, *бащелько*, *бащинарко*, *бащенко*, *бащелко*, *бащельо*; от слова *тате* – *татушо*, *тетньо*. Для ребенка женского пола образовано существительное *бащелковица*.

От названий со значением ‘женщина по отношению к своим детям’, употребляемых в отдельных славянских языках, образуются, прежде всего, прилагательные с суффиксами **-ин** и **-инск(и)**, при помощи которых выражается принадлежность *майчин*, *мамин* (болг.), *материн* (рус.), *матірчин*, *материн* (укр.), *matčin polibek* (чеш.) и др. или ‘качественная характеристика’ – *майчински* (болг.), *матерински* (рус.), *материнський* (укр.), *urlup macierzynski* (пол.), *materský*, но *Odrostlý děti z mateřský školky* (чеш.) и др.

Необходимость разграничения ‘родная’ – ‘неродная’ мать находит выражение в создании названия со значением ‘вторая, неродная мать’: *мащеха* (болг.), *мачеха* (рус.), *мачуха* (укр.), *мачаха*, *мачыха* (белорус.), *маћеха* (серб.), *масоша* (пол.), *масећа* (словен.) и др.

В болгарских диалектах, кроме таких фонетических вариантов слова *мащеха*, как *мачава*, *машчаа* и др., образованы названия, которые отражают статус неродной матери по отношению к членам новой семьи: *премъжена майка*; *повторена майка*, *майка повторка*, *повторка*, *повторница*; *намескина*, *намесница*, от которых не образуются прилагательные.

Оформление модификационных структур с коннотативным значением является выражением отношения к матери, связанного с ее функцией в семье воспитывать и растить детей с любовью и заботой. Такие названия, как *майчица*, *майчинка*, *маминка*, *мамичка*, в болгарском языке употребляются преимущественно в качестве обращения. Сюда же относятся *матинка*, *маминочка*, *мапирка* (укр.), *матушка* (рус.). Различия между славянскими языками возникают по причине использования специфических словообразовательных формантов. (Для сербского и русского см. [Киршова-Ненезич 2007]).

Славянские языки обнаруживают общность и при включении названий для значения ‘женщина по отношению к ее собственным детям’ в такие сложные названия, как *Матушка Русь*, *Родина мать*, *Волга-матушка*, *Русь-матушка* (рус.), *майка родина* (болг.), *мати-вітчизна* (укр.).

С функцией матери создавать и растить следующее поколение, которое, со своей стороны, унаследует ее черты и характер, связаны названия для выражения значения ‘ребенок, который похож на свою мать’. В болгарском языке они отличаются большим разнообразием, но характерны, прежде всего, для диалектов: *матрычка*, *матъричка*, *материчка*; *майкуша*, *мак’уша*, *макуша*, *майчуша*, *майчушка*; *мамнуша*; *майчичка* и *майчичко*, *майченка* и *майченко*; *макуня* и др.

Существительное *помайчима* употребляется в нескольких значениях, не всегда строго разграниченных между собой. Во всех значениях, однако, содержится семантический инвариант ‘неродная мать, которая выполняет функции, присущие матери’. В болгарских диалектах засвидетельствованы глаголы *помайча* и *помайчвам* со значением ‘принимать и уважать, как родную мать’ [БЕР 1999: 508], от которых семантически выводится *помайчим(а)*.

В значении ‘кровное родство по отношению к лицу, обозначенному мотивирующим именем’ при помощи суффикса **-ств(о)** оформлены абстрактные существительные, производные от терминов со значением ‘отец’ и ‘мать’: *майчинство* (болг.), *mateřství* (чеш.) и *бащинство*, *otcovstvo* (чеш.), *ojcowstwo* (пол.) и др.

В болгарском языке название *син*, наряду с *дъщеря*, отражает концептуализацию связи между поколениями, определенную по отношению к другим основным терминов родства – *майка*, *баща*. Не отличаясь своей соотносительностью, характерной для значений слов *брат* и *сестра*, отношения *син* – *майка*, *син* – *баща* взаимообусловлены и играют важную роль в процессе структурирования отношений родства и связанной с ними терминологии. Для выражения значения ‘лица мужского пола по отношению к его родителям’ во всех славянских языках используется название, восходящее к и.е. *sūnus [Трубачев 1959: 49 и сл.].

От него образованы модификационные структуры со специализированными для этой цели словообразовательными средствами: *сынок, сыночек* (рус.), *синок, синокоч, синопько, синятко* (укр.), *синче*, но и *синковец* (болг.) и др.

Для характеристики ‘присущего детям отношения к родителям’ образуются прилагательные с суффиксами **-инск(и)**, **-овск(и)**, **-івськ(ий)**, **-овен**, **-овн(ий)**: *сыновный* (рус.), *синовен* (болг.), *синівський* (укр.), *sinovský* (чеш.) и др. Прилагательные для выражения ‘притяжания’ оформляются при помощи суффиксов **-ов**, **-ів** (*синов, сынов, синів*), но их употребление весьма ограничено. Не употребляются и притяжательные прилагательные, образованные от терминов для выражения значения ‘дочь’. Ограниченное употребление этих прилагательных не объясняется деривационными возможностями славянских языков, в которых встречаются такие образования, как *дъщерна фирма* (болг.), *dceřina polečnost* (чеш.), *spółka-córka* (пол.), например, *Spółka-córka to przedsiębiorstwo podległe, które kontrolowane jest...* При концептуализации родственных отношений в семье и их отражения в языке, по всему видно, что нет необходимости в специальном выражении значения ‘такой, который принадлежит сыну (дочери)’ в качестве членов семьи, не имеющих своей собственности. Когда они создают новую семью, становится значимой собственностью, которую они получают от родителей – *бащиния, майчиния* (болг.), *ojcowizna* (пол.), *батьківщина* (укр.).

В болгарских диалектах образованы специальные названия для номинации неродного сына от предыдущего брака одного из родителей. Родной сын матери по отношению ко второму отцу именуется *довѣденик, доведеник, приведенік, занѣсен син, очов син*, а родной сын отца по отношению ко второй матери – *завареник, заварник, затѣчен син, найденик* и др.; сын от второго брака – *природен*, а в украинском – ‘дочь мачехи по отношению к детям от первого брака’ – *мачухівна*, а ‘сын’ – *мачушенко*.

Для номинации значения ‘неродной сын’ в болгарском литературном языке предпочтение отдается названию *храненик*, мотивированного словом *храня* (‘растить’). Так как усыновленный ребенок обычно является единственным в семье, т.е. у него нет братьев и сестер, а, кроме этого, существует практика сохранять в тайне осуществление усыновления, в болгарском языке не образованы названия для выражения отношения между родными и усыновленными детьми одной и той же семьи. В русском языке усыновленный ребенок называется словом *приемыш*, при этом употребляется и сочетание *приемный сын*, а в польском – *przybrany syn (córka)*.

Для выражения значения ‘принимать чужого ребенка, предоставляя для него родительскую заботу и защиту’ образованы глаголы со сложным деривационным формантом: *о-синов-и*, *осиновява* (болг.), *у-синов-и(ти)* // *усиновляти*, *в-синов-и(ти)*, *всиновляти* (укр.), *у-сынов-и(ть)*, *усиновлять* (рус.), которыми мотивированы существительные *осиновител* (болг.), *усиновитель* (укр.), *усиновитель* (рус.). Наряду с сочетаниями типа *осиновен син* (болг.), *названный сын, приемный сын* (рус.) и др. в болгарских диалектах зарегистрированы также названия *посинец, посиненик*, мотивированные глаголом *посиня*, а также *пасинок* (болг.), *пасынок* (рус.), *пасинок* (укр.), *pasunek* (пол.), близкие по своей словообразовательной семантике к названиям *побацим, побратим* (болг.). Названия *пайсторок*,

насторче (болг. диал.), *насторак* (серб.), *pastorek* (слов.), *pastorek* (чеш. диал.) и др. со значением ‘пасынок’ обоснованно связываются с выражением принадлежности, т.е. ‘тот, кто принадлежит отчиму’ [Трубачев 1959: 53].

Свидетельством мотивационного потенциала слова *син* являются термины родства *сыновец*, *сыновица* (рус.), *синица* (болг.), *synovec* (чеш.) для номинации племянника или племянницы.

Выражения значения ‘лицо женского пола по отношению к родителям’, этимологически связанные с общеслав. *dъkti, сохранены во всех славянских языках и обнаруживают разнообразие в диалектах, например, в болг. *дъщи*, *дъщер*, *дъщеря*, *щерка*, *щеркя*, *керка*, *черка*. Кроме того, в диалектах некоторых славянских языков предпочитают такие названия, как *dziewka* (пол.), *divka*, *dívčina*, *dívчинка* (укр.), *девойкя*, *девойче* (болг.), которые включаются в семейно-родственную терминологию с производным значением.

Производные модификационные структуры типа *дъщеричка* (болг.), *дъщерка*, *дъщеринка* (диал. болг.), *дочка*, *доченька*, *дочурка* (рус.), *дочка* (укр.), *córka* (пол.) и др. имеют ярко выраженное коннотативное значение.

При образовании имен прилагательных не разграничиваются последовательно способы выражения значений ‘такой, который принадлежит дочери’ и ‘такой, который характерен для дочери’: при помощи слова *дочерний* в русском выражаются и то, и другое значение, в болгарском при помощи *черкин*, *дъщин* (слова с ограниченным употреблением) обозначается принадлежность, а при помощи слова *дъщерен* оформляются названия *дъщерна фирма* (*структура*, *банка*).

Интерес представляют названия, которые являются языковым выражением дифференциации ‘родная дочь’ – ‘неродная дочь’ и отражают статус дочери в семье, обусловленный характером ее родственной связи с остальными членами семьи. Кроме описательных названий типа *завърена дъщеря*, *затѣчена черка*, *довѣдена дъщеря* (болг.), *приѣмная дочь*, *nevlastni dcera* (чеш.) и др., образованы и специальные названия типа *завареница*, *доведеница*, которые являются более новыми структурами, а также *пащерица*, *пащерица*, *пащерка* (болг.), *падчерица* (рус.), *падочка*, *падчерка*, *падчеруха* (рус. диал.) и др. [Трубачев 1959: 57], оформленные препозиционным компонентом **па-** (а также *настрок*) и аналогичные по своей структуре слова, как *pasierbica* (пол.), *пасербица* (укр.). Они содержат в своем значении семантический компонент ‘такой, который подобен или присущ чему-л.’, аналогичный семантическому признаку, внесенному препозиционным компонентом **по-** (ср. *посестрима*).

Для выражения значения ‘принимать неродную дочь в семью, обеспечивая родительскую заботу и защиту’ используются глаголы, мотивированные существительным *син*, а в русском языке образован глагол *удочерить*, семантически отграничивающийся от *усыновить*.

При номинации значения ‘дети в семье’ особое место занимают соответствия общеславянских названий *bratъ и *sestr, так как в их значении отражается отношение не только к родителям, но и между ними.

Существительное *брат* мотивирует прилагательные, с участием которых формируются словосочетания для выражения значения принадлежности: ср. *братов*, *братин* – *братов* имот (болг.), *bratrův rokoj* (чеш.) и др. в отличие от *братска*

помощ (болг.), *braterska przyjaźń* (пол.), *bratrský život* (чеш.) – для выражения значения ‘присущий брату’. В польском *bratowa* означает ‘жена брата’, а *synowa* – ‘жена сына’.

Для выражения значения ‘сын брата’ образованы названия *bratan*, *bratič* (словен.), *братанац*, *братанић* (серб. и хорв.), *брáтанец* и *братáнец* (болг. диал.), *братанець* (укр.); *братанек* (рус. диал.), *братанок* (укр.), *bratanek* (пол.), которые, однако, не строго отграничиваются от значения ‘двоюродный брат’. Названия *pobrat*, *pobratek* в польском означают ‘двоюродный брат по дяде, тетке’ [Трубачев 1959: 61]. Основа *bratr-* наблюдается в производных *bratranec* (чеш. и словац.) и *bratranec* (словен.), которые имеют значения ‘сын брата’ и ‘двоюродный брат’.

Значение ‘дочь брата’ выражается такими существительными, как *bratana* (словен.), *bratanica*, *bratanička* (словац.), а также *bratanica* (пол.), *братаница* и *братичина* (серб. и хорв.), *брáтаница* и *братáница* (болг. диал.), *братаниця* (укр.); *bratranice* (чеш.), *bratranka* (словен.).

Интерес представляют глаголы со значением ‘принимать и уважать кого-л. как брата’: *bratać się* (пол.), *братами се*, *братовати се* (серб. и хорв.), *bratovati se* (чеш.), *брататься*, *братоваться* (рус.), *братицца*, *братовацца* (белорус.), у которых есть еще одно значение ‘создавать близкие дружеские отношения с кем-л.’, при этом они являются мотивирующими по отношению к существительным типа *bratim* (серб. и хорв.), *братим* (болг. диал.), *братим* (рус. диал.), *братим* (укр.), которые, в свою очередь, имеют значение ‘близкий друг’ или ‘неродной брат’. От диалектного глагола *побратя* в болгарском языке выводится существительное *побратим*, от которого образованы глаголы *побратимя*, *побратимявам*, а также *побратимка*, *побратимица*.

Известно, что в семейно-родственных связях имплицитно отражается система культурных ценностей, которые регулируют этические отношения в семье и обществе, определяя поведение носителей языка. Например, при определении отношений между детьми в семье существенным фактором является их возрастная характеристика, при этом особо выделяется функция старшего брата. Вместе с отцом он заботится об остальных и отвечает за них, а при отсутствии отца принимает на себя его функцию главы семьи. Его специфическая роль находит свое языковое выражение в: 1) создании специальных названий со значением ‘старший брат’ и 2) использовании названий, которые имеют еще одно значение – ‘отец’.

Со значением ‘старший брат’ в болгарских диалектах употребляются значительное количество названий, от которых образованы прилагательные имена для выражения принадлежности: *байов*, *байнов*, *байчов*, *бачков*, *байнев*, *батьов*, но *баин* и др.¹ Значение ‘старший брат’ имеют также и мотивированные словом *брат* существительные *братан*, *братанец* (рус.), *bratan* (словен.), *bratran* (чеш.) – [БЕР 1971: 75].

Кроме собирательного значения, модификационные структуры, образованные от **brat** / **bratr** с суффиксом **-ств(о)**, которые присущи всем славянским языкам [Славски 1974: 365], выражают значения, намного богаче значения ‘родственная связь между братьями’. В них отражаются семантические признаки,

¹ Примеры из болгарских диалектов взяты из картотеки готовящегося к печати Идеографического диалектного словаря и исследования Х. Холиолчева (в печати).

мотивированные характером отношения между братьями, – любовью, доверием, взаимопомощью, преданностью и др. вплоть до дружбы. Кроме того, в терминах со значением ‘братство’, интерпретированных как концепты структурирования не только семейно-родственных, но и других отношений в обществе, отражаются национально-специфические особенности. Например, с их участием в славянских языках обозначаются отношения, связанные с традицией и обычаями, отличными от выражаемых при помощи немецкого *Bruderschaft trinken* [Вежбицкая 1999: 264], хотя по структуре и семантике *Bruderschaft*, а также *Bruderlichkeit*, соответствуют термину со значением ‘братство’.

При образовании вторичных названий более широкой понятийной отнесенностью термины родства для лиц мужского пола отличаются большим деривационным потенциалом. Абстрактное существительное *братство* имеет значение ‘близкие, дружеские отношения, создаваемые не только между братьями’, глагол *осинови* имеет ‘значение ‘предлагать защиту и заботу неродному ребенку’, независимо от того, сын это или дочь, а *братовчеди* – дети как братьев, так и сестер. Существительные для названия лиц мужского пола мотивируют названия со значением ‘пара лиц’: *отци, праотци* (рус.), *отци, деди и прадеди* (болг.), *бац’ки* (белорус.), *батьки* (укр.), *otcove* (чеш.) и др.

От названия со значением ‘лицо женского пола по отношению к другим детям в семье’ выводятся, прежде всего, модификационные структуры типа *сестричка, сестрица, сестриче, сестриченце* (болг.), *сестрица, сестрёнка, сестричка* (рус.) и др., при этом признаки ‘уменьшительность’ и ‘ласкательность’ различным образом эксплицированы в отдельных названиях, ср. в болг. *сестрица*, но *сестриче* и *сестриченце*, а также *братец*, но *братче, братченце*.

Весьма существенным является разграничение ‘родная сестра’ – ‘неродная сестра’: для этого созданы специальные номинативные средства для ‘неродная сестра’: *сводная сестра* (рус.), *сведена сестра, полусестра* (болг.) и др.

Особый интерес представляют названия *пасестра* (укр.) для выражения значения ‘двоюродная сестра’, а также *посестра, посёстра, посёстрина* (рус.) – для выражения значения ‘близкая приятельница, подруга или любовница’, *посестрея* (рус.) – для ‘названная сестра’ [Трубачев 1959: 67], чья структура включает препозиционный компонент **по-(па-)**, а их значение содержит семантический признак ‘присущий, свойственный сестре’, основанный на сравнении [Радева 2006].

Ярко выражен деривационный потенциал слов с основой *sestr при образовании терминов для выражения отношения, созданного путем брачного родства. Во всех славянских языках оформлены названия со значением ‘сын сестры; племянник’: *сестреник, сестринец* (болг.), *сестрић, сестричић* (серьб.), *сестричник* (макед.), *сестринець, сестрич, сестринич* (укр.), *sestran, sestric* (словен.), *sestřenec* (чеш.), *sestrenec* (словац.), *siostrzeniec* (пол.) и др. [Шаур 1975: 40].

Более ограничено образование существительных со значением ‘супруг сестры’: *сестреник* (болг.), *sestrenec* (словен.).

Производные существительные для выражения значения ‘дочь сестры; племянница’ в славянских языках также мотивированы термином *сестра*: *сестреница, сестричица* (болг.), *сестрична, сестричица* (макед.), *сестреница, сестрична* (рус.), *сестриниця, сестринка* (укр.), *sestrnica, sestricna, sestrna* (словен.), *sestrenka*,

sestrenice (чеш.), *sestrenica*, *sesternicka* (словац.), *siostrzenica* (пол.) и др., которые употребляются по преимуществу в диалектах. Диалектный характер наблюдается и у названий *сестрёнка*, *сестрянка*, *сеструшка*, *сестрична*, *сестричина*, которые в русском языке имеют значение ‘двоюродная сестра’ [Трубачев 1959: 67].

В болгарских диалектах названия *сестрица*, *сестриченца*, *сестричеца* употребляются со значением ‘сестра брата жениха’ [Китанова 2009].

Рассмотренные деривационные возможности основных терминов родства в славянских языках раскрывают как общность их лексического фонда, так и специфику при выборе средств номинации родственных отношений, „что важно и как свидетельство для истории языка, и как показатель важнейших социально-исторических процессов в жизни славянства” [Трубачев 1959: 16].

Участие основных терминов родства в качестве мотивирующих слов в словообразовании определяется их местом в лексике родственных связей, в которой отражаются важные стереотипы народной культуры. Для представления целостной картины распространения и употребления производных слов, образованных от унаследованных общеславянских терминов родства необходимо привлечение богатого материала из диалектов отдельных славянских языков.

В терминологии родства, унаследованной или созданной словообразовательными средствами отдельных славянских языков, находит выражение национальная специфика традиционной культуры, быта и поведения, определяемая функцией и ролью индивида в семье.

Литература

1. БЕР 1971-1999: Български етимологичен речник, т. I – V. Изд. на БАН, София, 1971-1999.
2. БТР 1994: Български тълковен речник, Л. Андрейчин и др. IV изд., допълнено и преработено от Д. Попов. Наука и изкуство. София, 1994.
3. Вежбицкая 1999: Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Пер. с англ. А. Д. Шмелева. „Языки русской культуры”, Москва, 1999.
4. Китанова 2009: Китанова М. Материалы к словарю болгарской терминологии родства // Категории родства в языке и культуре. Библиотека Института славяноведения „Индрик”, Москва, 2009. С. 279-300.
5. Карпіловська 2002: Карпіловська С.А. Кореневий гніздовий словник української мови. Видавництво „Українська енциклопедія” ім. М.П.Бажана. Київ, 2002.
6. Киршова-Ненезич 2007: Киршова-Ненезич Ю.А. К вопросу о тематической группе родства в русском языке в сравнении с сербским (словообразовательный аспект). В: Мир русского слова и русское слово в мире, т. 5. Русский язык в сопоставлении с другими языками. Heron Press, София, 2007, 127-132.
7. Радева 2006: Радева В. Сравнението като номинационен мотив. В: Езиковедски изследвания в чест на 75-годишнината от рождението на ст.н.с. I ст. д.ф.н. Йордан П. Пенчев, съст. Ив. Куцаров и др., изд. Артграф, 2006, 329-335.
8. Трубачев 1959: Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Изд. Академии наук СССР, отв. ред. С.Б. Бернштейн, Москва, 1959.

9. Фасмер 1971: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. III, пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева, изд. „Прогресс”, Москва.
10. ШАУР 1975: Šaur V. Etymologie slovanských příbuzenských termínů. Vědecký redaktor Fr. Kopečný, Academia, Praha.
11. Sławski 1974: Sławski Fr. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. W: Słownik prasłowiański. Tom I, A-B. Pod. redakcja Fr. Sławskiego. Wyd. Polskiej Akademii nauk. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974.

Василка Радева

СІМЕЙНО-РОДИННА ЛЕКСИКА – СПІЛЬНІСТЬ І НАЦІОНАЛЬНА СПЕЦИФІКА У СЛОВ'ЯНСЬКОМУ СЛОВОТВОРЕННІ

Об'єкт дослідження становить лексика, пов'язана з родинними відносинами в сім'ї з урахуванням її участі в словотворчих процесах. Така лексика містить суттєву інформацію про національно-культурну специфіку традиційного суспільства, в якому функції та роль окремих індивідуумів характеризують відповідно до їх зв'язку із сім'єю та відношенням до неї. Беручи участь у дериваційних процесах, сімейно-родинна лексика своєрідно структурує мотиваційні зв'язки, створюючи при цьому однотипні словотвірні відношення між похідними словами. Спільність спирається на успадковану від праслов'янської мови лексику, чий розвиток призводить до специфіки в окремих слов'янських мовах і використовуваного спільнослов'янського інвентарю. Для розкриття національної самобутності болгарської мови до уваги беруться й окремі особливості, спостережені в болгарських діалектах.

Jochen Raecke

(Slavisches Seminar, Eberhard-Karls-Universität Tübingen)

ZUM WORTSPIEL IN DER WORTBILDUNG DES JARGONS**1. Einleitung: Zum Aufbau des Beitrags**

Ein deutsches Sprichwort sagt: "Erst die Arbeit, dann das Vergnügen", und ein anderes: "Vor das Vergnügen hat Gott die Arbeit gesetzt". Das erklärt, weshalb wissenschaftliche Beiträge aus Deutschland gern so gebaut sind, dass alle am Thema Interessierten zunächst einmal zu harter geistiger Arbeit herangezogen werden, ehe ihnen am Ende ein – meist kurzes – Vergnügen an praktischen Beispielen gegönnt wird. Dass die Arbeit die Bedingung der Möglichkeit des Vergnügens ist, lernt man in Deutschland eben nicht erst von Kant, sondern schon als Kind. Da der vorliegende Beitrag – die Sprache verrät es – aus Deutschland stammt, steht zu befürchten, dass auch er so aussieht, will sagen, dass vor das Vergnügen, das man sich von der Beschäftigung mit praktischen Beispielen für das Wortspiel in der Wortbildung des Jargons versprechen kann, zunächst einmal lange theoretische Arbeit gesetzt ist.

Wer hofft, dies sei vielleicht nur ein rhetorischer Kunstgriff, um hervorzuheben, dass der vorliegende Beitrag gerade nicht so aussieht, wird enttäuscht werden. Als Trost könnte er nehmen, dass es zwar nicht ohne theoretische Grundsteinlegung abgehen wird, die 'harte geistige Arbeit' aber eher dem – vor allem bei den Slaven – verbreiteten Stereotyp über die arbeitsliebenden Deutschen geschuldet als wörtlich zu nehmen ist. Der lange theoretische Anlauf vor dem Sprung ins Vergnügen praktischer Beispiele soll weniger Arbeit sein als dazu anregen, noch einmal über Dinge nachzudenken, die meist als selbstverständlich gelten und deshalb so ungesagt wie unbeachtet bleiben.

Oder hat jemand die Stirn in Falten gelegt, als er die Ausdrücke *Wortspiel*, *Wortbildung* und *Jargon* las, und sich gefragt, was damit gemeint sein könnte? Die drei werden aber dennoch 'fragwürdig', wenn sie zueinander in Beziehung gesetzt werden, d.h., es lohnt sich sehr wohl zu fragen, ob an der Wortbildung nicht Neues zu sehen ist, wenn man sie unter dem Aspekt des Wortspiels und des Jargons betrachtet, ob umgekehrt nicht auch am Wortspiel Neues zu sehen ist, wenn man es unter dem Aspekt der Wortbildung und des Wortspiels betrachtet und ob sich vor allem anderen nicht auch am Jargon Neues sehen lässt, wenn er unter dem Aspekt von Wortspiel und Wortbildung betrachtet wird.

Wenn also auch im vorliegenden Beitrag erst einmal theoretischer Vorarbeit gehuldigt wird, ist das am Ende weniger der deutschen Wissenschaftstradition geschuldet als der verhandelten Sache selbst. Denn ohne theoretische Reflexion dieses Dreiecksverhältnisses von *Jargon*, *Wortbildung* und *Wortspiel* könnte nur völlig aus der Luft gegriffen erscheinen, was später als Vergnügen machende praktische Beispiele zusammengetragen wird, um gedanklich auseinandergenommen zu werden.

Der Aufbau des Beitrags ist also: zunächst noch einmal Gedanken zum Nachdenken über den Jargon und die Wortbildung, dann hinein in die Welt des Wortspiels, alle drei jeweils gleichsam aus dem Blickwinkel der beiden anderen gesehen.

2. Gedanken zum Phänomen ‘Jargon’

2.1. Weshalb Jargon allein durch seine Lexik zustande kommt

2.1.1. Wer sich auch nur etwas ausführlicher mit jenem sprachlichen Phänomen beschäftigt, das zwar recht undifferenziert, aber allgemein akzeptiert ‘Jargon’ genannt wird, muss sich über kurz oder lang damit abfinden, dass die landläufige Meinung, Jargon sei ein Phänomen, das sich von anderen Formen des Sprechens “im Wesentlichen”, “eigentlich” oder “praktisch” nur im Wortschatz unterscheide, auch weiterhin so durch das Land laufen darf, selbst wenn er gern gezeigt hätte, dass sie das nicht sollte. Deshalb nämlich, weil sie mehr eine theoretische Behauptung ist als auf empirische Erfahrung beruht, da sie viel weniger auf praktische Untersuchungen als persönliche Eindrücke zurückgeht. Praktische Untersuchungen, die die landläufige Meinung verifizieren, gibt es nämlich nicht, und zwar deshalb nicht, weil es sie nicht geben kann. Zumindest nicht zu solchen Texten, die spontan von wirklichen Jargonsprechern gesprochenen wurden. Denn solche Texte gibt es deshalb nicht, weil “echter” Jargon – speziell im Sinne der Ausdrucksweise sozialer Randgruppen – immer nur mit anderen “echten” Jargonsprechern gesprochen wird [Andrić 2005: XXV]. Warum aber sollte ein “echter” Jargon Sprecher auf die Idee kommen, Gespräche, die doch gerade nicht für andere bestimmt sind, aufzunehmen? Und wer bis dahin *undercover* in einer solchen Gruppe verkehrt hätte, würde spätestens im Augenblick einer entdeckten Tonbandaufnahme auffliegen und verprügelt. Entsprechend ist ein Interessierter oder einer, der es gern besser wissen möchte, darauf angewiesen, als Primärtexte dasjenige zu akzeptieren, was ihm als solche verkauft wird – letzteres fast wörtlich zu nehmen, weil er es in neueren Kinofilmen oder neuesten ‘literarischen Sensationen’ nur gegen Geld zu Gesicht oder Gehör bekommt. Untersucht er diese Texte, die nicht mehr oder nichts anderes sein können als stark stilisierte Kostproben, so wird er darin bezüglich der Wortformenlehre (meist wenig erhellend ‘Morphologie’ genannt) oder hinsichtlich der Satzformenlehre (meist ebenso wenig erhellend ‘Syntax’ genannt) auch bei intensiver Suche “praktisch” so gut wie keine Unterschiede zu dem feststellen, was er sonst auf diesen beiden sprachlichen Ebenen in Texten feststellen kann, die aus “besseren Sprecherkreisen” stammen, dabei aus solchen, die in der gleichen Gegend ihre Heimat haben. Da diese Feststellung theoretisch durchaus nicht so belanglos ist, wie man nach der Lektüre der relativ wenigen einschlägigen Literatur denken könnte, sei kurz angedeutet, wo ihre Bedeutung im Allgemeinen und für dieses Thema im Besonderen liegt.

2.1.2. Zunächst einmal sollte der zuletzt genannte Punkt mit der ‘gleichen Gegend als Heimat’ durchaus ernst genommen werden, weil er nicht weniger besagt, als dass der Ausdruck ‘Jargon’ zu jenen Ausdrücken in der Linguistik gehört, die implizit eine Relation andeuten, wie es z.B. auch der Ausdruck ‘Dialekt’ tut. Einen Sinn ergibt der Ausdruck ‘Dialekt’ oder die Unterscheidung zwischen ‘Dialekt’ und anderen Formen des Sprechens nämlich nur dann, wenn er, wie Coseriu schon vor langen Jahren gezeigt hat [Coseriu 1980: 108], auf eine übergeordnete Gemeinsprache bezogen wird, für die gilt, dass sie in der Regel mit einem *adiectivum proprium* gegen andere Formen des Sprechens abgegrenzt wird und eine Reihe von Dialekten gleichsam unter einem Dach vereinigt. Ein solcher Bezug auf eine übergeordnete Sprachform ist deshalb die Bedingung dafür, dass der Ausdruck ‘Dialekt’ einen Sinn bekommt, weil Dialekte für sich resp. ihrer Natur nach gar nichts anderes sind als das, was sonst mit dem Ausdruck

‘Sprache’ bezeichnet wird. Denn auch sie sind eigene, d.h. sich selbst genügende Möglichkeiten, sich mit Hilfe artikulierter Laute über alles zu verständigen, worüber man sich in einer jeweils gegebenen Lebens- und Geisteswelt verständigen möchte [Coseriu 1980: 108]. Coseriu nennt eine solche Möglichkeit übrigens a.a.O. “ein vollständiges Gefüge von sprachlichen Traditionen”.

Genau das aber unterscheidet Sprecher von Dialekten fundamental von Sprechern von Jargons. Die letzteren könnten nämlich mit dem, was ihre Form des Sprechens als eine eigene ausmacht, die Welt, in der sie leben und sich geistig bewegen, keineswegs vollständig bewältigen, weil jeder Jargon – indem er lediglich durch lexikalische Einheiten zustande kommt – ‘ein unvollständiges Gefüge von sprachlichen Traditionen’ ist, weshalb die Sprecher eines Jargons zugleich auch immer Träger einer anderen regionalen resp. lokalen Varietät der Gemeinsprache oder der Gemeinsprache selbst sein müssen, da nur diese für sich “vollständige Gefüge von sprachlichen Traditionen” sind. Zugleich wird Jargon damit sowohl von der Intention als auch von der materiellen Form her – Lautung, Wortformen- und Satzformenlehre – immer nur bezogen auf eine jeweilige andere “vollständige” Form des Sprechens gesprochen. Gäbe es diesen Bezug nicht, wäre ‘Jargon’ das Gleiche wie ein Dialekt, der für sich genommen, d.h. ohne Bezug auf eine andere Form, ja auch wieder das Gleiche ist wie eine Sprache.

Um die Bedeutung dieses Punktes, der in der einschlägigen Sprachforschung eher selten reflektiert wird, noch einmal an einem konkreten Beispiel klar werden zu lassen: Von einem serbischen Jargon zu sprechen ist genauso bedenklich – eigentlich: genauso falsch – wie von einem russischen oder kroatischen, weil es – neben vielen anderen [Raecke 2009: 387] – wenigstens jene klar zu unterscheidenden Formen von Jargons gibt, die sich in den jeweiligen großen oder größeren Städten finden lassen. In diesen gibt es nämlich in aller Regel auch so etwas wie Stadtdialekte, und auf diese sind die jeweiligen Jargons eigentlich zu beziehen, nicht nur, weil sie auf ihnen beruhen, sondern weil die Jargonsprecher sich von deren Sprechern distanzieren wollen. Und zwar im Wortschatz. Weil das reicht, um von anderen nicht oder wenigstens nicht sofort verstanden zu werden, resp. als jemand identifiziert zu werden, der anders sein will. Der Jargon von Zagreb etwa basiert auf und differenziert sich von der Stadtsprache von Zagreb, und das tut analog der Jargon von Belgrad. Entsprechend unterscheiden sich beide nicht nur gegebenenfalls im Wortschatz – Näheres dazu findet sich bei Golubović [2007: 115] –, sondern eben in dem, was die jeweilige Grundlage der beiden Stadtdialekte ist. Und nicht nur diese beiden sind darin verschieden, sondern natürlich auch die von Split oder von Sarajevo. Genauso gibt es kaum Russen, die nicht sehr schnell hören, ob jemand aus Moskau oder aus Sankt Petersburg stammt. Oder gar aus einer Stadt in der Provinz. Es wird eben nicht nur von Dorf zu Dorf, sondern auch von Stadt zu Stadt anders gesprochen. Und auf diesen Formen von Stadtsprache – gegebenenfalls auch auf dem entsprechenden Prostorečie – bauen die entsprechenden Jargons unmittelbar auf, nicht aber auf der sog. *sovremennyj russkij literaturnyj jazyk*.

2.1.3. Abgesehen davon, dass damit noch einmal unterstrichen wird, dass Soziolekte und Dialekte weder auf der gleichen sachlichen noch auf der gleichen begrifflichen Ebene liegen [Coseriu 1980: 112], ergibt sich aus dem Vorstehenden sehr einfach die allgemeinst mögliche Definition von Jargon, die in ihrer Allgemeinheit ganz natürlich für alle möglichen Formen von Jargon gilt, nämlich die, dass einen Jargon zu sprechen

nicht mehr oder nichts anderes heißt, als zur Bezeichnung bestimmter Gegenstände, Erscheinungen, Eigenschaften oder Tätigkeiten andere lexikalische Einheiten zu verwenden, als es der Rest der Sprecher der jeweiligen Varietät tut – die Gemeinsprache dabei natürlich auch als Varietät verstanden. Über diese jeweiligen ‘anderen’ lexikalischen Einheiten grenzen sich die Sprecher von Jargons ganz bewusst von den anderen Sprechern der jeweiligen Varietät ab, weshalb denn auch alle besonderen lexikalischen Einheiten, durch die ein bestimmter Jargon ja überhaupt erst zustande kommt, zunächst einmal allein für diejenigen bestimmt sind, die sich über diese Abgrenzung als Gruppe im soziologischen Sinne oder allgemeiner: als etwas definieren wollen, das gegenüber dem Rest der Sprecher bestimmte gemeinsame Züge oder Merkmale aufweist. Man will entweder einfach nur etwas Anderes sein als der Rest oder – nicht ganz so einfach – etwas Besonderes gegenüber dem Rest. Zugleich aber und eigentlich *vor* allem anderen will man mit diesen lexikalischen Besonderheiten *unter sich bleiben*. Denn wenn andere sie ebenfalls benutzen, können sie ihre wesentliche Funktion, nämlich eine Gruppen- oder andere Identität zu stiften, zu stärken und zu beweisen, nicht erfüllen. Sagten alle BKS-Sprecher *ćoriti* für *schlafen* und alle Russen *vzdrognuli* für *Zum Wohl*, dann wären weder die Wörter etwas Besonderes noch diejenigen, die sie in dieser Bedeutung verwenden.

2.1.4. Am Ende dieser Gedanken zum so eminent sozialen Charakter der Sprache sei noch auf den hier besonders relevanten Punkt verwiesen, dass menschliches soziales Verhalten grundsätzlich ein Doppelgesicht hat, indem es immer sowohl kooperativ als auch kompetitiv ist. Nicht selten beides zugleich. Wer z.B. dem König die Feinde vom Hals hält, sich so also kooperativ verhält, den hat der König bald selbst am Halse hängen. Denn er bringt sich dem König so nahe, wie es kein anderer vermag, und der König wird nicht anders können, als ihn zu seinen Nächsten zu zählen. Auf die Sprache übertragen heißt das: Bringt jemand einen Ausdruck in die Welt, den vorher niemand kannte, bringt man sich ihm dadurch näher, dass man diesen Ausdruck ebenfalls benutzt. Wer genau so redet, wie die anderen, fällt den anderen selten negativ auf. Umgekehrt gewinnt jeder, der in alter Umgebung ein neues Wort gebraucht, gleichgültig, woher es stammt, zunächst einmal die Aufmerksamkeit dieser Umgebung, und das erklärt, weshalb sich Jargonwörter so relativ schnell auch in der besseren Gesellschaft verbreiten können. In Sonderheit gilt das für Anglizismen wie *cool* oder *heavy*, aber eben auch solche Exoten wie *kajf* für *das Höchste* im Russischen oder *tulum* für *Party* im Kroatischen. Wer es schafft, als Vorbild genommen zu werden, freut sich, und wer selbst jemanden zum Vorbild nimmt, wird von diesem gern gesehen. *Verständigung* mit anderen ist also die eine Aufgabe der Sprache, die *Klärung* der Verhältnisse zu ihnen ist ihre andere [Raecke i.D.b], und was das letztere angeht, so kann man nur entweder gleich sprechen wie der sozial Höhere oder anders sprechen als dieser. Wer gleich spricht wie er, solidarisiert sich mit ihm, wer ungleich spricht, setzt sich von ihm ab. Mehr Möglichkeiten gibt es nicht. Wie bei Stalin. Wenn der lachte, lachte man am besten auch, wer er nicht lachte, lachte man am besten auch nicht, sonst hatte man nie mehr etwas zu lachen.

2.1.5. Um dieses Kapitel so abzuschließen, dass seine Bedeutung für das hier Verhandelte auf den Punkt gebracht wird, sei gesagt, dass genau deshalb, weil der Jargon nur durch seine Lexik zustande kommt, der Lexik auch eine viel größere Bedeutung zukommt als in anderen Formen des Sprechens. Schließlich kommt allein durch sie zum Ausdruck, dass man anders sein will als die anderen. Damit aber diese anderen

nicht gleich jedes Wort aufschnappen und richtig gebrauchen, d.h. verstehen können, sind gerade solche lexikalischen Einheiten 'zielführend', die jemanden, der sie zum ersten Mal hört, beim Versuch, sie zu verstehen, auf eine falsche Fährte locken. Solche Einheiten treiben dann zwar eigentlich eher ein Spiel mit dem Hörer als ein Spiel mit Worten, sie werden aber dennoch Wortspiele genannt. Dazu mehr, nachdem noch etwas über die Bedeutung der Wortbildung im Jargon vor- bzw. nachgedacht wurde.

3. Zur Bedeutung der Wortbildung für das Phänomen Jargon

3.1. Bedeutung der Wortbildung dabei quantitativ gefasst

3.1.1. Soweit also dieser Ausflug in die Theorie des Phänomens 'Jargon', seine funktionale Definition und die Frage, weshalb die eigentliche Differenz zwischen der zugrundeliegenden Varietät und dem Jargon – soweit wir es eben überhaupt wissen können – nur im Wortschatz liegt. Dass sie tatsächlich nur dort liegt, dafür spricht aber doch, wie gezeigt, der Umstand, dass die Differenz, damit das Ziel des Jargonsprechens erreicht wird, auch gar nicht irgendwo anders liegen *muss*.

Das ist seinerseits sowohl die Begründung als auch die Rechtfertigung dafür, dass sich die Jargonforschung oder Jargonologie – sofern sie nicht reine Soziologie sein will, sondern immer noch Linguistik – im Wesentlichen mit der Bedeutung und der formalen Struktur solcher lexikalischer Einheiten beschäftigt hat, die entweder semantisch oder formal oder auch beides so geartet sind, dass wenigstens die Mehrheit der Sprecher der zugrundeliegenden Varietät sie als 'normalerweise' nicht zu dieser Varietät gehörend ab- oder gar disqualifiziert. Folglich war das linguistische Terrain, auf dem man sich mit dem Jargon bislang beschäftigte, im Wesentlichen die Lexikologie resp. die Lexikographie, die sich ja an verschiedenen Rändern nicht gut von der Lexikologie abgrenzen lässt. Wenn es auch, was diese letztere angeht, nach Günthers Meinung bis heute keine einheitliche Auffassung über ihren Radius gibt [Günther 1999: 247], so ist ihr Gegenstand sehr leicht zu bestimmen. Er ist die Lexik oder der Wortbestand resp. der Wortschatz einer Sprache [Wilske 1984: 15]. Die Lexikologie hat also kein Problem mit der Bestimmung ihres Gegenstandes, sondern nur damit, in welcher Weise und woraufhin sie ihren Gegenstand untersuchen soll.

Nun mag es zwar doch nicht so einfach sein, zu sagen, welches der Wortbestand einer Sprache ist, wie es bei Wilske oben klingt, denn zu diesem gehören ja streng genommen *alle* lexikalischen Einheiten *sämtlicher* Varietäten, nicht nur der sog. Standardsprache, aber wahrscheinlich sind mit *Sprache* ohnehin nur jeweils gegeneinander abgegrenzte Formen des Sprechens innerhalb einer Sprache gemeint, doch soll hier daraus genauso wenig ein Problem gemacht werden wie aus der Art und Weise oder woraufhin die Lexikologie ihren Gegenstand untersuchen soll. Denn etwas anderes und hier viel Interessanteres ist sogar völlig unproblematisch, nämlich, dass es in der Lexikologie einen qualitativen und einen quantitativen Zugang zum wie auch immer verstandenen Gegenstand gibt. Begrifflich ist dieser letztere immer die Gesamtmenge aller jeweils einschlägigen lexikalischen Einheiten dieser oder jener definierten Form, in einer bestimmten Sprache zu sprechen, und der hier interessierende quantitative Zugang besagt einfach, dass in dieser Gesamtmenge zunächst Teilmengen gebildet werden und im Anschluss daran deren Größenverhältnisse resp. jeweilige Mächtigkeiten erst festgestellt und dann verglichen werden.

3.1.2. Eine solche Gesamtmenge aus allen lexikalischen Einheiten einer definierten Form des Sprechens einer Sprache zerfällt wiederum sehr einfach in genau zwei Teilmengen, wenn man sie nach dem Kriterium der Derivation in nichtderivierte und derivierte lexikalische Einheiten aufteilt. Will man dann deren Relation wissen, was m.a.W. heißt, dass man den Anteil der derivierten resp. der nichtderivierten Einheiten an der Gesamtmenge wissen möchte, dann muss einfach gezählt werden, und zwar in dem Material, das man als Gesamtmenge genommen hat. Ist diese dasjenige, was in einem repräsentativen Wörterbuch zum Jargon insgesamt an Wörtern und Ausdrücken erfasst ist – etwa für das Serbische das neuere Wörterbuch von Andrić [2005] oder für das Russische das Wörterbuch von Walter/Mokienko [2001] –, dann dürfte eine entsprechende Aufteilung aller enthaltenen Wörter nicht sehr viel anders aussehen, als sie, um mit exakten Zahlen zu operieren, in einem anderen Zusammenhang für die Teilmenge der Germanismen im serbischen Jargon ermittelt wurde [Tanasković 2008]. Weshalb bei dieser Gelegenheit nur die Germanismen genommen wurden, soll hier nicht interessieren, von Bedeutung ist allein, dass das absolute Verhältnis bei 1000 in diesem Sinne klassifizierten Einheiten so aussah, dass 665 derivierte Einheiten nur 335 nichtderivierten Einheiten gegenüberstanden.

Schon ein kurzer Blick in ein ‘normales’, will sagen standardsprachliches Wörterbuch oder ein ebenso kurzer Blick in ein Jargonwörterbuch lässt erkennen, dass das Verhältnis zwischen derivierten und nichtderivierten lexikalischen Einheiten insgesamt, also nicht nur bezogen auf Germanismen, eher noch positiver zu Gunsten der derivierten und damit noch negativer zu Ungunsten der nichtderivierten ausfällt, nur kommt es hier nicht auf exakte Zahlen an. Entscheidend ist allein: Selbst wenn diese Relation nur 66 zu 33 ist – und darunter kann es gar nicht sein –, heißt das, auf *eine* nichtderivierte Einheit kommen *zwei* derivierte. Anders gesagt: Die Zahl der Derivierten ist wenigstens doppelt so hoch wie die Zahl der Nichtderivierten.

3.1.3. Dieser Tatbestand kann unter zwei Aspekten interpretiert werden, wobei der erste linguistisch und der zweite metalinguistisch ist. Begonnen sei mit dem letzteren, weil einen die Frage plagt, weshalb sich die Lexikologie genauso selten mit der Derivation resp. der Wortbildung in dieser Form des Sprechens beschäftigt hat wie die Wortbildung auch. Ob die Erklärung darin liegt, dass jeder nur das sieht, was er anschaut? Jedenfalls hat sich die Lexikologie ab einem bestimmten Zeitpunkt ihrer Emanzipation hin zu einer selbständigen Disziplin nicht mehr angeschaut, was – nicht nur für sie – in das Gebiet der Wortbildung fällt, und damit praktisch den ganzen lexikalischen Bereich, der aus Derivaten besteht – und das ist schließlich der sehr viel größere –, aus den Augen gelassen. Umgekehrt hat sich die Wortbildung die Derivation im Jargon nicht angeschaut, weil für den Jargon ganz allgemein ja die Sprachsoziologen, die Lexikologen oder die Lexikographen zuständig sind. Die Wunderwelt der dort wachsenden Derivate [Raecke 2009: 399] hat sie damit natürlich auch nicht gesehen. Was zeigt, dass die Entwicklung zahlreicher selbständiger linguistischer Teildisziplinen nicht nur von Vorteil war und der heutige Ruf nach Interdisziplinarität zu einem guten Teil nur der Ruf nach der guten alten Zeit ist, in der z.B. ein Vinogradov nicht geglaubt hätte, dass man sich eines Tages als Sprachwissenschaftler nur mit der einen oder nur mit der anderen Disziplin beschäftigen kann.

3.2. Bedeutung der Wortbildung im Sinne von Derivation

3.2.1. Wenn der Tatbestand, dass die Lexik des Jargons zu wenigstens zwei Dritteln aus derivierten Einheiten besteht, jetzt unter rein linguistischem Aspekt interpretiert wird, dann gilt es sich klarzumachen, dass damit gar nicht nur über die Lexik des Jargons zu reden ist, sondern über jede Lexik einer jeden Form des Sprechens, die erstens durch einen Namen als eigenständig gegenüber anderen Formen des Sprechens abgegrenzt ist und zweitens die Möglichkeit der Derivation aufweist. Und weil das so ist, kann in dem Zusammenhang auch ganz allgemein auf Dokulil verwiesen werden, der sich bekanntlich schon vor langer Zeit wegweisend mit dem Wesen der Wortbildung im Sinne von Derivation auseinandergesetzt hat [Dokulil 1964] und dabei zeigte, wo einerseits das Besondere und andererseits die Vorteile der Derivation gegenüber anderen Möglichkeiten liegen, zu neuen Wörtern zu gelangen. Seine damaligen Gedanken sollen hier aber nicht einfach repetiert, sondern an einem konkreten Beispiel aus dem serbischen Jargon vielleicht etwas eigenwillig neu interpretiert werden.

3.2.2. Begonnen sei damit, was an der Derivation das Besondere ist. Um dies zu erkennen, d.h. das, was sie als Möglichkeit der Denomination von anderen denominativen Möglichkeiten unterscheidet, vergegenwärtige man sich einfach, was ein Serbe tat, als er den Wunsch verspürte, mit nur einem und dazu einem eigenen Wort über eine weibliche Person reden zu können, die meist unfreundlich hinter einem Schalter ihren Dienst versieht. Er konzipierte eine binäre Struktur, deren erste Komponente die Beziehung dieser Person zu ihrem Schalter ausdrückt und deren zweite erkennen lässt, dass es sich um eine Frau handelt, die gewohnheitsmäßig mit einem Schalter zu tun hat. Die Komponenten musste er allerdings auch in diese Reihenfolge bringen, da *Schalter* nur mit einem selbständigen Lexem ausgedrückt werden kann, die ‘allgemeine professionelle Beziehung einer Frau zu etwas’ dagegen nur durch ein Suffix. Für den ersten oder lexematischen Teil der neuen Bezeichnung stand ihm *šalter* zur Verfügung, für den zweiten oder prolexematischen Teil [Raecke 1999: 164] bot sich ihm das an, was er auch von *asfaltuľa* oder *sponzoruľa* als zweite Komponente kannte und in diesen beiden Wörtern Frauen in ihrer Beziehung zum *Asphalt* und zu *Sponsoren* darstellt, diese Beziehung aber als ‘moralisch nicht empfehlenswert’ bewertet. Die erste wartet auf dem Asphalt auf Kunden, um sich von ihnen bezahlen zu lassen, die zweite wartet Sponsoren auf, um sich von ihnen aushalten zu lassen.

Allgemein lässt die somit gebildete *šalteruľa* erkennen, dass das Besondere der Derivation darin liegt, dass Erscheinungen, Personen oder Tätigkeiten so bezeichnet werden, dass sie in einen Bezug zu einem anderen Seienden gestellt werden, das bereits mit einem Namen benannt ist, und dass sie des Weiteren einer bestimmten Klasse von Seienden zugewiesen werden, was über ein prolexematisches Element geschieht. Den Sprachkundigen können die in dieser Weise Bezeichneten dabei nur in einem neuen oder besonderen Licht erscheinen, weil auf diesem Wege ihre äußere oder innere Beziehung zu etwas anderem in einer Form aufgedeckt wird, wie sie es bisher noch nicht war. Ihre Ähnlichkeit in wenigstens einem Punkt oder ihre innere Verwandtschaft mit diesem anderen wird damit ins Bewusstsein gehoben, und folglich haben solche Bildungen vielleicht nicht immer real, aber immer potentiell decouvrierenden Charakter. Derivation ist also – vielleicht nicht immer, aber nicht selten – Decouvrage. Letzteres vielleicht sogar doch immer im Jargon, weil er die Welt – da aus anderer Sicht betrachtet – nur in anderem Licht erscheinen lassen kann.

3.2.3. Was jetzt noch den Vorteil der Derivation gegenüber anderen denominativen Verfahren angeht, liegt er sehr einfach darin, dass nicht nur der erste oder lexematische Bestandteil der binären Struktur schon bekannt ist, sondern auch der zweite. Und das bedeutet, dass solche neuen Einheiten auch gar nicht, wie sonst die sog. primäre Einheiten als Ganze in ihrer Bedeutung und in ihrer Form neu gelernt oder erworben werden, sondern dass ihre sprachliche Bedeutung aus der Bedeutung der Komponenten erschlossen werden kann.

Das mag das BKS-Wort *debilana* illustrieren. Dieses kann man, wie tatsächlich getan, Muttersprachlern vorlegen mit der Frage, ob sie es kennen. Sagen sie ‘nein’ oder ‘sie hätten es noch nie gehört’, bedeutet das nicht, dass sie nicht wüssten, was es heißen kann oder wahrscheinlich heißt. Denn *debilana* zerfällt für sie in die Komponenten *debil* und *-ana*, wobei das *debil* für ‘geistig eingeschränkt, blöd, debil’ steht und *-ana* ein zwar aus dem Türkischen entlehntes, aber im gesamten BKS gern gebrauchtes Suffix ist, das für alles Mögliche steht, ‘das irgendwie viel Raum braucht’. Was das Lexem *debil* bedeutet, ist jedermann klar, und alles, was in bekannten Wörtern an seinem Ende *-ana* hat und kein Mädchen- oder Frauenname ist, wie Biljana oder Liljana, bezeichnet entweder Fabriken (*cukrana, šećerana* – Zuckerfabrik) oder öffentliche Einrichtungen (*kafana* – Kaffeehaus) oder im Jargon in semantischer Entwicklung etwas, wo es Gedränge und Schlägereien geben kann (*mušana, tarapana* – Gedränge) [Bugarski 2002: 66]. *Debilana* lässt sich damit leicht erschließen als *etwas Debiles von auffälligem Ausmaß*, was dann, wie z.B. in Sarajevo ein *sinnloses leeres Geschwätz* sein kann [Saračević 2004] oder in Belgrad eine *Gruppe von geistig Eingeschränkten* [Andrić 2005]. Was jeweils konkret bezeichnet wird, ergibt sich einfach aus dem, was seine allgemeine sprachliche Bedeutung ist.

3.2.4. Damit ist dann auch der Punkt erreicht, an dem es um das Wortspiel im Rahmen der Wortbildung gehen kann. Bevor es endgültig zu diesem geht, schnell noch der Abschluss dieses 3. Teils als knappe Antwort auf die Frage, worin die Bedeutung der Wortbildung für das Phänomen ‘Jargon’ liegt. Sie liegt zum einen ganz allgemein in dem, worin die Bedeutung der Derivation für jede Form des Sprechens liegt, zu neuen Denominationen zu gelangen, sofern sie dieses Verfahren als Mittel zu diesem Zweck kennt. Sie liegt aber zum anderen darin, worin überhaupt die Leistung von Jargons liegt, nämlich darin, Erscheinungen, Gegenstände, Personen und Tätigkeiten anders zu bezeichnen, als es in der Form des Sprechens üblich ist, von der sie sich absetzt. Diese Art der Bezeichnung – vor allem in den Jargons sozialer Randgruppen – kann man als *alternativ* fassen, weil für sie charakteristisch ist, dass sie Sachverhalte, Personen und Gegenstände so zu Wort bringt, dass an ihnen Merkmale, Übereinstimmungen mit anderen Bezeichneten oder Ähnlichkeiten hervorgehoben oder sichtbar werden, die in den gehobenen Sprecherkreisen und deren gehobeneren Formen des Sprechens entweder aus Höflichkeit übersehen oder aus Schicklichkeit verbal übergangen werden. Mit den alternativen Bezeichnungen in den Jargons der sozialen Randgruppen wird das Wertesystem der besseren Gesellschaft nicht nur in Frage, sondern geradezu auf den Kopf gestellt.

4. Zum Phänomen des Wortspiels in der Wortbildung

4.1. Zum Phänomen des Wortspiels allgemein

4.1.1. Wenn damit Wortbildung im Sinne von Derivation ein Prozess ist, bei dem Sprechende zunächst ein zu Benennendes daraufhin absuchen, wo dieses Ähnlichkeit mit einem bereits Benannten aufweist, und eine dann festgestellte Ähnlichkeit in der

Weise signalisieren, dass sie es auch ähnlich wie das schon Benannte bezeichnen, dann liegt die Wortbildung im Sinne von Derivation von Natur aus sehr nah an dem, was als Wortspiel bezeichnet wird, denn auch dieses hat es mit der Entdeckung von Ähnlichkeiten zu tun. Der Unterschied ist nur der, dass die neu entdeckten Ähnlichkeiten auf der formalen und nicht auf der inhaltlichen Ebene liegen.

Weshalb darüber hinaus ein Wortspiel meist als lustig, komisch oder humorvoll, nicht selten auch als geistvoll empfunden wird, was bei der 'normalen' Wortbildung im Sinne von Derivation ja gerade nicht angestrebt wird, liegt darin begründet, dass es zu den sprachlichen Grundgesetzen gehört, dass zwischen Form und Inhalt eine Beziehung von der Art besteht, dass eine gleiche Form einen gleichen Inhalt signalisiert [Smirnickyj 1947]. Beim Wortspiel ist es nun aber so, dass ein Verstoß gegen dieses Grundgesetz der „Solidarität von Ausdruck und Inhalt“ [Coseriu 1988: 172] aufgedeckt wird, d.h., dass bewusst gemacht wird, dass einer Identität oder Ähnlichkeit im Ausdruck keine Identität oder Ähnlichkeit im Inhalt entspricht.

Geht es damit allerdings einmal um *Identität* und das andere Mal um *Ähnlichkeit* in der Form zweier lexikalischer Einheiten, die inhaltlich jeweils so weit auseinander gehen, dass man von zwei verschiedenen Wörtern spricht, dann sollte man auch zwei Typen von Wortspiel zu unterscheiden. In der Rhetorik wurde das übrigens schon immer gemacht [Lausberg 1963: 90-92]. Wer allerdings zweifelt, dass bereits bei Ähnlichkeit zweier lexikalischer Einheiten nach inhaltlicher Gemeinsamkeit gesucht wird, schaue sich nur gerade die Wortbildung im Sinne der Derivation an. Wer als Sprecher des BKS ein Wort wie *petičar* zum ersten Mal hört, wird es zunächst auf seine Ähnlichkeit mit Wörtern absuchen, die er kennt und dann bald bei *petica* landen. Dieses steht für die *Note fünf*, also die beste Note in der Schule, und entsprechend wird er vermuten, in diesem Falle völlig zurecht, dass *petičar* so etwas wie ein *Streber* sein muss, also ein Schüler, der immer die besten Noten haben möchte oder hat. Dabei sind sich *petičar* und *petica* aber eben nur ähnlich. Wäre es jetzt nicht so, dass *petičar* für einen Schüler stünde, der immer die beste Note anstrebt, dann läge es nahe, dieses mit der *petica* dennoch in Verbindung zu bringen. Und in dem Augenblick wäre das Gebiet des Wortspiels im Allgemeinen und des Wortspiel in der Wortbildung im Besonderen betreten. Von diesem Beispiel ausgehend kann auch schon ganz allgemein gesagt werden, dass das Wortspiel darin besteht, dass zwischen dem, was mit dieser Art von Wörtern bezeichnet wird, resp. was solche formal identischen oder ähnlichen Wörtern benennen, eine Ähnlichkeit oder gar Identität gesehen wird, die in der Realität nicht gegeben ist, und dass versucht wird, andere diese Ähnlichkeit oder Gleichheit ebenfalls erkennen resp. sehen zu lassen. Das immer mit dem versteckten Wissen, dass diese letzteren eine Angelegenheit der Phantasie oder der Vorstellungskraft sind. Es wird zusammengebracht, was nicht zusammengehört. Anders und etwas intellektueller ausgedrückt: Eine inhaltliche Inkongruenz zwischen den Bezeichneten wird allein wegen der formalen Kongruenz oder Similarität als dennoch überwindbar dargestellt. Das heißt des Weiteren, dass so etwas wie eine *tertio comparationis* gefunden oder erkannt, aber eigentlich nur konstruiert wird, die zu finden dann dem Hörer oder der Hörerin als Denkaufgabe gestellt wird. Hat er oder sie sie dann wirklich gefunden, löst das Freude aus, denn das Aha-Erlebnis geht mit einer Belohnung für die gelungene geistige Arbeit in Form einer Dosis Glückshormone im Cortex einher. Dies der Grund für das Vergnügen an Wortspielen, das manchmal bis zur Sucht führen kann.

Als Beispiel diene der serbische *matiĉar*. Wer das Wort als Serbe hört, denkt zunächst an das, was im Deutschen der *Standesbeamte* ist. Zugleich ist aber *matiĉar* auch die zweite Hälfte des Wortes *matematiĉar*, also *Mathematiker*, und darüber hinaus wäre ein *matiĉar* auch eine korrekte prolexematische Bildung zu *mate* oder *mata*, wie in der Schule gern zum Fach *Mathematik* gesagt wird. Nun hat der Standesbeamte *matiĉar* aber auch mit Zahlen zu tun, indem er Geburts- und Heiratsregister führt, und also kann der *Mathematiklehrer* im Schülerjargon ebenfalls *matiĉar* heißen. Sie haben den gleichen Namen ja nicht zufällig. Gleichwohl ist es so, dass *matiĉar* ‘die anderen’ zunächst an den Standesbeamten denken lässt und damit aus Schülersicht an etwas Falsches. Das heißt verallgemeinert, dass man als ‘anderer’ bei dieser Art von Wortspiel zunächst einmal in die falsche Richtung geschickt wird, bis man merkt, dass man sich geirrt hat oder auf etwas hereingefallen ist. Denn derjenige, der das Wort aussprach, wusste von Anfang an, dass man nur in die falsche Richtung laufen kann und freut sich auf den Moment, wo ‘der andere’ merkt oder merken muss, dass er hereinlegt wurde. In dem Augenblick nämlich wird der ‘Hereinleger’ als der Überlegene kenntlich, ‘der andere’ als der Unterlegene, und insofern ist das Wortspiel ganz allgemein wieder einmal eine höchst (a)soziale Angelegenheit.

Das lässt zugleich erkennen, weshalb das Wortspiel insgesamt im Jargon eine so bedeutende Rolle spielt. Es ist seinem Wesen nach darauf gerichtet, dass sein Erfinder sich als der wenigstens für einen Momentgeistig Überlegene beweist. Zum einen, indem er sich dieses Spiel ausgedacht hat, was heißt, dass er sein Schöpfer ist und damit seine Kreativität unter Beweis gestellt hat, und zum anderen, indem er dem anderen seine wenigstens zeitweilige geistige Unterlegenheit vorführt. Denn der weiß anfangs ja nicht, dass es nur ein Spiel ist, und nimmt dasjenige, woran er zuerst denkt, auch für das Gemeinte. Erst bei entsprechender Überlegung wird ihm klar, dass es eigentlich nur etwas anderes sein kann. Wer danach allerdings weiß, wie ein Wort richtig zu verstehen ist, gehört zu den Wissenden, und insofern ist das Wortspiel im Jargon ein ebenso einfaches wie probates Mittel, die Zugehörigkeit zur Gruppe zu überprüfen.

4.2. Das Phänomen des Wortspiels in der Wortbildung

4.2.1. Von der Wortbildung wurde in diesem Beitrag bislang immer im Sinne von Derivation gesprochen, und dabei soll es auch bleiben. Das bedeutet, dass bei dieser engen Auffassung von Wortbildung lexikalische Einheiten, die für Wortspiele in Frage kommen, grundsätzlich binäre Strukturen sind, so dass sich das Phänomen der formalen Ähnlichkeit bei inhaltlicher Diskrepanz im Prinzip sowohl auf jeweils nur eine der beiden Konstituenten sowie auf beide Konstituenten zusammen, d.h. auf das Wort als Ganzes beziehen kann. Es kann dabei aber auch so sein, dass die Binarität der Struktur allein darin besteht, dass die Einheit eine Lautkombination enthält, die mit einem allgemein als solches anerkannten Derivat identisch ist und dieses von der Bedeutung des ganzen Wortes her auch sein kann. Es geht in solchen Fällen um das alte Problem, dass Wörter morphologisch teilbar sein oder wenigstens als solche erscheinen können, ohne bei synchroner Betrachtung abgeleitet zu sein [Raecke 1984: 125]; das deshalb, weil jenes Element, das als Träger der lexikalischen Bedeutung auftritt, sonst in der Sprache nicht mehr vorkommt. Ein solches Wort ist z.B. im Serbischen *ivica*, das soviel wie *Rand* bedeutet. Das *-ic-a* erscheint als Deminutivsuffix, nur gibt es kein *iva*, von dem

es abgeleitet sein könnte, es gibt dieses nur als Rückbildung. Im hier zu diskutierenden Falle geht es darum, dass es in dem Phraseologismus *on je na ivici* vorkommt, der besagt, dass er „grenzwertig“ verliebt ist. Wenn daraus nun gemacht wird *on je na ivici i marici* dann wird mit dem Gleichklang von *ivica* als *Rand* und *Ivica* als Koseform für *Ivo* oder *Ivan* gespielt, der in dem Märchentitel *Ivica i Marica* ebenfalls vorkommt, wo *Marica* die deutsche *Gretel* im Märchen „Hänsel und Gretel“ vertritt. Das Wortspiel besteht also formal beschrieben darin, dass lautlich gleiche Einheiten, von denen die eine klar deriviert ist und die andere wenigstens so erscheint, gleichgesetzt werden, obwohl sie inhaltlich weit auseinander liegen. Dass in beiden Fällen Phraseologismen vorliegen, spielt hier keine Rolle; derjenige, mit dem dieses Spiel zum ersten Mal getrieben wird, muss merken, dass sein erstes ‚*na ivici*‘, das er natürlich kennt und an das er ebenso natürlich zuerst denkt, nicht das ist, das zu *marica* passt, dass er sich folglich auf die falsche Fährte begeben hat und jetzt dahinterkommen muss, worin sein Irrtum bestand. Er muss sodann verstehen, was *Ivica i Marica* in diesem Falle und an dieser Stelle, wo es darum geht, die Verliebtheit von jemand sprachlich aufs Korn zu nehmen, überhaupt zu suchen haben, und erst wenn ein Lächeln über sein Gesicht geht und ein ‚Ach-so‘ ertönt, zeigt er sich als nunmehr zum Kreis der Verständigen zugehörig und muss gleichzeitig dem, der das Spiel kreierte hat, Anerkennung zollen. Dass der Ausdruck *On je na ivici i marici* zugleich eine Steigerung von *na ivici* ist, braucht nicht besonders betont zu werden, es ist einerseits formal größer und damit isomorph zum höheren Grad der Verliebtheit und es wird zugleich damit gespielt, dass ‚er‘ ja eigentlich weniger auf *Ivica* ‚stehen‘ sollte, der männlich ist, als auf *Marica*, weil die weiblich ist.

Der andere Typ von Wortspielen, wo mit den beiden Komponenten so gespielt wird, dass eigentlich nur eine Komponente den Hörer zunächst in die falsche Richtung schickt, ehe er merkt, dass er falsch gelaufen ist und sich korrigieren muss, kann durch die Wörter vom Typ *bosančeros* und *lopatolog* illustriert werden. Vom Klang her, vor allem aber und letztlich sogar allein vom Suffix her, denkt man bei *bosančeros* zunächst einmal an südamerikanische Zeitgenossen, weil diese auf *-eros* auslauten, wie in *trokaderos*, *kabaljeros*, *desperados*. Man denkt auch an einen Plural, weil das auslautende ‚s‘ ja dort für den Plural steht. Nur ist *bosančeros* zunächst eine Weiterentwicklung zu *bosančer*, das eine Verfremdung von *bosanac* ist, und *bosančeros* steht genau für dieses, also den einfachen *Bosnier*. Ein weiteres Beispiel für diesen Typ wäre *Dalmoљ*, wo man zunächst in Richtung Ungarn denken würde, bis man merkt, dass *Dalmoљ* nur für den *Dalmatinac* steht. Beim *lopatolog* wird man durch das *-olog* am Ende auf die Suche nach einem akademisch gebildeten Fachmann für das geschickt, was davor steht, und dass es sich auch wirklich um einen solchen handeln könnte, bestätigt die lautliche Ähnlichkeit von *lopatolog* z.B. mit *stomatolog*, der ein Fachmann für den Magen wäre. Wer aber fragt, was denn die *lopatologija* sei, die der *lopatolog* betreibt, der wird überlegen lächelnd gefragt, ob er denn das Wort *lopatata* *Schaufel* nicht kenne. Der *lopatolog* ist also jemand, der mit der *Schaufel arbeitet*, und also von einer akademischen Bildung weit entfernt.

Anders funktioniert der Typ *primarius*, *mitologija* und *lokacija*. Im Kopf, d.h. bei der Suche nach der Bedeutung dieser Wörter, wird man zunächst in die falsche Richtung geschickt, weil man *primarius* als eine gelehrte lateinische Bezeichnung für einen leitenden Oberarzt, *mitologija* als die *Mythologie* und *lokacija* als den *Standort* kennt. Hört man dann aber, wozu ein *primarius* neigt, was in der *mitologija* geschieht und

wozu man sich in einer *lokacija* trifft, muss man einsehen, dass man auf der falschen Spur gefahren ist und sie wechseln muss. Bei entsprechender Aufklärung oder geistiger Dämmerung wird man erkennen, dass man das *prima-*, *mito-* und das *loka-* ja auch serbisch verstehen kann und dann ist *prima-ti* das *Entgegennehmen*, *mito* das *Bestechungsgeld* und *loka-ti* *kräftig Alkohol zu sich nehmen*, womit der *primarius* zu einem wird, der immer die *Hand aufhält*, die *mitologija* zur *Korruption* und die *lokacija* zum (serbischen) *Kaffeehaus*. Dass man dort so manchen *lokator* vom Wortspieltyp *lopatorolog* antrifft, ist leicht zu verstehen, es ist ein *Alkoholiker*. Hier wird also die lautliche Identität der ersten Komponenten offensichtlich binärer Strukturen mit serbischen Stammmorphemen zum Anlass genommen, das Wort zur Bezeichnung von etwas anderem zu verwenden, das auf diesem Wege dann in der Tat sehr fein bezeichnet wäre. Voraussetzung für diese Art von Wortspiel ist aber die Binarität der Struktur, weil die zweiten Komponenten ihre ‚normale‘ Bedeutung beibehalten müssen, damit es zu dem Witz kommen kann, der aus der Inkompatibilität beider Komponenten resultiert.

Es sei betont, dass hier, wie bei der Ironie auch, immer beide Bedeutungen und beide Möglichkeiten des Verständnisses präsent sind, so dass die Wörter ‚eigentlich‘ immer beides zugleich heißen. Wenn gedacht wird, das neue Wort habe nur die eine Bedeutung, wird am Wesen dieses Spiels vorbeigedacht. Hat man bei einem Wort wie *lovčanik* nicht zugleich auch *novčanik* im Kopf, ist der Witz weg. *Lovčanik* erhält seinen Sinn und seine Bedeutung erst und nur durch das letztere. *Novčanik* ist der *Geldbeutel*, und *lovčanik* ist ebenfalls ein solcher, nur wird hier über das ‚l‘ anstelle des ‚n‘ auf das Basiswort *lova* verwiesen, das ein Jargonausdruck für *Geld* ist.

4.2.2. Dabei liegen aber die Derivationsverhältnisse hier noch einmal anders als in den bisherigen Beispielen. *Lova* kann nämlich nicht die Basis für *lovčanik* sein, jedenfalls nicht formal oder materiell, sondern nur semantisch. *Novčanik* ist formal durch *novac* das *Geld* gerechtfertigt, wobei das ‚č‘ in *novčanik* durch ‚c‘ in *novac* bedingt ist. *Lovčanik* würde folglich ein *lovac* voraussetzen, nur gibt es das allein in der Bedeutung *Jäger* und der spielt hier gewiss keine Rolle.

Dass diese Art von Wortspiel, wo in einem Derivat auf ein Wort Bezug genommen wird, von dem es formal nicht deriviert sein kann, keineswegs ein Einzelfall ist, lässt das Verb *magistrirati* in der Bedeutung *auf der Magistrale einen tödlichen Unfalls erleiden* erkennen. Im Standard bedeutet es *seinen Magisterabschluss machen*, hier heißt es *auf der Magistrale seinen Abschluss machen* und kann als Fall von Enantiosemie gesehen werden. Besser wäre hier vielleicht von ‚schwarzer Ironie‘ gesprochen, weil eine lexikalische Einheit semantisch zu ihrem mehr oder weniger genauen Gegenteil hin entwickelt wird [Raecke 2008: 370].

Die allgemeine Frage, die solche Beispiele aufwerfen, ist die, wie die Wortbildung als linguistische Disziplin damit umgehen will oder kann. Dass *lovčanik* und *magistrirati* deriviert sind, steht außer Frage, nur sind sie es *formal* nicht von den Einheiten, von denen sie *semantisch* deriviert sind. D.h., dass semantische und formale Derivation klar auseinandergehen. Zugleich sind sie aber auch keine semantischen Entwicklungen, auch wenn es davon im Jargon eine große Bandbreite gibt [Raecke 2008]. Denn die Jargonbedeutung von *magistrirati* könnte es ohne *magistrala* nicht geben und *lovčanik* heißt überhaupt nichts anderes als *Geldbeutel*. Nur wäre es ohne *novčanik* weder zu deuten noch so zu verstehen, wie es gemeint ist.

4.2.3. Ich denke also, dass der Jargon die Wortbildungslehre durchaus noch einiges lehren kann. Jedenfalls stellen Wortspiele in der Wortbildung eine Herausforderung dar, die manche feste Überzeugung in Bezug auf die Bestimmung des Gegenstandes wie in Bezug auf die Beschreibung spielend leicht ins Wanken bringen kann, so dass es sich umgekehrt wiederum unbedingt lohnt, über manches noch einmal nachzudenken, zwar intensiv, aber ähnlich entspannt, wie im Jargon Wörter gebildet werden.

Literatur

1. Andrić, D. (2005): Dvosmerni rečnik srpskog žargona i žargonu srodnih reči i izraza. 2. izdanje. Beograd.
2. Bugarski, R. (2002): Lica jezika. Sociolingvističke teme. Drugo izdanje. Beograd.
3. Coseriu, E. (1977): „Inhaltliche Wortbildungslehre (am Beispiel des Typs ‚coupe-papier‘)“. In: Brekle, H. und H. Marchand (Hrsg.): Perspektiven der Wortbildungsforschung [Festschrift Hans Marchand]. Bonn. 48-61.
4. Coseriu, E. (1980): „‘Historische Sprache’ und ‘Dialekt’“. In: Göschel, J., Ivić, P. und K. Kehr (Hrsg.): Dialekt und Dialektologie. Ergebnisse des internationalen Symposions „Zur Theorie des Dialekts“, Marburg/Lahn, 5.-10. September 1977. Wiesbaden. 106-122.
5. Coseriu, E. (1988): Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft. Tübingen.
6. Dokulil, M. (1964): „Zum wechselseitigen Verhältnis zwischen Wortbildung und Syntax.“ TLP 1. 215-224.
7. Golubović, B. (2007): Germanismen im Serbischen und Kroatischen. München.
8. Günther, E. (1999): „Lexikologie.“ In: Jachnow, H. (Hrsg.): Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Wiesbaden. 273-289.
9. Lausberg, H. (1963): Elemente der literarischen Rhetorik: Eine Einführung für Studierende der klassischen, romanischen, englischen und deutschen Philologie. München.
10. Raecke, J. (1984): „Zur neueren sowjetischen Wortbildungslehre.“ In: Jachnow, H. (Hrsg.): Handbuch des Russisten. Sprachwissenschaft und angrenzende Disziplinen. Wiesbaden. 103-142.
11. Raecke, J. (1999): „Wortbildung.“ In: Jachnow, H. (Hrsg.): Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Wiesbaden. 150-181.
12. Raecke, J. (2008): „Wer rasiert wird, der verliert – Zur Bedeutungsentwicklung im Jargon (am Beispiel des Serbischen).“ In: Slavistische Linguistik 2006/2007. Referate des XXXII. Konstanzer slavistischen Arbeitstreffens Männedorf bei Zürich. Referate des XXXIII. Konstanzer slavistischen Arbeitstreffens. Potsdam. München. 339-375.
13. Raecke, J. (2009): „Zur Rolle der Wortbildung im Lexikon des Jargons (am Beispiel des Serbischen mit Seitenblicken auf das Russische).“ In: Radeva, Vasilka, Cvetanka Avramova und Julija Baltova (Hrsg.): Slovoobrazuvane i leksikologija. Sofija. 385-400.
14. Raecke, J. (i.D.a): „Was du ererbt von deinen Vätern hast ... Vom Umgang mit Turzismen im serbischen Jargon.“

15. Raecke, J. (i.D.b): „An ihren Worten sollt ihr sie erkennen – Zuordnung, Eingrenzung und Abgrenzung als Grundfunktionen der Sprache“
16. Saračević, N. (2004): Rječnik sarajevskog žargona: prilog leksikografiji bosansko-germanskog jezika. 2. izdanje. Zenica.
17. Smirnickij, A.I. (1948) Nekotorye zamečanja o principach morfoložičeskogo analiza. In: Doklady i soobščeniya filologičeskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta 5. 21-35.
18. Tanasković, K. (2008): Germanismen im serbischen Jargon. Formale und semantische Entwicklungen. Tübingen (unveröffentlichte Magisterarbeit).
19. Walter, H. und V. Mokienko (2001): Russisch-Deutsches Jargon-Wörterbuch. Frankfurt/Main.
20. Wilske, L. (1984): Die russische Sprache der Gegenwart. Bd 4. Lexikologie. Leipzig.

Йохен Реке

ИГРА СЛОВ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ ЖАРГОНА

О словообразовании в различных формах жаргона (надо различать, по крайней мере, профессиональные жаргоны и непрофессиональные, которые в свою очередь включают такие разные жаргоны, как молодежный и воровской) мы до сих пор знаем очень мало. Есть попытки определить особенности способов образования новых слов в целях именования или – гораздо чаще – переименования явлений действительности. Но не уделяется должного внимания специфическим способам пополнения словарного состава жаргонов, безусловно, представляющим особый интерес для общей теории словообразования. Есть, например, в сербском жаргоне, вернее, в соответствующих словарях сербского жаргона, немало слов, которые можно истолковать не иначе, как примеры остроумной игры слов, основанной на одинаковом звучании двух слов. Но как их толковать с точки зрения словообразования? Возьмем для иллюстрации в качестве примера сербский глагол *магистрирати*. С одной стороны, он имеет прямое значение ‘сдать экзамен магистра’ (или ‘приобрести научную степень магистра’), с другой стороны, он имеет другое значение ‘потерпеть аварию со смертельным исходом на магистрали’. Поясним, что *магистрала* (русс. *магистраль*) является весьма опасной дорогой вдоль побережья Адриатического моря, на которой часто происходят страшные аварии. Последнее значение глагол *магистрирати* имеет исключительно в жаргоне, первое значение свойственно только литературному языку. Возникает вопрос: чем мотивирован данный глагол в последнем значении? Ясно только то, что мы здесь сталкиваемся с остроумной игрой слов, потому что мотивирующей базой этого глагола можно считать лексемы *магистар* (русс. *магистр*) и *магистралу* в одно и то же время: у данных слов есть общий элемент семантики – ‘конец’. Но дело в том, что лексемы *магистар* и *магистрала* семантически связаны лишь исторически, а в современном языке семантической связи между ними уже нет. В то же время принять *магистрала* как мотивирующую основу глагола *магистрирати* нельзя, потому что в сербском языке нет соответствующей

модели для образования слов такого рода и значения. Остается лишь прибегнуть к предположению, что перед нами семантическая деривация. Из этого вытекает, что *магистрирати* формально выводится из *магистар*, а семантически из *магистрала*. Но есть и другая возможность толкования – перед нами расширение значения исходного слова *магистрирати*. Значение ‘приобрести научную степень магистра’ расширяется ироническим семантическим компонентом ‘и больше он не будет этим делом заниматься, потому что он «готов» (в переносном жаргонном значении)’, который имеет свои корни в общеизвестном факте, что действия на магистрали часто кончаются так же, как вдруг кончаются занятия в вузе после экзамена. Думается, что такого рода игра слов в жаргоне представляет большой интерес для теоретиков словообразования, потому что она вновь серьезно ставит вопрос о том, как относиться к семантической деривации – считать ли ее способом словообразования или нет. Данный вопрос по-прежнему остается дискуссионным.

Jerzy Sierociuk

(Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Poznań, Polska)

**KOMPETENCJA JĘZYKOWA UŻYTKOWNIKÓW GWARY
A PROBLEM ZAPOŻYCZEŃ**

Na początku należy zaznaczyć, że badanie niektórych procesów zauważanych w materiale języka ogólnego, w odniesieniu do gwar napotyka na trudności wynikające z samych wyznaczników gwary jako środka porozumiewania się znanej części populacji wyznaczonej po uwzględnieniu parametrów etnicznych. Gwary pod wieloma względami przeciwstawiają się bowiem tradycji językowej opartej na kulturze pisma; użytkownicy gwar pod wieloma względami reprezentują środowisko lokalizowane w kręgu kultur oralnych [Ong 1992]. Dla badacza procesów zachodzących w tym środowisku istotnym ograniczeniem jest brak dostatecznych materiałów z przeszłości. Żyjące jedynie w tradycji ustnej – przekazywane z pokolenia na pokolenie – gwary praktycznie nie mają poświadczeń historycznych. Wprawdzie mówi się o tym, że najobszerniejsza kartoteka dialektologiczna [SGP] „rejestruje słownictwo z wszystkich gwar polskich z okresu blisko 200 lat” [Reichan 2000, 13] to jednak pierwsze zapisy często bardzo odbiegają od standardów obowiązujących w badaniach dialektologicznych; praktycznie też można uznać, że systematyczne eksploracje terenowe prowadzone są od początku ubiegłego wieku, zaś najstarsze zapiski utrwaliły jedynie bardzo niewielki wycinek materiału językowego. Analizując zjawiska zachodzące w systemie leksykalnym powinniśmy też być świadomi znacznej przewagi ilościowej zasobu wyrazowego języka mieszkańców wsi nad zasobem języka ogólnego. Te relacje obserwowane na gruncie polskim oddaje następujące stwierdzenie: „W kartotece SGP PAN jest około 240 000 haseł, a więc około dwa razy więcej niż w *Słowniku języka polskiego* pod red. W. Doroszewskiego zawierającym 125 000 haseł” [Reichan 2000, 14]. Mimo dostępnej tak bogatej dokumentacji dialektolodzy zdają sobie sprawę z tego, że dokładne badania terenowe przynoszą potwierdzenia nowych leksemów, nie notowanych do tej pory.

To bogactwo słownikowe często tworzone jest przez jednostki o niewielkim zasięgu terenowym. Jest to więc mozaika nie tylko w aspekcie geograficznym, także pod względem budowy morfologicznej.

Pamiętajmy jednak, że specyfiką dociekań dialektologicznych jest – wedle założeń metodologicznych – akcentowanie przestrzennej lokalizacji konkretnych zjawisk. W wielu wypadkach daje to podstawy do bardziej szczegółowych analiz niż to byłoby możliwe przy oglądzie materiału języka ogólnego. Jedną z takich możliwości wykorzystana jest w niniejszym szkicu. Musimy być świadomi także tego, że pozyskując materiał badawczy dialektolog obcuje bezpośrednio z użytkownikiem badanego języka. Wartość poddawanego analizom materiału w znacznym stopniu jest pochodną samej eksploracji terenowej; innymi słowy: żeby przystąpić do opisu jakiegokolwiek zjawiska należy najpierw pozyskać właściwe przykłady w czasie rozmowy z konkretnymi ludźmi. Odpowiednio prowadzony wywiad dostarczy danych pozwalających obserwować nie tylko samo zjawisko, także szczegółowe procesy warunkujące jego żywotnością. Dodać wypada, że wprawdzie – zwłaszcza przy nastawieniu na analizę kartograficzną, przy pozyskiwaniu danych metodą odpytywania stosownego kwestionariusza – wykreślając zasięg jakiegoś zjawiska na mapie językowej wskazujemy pośrednio obszary

jego pozbawione, to jednak wielce przydatne okazuje się pozyskiwanie specyficznych poświadczeń negatywnych [Sierociuk1992]. Nie trzeba bowiem nikogo przekonywać, że brak jakiegoś elementu w dostępnym korpusie nie jest jednoznaczny z faktem jego absencji w językowej rzeczywistości. Brak w dostępnym wykazie interesującej nas formy świadczy wyłącznie o tym, że nie pojawiła się ona w podstawie materiałowej (a nie - na przykład - w systemie). W odniesieniu do danych dialektologicznych znaczy to mniej więcej tylko tyle, że dana forma nie była przedmiotem dociekań eksploracyjnych, że o nią nie pytano. Przywoływane niżej poświadczenia negatywne to zasadniczo odpowiedzi na pytanie o żywotność konkretnego zjawiska, o stopień jego znajomości przez poszczególnych przedstawicieli badanej społeczności (wiejskiej).

I na koniec jeszcze jedna uwaga: obcując bezpośrednio z ludźmi mówiącymi konkretną gwara mamy możliwość rejestrowania różnego rodzaju „komentarzy”; między innymi są to uwagi o proveniencji danej nazwy (np. germanizm) czy też o jego przynależności do konkretnej warstwy chronologicznej (są to stwierdzenia typu: *dawniej tak się mówiło*). W niniejszym szkicu w stopniu szczególnym odwołuje się do tego typ danych.

Wprawdzie w literaturze lingwistycznej zjawisko zapożyczenia zawężane jest zwykle do problematyki kontaktów międzyjęzykowych – wyraźnie podkreśla to K. Waszakowa: „Termin zapożyczenie zwykle bywa używany na oznaczenie wyrazy, który został przejęty z innego języka” [Waszakowa 1992, 255] to jednak w naszych rozważaniach musimy uwzględniać także zapożyczenia wewnątrzdialektalne, międzygwarowe. Wyraźnie przekonują nas o tym stwierdzenia samych respondentów podkreślających „inność” gwary sąsiadów. Tu też możemy mówić o dwu typach zależności: z jednej strony jest to wartościowanie gwary, w skrajnych wypadkach wyrażające się nawet prześmiewaniem sposobu mówienia sąsiadów – zjawiskiem tym (które ma już pokazaną literaturę) nie będziemy się tu zajmować, z drugiej zaś wyraźne sygnalizowanie obcości konkretnego określenia – tu najczęściej zwracana jest uwaga na leksykę, chociaż często zauważany jest „inny akcent” utożsamiany z fonetyką, prozodią mowy.

Wprowadzeniem do zagadnienia mogą być następujące stwierdzenia rejestrowane w zachodniej (Dąbrówka Wlkp.) i południowo-zachodniej (Bukowiec Górny) Wielkopolsce:
Dąbrówka Wlkp., pow. Świebodzin:

cofnij to mówili ... no cofnij ... bo jag inaczej? ... chyba że z niemieckiego curyk ...; myś mówili po niemiecku ... hufnagel ... na to ... to były goździe do kopyta ... to mówili hufnagel ... bo to po niemiecku (!) ...;

ona mi chciaa se zrobić na ksero jak nasza ciotka eszcze nosiła obraz ... ten obraz to eszcze po nimecku jes taka widokówka ... tako poskarte ...;

bo śtyl to po niemiecku faktycznie ... bo to trzonek inaczej ...;

Bukowiec Górny, pow. Leszno:

to curyk to było po niemiecku ... do tyłu ... ale to mówili po niemiecku ...;

to buło ... glajnszterka to buło do waśnie do tych kopków robinó ... tyn krochmal taki ... ale glajnszterka ... bo to sie musiało ... jak teraz ... ty bandy ... albo tero te ... tu przeważnie do wióⁿzania ... te fartuchy ... to ... kryzy przede wszystkim ... to buło na mokro prasowane ... i to były w ty glanszterce (!) ... to buło ... dawni to buł ... taka glanszterka to buła w takich paczkach ... na to mówili glanszterka ... ale to buł krochmal taki ...;

i do dzisiaj sie używo ... strugi ... a wszystko ryⁿczne ... strugi ... teraz ... heble ... to po niemiecku hebel ... no to tyz ... po polsku jes ... rzeczywiście strug ... ale w kołodziejstwie mamy takie strugi że sie trzymie za dwie r^oczki ...;
takie haki były ... po niemiecku motyki ... a to po polsku haki ...

Przytoczone przykłady jednoznacznie dowodzą wyczuwanej przez mieszkańców tych wsi obcości przywoływanych wyrazów. Akcentowanie tej cechy poszczególnych wyrazów jest po części pochodną stosunkowo dobrej znajomości języka niemieckiego przez ludność zamieszkującą te tereny. Niemiecki był dla niech językiem urzędowym przez ponad 120 lat zaborów, przy czym Dąbrówka Wlkp. do Polski wróciła dopiero po roku 1945.

Niekiedy w relacji typu *niemiecki* : *polski* zastępowana jest relacją *obcy* : *nasz*. O tym, że nie zawsze „po naszymu” pokrywa się z „po polsku” przekonuje przykład ostatni. *Haka* (z niem. *Hacke* ‘graca, motyka’) uznana za określenie „swojskie” podobnie inne zapożyczenia języka ogólnego – do niedawna taki charakter miał *hebel* – jest punktem wyjścia procesów derywacyjnych już typowo polskich: dla zdrobnienia: *haczka*; ewentualnie dla czasownika: *hakać* (nie tylko ‘dziabać, usuwać chwasty motyką’ ale też ‘grabić siano’: *grabiami hakali siano*), gdzie niemieckie *hacken* w znaczeniu mającym zastosowanie do realiów rolniczych to ‘gracować, motyczyć’.

Śledzenie germanizmów w języku Wielkopolan pozwala zauważyć jeszcze inne zjawisko: leksyka wycyfrowana z użycia nie „obrosła” derywatami. Można to uznać za pośrednie potwierdzenie odczuwanej obcości. Analiza żywotności germanizmów w języku mieszkańców wsi tej części Polski jednoznacznie dowodzi, że niezależnie od relacji politycznych słownictwo to w coraz mniejszym stopniu jest wykorzystywane w codziennej komunikacji [Kobus, Gliszczyńska 2006]. Uwzględniając zróżnicowanie pokoleniowe społeczności wiejskiej [Sierociuk 2003a] można mówić o wyraźnie zauważalnym powiązaniu zależności między tymi parametrami analizy socjolingwistycznej: znajomość znacznej grupy germanizmów potwierdzana jest w kontaktach z najstarszymi mieszkańcami badanych wsi; tym respondentom towarzyszy też świadomość ich obcości. Kolejne pokolenia powojenne używają germanizmów mniej, rzadziej też są świadomi rodowody tych form.

Już pobieżny ogląd materiału gwarowego przekonuje nas, że mamy tu do czynienia z całkiem innym repertuarem jednostek leksykalnych wzbogacających (poprzez przejście z innego źródła) lokalny język. O ile przy analizach wzajemnego oddziaływania języków zauważa się szczególną rolę zjawisk o charakterze globalnym, przejmowanie internacjonalizmów [Przejawy 2009] bądź też poddaje się oglądowi sposób przejmowania analogicznych zjawisk przez pokrewne języki [Mieczkowska 2006], o tyle w odniesieniu do języka mieszkańców wsi respektowanie jednej z podstawowych przesłanek badań dialektologicznych – lokalizacji przestrzennej – pozwala unaocznic procesy zachodzące na styku dwu języków. Ponieważ wśród zapożyczeń funkcjonujących w środowisku gwarowym zdecydowanie przeważają przejęcia sąsiedzkie respektowanie metodologicznych założeń badań terenowych pozwala wydobyć zależności niemożliwe do uchwycenia przy obcowaniu z materiałem języków ogólnych. Drugim czynnikiem ułatwiającym obserwację interesującego nas zjawiska jest możliwość dysponowania wspomnianymi już poświadczeniami negatywnymi.

Dla jasności wywody dodajmy, że na polskim obszarze gwarowym możemy mieć do czynienia ze wzmożoną aktywnością elementów litewskich, białoruskich, ukraińskich, słowackich, czeskich i niemieckich. Jest też oczywiste, że obszary zwiększonej obecności jednostek przejmowanych z wymienionych języków to tereny bezpośrednio graniczące z tymi językami (lub też ich gwarami).

Przejdźmy do oglądu wybranych zjawisk.

Jednym z językowych wyróżników Wielkopolan jest określenie ziemniaka – *pyra*. Nazwa ta stała się nawet podstawą dla potocznego – przy tym bardzo promowanej przez środowiska wielkopolskie – określenia tego regionu: „Pyrlandia”. Nie jest to jednak wyjątkowe określenie regionalne; wielkopolskie są też *bulwy* i *sasoki*. Inne gwary też mają nazwy lokalne, chociażby *rzepki*. Znamienna jest tu lokalizacja – inne nazwy niż *kartofle* występują na obszarach, gdzie w czasie zaborów językiem administracyjnym był niemiecki; w dawnym zaborze rosyjskim takiego zróżnicowania nie obserwujemy – tu dominuje *kartofel*. Zauważaną zależność zdaje się potwierdzać także nazwa choroby trzody, świnie bowiem dawniej chorowały na *chinkę* objawiająca się podkulaniem dolnych partii nóg (deformacją stawów). Nazwa ta z rzadka była notowana w Wielkopolsce (zwłaszcza na wschodzie). Zaskakuje jej rozpowszechnienie na terenach wschodniej Polski, przy czym „etymologia ludowa” łączy ją z tradycyjną deformacją stóp kobiet chińskich („świnia chodzi jak Chinka, z podkuloną nogą” – okolice Łukowa). Interpretacja taka niemożliwa byłaby w Wielkopolsce, gdzie znaczna część zna(ła) – zwłaszcza najstarsze pokolenie – język niemiecki; ludowa nazwa wyraźnie nawiązuje do niemieckiego *hinken* ‘kuleć’. Odnosi się wrażenie, że na znacznych obszarach Polski wyrazy tego typu jednoznacznie identyfikowane były z językiem sąsiada, w dodatku sąsiad ten nie był przyjacielem.

Kończąc ten wątek dodajmy, że przegląd zapożyczeń niemieckich w gwarach wielkopolskich pozwolił zaobserwować zaskakującą tendencję: tam, gdzie na obszarach centralnej Wielkopolski była najintensywniejsza germanizacja, tam germanizmów nie jest wiele [Gliszczyńska 2007]. Wydaje się, że możemy chyba mówić o swoistej reakcji – elementy obce, postrzegane jako zagrożenie własnego języka, własnej kultury nie były dopuszczane do codziennej komunikacji. Proces przejmowania elementów obcych był najwyraźniej blokowany.

Omawiane tu zjawisko dotyczy zasadniczo jednostek leksykalnych, ale przecież to one mogły być punktem wyjścia procesów derywacyjnych – niemieckie słowotwórstwo ze względu na swój charakter (struktura jak i konkretne części słowotwórcze) zbyt wyraźnie przeciwstawia się słowotwórstwu polskiemu, zwłaszcza w odmianie dialektalnej. Ograniczanie zapożyczeń leksykalnych jest tym samym blokowaniem żywotności „polonizowanych” form od nich pochodnych. Germanizmy przedostawały się do lokalnego systemu słowotwórczego (jako podstawy słowotwórcze), jednak z biegiem czasu – co dowodzą najnowsze obserwacje [Kobus, Gliszczyńska 2006] – i one są z tego języka usuwane (np. *heńka* przegrywa w sposób oczywisty z *rękawiczką*, por. niem. *Handschuh*). Zachowują się jedynie jednostki całkowicie przyswojone, także przez język ogólny.

Mając na uwadze to, że

„Ze względu na stopień przyswojenia zapożyczenie są dzielone na: 1/ wyrazy-cytaty typu *clou*, *entrée*, *etui*; 2/ wyrazy częściowo przyswojone w rodzaju *bordo*,

hobby, studio; 3/ wyrazy całkowicie przyswojone typu *lekcja, kościół, msza*” [Wszakowa 1992, 256]

podkreślmy zasadniczą właściwość naszego materiału: gwary przejmują nowe elementy praktycznie poprzez bezpośredni kontakt z językiem-dawcą.

Znacznie inaczej układają się relacje międzyjęzykowe (międzydialektalne) przy kontaktach wewnątrzsłowiańskich. Te prześledzimy na przykładzie gwar polskich pozostających przez długi czas w kontakcie z gwarami ruskimi, zwłaszcza ukraińskimi.

W literaturze przedmiotu znaleźć można przekonanie, że formant **-icha** nie powinien być notowany na terenie Polski. Jednoznacznie wynika to ze stwierdzenia F.Sławskiego, który element ten charakteryzuje następująco:

„Jest on produktywny tylko we wsch.słow. (głównie w ros.), gdzie tworzy przede wszystkim nazwy istot płci żeńskiej od odpowiednich nazw męskich. W ros. spotyka się także derywaty odprzymiotnikowe i dewerbalne (zwykle ekspresywne nomina agentis, np. *spicha* ‘kobieta śpioch’ < *spaty* ‘spać’).

W innych językach słow. suf. **-icha** jest wyjątkowy, albo nawet całkiem nieznaną” [Sławski 1974, 73].

Zważywszy na czas prezentowania tej opinii – także na autorytet prof. F.Sławskiego – można odnieść wrażenie, że wywarła ona znaczny wpływ na zestaw podejmowanych kwestii badawczych, zwłaszcza w odniesieniu do eksploracji poprzedzających przygotowanie atlasów gwarowych szczególnie Polski zachodniej (aktualny stan wiedzy językoznawczej wywierał – poza powiązanymi z tym badaniami sondażowymi - znaczący wpływ na zestaw zagadnień kwestionariuszowych stanowiących podstawę przyszłych analiz kartograficznych).

Częściowym potwierdzeniem stanowiska F.Sławskiego była – jednoznacznie sugerująca wpływy ruskie – wyłącznie kresowa lokalizacja derywatów tworzonych tym formantem odnotowanych w kartotece SGP (vide np.: *bocianicha* ‘samica bociana’). Późniejsze jednak badania terenowe – oparte na bogatym i zróżnicowanym materiale – pozwoliły poglądy ten zweryfikować [Kowalska 1993, Sierociuk 1999].

W warunkach polskich sygnalizowana przez F.Sławskiego charakterystyka tego formantu (nazwy żeńskie od form męskich) dokumentowana jest w gwarach pasa granicznego polsko-ruskiego. Najbardziej na wschód lokalizowane są tworzone tym formantem nazwy żon, potem – poza tą strefą – nazwy córek [Zareba 1983, 566]. W innych gwarach notowane były formy typu *bielicha* ‘krowa biała’; *bodzicha* ‘krowa, która bodzie’; *cyganicha* ‘kobieta, która oszukuje, cygani’; *gonicha* ‘dawny typ maszyny koszącej zboże’, także: ‘dawny typ maszyny wykopującej ziemniaki’; *kocicha* ‘samica kota’, także: ‘kobieta (dziewczyna) lubiąca koty’.

Z różnym natężeniem pojawiają się ten formant w nazwach notowanych zarówno na Lubelszczyźnie jak i w Wielkopolsce. Inna jest jednak jego łączliwość z podstawami słowotwórczymi. Nie wdając się w analizy szczegółowe (mające znaczenie bardziej dla dociekań dialektologicznych) dodam, że zauważalne jest „strefowe” rozłożenie poszczególnych typów derywacyjnych. Częsty w gwarach lubelskich typ odprzymiotnikowy (*bielicha, granicha*) nie był notowany w gwarach centralnej i zachodniej Wielkopolski; z rzadka pojawiał się w „kongresowej” (czyli wschodniej, będącej dawniej pod zaborem rosyjskim) części Wielkopolski. Na zachodzie notowa-

ny był też typ odczasownikowy, na wschodzie zaś (Lubelszczyzna) w nazewnictwie np. ‘krowy, która bodzie’ nie jest wykorzystywany interesujący nas formant.

Dla prezentowanego tu stanowiska o wiele istotniejszy jest materiał pozyskiwany od mieszkańców wsi wschodniej Lubelszczyzny, terenu długoletniej sąsiedzkiej koegzystencji Polaków i Ukraińców. Tam bowiem – wobec oczekiwanej wysokiej żywotności interesującego nas formantu – często notowałem właśnie poświadczenie negatywne dla wielu przykładów. I tak w nadbużańskim Kopyłowie (k/Hrubieszowa) notowałem wprawdzie typ *bocianicha* ‘samica bociana’, jednocześnie rozmówcy moi nie znali typów: *bodzicha*, *kopicha*, *bielicha*. W niewiele bardziej na zachód położonej Niedźwiadzie znana była *granicha*, nie udało się natomiast potwierdzić żywotności (mimo rozmowy z kilkoma osobami) typu *bodzicha*, *kopicha*, *bielicha*, *pyskolicha* czy po części też: *granicha*. Sytuacja taka nie jest już zaskoczeniem – podobne uwarunkowania (z nieco innym natężeniem) obserwowaliśmy bowiem w kontaktach polsko-niemieckich w Wielkopolsce. Tu bowiem oddziałuje „ruskość” szeroko – mimo wszystko – wykorzystywanej przez sąsiadów części słowotwórczej.

Podobną reakcję – „odsunięcie” od języka-dawcy – zauważamy analizując rozprzestrzenienie (ale i żywotność) innych nazw z częstką **-ch-**: formant **-ucha** i typ *młoducha* ‘panna młoda’. Tu też w pasie bezpośredniego językowego kontaktu polsko-ukraińskiego dominuje typ „polski”: *panna młoda*, *pani młoda* [Sierociuk 2010]. Charakterystyczne, że *młoducha* była w przeszłości notowana na znacznych obszarach rdzennych gwar polskich (Polski centralnej, także południowego Śląska); tym wyrazicielem uzewnętrznia się zależność będąca tematem niniejszego szkicu.

Inny typ relacji prezentują niektóre lubelskie nazwy określające ‘człowieka, który nie słyszy, który jest głuchy’, kontynuujące przejęty z ukraińskiego typ *глушман*. Rozprzestrzenienie tego typu atrybutywnego po stronie „dawcy” ukazuje na mapie nr 141. Атлас української мови [АУМ 1988] – Суфікси іменника *глушман*.

Szerzej materiał ten przedstawiłem w innym miejscu [Sierociuk 2010], tu zatem ograniczę się do zaprezentowania konstatacji istotnych dla naszych rozważań. Pomijając inne – nieistotne dla naszych analiz – formy ukraińskie należy wspomnieć o wariantowości fonetycznej źródła ukraińskiego: *глушман* i *глухман*, które po stronie polskiej mają też swoje kontynuanty. Najważniejsze jest jednak geograficzne rozprzestrzenienie lubelskich poświadczeń interesujących nas form; tu zaskakuje typ *gluchman*, który wedle atlasu ukraińskiego nie jest obecny na terenach bezpośredniego kontaktu z gwarami polskimi. O wiele jednak istotniejszy jest brak tych ukrainizmów w miejscowościach o najwyższych (w przeszłości, także współcześnie) kontaktach polsko-ukraińskich.

Wydaje się, że typ *gluchman* względną żywotność w pasie gwar wschodniolubelskich „zawdzięcza” nazwom typu *furman* oraz – przede wszystkim – *gluchy*. Ta zależność potwierdzana jest niejako w pojawiających się bardziej na zachód poświadczeniach typu:

gluchmelec zwierający żywą w polskich gwarach Lubelszczyzny częstkę **-elec**, obecną chociażby w: *gluchelec* (< *gluchy*), *dusielec* (< *dusić*), *nagielec* (< *nagi*), *potopielec* (< *potopić*), *wątpielec* (< *wątpić*); zob. także prawie powszechnie notowane: *chudzielec* (< *chudy*), *rudzielec* (< *rudy*), *suchelec* (< *suchy*). Interesująca tu nas forma zawiera więc częstkę wchodzącą w związek z podstawami reprezentującymi dwie kategorie części mowy – przymiotnik i czasownik; nie mamy więc do czynienia z formantem o bardzo zawężonej „specjalizacji”;

gluchmol z **-ol** wchodzącym także w związek z podstawami przymiotnikowymi i czasownikowymi: *gluchol* (<*gluchy*), *chrapol* (<*chrapać*), *nagol* (<*nagi*), *pyskol* (<*py-skować*), *guzdrol* (<*guzdrać*). Użycia te reprezentują zasadniczo kategorię nazw atrybutywnych; mamy jednak i augmentativum *zębol* (<*ząb*);

gluchmaj z częstką **-aj** pojawiającą się chociażby także w atrybutywnym zasadniczo typie *chapaj* (<*chapać*);

gluchmas z często spotykanym **-as**, np. *głupas* (<*głupi*), *niemras* (<*niemrawy*), *grymas* (<*grymasić*), ponadto powszechne: *golas* (<*goły*), *brudas* (<*brud*, *brudzić*), *kulas* (<*kulawy*), *blondas* (<*blond*, *blondyn*).

Powyższe formy, oraz ich lokalizacja – istotna dla dociekań dialektologicznych, tu pominięta – stanowią dla oryginału niejako strefę jego „wygaszania”. Nowe derywaty dowodzą też żywotności procesu perintegracji charakteryzowanej przez Z.Klemensiewicza jako „przesunięcie granicy między pnieniem i formantem wskutek wtórnego rozkładu wyrazu na części morfologiczne, niezgodnego z pierwotnym, etymologicznie umotywowanym. Perintegracja ma swoje źródło w językowej świadomości mówiących, w której jedne wyrazy oddziałują na inne” [Klemensiewicz i in. 1965, 172-173].

Podsumowując ten wątek należy stwierdzić, że „charakterystyczna lokalizacja tych poświadczeń – najbardziej na zachód wysunięty pas formacji wywodzonych z zapożyczonego *gluszman* – dowodzi osłabienia tego, co moglibyśmy określić mianem wyrazistości kategoriajno-semantycznej konkretnej jednostki morfologicznej (słowotwórczej), w tym wypadku jako typu słowotwórczego. Podobne sytuacje zauważane były już przy opisie słowotwórstwa centralnej i zachodniej Lubelszczyzny [Sierociuk 1996, 53-69]. Nowe konstrukcje powstają na obrzeżach dominacji określonego typu słowotwórczego, bądź też w strefie ścierania się rywalizujących form; tu bowiem owa wyrazistość semantyczna (zwłaszcza) formantu w świadomości użytkowników języka podlega osłabieniu. Stwarza to dogodne warunki do osłabienia – lub nawet neutralizacji – niektórych funkcji semantycznych formantu (zasadniczo już zanikającego w sensie geograficznym), co zazwyczaj nie zdarza się na terenach położonych w centrum żywotności danego typu słowotwórczego. Przykładem ilustrującym ten proces jest pojawianie się typu *maślach* w pasie ścierania się dwu sąsiadujących w układzie geograficznym typów *maślak* i *maśluch*; dodatkowym potwierdzeniem funkcjonowania wskazywanej zależności jest obecność w tejże samej „strefie przejściowej” typu *maślach* [Sierociuk 1996, mapa 30.]” [Sierociuk 2010].

Zapożyczenia – jako zjawisko kulturowe – nie są obce gwarom, inna jest ich intensywność i charakterystyka formalna. Brak w tym środowisku internacjonalizmów w żadnym wypadku nie jest przejawem „niskiego poziomu intelektualnego”; na aktualnym etapie badań można stwierdzić, że jest to pochodne co najmniej dwu czynników: wystarczalność lokalnych środków językowych do wyrażenia podstawowej myśli – pojęcia pewnych kręgów „intelektualnych”, a z tym związane też słownictwo specjalistyczne – z natury obce są środowisku wiejskiemu; mówiony język mieszkańców wsi – także tradycyjna gwara – w niewielkim stopniu wykorzystuje nazwy zjawisk abstrakcyjnych; wydaje się, że – podobnie jak cała kultura wiejska – jest przy tym bardziej tradycyjny. Z drugiej strony – jak dowodzą rozpatrywane tu przykłady – może to być przejawem swoistej troski o czystość – rodziwość – lokalnego języka.

Pochodną oralnego charakteru gwar jest ograniczenie kontaktów językowych – i szeroko pojmowanych kulturowych – do najbliższego otoczenia; zapożyczenia zatem mogą być rezultatem li tylko kontaktów bezpośrednich z najbliższymi sąsiadami. Akceptacja oralnego charakteru tradycyjnego języka mieszkańców wsi – w zdecydowanej części swego rozwoju historycznego będących analfabetami – to jednocześnie zgoda na to, że w środowisku tym nie ma uzasadnienia dla typowych zapożyczeń języka ogólnego (z najbardziej aktualnym współcześnie zjawiskiem jego internacjonalizacji) dokonanych między innymi za pośrednictwem literatury (a więc tekstów pisanych). W tradycji dialektalnej taki typ kontaktów językowych nie był obecny. W tej sytuacji także i konstrukcje słowotwórcze muszą być specyficznie lokalne, wykluczające szeroki wachlarz wpływów obcych.

Literatura

1. АУМ 1988 – Атлас української мови, т. 2. – Київ 1988.
2. Gliszczyńska 2007 – Gliszczyńska A., Germanizmy leksykalne w *Atlasie języka i kultury ludowej Wielkopolski*, [w:] Gwary dziś. 4r. Konteksty dialektologii, pod red. J.Sierociuka, Poznań, s. 275-286.
3. Klemensiewicz i in. 1965 – Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbańczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego – Warszawa, 1965.
4. Kobus, Gliszczyńska 2006 – Kobus J., Gliszczyńska A., Funkcjonowanie germanizmów w języku mieszkańców wsi centralnej wielkopolski (na przykładzie Baranówka i Sowinek, powiat Poznań), „Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza” XIII, Poznań, s. 71-82.
5. Kowalska 1993 – Kowalska A., Mazowiecko-podlaskie zasięgi sufiksu *-icha* w nazwach pospolitych i własnych, [w:] Systemy onomastyczne w słowiańskich gwarach mieszanych i przejściowych, pod red. S.Warchoła, Lublin, s. 201-218.
6. Mieczkowska 2006 – Mieczkowska H., Derywacja a zjawisko zapożyczeń (na materiale językowym słowackim i polskim), „Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej”, 41, Warszawa, s.191-203.
7. Ong 1992 – Ong W.J., Oralność i piśmienność. Słowo poddane technologii, Lublin.
8. Przejawy 2009 – Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich, red. E.Koriatkowcewa, Siedlce.
9. Reichan 2000 – Reichan J., *Słownik gwar polskich* jako synteza polskiej leksykografii gwarowej, [w:] Słowiańskie słowniki gwarowe, pod red. H.Popowskiej-Taborskiej, Warszawa, s. 7-16.
10. SGP – Słownik gwar polskich, opracowany przez Pracownię (i Zakład) Dialektologii Polskiej IJP PAN w Krakowie. Źródła i t. I pod kierunkiem M.Karasia, t. II-V pod kierunkiem J.Reichana, t. VI-VII pod kierunkiem J.Okoniowej, Wrocław-Kraków 1977.
11. Sierociuk 1992 – Sierociuk J., Oboczność podstaw słowotwórczych i poświadczenia negatywne w badaniach słowotwórstwa gwarowego, „Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego”, t.XXXVI, Wrocław (za rok 1990), s.169-181.

12. Sierociuk 1999 – Sierociuk J., Formanty wschodniopolskie w gwarach Wielkopolski?, „Poznańskie Spotkania Językoznawcze”, t. V, cz. 2, pod red. Z.Krażyńskiej i Z.Zagórskiego, Poznań, s. 73-79;
13. Sierociuk 2001 – Sierociuk J., Założenia metodologiczne badań słowotwórstwa gwarowego, [w:] Gwary dziś. 1. Metodologia badań, pod red. J.Sierociuka, Poznań, s. 153-160.
14. Sierociuk 2003a – Sierociuk J., Założenia metodologiczne badań języka wsi, „Poznańskie Spotkania Językoznawcze”, t. XI, pod red. Z.Krażyńskiej i Z.Zagórskiego, Poznań, s. 131-136.
15. Sierociuk 2003b – Sierociuk J., Słowniki gwarowe a możliwości opisu gwarowego słowotwórstwa, [w:] Gwary dziś. 2. Regionalne słowniki i atlasy gwarowe, pod red. J.Sierociuka, Poznań, s.249-255.
16. Sierociuk 2007 – Sierociuk J., Swoistość słowotwórstwa gwarowego (wybrane problemy), „LingVaria” nr 1 (3), s. 115-125.
17. Sierociuk 2010 – Sierociuk J., Z problematyki zapożyczeń na polsko-ukraińskim pograniczu językowym, [w:] Діалектологічні студії. 9. Інтерференція та запозичення в діалектах, Львів [w druku].
18. Sławski 1974 – Sławski F., Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego, [w:] Słownik prasłowiański, t. I, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, s. 43-141.
19. Waszakowa 1992 – Waszakowa K., Zapozyczenia jako przedmiot badań słowotwórstwa synchronicznego, [w:] Z polskich studiów slawistycznych, seria VIII. Językoznawstwo, Warszawa, s. 255-261.
20. Zaręba 1983 – Zaręba A., Formy nazwisk żon i dzieci w dialektach języka polskiego (z mapą), [w:] A.Zaręba, Pisma polonistyczne i slawistyczne, Warszawa-Kraków, s. 500-569.

Єжи Сиротюк

МОВНА КОМПЕТЕНЦІЯ НОСІЇВ ГОВОРУ ТА ПРОБЛЕМА ЗАПОЗИЧЕНЬ

У статті увагу зосереджено на одному з аспектів міжетнічних (і почасти) внутрішньодіалектних контактів говорів. Аналізований матеріал походить з говорів польсько-українського порубіжжя – порубіжжя близьких мов, а також з Великої Польщі, з говорів, що довгий час перебували під впливом німецької мови.

Огляд словотворчих фактів дає підстави говорити про деякі закономірності: на територіях безпосередніх мовних контактів – там, де добре знають мову сусіда, – відбувається відторгнення чужих елементів; запозичення частіше засвідчено на теренах, віддалених від смуги безпосереднього мовного контакту. У такий спосіб починає діяти смуга «мовної чистоти», що як правило, збігається з етнічним рубежем.

Прикладом таких явищ може слугувати розмаїття назв «картоплі» у говорах Великої Польщі, Сілезії та південної Малої Польщі – інших, ніж однозначно ідентифікований як германізм *kartofel* – напр. *pyra*, *rzepka*, *bulwa* і т.ін.; *kartofel* ста-

новить основний складник лексики говорів з колишньої території, що перебувала під владою Росії. У свою чергу, сприймані як «українські» – попри часом значне поширення у польських говорах – назви типу *młoducha* ‘наречена’, деривати із суфіксом **-icha** (в різних семантичних категоріях), континуанти типу *gluszman* ‘той, хто є глухим’ – у говорах поясу безпосереднього польсько-українського контакту виявляють нульову активність або ж фіксовані спорадично.

Так, на заході, як і на сході – це стосується як лексики, так і словотворчих конструкцій – елементи, сприймані як чужі культурно (етнічно), не допущено до мови щоденного вжитку.

Irena Stramljič Breznik

(Oddelek za slovanske jezike in književnosti,
Filozofska fakulteta UM, Maribor, Slovenija)

RAZVOJNA DINAMIKA OBRAZIL ZA NOMINA AGENTIS V SLOVENSKEM JEZIKU OD KONCA 19. DO ZAČETKA 21. STOLETJA

0 Uvod

Tvorjenke s pomenom vršilca dejanja (nomina agentis) poimenujejo večinoma človeka, redkeje tudi žival, glede na podstavno glagolsko dejanje. Kot skupino jih določata kategorialni lastnosti živo in človeško, redko živalsko, z vidika spola pa so najpogostejše moškega (*govorec*), redkeje ženskega (*dojilja*) ali srednjega spola (*godrnjalo*). V slovenščini predstavljajo zelo produktivno in obrazilno raznoliko kategorijo tvorjenk, kar je odraz antropocentričnosti jezika.

V prispevku se bomo omejili zgolj na izpeljanke te pomenske skupine, saj v slovenščini še zmeraj veljajo za najproduktivnejšo besedotvorno vrsto [Stramljič Breznik 2004].

Na podlagi dveh slovarskih virov, to sta Pleteršnikov Slovensko-nemški slovar [PS 1894/95] in Slovar slovenskega knjižnega jezika [SSKJ 1998], je prikazana razvojna dinamika najproduktivnejših obrazil za slovenski jezik s konca 19. oz. srede 20. stoletja, ki bo omogočala ugotavljanje deleža skupnih in specifičnih obrazil s stališča zastaravajočega oz. novonastajajočega. Na podlagi tvorjenk iz aktulane jezikovne rabe, kot jih prinaša Novejša slovenska leksika v povezavi s spletnimi jezikovnimi viri [NSLSJV 2009], pa bo mogoče napovedovati kontinuiteto oz. morebitne nove obrazilne težnje omenjene pomenske kategorije izpeljank.

1 Tvorjenke s pomenom vršilca dejanja v Pleteršnikovem slovarju

1.0 Pleteršnikov *Slovensko-nemški slovar* [1894/95] s konca 19. stoletja je bil pomemben mejnik v razvoju slovenskega knjižnega jezika, saj je bil izraz ustalitve slovenskega jezika in potrditve, da je bila slovenščina sposobna izražanja vseh takratnih civilizacijskih dosežkov na tvorni in duhovni ravni. Slovar je imel namen predstaviti živo besedišče slovenskega jezika ob koncu 19. stoletja in hkrati zajeti tudi zgodovinsko leksiko iz del pomembnih avtorjev od 16. stoletja dalje [Vidovič Muha 1994: 99–100].

Zato ob izidu transliterirane in elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja leta 2006 ni presenetljiva ocena, da je to »zlata knjiga slovenskega besedja in slovenističnega slovaropisja«, saj so od konca 19. stoletja iz nje črpali vsi, ki so raziskovali slovenščino [Furlan 2006]. Tako Slovencem Pleteršnikov slovar s svojo izčrpno zbirko besedja nadomešča zgodovinski slovar, ker dokumentira čas in vir pojavitve posameznih besed, hkrati pa je uporaben tudi kot največji slovenski dialektološki slovar, ki ima v svojo strukturo vgrajene tudi prvine etimološkega slovarja.

Z novo izdajo so bile odpravljene tri pomembne ovire, ki so omejevale širšo uporabo tega nadvse dragocenega slovarja, to so: (1) dostop do knjižne izdaje, ki jo je bilo doslej težko najti celo v antikvariatih; (2) zapis v gotici, ki je nadomeščen z latinico; (3) knjižni verziji se je pridružila še elektronska oblika slovarja, nad katero se vse bolj navdušujejo sodobni uporabniki.

1.1 Vse omenjene prednosti so bile dodobra izkoriščene tudi v pričujoči raziskavi, ki se omejuje na obrazilno najproduktivnejše tvorjenke s pomenom vršilca dejanja. V ta namen je bilo natančno pregledano gradivo prve knjige od A do O, ki obsega polovico, tj. skoraj 50 000 iztočnic celotnega slovarja. Kategorija vršilca dejanja v tem gradivu predstavlja približno 2,1-odstotni delež.

1.2 Zbrano gradivo (1060 tvorjenk) kaže, da se v razponu med 334 in 9 pojavitvami pojavlja dvanajst obrazil, razvrščenih po pogostnosti: *-avec* > *-ač* > *-nik* > *-ec* > *-ivec* > *-itelj* > *-ar* > *-alo* > *-ež* > *-atelj* > *-ič* > *-uh*.

1.2.1 Obrazilo *-avec* je z 31,5 odstotki tvorbe najrodnejše obrazilo te skupine. Že Bajec [1950 I: 110] je navajal, da Pleteršnik vsa ta imena dosledno piše z *-vec*, saj pomenijo v sedanosti delujoče osebe in ne zaznamujejo pretekle dejavnosti, kot je menil Breznik [1934: 168], da gre za tvorbo iz deležnika na *-l*. Večini tvorjenk predstavljajo podstavo glagoli na

-(ati/am): *baglavec, barantavec, cmigavec, čečkavec, divjavec, frfravec, grabljavec, izbiravec, izganjavec, jadracec, kartavec, lajnavec, legavec, lukavec, megetavec, menjavec, nabiravec, obračavec, oddavec, okrevicec, oponašavec, oprezavec, ožemavec*; -(ati/em): *dajavec, iskavec, jemavec, metavec, oravec*; -(ati/im): *hreščavec*; -(ovati/ujem): *dokazovavec, dopisovavec, glasovavec, izbrisovavec, kesnovavec, mešetovavec, načrtovavec, občudovavec, obiskovavec, oškodovavec*; -(evati/ujem): *bičevavec, hiševavec, izročevavec, kočevavec, maščevavec, nadaljevavec, norčevavec, oblaževavec, ocenjevavec, odločevavec, olepševavec*.

1.2.2 Delež naslednjega najrodnejšega obrazila *-ač* se glede na primere prepolovi (16,7 %).

Glavnino podstav predstavljajo glagoli na -(ati/am): *avdrač, baslač, cmokač, čebljač, dajač, donašlač, frfrljač, glodač, goljufač, hihitač, hujskač, igrač, jadrač, kazač, lajač, lizač, mešač, nadzirač, nasipač, odbirač, odirač, opominjač, ožemač*; -(ovati/ujem): *kovač*; -(V-ti/em):¹ *berač, brijač*; -(iti/im): *blodač, brusač, glumač, gnezdač, hodač, krmač, krojač, nosač*; -(ati/em): *brisač, mazač*; -(C-ti/em): *klač, koljač*.

Delež tvorjenk, ki ima danes v sodobnem jeziku večinoma nežive glagole (npr. *česati* 'česati (volno)', *degmati* 'prepirati, pričkati se', *drapati* 'praskati', *gatati* 'prerokovati'), se pogosto povečuje tudi na račun vzporedne tvorbe iz trajnega nedovršnega in ponavljane nedovršnega glagola, npr. (*bičavec* – *bičevavec*; *izkušavec* – *izkuševavec*; *izmišljavec* – *izmišljevavec*) ali iz nedovršnega in dovršnega (*obdarjavec*, *obdarjevavec* – *obdarovavec*). Lahko pa gre tudi za več različič podstavnih glagolov (npr. *kamenati* – *kamenjati* – *kamenovati*), ki rezultirajo v ustreznih tvorjenkah (npr. *kamenavec* – *kamenjavec* – *kamenovavec*). Zanimivo je, da Pleteršnik navaja še glagol *jedati* in tvorjenko *jedavec*, v sodobni slovenščini pa je živ le glagol *jesti* in tvorjenka *jedec* oz. le predponjene oblike prvega, npr. *najedati*, *odjedati* ipd.

1.2.3 Z manj kot dvanajstimi odstotki (11,6 %) je zastopano obrazilo *-nik*. Že Bajec [1950 I: 89] je menil, da se je obrazilo popolnoma osamosvojilo in je predvsem tipično za izsamostalniško tvorbo, za razmeroma redke pa šteje tvorbe iz glagolov,

¹ Oznaka V-ti oz. C-ti pomeni, da se glagolski koren v nedoločniku končuje na samoglasnik (vokal) oz. soglasnik (konzont).

saj je v veliki meri mogoče izhajati ali iz samostalniške ali iz pridevniške podstave. Razlikovalno merilo, opisano pri tvorjenkah sodobnega jezika (2.2.3), je upoštevano tudi pri razvrstitvi tvorjenk v Pleteršnikovem slovarju. Kaže, da tovrstne tvorjenke le niso tako redke, saj je glede na njihov slovarski pomen ustrezno izhajati iz glagolskih podstav pri naslednjih: *-(ati/am): coprnik, izdajnik, mantrnik, mešetnik; -(ati/em): izkaznik; -(eti/im): beležnik, naletnik, oskrbnik;*

-(ovati/ujem): otrovnik; -(evati/ujem): bojevnik; -(iti/im): brusnik, budnik, celnik, črtnik, delnik, gnezdnik, gradnik, izgubnik, izložnik, izročnik, izumnik, jezdnik, krojnik, krstnik, laznik, naložnik, naročnik, obljubnik, obsodnik, odgojnik, odstopnik, opravnik, osvetnik, osvobodnik, ovadnik; -(V-ti/em): kletnik; -(C-ti/em): kradnik, molznik, napadnik.

1.2.4 Četrto rodnejše obrazilo s 7,2-odstotnim deležem je *-ec*. Tvorjenke nastajajo iz glagolov: *-(ati/am): bajec, bivec, blebetalec, čakec, goljufec, hlipec, klepetec, krikec, lajnec, ogledec, otimec; -(ati/em): jemec, kopec, mazec; -(ati/im): ležec, obležec; -(ovati/ujem): kovec; -(iti/im): borec, brusec, doselec, glumec, gonec, hlinec, hvalec, izselec, jezdec, kosec, krmec, lovec, mlatec, molec, nosec, odkupec; -(C-ti/em): dolbec, gnetec, godec, iznajdec, jedec, kradeč, lezec, , molzec, najdec; -(V-ti/em): berec, bijec.*

1.2.5 S 6,7 % tvorjenk je zastopano obrazilo *-ivec*, ki nastopa v glavnem iz glagolskih podstav na *-(iti/im)* in tako zaokrožuje najproduktivnejšo obrazilo za vršilca dejanja v 19. stoletju, tj. *-vec*, saj obrazili *-(a/i)vec* skupno predstavljata 38,2 % tvorbe. Zabeležene so tvorjenke, kot so npr.: *belivec, blodivec, budivec, cenivec, častivec, davivec, dolživec, gasivec, glušivec, grdivec, hulivec, izročivec, jadrivec, kadivec, krmivec, kvarivec, leptivec, luživec, mamivec, mlativec, netivec, nosivec, oskrunivec.*

1.2.6 Obrazilo *-itelj* (6,6 %) prav tako nastaja iz glagolov na *-(iti/im)*. Izpostavili bomo zgolj tiste tvorjenke, ki jih v SSKJ danes ne najdemo: *batritelj, batrivitelj, bivatelj, blažitelj, cenitelj, čistitelj, čitatelj, gasitelj, gonitelj, grozitelj, hladitelj, imatelj, imenovatelj, imetelj, izdavatelj, izkusitelj, izložitelj, izopačitelj, izporočitelj, izpreobrnitelj, izprevoditelj, kaznitelj, kratitelj, ločitelj, mestitelj, mislitelj, mlatitelj, moritelj, nadaritelj, nastavitelj, navzvestitelj, nazvestitelj, obdolžitelj, obranitelj, odhranitelj, odkupitelj, odpravitelj, odpustitelj, odrešitelj, odvrnitelj, oglasitelj, ogovoritelj, ohranitelj, opravitelj, oskrunitelj, osloboditelj, osvetitelj in oživitelj.*

1.2.7 S 5,7 odstotki se obrazilo *-ar* razvršča na sedmo mesto. Zajema več glagolskih tipov: *-(ati/am): bičar, bobnar, brusar, čačkar, čikar, dremar, goslar, guglar, hvallisar, jahar, lajhar, malar, očitar; -(iti/im): glumar, kremžar, lazar, loščar, motovilar; -(ati/em): klicar, mazar, oklicar; -(ati/im): kričar; -(ovati/ujem): kovar, otrovar.*

1.2.8 Tvorjenke z obrazilom *-alo* (4,5 %), ki nastajajo iz glagolov na *-(ati/am)*, so stilno nevtrale le v primeru, če izražajo sredstvo ali orodje, medtem ko imajo tvorjenke s pomenom vršilca dejanja izrazito slabšalni pomen. V nadaljevanju so zbrani primeri, ki jih je opazno veliko in poimenujejo človeka, ki slabo, nepomembno, prazno, nejevoljno ali kako drugače nenavadno govori: *beleštralo, blebetalo, brbralo, brbotalo, čeljustalo, devetkalo, gobezdalo, gondralo, javkalo, jecalo, jezikalo, jezikovalo, klafalo, klepetalo, kričalo, lajalo, mrmralo, nergalo, očitalo.*

1.2.9 Zagotovo tudi obrazilo *-ež* daje negativno konotacijo naslednjim tvorjenkam, še zlasti, če obstajajo istopodstavne z drugim obrazilom, npr. (*dvomivec – dvomež*), sicer se pa tudi družijo z zaznamovanimi glagolskimi podstavami, ki kažejo neko ne-

zaželeno dejanje, npr. *blodež, brbljež, burež, burkež, čamež, derež, dvomež, gnjavež, grabež, hulež, jedež, klamoterež, kujež, kvarež, lajdrež, lupež, motovilež, mudež*.

1.2.10 Z obrazilom *-atelj* redkeje nastopajo tvorjenke s pomenom vršilca dejanja, in to večinoma iz glagolov *-(ati/am): čitatelj, izdajatelj, končatelj, laskatelj, nabiratelj, oddajatelj, odpošiljatelj, osvajatelj; -(ati/em): opisatelj; -(ovati/ujem): imenovatelj, izsledovatelj, obdelovatelj, opisovatelj; -(evati/ujem): izobraževatelj, izpraševatelj, odgojevatelj*. Obrazilo

-telj tako predstavlja skupno 9-odstotni delež tvorbe v obdelanem gradivu Pleteršnikovega slovarja.

1.2.11 S komaj odstotnim deležem tvorjenk obrazilo *-ič* kaže, da je netpično za vršilca dejanja. Med tvorjenkami zasledimo naslednje: *berič, birič, frfolič, gonič, grabljíč, jezdič, kadič, kurič, mamič, mlatič, molzič, ostrič*.

1.2.12 Z manj kot odstotkom tvorbe pa je zastopano tudi obrazili *-uh* (0,9 %): *beračuh, beruh, cepetuh, deruh, dremuh, jeduh, klamoteruh, klepetuh, oderuh, ogleduh, opazuh, osleduh in ovaduh*. Tvorjenke so praktično vse slabšalnice.

2 Tvorjenke s pomenom vršilca dejanja v SSKJ

2.0 Z gradivnega stališča prinaša SSKJ, katerega prva knjiga je izšla leta 1970, zadnja, peta, pa 1991, leksiko (besede, zveze) in prikaz njene rabe, kakor se kaže v sodobnem slovenskem knjižnem jeziku, to je v obdobju od začetka tega stoletja do 1969 oziroma do leta izida posamezne knjige. Obsega vse bistvene prvine knjižnega jezika: leposlovni, znanstveni, publicistični, časopisni, pogovorni jezik, terminološko, žargonsko in narečno besedišče.

2.1 Podrobnejša raziskava tvorjenk s pomenom vršilca dejanja v sodobnem slovenskem jeziku [Stramljič Breznik 1992] na gradivu SSKJ od A do H je pokazala, da za moškospolske tvorjenke nastopa več kot štirideset različnih obrazil, kar kaže na veliko morfemsko razpršenost. Vendar je dovolj zgovoren podatek, da prvih devet najproduktivnejših obrazil predstavlja več kot polovico (55,9 %) vseh tvorjenk. Med najrodnejšimi so bila: *-ač* (12,6 %), *-ilec* (8,8 %), *-ator* (6 %), *-alec* (5,7 %), *-ar* (5,5 %), *-er* (4,9 %), *-ant* (4,4 %), *-itelj* (4,1 %) in *-ec* (3,8 %). Možnost elektronskega pregledovanja slovarskega gradiva, ki je bila omogočena šele z izdajo SSKJ na zgoščenci v letu 1998, pa je pokazala, da ročno izpisano gradivo iz prve od petih knjig slovarja ne predstavlja reprezentativnega vzorca, na podlagi katerega bi bilo mogoče izpeljati relevantne posplošitve. Tak pomislek je potrdil pregled tvorjenk z obrazilom *-ač*, ki se je pokazalo kot najproduktivnejše, vendar je med njimi glede na slovarske oznake le malo stilno nezaznamovanih: *berač*¹ 'kdor prosi, pobira miloščino', *boksač, brenkač, bruslač, dirkač, dvigač, držač, grabljač*. S tega vidika je logična ocena, da tvorjenke s tako visokim deležem zaznamovanosti ne morejo biti najproduktivnejši tip pomenske kategorije. To prevladujočo zanamovanost nazorno kažejo naslednje skupine. Kot redke so označene tvorjenke: *branač, drsač, dobavljač; basač, glumač* in *gostač* so časovno zaznamovane ter *capljač* ekspresivno. Izpeljanke, ki so slabšalne, so: *bahač, barantač, bevskač, blebetač, brbljač, brskač, cmokač, čebljač, čečkač, čeljustač, čenčač, česnač, čivkač, čvekač, devetkač, drekač, dirjač, fračkač, garač, godrnjač, gobezdač, gofljač, goltač, gondrač, govorač, hajkač in hujskač*.

2.2 Iskanje ustreznih tvorjenk v elektronski verziji po različnih morfemih s kombiniranimi iskalnimi pogoji tipa *moški, ki* in *kdor*² po gradivu od A do Ž kaže spremenjeno zaporedje obrazil, ki je gotovo statistično relevantnejše, saj vključuje besedje vseh petih knjig. V razponu med 387 in 11 pojavitvami se tako pojavlja naslednjih dvanajst obrazil: *-alec* > *-ač* > *-nik* > *-ilec* > *-ator* > *-itelj* > *-ar* > *-êr* > *-ec* > *-atelj* > *-ež* > *-alo*. Z njimi je skupno tvorjenih 1035 tvorjenk in na podlagi tega je tudi ocenjen tvorbeni delež posameznega obrazila.

2.2.1 Obrazilo *-alec* velja za najrodnejše obrazilo tvorjenk (34,5 %), ki nastajajo iz glagolskih podstav na *-(ati/am)*: *branatalec, čakalec, drsalec, dirjalec, poznavalec, spoznavalec, uravnavalec*; *-(ati/-em)*: *gibalec*; *-(V-ti/-em)*: *bralec*; *-(ovati/-ujem)*: *izpisovalec, kaznovalec, modrovalc* in *-(evati/-ujem)*: *dopolnjevalec, jamčevalec, obveščevalec, razmnoževalec, zastrupljevalec*. Visoka produktivnost ni presenetljiva, saj je tudi delež glagolov z izglasjem na *-ati* v SSKJ okrog 64-odstoten.

Precejšen delež takih tvorjenk je označenih s kvalifikatorjem knjižno (*dojemalec, gibalec, opominjevalec, polaščevalec, razglaševalec*), starinsko pa so večinoma označeni drugi pomeni, kot npr. pri *kupčevalec* za pomen 'trgovce', *dopisovalec* 'dopisnik', *nabiralec* 'zbiralec'. Le v prvem pomenu tudi *pisalec* za 'pisatelj, pisec', *ponarejalec* za 'ponarejevalec', *preklinjalec* za 'preklinjevalec' in *zmagalec* za 'zmagovalec', kar kaže, da je pri slednjih pogostejša tvorba iz glagolov z nedoločniško obliko na *-ovati*.

2.2.2 Kot je bilo že omenjeno, je obrazilo *-ač* zelo pogosto, a šele drugo najrodnejše te pomenske skupine. Delež tvorjenk je v primerjavi z *-alec* več kot prepolovljen (14,9 %). Tvorjenke so večinoma stilno zaznamovane kot ekspresivne (*ploskač, pohajkovač, popivač, pretepač, skrivač*), nekaj je knjižnih (*lovač* 'razuzdanec', *nastopač* 'domišljavec', *pobijač* 'pobijalec', *postajač* 'postopač') ali starinskih (*preklinjač* 'preklinjevalec', *strugač* 'strugar', *vohač* 'vohun' ipd.).

2.2.3 Tvorjenke z izglasjem na *-nik* lahko v sodobni slovenščini nastopajo s pomenom nosilca lastnosti (izpridevniška tvorba: *nesrečn-ik*), opravkarja (izsamostalniška tvorba: *dopust-nik*) in slednjič tudi vršilca dejanja. Zlasti težko je razlikovati med kategorijama izpridevniške oz. izglagolske tvorbe. Pri tem se držimo merila, da za izpridevniško tvorbo štejemo tiste primere, pri katerih obstaja ustrezn pridevnik na *-en* (*grešen*, zato *grešn-ik* < *tisti, ki je grešen*), za izglagolsko pa tiste, kjer tak pridevnik ni potrjen ali pa glede na pomen tvorjenke ni primeren kot pomensko izhodišče (npr. **zdraven*, zato *zdrav-nik* < *tisti ki zdravi*). V to skupino z 9,4-odstotnim deležem torej sodijo še zgledi, kot so: *govornik, molznik, naročnik, oglednik, paznik, porabnik, poveljnik, prestopnik, pritožnik, vplačnik, založnik, zastopnik, zdravnik, zagovornik*, ki jih je mogoče razložiti le na podlagi glagolskega pomena, saj pogosto zaznamujejo poklicno ali drugo aktivnost oseb.

2.2.4 S 6,9 odstotki je zastopano obrazilo *-ilec*, ki ima v podstavi glagole na *-(iti/im)*: *branilec, cenilec, čistilec, davilec, gasilec, gnezdilec, izvršilec, kadilec, krotilec, lomilec, merilec, mučilec, nosilec, ostrilec, plazilec, plenilec, polnilec, prosilec, rotilec*,

² SSKJ ima za tovrstne tvorjenke različne slovanske definicije, npr. boksar razlaga kot 'športnik, ki goji boks'; kockar 'igralec, ki kocka'; brbljač 'moški, ki govori mnogo in nepomembne stvari' proti citrar 'kdor igra na citre'; jodlar 'kdor jodla'. Izmed navedenih primerov je le zadnja definicija besedotvorna, zato je iskanje precej oteženo.

sadilec, storilec, škrobilec, škropilec, točilec, tožilec, varilec, vršilec, zdravilec, žarilec. Obrazilo *-ilec* pa v slovenščini tudi dobijo izglagolske tvorjenke, katerih glagol se konča na soglasnik, torej tip *-(C-ti/em)*, kot kažeta tvorjenki *gnetilec, pletilec*. V Besedišču slovenskega jezika [BSJ 1998], v katerem so zbrane besede, ki niso bile vključene v SSKJ, pa najdemo še tvorjenki *dolbilec, jedilec*.

2.2.5 Na petem mestu po pogostosti se pojavi obrazilo *-ator* (6,5 %), ki je v slovenščini nedvomno prevzeto, njegove podstave so namreč glagoli na *-(irati/-iram)*: *animator, civilizator, deklamator, eksperimentator, falzifikator, glosator, harmonizator, ilustrator, interpretator, klasifikator, komentator, koordinator, likvidator, mistifikator, molarizator, navigator, okupator, popularizator, provokator, racionalizator, recitator, stimulator, testator¹, verzifikator, vulgarizator*.

2.2.6 Z nekoliko nižjim odstotkom pojavitve (6,3 %) nastopa obrazilo *-itelj*. To obrazilo je v starejših slovnica [Janežič 1906: 127 in Breznik 1934: 164] kot tudi v slovenski monografski predstavitvi besedotvorja 20. stoletja [Bajec 1950 I: 37] omenjeno še kot zelo rodno obrazilo. Na podlagi podatkov iz SSKJ je mogoče sklepati, da za sodobno slovenščino ni več tako produktivno, saj delež tvorjenk na *-(a/i)itelj* skupaj znaša le 8,1 %, a to je v primerjavi s produktivnostjo obrazil *-(a/i)lec*, ki imata skupno 41,4-odstotni delež, zelo malo. Tvorjenke na *-itelj* nastajajo iz glagolov na *-(iti/im)*: *branitelj, častitelj, davitelj, gojitelj, graditelj, hranitelj^{1,2}, iznajditelj, izumitelj, krotitelj, kršitelj, ljubitelj, miritelj, mučitelj, naročitelj, obnovitelj, odkritelj, poslovenitelj, posvojitelj, prijavitelj, rešitelj, sklenitelj, tožitelj, učitelj, uprizoritelj, utemeljitelj, voditelj, vzgojitelj, zastavitelj, žlahtnitelj*. Zanimivo je, da je 65 % vseh tvorjenk zaznamovanih, in to knjižno (41,5 %). To pomeni, da se beseda rabi zlasti v leposlovju ali pa znanstvenem jeziku, v pogovornem pa zveni nenavadno (npr. *dovršitelj, mojstritelj, pazitelj, preporoditelj, sprožitelj, zgraditelj* ipd.), 23 odstotkov pa je zastarelih, tj. takih, ki so bile nekoč rabljene, danes pa so v knjižnem jeziku mrtve (npr. *boritelj, izvestitelj, odgojitelj, tvoritelj*).

2.2.7 Na sedmo mesto se uvršča obrazilo *-ar*, ki je tudi večfunkcijsko. Raziskava [Stramljič Breznik 1994/95] je pokazala, da je to najproduktivnejše obrazilo pri izsamostalniških tvorjenkah s pomenom opravkarja, sledi pomenska skupina vršilec, zelo redkokdaj pa obrazilo nastopa za pomen nosilca lastnosti, npr. iz zložene pridevniške podstave *dolgodlak > dolgodlak-ar*. Bajec [1950 I: 25] ga je opredelil kot izvorno tuje obrazilo, ki pa je postalo zelo rodno ob domačih podstavah, tako da se je občutek prevzetosti že zabrisal. Izpeljanke pogosto nastajajo iz glagolske podstave na *-(ati/am)*: *balinar, barvar, bobnar, elkar, grebenar, klepar, sanjar, vladar, zidar*; lahko pa tudi iz *-(irati/iram)*: *betonar, cementar*; *-(ati/em)*: *tesar*; *-(iti/im)*: *krmar, slepar, vozar*. Isti avtor pa je opozoril, da imajo tvorjenke iz samostalnikov na *-ar*, tj. opravkarji, precejšno tvorbeno sposobnost za ustvarjanje novih glagolov, npr. *čebela > čebel-ar > čebelariti*, podobno še: *drvariti, mesariti, gospodariti* ipd.

2.2.8 Za prevzeto obrazilo velja tudi *-êr*, ki ima v podstavah sploh samo glagole na *-(irati/iram)*: *adapter, aranžer, asfalter, bankroter, blefer, dezenter, fasader, frizer, graver, hipnotizer, kaskader, kašer, kolporter, konstrukter, lanser, magnetizer, masker, monter, narkotizer, plakater, retušer, rezoner, simpatizer, sufler, šarmer, taktizer, traser, trener, volonter, vulkanizer, žongler*.

2.2.9 Tvorbeno sicer zelo rodno obrazilo v slovenščini, ki pa je tudi večfunkcijsko, saj se z njim tvorijo npr. pomenske skupine opravkarja (*celinec*), nosilca lastnosti (*hotljivec*),

manjšalnice (*stolec*) idr., na kar je opozoril že Toporišič [1981: 99], ni zelo produktivno za vršilce dejanja. Predstavlja 4,1-odstotni delež in ga določajo naslednje tvorjenke iz glagolov

-(ati/am): *bebec, plávec², strelec*; -(ati/im): *bežec, spalec*; -(ati/em): *pralec, rezec*;

-(ovati/ujem): *trgovec*; -(eti/im): *videc*; -(iti/im): *borec, govorec, hodec, rejec, stavec*;

-(C-ti/em): *dolbec, gnetec, godec, prejec, vedec*.

2.2.10 Iz glagolov na -(ati/am) so očitno redkejše tvorjenke z *-atelj* (*čitatelj, dvigatelj, izdajatelj, nabiratelj, nadziralatelj, pošiljatelj, poznavatelj, ravanatelj, skladatelj, slušatelj, vlagatelj, zbiratelj*). Še manj jih je iz glagolov na -(ovati/ujem): *darovatelj, izdelovatelj, nadaljevatelj, nasnovatelj, oblikovatelj, zasnovatelj*; -(evati/ujem): *oboževatelj, pospeševatelj* ali -(ati/em): *iskatelj, izklicatelj, pisatelj*, ki dosegajo le 1,8-odstotni delež. Opozoriti velja na že omenjeno dejstvo, da je v slovenščini večji delež glagolov na -ati kot -iti, a delež tvorjenk z obrazili *-(a/i)telj* kaže ravno obratno sliko, tj. manjši delež tvorjenk z *-atelj* kot z *-itelj*. To samo utrjuje upravičen sklep, da tvorbeno moč tega obrazila v sodobni slovenščini usiha, saj se v večjem deležu ohranja pri količinsko manjši množici glagolov.

2.2.11 Obrazilo *-ež* predstavlja 1,5-odstotni delež tvorbe, kar kaže, da ni tipično obrazilo pomenske skupine vršilca dejanja. Iz glagolov na -(ati/am) so: *brbljež, drpalež, pumpež*; -(iti/im): *burež, gulež, hlinež, hvalež, klatež, lomastež, pilež, rogovilež, štulež, tulež, ustež*; -(C-ti/em): *pojedež, vedež*.

2.2.12 Med zadnje obrazilo, ki predstavlja komaj 1,1 odstotek tvorbe, se uvršča srednjepolsko obrazilo *-alo*. Skupna značilnost tvorjenk je, da imajo izrazito slabšalni prizvok. Vir te konotacije je dvoj: (1) tako zaznamovana je lahko že glagolska podstava, npr.: *gobezdati* za 'veliko, predrzno govoriti', *klopotati* za 'govoriti, pripovedovati'; (2) srednjepolsko obrazilo *-alo* je za poimenovanje osebe moškega ali ženskega spola samo po sebi nosilec stilnega naboja. Pri tvorjenkah s pomenom vršilca dejanja tako prihaja do obojega učinkovanja. Podstavno nastajajo iz glagolov -(ati/am): *cepetalo, gobezdalo, hacalo, klepetalo, klopotalo, mahedralo, ropotalo, zijalo, žužnjalo*; -(ati/im): *vreščalo* in -(ati/em): *dremalo*.

3 Tvorjenke s pomenom vršilca dejanja v NSLSJV

3.0 Leksikalna zbirka *Novejša slovenska leksika (v povezavi s spletnimi jezikovnimi viri)* je nastala kot rezultat projektno usmerjene raziskave Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU, ki si po izdelavi SSKJ prizadeva za kontinuirano spremljanje novjših leksikalnih pojavov in prikaz leksikalnega sveta sodobne slovenščine. S tem zbirka novejša leksike predstavlja tudi osnovo za novi razlagalni slovar slovenskega jezika. Iz Spremne besede [Žele 2009: 7] in obsežnega uvodnega elaborata [Gložančev 2009: 9–35] lahko razberemo, da je zajeta novejša, tj. tista leksika, ki se je v slovenščini pojavila oz. uveljavila v obdobju približno zadnjih dvajsetih let in še ni bila obravnavana v SSKJ. Torej gre za leksiko, ki je sorazmerno frekventna v aktivni širši rabi, v različnih socialnih in funkcijskih zvrsteh oz. se povprečni govorec/bralec z njo lahko pogosto sreča vsaj pasivno, hkrati pa njen obstoj kažejo ustrezne besedilne potrditve v virih.

3.1 S stališča generiranja avtorji v grobem ločijo naslednjih deset skupin novejšje slovenske leksike.³ Le-ta je rezultat: (1) poimenovalne potrebe, pri tem je tvorjen nov izraz (npr. *klonirati*) ali je na novo opomenjen star izraz (*ježek* 'zapenjalo; frizura'); (2) globalizacijskih (npr. prevzemanje tujejezičnih prvin: *catering/katering/ketering*) ali medkulturnih povezav (besedje za označevanje prvin iz drugih kultur: *feng šu, liči*); (3) slovenskih ustreznice za prevzeto leksiko (*medmrežje* za *internet*); (4) determinologizacijskih pojavov (npr. *genom, forenzik*); (5) novejšje tvorbe iz leksike, zajete v SSKJ (*aferaštvo* < *afera* (SSKJ)); (6) reaktualizacije zaradi družbeno-gospodarskih sprememb (*borzništvo*); (7) poobčnobesedenja lastnih imen (*barbika* – *Barbika, vanish* – *Vanish*); (8) pisnih realizacij govornih kratičnih oblik in tvorjenk iz njih (*CD* > *cede* > *cedejka*); (9) močnega frekvenčnega porasta sicer že ustaljene leksike (npr. tvorjenke na *-ost* (*urbanost*); *-stvo* (*fasaderstvo*) ali tvorba feminativov (*brihtnica, galeristka, koncesionarka*) ipd.; (10) manjše systemske prilagoditve, npr. pisanje skupaj (*alufolija* – *alu folija* (SSKJ)), zapis z j (*olimpijada* – *olimpiada* (SSKJ)), zapis z malo začetnico (*parkinsonov* – *Parkinsonov* (SSKJ)) ipd., ki tvori le t. i. potencialno novejšjo leksiko.

Leksikogramski seznam obsega od A do Ž po vertikalnem in horizontalnem zaporedju razporejenih okrog 15 900 (eno- in večbesednih) enot, od tega 7600 enobesednih leksemov. Izmed slednjih so bile za potrebe pričujoče raziskave najprej izpisane vse besede, ki bi po presoji avtorice lahko ustrezale kategoriji izpeljank s pomenom vršilca, in nato še dodatno preverjene v gradivni zbirki Inštituta za slovenski jezik.⁴

3.2 Prva presenetljiva ugotovitev je, da je med novejšjo slovensko leksiko zelo malo tvorjenk iz glagolov, ki zaznamuje delujoče bitje. Skupno nastopa trinajst obrazil s pojavitvami med 21 in 1. Po pogostnosti pa je slika naslednja: *-alec* > *-er* > *-ator* > *-ar* > *-nik* > *-ilec/-itelj/-or* >

-ec/-atelj/-ant/-ist/-aš. To pomeni, da so tri obrazila zastopana s po dvema tvorjenkama in zadnjih pet le s po eno.

3.2.1 Po pogostnosti je na prvem mestu obrazilo *-alec*, ki dosega skoraj 28-odstotni delež. Prevladujejo tvorjenke iz glagolov na *-(ati/am)*: *brskalec, bruhalec, izganjalec, javljalec, klepetalec, odganjalec, vnašalec, vzpenjalec*; *-(ovati/-ujem)*: *počitnikovalec, silvestrovalec, ubesedovalec*; *-(evati/ujem)*: *odločevalec, onaglaševalec, oponaševalec, ozvočevalec, pritoževalec*; in iz *-(irati/iram)*: *eksperimentalec*. Zunaj vira smo našli še dve novejšji tvorjenki, to sta *obdarovalec* in *posvojevalec*.

3.2.2 V novejšji leksiki postaja opazno prevzemanje tvorjenk na *-er*, saj se prav pri njih v variantah najočitneje kaže različna stopnja prilagojenosti: *boarder/border, builder/bilder, designer/dizajner, diler/dealer, emailer, fajter/fighter, fantazer, interpreter, raper/rapper/reper, kritizer, pavzer, privatizer, raver/rejver, skater/skejter/skejtar* in *žurer*. V izpisanem gradivu tovrstne tvorjenke predstavljajo 22,7-odstotni delež.

3.2.3 Kot tretje rodnejše obrazilo (17,3 %) nastopa *-ator* ob glagolskih podstavah na *-(irati/iram)*: *deložator, donator, eliminator, evangelizator, grebator, lustrator, medikator, motivator, privatizator, tetovator, verifikator*. Tvorjenki *animator* 'vodja kake

³ Tipični zgled je izbor avtorice iz v publikaciji navedenih številnejših primerov.

⁴ Avtorica raziskave ni razpolagala s pomeni ali besedilnim okoljem tvorjenk, zato je ustreznost izpisanih in po obrazilih razporejenih seznamov izpeljank s pomenom vršilca dejanja natančno pregledala in po potrebi še dopolnila mag. Alenka Gložančev, soavtorica NSLSJV, za kar se ji lepo zahvaljujem.

dejavnosti' in *manipulator* 'preračunljivec' pa sta glede na SSKJ samo na novo opomenjeni.

3.2.4 Tvorjenke z *-ar* (12 %) z izjemo dveh primerov (*boardar/bordar, srfar/surfar*) ne kažejo podstavne variantnosti: *deskar, fiksar, rolar, šlepar, šoker, trimčkar*. Pomen besede *šlepar* prvotno 'vlečno vozilo' se je razširil v slabšalnem pomenu tudi na človeka.

3.2.5 Izmed treh tvorjenk z *-nik* je nova *tržnik*, preostali dve pa sta le na novo opomenjeni (*oglednik* 'nadzornik', *zabavnik* 'animator').

3.2.6 S po dvema tvorjenkama so potrjena obrazila *-ilec* (*delilec, vršilec* (verjetno kot jezikoslovni termin, saj je tvorjenka v SSKJ že potrjena)), *-itelj* (*osamosvojitelj, zdravitelj*) in

-or (*debator, donor*).

3.2.7 Zgolj vzorčne primere pa najdemo še za obrazila *-ec* (*animirec*), *-atelj* (*klicatelj*), *-ant* (*analizant*) in *-ist* (*lobist*).

4 Primerjalni pregled s komentarjem

4.0 Iz vseh treh gradivnih virov je bilo glede na tvorbeno produktivnost zajetih prvih dvanajst najpogostejših obrazil tako, da najproduktivnejše obrazilo predstavlja več ali skoraj tretjino vseh obrazilno zajetih tvorjenk, najmanj produktivno pa okrog odstotek tvorbe, pri čemer slovarska vira (PS in SSKJ) zajemata več kot tisoč tvorjenk, medtem ko leksikogramska zbirka (NSLSJV) manj kot sto.

4.1 Tabela1: Primerjalni pregled tvorbeno najproduktivnejših obrazil⁵

Pleteršnikov slovar (1894/95)	SSKJ (1998)	NSLSJV (2009)
-avec 31,5 %	-alec 34,5 %	-alec 28 %
-ač 16,7 %	-ač 14,9 %	-er 22,7 %
-nik 11,6 %	-nik 9,4 %	-ator 17,3 %
-ec 7,2 %	-ilec 6,9 %	-ar 12 %
-ivec 6,7 %	-ator 6,5 %	-nik 5,3 %
-itelj 6,6 %	-itelj 6,3 %	-ilec 2,7 %
-ar 5,7 %	-ar 5,5 %	-itelj 2,7 %
-alo 4,5 %	-êr 4,8 %	-or 2,7 %
-ež 4,3 %	-ec 4,1 %	-ec 1,3%
-atelj 2,4 %	-atelj 1,8 %	-atelj 1,3%
-ič 1,0 %	-ež 1,5 %	-ant 1,3%
-uh 0,9 %	-alo 1,1 %	-ist 1,3%

4.2 Tabela prikazuje zelo nazorno prikazuje razvrstitev obrazil, zato izpostavljamo le nekaj najpomembnejših podatkov. Vsi trije viri potrjujejo obrazilno stabilnost najproduktivnejšega obrazila za vršilca dejanja, to je *-alec*. Pleteršnikov slovar ima sicer obrazilno realizacijo *-avec*, ki pa ima zgodovinsko ozadje v dveh jezikoslovnih strujah

⁵ Odstotki so zaokroženi na eno decimalko.

19. stoletja, tj. med zagovorniki obrazila *-vec* in zagovorniki obrazila *-lec*, kar je znano kot t. i. jezikovna pravda med »vavkanjem« in »eljanjem«. O omenjenih obrazilih v slovenskem jeziku je intenzivno razpravljal že Škrabec v Cvetju z vertov sv. Frančiška v letih 1894–1905 [Stramljič Breznik 1997: 193–200], in to zlasti ob izidu Levčevega pravopisa [1899], ki je – kakor tudi že Pleteršnikov slovar – prinesel to novost, da so se vsa obrazila glasila na *-vec* (*bra-vec*, *gasi-vec*). Zoper tako »vavkanje« je nastopil Rajko Perušek [1899], ki je zapisal, da naj se podobno, kakor je s temi oblikami v hrvaščini, kjer prevladuje *-lac*, ta oblika uveljavi tudi v slovenščini kot *-lec*. Peruška je podprl Ilesič [1899], ki je utemeljeval, naj se pri teh tvorjenkah uveljavi *-l-*, ker je *-l* celo že v izgovarjavi prodrl (tu je dajal zglede predvsem za deležnike (*misli* – *l* so celo brali *l*, t. i. »elkanje«). Zato se je »elkanju« uprl Stanislav Škrabec. Rezultat boja je bil takšen, da so vendarle začele prevladovati oblike tvorjenk na

-(a/i)lec in se uveljavile tudi v SP 1950. SP 1962 pa je ponovno oživil oblike na *-vec*. Zoper to je nastopil Stanko Kotnik [1961], ki je oblike z *-lec* argumentiral z njihovo prevlado že v SP 1950. Temu je sledilo podobno zavzemanje J. Toporišiča [1966; 1969]. Izoblikovala so se naslednja pravila za razvrstitev *-lec/-vec*. (1) Obrazilo *-lec* pišemo povsod tam, kjer gre za izpeljavo iz glagola: *klepet-alec*, *mor-ilec*, *gnet-ilec* (slednji primer tvorjenke, ki ima v podstavi brezpriponski gagol s korenem na soglasnik (-C-ti), utemeljuje morfemizacijo *-(a/i)lec*, ker kaže, da *-a* in *-i* nista vselej prekrivna z glagolsko pripono). (2) Obrazilo *-vec* nastopi pri izglagolskih izpeljankah takrat, ko so v podstavi brezpriponski glagoli, ki se jim koreni končujejo na samoglasnik (-V-ti): *piti*, *peti*, *liti*, *šteti* > *pi-vec*, *pe-vec*, *li-vec*, *šte-vec*; vendar nastopajo izjeme pri glagolih *vreti*, *greti*, kjer nastopajo oblike za neživo z *-lec* (*vre-lec*, *gre-lec*,) ne pa z *-vec*, kot bi pričalovali (**vre-vec*, **gre-vec*). (3) Obrazilo *-vec* prav tako nastopi pri izglagolskih tvorjenkah takrat, kadar je *-l-* ali *-lj-* že v podstavi, zato se *-lec* zamenja z *-vec*: *del-ivec*, *hval-ivec*, *keglj-avec*, *nastavlj-avec*. Na podlagi korpusnih podatkov pa kaže (FidaPLUS: 68 pojavitev za npr. *javljal*ec in 6 pojavitev za *javljav*ec), da se slednje pravilo, zajeto tudi v SP 2001, danes v rabi redko uresničuje in da tudi v takih primerih prodira oblika *-lec*.

Kot drugo in tretje najrodnejši obrazili v PS in SSKJ dokaj stabilno nastopata *-ač* in *-nik*. Prvo omenja kot zelo produktivno in specializirano za vršilca dejanja že Bajec [1950 I: 122], medtemo ko je *-nik* po njegovi oceni v večji meri tvoren za izsamostalniško tvorbo. V sodobnem knjižnem jeziku (SSKJ) se uveljavlja kot precej rodna tudi realizacija tvorjenk z

-ilec, ki pri Pleteršniku nastopa šele za *-ec*, ki pa je za pomen vršilca dejanja v SSKJ šele na devetem mestu. Opazna razlika med obema je tudi v obrazilu *-ator*, ki je v SSKJ peto najrodnejše, v 19. stoletju pa se ne uvršča niti med prvo dvanajsterico takih obrazil. Skupno smo jih v Pleteršnikovem gradivu od A do O našli le pet (*deklamator*, *diktator*, *duplikator*, *improvizator*, *konservator*). Zanimivo je, da se obrazili *-(a/i)telj* razvrščata v obeh virih na isto mesto. Po Bajčevi oceni [1950 I: 37] je obrazilo iz stare cerkvene slovanščine, prevzeli pa smo ga lahko tudi iz srbohrvaščine,⁶ sicer pa ugotavlja, da ga kot obrazilo za delujoče osebe spodrivajo zlasti obrazila *-ec*, *-ač*, *-ar* in *-nik*, kar se gradivno potrjuje v obeh slovarjih, če upoštevamo skupni delež tvorbe za *-(a/i)telj*. Se

⁶ Ohranjamo avtorjevo terminologijo. Danes sta hrvaščina in srbščina samostojna jezika.

je pa očitno glede na gradivo 19. stoletja v 20. stoletju zmanjšal delež obrazil *-ež* in *-alo*, ki je v obratnem zaporedju razvrščeno višje na lestvici Pleteršnikovih dvanajstih obrazil (osmo in deveto mesto). Bajec [1950 I: 27] je menil, da je pri slovenskih obrazilih *-ilo* in *-alo* prišlo da pomenske diferenciacije. In sicer naj bi *-ilo* v večini primerov pomenilo sredstvo dejanja, *-alo* pa naj bi se specializiralo za vršilce dejanja, ki imajo izrazito slabšalni pomen, npr. *jezikalo*, proti *jezikač* in *jezikavec*.

Posebnost leksike 20. stoletja pa je tudi prevezeto obrazilo *-êr*, ki predstavlja skoraj pet odstotni delež tvorjenk, pri Pleteršniku pa se kot obrazilo pojavlja z redkimi prevzetimi tvorjenkami te pomenske kategorije, kot sta npr. *frizer* in *eksamoter* 'slepilni glumač, der Escamoteur'.

Čeprav je tvorjenk s pomenom vršilca dejanja v NSLSJV več kot desetkrat manj in predstavljajo tisto leksiko, ki je v SSKJ še ni, je, kot že omenjeno, potrjena kontinuiteta obrazila *-alec*. Vendar se kažejo očitne težnje prevzemanja, saj se na drugem in tretjem mestu najrodnejših obrazil pojavljajta prevzeti obrazili *-er* in *-ator*. Med njima je bistvena razlika, saj so se tvorjenke z *-ator* v SSKJ že utrdile in predstavljajo več kot šest odstotni delež tvorbe (peto najrodnejše obrazilo), medtem ko tvorjenke z *-er* (npr. *skater/skejter/skejtar*) pogosto nastopajo v več variantah. S tem samo potrjujejo, da so v slovenščino kot globalizmi prišle šele pred kratkim in da kažejo različno stopnjo prilagojenosti v slovenskem leksikalnem sistemu. Tvorjenka *skejtar* pa nakazuje možnost, da bi se take tvorjenke na *-er* lahko celo zamenjale z domačim obrazilom *-ar*.

Glede na zbrano gradivo NSLSJV lahko sklepamo, da generično moč pomenske skupine vršilca dejanja sicer še zmeraj predstavljajo tipična domača obrazila, kot so npr. *-lec -ač, -nik, -telj*, toda opazni in precej produktivni delež tvorbe predstavljajo tudi prevzeta obrazila skupaj s prevzetimi podstavami, ki so rezultat vse vplivnejših globalnih ekonomskih, političnih in kulturnih intergracij, ustvarjenih prek globalnega jezika [prim. za poljščino Waszakowa 2005, 2009]. Da je to nedvomno tako, kaže samo dejstvo, da med dvanajstimi najrodnejšimi obrazili v Pleteršnikovem slovarju ni nobene prevzetega, v SSKJ sta taki dve, v NSLSJV pa kar pet.

Kot kaže, so tvorbeno produktivne zlasti moškospolske tvorjenke, med srednjespolskimi le *-alo*. Med ženskospolskimi pa so večinoma le drugostopenjske modifikacijske tvorjenke, ki nastajajo kot feminativi z dodajanjem (*bah-ač > bahač-ka*) ali zamenjevanjem obrazil (*naroč-nik > naročn-ica*), redke so zgolj vršilke, npr. *dojiti > doji-lja*. Morda je do neke mere pri tej pomenski kategoriji opazno še ženskospolsko obrazilo *-a*, ki lahko pomeni ženskega ali moškega vršilca dejanja, a je pri slednjem konotacija zaradi spolske zanamovanosti izjemno velika, npr. *cmera* slabš. 'kdor se rad joka'.

5 Sinonimne tvorjenke s pomenom vršilca dejanja

5.0 Po definiciji so sinonimi leksikalne enote, ki različno poimenujejo isti denotat [Vidovič 2000: 158]. Sinonimi so lahko besedni (*vrata – duri*), besednozvezni (*umreti: iti po gobe – stegniti pete*) ali pa morfemski (*čitalec – čitatelj*). S tega vidika je mogoče govoriti tudi o t. i. razno- in istokorenski sinonimiji, ki jo nekateri imenujejo tudi tvorbeno [Dragičević 2007: 246]. Pri tvorjenkah lahko torej opazujemo sinonimna razmerja, ki jih ob istih podstavah tvorijo različna obrazila.

5.1 Preučevanje gradiva iz Pleteršnikovega slovarja, ki je imel namen izmed po različnih krajih in pisnih virih zbranega gradiva objaviti zlasti tisto, »/.../ kar se v literaturi

nahaja in kar narod govori«, a se je hkrati »/m/nogokrat n. pr. sprejela katera beseda, dasi tuja in redka, ker je za jezikoslovca zanimiva« [Pleteršnik 1894], je pokazalo, da se je vestno zapisovalo tudi veliko število istopodstavnih tvorjenk z različnimi obrazili in s tem posredno pokazalo na stilistični razpon določene rabe takratnega časa. Zaradi prostorske omejenosti bomo kot zgled obrazilne sinonimije pri vršilcu dejanja opozorili le na nekaj primerov.

5.2 Pozornost zbujujoči so zlasti glagoli s pomenom govorjenja, saj je bilo opaziti, da so ravno tisti, ki so imeli pomen različne vrste (navadno negativno zaznamovanega) govorjenja (po številu in raznolikosti obrazil) izrazito produktivni za tvorjenke. Pogledali si bomo samo prvostopenjske tvorjenke tako, da bomo primere iz Pleteršnikovega slovarja primerjali s stanjem v SSKJ in sodobni rabi, kot jo odraža nacionalni referenčni korpus FidaPLUS. Pleteršnikov slovar ob glagolu *bajati* navaja: *bajalnik*, *bajavec* in *bajec*; SSKJ ohranja le glagol *bajati* z oznako knjiž. v pomenu 'pripovedovati, navadno nenavadne stvari', od tvorjenk pa le knjiž. *bajalec*; v korpusu razen za nelematiziran glagola *bajati* potrditev za druge tvorjenke ni. Glagol *blebetati* ima v PS potrjene tvorjenke *blebetač*, *blebetalo* in *blebetec*; SSKJ ohranja glagol s slabšalnim pomenom, enako tudi tvorjenki *bebetač* in *blebetulja*; korpus potrjuje živost *blebetača* (22 pojavitev), ne pa tudi *blebetala* (0), *blebetca* (0) in *blebetulje* (0). Ekspresiven je glagol *brbrati*, iz katerega Pleteršnik navaja tvorjenke *brbra*, *brbralo*, *brbljež*, *brbrač*, *brbrela* in *brbulja*; SSKJ pa z isto oznako, tj. ekspersivno, ohranja le tvorjenki *brbra* in *brbrač*; korpus potrjuje le glagol *brbrati* in glagolnik *brbranje*. Kot zadnji primer navajamo glagol *čeljustati*, ki je v PS motivirajoč za tvorjenke *čeljustač*, *čeljustačka*, *čeljustalo*, *čeljuste* in *čeljustela*; s kvalifikatorjem slabšalno ga ohranja tudi SSKJ, izmed tvorjenk pa le *čeljustač* in *čeljustalo*; korpus znova le glagol *čeljustati*.

5.3 Razmerje med v slovarju zbrano leksiko 19. stoletja in aktualno rabo v korpusih kaže postopno manjšanje tvorbene moči izbranih glagolov. Vmesno stopnjo pri tem ohranja SSKJ, ki vzdržuje tvorbo le s sicer zelo rodnimi obrazili *-ač*, *-alec* in *-alo*, kar nedvomno kaže, da je *-ač* tip obrazila z razpoznavno konotacijo. Glede na korpusne podatke, ki ne potrjujejo živosti take tvorbe, pa je seveda treba upoštevati dejstvo, da je odsotnost tovrstne tvorbe v večji meri kazalec njegove strukture (korpus sestavljajo večinoma pisana besedila) kot pa dejstva, da take tvorjenke niso žive. Če so, jih najdemo seveda prej v govorjenem jeziku.

Literatura

1. Bajec, A. 1950: Besedotvorje slovenskega jezika. I Izpeljava samostalnikov. Ljubljana.
2. Breznik, A.: Slovenska slovnica za srednje šole. Četrta, pomnožena izdaja. Celje: Družba sv. Mohorja.
3. Dragičević, R. 2007: Leksikologija srbskog jezika. Beograd: Zavod za učbenike.
4. Furlan, M. 2006: Slovarju na pot. V: Maks Pleteršnik Slovensko-nemški slovar (1894–1895). Transliterirana izdaja na plošči CD-ROM. Ur. M. Furlan. Ljubljana: Založba ZRC.
5. Gložančev, A. 2009: Analitična osvetlitev novejšje slovenske leksike. V: Alenka Gložančev et al. Novejšja slovenska leksika: (v povezavi s spletnimi jezikovnimi viri). Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 9–35.

6. Plešič, F. 1899: Seveda »bralec« in še marsikaj. Popotnik, 194–196.
7. Janežič, A. 1906: A. Janežičeva slovenska slovnica za srednje šole, deveta, predelana izdaja. Ur. J. Sket. Celovec: Družba sv. Mohorja.
8. Kotnik, S. 1961: Pravopisni pomislek. Naši razgledi, 25.
9. Perušek, R. 1899: »Bravec« ali »bralec«? Jezikoslovna razprava. Ljubljana, 1–44.
10. Pleteršnik, M. 1984: Pripomnje. V: Maks Pleteršnik Slovensko-nemški slovar (1894–1895). Transliterirana izdaja na plošči CD-ROM. Ur. M. Furlan. Ljubljana: Založba ZRC, VII.
11. Stramljič Breznik, I. 1992: Izglagolske izpeljanke s pomenom vršilca dejanja. Slavistična revija 40/4, 411–427.
12. Stramljič Breznik, I. 1994/95: Specializiranost obrazil za izpeljanke s pomenom vršilca dejanja, nosilca lastnosti ali stanja in opravkarja. Jezik in slovstvo XL/8, 285–291.
13. Stramljič Breznik, I. 1997: Škrabčeva obravnava priponskih obrazil -(a/iv/l)ec). Škrabčeva misel II. Nova Gorica: Frančiškanski samostan Kostanjevica, 193–200.
14. Toporišič, J. 1966: Zakaj bralec – bralen, ne pa tudi volivec – voliven? Jezik in slovstvo 11/5, 171.
15. Toporišič, J. 1969: Nekaj stališč k odprtim pravopisnim in pravorečnim problemom. Jezik in slovstvo 14/6, 184–190.
16. Toporišič, J. 1981: Slovenski knjižni jezik 2. Maribor: Založba Obzorja.
17. Toporišič, J. 2000: Slovenska slovnica. Četrta, prenovljena in razširjena izdaja. Maribor: Založba Obzorja.
18. Vidovič Muha, A. 1994: Aktualnost slovaropisnih načel Pleteršnikovega slovarja. V: XXX. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 99–109.
19. Vidovič Muha, A. 2000: Slovensko leksikalno pomenoslovje: govorica slovarja. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete.
20. Waszakowa, K. 2005: Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa.
21. Waszakowa, K. 2009: Internacjonalizacja polskiej leksyki – stan obecny, prognozy na najbliższą przyszłość. V: Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich. Red. E. Koriakowcewa. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej.
22. Žele, A. 2009: Spremna beseda. V: Alenka Gložančev et al. Novejša slovenska leksika : (v povezavi s spletnimi jezikovnimi viri). Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 7.

VIRI

1. FIDAPLUS: <http://www.fidaplus.net> (Dostopno januar 2010).
2. Gložančev, A., Jakopin, P., Michelizza, M., Uršič, L., Žele, A., 2009: Novejša slovenska leksika: (v povezavi s spletnimi jezikovnimi viri). Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
3. Nova Beseda: <http://bos.zrc-sazu.si> (Dostopno januar 2010).
4. Pleteršnik, M. 2006: Slovensko-nemški slovar (1894–1895). Transliterirana izdaja na plošči CD-ROM. Ur. M. Furlan. Ljubljana: Založba ZRC.

5. Slovar slovenskega knjižnega jezika z Odzadnjim slovarjem slovenskega jezika in Besediščem slovenskega jezika z oblikoslovnimi podatki. Elektronska izdaja na plošči CD-ROM. Ljubljana 1998.
6. Slovenski pravopis. 2001. Ur. J. Toporišič. Ljubljana: Založba ZRC.
7. Stramljič Breznik, I. 2004: Besednodružinski slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek za iztočnice na B. Maribor: Založba Zora.
8. Šircelj-Žnidaršič, I., Hajnšek-Holz, M. et al., 1998: Besedišče slovenskega jezika z oblikoslovnimi podatki Ljubljana: ZRC SAZU, Založba ZRC.

Ирена Страмлич Брезник

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СУФФИКСОВ NOMINA AGENTIS В СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Отглагольные производные *nomina agentis* составляют довольно продуктивную и пеструю категорию деривации в словенском языке. Динамика развития продуктивных суффиксов в словенском языке с конца 19 до начала 21 века прослеживается на основе трех источников: Словенско-немецкого словаря Плетершника (ПС 1894/95), Словаря словенского литературного языка (ССЛЯ 1998) и Новейшей словенской лексики, связанной с интернетными языковыми источниками (НСЛИЯИ 2009) и содержащей актуальную лексику современного словенского языка, Анализ показывает, что существительные *nomina agentis* образуются в основном с помощью исконных словенских суффиксов, как, например *-lec*, *-ač*, *-nik* и *-telj*. В то же время продуктивную группу дериватов образуют слова с заимствованными основами и суффиксами. Они возникли в результате влияния глобального языка, вызванного глобальными экономическими, политическими и культурными интеграциями. Данная тенденция подтверждается и цифровыми фактами, например, среди двенадцати родовых суффиксов в словаре Плетершника не зарегистрировано ни одного заимствованного суффикса, в ССЛЯ таких суффиксов два, а в НСЛИЯИ уже пять.

Особое внимание в статье уделяется глагольным основам со значением говорения. Здесь имеется широкая возможность для варьирования суффиксов, часто связанных с негативной оценкой, например, словарь Плетершника содержит много производных со значением 'человек, ведущий пустые, бесплодные разговоры' (*čeljustač*, *čeljustačka*, *čeljustalo*, *čeljuste*, *čeljustela*), а в ССЛЯ зарегистрированы только два деривата: *čeljustač* и *čeljustalo*.

Развитие словообразовательных средств рассматривается в данной работе с трех временных точек, что дает возможность заглянуть в культурное и историческое развитие категории суффиксальных образований со значением деятеля в словенском языке.

Бранко Тошович

(Institut für Slawistik der Karl-Franzens Universität Graz, Austria)

НАНИЗЫВАНИЕ ПРИСТАВОК В СЕРБСКОМ, ХОРВАТСКОМ И БОШНЯЦКОМ ЯЗЫКАХ

0. Нанизывание двух, трех или даже четырех приставок наблюдается в первую очередь у глаголов, затем у существительных, прилагательных, наречий и предлогов.¹ Редупликацию открывают чаще всего приставки **iz-/is-** и **pre-**, причем **iz-/is-** сочетается с 13 приставками, а **pre-** с 12. Первая приставка преимущественно объединяется с начальным **pre-** для выражения дистрибутивного значения (*ispreamlaćivati*).² Частота сочетания **iz-/is-** с **po-** также высока (*ispòvešati/ispòvješati*). Меньше встречается удвоение **iz-/is-** + **pro-** (*ispròpadati*). Реже используется связь **iz-/is-** + **pri-** (*isprilepljivati/ispriljepljivati*), **iz-/is-** + **pod-** (*ispodmàci || ispòdmaći*),³ **iz-/is-** + **bez-** (*izbezúmiti || izbèzumiti /se/*), **iz-/is-** + **van-** (*izvanèvròpskī*), **iz-/is-** + **nad-** (*iznatprírodan*), **iz-/is-** + **na-** (*iznavézati*), **iz-/is-** + **naj-** (*iznājprē – iznājprije*), **iz-/is-** + **ot-** < **od-** (*izòtpadati*), **iz-/is-** + **raz-**, **ras-** (*izrazbolévati se – izrazbolijèvati se*), **iz-/is-** + **u-** (*izubijati /se/*, *izukrti-ti /se/*). Приставка **pre-** в большинстве случаев сочетается с **na-** (*prenasèliti /se/ – prenaseljávati /se/*)⁴ и **pre-** + **po-** (*preporòditi /se/ – preporáđati /se/*). Существует ряд примеров с парой **pre-** + **u-** (*preùraniti*). Остальные комбинации меньше представлены **pre-** + **o-** (*preòstati – preòstajati*), **pre-** + **iz-/is-** (*preiscrpiti – preiscrpljivati*), **pre-** + **ne-** (*prèneugodan || preneùgodan*), **pre-** + **op-** < **ob-** (*preoptèretiti || preoptèretiti /se/ – preopterećivati /se/*), **pred-** + **od-** (*predodređivati*), **pre-** + **pod-** (*prepòdnēvni*), **pre-** + **pri-**: (*preprisáđiti*), **pre-** + **pro-** (*preprodávac*), **pre-** + **raz-/ras-** (*prèraspodela/prèraspodjela*), **pre-** + **za-** (*prèzadovòljan*). Приставка **po-** чаще всего вступает в связь с приставкой **iz-/is-** (*poizdòlaziti*). Приставка **po-** свободно комбинируется и с приставкой **na-** (*ponabàcati*). Другие комбинации реже встречаются (**po-** + **do-** (*podolétati/podolijètati*), **po-** + **pri-** (*popričekati*), **po-** + **na-** (*ponadobijati*). Приставка **pri-** сочетается с **do-** (*pridonositi*), **ne-** (*prinemoći || prinèmoći*), **o-** (*priòkupiti, priòzdraviti*), **po-** (*pripòkriti*), **sa-** (*prisàbrati*), **u-** (*priupitati*), **za-** (*prizabráđiti se, prizàkasniti, prizavézati*). К приставке **o-** присоединяется **bez-/bes-** – **o-** + **bez-** (*obezgláviti || obèzglaviti /se/*), **o-** + **bes-** < **bez-** (*obesòliti*), **od-** + **ne-** (*òdnedāvno/odnèdāvno*), **od-** + **u-** (*odùstati – odùstajati*), **o-** + **ne-** (*onemòcati, onemòci || onèmoći, onemòčiti || onèmoćiti*), **o-** + **po-** (*oporèci || opòreći*), **o-** + **pre-**:

¹ Данный вопрос слабо изучен, поэтому можно упомянуть только три работы. Одна принадлежит Степану Бабичу (Babić 1986), в книге которого существует ряд примеров повтора приставок. Автором второй является Иван Клайн, который приводит основные комбинации приставок и некоторые примеры для этого (Klajn 2002: 286–292). Третья касается сопоставительного исследования удвоения **po-** + **na-** в русском и сербском языках (Terzić 1997).

² Из-за пространственного ограничения в данной работе для каждой комбинации приставок приводится только по одному примеру, имеющему иллюстративный характер.

³ Знак || разделяет слова с двумя различными ударениями, но с одним и тем же значением.

⁴ Тире (–) отделяет форму совершенного вида (на первом месте) от формы несовершенного (на втором месте).

(*opredéliti/opredijèliti /se/*), **o-** + **s-/sa-**: (*ospokòjiti – ospokojávati*). Остальные приставочные пары не так часто появляются – это **bez-** + **za-** (*bezázoran*), **bez-** + **is-** < **iz-** (*bezìshodan*), **bez-** + **na-** (*beznàglasan*), **bez-** + **ob-** (*bèzoblìčno*), **do-** + **na-** (*donaliti – donalévati/donalijevati, donalívati*), **do-** + **pre-** (*doprédati*), **do-** + **pre-** (*doprinositì*), **mimo-** + **pro-** (*mimopròlazak*), **na-** + **do-** (*nadoplattiti – nadoplácívati*), **na-** + **o-** (*naobíjati /se/*), **na-** + **od-** (*naodsécati/naodsijècati /se/*), **na-** **po-** (*napòdizati se*), **na-** + **sa-** (*nasabíjati /se/ – nasàbiti /se/*), **na-** + **za-** (*nazadávati*), **na-** + **u-** (*naubíjati /se/*), **na-** + **uz-** (*naùzdisati se*), **ot-** + **pre-** (*otprédati*), **pod-** + **u-** (*podùhvatati /se/*), **pod-** + **za-** (*podzákupac*), **pot-** < **pod-** + **po-** (*potpòuçiti se*), **pot-** < **pod-** + **pred-** (*pòtpredsedničkì/pòtpredsjedničkì*), **pod-** + **na-** (*podnàpiti se*), **pra-** + **iz/is-** (*prazvèsti || prazvesti*), **pra-** + **za-** (*prazàmetak*), **pred-** + **od-** (*predodredívatì*), **pred-** + **s-** (*predskázati /se/ – predskázívati /se/*), **pred-** + **u-** (*predùimati*), **raz-** + **o-** (*razotúdíti*), **raz-** + **uz-** (*razùzdati /se/*), **ras-** < **raz-** + **po-** (*raspodéliti /se/ / raspodijèliti /se/ – raspodeljívati /se/ / raspodjeljívati /se/*), **ras-** < **raz-** + **pri-** (*raspripovijèdati/raspripòvjediti se*), **ras-** < **raz-** + **pro-** (*raspròdati – rasprodávati*), **s-** + **pod-** (*spodbíjati /se/ – spòdbiti /se/*), **u-** + **bez-** (*ubezòbraziti se, ubèzoçiti /se/*), **u-** + **na-** (*ùnaokrùg || ùnaokrùg*), **u-** + **po-** (*upolagániti*), **u-** + **pre-** (*upreprodòbiti se*), **u-** + **ras-** < **raz-** (*ùraskorāk*), **u-** + **sa-** (*usaglásiti /se/*), **u-** + **za-** (*uzabrániti*), **u-** + **ne-** (*ùnedoglèd*), **za-** + **do-** (*zàdovèk/zàdovijek*), **za-** + **na-** (*zànavèk/zànavijek*), **za-** + **o-** (*zaokrúžiti /se/*).

1. Утроение приставок происходит намного реже. Такое нанизывание происходит, прежде всего, в одном значении – дистрибутивном и осуществляется почти только в рамках глаголов. Здесь преобладают случаи, когда цепь приставок начинается **iz-/is-** или **po-**. Приставка **iz-/is-** чаще всего открывает место для **po-**, за которой следуют **o-**, **pro-**, **raz-/ras-**, **su-** или **u-** – **is-** + **po-** + **na-** (*isponapíjati se*), **is-** + **po-** + **o-** (*ispoòvaljívati*), **is-** + **po-** + **pro-** (*ispoprodávati*), **is-** + **po-** + **raz-/ras** (*isporazbolévati / isporazbolijèvati se*),⁵ **is-** + **po-** + **su-** (*isposùvračati /se/*), **is-** + **po-** + **u-** (*ispoùmirati*), **is-** + **pre-** + **pro-** (*ispreprodávati*). Приставка **po-** открывает вторую позицию для приставки **iz-/is-**, а третью для **do-**, **od-**, **raz-/ras-**, **pre-**, **pri-**, **pro-**. Сюда относятся комбинации **po-** + **na-** + **do-** (*ponadovláçiti*), **po-** + **iz-** + **od-** (*poizodgrízati, poizodnòsiti*), **po-** + **iz-** + **raz-** (*poizràzdjeljívati / poizràzdeljívati*), **po-** + **is-** < **iz-** + **pre-** (*poisprèmetati*, **po-** + **is-** < **iz-** + **pri-** (*poisripovédati / poisripovijèdati*), **po-** + **iz-** (< **iz-**) + **pro-** (*poisprodávati*). Приставка **pre-** является совместимой с приставкой **po-**, **raz-/ras-**, **za-** **pri-** на втором месте и с приставкой **do-**, **po-** и **o-**: **pre-** + **po-** + **do-** (*preprodòbiti se*), **pre-** + **ras-** (< **raz-**) + **po-** (*preraspodéliti / preraspodijèliti*, **pre-** + **za-** + **o-** (*prezaòkupiti*) на третьем. Приставка **raz-/ras-** сочетается с **pri-** и **po-** (*rasripovédati / raspripovijèdati se, raspripòvediti se / raspripòvjediti se*).

2. Примеры с четырьмя приставками являются очень редкими (*poispreprodávati*). Больше таких случаев можно выявлять лишь при полном диахроническом, т. е. этимологическом членении слов (или как Иван Клайн пишет „при более аккуратном морфологическом (или этимологическом) анализе“ [Klajn 2002: 287]).

⁵ Косой чертой отделяется екавская форма (на первом месте) от иекавской (на втором месте).

3. Что касается глагольной редупликации, при помощи данного словообразовательного приема выражается распределение, накопление, нагромождение, исчерпанность действия, добавление, уменьшительность, насыщенность, сверхнормативность и т. д. (более подробно об этих значениях см. Тошович 2009). Мы провели анализ 536 глаголов, т. е. пар с совершенным и несовершенным видом и пришли к выводу, что они выражают 29 значений или модификаций основного значения. Их частота такова: дистрибутивность 44,05%, лишение 17,47%, трансформация 4,83%, пространство 4,28%, интенсивность 4,28%, добавление 4,28%, сверхнормативность 3,90%, диминутивность 3,35%, начинательность 2,04%, насыщенность 1,67%, накопление 1,67%, увеличительность 1,30%, ретроспекция 1,30%, контакт 0,74%, изменение последовательности 0,74%, взаимодействие 0,56%, перспективность 0,56%, разделение 0,56%, законченность 0,37%, компенсация 0,37%, блокировка 0,19%, денормативность 0,19%, многократность 0,19%, сравнение 0,19%, отказ 0,19%, превосходство 0,19%, плеоназм 0,19%, трансмиссия 0,19%, придаточность 0,19%.

4. Почти половина всех значений двойных приставок относится к дистрибутивности (44,05%). Глаголы с такой семантикой указывают на распределение одного и того же действия в сфере субъекта или в сфере объекта. Оно совершается (а) одним субъектом над разными/всеми объектами в форме объектной дистрибуции (напр., *ponaslágati*), (б) несколькими или всеми субъектами над одним объектом или несколькими объектами в форме субъектной дистрибуции (*poizòdlaziti*). Что касается объектной дистрибутивности, она чаще встречается, чем субъектная (68,44%). Обычно с таким значением выступает приставка *iz-/is-* в сочетании с *pre-*: *isprebàcati – isprebacívati, ispreçrtati – ispreçrtávati, ispregaziti – ispregazívati, ispregrađivati, isprekivati, isprekrájati, isprelazititi, isprelívati, ispremazívati, ispreprečívati, ispreprodávati, isprepucati, isprerezívati, isprezòvati, ispresadživati, ispreseći/isprešjeći – ispresécati/ispresijècati, isprešlušati, isprestrúgati, isprešívati, ispretráziti, ispretrèsti || ispretrèsti, ispretrzati, isprevaljívati, isprevézati – isprevezívati, isprevláčiti, isprevráčati, isprezidívati, ispretúci || ispretúci ‘sve redom pretúci’⁶, ispokrivati, ispolévati/ispolijèvati, ispomètati || ispomètati, ispomìcati, ispomjérati/ispomjérati, ispoòdvaljívati, ispoprímati, ispoprodávati, ispopucati, isporàstavljati, isporazbljati, isposahranjívati, isposàstavljati, ispòvešati/ispòvješati, isповézati – isповezívati, isповláčiti, isповrèteti/isповrètjeti, ispozaborávljati || ispozabòravljati, ispozajmljivati. Затем следует удвоение *po-* + *iz-* / *is-*: *poizabírati || poizàbirati, poizodvájati /sel/, poizbàcati – poizbacívati, poizbádati, poizdèrati, poiznàlaziti, poizodgrízati, poizodnòsiti, poizòstati – poizòstavljati, poizràzdeljívati/poizràzdjeljívati, poizvaditi, poizvršávati, poizvršívati, poiscéditi/poiscijèditi, poiscécati/poiscijècati, poiskapati, poiskidati, poiskititi, poiskriviti, poispaličávati, poisplátiti – poispláčívati, poisplaziti, poispòklanjati, poispratiti, poisprekídati, poisprekřšati, poisprelámati, poispremeštati || poispremèštati / poispremjèštati || poispremještati, poispremètati || poispremèmetati, poispreprèletati, poispreprèlitati, poispresécati/poispresijècati, poispretúratiti, poisprevaljívati, poisprevezívati, poisprevrtati, poispričati, poispripovèdati/**

⁶ В случаях наличия различных значений или затруднения при толковании в полукавычках приводится семантическое толкование данного слова, согласно Rečniku MS-MH.

poisripovijèdati, poisprodávati, poispròpadati, poisprovaljívati, poisterívati/ poistjerívati, poistrèsti || poistrèsti – poistrésati. Довольно часто используется *iz- + pro-*: *isprobádati, isprobijati, ispròdati – isprodávati, isprodévati/isprodijèvati, isprogorévati/ isprogorijèvati, isprogrízati, isprolámati, isprolévati/isprolijèvati, ispròliti – isprolívati* ‘sve redom proliti’, *ispròrezati – isprorezívati, isprórokovati, isprosécati/isprosijècati, ispròsipati, ispròtkati* ‘sasvim ili na više mjesta protkati’ – *isprotkívati, isprovaljívati*, а также *po- + na-*: *ponabàcati, ponabádati, ponàbiti – ponabijati, ponàčičkati, ponadévati/ ponadijevati, ponadobijati, ponadovláčiti, ponakupòvati, ponamètati, ponasađívati, ponàseći/ponàsjeći, ponaslágati, ponàstaviti* ‘redom nastaviti’, *ponàstrèti/ponàstrijeti, ponašívati, ponàticati, ponatrpati* ‘natrpati jedno za drugim’, *ponaznáčiti* ‘redom nazačiti’, *ponaréditi* ‘uraditi redom jedno za drugim’, *podovláčiti* ‘dovući čega mnogo, u više navrata’, *podovòditi, ponadobijati* ‘dobijati jedno za drugim’, *ponadovláčiti* ‘dovući jedno za drugim’, *pre- + ras-*: *prerasporéditi – preraspoređívati.* Реже появляется *is- + pod-*: *ispodmazívati, ispodmètati || ispodmetati, ispodmicati, ispodrezívati, ispodrívati, ispodsécati/ispodsijècati, ispodùpirati, ispodvláčiti, iz-/pri-*: *ispríbijati, isprilepljívati/ ispriljepljívati, isripovédati/isripovijèdati, isripòvediti/isripòvèditi, na- + za-*: *nazadévati/nazadijevati, iz- + ot-*: *izotpúštati, iz- + na-*: *iznavézati, po- + do-*: *podonòsiti – pononášati* ‘donijeti redom, jedno za drugim’, *ras- + po-*: *raspòslati* ‘poslati u raznim pravcima, na razne strane, razaslati’, *ras- + pro-*: *raspròdati – rasprodávati* ‘prodati raznim kupcima’. Субъектная дистрибутивность выступает реже, чем субъектная (12,44%). Она передается приставочными сочетаниями *iz- + ot- < od-*: *izòtpadati, iz-/ is- + pre-*: *ispresušívati, isprezèpsti || isprèzèpsti, iz-/is- + po-*: *ispodòlaziti, ispolégati/ ispolijègati, ispodogádati se* (нулевой субъект), *isporazbolévati/споразbolijèvati se, ispoùmirati, ispovaljívati se, iz-/pro-*: *isprorásti | ispròràsti, ispodòlaziti, ispròpadati, isprozèpsti || ispròzèpsti – isprozébati, is- < iz- + pod-*: *ispodrigívati se, iz- + raz-, ras-*: *izrazbolévati / izrazbolijèvati se, po- + iz- / is-*: *poizdòlaziti, poizginuti, poizdòlaziti, poizrazbolévati/poizrazbolijèvati se, poiskòčiti – poiskákati – poiskákívati, poišpadati, poistrèzniti/poistrijèzniti se, po- + do-*: *podolétati/podolijètati* ‘dolijetati jedno za drugim’, *po- + iz- / is-*: *poizginuti, poizdòlaziti, poizrazbolévati/poizrazbolijèvati se, poiskòčiti, poišpadati, poistrèzniti/poistrijèzniti se, po- + na-*: *ponapijati se – ponàpiti se, ponaređívati, ponàslanjati se, ponavrstati se* ‘postaviti se u vrste redove, redom se svrstati, podići se redom’, *po- + do-*: *podolétati/podolijètati.* Существуют случаи, когда глагол может быть невозвратным и возвратным (19,11%). Первый из них выражает объективную дистрибутивность, второй – субъективную. Сюда относятся двойные приставки *is- < iz- + pre-*: *isprevíjati /se/, is- < iz- + pod-*: *ispòdzivati /se/, ispodrigívati se, ispodsmévati/ispodsmijèvati se, ispodeljívati/ispodjeljívati /se/, isprovláčiti /se/, iz- + raz-/ras-*: *izrazdvájati /se/ – izrazdvòjiti /se/, iz- + u-*: *izukrštiti /se/, iz-/is- + po-*: *ispodešávati /se/, ispòdzivati /se/* ‘podići sve ili veći dio predmeta’, *ispòvideti/ispòvidjeti /se/, isповíjati /se/, ispòvràcati /se/, isповrátiti /se/, isповrnuti /se/ – ispòvrtati /se/, isповrćívati /se/, ispozàvaditi /se/ – ispozàvađati /se/, ispòzdravljati /se/, ispoméšati/ ispomijèšati /se/, ispoòdvájati /se/, isposécati/isposijècati /se/, isposùvràcati /se/, ispolívati /se/, iz-/is- + pre-*: *isprebívati /se/, isprekřštati /se/ – isprekřštávati /se/, isprelòmiti /se/ – isprelámati /se/, ispreméšati/ispremijèšati /se/, ispremètati || ispremetati /se/, ispreskákati /se/, ispretrgati /se/, ispretúрати /se/, ispretvárati || ispretrvarati se, isprevrtati /se/, isprekídati /se/* ‘prekinuti na više mjesta’, *ispresàviti /se/ – ispresavíjati /se/* ‘saviti

na više mjesta', *isprekrštiti /se/, iz- + pot- < pod-: ispotpisívati /se/, is- < iz- + pro-: isprobuđívati /se/, ispromenjívati/ispromjenjívati /se/, isprorešetati /se/, po- + iz-/is-: poizdići /se/, poizdignuti /se/ – poizdzitati /se/, poizmaći || poizmaći /se/, poizmàknuti /se/, poiskupiti – poiskúpljati /se/, poizvrtati /se/, poizdòlaziti, poizméľati/poizmijéľati /se/, poizopíjati /se/, poizudávati /se/, poizvaljívati /se/, poispòdzitati /se/, poìspraviti /se/ – poìspravljati /se/, raspròsipati /se/, poizméľati/poizmijéľati /se/, poizvrtati /se/, po- + na-: ponàčiniti /se/, ponàginjati /se/, ponakàšljati /se/, ponàmestiti/ponàmjestiti /se/ – ponàměštati || ponàměštati / ponàmještati || ponamjěštati /se/ 'namjestiti jedno po jedno', ponàsūti /se/ 'redom nasuti', ponaríjati se – ponàpiti se, ras- < raz- + po-: raspodéliti/raspodijèliti se – raspodeljívati/raspodjeljívati /se/.*

5. Все остальные значения намного меньше представлены. Сразу после дистрибутивности следует значение лишения какого-либо свойства (17,47%). Для передачи такого признака используется **o- + bez-/bes-**. Данная семантическая модификация касается **а)** конкретных предметов – *obezbòjiti /se/ < bòja, obezdòmiti < dóm, obèzdrviti < dŕvo, obezgláviti || obèzgláviti /se/ – obezglavljívati /se/ < gláva, obezgrániti /se/ < grána (ostati bez grana), obeskoréniti/obeskorijèniti < kòrijen, obeskríliti < krílo, obèskruniti < krùna, obèskrviti /se/ – obeskrvljávati, obeskrvljívati < kŕv, obèskućiti /se/ – obeskućívati /se/ < kùća, obezmástiti – obezmašćívati < màst, obèzmatičiti /se/ < màtica, obezmléčiti/obezmlijèčiti < mléko/mlijèko, obeznòžiti < nòga, obèzočiti /se/ < òči, obezoružávati /se/ < òrùžje, obèspariti < pàra, obesprédmetiti < prédmet, obespútiti < pút, obesòliti < sò (I), obèšumiti – obešumljávati, obešumljívati < šùma 'posijeći, unišiti šumu', obezvòditi < vòda, obèzubiti || obezúbiti < zùb, obezvućiti se – obezvućávati se < zvùk, б)* отвлеченных понятий – *obèzbrížiti /se/ < brìga, obèščastiti – obeščašćávati, obeščašćívati /se/ < čàst, bezduhoviti || obezduhòviti < dùh, obèzdušiti /se/ < dúša, bezgraničávati /se/ < grànica, obeskonačiti – obeskonačávati, obeskonačívati < kònak, obeskurážiti /se/ – obeskužávati < kùrāž, bezličiti || obèzličiti /se/ – bezličávati, bezličívati < lík, bezmòčiti || obèzmoćiti < mòć, obeznáđiti /se/ < náđa, bezobličiti < òblik, obespaméiti /se/ < pàmět , obesprávititi – obespravljívati < právo, obèsiliti – obesiljávati < šíla, obèsmisliti /se/ – obesmišljávati < smísao, obèsmrtiti /se/ < smŕt, obesnažiti – obesnažívati /se/ – obesnažávati /se/ < snága, bespokòjiti /se/ – bespokojávati /se/ < spòkòj, obesvečávati, obesvećívati < svétinja (pograziti, povrijedsti svetinju), obesvéstiti/obesvijèstiti /se/ < svjèst, obèšetiti /se/ – obeštećívati < šìeta, bezumiti/obèzumiti /se/ – bezumljívati /se/ < ùm, obèzveriti/obèzveriti se < vjèra, bezvòljiti/obèzvoljiti – bezvoljívati < vòlja, obeznáčiti /se/ – beznačávati /se/ < znâk, в)* человека – *obeščòvečiti || obeščòvječiti < čòvjek, bezljúđiti – bezljúđívati < ljúđi, bezmúžiti < mùž, obesíniti < sín, obèsrbiti – besrbljávati < Sŕbin, г)* признаков – *obeskrépiti/obeskrijèpiti < krèpak, obesvétiti < svèt (прилагательное), bezvréditi/obezvrjèđiti – bezvređávati < vrjèdan, obeznániti /se/ – beznanjívati /se/ < znân, obeshrábriti /se/ – obeshrabrívati /se/ < hrábar.* Значение лишения передается также приставкой **o-** и отрицательной частицей **ne-** (6,88%): *onečistiti /se/ – onečišćávati /se/, onečišćívati /se/ 'uprljati, zagaditi' onečovečívati/onečovječívati se, 'lišavati se ljudskih osobina, gubiti čovječnost', onejáčiti 'učiniti nejakim, nemoćnim', onemágati 'posustajati, posrtati', onèmileti/onèmiljeti – onèmiliti 'postati neprijatan, mrzak', onemòći ||*

onèmoći – onemòcati, onemòčiti || *onèmoćiti*, 'postati nemoćan, izgubiti snagu', *onemogućávati, onemogućiti /sel/ – onemogućívati, onepismenjávati, oneraspolòžiti /sel/ – oneraspolòžávati* 'pokvariti raspoloženje (nekome)', *oneréditi /sel/* 'zaprljati izmetom, opoganiti', *onèsmeliti/onèsmjeliti* 'obeshrabriti, zaplašiti', *onespokòjiti – onespokojávati* 'učiniti nespokojnim', *onesposòbiti /sel/ – onesposobljávati, onesposobljívati* 'lišiti sposobnosti, učiniti nesposobnim, *onèsrećiti* 'učiniti nesrećnim, unesrećiti', *onèsvesnuti, onesvéstiti/onesvijèstiti /sel/ – onesveščívati/onesvješćívati /sel/, onesveštávati/onesvještávati /sel/, onèsvjesnuti, onevesèliti /sel/, onevinjávati, onezadovòljiti, onezadovòljiti, onèzdraviti*.

6. Удвоением приставок выражаются различные типы трансформаций (4,83%), очень часто с отрицательным результатом, эффектом, воздействием. В этих целях используются пары **iz-** + **bez-**: *izbezòbraziti /sel/, is- + **pri-**: *ispripròstiti se, o- + **bez-/bes-**: *obezòbraziti /sel/, obezvljati* 'dospjeti u stanje duševne poremećenosti', **od-** + **u-**: *odùmiliti*, 'oduminuti, uminuti, stišati se', *oduminuti – oduminjávati* 'uminuti, stišati se', *odùmirati – odùmrèti/odùmrijeti*, **po-** + **na-**: *ponàpraviti se* '1. udesiti se, urediti se', *ponàduti* 'naduti se', **pod-** + **na-**: *podnàduti /sel/* 'imati oteklinu tkiva, oteći', *podnarásti* || *podnàràsti*, **pre-** + **ne-**: *prenevòljiti* || *prenevòljiti se* 'pokr. neob. dobiti nevoljan, tužan, žalostan izgled', **pre-** + **o-**: *preokrènuti /sel/ – preòkretati /sel/, pre- + **po-**: *preporòditi /sel/ – preporàđati /sel/ – preporođívati /sel/, prepodòbiti se* 'napraviti se, činiti se nevin, uprepodobiti se', **pre-** + **u-**: *preùdesiti* || *preudèsiti – preudešávati* 'činiti drukčijim', *prèumiti* 'predomisli se', *preuréditi /sel/, preustròjiti – preustrojávati*, **pri-** + **ne-**: *prinemòći* || *prinèmoći* 'malaksati, klonuti, zanemoći', **pri-** + **za-**: *prizabràditi se* 'omotati se, umotati podbradatk krpom, maramom', **u-** + **bez-**: *ubezòbraziti se* 'postati bezobrazan', **u-** + **bez-**: *ubèzočiti se* 'postati bezočan, drzak, bezobziran', **u-** + **pre-**: *uprepodòbiti se* 'napraviti se, učiniti se kao potpuno nevin, uzeti na sebe masku prepodobnog, naivnog'; rus. *нпенодо́бный* 'svet, presvet, pravedan; titula pravoslavnog kaludera', **u-** + **za-**: *uzàzliti se* 'postati zao, prozlit se', **za-** + **o-**: *zaòkupiti /sel/* '3. obuzeti, ispunosti (žalost, tuga...)', *zaokrúžiti /sel/* '4. povećati ili smanjiti broj'.***

7. Иногда двойные приставки выражают различные отношения в пространстве (4,28%): а) переплетение – **iz-/is-** + **pre-**: *isprekrènuti, ispreprècati* || *ispreprijècati /sel/* '2. izukrštati',⁷ *ispresúkati se* < *sukati* 'zavijati, upletati presukati: opet ili drukčije usukati ono što je već usukano, predeno ili opleteno', *ispreplèsti* || *isprèplesti /sel/ – isprèpletati /sel/, isprèplitati /sel/ – ispreplitávati /sel/, isprepletávati /sel/* 'splesti, uzukrštati; pomiješati, izmiješati', *isprètkati /sel/ – ispretkívati*, б) позицию – **po-** + **na-**: *ponàpraviti se* '2. namjestiti se, zauzeti držanje', в) действие сверху – **pre-** + **po-**: *prepòkriti – prepokrívati* 'ponovo pokriti', г) действие снизу – **iz-/is-** + **pre-**: *isprekrènuti* 'okrenuti donju stranu nagore', **is-** < **iz-** + **pod-**: *ispodmàći* || *ispòdmaći, ispodmàknuti*, **pod-** + **u-**: *podùhvatiti /sel/ – podùhvatati /sel/* 'uhvatiti odozdo, s donje strane' *podùvrèti/podùvrijeti* 'podignuti odozdo', д) направление – **pre-** + **u-**: *preusmerávati/preusmjerávati – preùsmeriti/preùsmjeriti*, **u-** + **po-**:

⁷ Если глагол имеет несколько значений, цифрой обозначается одно из них.

upopréciti /sel – *upoprečívati /sel* ‘poći, uputiti se nekim putem’, **s-** + **pro-**: *spovèsti* || *spòvesti se* ‘1. učiniti da neko dospije do određenog mjesta’, **u-** + **za-**: *ùzbíti /sel* ‘suzbiti, potisnuti (protivnika)’, *zaòstajati* ‘1. krećući se sporije ostati iza koga’, **e**) охват полного или частичного пространства – **ras-** < **raz-** + **pro-**: *raspròstrèti/raspròstrijeti /sel* – *raspròstirati /sel* ‘prostrijeti cijelom dužinom, zahvatiti veliki prostor, šireći zahvatiti nešto, načiniti prostranijim’, *raspròstraniti* || *rasprostrániti /sel* – *rasprostranjávati /sel* ‘učiniti prostranim, širim; proširiti, uvećati, zauzeti veliki prostor’, **ж**) образование круга или рамки – **u-** + **o-**: *uokrúžiti /sel* ‘postaviti, grupisati u obliku kruga, kružno’, *zaokrúžiti /sel* ‘3. zaokrugliti’, **za-** + **o-**: *zaokrúžiti /sel* ‘1. napraviti krug’, *uokviríti /sel* – *uokvirívati /sel*.

8. При помощи двойных приставок указывается на интенсивность действия (4,28%). Этот признак выражает сочетание **iz-** + **bez-**: *izbezúmiti* || *izbèzumiti /sel* – *izbezumljívati /sel*, **iz-** + **u-**: *izubijati /sel*, **iz-/is-** + **pre-**: *ispreamlátiti* – *ispreamlaćívati*, *ispreamlòjiti*, **po-** + **na-**: *ponàgliti* ‘naglo, žurno poći’, *ponàdirati* ‘navaljivati, prodirati’, *ponàvirati* – *ponàvrèti/ponàvrjeti* ‘silom htjeti poći, navaliti u velikoj količini’, **po-** + **pri-**: *popritèci* || *popritèci*, *popritègnuti* ‘2. čvrsto zategnuti’, **pot-** < **pod-** + **po-**: *potpomòci* || *potpomòci /sel* ‘2. osvježiti se, ojačati’, **pre-** + **iz-/is-**: *preiscrpiti* – *preiscrpljívati*, *preizmučiti se*, **pre-** + **ne-**: *prenemòci* || *prenemòci /sel* ‘klonuti, malaksati’, **ras-** < **raz-** + **po-**: *raspomámiti /sel* – *raspomamljívati /sel* ‘razljutiti se’, **ras-** < **raz-** + **pri-**: *raspripovijèdati/raspripòvjediti se*, **s-** + **pod-**: *spodbijati /sel* – *spòdbiti /sel* ‘zgrabiti, ščepati, dohvatiti’, **u-** + **za-**: *uzbèsiti/uzbijèsi se* ‘postati bijesan od ljutine, pomah-nitati’, *uzbèsneti/uzbjèsneti /sel*, **za-** + **o-**: *zaòkupiti /sel* 2. ‘obratiti se nametljivo, saletjeti, spopasti’.

9. На значение добавления преимущественно указывает удвоение **na-** + **do-** (4,28%): *nadòdati* || *nadòdati* ‘nakititi’ /sel – *nadodávati se*, *nadòliti* – *nadolívati* – *nadolévati/nadolijèvati*, *nadodóliti* || *nàdodoliti /sel*, *nadogràditi /sel* – *nadograđívati /sel*, *nadòkrpiti*, *nadokúpiti*, *nadòmeriti/nadòmjeriti* – *nadomerávati/nadomjerávati* ‘1. domjeriti, dodati onome što je već izmjereno’, *nadòmetnuti* || *nado-mètnuti* – *nadomètati* || *nadòmetati*, *nadòpevati* – *nadòpevati/nadòpjevati* ‘dopjevati, dodati pjevajući’, *nadopísati* – *nadopisívati*, *nadoplátiti* – *nadoplaćívati*, *nadoplèsti* || *nadòplesti* – *nadòplitati*, *nadòpuniti* – *nadopunjávati /sel* – *nadopúnjati*, *nadopunjívati /sel*, *nadosnímiti* – *nadosnimávati*, *nadòstaviti* – *nadòstavljati*, *nadòšiti* – *nadošívati*, *nadozídati* – *nadoziđívati*. Данное значение передает и приставочное сочетание **do-** + **na-**: *donaliti* – *donalévati/donalijevati*, *donalívati*, **po-** + **na-**: *ponàsūti /sel* ‘dopuniti sipajući’, **pri-** + **do-**: *pridòdati*, *pridodávati*, *pridovézati* ‘pridometnuti, nadovezati’.

10. Повтор приставок может выражать сверхнормативность (3,90%). Основным средством для этого служит комбинация **pre-** + **na-**: *prenàbiti*, *prenabrèknuti*, *prenačítati se*, *prenadímati se*, *prenadrážiti*, *prenagomílati* – *prenagomilávati*, *prenàjesti se*, *prenakrrcati*, *prenàliti*, *prenàpiti se*, *prenàpuniti /sel*, *prenasèliti /sel* – *prenase-ljávati /sel*, *prenàsítiti /sel*, *prenatèci* || *prenàtèci*, *prenatòvariti*, *prenatr̀pati /sel* – *prenatr̀pávati /sel*, *prenaùčiti*, *prenàviti*. Реже используется **pre-** + **iz-/is-**: *preizvúci* || *preizvúci* ‘previše, suviše izvući’, **pre-** + **op-** < **ob-**: *preoptèretiti* || *preoptèretiti /sel* – *preopterećívati /sel*, **pre-** + **za-**: *prezàgrejati/prezàgrijati* – *prezagrevávati/prezagrijávati*.

11. Двухприставочные глаголы передают уменьшительность, диминутивность (3,35%). В этих целях чаще всего используется комбинация **po-** + **pri-**: *popričekati*, *popričívati /sel*, *popriđati* ‘malo pridati, dodati’, *popriđići /sel*, *popri-dignuti /sel*, *poprilèci*, *poprimàci* || *poprimàci /sel*, *poprimàknuti /sel*, *popripaziti*, *popri-šaptati*,

popritéci || *popritěci*, *popritégnuti* '1. malo pritegnuti, privrnuti'. К другим средствам относятся **po-** + **na-**: *ponàkvasiti* /sel/ 'malo /sel/ nakvasiti', *ponàgnuti* /sel/ 'malo se nagnuti', *ponaučiti* 'ponešto, malo naučiti', *ponàšaliti se* 'malo se našaliti', **pod-** + **na-**: *podnàpiti se* '1. umjereno se opiti', **pot-** < **pod-** + **po-**: *potpòučiti se* 'prizalogajiti malo prije ručka, čalabrcnuti, založiti', **pre-** + **u-**: *preùraniti*, **pre-** + **u-**: *preutànčati*, **pri-** + **o-**: *priòzdraviti* 'malo ozdraviti', **pri-** + **za-**: *prizàkasniti*, **u-** + **po-**: *upolagàniti*.

12. Двойная приставка может выражать начинательность (2,04%). В этом значении используются различные приставки – **na-** + **o-**: *naopùtiti* || *naòputiti* /sel/ '2. krenuti, poći', **po-** + **na-**: *ponàstajati* 'početi nastajati', **pra-** + **iz-**: *praizvēsti* || *praizvesti* 'premierno izvesti', **u-** + **za-**: *uzàsjeti* 'početi sijati', *uzasmétati* 'početi smetati', *uzàvirati* 'početi vreti', *uzbàciti* – *uzbacívati*, *uzbàcati* 'početi, stati bacati', **za-** + **o-**: *zaokružiti* /sel/ '2. početi se kretati, početi kružiti', *zaòkupiti* /sel/ '1. stati tjerati, potjerati, pognati (obično u gomili)', *zaòkupiti* /sel/ '5. stati, početi', *zaòpucati* 'početi činiti jedno te isto, zapeti'.

13. Сатуративное значение (полное удовлетворение, насыщенность действия; действие, достаточное для деятеля; 1,67%) выражается при помощи **iz-** + **raz-/ras-**: *izrazgovárati* || *izrazgovòriti se*, **na-** + **do-**: *nadòručkovati se*, *nadosaðívati* /sel/, *nadòstiti* /sel/ '1. nasiti se, zadovoljiti se', *nadovòljiti* || *nadòvoljiti* /sel/ 'zadovoljiti se', **na-** + **u-**: *naubjijati* /sel/, *naùzdisati se* 'zasiti se uzdisaja', **na-** + **za-**: *nazapitkívati* '2. zadovoljiti se zapitkivanjem', *nazapovédati/nazapovijédati se* 'zadovoljiti se zapovijedanjem'.

14. Удвоение приставок может передавать кумулятивное значение (накопление, обычно в форме значительного количества), причем речь идет не о точном, а неопределенном накоплении (1,67%): **na-** + **do-**: *nadobijati* /sel/, *nadobívati* /sel/, *nadogòniti*, *nadonòsiti*, *nadovláčiti*, *nadovòziti*, **na-** + **za-**: *nazapitkívati* '1. staviti mnogo pitanja', *nazaùzimati* 'zauzeti, zadobiti u velikoj količini', **po-** + **na-**: *ponadobijati*, *ponaràditi* 'počiniti, uraditi, učiniti podosta čega', *ponàticati* 'nataći u velikom broju'.

15. Аугментативное значение (увеличение, нарастание действия дискретивного характера; 1,30%) передает комбинация **po-** + **na-**: *ponarásti* || *ponàràsti* '2. namnožiti se, povećati se', *nadòstiti* /sel/ '2. dati dosta', *ponarásti* || *ponàràsti* '1. porasti', *zaòstajati* '3. zadržati se duže vremena', а также **pre-** + **u-**: *preuveličati* – *preuveličávati*.

16. Редупликация используется для передачи ретроспективного значения (удвоением выражается ориентация на то, что уже было, произошло; речь может идти о возврате к предыдущему состоянию; 1,30%): **o-** + **s-/sa-**: *ospokòjiti* – *ospokojávati* 'vratiti spokojstvo, učiniti spokojnim, smiriti', **pre-** + **iz-/is-**: *preizdati*, **pre-** + **po-**: *prepòznati* /sel/ 'ponovo poznati', **pre-** + **pri-**: *preprisàditi* 'ponovo, još jednom prisaditi', **pre-** + **pro-**: *preproizvēsti* || *preproizvesti*, **pri-** + **po-**: *pripòkriti* 'ponovo pokriti', **ras-** < **raz-** + **po-**: *raspòznati* /sel/ – *raspoznávati* /sel/ 'poznati, prepoznati'.

17. Значение образования, сохранения или потери контакта (0,74%) выражают приставки **na-** + **do-**: *nadovézati* /sel/ – *nadovezívati* /sel/ '1. dovezati na što, dodati, 2. produžiti, nastaviti', **za-** + **o-**: *zaòstajati* '2. ne pokazati se jednak, ravan po kvantitetu', **pri-** + **sa-**: *prisajedíniti* – *prisajedinjávati*, **pri-** + **za-**: *prizavézati* 'privezati za nešto'.

18. На значение взаимодействия (0,74%) указывает **pot-** < **pod-** + **po-**: *potpomòci* || *potpòmoći* /sel/ '1. pružiti pomoć, podršku', **u-** + **po-**: *upòznati* /sel/ '2. predstaviti jedno drugom', **u-** + **sa-**: *usaglásiti* /sel/.

19. Для передачи того, что относится к будущему, т. е. проспективного значения (0,56%), используются приставки **pre-** + **od-**: *predodređivati*, **pred-** + **s-**: *predskázati /sel/ – predskazivati /sel/*.

20. Остальные значения представлены едитничными примерами. Выражение разделения (0,56%) передается приставками **ras-** < **raz-** + **po-**: *ras-povézati /sel/ ‘skinuti povezu’, raspovijati – raspòviti ‘skinuti, razviti povoj (malom djetetu), osloboditi povoja’, u- + **za-**: *uzàbrati – uzabirati || uzàbirati ‘uzbrati, otkinuti (jabuku)’*. Двойная приставка может выражать возмещение, компенсацию (0,37%) – **na-** + **do-**: *nadòmestiti/nadòmjestiti – nadòmeštati/nadòmještati, nadomešćivati/nadomješćivati, nadomiriti – nadomirivati*, финитивное значение (прекращение или завершение длительного, продолжительного действия, запрограммированного или заранее запланированного действия; 0,37%) – **do-** + **pre-**: *doprédati*, **iz-/pro-**: *isprorásti |ispròrásti < prorasti ‘probiti se rastući između čega, izbaciti klicu pokriti se (travom, bradom)’*, **u-** + **za-**: *uzàtkati ‘izatkati, otkati’, отказ от действия (0,19%) – od- + **u-**: *odùstati – odùstajati ‘ostaviti, napustiti, odustati od koga ili čega’, odùstaviti – odùstavljati*, блокировку (0,19%) – **iz-/is-** + **po-**: *isprepriječati /sel/ ‘1. postaviti kao prepreku’, u- + **za-**: *uzabraniti ‘zabraniti, uskratiti’, исчерпанность (0,19%) – pre- + **o-**: *pre-okúpiti ‘zaokupiti, uhvatiti sa svih strana tjerajući’, многократность (0,19%) – iz-/is-*: *isprepisivati ‘prepisati više puta’, po- + **na-**: *ponasrkati se ‘naskrati se u više mahova, navrata’, более высокую степень (0,19%) – po- + **pri-**: *popritéci || popritěci, popritégnuti 3. ‘fig. strože postupiti prema kome’, комплетивность (добавочное увеличение объекта или действия субъекта; 0,19%) – na- + **do-**: *nadòmeriti/nadòmjeriti – nadomerávati/nadomjerávati ‘2. do kraja izmjeriti’, pod- + **na-**: *podnàpiti se ‘2. posve, sasvim se opiti’, pre- + **o-**: *predòbiti ‘pokr. preobici: poći po cijeloj površini čega, uzduž i poprijeko’, опровержение (0,19%) – o- + **po-**: *oporéci || opòreći*, майоративность (превосходство, доминацию; 0,19%) – **pre-** + **o-**: *preovládati – preovládavati – preovlađivati*, трансмиссию (А В С; 0,19%) – **pre-** + **pro-**: *prepròdati – preprodávati*. В некоторых случаях с трудом улавливается признак семантической или стилистической модификации, и такие случаи назовем приставочным плеоназмом (0,19%). Сюда относятся удвоение **pre-** + **o-**: *preòstati – preòstajati*, **pri-** + **o-**: *prìokupiti ‘okupiti, skupiti’, pri- + **sa-**: *prisàbrati*.***********

21. Редупликация приставок у имен существительных проявляется больше всего в сочетании **o-** + **bez-/bes-**: *obeshbrabrénje, obèshràbrenòst, obeshbràbivànje, òbezbeda/òbezbjeda, obezbedénje/obezbjeđénje, obèzbèdenòst/obèzbijedenòst, obezbedivànje/obezbjeđivànje, obezbojávànje, obezbrižénje, obezduhovljénje, obezdùhovljenòst || obezdùhòvljenòst, obezdušénje, obezbèditelj/obezbjèditelj, obezglavljenje, obèzglàvljenòst || obèzglàvljenòst, obezglavlživànje, obezličávànje, obezličénje, obèzličènòst, obezljuđivànje, obèzmatičénje, obèznàđenòst, obèznànjenòst, obezoružánje, òbezoružànòst, obezoružávànje, obezumljenje, obèzùmljenòst || obèzùmljenòst, obezumlživànje, obezvređénje, obèzvrèdenòst/obèzvrijedenòst, obezvređivànje, obezvremenjenje, obeskonačávànje, obeskonačivànje, obeskòrènjenòst, obeskòrenjenòst/obeskòrijenjenòst, obèskrìljenòst, obeskrljavànje, obeskrlvénje, obes-krvlživànje, obesкураžénje, obeskužávànje, obesmišljávànje, obesmišljivànje, obesmišljivati, obesmrćenje, obesmrćivànje, obesmrćivati (se), obesnažávànje, obesnažénje, obès-nàženòst, obespokojávànje, obespokojénje, obespòkojenòst,*

obesprašívānje, obespravljénje, obèsprāvljenōst, obespravljívānje, obèspūćenōst, obesrbjlávānje, obesvećávānje, obesvećívānje, obesvećenje, obesvešćenje/obesvješćenje, obeščašćávānje, obeščašćenje, obeščašćenōst, obeštećenje, obeščašćívānje, obeščovećenje/obeščovječenje, obe-štećívānje, obešumljávānje, obešumljenōst, obešumljívānje, obesvètitelj.

На втором месте по частоте находится **na-** + **do-**: *nadodávānje, nadogrādња, nadograđívānje, nadolevanje, nadolijèvānje, nadolívānje, nadomerávānje/nadomjerávānje, nadòmestak/nadòmjestak, nadomešćívānje/nadomješćívānje, nadòmestānje || nadòmještānje / nadomjèštānje || nadòmještānje, nadòmetak, nadomètānje || nadòmètānje, nadopisívānje, nàdoplata, nadòplitānje, nàdopuna, nadopùnilac, nadopùnjàč, nadopúnjānje, nadopunjávānje, nadopunjénje, nadopunjívānje, nadòsetnōst/nadòsjetnōst, nadosiguránje, nadosnimávānje, nadòstavljānje, nadošívānje, nàdošlica, nadòvezak, nadovezívānje, nadoziđívānje, а на третьем **o** + **ne-**: *onečišćenje, onečovećenje, onečovječenje, onémelōst, onemòcalōst, onemogućávānje, onemogućívānje, onepismenjávānje, oneraspòloženōst, onesposobljenje, onesvešćívānje, onesveštènik, onesveštenje, onesvješćívānje, onesvještènik, onesvještenje.**

Частотными являются удвоения с начальной приставкой **pre-**, а именно **pre-** + **na-**: *prènatrpanōst, prenatrpávānje, prenatòvarenōst, prenàseljenōst, prenàsādenōst, prenago-milávānje, prenàdrāženōst, prenàčitānōst, pre- + **po-**: *preporodénje, prepòrođenōst, prepokrívānje, preporáđānje, prèporòd, preporòditelj, prèporuka, preporòditeljka, pre- + **pro-**: *preprodávac, preprodáváč, preprodavàčica, preprodáv-alac || preprodávalac, preprodávatica, pre- + **raz-/ras-**: *prèraspodela/prèraspodjela, preraspoređívānje, pre- + **u-**: *preuveličávānje, prèuveličānōst, pre-udešávānje, preùranjenōst, pre- + **za-**: *prèzauzètōst, pre- + **o-**: *prèokrèt, preòkretānje, preokupáci-ja, preòstajānje, preovladávānje, preovlađívānje.*******

Остальные комбинации реже встречаются: **bez-** + **iz-**: *bèzizglèdnōst || bezizglèdnōst, bez- + **ob-**: *bèzoblíčnōst || bezoblíčnōst, bezòblíče, do- + **na-**: *donalévānje/donalijèvānje, donalívānje, do- + **pre-**: *doprédānje, doprìnošénje, is- + **pro-**: *ispòsècānōst/ispòsijecānōst, iz-/is- + **bez-**: *izbèzūmljenik || izbezumljenik, izbezumljenje, izbèzūmljenōst || izbèzumljenōst, izbezumljívānje, iz-/is- + **nad-**: *iznàdvremenōst, iz-/is- + **po-**: *ispòvrāćenōst, ispòvrtānje, iz-/is- + **pod-**: *ispodrebrènica, mimo- + **pro-**: *mimopròlazak, mimopròlaznica, mimopròlaznik, o- + **po-**: *oporećenje, o- + **s-**: *ospokojávānje, od- + **u-**: *odùstajānje, odùstanak, odùstanica, odustatnina, odùstavljānje, odùmirānje, po- + **do-**: *podozrénje, po- + **iz-/is-**: *poistòvećenōst, poistovećívānje, pod- + **na-**: *pòdnadūtōst, podnadùvenōst, pod- + **u-**: *podùhvatānje, podùzimānje, pod- + **za-**: *podzákupac, pot-* < **pod-** + **po-**: *pòtpokrèt, potpòglāvlje, pot-* < **pod-** + **pred-**: *pòtpred-sednik/pòtpredsjudnik, pòtpredsudnica/pòtpredsjudnica, pòtpredsedništvo/pòtpredsjudnī-štvo, pra- + **iz-**: *pràizvedba || praižvedba, pra- + **za-**: *prazàmetak, pred- + **od-**: *predodređenje, predòdrèdenōst, predodređívānje, pred- + **s-**: *predskazánje, predskaziváč, predskazívānje, ras-* < **raz-** + **po-**: *raspodeljenje/raspodjeljenje, raspodeljívānje/raspodjeljívānje, rāspodela/rāspodjela, raspòmāmljenōst, raspomāmljívānje, raspoznávānje, ras-* < **raz-** + **pro-**: *rasprodávānje, raspròstirānje, raz- + **o-**: *razotudénje, u- + **o-**: *uokvirávānje, uokvirénje, u- + **za-**: *uzàvrelōst, za- + **o-**: *zàokrùg.**************************

22. Редупликация приставок у имен прилагательных больше всего проявляется в паре **iz-/is-** + **van-**: *izvancìkvenī || izvancrkvenī, izvanekònomskī || izvanèkonomskī,*

iznadnacionālan, izvanèvròpskī, izvanljùdskī, izvanmùzičkī, izvannàučnī, izvanpròstoran || *izvanpròstoran, izvansèrījskī* || *izvansérījskī, izvan-sèzònskī, izvanstranačkī, izvanstvårnosnī, izvansškòlskī, izvanškòlskī, izvanvremen, izvan-vremenskī, izvanzemàljskī*. Часто появляется сочетание **na-** + **do-**: *nàdodatnī, nàdo-platnī, nadopùnjujūcī, nàdosecājan/nàdosjecājan, nadòsetan/nadòsjetan, nadòšao, nadovè-zljiv*, а также **o-** + **bez-/bes-**: *obeshràbrujūcī, obèzubljen, obezvrédeo/obezvrijèdio, obezùmljujūcī, obèzušiti, obeznānjujūcī*.

К остальным удвоениям относятся **bez-** + **iz-**: *bezishodan, bèzizglèdan*, **bez-** + **na-**: *beznàglasan*, **bez-** + **ob-**: *bèzoblīčan*, **bez-** + **za-**: *bezázoran*, **do-** + **pre-**: *dòpreporodnī*, **is-** + **pro-**: *ispròzèbao*, **iz-/is-** + **bez-**: *izbèzùmljen*, **iz-/is-** + **nad-/nat-**: *iznadzemàljskī, iznatčūlan, iznatprírodan, iznatpròsečan/iznatpròsječan*, **is-** < **iz-** + **po-**: *ispòpucao, ispotpròsečan/ispotpròsječan*, **is-** < **iz-** + **pod-**: *ispodljùdskī, ispodmòrskī, ispodmūkao, ispodvodan*, **mimo-** + **pro-**: *mimoprólazan* || *mimoprólazan, mimoprólazecī*, **o-** + **bez-/bes-**: *obèzubeo/obèzubio, obespokojávajūcī, obespràvljujūcī, obesvècujūcī*, **o-** + **ne-**: *onesposobljávajūcī, onespokojávajūcī*, **o** + **pre-**: *oprèdèljen/oprèdijeljen*, **o-** + **s-**: *ospokojávajūcī*, **od-** + **u-**: *odùmiljen*, **po-** + **iz-/is-**: *pòizdaljī, pòizderān, pòizderāt*, **po-** + **naj-**: *ponājlak* || *pònājlak, pònājpřvī* || *pònājprvī, pònājvišī, pònājzadnjī, pònājznamenitijī*, **pod-** + **za-**: *podzákupnī*, **pot-** + **po-**: *pòtpokōran*, **pot-** < **pod-** + **pred-**: *pòtpredsedničkī/pòtpredsjednīčkī*, **pre-** + **iz-/is-**: *preispodnī, preispodnjī, prèizobīlan, prèizobīlno, preizrāden*, **pre-** + **na-**: *prenàdrāžen, prenàseljen*, **pre-** + **po-**: *prèpokōran, prèporodan, preporòdilačkī, preporòditeljskī*, **pre-** + **pod-**: *prepòdnèvnī*, **pre-** + **u-**: *preùglāden, preùranjen, prèutančān, prèuveličān*, **pre-** + **za-**: *prèzadovōljan, prezaòkupiti, prèzauzēt*, **pre-** + **ne-**: *prènejāk, prèneugodan* || *preneùgodan, prenèznatan, prènevōljan*, **pre-** + **o-**: *preovlàdujūcī, preovladávajūcī, prèodān*, **ras-** + **po-**: *raspoznātjljiv*, **za-** + **o-**: *zaòkruglast*.

23. Носителем редупликации приставок у наречий обычно является начальное **po-**, за которым следует **iz-/is-**: *pòizblīza, pòizblīžē* || *pòizbliže, poizdalēka, pòizdaljē* || *pòizdalje, pòizdaljēga* и **na-**: *pònājpřvo* || *pònājprvo, pònājvećma, pònājvišē* || *pònājviše, ponákrst, pònālevo/pònālijivo, ponaòsob, ponàprèd, ponàprèd/ponàprijed, ponáručno*. К остальным сочетаниям относятся **bez-** + **iz-**: *bèzizglèdno*, **bez-** + **za-**: *bezázorno*, **pre-** + **u-**: *preùranjeno*, **iz-/is-** + **bez-**: *izbèzùmljeno* || *izbèzumljeno*, **iz-/is-** + **naj-**: *iznājprē – iznājprije*, **iz-/is-** + **po-**: *ispuodāvna, ispo-prēka/ispoprijeja, ispotpròsečno/ispotpròsječno*, **iz-/is-** + **pod-**: *ispòdmūkla* || *ispod-mūkla, ispodmūklo* || *ispodmūklo, ispodòčkē*, **iz-/is-** + **pri-**: *isprévārkē/isprijévārkē*, **na-** + **do-**: *nàdovèk* || *nàdovek/nàdovijek, nadogled*, **na-** + **o-**: *naopòslen, naopòsлом, naopòslu*, **o-** + **bez-/bes-**: *obeshràbrujūce, obèzdušeno, obèzglāvljeno, obèznānjeno, obèzùmljeno* || *obèzumljeno*, **o-** + **ne-**: *onespokojávajūce*, **o-** + **pre-**: *oprèdijeljeno*, **od-** + **ne-**: *òdnedāvno/odnèdāvno*, **pre-** + **o-**: *prèodāvno, preòkrènūto*, **u-** + **na-**: *naokolo, ùnaokolo, ùnaokrūg* || *ùnaokrūg, ùnatrāg* || *ùnatrāg*, **u-** + **ne-**: *ùnèdoglèd, ùnepovrāt*, **u-** + **o-**: *ùokrūg* || *uokrūg*, **u-** + **po-**: *ùpoprijejo*, **u-** + **ras-**: *ùraskorāk*, **u-** + **za-**: *uzàsve*, **za-** + **do-**: *zàdovèk/zàdovijek, zàdovèka/zàdovijeka*, **za-** + **na-**: *zàna-vèk/zànavijek*.

Удвоение приставок реже встречается у предлогов (*nàdoglèd, nàdohvāt* || *na-dòhvāt*).

Литература

1. Babić 1986: Babić, S. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. *Nacrt za gramatiku*. – Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti.
2. Klajn 2002: Klajn, I. Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku. Deo 1: Slaganje, Prefiksacija. – Novi Sad: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.
3. Rečnik MS-MH 1969: Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika. Knj. I-VI. – Novi Sad – Zagreb: Matica srpska – Matica hrvatska.
4. Terzić 1997: Terzić, A. Strukturno-semantičke karakteristike glagola sa prefiksalskom grupom **pona-** u ruskom i srpskom jeziku. – In: Nuačni sastanak slavista u Vukove dane. – Knj. 26/2. – S. 309–320.
5. Тошович 2009: Тошович Б. Трансакционал русског и сербског/хорватског/бошњачког језиков. – Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego.

Branko Tošović

NIZANJE PREFIKSA U SRPSKOM, HRVATSKOM I BOŠNJAČKOM JEZIKU

U tekstu se analizira ponavljanje prefiksa u formi reduplikacije i triplikacije. Autor ističe da su rijetki slučajevi kada dolaze četiri prefiksa. Među vrstama riječi nizanje se najviše ispoljava kod glagola (ono se još javlja kod imenica, pridjeva i priloga; kod prijedloga je vrlo rijetko).

Rad se sastoji iz formalnog i semantičkog dijela. U formalnom se navode svi prefiksi koji tvore reduplikaciju i triplikaciju. Semantičkoj analizi podvrgnuta su 536 glagola i 29 njihovih značenja. Po učestalosti redosljed je ovakav: distributivnost 44,05%, eliminisanje 17,47%, transformacija 4,83%, prostor 4,28%, intenzivnost 4,28%, dodavanje 4,28%, nadnormativnost 3,90%, deminutivnost 3,35%, inhoativnost 2,04%, saturativnost 1,67%, kumulativnost 1,67%, augmentativnost 1,30%, retrospekcija 1,30%, kontakt 0,74%, diskontinuitet 0,74%, interakcija 0,56%, prospekcija 0,56%, razdvajanje 0,56%, finitivnost 0,37%, kompenzacija 0,37%, blokada 0,19%, denormativnost 0,19%, iterativnost 0,19%, poređenje 0,19%, odustajanje 0,19%, majorativnost 0,19%, pleonazam 0,19%, transmisija 0,19%, usputna realizacija 0,19%.

Игорь С. Улуханов

(Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия)

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ ЯВЛЕНИЙ РЕАЛЬНОГО МИРА

Изучение отражения в языке истории и культуры народа – проблема для языкознания, как известно, не новая. Этимология и история языка издавна опираются на уже известные культурологические факты прошлого и сами открывают многие из таких фактов. В настоящее время лингвистика стремится не только извлечь из языка отдельные культурологические факты, но и систематизировать их, т.е. реконструировать то, что называется «языковой картиной мира», «моделью мира», «картинкой жизни» и т.п. «Реконструкция наивной модели» мира на основе полного описания лексических и грамматических значений рассматривается как сверхзадача семантики и лексикографии, имеющая ценность сама по себе» [Апресян 1986: 6]. До решения этой сверхзадачи необходимо предварительно решить как традиционную задачу полного описания значений, так и не традиционную задачу выявления в особенностях языка фрагментов картины мира, синтез которых мог бы реконструировать «наивную модель мира» носителей того или иного языка.

1. К числу явлений языка, подлежащих описанию и анализу с точки зрения языковой картины мира, относятся словообразовательные значения. Как справедливо отметила А. Нагурко, “...nadanie pewnym kategoriom pojęciowym wykładników słowotwórczych – zwłaszcza semantyczna specjalizacja afiksów – pokazuje, jakie pojęcia są dla naszego ludzkiego doświadczenia ważne, jaka jest ich hierarchia i jak są one uzewnętrzniane”. [Nagórko 1998: 194.]

В связи с этим интересной и перспективной задачей является анализ единиц, выделенных посредством чисто семантической классификации, с точки зрения участия словообразовательных средств в выражении значений этих единиц. На материале русской диалектной лексики, относящейся к семантическим группам «небо и небесные тела», «земля», «растительный мир» и «животный мир», эта проблема рассмотрена в книге Т.И.Вендиной [Вендина 1998]. Изученный материал привел автора к следующему выводу: «Словообразовательные средства привлекаются, как правило, для означивания только тех реалий, которые *могут оцениваться*, когда необходимо актуализировать признаки, имеющие практическое значение для человека в его освоении мира, причем не только такие, которые имеют хозяйственно важные значения, но и такие, которые помогают ему ориентироваться в сложном и многоликом мире природы» [Вендина 1998: 203]. В процессе дальнейшего изучения участия мотивированной лексики в выражении значений различных семантических групп может быть построена типология данных групп с указанной точки зрения. Предварительное рассмотрение единиц классификации, содержащейся в [Рус. сем. сл. 2000] (лексических множеств и подмножеств и лексико-семантических рядов), с точки зрения участия в них мотивированных и немотивированных слов показало, что существуют все возможные их виды, т.е. единицы, состоящие только из мотивированных или только из немотивированных слов; единицы, состоящие преимущественно из мотивиро-

ванных или немотивированных слов; единицы, включающие примерно равное количество мотивированных и немотивированных слов. Каждая из выделенных единиц может быть оценена и с точки зрения участия в ее создании других способов номинации (развитие новых значений, заимствования, возникновение комплексных наименований). Не претендуя на построение типологии выделенных единиц, рассмотрим некоторые из них с указанных точек зрения.

1.1. Номинативный состав этих групп тесно связан с семантическими принципами их выделения. Так, выделение в лексическом классе «названия лиц» множества «названия лиц по характерным признакам: по свойству, состоянию, отношению, по связям, по действию, функции» предполагает преобладание в лексико-семантических рядах (см. схему 9 в [Рус. сем. сл. 2000, I: 66]), относящихся к данному подклассу, мотивированных слов (*дачник, мудрец, житель* и мн. др.), хотя не исключает и немотивированных, у которых значение, аналогичное дериватеме, «амальгамировано» [Мельчук 1997: 280] с лексическим значением слова (*врач* – ‘тот, кто лечит’).

Группа названий лиц, занятых «В сфере искусства, творчества; по сопутствующим им занятиям» [Рус. сем. сл. 2000, I: 205–219] имеет лишь 22% немотивированных слов, а мотивированных – 78% (количественное соотношение 79 : 282). Это объясняется тем, что основные названия данных лиц мотивируются названиями средств, предметов или сфер деятельности (*юморист, акварелист, ваятель, иконописец, пейзажист, дизайнер* и мн. др.). То же можно сказать о названиях лиц, занятых, например, «В хозяйственной, экономической сферах деятельности» [Рус. сем. сл. 2000, I: 276–312], где рассматриваемое соотношение еще более благоприятно для мотивированных слов (6,2% : 93,8% или 56 : 844), ср. *приемщик, вертолетчик, кораблестроитель, лифтер* и мн. др. В группе лиц, названных «По отношению к расе, национальности, а также к территории, к месту жительства, по местонахождению» [Рус. сем. сл. 2000, I: 68–73], как ясно из этого перечня мотивирующих признаков, также преобладают мотивированные слова (20,5% : 79,5% или 17 : 66): *уроженец, беженец, новосёл, дачник, австралиец, волгарь, горец* и т.д. (ср. немотивированные *абориген, автохтон, бюргер, туземец* и некот. др.).

1.2. Степень и характер мотивированности слов той или иной лексической группы может зависеть и от достаточно узких и конкретных семантических особенностей этих слов, относящихся как к денотативной, так и к коннотативной сфере значений. Например, названия мяса в [Рус. сем. сл. 2000, II] распределены по трем лексико-семантическим рядам, входящим в разные множества, выделенные на денотативной основе (см. схему в [Рус. сем. сл. 2000, II: 264]) – мясо млекопитающих [Рус. сем. сл. 2000, II: 265, 266], птиц [Рус. сем. сл. 2000, II: 268] и рыб [Рус. сем. сл. 2000, II: 268, 269]. Почти исключительно из мотивированных слов одной и той же структуры – название животного + суффикс **-ин(а)** / **-атин(а)** – состоит первая группа: *баранина, бычати́на* (прост.), *верблюжа́тина, зайча́тина, козля́тина, конина, крольча́тина, лосина, лося́тина, медвежа́тина, оленина, поросья́тина, свинина, теля́тина, тюленина, коша́тина, псина, собача́тина*. Немотивированными являются лишь *говя́дина* (входящее в супплетивные пары *корова/говя́дина, бык/говя́дина* и имеющее тот же суффикс, что и в остальных названиях; IV степень членимости по шкале М.В. Панова) [Словообр. 1968: 214–217], а также

заяц, поросенок, кролик, у которых имеет место регулярная полисемия: «название животного» – «название его мяса как пищи» (причем имеются параллельные суффиксальные существительные *зайчатина, крольчатина* и *поросятина*) и само слово *мясо*, одно из значений которого – «то же, что *говядина*». Две другие группы («мясо птицы» и «мясо рыбы») состоят преимущественно из слов с указанной регулярной полисемией: *гусь, индейка, индюшка, каплун, курица, птица, утка, цыпленок; вальдишней, глухарь, куропатка, рябчик; анчоус, белорыбица, белуга, бычок, вобла, горбуша, ёрш, жерех, зубатка, иваси, камбала, карась, копчушка, корюшка, ледяная, мойва, муксун, навага, налим, плотва, подлецик, селедка, сельдь, семга, сиг, тарань, толстолобик, треска* и мн. др., а также *птица* и *рыба* в значении «мясо птицы, рыбы». Отдельные в разной степени мотивированные слова этих групп (*глухарь, рябчик, белорыбица, белуга, бычок, горбуша, зубатки, копчушка, ледяная, подлецик, толстолобик*) не образуют, в отличие от названий мяса млекопитающих, словообразовательного типа с одним и тем же суффиксом; из названий мяса птицы и рыбы к этому типу принадлежат лишь *гусятина, индюшатина, курятина, утятина, лососина, осетрина, севрюжина, сомятина, стерлятина*; все они имеют параллельные названия мяса, совпадающие с названием животного (*гусь, индюшка, курица, утка, лосось, осетр, севрюга, сом, стерлядь*).

Причины столь существенных различий в структуре названий мяса млекопитающих, с одной стороны, и птицы и рыбы, с другой, следует усматривать, очевидно, в том, что у названий крупных млекопитающих не действует типичная для названий птиц и рыб семантическая модель «название животного» > «название его мяса как пищи». Эта модель из названий млекопитающих представлена лишь в *заяц, кролик* и *поросенок*, т.е. у названий некрупных млекопитающих (ср. *жареный заяц, кролик* и *поросенок*, но не **жареный козел, медведь, олень* и т.п.). Таким образом, для названий мяса млекопитающих типична словообразовательная мотивация, а для названий мяса птиц и рыб – регулярная полисемия.

1.3. Рассмотренный пример показал зависимость номинативных особенностей семантической группы слов от их денотативного значения. Не меньшее влияние может оказывать наличие/отсутствие в семантике слов коннотативных элементов значения. Так, в подмножестве «Обращения» [Рус. сем. сл. 2000, I: 346–350] слова, относящиеся к лексико-семантическому ряду «Собственно обращения», являются немотивированными: *господин, мадам, мадемуазель, миледи, милорд, мисс, мистер, пан, сеньор, сударь, сэръ, товарищ*. Мотивированными в этой группе являются лишь корреляты женского рода: *госпожа, пани, сеньора, сеньорита, сударыня*, ср. также *мисс - миссис*. В группе же обращений с элементами коннотации (оценка, эмоция) преобладают обращения, мотивированность которых вызвана наличием этих элементов: *батенька, батюшка, братец, братишка, браток, девонька, дорогуша, дружище, дружок, кормилец, мамаша, мамочка, папаша, сестренка, старик, старина, сынок; голубушка, голубчик, душенька, душечка, зайнышка, зайчик, золотко (золотце), киска, котенок, котик, кровинка, лапонька, лапушка, ластонька, милаша, милка, милок, милочка, птичка, родненький, роднуля, рыбка, рыбонька, сердечный, соколик, солнышко; цветик, цветочек, чертяка, чертушка, ягодка* (большую мотивированность оценочных слов по сравнению с «идентифицирующими» отмечает и Т.И. Вендина [Вендина

1998: 36]), хотя, конечно, коннотативные элементы могут выражаться и словообразовательно немотивированными словами, которых в данной группе, меньше, чем мотивированных: *батя, брат, дорогой, друг, мадам, мать, орел, отец, паря, сударь, хозяин, ангел, голуба, голубь, касатик, ласточка, милый, родной, свет, сокол*. При этом важно отметить, что слова употребляются в качестве обращения не в основных переносных значениях, ср. *отец* «почтительное обращение к пожилому мужчине или (в устах женщины) к мужу – главе семьи» (прост.), *сокол* перен. «ласковое обращение к мужчине, юноше; вообще доброжелательное упоминание о таком лице (разг. и нар.-поэт.)». Такие значения свойственны и многим из приведенных мотивированных слов, напр., *братец* «в непринужденной речи: дружеское и фамильное обращение к мужчине» и мн. др.

1.4. Значения некоторых семантических групп в той или иной мере могут способствовать немотивированности входящих в них слов. Это относится к группам номенклатурного характера, состоящих из названий или терминов, употребляемых в какой-либо четко очерченной отрасли; таковы, например, многие лексико-семантические ряды, включающие названия животных, например, обезьяны: *гibbon, горилла, гусар, капуцин, лемур, макака, мартышка, орангутанг, павиан, резус, шимпанзе* (мотивированы только *игрунка, ревун и руконожка*), волки, лисы, собаки и другие хищные животные: *волк, динго, койот, лиса, песец, пес, собака, шакал* (мотивированы только *лисица, огневка* – прост. и обл., *сиводушка*), породы собак: *болонка, борзая, бульдог, бультерьер, доберман, дог, колли, левретка, легавая, мопс, ньюфаундленд, тинчер, пойнтер, пудель, сенбернар, сеттер, спаниель, такса, терьер, фокстерьер, ипиц, эрдельтерьер* (мотивированы только *боксер, водолаз, ищейка, лайка, овчарка*), кошки, большие кошки: *барс, гепард, ирбис, кугуар, лев, леопард, пантера, пума, рысь, тигр, ягуар* [Рус. сем. сл. 2000, I: 407–415] и др. названия животных; ср. также, например, названия горных пород, ископаемых (*алебастр, антрацит, апатит., асбест, аспид, базальт, боксит* и мн. др.), см. [Рус. сем. сл. 2000, I: 622–624], (мотивированы *железняк, змеевик, известняк, ракушник, супесь*); обозначения «собственно неба и небесных тел» [Вендина, 1998: 35] и многие другие номенклатурные системы.

В целом в группе названий животных, зафиксированных в [Рус. сем. сл. 2000, I: 396–461], немотивированных слов $\approx 57\%$ (642 слова), мотивированных – $\approx 43\%$ (485 слов), причем преимущественно из мотивированных слов состоят отдельные лексико-семантические ряды, значением которых предопределена мотивированность: названия животных по характерному признаку (*вредитель, выкормок, людоед, подранок* и т.п.); *годовик, двухлеток* и т. п., *вожак, производитель* и т. п.; названия совокупностей животных (*беспозвоночные, выводок, молодежь* и т. п.), классов, подклассов, отрядов [Рус. сем. сл. 2000, I: 406]: *грызуны, парнокопытные* и т. п.); названия самок, детенышей (*львица, льенок*), обиходные названия (*косолапый, сивка, хрюшка* и т. п.). Аналогично соотношение мотивированных и немотивированных слов у названий растений [Рус. сем. сл. 2000, I: 514–563] – $\approx 40\%$ (320 слов) мотивированных и 60% (485 слов) немотивированных.

Подмножество «По воинским категориям, чинам, званиям; сами такие чины, звания» [Рус. сем. сл. 2000, I: 262–266], входящее в лексический класс названий лиц, включает 80% немотивированных слов и 20% мотивированных (45 : 11).

Лексико-семантический ряд «Служители культа, церкви, их титулы, титулования» [Рус. сем. сл. 2000, I: 198–202] содержит 69% немотивированных и 31% мотивированных слов (60 : 27). Понятно, что преобладание немотивированных слов в обеих группах объясняется их номенклатурным характером: чины и звания чаще выражаются немотивированными (для обеих групп обычно заимствованными) словами (*матрос, офицер, солдат, адмирал, генерал, капитан* и т. п.; *патриарх, митрополит, епископ* и т.п.), чем мотивированными (*полковник, подполковник, красноармеец, рядовой* и т.п.; *вероучитель, духовник, звонарь, игуменья, ключарь* и т. п.).

Таковы некоторые возможные линии связи между семантикой слов, выражающих различные понятия, группировками этих слов и их мотивированностью или немотивированностью. Специфика описания словообразования в целях решения сверхзадачи семантики и лексикографии – реконструкции наивной модели мира – состоит, в частности, в выяснении причин словообразовательной выраженности, а следовательно и актуальности для носителей языка определенных элементов внеязыковой действительности. Некоторые из этих причин мы попытались указать выше.

2. Актуальность для носителей языка тех или иных явлений действительности на словообразовательном уровне проявляется, конечно, не только в наличии/отсутствии мотивированных слов и соответственно – словообразовательных средств для их выражения, но и, например, в частотности мотивированных слов.

Изучение частотности мотивированных слов актуально и в связи с тем, что, как отметила Е.С. Кубрякова, «в ЯКМ <языковую картину мира – И.У.> включается такой пласт лексики, который можно было бы назвать **общепопулярным** и **общеупотребительным**» [Кубрякова 2003: 5].

Рассмотрим некоторые словообразовательные явления русского языка, в частотности которых отражаются факты реальной действительности, и их взаимоотношения. В связи с отсутствием исследований частотности словообразовательных явлений мы можем изложить не конечные выводы, а лишь некоторые возможности дальнейших исследований.

2.1. С разных точек зрения может быть изучен список мотивированных слов в соответствии с их частотностью, выделенный из частотных списков, имеющих в [Част. сл. 1977], [Шайкевич 2008] (основанном на языке газет 1990-х годов) и появившемся в ноябре 2009 г. в Интернете (в «Национальном корпусе русского языка») «Новом частотном словаре русского языка» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [Ляшевская 2009] (ruscorpora.ru). Наиболее частотным мотивированным словом в [Част.сл.1977] и [Ляшевская 2009] является существительное *жизнь*, в [Шайкевич 2008] – прилагательное *российский*. Вторым по частотности мотивированным словом и самым частотным мотивированным прилагательным в Част. сл. 1977 является слово *советский*; в [Ляшевская 2009], включающем и более поздние источники, это слово занимает 24 место среди мотивированных слов, в [Шайкевич 2008] – 142 место. Самым частотным мотивированным прилагательным в [Ляшевская 2009] является слово *русский* (если не считать более частотное местоименное прилагательное *какой-то*). Самым частотным мотивированным существительным и вторым по частотности мотивированным словом в [Шайкевич 2008] является слово *правительство*. Что касается мотивированных глаго-

лов, то здесь три списка весьма близки: в [Част. сл. 1977] первый по частотности глагол – *сделать*, второй – *понимать*, в [Ляшевская 2009], наоборот, *понимать* – первый, а *сделать* – второй, в [Шайкевич 2008] *сделать* – первый, а *понимать* отсутствует в списке наиболее частотных 200 слов (в [Шайкевич 2008] частотный список ограничивается только этими словами). Как видим, сходства/различия в обоих списках отражают, с одной стороны, сходную актуальность общечеловеческих понятий и действий, с другой стороны – изменчивость и различия, обусловленные политическими изменениями и жанром источников.

2.2. Заслуживают изучения не исследовавшиеся ранее отношения между частотностями однокоренных слов. Эти отношения нередко отражают существенные особенности значений этих слов и стоящих за этими значениями внеязыковых реалий. Рассмотрим, например, частотность словообразовательных антонимов.

Одним из самых распространенных видов словообразовательной антонимии являются пары, состоящие из глаголов, один из которых означает возникновение (создание) какой-либо ситуации, а другой – исчезновение (ликвидацию) той же ситуации. Частотность этих глаголов может быть разной, но глагол, означающий возникновение, почти во всех парах частотнее, нежели глагол, означающий исчезновение: *вооружить* (15 – по Част. сл. 1977) – *разоружить* (5), *включить* (43) – *выключить* (11), *открыть* (258) – *закрыть* (125), *обуть* (8) – *разуть* (0), *одеть* (47) – *раздеть* (5), *забронировать* (2) – *разбронировать* (0), *заминировать* (2) – *разминировать* (0), *заморозить* (2) – *разморозить* (0), *заколдовать* (2) – *расколдовать* (0), *посоветовать* (39) – *отсоветовать* (1), *убедить* (48) – *разубедить* (1), *уверить* (14) – *разуверить* (0), *согнуть* (7) – *разогнуть* (1), *расцвести* (8) – *отцвести* (2), *полюбить* (54) – *разлюбить* (6), *влюбиться* (18) – *разлюбить* (6), *привыкнуть* (83) – *отвыкнуть* (7) и т. п., но *уснуть* (35) – *проснуться* (60)

Среди глаголов рассматриваемого значения (возникновение/исчезновение) выделяется большая группа со значением приближения, присоединения (т.е. возникновение контакта) / отдаление, разъединение (т.е. исчезновение контакта). И в этой подгруппе глаголы возникновения, как правило, частотнее глаголов исчезновения: *прибыть* (81) – *отбыть* (9) – *убыть* (0), *приехать* (326) – *уехать* (111), *привезти* (56) – *увезти* (17), *привести* (211) – *увести* (22), *принести* (200) – *унести* (25), *притащить* (7) – *утащить* (2), *приволочь* (2) – *уволочь* (1), *соединить* (28) – *разъединить* (2), *присоединить* (5) – *отсоединить* (0), *привязать* (20) – *отвязать* (0), *прилепить* (2) – *отлепить* (0), *прилипнуть* (5) – *отлипнуть* (0), *прибавить* (28) – *отбавить* (0), *подойти* (280) – *отойти* (95), *подъехать* (17) – *отъехать* (0), *подкатить* (8) – *откатить* (0) и мн. др.

Большая частотность первых членов приведенных выше антонимических пар объясняется, по-видимому, тем, что каузирование наличия чего-либо воспринимается как действие, первичное по отношению к каузированию отсутствия, и значение первых членов пар воспринимается как более простое по отношению к значению вторых членов пар. Случаи большей частотности вторых членов [*подвезти* (3) – *отвезти* (13), *прийти* (543) – *уйти* (626), но 16113 – 9806 по [Шайкевич 2008]] единичны.

Среди приведенных пар есть и такие, в которых первый член является мотивирующим по отношению ко второму: *отклеить* ‘отделить по клею нечто приклеенное’,

разгерметизировать ‘аннулировать результат действия по глаголу *загерметизировать*’, аналогичными отношениями характеризуются такие пары, как *прилипнуть* – *отлипнуть*, *приколоть* – *отколоть*, *припаять* – *отпаять*, *забронировать* – *разбронировать*, *загримировать* – *разгримировать*, *наладить* – *разладить*, *заминировать* – *разминировать*, *заморозить* – *разморозить*.

Большая частотность названий первичных и более простых явлений подтверждается и другими данными.

В приставочной парадигме глаголов, по-видимому, всегда наиболее частотен семантически самый простой глагол, т.е. глагол с чистовидовой (результативной) приставкой (если он, конечно, имеется в парадигме), ср. *делать* – *сделать* (732), **на-** (25), **про-** (21), **пере-** (8), **от-** (6), **в-** (4), **при-** (2), **об-** (2), **раз-** (2), **вы-** (1), **за-** (1), **под-** (1), **до-** (1), **по-** (1), **воз-** (0), **у-** (0); *писать* – *написать* (303), **под-** (63), **за-** (48), **о-** (34), **с-** (12), **вы-** (11), **ис-** (6), **про-** (6), **пере-** (5), **в-** (4), **до-** (3), **рас-** (3), **от-** (2), **пред-** (2), **по-** (1), **над-** (0), **у-** (0); *ставить* – *поставить* (297), **за-** (112 – частотность двух омонимичных глаголов, не различаемых в Част. сл. 1977 : 27), **вы-** (25), **от-** (17), **рас-** (16), **под-** (9), **об-** (6), **пере-** (6), **на-** (3), **у-** (1), **над-** (0).

С количественной точки зрения могут быть рассмотрены и другие виды отношений мотивированных слов с другими словами языка.

Так, в паре мотивирующее – мотивированное в большинстве случаев частотнее мотивирующее, хотя возможны и обратные отношения, обычно поддающиеся объяснению. Например, коррелируют женского рода, как правило, менее частотен по отношению к мотивирующему слову мужского рода (напр., *студент* – 164, *студентка* – 7), однако в парах *красавец* (12) – *красавица* (35) и *блудник* (1) – *блудница* (0, но 63 – 286 по [Ляшевская 2009]), в названиях преимущественно женских профессий – *уборщик* (0) – *уборщица* (7), *дояр* (0) – *доярка* (8), *стюард* (0) – *стюардесса* (0, но 72 – 267 по [Ляшевская 2009]) частотнее слово женского рода; ср. обратное мотивационное отношение в паре *вдова*(27) – *вдовец*(1), объясняющееся, очевидно, большей продолжительностью жизни женщин по сравнению с мужчинами.

Все частотные параметры могут быть, естественно, сопоставлены с аналогичными параметрами других языков.

2.3. Количественные данные играют важную роль при выделении лексических центра и периферии словообразовательного типа. При этом семантика слов, входящих в этот центр, нередко отражает существенные внеязыковые явления.

Центр составляют наиболее частотные слова словообразовательного типа. Это главное и обязательное свойство «центральной» лексики типа, часто (но не всегда) обладающей и другими свойствами, которые можно назвать факультативными признаками центральности – стилистической нейтральностью (если весь тип или его формант стилистически не маркирован), способностью создавать производные, разнообразием сочетаемости, полисемией, принадлежностью к какой-либо семантической группе.

Таким центром у префиксальных глаголов русского языка являются глаголы, мотивированные глаголами движения, среди которых наиболее частотными являются глаголы, мотивированные глаголом *идти* (конкретные данные см. [Улуханов 2006: 15–19]). Наибольшая частотность префиксальных глаголов, мотивированных глаголом *идти*, объясняется прежде всего тем, что *идти* – наиболее ча-

стотный (по [Част. сл 1977]) из всех глаголов, способных присоединять префикс в пространственном значении, присущем почти всем префиксам. С когнитивной точки зрения можно констатировать, что в языке чаще выражается наиболее естественный (осуществляемый без каких-либо приспособлений; ср. *ехать*), без специальных усилий (ср. *бежать*), в наиболее естественной среде (ср. *плыть*, *лететь*) способ перемещения и его пространственные модификации.

Более частотными, чем *идти*, являются глаголы *быть*, *мочь*, *сказать*, *говорить* и *знать*, не способные присоединять пространственные префиксы и потому имеющие менее развитую систему префиксальных образований.

В разделе не рассмотрены и даже не поставлены многие вопросы изучения частотности единиц словообразовательной системы. Дальнейшие исследования в этой области выявят, надо надеяться, не только количественные особенности этих единиц, но и те особенности их функционирования, которые будут способствовать все большему познанию языковой картины мира.

3. Осмысление носителем языка связей между различными явлениями нередко отражается в связях между значениями аффиксов. Так, в Рус. гр. 1980 мною отмечен ряд случаев совмещения разных значений одного и того же префикса; эти совмещения объясняются тем, что в определенных ситуациях (а иногда и независимо от ситуации) совершение одного действия влечет за собой совершение другого действия; так, удаление чего-либо откуда-либо может означать и добывание чего-либо: *выварить* (*соль из морской воды*), *вырыть* (*клад из земли*), *выловить* (*бревна из реки*), направленность на поверхность – накопление чего-либо: *нагрязнить*, *налипнуть*, *намерзнуть*, *насорить*, отделение, разделение чего-либо – аннулирование (т. е. отделение чего-либо ранее присоединенного): *отколоть*, *отклеить*, *открепить*, *отпаять*, *развинтить*, *развязать*, *расклепать*, *расплести*; перемещение из одного места в другое – повторность действия: *перехоронить* ‘похоронить снова, на другом месте’, направленность мимо – ошибка (*пролить*) и др.

4. Теория, связанная с отражением в языке фактов культуры, вырабатывалась и вырабатывается только на материале современных языков. В частности, не существует исторической когнитивной лингвистики. При этом независимо от теории этой лингвистики ведется интенсифицированное в последнее время изучение истории языка в связи с явлениями культуры.

Не претендуя на введение методов когнитивной лингвистики в историческое словообразование, приведу лишь несколько словообразовательных фактов из древнерусского языка или из церковно-славянского языка русской редакции, указывающие на некоторые фрагменты картины мира и устойчивые связи между ними. Если обратиться, например, к причинам опрощения, то многие из них связаны с устойчивыми ассоциациями, являющимися частью менталитета древнерусского книжника. Известно, что метафора «учение – солнце, свет» отразилась в истории таких слов, переживших опрощение, как *просветить*, *светоч*, «жизнь – море» – в истории глагола *погрязнуть*, «верующие – стадо» – в истории сущ. *пастырь* и т. п. Евангельский сюжет о предателе Иуде определил судьбу глагола *предать*, представление о смерти как о перемещении в мир иной – судьбу глагола *преставиться* и т. д. Разнообразные переносы из материальной сферы в духовную имели место в истории бывших полностью мотивированных *превознести*,

пресмыкаться, пристанище, одержать, отвергнуть, отвлечь, отворотить, отторгнуть, гнусный, презреть, подвиг и мн. др.

Если обратиться к фактам недавней истории, то можно отметить различия в оценке и восприятии мотивационных отношений (отражаемое в толковых словарях) у многих мотивированных слов, например, имена К.Маркса, Ф.Энгельса и руководителей СССР помещались в толкование: *ленинизм* “Учение В.И. Ленина...”, *буденовец* “Боец Первой Конной Армии, которой командовал С.М. Буденный в годы гражданской войны”, *марксизм* “Учение К.Маркса и Ф.Энгельса...”. Имя Троцкого, например, в отличие от названных имен, помещалось только в этимологическую справку или вообще опускалось. В Сл. рус. яз. 1981–1984: *троцкизм*... [По имени идеолога и лидера Троцкого] (ср. в Ушаков, 1935–1940: [по имени врага народа Троцкого]) или не называлось (ср. в Сл. совр. рус. лит. яз. 1950 – 1965: от собственного имени). В современных словарях имя Троцкого включается в толкование, например, в Толк. сл. 2007: «...идейное направление, возглавлявшееся Л.Д. Троцким», Как видим, политика влияла на лексикографию.

5. В докладе были изложены некоторые факты, свидетельствующие, на наш взгляд, об отражении реалий в словообразовательных единицах языка. Судя по расширению исследований в этой области, в ближайшее время будут выявлены новые связи словообразования, истории и культуры.

Вместе с тем, мне хотелось бы обратить внимание на необходимость реалистического отношения к такого рода исследованиям и отметить их возможные ограничения и недостатки.

Во-первых, язык – не главный источник культурологической информации. Во-вторых, далеко не каждая единица языка и, видимо, не большинство этих единиц несет культурологическую информацию. Многие единицы языка играют внутриязыковую роль (транспозиция, выражение синтаксических связей и т. д.). Не все единицы языка входят в языковую картину мира [Кубрякова 2003: 5]. В-третьих, извлечение культурологической информации из языка ограничивается тем, что это осуществляется, в основном, специалистами. Попытки неспециалистов в этой сфере, как правило, заканчиваются плачевными или смешными результатами, о которых недавно писал А.А. Зализняк. В-четвертых, анализ отражения культурологических фактов в языке не должен превращаться в анализ реальной действительности, а не языка. В-пятых, желательно было бы избежать прямолинейных и скороспелых характеристик языковых единиц, их связей с реальным миром и основанных на этих характеристиках неадекватных выводах о менталитете того или иного народа.

Литература

1. Апресян 1986 – Ю.Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. – М., 1986. – Вып. 28.
2. Вендина 1998 – Т.И. Вендина. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. – М., 1998.
3. Кубрякова 2003 – Е.С. Кубрякова. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. – Чебоксары, 2003. – № 4 (38).

4. Мельчук 1997 – И.А.Мельчук. Курс общей морфологии. – Москва – Вена, 1997. – Т.1. – Ч.1.
5. Рус. сем. сл. 2000 – Русский семантический словарь. – М., 2000. – Т. 1, 2.
6. Словообр. 1968 – Словообразование современного русского литературного языка. – М., 1968.
7. Сл. рус. яз. 1981–1984 – Словарь русского языка. – М., 1981–1984. – Т. I–IV.
8. Сл. совр. рус. лит. яз. 1950–1965 – Словарь современного русского литературного языка. – М.-Л., 1950–1965. – Т. 1–17.
9. Толк. сл. 2007 – Толковый словарь русского языка. – М., 2007.
10. Улуханов 2006 – И.С. Улуханов. Состояние и перспективы изучения функционального словообразования // Функциональные аспекты словаутварэння. – Мінск, 2006.
11. Ушаков 1935–1940 – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935–1940. – Т. 1–4.
12. Част. сл. 1977 – Частотный словарь русского языка. – М., 1977.
13. Шайкевич 2008 – А.Я.Шайкевич, В.М.Андрющенко, Н.А.Ребецкая. Статистический словарь языка русской газеты (1990-е годы). – М., 2008. – Том 1.
14. Nagórko 1998 – А. Nagórko. Zarys gramatyki polskiej. – Warszawa, 1998.

Ігор С. Улуханов

ДО ПИТАННЯ ПРО ВІДОБРАЖЕННЯ В СЛОВОТВОРЕННІ ЯВИЩ РЕАЛЬНОГО СВІТУ

У доповіді розглянуто такі проблеми: 1) співвідношення мотивованих і немотивованих слів у складі різних семантичних груп лексики; 2) частотність словотворчих одиниць як відображення значущості тих чи інших реалій; 3) взаємодія значень афіксів як відображення взаємовідношення між позамовними реаліями; 4) можливості діахронного когнітивного дослідження мови; 5) обмеження та недоліки досліджень відображення позамовних реалій у мові.

Зинаида А. Харитончик

(Минский государственный лингвистический университет, Беларусь,
Белостокский государственный университет, Польша)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНЫХ ЕДИНИЦ

Давно замечено, что словообразование и семантическая деривация, представляющие собой два ведущих способа номинации, по своей природе и внутренней сущности близки друг другу. Это проявляется, прежде всего, в выполнении одинаковых ономаσιологических заданий, в выборе в процессе поиска имен одних и тех же семантических оснований и в конечном итоге существовании многих идентичных моделей номинации типа «**свойство – носитель (субъект) свойства**» (*талант*₁ ‘выдающиеся природные способности, высокая степень одаренности’¹ – *талант*₂ ‘человек с выдающимися способностями, дарованием’, *гений*₁ ‘высшая степень творческой одаренности, талантливости’ – *гений*₂ ‘человек, обладающий высшей степенью одаренности в какой-л. сфере деятельности’, *ум*₁ ‘познавательная и мыслительная способность человека...’ – *ум*₂ ‘человек с точки зрения его интеллектуальных способностей’; *мудрый* – *мудрец*, *хитрый* – *хитрец*, *смелый* – *смельчак*), «**действие – субъект действия**» (*вахта*₁ ‘особый вид дежурства на кораблях и судах...’ – *вахта*₂ ‘часть судового экипажа, несущая дежурство’, *охота*₁ ‘поиски и преследование зверя или птицы с целью добычи или истребления’ – *охота*₂ ‘люди, участвующие в поисках, преследовании и поимке зверя или птицы’, *охрана*₁ ‘защита кого-, чего-л. от чьих-л. нападений, посягательств, враждебных действий и т.п.’ – *охрана*₂ ‘отряд, группа (вооруженных людей, кораблей и т.п.), охраняющие кого-л., что-л.’; *охота* – *охотник*, *веять* – *веяльщик*, *сеять* – *сеятель*, *пахать* – *пахарь* и т.д.), «**предмет – носитель непроцессуального признака**» (*борода*₁ ‘волосистой покров на нижней части лица.’ – *борода*₂ ‘человек, носящий бороду’, *горб* – *горбун*), «**населенный пункт – жители населенного пункта**» (*деревня*₁ ‘крестьянское селение’ – *деревня*₂ ‘сельские жители, сельское население’, *хутор*₁ ‘небольшое селение...’ – *хутор*₂ ‘жители хутора’, *Киев* – *киевляне*, *Москва* – *москвичи*), «**животное – мясо животного**» (*курица*₁ ‘домашняя птица, разводимая для получения яиц и мяса’ – *курица*₂ ‘мясо курицы как пища’, *заяц*₁ ‘небольшой, пугливый зверек отряда грызунов с длинными задними ногами и длинными ушами’ – *заяц*₂ ‘жаркое из зайца’, *баран*₁ ‘самец овцы’ – *баран*₂ ‘мясо барана или овцы как пища’, *кролик* – *крольчатина*, *индюшка* – *индюшатина*), «**музыкальный инструмент – музыкант, играющий на нем**» (*флейта*₁ ‘деревянный духовой инструмент высокого тембра, имеющий форму цилиндрической трубки, с отверстиями и с клапанами’ – *флейта*₂ ‘музыкант, играющий на флейте’, *скрипка* – *скрипач*) и т.д. Любопытно, что носители языка

¹ Дефиниции значений приводятся по словарным данным, в основном, Словаря русского языка [Словарь русского языка 1999].

могут использовать обе возможности производства имен, что приводит к пересечению областей словообразования и семантической деривации и существованию семантически близких или порою даже равнозначных единиц типа *ум*₂ – *умница* ‘умный, рассудительный, толковый человек’, *борода*₂ ‘человек, носящий бороду’ – *бородач* ‘человек, носящий большую бороду’, *флейта*₂ ‘музыкант, играющий на флейте’ – *флейтист* ‘музыкант, играющий на флейте’, *виолончель*₂ ‘музыкант, играющий на виолончели’ – *виолончелист* ‘музыкант, играющий на виолончели’, *баран*₂ ‘мясо барана или овцы как пища’ – *баранина* ‘мясо барана или овцы как пища’, *свинья*₂ ‘мясо свиньи как пища’ – *свинина* ‘мясо свиньи как пища’, *хутор*₂ ‘жители хутора’ – *хуторяне* ‘жители хутора’, *Москва*₂ ‘жители Москвы’ – *москвичи* ‘жители Москвы’ и аналогичных им образований.

Необходимо подчеркнуть, что тесная взаимосвязь словообразования и семантической деривации характерна не только для русского языка, но имеет место во многих, и, может быть, даже во всех языках, поскольку данные процессы носят универсальный характер. Характер этой взаимосвязи принимает различные формы, диктуя специфические типы пересечений и отличий. Так, например, семантические структуры слов *дерево*, *дуб*, *клен*, *ясень*, *береза* в русском языке включают и имеющие статус вторичных значения древесины соответствующих пород деревьев, слова *слива*, *вишня*, *груша*, *алыча*, *черешня* обозначают как плодовые деревья, так и их плоды. В английском языке источник, направление и тип деривации те же, но при этом с помощью словосложения образуются вторичные названия деревьев: *oak* ‘дуб’ – *oaktree*, *maple* ‘клен’ – *mapletree*, *elm* ‘вяз’ – *elmtree*, *birch* ‘береза’ – *birchtree*; *apple* ‘яблоко, яблоня’ – *appletree*, *plum* ‘слива’ – *plumtree*, *cherry* ‘вишня’ – *cherrytree*, *pear* ‘груша’ – *peartree* и др. Существование названий деревьев с более сложной формой приводит некоторых ученых к интерпретации форм типа *apple* в значении ‘яблоня’ как сокращений от *appletree* ‘яблоня’ [Большой англо-русский словарь 1972: 92], хотя это противоречит их этимологии и типу структурно-семантических отношений. Ср. также в английском языке модель семантической деривации «животное – мясо животного» (*turkey* ‘индюшка, индюшатина’, *goose* ‘гусь, гусятина’, *lamb* ‘ягненок, ягнятина’, *salmon* ‘лосось, лососина’, *sturgeon* ‘осетр, осетрина’ с коррелятивной суффиксальной моделью (*кабан* – *кабанина*, *индюшка* – *индюшатина*, *осетр* – *осетрина*) в русском языке и коррелятивную модель словосложения в немецком языке при непродуктивности в нем модели семантической деривации (*Gans* (*Gänse*) ‘гусь’ – *Gänsefleisch* ‘гусятина’, *Hammel* ‘баран’ – *Hammelfleisch* ‘баранина’, *Kalb* ‘теленок’ – *Kalbfleisch* ‘телятина’, *Rind* ‘крупный рогатый скот’ – *Rindfleisch* ‘говядина’, *Schwein* ‘свинья’ – *Schweinefleisch* ‘свинина’ и др.). Типологическое изучение областей действия разных способов номинации – дело будущего, необходимое для проникновения в механизмы номинации и, соответственно, раскрытия семиотических тайн означивания и работы нашего сознания.

Отличаясь, по мнению многих ученых, лишь формально, семантическая деривация и словообразование формируют два типа отношений производности, один из которых – словообразование – сопряжен с использованием словообразовательных морфем или другими формальными преобразованиями, второй же – семантическая деривация – внешнего выражения не находит. Аналогия между ними,

как утверждает Ю.Д.Апресян, «... простирается настолько далеко, что к ней оказываются применимыми такие типично словообразовательные понятия, как регулярность – нерегулярность, продуктивность – непродуктивность и др. под.» [Апресян 1974: 189]. Главное, однако, к чему нам бы хотелось привлечь внимание, заключается, во-первых, в глубинном тождестве когнитивных механизмов словообразования и семантической деривации, не всегда явном вследствие специфики их лингвистических дескрипций, и, во-вторых, во взаимодополнительности как важнейшей характеристике их взаимодействия.

Направленность и словообразования, и семантической деривации на поиск формы для некоторого нового знания, того, что подлежит наименованию и составляет **начало и конечную цель номинативного процесса**, обращение к уже существующим именам и их значениям, т.е. к тому, что уже названо и может быть использовано как **источник наименования**, обуславливают необходимую **бинарность составляющих** этих двух процессов. В отечественной лингвистике, однако, ученые никогда не ограничивались описанием только конститuentов номинации. В отличие от зарубежных ученых, сравнительно недавно обратившихся к анализу устанавливаемых в процессе номинации отношений (наиболее интересны в этом плане работы Дж. Лакоффа, М.Джонсона, Ж.Фоконье, М.Тернера и др.), отечественные семасиологи и дериватологи концентрировали свое внимание также и на характере взаимодействия данных конститuentов, устанавливая тип связи (классификационные, импликационные, по М.В.Никитину [Никитин 1996] или тип ономасиологической связки, по Е.С.Кубряковой [Кубрякова 1981], между двумя взаимодействующими сущностями. В литературе неоднократно подчеркивалось, что для того, чтобы некоторое имя было вновь использовано в номинативных процессах, необходим когнитивный анализ того содержания, которое требует своей репрезентации, и той информации, которая уже закреплена за какой-то языковой формой, и установление некоторых общих характеристик или связей между ними. Без этого когнитивного процесса ни одно имя какого-либо означаемого не может быть перенесено на другое (семантическая деривация) или использовано как часть комплексного наименования (словообразование в самом широком смысле). Широко принятые в научном обиходе словообразовательные типы (модели), в которых находят отражение структурные и семантические свойства производящих (мотивирующих) баз, используемые словообразовательные средства и операции и конечный результат номинативного процесса – возникающие в итоге лексические единицы, а также используемые в описаниях семантической деривации схемы, по своей сущности коррелирующие со словообразовательными, и призваны уловить характер когнитивного процесса, приводящего к новому использованию имени – выражению с его помощью нового значения. Необходимо, однако, констатировать, что существующие модели описания как словообразования, так и семантической деривации при всей значимости их роли в дескрипции порождающих механизмов языковой системы и непреходящей ценности для системного описания языка и особенно для целей обучения языку, не раскрывают вследствие своего обобщенного характера сущности глубинного взаимодействия задействованных в процессе номинации единиц, природы необходимой для процессов номинации концептуальной интеграции. Вследствие этого они оказывают-

ся недостаточными для исчерпывающего семантического описания производных (мотивированных) единиц, ассоциативно-смыслового потенциала производящих (мотивирующих) баз, идиоматичности дериватов, многообразия смыслов, передаваемых дериватами в речи, выявления композиционной семантики формируемых ими контекстов и т.д. Решение перечисленных проблем требует перехода на более детальный уровень описания семантики дериватов всех типов. Так, например, важным для описания оказывается тип связей, устанавливаемых между вовлекаемыми в номинативный процесс единицами. Если импликационные связи, отражающие смежность, или установление объективно существующих отношений (поссесивных, локативных, каузальных и т.д.) между взаимодействующими элементами, наличие которых и обуславливает саму возможность вторичного использования имени, являются достаточными для соответствующих номинативных операций, выступая в качестве связующего звена соответствующих значений, то классификационные связи, основанные на уподоблении или включении, обязательно предполагают установление оснований этой связи. Иначе говоря, при классификационных связях необходимо выявление общего, интеграционного семантического пространства, объединяющего источник и цель номинации и «разрешающего» использование имени источника для обозначения нового содержания, т.е. связующего семантического компонента или компонентов. Например, использование имени животного для обозначения человека, обладающего теми или иными свойствами, осуществляется на разных основаниях устанавливаемого сходства. Без их описания, например, сходства по поведению (для вторичных значений слов *попугай*, *обезьяна*, *заяц*, *медведь*, *бегемот*; *попугайничать*, *обезьяничать* и др.), по интеллектуальным свойствам (*осел*, *лиса*, *лисить*), различным перцептивным характеристикам – размеру, форме, цвету и т.д. (*лев*, *слон*, *львиный*, *слоновий*, *мышинный*, *кошачий* и др.). нельзя раскрыть семантику конечных актов вторичной номинации. Ср. также необходимость указания вида деятельности людей для декодирования вторичных значений дериватов *партизанить*, *шаманить*, *батрачить* или характеристик, присущих растениям и их плодам, для правильной интерпретации многих контекстов со словами типа *вишневый*, *малиновый*, *грушевый* и др. Несмотря на то, что в семантических описаниях как словообразования, так и семантической деривации связующие семантические компоненты не раз становились объектом анализа, они тем не менее до сих пор не приобрели системного представления. Становится очевидным, таким образом, что традиционный семантический анализ не достигает ни в области семантической деривации, ни в области словообразования необходимой степени глубины и должен быть дополнен, как убедительно показала Е.С. Кубрякова, анализируя особенности композиционной семантики у производных слов, концептуальным анализом [Кубрякова 2002]. Плодотворность обращения к содержанию репрезентируемых с помощью значений концептов, часто трактуемого (не совсем верно, на мой взгляд) как обращение к отражаемому в концептах реальному миру вещей, не только для словообразования, но и семантической деривации не вызывает сомнений. Сказанное никоим образом не означает, что тем самым мы становимся на позиции отождествления значения и концепта и разделяем взгляды тех лингвистов, для которых главным объектом и основной целью лингвистического поиска стал мир концептов, (о

концепте как объекте языковедческих штудий написано немало критических статей (см. например, [Никитин 2007: 760 – 772]). Более того, кажется примечательным то, что в настоящее время наблюдается возврат к классическим представлениям о сущности языка и все чаще раздаются голоса об отсутствии тождества между концептами и их репрезентантами-значениями. «Лексические единицы не могут быть просто приравнены к концептам», – пишет Ф.Кайль [Keil 1996: 194]. Значения лингвистических единиц, или лексические концепты, в терминологии В.Еванз [Evans 1996], лишь открывают доступ к нашему ментальному миру [Croft, Cruse 2004: 30], выступая, как отмечает Е.С.Кубрякова [Кубрякова 2004], в некоторой редуцированной форме его репрезентантами и являясь своеобразным окном в мир нашей психики. Таким образом, несправедливо забытый или даже отвергнутый многими, особенно молодыми, исследователями постулат о том, что языковая и концептуальная картины мира не совпадают и соответственно значение и концепт не тождественны друг другу, не потерял своей актуальности, как не потерял своей важности и вопрос о соотношении концепта и значения, характера их семиотических отношений.

Представление о лексическом значении как структуре, никак не замыкающейся набором сем, данных в лексикографической дефиниции, давно существует в теории словообразования. Сложность семантики производного слова, в котором актуализируются разные компоненты производящей единицы, детерминировала введение исследователями разного рода имплицитных, коннотативных и др. компонентов, фоновых знаний и т.д. Аналогичным образом М.В.Никитин, говоря о семантической деривации и подчеркивая невозможность полного исключения внеязыкового фактора из семасиологического анализа, писал: «Существует преувеличенное представление о возможности решить семасиологические проблемы на основе одних только формально-языковых критериев без обращения к внеязыковым факторам» [Никитин 1971: 54].

В этой связи необходимо сказать и то, что столь пристальное внимание к концептам как источникам репрезентируемого с помощью языковых единиц знания дало, на мой взгляд, несомненно, положительный эффект, стимулируя размышления о сущности языковой репрезентации ментального мира человека. В первую очередь оно акцентировало динамический характер структуры лексического значения, эволюция которого происходит не только и даже не столько под влиянием исторических изменений наших представлений о мире, что, конечно, имеет место. Динамика и вытекающая отсюда диффузность лексического значения, предстающие в виде его многочисленных контекстуальных модификаций, возникают как следствие определенной, но всегда существующей на синхронном срезе свободы выбора некоторых квантов знания из общей совокупности знания, заключенного в репрезентируемом значении концепте, т.е. возможности актуализации как ядра концепта (прямые значения слов), так и некоторых близлежащих или даже далеко отстоящих от центра элементов концептуальной структуры. В истоках динамической структуры лексического значения лежат, таким образом, неразрывная связь с концептом, который также не есть раз и навсегда данное знание, и бесконечность коммуникативных ситуаций, в которых активируются разные составляющие манифестируемой значением концептуальной сферы. Естественно, что стабильность

семиотической связи, или ассоциации, между словом и обозначаемой концептуальной сферой, сохраняемой в бесчисленных коммуникативных ситуациях, актуализация в значении в первую очередь концептуального ядра детерминирует наличие в структуре значения некоторой стабильной семантической зоны – интенционала, благодаря которому достигается взаимопонимание. Так как категориальные характеристики значения слова обусловлены концептуальной сферой, им репрезентируемой, именно интенционал, или классифицирующие компоненты, в лексическом значении и становятся базисной, наименее изменчивой его составляющей, в то время как актуализируемые в разных контекстах модифицирующие и оценочные семантические компоненты формируют его динамическую орбиту. Для многих случаев номинативных процессов (особенно при транспозиции, модификации) актуальна именно базисная часть лексического значения, многие же при выборе имени ориентированы на эту динамическую орбиту, находя в ней основания для вторичного использования имени. Исходное имя вовлекается тем самым не только в таксономическую классификацию, которая наиболее широко представлена в семантических разработках лексикона, но и не менее релевантную для вторичной номинации, как показывают наблюдения, нетаксономическую [Никитин 2007: 660] систематизацию по общности функции, места, физических характеристик и т.д.

Таким образом, семантическая деривация и словообразование в процессе выбора имени объединяются как по включению двух типов знания – знания, требующего выражения (именно оно на самом деле является исходным), и знания, закрепленного за существующими знаками, так и по типам обработки этого знания, что и обуславливает их глубокий изоморфизм. Многообразие признаков, выбираемых в качестве связующего звена между источником и целью номинации, и профилируемых в семантике образуемой единицы, требует концептуального подхода к описанию источника номинации, что приобретает особую значимость в свете того обстоятельства, что в качестве источников номинации и в семантической деривации, и в словообразовании наиболее активно используются конкретные имена, или денотатная лексика, полипризнаковая семантика которых характеризуется наибольшим богатством самых разнородных компонентов.

Выполняя одну и ту же функцию репрезентации нового знания и идя по принципиально одним и тем же линиям, словообразование и семантическая деривация могут профилировать тождественные семантические компоненты, опираясь на одни и те же элементы концептуальной структуры исходной единицы. Ср., например, следующие контексты употребления *медведь* и *медвежий* в их вторичных значениях: *Ермишин на пляже – это монстр с огромными ручищами, медведь. Не убеждён, – без колебаний ответил Игорь Васильевич, оттопыриванием мизинца бросая в бой более крикливого ученика, яростно вцепившегося в шкуру докладчика-медведя. А Данзас, простреленный турецкой пулей, рука на перевязи, походка развалистая, эдакий симпатичный медведь. Что-то медвежье: тяжёл, полноват, в массивных очках, с каким-то слоёным лицом – при разговоре оно колыхалось. В это же время второй мертвец скинул с тела клеенку, встал на исковерканные конечности и медвежьей вразвалочкой прошел к прожекторскому столу.* Как бы повторяя друг друга в семантическом плане, соответствующие слова, разные по своим частеречным характеристикам, выполняют разные коммуникативные роли.

Словообразование и семантическая деривация могут также находиться в отношениях взаимодополнительности, раскрывая разные элементы концептуальной структуры используемого имени, ее богатство и открытость (Ср. *В эти выразительные слова мы смотрим как в **зеркало** сознания человека пушкинской эпохи. Зеркала, как в гримерной, чтоб он мог видеть себя, здесь не было, и она пошумила: – Вашим **зеркалом** буду я. Одобрив действия группы Степанова, я лишь попросил его не находиться постоянно у **зеркала** воды, а подходить к ней ненадолго из безопасного места, отмечать уровень и сразу возвращаться, было слышно, как ветер выметает из леса листву и она со стеклянным шорохом скользит по **зеркальному** насту. От его обычной военной подтянутости оставалась только **зеркальная** бритость).*

Данные Национального корпуса русского языка [Национальный корпус] о контекстуальном использовании коррелятивных образований высвечивают также семантические и функциональные отличия результатов семантической и словообразовательной деривации. Кардинальные различия в частотности употребления коррелятивных лексических единиц типа ранее приведенных *скрипка₂ – скрипач, виолончель₂ – виолончелист* и др., *баран₂ – баранина, свинья₂ – свинина, хутор₂ – хуторяне, Москва₂ – москвичи* и т.д. свидетельствуют о предпочтении носителями языка форм, маркированных словообразовательными средствами (аналогичная картина наблюдается также в английском и немецком языках). То обстоятельство, что взаимозаменяемость таких слов жестко ограничена, подчеркивает также и их семантические отличия, обусловленные профилированием разных аспектов в их значениях. Например, в названиях музыкантов, образованных от названий музыкальных инструментов, при семантической деривации выделяется значимость используемого инструмента: *Концерт был хороший. **Виолончель** – Цомык. Играл на Страдивариусе. В опере «Герой» оркестровый состав еще меньше: 1 флейта (она же – пикколо), 1 гобой, 1 кларнет, 1 фагот, 1 валторна, 1 труба, 1 тромбон, 4 первые скрипки, 4 вторые скрипки, 2 альты, 2 виолончели, 2 контрабаса, ударные (литавры, треугольник, тарелки, малый барабан). **Чтоб скрипки** вылезли на первый план, а мой брат сидел где-то в углу? Мои первые **скрипки** сыграли блистательно – Азат Шарафиев и Садыкова Алсу!* При словообразовании подчеркивается отнесенность к категории лиц, которым могут быть предципируемы самые разные свойства: *Среди других звезд здесь – **виолончелист** Александр Князев, **пианист** Николай Луганский и **скрипач** Максим Федотов. Может быть, все играли на прослушивании или играли, но не проходили и не могли поехать, но, в общем, этот дух был и у **пианистов**, и у **скрипачей**, и у **виолончелистов**. В знаменитом Квартете имени Бетховена **скрипач** и **виолончелист** на протяжении многих лет вообще не разговаривали друг с другом и в то же время замечательно играли. До сих пор она меньше уважает музыкантов, которые играют одной рукой: **скрипачей** (рука, смычком водящая, не в счёт, дергай ею туда-сюда!), **барабаничников** (они руками поочередно стучат) и прочих, а вот **пианистов**, **баянистов** и им подобных уважает безмерно.* Не случайно именно эти вторичные образования, а не образования по семантической деривации легко ставятся в ряды наименований лиц: *Среди них были инженеры, хирурги, актёры, женорганизаторы, растратчики, домашние хозяйки, машинисты, учителя, меццо-сопрано, застройщики, **гитаристы**, карманные воры, дантисты, пожарные, девушки без определённых занятий, фотографы, плановики, лётчики, пушкинисты, председатели колхозов, тайные кокетки, беговые наездники, монтеры, продавицы универсальных магазинов, студенты, парикмахеры,*

конструкторы, лирики, уголовные преступники, профессора, бывшие домовладельцы, пенсионеры, сельские учителя, виноделы, **виолончелисты**, фокусники, разведённые жёны, заведующие кафе, игроки в покер, гомеопаты, аккомпаниаторы, графоманы, билетёры консерватории, химики, дирижёры, легкоатлеты, шахматисты, лаборанты, проходимцы, бухгалтеры, шизофреники, дегустаторы, маникюрши, счетоводы, бывшие священнослужители, спекулянты, фототехники.

Разные аспекты семантики профилируются и в других, коррелятивных по своей семантике моделях семантической деривации и словообразования. Так, во вторичных обозначениях мяса животного, образованных по семантической деривации, сохраняется указание на тушу, представление о целостности куска мяса: *Я дружила с ней; однажды она даже повезла нас с Джонни в цыганский табор, где весь вечер мы пели и плясали, а на вертеле жарился огромный **баран** ... всё необходимое, как бы с неба свалившись, оказывалось на нужном месте, под рукой: и **баран** в венчике из изумрудной киндзы, и ископаемое изумрудное ожерелье из запасника краеведческого музея...*, *На первое была **свинья**, увенчанная колбасками, а кругом чудесно изготовленные потроха*. Подобный смысл отсутствует в суффиксальных образованиях: *Я куплю кусок баранины Рыбой на новом месте башкиры довольнехоньки, к праздникам им от Демидова мяса привозят: **конины**, баранины. Садитесь, садитесь... – приглашала хозяйка. – Щей ныне наварила со **свининой***.

Семантические дериваты *хутор₂*, *Москва₂* и др. в значении 'население, жители населенного пункта' отличаются от коррелятивных суффиксальных производных передачей значения собирательности, Ср. *Станицы и хутора гудели. Вверх ногами летели Советы, и наспех выбирались атаманы и У одного хозяина остановились, а пока он готовился к уборочной, нас **хуторяне** приглашали чистить колодцы, заметив, как хорошо мы это сделали своему хозяину. Серебренников за три каких-то года покориł **Москву**. Вся **Москва**, позабыв о дожде... и В этот период каждый третий житель Петербурга и половина **москвичей** были крестьянами, а дворяне и чиновники составляли в среднем около 10 процентов. От того, что будет про меня говорить типичный **москвич**, мне абсолютно «фиолетово»*. Поскольку указанные отличия носят регулярный характер, можно утверждать, что при наличии общего семантического стержня семантическая деривация и словообразование не приводят, тем не менее, к возникновению абсолютно тождественных единиц.

Таким образом, выбирая в качестве опор зачастую одни и те же лексические единицы и проявляя глубинный изоморфизм в использовании многогранности и динамичности их значений, семантическая деривация и словообразование по-разному структурируют выражаемое знание, создавая одновременно богатство смысловых нюансов, закрепляемых за разного типа вторичными именами.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка/ Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974.
2. Большой англо-русский словарь. Под общим руководством доктора филологических наук профессора И.Р.Гальперина. М.: Изд-во «Советская энциклопедия. 1972.

3. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С.Кубрякова. – М.: Наука, 1981.
4. Кубрякова Е.С. Об особенностях композиционной семантики у производных слов / Е.С. Кубрякова // *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik: (Materialen der 5. Internationalen Konferenz der Kommission für slavische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee. Lutherstadt Wittenberg, 20-25. September 2001)* / Svetlana Mengel (Hrsg.) – Münster: Lit, 2002. – S.55–71.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С.Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Национальный корпус русского языка / ruscorpora.ru/. Дата доступа: 9 января 2010 г.
7. Никитин М.В. К оценке формальных методов разграничения полисемии / М.В. Никитин // *Вопросы описания лексико-семантической системы языка : тез. докл. науч. конф., Москва, 16–18 ноября 1971 г. : в 2 ч.* / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол.: А.А. Санкин [и др.]. – М., 1971. – Ч. 2. – С. 54–56.
8. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики/ М.В.Никитин. – Санкт-Петербург: Научный центр проблем диалога, 1996.
9. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. / М.В.Никитин. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2007. – 2-е изд., доп. и исправл.
10. *Словарь русского языка в четырех томах.* – М.: Изд-во «Русский язык». Полиграфресурсы, 1999. – 4-е изд. стереотип.
11. Croft W. and D.A.Cruse. *Cognitive Linguistics* / William Croft and D.A.Cruse. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
12. Evans V. *Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning-Construction* / V. Evans // *Cognitive Linguistics*, 1996. 17 (4). – P.491 – 534.
13. Keil F. C. *Explanation, association and the acquisition of word meaning* / Frank C. Keil // *The Acquisition of the Lexicon*. Ed. by Lila Gleitman and Barbara Landau. – MIT Press, 1996. – P. 169 – 196.

Zinaida A. Kharitonchik

CONCEPTUAL BASES OF DERIVATIVE UNITS SEMANTICS

The paper focuses on the isomorphous nature of the interrelationship between semantic derivation and word formation, stressing the identity of cognitive processes which underlie these basic ways of naming, overlapping of type meanings expressed, the selection of semantic features which constitute common integrated space necessary for the derivation process, on the one hand, and their semantic differentiation which leads to the individuation of correlative lexical items, on the other.

Божо Б. Ђорић

(Филолошки факултет Универзитета у Београду, Србија)

ТУРСКИ СУФИКСИ У ЈУЖНОСЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА (СА ПОСЕБНИМ ОСВРТОМ НА ПРИЛИКЕ У СРПСКОМ)

1. Увод

Већина јужнословенских народа провела је значајан део своје балканске историје у оквирима Турског (Османског/Отоманског) царства. Средњовековне државе Јужних Словена освајане су, током 14. и 15. века, сукцесивно, правцем исток – запад. Османлије ће под својом управом имати једно време и територије Аустроугарске монархије, у чијем саставу је било и јужнословенске популације. Практично, највећи део југоисточне Европе биће у 16. веку у саставу Турске империје. Ослободилачким ратовима у 19. веку јужнословенски народи ослобађали су се турског ропства, опет сукцесивно, али сада правцем запад – исток. Око пет векова дуга туђа владавина оставила је у наслеђе, поред осталог, и одређене несловенске језичке елементе. Ти се елементи различито именују: најобухватнији је појам (и термин) *оријентализам* (укључује у себе арабизме, турцизме, персизме/фарсизме), али кад су у питању балкански језици, он је дискутабилан, будући да директног контакта са арапским и персијским језиком није било, већ су сви такви елементи преузети у време турске владавине и преко турског језика, па се с разлогом именују *турцизмима*. Међутим, турски вишевековни утицај у југоисточној Европи обележили су Турци *Османлије* и *османски језик*, што је навело научнике да оријенталне елементе назову *османизмима*. Даљом категоризацијом оријенталних језичких елемената издвојен је и назив *исламизми*, као ознака оних оријентализама који се „односе на духовне и световне манифестације исламског религијског система и на муслиманске обичаје” [Танасковић 1983: 113]. Иако сваки од наведених термина има своје оправдање и одговарајуће место у стручним и научним расправама, ипак се између њих као доминантан издваја термин *турцизам*, и то не само у ужестручним и научним расправама већ и у лаичким дискусијама о језичким темама ове врсте. Уосталом, за период османлијске владавине југоисточном Европом сасвим су обичне синтагме *турско доба*, *турска окупација*, *турско освајање* па онда и *турски језик*. Атрибут *турски* уопште, а термин *турцизам* посебно има, по правилу, негативну конотацију међу Јужним Словенима.

2. Лексика турског порекла

Термин *турцизам* користи се углавном онда када се посматра генетска структура *лексице* неког језика. Тако гледано, нема ниједног *балканског јужнословенског језика*¹ у коме не постоји лексички слој турског порекла. По природи ствари тај

¹ У расправи о турцизмима мора се из јужнословенског комплекса искључити словеначки језик, будући да преци савремених Словенаца нису били у саставу Турске империје. Отуда овакво уже термилошко одређење истраживаног простора.

је слој дебљи у дијалектима, него у књижевном/стандардном језику. Та се лексика описује у уџбеницима лексикологије појединих јужнословенских језика [Бојацијев 2007, Самарџија 1995], а као таква маркирана је у речницима књижевног језика и речницима народног језика. Постоје и специјализовани речници турцизама, те збирке речи турске провенијенције. У речницима књижевног језика налазе се, начелно, они турцизми који су се у великој мери одомаћили, какви су, на пример, у српском: *авет, хајде, алат, бакар, Балкан, барут, башта, боја, бубрег, дуван/духан, дадиља, дугме, дуд, ђон, ђубре, ексер, занат, јастук, јуриш, јоргован, кутија, канџа, кафа/кава, кеса, кестен, лула, мајмун, папуча, пита, памук, ракија, сапун, сат, тенсија, торба, топ, ћебе, ћилим, ћошак, чекић, чарапа, челик, чесма, чизма, џеп, џин, шуга, шећер* и сл. Таква се лексика у бугаристици термилошки одређује синтагмом „книжовни турцизми”²: *алва, ален, бенг, бадем, гарга, дјошек, дјезеве, зарзават, казан, колан, кјофте, килим, компче, канара, кайсија, каймак, кофа, лале, макара, мушама, перде, памук, пешкир, пазар, патладжан, ракија, сопа, таратор, топка, тјотјон, тиган, тенџера, фиданка, фурма, фџетџк, халва, чифлик, чинија, чешма, манта, јутија* итд. [Бојацијев 2007: 187]. Слична је ситуација и у македонском: *апси, барут, барутана, боја, бубрег, ѓон, ѓубре, занает, јорган, јуриш, кајмак, кутија, канџа, кафе, кесе, костен, лимон, мајмун, мушама, олук, оџак, пазар, папагал, парче, пешкир, памук, ракија, сандак, сапун, тенсија, тиган, торба, топ, кебе, чорап, челик, чешма, чизма, џеб, џезве/џезве, џин, шеќер* и др. [РМС 1965–79].

3. Лексикографска литература и турцизми

Само су у сербокроатистици рађени обимнији специјализовани речници турцизама. Међу њима је најпознатији онај који је сачинио Абдулах Шкаљић,³ са 8742 речи. Недавно се појавио много обимнији речник турцизама, који садржи 22221 одредницу⁴ [Носић 2005]. Овако велика квантитативна разлика међу два речника није последица ширења турцизама, већ друкчије методологије: овај млађи аутор је за турцизме прогласио и деривате од турских основа. Тако нпр. Шкаљић има само одредницу *чај*, а Носић не само *чај* већ и деривате *чајан, чајнија, чајанка, чајевац, чајни, чајник*. У бугаристици је публикован речник са грађом из одређеног функционалног стила (публицистичког) [Крстева 2000].⁵

² Овакав тип разврставања лексике је до краја непрецизан с обзиром на функционално-стилску диференцијацију књижевног језика. С друге стране, лако је показати да списак „књижевних” турцизама варира од лингвисте до лингвисте, од речника до речника, од граматике до граматике.

³ Носио је у временски различитим издањима различите називе: *Turcizmi u narodnom govoru i narodnoj književnosti Bosne i Hercegovine 1957, Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku 1965, te Turcizmi u srpskohrvatskom-hrvatskosrpskom jeziku 1967.* и даље.

⁴ Издавачка кућа даје овакву препоруку за књигу: „Ovaj rječnik sadrži više od 22.000 turcizama koji se nalaze u hrvatskom jeziku, u standardnom jeziku i u štokavskim govorima. Uz sve riječi navedena je i njihova etimologija jer te riječi potječu iz turskoga, arapskoga i perzijskoga jezika. Sve su natuknice prozodijski i morfološki obrađene, čak su navedene i prozodijske varijante. Nadalje, brojne su natuknice oprimgjerene terminima i frazemima u kojima se turcizmi nalaze. Rječnik sadrži i brojna imena i prezimena koja su turcizmima motivirana” [www.maveda.hr/knjige/knjiga21.html].

⁵ Рецензент књиге Боян Николаев вели: „В тази книжка младият читател, а нерядко и повъзрастният, ще открие кои занаяти или човешки качества са предпоставка за възникване на разпространени имена

Лексиком турског порекла бавили су се и дијалектолози у својим монографијама, а недавно се појавио и посебан речник оријентализама једног региона [Баошић 2007]. Монографски је ова лексика обрађивана и на грађи књижевних дела писаца који су стварали између два светска рата, а уз монографију је дат и речник [Вајзовић 1999]. О турцизмима уопште, а онда и о творбеним елементима турског порекла у србистици (сербокроатистици), из различитих визура, писано је много. О томе сведочи списак од 245 библиографских јединица за период до 1992. године [Петровић 1993]. Тај број је од тада увећан низом нових радова, од којих су неки посвећени творбеном аспектима позајмљивања из турског језика, а међу њима је и монографија под називом *Турски суфикси у српском језику* [Радић 2001], где се могу наћи и подаци о проучавању турцизама и турских творбених елемената у бугарском и македонском језику.

4. Језички пуризам

Према турцизмима постоји међу Јужним Словенима традиционално негативан став. Разлози су друштвеноисторијске природе: турска владавина памти се по злу, беди, страдањима, миграцијама, сиромаштву, цивилизацијском наратку и сваковрсној дискриминацији, па је одлазак Турака дочекан с радошћу и тежњом да се што пре избришу трагови вишевековног ропства. Анимозитетом према свему што је имало турско обележје захваћен је и језик. Одлазак турске административне власти и престанак непосредног језичког утицаја праћен је стварањем модерних књижевних/стандардних језика, најпре код Срба половином 19. века, а онда и код Бугара у последњој четвртини истог века. Македонски књижевни језик створен је тек након Другог светског рата. У стварању модерних књижевних језика посебну тежину има однос према страним језичким елементима, а у случају балканских Словена на удару језичког пуризма нашла се лексика турског порекла. Однос према турским елементима имао је у појединим словенским срединама све одлике ксенофобичног пуризма: књижевни језик је требало очистити од турцизама што брже, што темељитије, без застоја, и бити у томе бржи и темељитији од својих словенских суседа. Укупну пуристичку стратегију код Бугара у овој сфери сажето илуструје следећи цитат: „Отстраняването на голяма част од турцизмите в книжовния език е процес, който протича сравнително бързо в българския език, по-бързо, отколкото

като Севда, Джембазов, Дюлгеров, Замбова, Карагъзов, Токмакчиев. По този начин той веднага ще усети ползата от книжката. От преподавателския си опит знам колко любопитно за хората е значението на имената. От друга страна, турският лексикален пласт в българския език е много близък до сърцето ни. Иначе казано, въпреки борбата с турцизмите през Възраждането (а тя не е напълно замряла и днес), турските думи са навлезли много дълбоко в културата и – да! – в съзнанието на народа ни... И затова, когато зададем един въпрос с турски езикови елементи в него, той звучи по-свойски и по-народностно – съвсем непринудено. Вижте например разликата между изразите Застанал съм на ъгъла и Курдисал съм се на кьошето. Вторият ни звучи по-естествено. Тази особеност на турските думи е забелязана от съвременните журналисти и те – с интуитивния си стремеж да направят езика по-изразителен – значително увеличили употребата им. Примери с масово употребявани турцизми от съвременната публицистика ще откриете в целия корпус на речника. Ти, любезни бъдещи читателю, държиш в ръка сбитите, но много ценни и целенасочени наблюдения на Весела Кръстева върху напълно живите турски заемки в българския език” [www.book.store.bg].

в сџседниј сџрбохџрватски. Причина за това е значително по-силното руско политическо и културно влияние в Бџлгария. Процесџт на отпадане на турцизмите, макар и по-бавен, е непрекџснат и все още не е прикључил” [Харалампиев 2001: 232].⁶ Висок степен отпора према турцизмите карактеристичан је и за традиционални хрватски пуризам. Лингвоксенофобија се може препознати већ и у насловима чланака типа *Турцизми се шире* [Јонке 1964], а позиција ове лексике стриктно је омеђена утврђеним правцима развоја хрватске норме по којима су „neke skupine riječi stranog porijekla funkcionalno ostale uglavnom u dijalektima, samo dijelom u gradskim govorima, a међу таквим су skupinama i turcizmi. U hrvatskome су jeziku, за разлику од њему истоџносусједних slavenskih jezika, turcizmi остали у mnogome снажно vezani управо за дијалекте, а sociolingvistiџки gledano џесто су изразито pokrajinski обилжеђени” [Матешиић 2006: 74]. Овде се не прецизира који су то источносуседни језици, али је порука јасна: турцизми у хрватском могу опстати само у дијалекту, приступ књижевном/стандардном језику је непожељан.⁷

5. Појава турских суфикса у творби именица

Међу позајмљеним турским речима било је и простих и изведених, али су оне у прво време све морале бити за словенске кориснике немотивисане, неизведене. О њиховој мотивисаности могло се говорити тек онда када су у ширу употребу ушле и турске основинске речи и деривати: из такве везе, како је већ примећено, издвојили су се творбени форманти и постали продуктивни.⁸ Међу њима су били и именички суфикси који су предмет расправе у овом раду. Својом продуктивношћу издвајају се четири: *-џија/-џија*, *-џџија/-џија*; *-лија/-лија*; *-лук*, *-лџк*, *-лак*; *-(х)ана*.⁹ Због оскудице у писаним изворима из времена турске владавине није лако одредити хронологију, обим и интензитет настанка творбених типова са овим суфик-

⁶ И поред огромне аверзије према турцизмите, они ипак пружају живав отпор, па је нејасно како ће се из бугарског језика искључити лексеме као што су бадем, казан, памук, пешкир, пазар, ракија, таратор, халва, џешма и сл., односно хоће ли бугарски књижевни језик бити осиромашен елиминацијом слоја стилски маркираних турцизама који, опет из јаких разлога битних за књижевни језик, опстају и поред налета пуриста (исп. бураске лексичке парове типа комшија-сџсед, кусур – недостаџк, таман – тџочно где су први по реду турцизми који припадају експресивној лексици).

⁷ Нетрпељивост према турцизмите лепо илуструје судбина лексеме саксија, која се, некако, нашла у једном хрватском једнотомнику [Анић 1998], што је био повод да лексикограф жестоко буде нападнут од стране противника туђих речи: при том је као замена предложена серија „правих” хрватских иначица синтагматског типа – лонац за џвијеђе, џвјетни лонац, тегла за џвијеђе, џвјетна тегла [Башић 2005: 16]. Још један лингвиста се био окомио на саксију (као србизам) тврдећи да уместо ње Хрвати користе лексему ваза [Прањковић 2008: 80].

⁸ „Туђице су обично усамљене речи; оне су писмени или гласовни знак предмета који означају; али када се приме у већем броју, када имају исти наставак и значе предмете исте врсте, онда туђ наставак може да се осети као да је домаћи, свој, па да добије широку распрострањеност (тако су добили широку употребу у нашем језику наставци нпр. -џија, -лук и -лија, иако су се јавили код нас прво у засебним турским речима)” [Бошковић 1933: 205].

⁹ У овом раду расправља се само о продуктивним суфиксима, односно о суфиксима који су задржали висок степен продуктивности још од седамнаестог века. О другим, мање продуктивним суфиксима, у јужнословенским језицима довољно информација има, на пример, у Радић 2001 и Марков 1979.

сима, али се, како показују истраживања, може узети да је током 17. века започет процес њиховог укључивања у творбени систем словенских језика. Тај је процес интензивираан у наредним деценијама, што је довело до стварања читавих серија именичких деривата са основама различите генетске структуре.

6. Турски суфикси у предвуковско доба

У србистици су, у оквиру творбене анализе стране лексике из тзв. предвуковског периода,¹⁰ разматране и структуре са именичким суфиксима турског порекла. Реч је о временском раздобљу у коме се писменост код Срба одвијала на различитим типовима књижевног језика: српкословенском, рускословенском, славеносрпском и, у мањој мери, народном језику. Треба нагласити да се књижевна делатност одвијала северно од Саве и Дунава, на простору Аустроугарске царевине. За период од 1660. до 1816. године постоји скупљена речничка грађа [Михајловић 1972–1974], која је послужила за творбену анализу стране лексике уопште, па тако и лексике турског порекла [Ђорић 2008: 40–51]. У анализи се пошло од принципа да је реч мотивисана уколико у истој грађи постоји и потврда за основинску реч. Показало се да грађа садржи немотивисане и мотивисане лексеме са истим финалним делом. Немотивисане су, тако гледано, речи на **-џија** (*бадаваџија, вурдаџија, доганџија, ђумругџија, екмеџија, јазџија, камџија/каниџија, капамаџија, кованџија, кујунџија, мумџија, мусавеџија, одаџија, таћаџија, туфегџија, чаругџија, чемберџија, чимбурџија*) и **-лук** (*богазлук, боклук, каршилук, кованлук, монсенлук, муштулук, пшманлук*). Мотивисане су именица на: **-џија** (*дуванџија, думенџија, дућанџија, ђонџија, занатџија, зулумџија, инаџија, казанџија, калајџија, лагумџија, мејданџија, муштулугџија, оцаџија, сапунџија, сатџија, симџија, тобџија, ханџија, хесаџија, целеџија; махмуџија, механџија, папуџија, фурунџија, хасурџија, капиџија, рациџија, бојаџија, бузаџија, кавгаџија, халваџија, чохаџија, кафеџија, кесеџија, лулеџија, скелеџија, чизмеџија; ћебеџија, шербеџија; биртаџија, буџија, говорџија, квартирџија, коминџија, мајурџија, патиџија, рачунџија, суваџија, тамбурџија, шеширџија; болтаџија, капаџија*); **-лија** (*занатлија, пашалија, касаблија, калајлија, шећерлија*); **-лук** (*јатаклук, комшилук, ортаклук, пшалук, сапунџилук, спахилук, угурсулук, фишеклук, хаџилук, хрсулук, чивилук, џимрилук, шегртлук, алвалук, калвалук/калфалук; кицошлук, гурманлук, кочијашлук, мајсторлук, нешташлук, пургерлук, пушташлук, хаошлук, христијанлук*) и **-ана** (*барутана, кафана*).¹¹ Оваквих и сличних образовања морало је у анализираном периоду бити и у другим балканским јужнословенским језицима [Харалампијев 2001: 230–231, Макаријоска 2006: 280], а нека од њих опстала су до данас, више у регионалним говорима и разговорној сфери него у књижевним језицима.

7. Суфикс -џија у српском језику на крају турске владавине

За илутрацију прилика у периоду ослобађања од турског ропства анализирали смо корпус узет из приповедака српског писца Стевана Сремца, који се пред крај

¹⁰ Израз довуковски период схвата се некад шире, некад уже, а начелно, обухвата развој језика и књижевности у вековима непосредно пре појаве Вука Стефановића Караџића и његове језичке револуције током 19. века.

¹¹ Исп. више о томе у Ђорић 2008: 45–47 и 51.

19. века нашао у професорској служби у тек ослобођеном граду Нишу. Јунаци његових приповедака говоре локалним дијалектом који је, из разумљивих разлога, чувао многе турцизме. Овом приликом представљамо само изведенице са суфиксом *-иџа*, а у творбеној анализи важан параметар била је потврђеност / непотврђеност неке јединице у речнику турцизама [Шкаљић 1973].

7.1. У првој, најбројнијој скупини нашле су се речи на *-иџа* за које се могу наћи одговарајуће потврде у Шкаљићевом речнику: *авиџа, алваџија, баитованџија, бадаваџија, бињеџија, гајтанџија, јабанџија, јорганџија, кантарџија, кираџија, кафеџија, кондурџија, комарџија, кујунџија, магазиџија, мезуџија, механџија, мутавџија, муштулугџија, одаџија, папуџија, рабаџија, саџија, сефтеџија, симџија, скелеџија, тобџија, туфегџија, ћебабџија, фишегџија, фурунџија, ћесеџија, чалгиџија, ћириџија, чаџија, чорбаџија, шећерџија.*

7.2. Код Шкаљића, међутим, нису регистроване изведенице *бућмеџија, дугмеџија, калтагџија, кубеџија, керамиџија, леблебиџија, магазиџија, мекиџија, сакаџија, ћеманеџија, фењерџија*, али јесу основинске речи, што указује на висок степен творбе псеудотурцизама.

7.3. Трећу групу чине хибридине формације, са основинским делом нетурског порекла: *бисаџија, ликерџија, млекаџија, наводаџија, панорамџија; ловџија, патролџија, проваџија, прстенџија, шалџија.*

7.4. Наведене потврде из Сремчевих дела показују да је у 19. веку наведена лексика била саставни део вокабулара градског и сеоског становништва. Историјски гледано, овај лексички слој, формиран током вишевековне турске владавине, доживео је врхунац и имао, у одређеном смислу, завршну фазу управо у Сремчево време. Већина занимања, а називи занимања су основна творбено-семантичка категорија у којој учествује анализирани творбени тип, још увек су, судећи по Сремчевим делима, била присутна у економском животу Ниша и околине, а вероватно и других делова Србије. Позиција овог творбеног типа ће у наредном периоду почети да слаби, али не само због одласке турске администрације са балканских простора већ и због продора нових техничких достигнућа, због гашења неких старих и појаве нових занимања. На тај начин изведенице овога типа делиле су судбину многих других турцизама који су се сачували само у старијим речницима и књижевним делима, остајући тако као споменици једног прохујалог друштвеноисторијског периода. Међутим, продуктивност суфикса *-иџа* никада није сасвим замрла: и у новом времену, ван директног контакта са турским језиком, овај ће формант учествовати у творби нових назива занимања, претежно у разговорној, супстандардној сфери. Он се ту показао као погодно средство продукције стилски маркираних лексичких јединица, чему је допринела и чињеница што се он и даље осећао као страни језичко средство. Таква карактеристика изведеница овог типа, међутим, није нова. Оне су и раније могле да буду стилски маркиране, што важи и за Сремчево време. То се види на основу присуства истокорених образовања са формантима домаћег порекла: тада је изведеница на *-иџа* стилски маркирана и функционише као стилска резерва. Према томе, од две раније формиране сфере примене овог творбеног типа, једне у деривацији неутралних, и друге у деривацији стилски маркираних формација, у српском језику до данас је, у одређеној мери, задржана само ова друга. Сличну његову позицију можемо претпоставити и за друге савремене балканске јужнословенске језике.

8. Турски суфикси у савременим јужнословенским језицима

Инвентар турских именичких суфикса у савременим јужнословенским језицима није велик, али је број номинативних јединица у чијем стварању ови суфикси учествују респектабилан, посебно у неким функционалним стилевима.

8.1. Суфикс *-џија/-чија*,¹² *-џџија/-чија*¹³

У бугарском и македонском језику постоје две варијанте овог форманта, што се тумачи фонетским карактером финалног дела основе. У бугарској литератури ова се варијантност тумачи овако: „Наставките *-џџија(а)*, *-чија(а)* са в допљнителна дистрибуција. С основа на гласен звук или сонорен съгласен се съчетава *-џџија(а)*, напр. *абаџџија, бозаџџија, бояџџија, мозаикаџџија, кавгаџџија*, а с основи на шумови съгласни – суфиксът *-чија(а)*: *буџџија, занаятчија, паркетчија, изкопчија*” [Радева 2007: 107]. И у македонистици се даје слично објашњење: „*-џија (-чија)*. – Овој суфикс е по потекло од турскиот јазик (основниот суфикс *-џи* е проширен во нашиот јазик со *-ја*), и доага со турцизми што имаат релативно широка употреба во народниот јазик: *алваџија, бозаџија, бојаџија, бостанџија, дукаџија, јорганџија, казанџија, тенекџија, фурнаџија*, и *-чија* по основа на безвучна согла-ска: *бурекџија, саатџија, занаетџија*. [Конески 1995: 51]. У српском је, као што се види и у напред навођеним примерима, лик овог суфикса одавно фонетски унифициран и гласи *-џија*, а финални део основе се, кад је то потребно, гласовно адаптира иницијаном делу суфикса (нпр. *бурекџија:бурек*).¹⁴ Већина напред навођених примера изведених структура овог творбеног типа у књижевним јужнословенским језицима има карактер архаизама, дијалектизама, фолклоризама или историзама.¹⁵ Међутим, у разговорном функционалном стилу често настају неологизми експресивног, комичног и ироничног значења: *филмаџија, лифтаџија, бензинџија, нафтаџија, пумпаџија, крофнаџија, барџија, сликаџија, табација, пејџија, дрогаџија, кокаџија, хероинџија, сидација, лаптобџија*.¹⁶ Суфикс *-џија* се јавља и у *ad hoc* формацијама типа *правопиџије/правопиџије* (врло подругљиво за ауторе нових правописа деведесетих година у Србији), односно *базенџија* (за чистача базена код богатих људи, у преводу америчког филма). С друге стране, истокорени деривати *шаљивац, шаљивчина, шаљивџија* су стилски маркирани семантиком основинског придева, али се осећа тростепена скала експресивности: први има

¹² У србистици и македонистици суфикси се представљају кумулативно, творбена + граматичка морфема (нпр. *џија+а*).

¹³ У бугаристици се ови суфикси, кад су издвојени из изведенице, бележе као *-џџија(а)*, *-чија(а)* [Радева 2007: 107], односно *-(а)џџија(а)* [Аврамова 2003: 125].

¹⁴ Исп. о томе више у Радић 2001: 17–18.

¹⁵ Известан број изведеница на *-џија* и даље је саставни део вокабулара српског човека, понајвише због високе фреквенције и незаменљивости њихових основинских речи (турског порекла). У ту малобројну скупину иду свакако *ћеваџија* (←*ћевап/ћевапчија*) и *бурекџија* (←*бурек*). Изведенице као што су *бунарџија, камионџија, трамвајџија, шеширџија* представљају економичне замене за синтагматске називе типа *копач бунара, возач камиона, возач трамваја, кројач/продавач шешира* и сл.

¹⁶ Ово је само део примера који се наводе у Бугарски 2003: 39–41. Велик број потврда има и Радић 2001: 20–29, где је извршена класификација по значењским скупинама.

најнижи, а последњи највиши степен експресивности, а узрок томе су творбени форманти: суфикс *-чина* учествује у аугментативном образовањима, а суфикс *-иџа* је (стране) турске провенијенције. И за бугарски се наводе читаве серије неологизама, као што су *бетондџија*, *гипсадџија*, *изолатордџија*, *мозаикадџија*, *паркетдџија*, *тапетадџија*, *фаянсадџи*, *курортадџија*, *чейдџадџија*, *скандалџија* итд. [Радева 2007: 107], затим *алармадџија*, *асвалтадџија*, *виџадџија*, *џичкадџија* и др. [Радић 2001: 29]. Оваквих структура има још, што говори о значајној продуктивности овог форманта у разговорној сфери:¹⁷ *белотадџија* (←белот), *виладџија* (←вила), *компјутърдџија* (←компјутър), *купондџија* (←купон), *покердџија* (←покер), *ракидџија* (←ракија), *тотадџија* (←тото), *филмадџија* (←филм), *чантадџија* (←чанта) и сл. На позицији творбене основе могу се наћи и абривијатуре: *катадџија* (КАТ) тирадџија (←ТИР), висадџија (←ВИС), сикадџија (←СИК) и сл.¹⁸ Необичну формалну структуру има дериват *ментърдџија* (←мента).¹⁹ Дакако, ни македонски језик није имун на овакве и сличне неологизме: *баскетџија*, *викенџија*, *водоводџија*, *електриџија*, *моторџија*, *сиперпеналџија*, *театарџија*, *финџија*, *фудбалџија* и сл. [Радић 2001: 29], *фалбаџија*, *шегаџија* [Конески 1995: 59].

8.2. Суфикс *-лија/-лија*

Овај суфикс нема у свим јужнословенским језицима једнаку продуктивност. У српском долази, поред осталог, у творби етника [Радић 2001: 50–58], али је изразито продуктиван у стилски маркираним образовањима (неологизмима, околионализмима, индивидуализмима и сл.), што показују примери типа: *бојлија*, *компромислија*, *мандатлија*, *богатлија*, *завичајлија*, *западлија*, *капутлија*, *напредлија* и сл. Посебно су необични примери околионализма какви су: *електрицитетлија* ('онај ко се добро разуме у електрицитет', ТВ емисија за децу), *качамаклија* ('онај који једе само качамак, сиромах', филмски превод), *ноћвештичлија* ('демон који учествује у тзв.ноћи вештица', филмски превод) и сл. Поједина образовања на *-лија* указују на комплементарност између стилски маркиране основе (оријенталног порекла) и самог суфикса са истом функцијом, као што је *михадлија*, на пример, у српском, или *буксузлия*, у бугарском језику. Наиме, основинска именица има пејоративну семантику, па се у комбинацији са турским суфиксом добија изразито негативна конотација. У македонском такође налазимо неологизме стилски маркиране: *дефицитлија*, *пубертетлија*, *режимлија*, *факултетлија* и сл..²⁰ У бугарској граматичкој литератури овај се формант не наводи и поред бројних речничких потврда типа *мераклија*, *каймаклија*, *гајтанлија*, *куражлија*, *кџметлија*, *пипер-*

¹⁷ Потврђено од стране Ничке Бечеве, лекторке бугарског језика на Филолошком факултету у Београду.

¹⁸ Да и у српском језику постоје овакве структуре показује пример мупација (←МУП) потврђен у једном локалном листу (Краљевачке новости, 30. јул, 2008).

¹⁹ Основинска реч је турцизам и значи лаж и лажов, а изведеница означава лажова, преваранта, трчи-лажу [БТР].

²⁰ У македонском је овај суфикс веома продуктиван у творби придевских формација [Марков 1979: 34, Конески 1995: 107].

лия, *шербетлия*, *шкембелия*.²¹ Овај суфикс, по свој прилици, није уврштен у граматичку литературу због традиционалне аверзије према турским елементима у бугарском језику [Перчеклијски 2009: 84].

8.3. Суфикс *-лук/-лък/-лак*

Овај суфикс се јавља у великом броју стилски маркираних формација. Он и даље долази на турске основе, као део архаичне лексике, али у савременим језицима граде се изведенице од нетурских именичких основа са значењем апстрактне особине (срп. *војниклук*, *мајсторлук*; буг. *войниклък*, *мајсторлък*; мак. *војниклак*, *мајсторлак*). Овај се формант јавља и као средство интензивирања, што се јасно види упореде ли се такве структуре са својим такође експресивним еквивалентима, нпр. у српском *крканлук* : кркање, *назадлук* : назад(а)к, *ништавлук* : ништавност, у буг. *сиромашлък* : соромашество, *сиромашия*, и сл. Чини се да и овде постоји паралелизам у семантичкој комплементарности између основинске речи пејоративног значења и самог суфикса, што показују српски примери као *банкротлук*, *безобразлук*, *драконлук*, *идиотлук*, *јаничарлук* и сл., али и македонски типа *грдотилак*, *гурбетчилак*, *лошотилак* и сл.

8.4. Суфикс *-ана*

Творбени тип са суфиксом *-ана* бугарске граматике уопште не региструју, док македонски лингвисти имају према њему амбивалентан однос: једни га сасвим занемарују, други га спомињу, али уз напомену да је готово потиснут домаћим суфиксима. С правом се сматра се да су изведенице на *-ана* на удару македонских пуриста [Радић 2001: 93–94]. У српском језику овај је формант присутан и у творби неутралних и у творби стилски маркираних формација. Међу прве иду тзв. „месне именице“, као што су *електрана*, *енергана*, *солана*, *топлана*, *пилана*, *куглана* и сл., а у другу околишности типа: *абортана* ('мотел у близини већег града у који свраћају љубавни, одн. браколомни парови') [Андрић 1976], *билдерана*, *палачинкана* ('продавница тестенине'), *психана* ('лудница'), *теретана*, *пејџерана* ('централа пејџинг система'), *Маркетана*, *Дентана* ('називи бакалнице, односно приватне стоматолошке ординације у Београду') и сл. [Бугарски 2003: 46–47]. И поред пуристичких савета, у македонској литератури се дају потврде из народног језика као што су *апсана*, *барутана*, *табана*, али и неологизми типа *електрана*, *енергана*, *солана*, *топлана*, *пилана*, *куглана* [Конески 1995: 61, Марков 1979: 29]. С обзиром на чињеницу да се исти неологизми налазе и у српском, не треба искључити деловање међујезичких контакта из времена заједничке државе.

9.0. Закључне напомене:

Инвентар продуктивних именичких суфикса турског порекла у јужнословенским језицима није једнак. Ако се као параметар узме ситуација у српском језику, онда се види да су бугарски и македонски оскуднији у овом погледу. Разлози су екстралингвистичке природе: иако је аверзија према турским језичким елементима општа појава код јужнословенских народа, она је ипак у већој мери била присутна

²¹ Заправо, у бугарском је овај суфикс продуктиван првенствено у творби индеклинабилних придева, али се већина њих, секундарно, користи и као именица. Суфикс *-лия* долази каткад и у творби етника: *бургазлия* (←Бургас), *банскалия* (←Банско), *търновлия* – (←Търново), поред *търновец*, *русенлия* (←Русе) поред *русенец* и сл.

у језичким политикама бугарских и македонских лингвиста. Несумњиво је да су на целом јужнословенском балканском простору биле присутне, у већој или мањој мери, лексичке јединице које су у свом финалном делу имале сегменте из којих ће се, потенцијално, касније развити творбени форманти типа српског *-иџа*, *-лиџа*, *-лук* и *-(х)ана*. Међутим, након одласка турске административне силе циљано је сужаван простор њиховом опстанку у књижевним/стандардним језицима. У оним идиомима који нису под непосредном контролом језичких чистунаца, суфикси турског порекла показују одређен степен виталности: налазимо их у разговорном функционалном стилу, у жаргонизованим структурама, те у индивидуалним и оказионалним творевинама. С обзиром на продуктивност, суфикс *-иџа/-дџија* држи примат међу њима. Разлоге за то треба тражити у творбено-семантичкој категорији којој припадају структуре са овим суфиксом: у питању су имена „радника” (*nomina actoris*). У номинацији лица која се баве одређеним пословима користе се синтагматски називи типа *возач камиона*, *возач трамваја*, *кројач шешира* итд., а као економична замена за овакве сложене називе долазе у српском деривати управо са споменитим суфиксом – *камионџија*, *трамвајџија*, *шеширџија* и сл. (Одговарајуће паралеле постоје и у бугарском и македонском.) С друге стране, свест о његовој турској провенијенцији даје, генерално, свакој изведеници одређен степен стилске обојености, а у неким функционалним стиловима он је једно од најзначајнијих средстава експресивизације израза. Анализирани суфикси су у турско доба претежно долазили на турске, а мањим делом на нетурске основе, док је у савременим језицима превага на страни ових других. Комбинација генетски различитих компонената даје деривату висок степен стилске маркираности. Већина деривата припада *измима* (*неологизмима*, *индивидуализмима*, *оказионализмима*, *колоквијализмима*). Њихово језгро је у разговорном функционалном стилу, а одатле улазе у публицистички (и писане и електронске медије), али и у књижевноуметнички стил. У неким дериватима турски суфикси функционишу као стилско-семантички интензификатори.

Литература

1. Аврамова 2003: Аврамова Ц., Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век, София: Херон Прес.
2. Андрић 1976: Андрић Д., Двосмерни речник српског жаргона, Београд: БИГЗ.
3. Андрић 2003: Andrić M., Turcizmi u seoskom govoru Slavonije”, Migracijske i etničke teme 19/1, Zagreb.
4. Анић ³1998: Anić V., Rječnik hrvatskoga jezika, Zagreb: Novi Liber
5. Баотић 2007: Baotić J., Orijentalizmi u govoru starosjedilaca Bosanske posavine, Sarajevo: Institut za jezik.
6. Башић 2005: Bašić N., „Jezična politika kao razgradnja hrvatskih jezičnih normi”, Jezik, 52, Zagreb, 7–21.
7. Бојацијев 2007: Бояджијев Т., Българска лексикология, София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски”.
8. Бошковић 1933: Бошковић Р., Нешто о употреби наставка ар у једној групи туђих речи, Наш језик, 1, Београд, 205–209.
9. БТР 2003: Български тълковен речник: Наука и изкуство.

10. Бугарски 2003: Bugarski R., *Žargon* (lingvistička studija), Beograd: Biblioteka XX vek.
11. Вајзовић 1999: Vajzović H., *Orijentalizmi u knjževnom djelu*, Lingvistička analiza, Sarajevo: Institut za jezik.
12. Јонке 1964: Jonke L., „Turcizmi se šire”, in: *Književni jezik u teoriji i praksi*, Zagreb, 142–144.
13. Киршова 1999: Киршова М., *Nomina loci у савременом српском језику*, Подгорица: Универзитет Црне Горе.
14. Клајн 2003: Клајн И., *Творба речи у савременом српском језику, Други део, Суфиксација и конверзија (Прилози граматички српскога језика II)*, Београд: Завод за уџбенике /Институт за српски језик САНУ/Матица српска.
15. Конески 1995: Конески К., *Зборообразувањето во современиот македонски јазик*, Скопје: Бона.
16. Кордић 2004: Kordić S., „Autizam hrvatske filologije”, *Književna republika*, god. 2, br. 7–8, Zagreb, 254–280.
17. Крстева 2000: Крстева В., *Речник на турските думи в сџвременниа българиски печат*, Софија, 2000: Лаков Прес.
18. Макаријоска 2006: Макаријоска Л., „Односот кон заемките во македонските текстови од XIX век”, XXXII научна конференција на XXXVIII меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, Скопје, 279–285.
19. Матешкић 2006: Matešić M., „Rječnik posuđenica iz turskoga jezika”, *Jezik*, 53/2, Zagreb, 72–75.
20. Михајловић 1972–1974: Михајловић В., *Грађа за речник страних речи у предвуковском периоду, I том (А-Љ), Нови Сад; II том (М-Ш), Нови Сад*.
21. Марков 1979: Марков Б., „Турцизми во зборозборувањето на македонскиот јазик”, *Предавање на XII семинар за македонски јазик, литература и култура*, Скопје, 27–43.
22. Носић 2005: Nosić M., *Rječnik posuđenica iz turskoga jezika*, Rijeka: Maveda.
23. Петровић 1993: Петровић С., „Историјат и стање проучавања турцизама у српскохрватском језику”, *Зборника Матице српске за филологију и лингвистику*, Нови Сад, 71–127.
24. Пецо 1987: Пецо А., *Турцизми у Вуковим рјечницима*, Београд: „Вук Караџић”.
25. Попов 2008: Попов Д., Божилов И., Георгијева Ц., Косев К., Пантев А., Баева И., *Историја Бугарске*, Београд: Слио.
26. Прањковић 2008: Pranjković I., *Sučelјavanja*, Zagreb: Disput.
27. Перчеклијски 2009: Перчеклијски Л., „Народностните и жителските наименования в тошковчевия препис на История славянобългарска,” *Езиков свят*, том 7, кн. 1, Благоевград, 80–85.
28. Радева 2007: Радева В., *В света на думите (Структура и значење на производните думи)*, Софија: Универзитетско издателство „Св. Климент Охридски”.
29. Радић 2001: Радић П., *Турски суфикси у српском језику, са освртом на стање у македонском и бугарском*, Београд: Институт за српски језик САНУ, Библиотека јужнословенског филолога.
30. Реке 2003: Racke J., „O situativnoj ili stilističkoј podeli južnoslovenskih jezika i o stilističkom razvoju divergencije i konvergencije u oblasti tvorbe reči”, in:

- Komparacija systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich, 1, Słowotwórstwo/Nominacja, Opole, 234–248.
31. РМЈ 1965–1979: Речник на македонскиот јазик (со српскохрватски толкувања), 1–3, Скопје: Институт за македонски јазик.
 32. РМС 1967–1976: Речник српскохрватскога књижевног језика, I – VI, Нови Сад: Матица српска.
 33. Самарџија 1995: Samardžija M., Leksikologija hrvatskoga jezika, Zagreb: Školska knjiga.
 34. Скелин Хорват 2005: Skelin Horvat A., „Posuđivanje u hrvatski jezik u dvama razdobljima”, *Suvremena lingvistika*, 57/58, Zagreb, 93–104.
 35. Стевановић³1975: Стевановић М., Савремени српскохрватски језик, I, Београд: Научна књига.
 36. Танасковић 1983: Tanasković D., „Sociolingvistički aspekti ideologizacije pozajmljenica”, in: *Jezik u savremenoj komunikaciji*, Beograd: Centar za marksizam Univerziteta u Beogradu.
 37. Ћорић 1997а: Ћорић Б., „Изведенице на -џија у Сремчевим делима”, in: *Књижевно дело Стевана Сремца – ново читање (Зборник радова са истоимене научне конференције)*, Ниш, 177–184.
 38. Ћорић 2008: Творба именица у српском језику, Београд, 2008.
 39. Харалампиев 2001: Харалампиев И., Историческа граматика на българския език, Велико Търново: Faber.
 40. Шкаљић³1973: Škaljić A., Turcizmi u srpskohrvatskom–hrvatskosrpskom jeziku, Sarajevo: „Svjetlost”.

Božo B. Ćorić

TÜRKISCHE SUFFIXE IN DEN SÜDSLAWISCHEN SPRACHEN

In den meisten südslawischen Sprachen lassen sich zwei Gruppen nominaler Suffixe fremder Herkunft ausmachen: zum einen *internationale*, andererseits *türkische*. Letztere, welche Gegenstand der vorliegenden Arbeit sind, entstanden infolge der über Jahrhunderte andauernden türkischen (osmanischen/ottomanischen) Herrschaft in Südosteuropa. Zunächst erschienen solche Suffixe als finale Bestandteile einzelner türkischer Wörter, von wo sie sich mit der Zeit lösten, um als gesonderte Wortbildungsmittel aufzutreten, wobei sie zur Bildung von Derivaten auch in Verbindung mit nichttürkischen Wortstämmen dienen. Nach den Befreiungskriegen im 19. Jahrhundert befand sich die Anzahl der türkischen Sprachelemente in einem permanenten Rückgang, teils aus kulturell-historischen Gründen, teils durch den Purismus. Trotz alledem weisen die südslawischen Sprachen der Gegenwart gewisse orientalische Wortbildungselemente auf. Diese Elemente lassen sich am besten an Nomina ausmachen, wo hinsichtlich ihrer Produktivität besonders die Suffixe *-џија/-џжия/-џия*, *-лија/-лия*, *-лук/-лък/-лак* und *-ана* hervorzuheben sind. Wortbildungstypen mit den angeführten Suffixen waren bei der Bildung neutraler lexikalischer Einheiten im Rückgang, wobei einige von ihnen im Nachhinein „revitalisiert“ wurden und bei der Bildung stilistisch markierter Lexik zum Einsatz kamen.

Barbara Štebih Golub

(Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Hrvatska)

SLOŽENICE U KAJKAVSKOME KNJIŽEVNOM JEZIKU

1. Kajkavski književni jezik bio je neorganski, polifunkcionalni idiom čija je organska osnovica bila zagrebačka kajkavština, a koji je funkciju književnoga jezika na području banske Hrvatske imao od 16. st. pa sve do formiranja hrvatskoga standardnog jezika štokavske osnovice u prvoj polovici 20. st. Dok iz kajkavoloških radova možemo prikupiti informacije o starokajkavskome leksiku, frazeologiji¹, gramatikama², morfologiji³, radova o tvorbi riječi u književnoj kajkavštini gotovo i nema⁴. U ovom ćemo se radu posvetiti rječotvorbenom segmentu koji je zapostavljen i u kajkavološkim i u kroatističkim istraživanjima – tvorbi složenica u kajkavskome književnom jeziku. Naime, u kroatistici se složenicama i slaganju kao tvorbenom načinu nije posvećivalo dovoljno pozornosti, a tvorba se riječi svodila na istraživanje sufiksalnog izvođenja. S. Babić [1986: 62] tako zaključuje da je izvođenje u hrvatskom jeziku osnovniji način nego slaganje pa je od 286 stranica njegove knjige slaganju posvećeno samo petnaestak. Tek I. Klajn [2002.] nudi prvi pokušaj sustavnog razvrstavanja tvorbenih tipova složenica s obzirom na njihovu strukturu i vrste riječi kojima pripadaju složenički dijelovi⁵.

Mi složenicom, prema definiciji E. Barić⁶, smatramo onu tvorenicu koja je nastala slaganjem, a motivirana je dvjema riječima i koja je s gledišta semantike jedna cjelina, jedinstven pojam u čijem su značenju udružena značenja njezinih osnovnih riječi. Složenicama također, suprotno tradiciji koja je u kroatističkoj derivatologiji postojala od Maretića pa sve do Babića, ne smatramo prefiksalne izvedenice.

Korpus za naše istraživanje složenica u kajkavskome književnom jeziku čini oko 3000 riječi ekscerpiranih iz jedanaest dosada objavljenih svezaka *Rječnika hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika* i kartoteke Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. U našem su korpusu najzastupljenije imeničke složenice, slijede pridjevi, brojevi i zamjenice te neznatan broj glagola. Budući da cjelokupnu tvorbu složenica i sve uz nju vezane probleme nikako nije moguće prikazati u okviru jednoga rada, usredotočit ćemo se na samo neke aspekte složeničke tvorbe u kajkavskome književnom jeziku: imeničke složenice određenih struktura koje smatramo zanimljivima iz više razloga, hapaksima pojedinih autora te mogućim uzorima pretpostavljenih starokajkavskih kalkova.

2. 1. Tipove imeničkih složenica koje ćemo detaljnije analizirati u ovome radu, prikazat ćemo, slijedeći metodu I. Klajna⁷, formulama iz kojih je razvidna njihova struktura,

¹ V. N. Vajs; V. Zečević [1995].

² V. A. Jembrih [1997], A. Šojat [1985], K. Lewis; B. Štebih [2004], B. Štebih [2002; 2005].

³ V. A. Šojat [2009].

⁴ V. B. Štebih [2007].

⁵ Premda I. Klajn svoje djelo naziva *Tvorba reči* u savremenom srpskohrvatskom jeziku, u korpus je uključio i primjere iz hrvatskog jezika, pa njegovo djelo smatramo relevantnim i za proučavanje složenica u hrvatskome, odnosno u kajkavskome književnom jeziku.

⁶ E. Barić [1980: 15].

⁷ V. Klajn [2002: 40].

vrsta riječi kojoj pripadaju pojedini članovi složenice te je li složenica sufiksalna ili ne. Pri tome ćemo se služiti sljedećim kraticama: **i** – imenica, **io** – imenička osnova, **g** – glagol, **go** – glagolska osnova, **su**f – sufiks. Također slijedeći Klajnov opis, a i svjesni prijeporne prirode spojnika, označavat ćemo ga kraticom **s**, ali u eksponentu⁸.

Predmetom našega interesa imeničke su složenice s glagolskim prvim dijelom te one struktura *io^si* i *io^sgosuf* sa sufiksom *-Ø*.

2. 2. R. Zett [1970], M. Rammelmeyer [1975] i I. Klajn [2002] suglasni su da su od imeničkih složenica s glagolskim prvim dijelom samo tzv. imperativne složenice originalno slavenske, dok su sve one s glagolskim prvim dijelom drugačijeg oblika anomalne. U korpusu složenica iz kajkavskoga književnog jezika registrirani su sljedeći tipovi imeničkih složenica s prvim glagolskim dijelom: *go^sgosuf*, *go^si* i *go^siosuf*.

Prvu skupinu složenica, one sa strukturom **go^sgosuf** čine svega dvije imenice sa značenjem ‘osoba koja donosi jelo, hranu’: *jestinos* i *jestinosec*. Vidljivo je da je prvi dio složenica oblikom jednak infinitivu, a drugi je također odglagolskoga podrijetla. Obje su imenice nastale složeno-sufiksnom tvorbom (sufiksi *-Ø* i *-ec* koji je u književnoj kajkavštini vrlo čest za izvođenje nomina agentis) i potvrđene su samo u rječničkim izvorima – *jestinos* u Jambrešićevu rječniku s. v. *escifer*, a *jestinosec* u Belostenčevu rječniku s. v. *dapifer* – što ukazuje na to da je riječ o hapaksima tih leksikografa koji, vjerojatno upravo zbog svoje neobične strukture, nisu zaživjeli u književnoj kajkavštini.

U našem je korpusu zabilježeno i dvadesetak tzv. imperativnih složenica. Dok uglavnom stariji, ali i neki noviji istraživači (Belić, Leskien, Stevanović, Živanović) dokazuju da je prvi dio tih složenica imperativ, novije se analize ne slažu s njihovim zaključcima. I. Klajn [2002: 83] tako navodi da je status prvoga člana takvih tvorenica neizvjestan jer se u svim primjerima ne može uvijek izjednačiti ni s infinitivnom ni s prezentnom osnovom.

Temeljeći svoju analizu na metodologiji E. Barić [1980/1], odnosno na tvorbenim definicijama pojedinih tvorenica, došli smo do zaključka da je skupina tzv. imperativnih složenica heterogena, da njihov prvi dio nije imperativ te da su tvorenice koje se tradicionalno ubrajaju u tu skupinu nastale različitim tvorbenim načinima. Naime, tvorbene definicije tih složenica pokazuju da je njihov prvi, glagolski dio dvojak: riječ je o prezentu koji je oblikom identičan imperativu, a *i* u složenicu ulazi kao dio prvoga složeničkoga dijela i nije pravi spojnik (*habikruh* ‘osoba koja *habi* kruh’, *kvarivera* ‘osoba koja *kvari* veru’, *mamipuk* ‘osoba koja *mami* puk’), dok se u imenica druge skupine prezent formalno ne podudara s prvim dijelom složenice, pa *i* ima funkciju spojnika (*cepidlaka* ‘osoba koja *cepa* dlaku’, *ispičutura* ‘osoba koja *ispije/ispija* čuturu’, *obležitanjer* ‘osoba koja *obleže* tanjer’). Budući da tvorbene definicije analiziranih složenica pokazuju da njihov drugi, imenički dio rijetko dolazi u svome nominativnom obliku i da se znatno češće javlja u akuzativu, veći je dio složenica oblik svoga drugoga dijela dobio tijekom tvorbenog procesa (*habikruh* ‘osoba koja *habi* *kruh*’, ali *kvarivera* ‘osoba koja *kvari* *veru*’). Zato se struktura imenica koje se tradicionalno nazivaju

⁸ I. Klajn [2002: 40] objašnjava da s piše u eksponentu „kao znak da je on zapravo završetak prvog formanta, a ne ravnopravan sastavni deo složenice“. O prirodni spojnika, kao i o broju spojnika, u slavenskoj se derivatologiji mnogo raspravljalo. Budući da bi rasprava o toj temi uvelike nadišla okvire ovoga rada, za sada ćemo prihvatiti Klajnovu formulu.

imperativnima, ne može uvijek opisati samo formulom $g+i^9$, kao što to čini I. Klajn [2002: 83], već one pripadaju dvama tipovima, go^i (*habikruh*, *hvalijanuš*, *kvarikruh*, *mamipuk*, *mislibolesnik*) i go^i osuf (*cepidlaka*, *ispičutura*, *kvarivera*, *potrihiža*), koji su i inače prisutni u hrvatskome jeziku i ne predstavljaju nikakav zasebni složenički tip. Dok I. Klajn [2002: 88] složenicu *vtirepac* ubraja u tip go^i osuf uz napomenu da se u nekima od takvih složenica ponekad javlja vokal *i* na kraju prvoga dijela, dok ih većina ima spojnik *o*, naša metoda analize pokazuje da i složenice *vtirepac*, *pletigač*, *spletkar*, *zatrihižnik*, *zatrihižnjak* ‘rasipnik, raspikuća’ i „imperativne“ složenice kao što su *cepidlaka* i *zatrihiža* pripadaju istom složeničkom tipu. Ipak, upravo razlika između složenica tipa *kvarivera* ‘osoba koja *kvari veru*’ (kvari-ver-a) i *potrihiža* ‘osoba koja *potre hižu*’ (potr-i-hiž-a) ukazuje na potrebu jasnog razlikovanja vokala koji je tek završetak prvoga složeničkog dijela i spojnika.

Sve kajkavske „imperativne složenice“ označuju osobu, osim imenica *Hvalibog* ‘naziv kat. molitve Hvala Bogu’ i *platibog* ‘stolić za odmaranje nogu’. One koje označuju osobu, kao i u hrvatskome standardnom jeziku, obično imaju pejorativno i podrugljivo značenje te iznose neku bitnu karakteristiku osoba na koje se odnose, a često se temelje na frazeološkom značenju osnovnih riječi (*habikruh*, *kvarikruh* ‘propalica, lijenčina’, *kvarivera* ‘prekršitelj dogovora’, *mamipuk* ‘onaj koji mami, zavodi narod’, *obleziperst*, *oblezitenjer* ‘izjelica, proždrljivac’, *potrihiža*, *zatrihiža* ‘rasipnik, raspikuća’, *preskočplot* ‘skitnica, besposličar, potepuh’). S obzirom na sintaktički odnos dijelova složenica analiza je pokazala da je, kao i u hrvatskome standardnom jeziku, odnos predikat – objekt (*kvarikruh*¹⁰ je ‘onaj koji kvari kruh’, *habikruh* je ‘onaj koji habi kruh’, *mamipuk* je ‘onaj koji mami puk’, *obleziperst* je ‘onaj koji obleže perst’, *preskočplot* je ‘onaj koji preskoči plot’, *zatrihiža* je ‘onaj koji zatre hižu’), češći od odnosa predikat – subjekt (*hvalijanuš* ‘hvalisavac’ je ‘Januš koji se hvali’, *mislibolesnik* ‘umišljeni bolesnik, hipohonder’ je ‘onaj koji misli da je bolesnik’).

Strukturu go^i u kajkavskome književnom jeziku ima još desetak složenica, uglavnom hapaksa pojedinih leksikografa ili pisaca, kao što su *gledonavuk* ‘perspektiva’ u Belostenčevu rječniku (s. v. *perspectiva*), *kuhomešter* ‘glavni kuhar’ u Jambrešićevu rječniku (s. v. *magrius*), *landamešter* ‘onaj koji pri stolu reže i dijeli jela’ u Patačićevu rječniku (s. v. *structor* 805) ili *mislokut* u Vraničevu *Robinzonu* („Sede si anda vu svoj *mislokut* (ovak imenuval je jednoga vu duplju svojega kuta, vu kojega ... kada kaj novoga zmisлити je hotel, išel je sedeti)”). Rob I, 237)¹¹, što pokazuje da taj tvorbeni tip u kajkavskome književnom jeziku nije bio osobito plodan. Istu strukturu imaju i kalkovi *gledoigra* ‘igrokaz’ (< njem. *Schauspiel*) te *gledoigrač* ‘glumac’ (< njem. *Schauspieler*), koji su potvrđeni samo u Belostenčevu rječniku¹². Osobito su zanimljive imenice *hvalajanuš* i *hvalapeter* ‘hvalisavac’, čije prve potvrde nalazimo u Jambrešićevu rje-

⁹ Upravo je iz toga vidljiva nedosljednost Klajnova prikaza. Jer ako, kao što je već spomenuto, tvrdi da je spojnik prikazan u eksponentu „zapravo završetak prvog formanta, a ne ravnopravan sastavni deo složenice“ [Klajn 2002: 40], a u velikom dijelu imperativnih složenica i je zaista završni element prvoga dijela, tada bi strukturu tzv. imperativnih složenica zapravo trebao označavati $gosi$.

¹⁰ Značenje kajkavskih tvorenica donosimo samo pri prvom spominjanju.

¹¹ Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika s. v. *mislokut*.

¹² *Gledoigra* s. v. *histricus*, *spectaculum*, *theatralis*, a *gledoigrač* s. v. *histricus*.

čniku (s. v. *buccinator*, *goriator*, *jactator*), a vjerojatno su djelomične prevedenice prema njem. idiomatskom izrazu *Glori-Hans* kojega i sam Jambrešić donosi kao njemačku istovrijednicu. Budući da je njihova tvorbena definicija ‘Januš / Peter¹³ koji se hvali’, a ne ‘Januš / Peter koji govori hvala’, također je riječ o složenicama strukture go^si, no drugi dio složenice čini vlastito ime, a zanimljive su i zbog spojnika *a*. Dok je *hvalapeter* potvrđen samo u Jambrešića, *hvalajanuš* i *hvalijanuš*, o kojem je već bilo riječi, ušli su u uporabu („Nekoj [se je] *hvalajanuš* ... vu kerčmi pred drugimi šešmil.“ *Danica* (1837) 68 i „Nekoj *hvalianuš* je se vu stanovitem društvu ... dičil da je bil vu Benetkih.“ *Danica* (1845) 117)¹⁴.

Osim već analiziranih „imperativnih“ složenica ostale potvrđene imenice strukture go^siosuf također su hapaksi pojedinih autora, npr. *cerozubec* ‘onaj koji se smije pokazujući zube’, *delopolec* ‘poljodjelac’, *lizozdel* ‘onaj koji liže zdjele po kuhinji’ u Belostenčevu rječniku¹⁵ ili *pletigač* u Krležinim *Baladama Petrice Kerempuha* („Natikači, *pletigači* s mađaronskemi mustači, niščevniki, niščekokji, saki mužu kožu kroji.“)¹⁶.

Analiza je pokazala da se u kajkavskome književnom jeziku pojavljuju tri tipa imeničkih složenica s glagolskim prvim dijelom: go^sgosuf, go^si i go^siosuf. Od navedenih tipova u suvremenom jeziku nije prisutan samo prvi¹⁷. Drugima dvama tipovima pripada veći broj složenica, no proširene su samo one koje se tradicionalno nazivaju imperativnima, dok su ostale hapaksi pojedinih leksikografa i pisaca.

2. 3. Imeničke složenice strukture io^sgosuf vrlo su česte i u kajkavskome književnom jeziku i u suvremenome hrvatskome standardnom jeziku. U našem ih je korpusu četrinstotinjak, a u njihovoj je tvorbi sudjelovalo tridesetak dometaka (*brodstaja* ‘pristanište’, *blagožerec* ‘onaj koji mnogo troši na jelo i piće’, *jajonosica* ‘kokoš nosilica’, *mečobodstvo* ‘borba mačevima’). U ovom ćemo se radu osvrnuti samo na složenice te strukture s nultim sufiksom, kojih je u našem korpusu 116 (*govnokop* ‘balegar’, *bakljonos* ‘onaj koji nosi baklju’, *bradonos* ‘bradonja’, *činospis* ‘zapisnik’, *danospis* ‘kalendar’, *događajepis*, *dogodospis* ‘kronika’, *drvorez* ‘drvorezbar’, *drvosek* ‘1. drvosječa; 2. drva za sječu’). R. Zett [1970] istražujući imeničke složenice u starosrpskome, zaključuje da je složenički tip io^sgo + Ø vrlo star te da je već u praslavenskome bio vrlo proširen. Imenice toga tipa egzocentrične su i imaju raznolika značenja: nomina agentis (*kotlokrp*), nomina loci (*ribolov*), nomina temporis (*listopad*), nomina rei actae (*rukotvor*). M. Rammelmeyer [1975] istražujući kalkove njemačkoga podrijetla u hrvatskome i srpskome jeziku od preporoda nadalje, potvrđuje Zettov zaključak i iznosi tezu da su endocentrične imenice strukture io^sgo + Ø (npr. *brakolom* nije ‘onaj koji lomi brak’, već ‘lom braka’ prema njem. *Ehebruch*) kalkovi, i to ponajprije iz njemačkoga jezika¹⁸,

¹³ Zbog njihove frekventnosti imenima Januš i Peter označuje se osoba općenito, „svatkogović“, kao u njem. imenom Hans ili u engl. John.

¹⁴ Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika s. v. *hvalajanuš*, *hvalijanuš*.

¹⁵ s.v. *cerozubec*, s.v. *colonus*, s.v. *lizozdel*.

¹⁶ Krleža [1936: 124].

¹⁷ I. Klajn [2002: 87] imenice kupoprodaja i primopredaja svrstava u tip gos+i premda donosi i sljedeće razmišljanje: „S obzirom na činjenicu da u njima prvi član ne modifikuje drugi, nego su kopalativne (kupovina i prodaja, primanje i predavanje), možda bi bilo opravdanije prikazati ih kao SST od dva glagola, ali onda bi to bile jedine dve složenice takvog sastava.“

¹⁸ Prednost njemačkome pred grčkome i latinskome daje i zbog toga što pretpostavljeni njemački modeli također imaju nulti sufiks.

koji se u hrvatskome jeziku javljaju od 19. st., tj. od preporoda, pa taj tip složenica smatra jednim od triju novih tipova tvorenica nastalih pod njemačkim utjecajem. Dapače, on odbija tezu da su neke od tih riječi u hrvatski preuzete iz drugih slavenskih jezika: „Die Annahme, die neuen Wortbildungstypen seien nicht direkt, sondern auf dem Wege der Entlehnung aus dem Russischen und Tschechischen ins Serbokroatische gekommen, ist abzulehnen. Da die aus diesen Sprachen übernommenen Wörter für den serbokroatischen Sprecher nicht denselben Rang wie LW aus anderen, nichtslavischen Sprachen besitzen, sondern verstanden und – gegebenenfalls als regelwiderig – analysiert werden, konnten sie erst in größerem Umfang entlehnt und angenommen werden, nachdem sie vorher die neuen Wortbildungstypen auf dem Wege der LÜ deutscher Komposita in der Sprachkompetenz des serbokroatischen native speakers konstituiert hatten.“ [Rammelmeyer 1975: 64]. Novija istraživanja, međutim, opovrgavaju te Rammelmeyerove teze. Naime, proučavanje tvorbe riječi provedeno na korpusu starijih, dopreporodnih tekstova pokazuje da su endocentrične složenice strukture $io^s go + \emptyset$ u hrvatskome jeziku prisutne i prije devetnaestog stoljeća. A. Kapetanović [2007] donosi primjere iz starije hrvatske leksikografije i književnosti koji dokazuju da se endocentrične složenice u hrvatskim neorganskim idiomima javljaju od prvih leksikografskih djela. Tako Vitezović primjerice s. v. *terramotus* bilježi *zemljotres*, a J. Kavaljin u svome djelu *Bogatstvo i uboštvo* donosi riječ *rukopis* ‚pisanje rukom‘. Leksem *rukopis* već se ranije javlja kao kalk s grčkoga u značenju ‚ono što je pisano rukom‘, dakle kao egzocentrična složenica. Upravo pojava imenica koje pripadaju Rammelmeyerovim „novim tvorbenim tipovima“ u tekstovima autora kao što je Kavaljin, na koje zasigurno nije utjecao njemački jezik, već prvenstveno latinski i talijanski, opovrgavaju Rammelmeyerovu tezu o tome da su takve imeničke tvorenice isključivo kalkovi iz njemačkoga, i dokazuju su na njihov nastanak mogli utjecati i grčki, latinski, talijanski i mađarski.

U starokajkavskim tekstovima od 116 zabilježenih imeničkih složenica strukture $io^s go + \emptyset$ pet ih je endocentrično. *Ribolov* u značenju ‚lov na ribe‘, a ne ‚mjesto gdje se lovi riba‘ potvrđen je u Jambrešićevu rječniku (s. v. *piscatio*), kao i *leđoter* ‚lom kralježnice‘ (s. v. *lumbifragium*), a Habelić¹⁹ i Belostenec donose i riječ *kervotok*²⁰. Tijekom 18. st. u kajkavskim su izvorima potvrđene i endocentrične složenice *glavosek* ‚smaknuće odsijecanjem glave‘ („Mar po glavoseku s. Ivana vse vučenike je [Krištuš] vu puščinu pozival.“ Gašp IV, 601)²¹ i *ladjoter* ‚brodolom‘ („Vreme bi bilo da ali prestanemo brodit, ali pak vu brodišču ovom *ladjoter* dragovoľno terpimo.“ Št past 5)²². Budući da je Habelićev rječnik tiskan u 17. st., dok je Belostenčev nastao u 17. st., a redigiran i tiskan je u 18. st., može se zaključiti da se u književnoj kajkavštini endocentrične imeničke složenice javljaju barem dva stoljeća prije hrvatskoga narodnoga preporoda i formiranja standardnoga jezika štokavske osnovice.

¹⁹ Habelić s. v. *kervotok*, *kervotok na nos*, Belostenec s. v. *kervotok*.

²⁰ Riječ bilježi i Vitezović. Premda je leksem prisutan i u češkom i poljskom, zbog njegove starine u hrvatskome, valja biti vrlo oprezan pri njegovom objašnjavanju.

²¹ Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika s. v. *glavosek*.

²² Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika s. v. *ladjoter*.

Egzocentrične složenice strukture $io^s go + \emptyset$ imaju različita značenja: nomina agentis et professionis (*bakljonos* ‘onaj koji nosi baklju’, *cvetober* ‘onaj koji bere cvijeće’, *dardonos* ‘vojnici naoružani dardom’, *dobročin* ‘dobročinitelj’, *kamenorez* ‘kipar’, *pesotuk* ‘živoder’), nomina loci (*drevocep* ‘mjesto gdje se cjepaju drva’, *glavolom* ‘vratolomno mjesto’), nazivi životinja (*govnokop*, *govnovalj* ‘balegar, skarabej’, *kozodoj* ‘zool. ptica mračni leganj, *Caprimulgus europaeus*’, *pčelozob* ‘zool. sjenica, *Parus*zool’), nazivi biljaka (*kruhonos* ‘bot. krušnica, *Artocarpus*’), nazivi bolesti (*červogriz* ‘bol i bolest crijeva’, *glavovrt* ‘vrtoglavica’), nazivi vjetra (*kozoder*, *kozomor* ‘oštar sjeverni vjetar koji ubija koze’²³). Zanimljivo je da tridesetak takvih imenica ima završetak *-nos* (*bakljonos*, *bradonos* ‘bradonja’, *knjigonos* ‘onaj koji nosi knjigu’, *klučonos* ‘onaj koji nosi ključeve’, *posteljonos* ‘onaj koji nosi postelju’). Vrlo je često riječ o leksemima potvrđenima samo u leksikografskim izvorima gdje se javljaju kao prevedenice latinskih natuknica sa završnim *-fer* (u Belostenčevu rječniku tako nalazimo *lanonos* s. v. *linifer*, *bradonos* s. v. *barbifer*, *kiponos* s. v. *imagifer*, *kosonos* s. v. *falcifer*, *mironos* s. v. *pacifer*, *plačofer* s. v. *lucifer*). Zabilježen je i znatan broj složenica čiji drugi, glagolski dio potječe od glagola *delati* (*bruncodel* ‘onaj koji izrađuje predmete od bronce’, *kipodel* ‘kipar koji radi u kamenu’, *lagvodel* ‘bačvar’, *plaštodel* ‘limar’, *pločodel* ‘onaj koji izrađuje tanke pločice od plemenitih kovina’) i *spisati* (*činospis* ‘zapisnik’, *danospis*, *dnevospis* ‘kalendar’, *dogodospis* ‘kronika’).

Imenice strukture $io^s i$ M. Rammelmeyer [1975: 48] također smatra „novim tvorbenim tipom“ koji se prvenstveno javlja u kalkova prema njemačkim modelima (*brodovlasnik* ‘vlasnik broda’ < njem. *Booteigentümer*), iako R. Zett [1970: 110] dokazuje da se takve imenice javljaju već u starosrpskome gdje su prevedenice nastale prema starogrčkome. I. Klajn [2002: 42] kaže da je riječ o prvobitno slabo zastupljenom tipu koji se osjetno proširio tek zahvaljujući upravo novim endocentričnim složenicama kao što su *drvorezbar*, *parobrod*, *zemljoposjed*.

Riječ je, dakle, o složenicama s imeničkim prvim dijelom čiji je drugi dio samostalna imenica. Premda ta imenica može biti odglagolskoga podrijetla, ona se više ne percipira kao odglagolski sufiks, već u tvorbeni proces ulazi kao samostalna jedinica (*drvorezbar* nije ‘onaj koji rezbari drvo’, već ‘razbar drva’), a između dijelova složenice ne postoji odnos predikat – objekt.

Premda je ponekad često razlučiti složenice tipova $io^s gosuf$ i $io^s g$ (je li *zakonopisac* ‘pisac zakona’ ili ‘onaj koji piše zakon’), mi smo se u svojem istraživanju vodili kriterijima koje je za identifikaciju, kako ih ona naziva, „imeničkih složenica nesufiksalne tvorbe“, odredila E. Barić [1980: 29]: „Da bismo jednu složenicu promatrali bar kao moguću složenicu nesufiksalne tvorbe, potrebno je da drugi njezin dio bude prepoznatljiv kao samostalan leksem. Problem se tek sada javlja jer treba odrediti da li je taj drugi dio ušao u složenicu kao leksem ili je leksemski oblik dobio u tvorbenom procesu, odnosno da li je složenica natala složeno-nesufiksalmom ili složeno-sufiksalmom tvorbom. Znači da nije dovoljno da dio s oblikom leksema postoji u složenici i izvan složenice.“ Dakle, ako u tvorbeni definiciju složenice drugi dio ulazi kao samostalna imenica, smatramo da je riječ o tipu $io^s i$ (*dekloljubitelj* nije ‘onaj koji ljubi dekle’ nego ‘ljubitelj deklah’).

²³ Uz istoznačnicu sa sufiksom *-ec* *kozoderec*.

Istraživanja provedena na korpusu starijih hrvatskih tekstova ponovno opovrgavaju Rammelmeyerovu tezu da je riječ o novom tvorbenom tipu. Tako endocentrične složenice strukture *io^si* nalazimo već u Vrančićevu rječniku s konca 16. st. (*plavojska* ‘vojska na brodu’) kao i u Vitezovića (*bisagokrađa*, kao i brojne složenice s *-bolja*: *bedrobolja*, *bokobolja*, *bradobolja*, *čelobolja*). Dok je model Vrančićeve *plavojske* mađ. *vizi-ereü*, tj. *vízierő*, Vitezovićeve su složenice najvjerojatnije kalkirane prema latinskome (*bisagokrađa* < lat. *manticulatio*)²⁴, što ukazuje na to da uzore hrvatskih prevedenica valja tražiti i u drugim jezicima, a ne samo u njemačkome.

Najstarija pronađena potvrda imenica strukture *io^si* u staroj kajkavštini potječe iz 17. st.: *bijaromešter* ‘nadstojnik maloga ceha’ (‘Mi, Mihalj Šipušić, cehmešter ... Johannes Horvat *biaromešter* ... Na znanje dajemo.“ VZA 16, 310)²⁵. U izvorima iz 18. st. imenice toga tipa znatno su češće (*činopovest* ‘kronika’, *čislomolenje* ‘moljenje krunice’, *lasoprah* ‘mirisni prašak za kosu’, *materijedavec* ‘proizvođač, izrađivač tkanine’, *ptičokradec* ‘kradljivac ptica’), a mnogobrojne su i u leksikografskim izvorima, u Belostenčevu (*bajsohegeduš* ‘svirač basa’, *farbotržec* ‘trgovac bojom’, *hižobog* ‘mit. u starom Rimu kućni bog, lar, penat’) i Jambrešićevu rječniku (*bisagokradljivec* ‘kradljivac’, *biseroteržec*, *đundoteržec* ‘trgovac draguljima’, *hmeljoteržec* ‘trgovac hmeljom’). Izvjestan se broj takvih tvorenica može smatrati prevedenicama nastalima prema njemačkim modelima – to osobito vrijedi za one koje se u rječnicima javljaju kao kajkavski ekvivalenti njemačkih natuknica (‘Bartscherer, *bradobrijač*‘. Mat gram 282; ‘*Materiedavec* ... der Zeugmacher.“ W 26²⁶; *lasoprah* < njem. *Haarpuder* u Jabrešićevu rječniku s. v. *pulvis*) – no za neke se ne može sa sigurnošću tvrditi jesu li nastale prema njemačkim ili prema mađarskim modelima, npr. *biseroteržec*, *đundoteržec*²⁷ < njem. *Perlein-Krämer* ili mađ. *gyöngy-áros*, *hmeljobrač*²⁸ < njem. *Hopfen-Sammler* ili mađ. *komló szedő*, *hmeljoteržec*²⁹ < njem. *Hopffen-Krämer* ili mađ. *komló kereső*. Premda se, dakle, ne može negirati utjecaj inojezičnih elemenata na plodnost toga tvorbenog tipa u književnoj kajkavštini, ne može se tvrditi da je riječ isključivo o utjecaju njemačkoga jezika. Također, nije riječ o „novom tvorbenom tipu“ koji se javlja u 19. st., jer su imenice te strukture vrlo brojne i u starijim, dakle dopreporodnim tekstovima.

Od složenica toga tipa iz našega su korpusa sve determinativne osim imenica *črk-nopiknja* ‘pravopisni znak točka zarez’ i *konjočovek* ‘mit. napola čovjek, napola konj, Centaur’ koje su koordinativne. Osim dviju imenica koje označuju vrste životinja, *kozorog* ‘zool. divlji jarac, Capra ibex’ i *križokljun* ‘zool. krstokljun, Loxia curvirostra’, sve su endocentrične.

Osim što su u književnoj kajkavštini vrlo brojne, imenice strukture *io^si* imaju i vrlo raznolika značenja: nomina agentis et professionis (*hižotvorec* ‘graditelj kuće, arhitekt’, *jezikonavučitelj* ‘učitelj jezika’, *knjigočuvar* ‘knjižničar’), nazivi praznika (*Glavosečenje* ‘crkv. blagdan Pogubljenja sv. Ivana Krstitelja’, *Bogojavljenje* ‘crkv. blagdan Bogojavljenje’), nazivi bolesti (*bubregobol*, *bubrebolja* ‘upala bubrega’, *črevobolja*

²⁵ Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika s. v. *bijaromešter*.

²⁶ Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika s. v. *bradobrijač*; *materijedavec*.

²⁷ Jambrešićev rječnik s. v. *margaritarius*.

²⁸ Jambrešićev rječnik s. v. *lupularius*.

²⁹ Jambrešićev rječnik s. v. *lupularius*.

‘bol i bolest crijeva’, *križecobol*, bol u križima‘, *kukobol*, med. bol u kukovima‘, *leđobol*, bol u leđima‘, *pljučobol*, bol u plućima‘, *leđobolja* ‘bol u leđima’, *glavobolja*)³⁰, nomina loci (*kačogaz* ‘zmijska staza’, *kinčosramba* ‘riznica’), jezikoslovno nazivlje (*glasosprememba*, *glasopromemba* ‘glasovna promjena’).

Osim uobičajenoga spojnika *-o-* u tri se Patačićeva hapaksa javlja i spojni vokal *-u-*: *konjupešec* ‘vojnici u konjici koji sjaše prije bitke’ (s.v. *desultor* 372), *konjutržec* ‘trgovac konjima’ (s.v. *equorum mango* 418) i *kunjudeh* ‘čovjek koji dodijava zavirujući u kuhinji, dodijavalo’ (s.v. *parasitus* 302). Dok bi se u primjeru *kunjudeh u* moglo interpretirati kao dio osnove (ako bi se kao tvorbeni definicija prihvatilo ‘onaj koji dehnje *kunju*’), u druga dva primjera ima funkciju spojnika.

Tome tipu složenica pripadaju i sraslice kao što su: *bogačastenje* ‘slavljenje boga, pobožnost’ (uz *bogočastenje*), *bogamorec* ‘bogobojica’, *decovmorenje* ‘djecoumorstvo’, *bratovmorenje* ‘bratoubojstvo’, *kučegazda* ‘gospodar kuće’, *imenknjižica* ‘popis imena, imenik’, *kervipuštajnje* ‘puštanje krvi (obično kod slabokrvnih osoba)’, *kožuhanosec* ‘onaj koji je obučen u kožu’.

Zabilježili smo i dvije prividne trosloženice: *kervolokomorec* ‘ubojica krvoloka’ i *kervolokomorstvo* ‘umorstvo krvoloka’³¹. R. Zett pojmom „scheinbare Trikomposita“ označuje „Nominalkomposita mit mehr als zwei lexikalischen Morphemen, die sich in der Regel gleichfalls als nur aus zwei Stämmen zusammengesetzt erweisen“ [Zett 1970: 45].

2. 4. Općeprihvaćena je tvrdnja da slavine u usporedbi s grčkim ili germanskim jezicima nisu sklone kompoziciji. Smatra se da je većina slavenskih složenica nastala prevođenjem, tj. da je riječ o kalkovima i to u starijem jeziku iz grčkoga, a u novijem iz njemačkoga. Istražujući složenice u kajkavskome književnom jeziku, pokušali smo utvrditi jesu li neke od njih kalkovi. Pri tome smo se vodili kriterijima za identifikaciju prevedenica koje donose S. Babić [1980] i M. Rammelmeyer [1982]:

1. Riječ uzorak mora biti morfološki analizirljiva, tj. mora se sastojati najmanje od dvaju morfema;

2. Prevedenica se s uzorkom mora podudarati najmanje u jednom, i to onda leksičkom morfemu;

3. Strani tvorbeni uzorak mora biti sačuvan u potpunosti, a to znači i vrstom i redoslijedom tvorbenih jedinica;

4. prevedenica mora odudarati od tvorbenoga sustava jezika primatelja ili bar mora biti prva u svom tipu.

Nadalje, na mogućnost da je riječ o prevedenici ukazuje i semantizam složenice. Naime, valja pretpostaviti da je složenica kalk ukoliko joj značenje nije iščitljivo iz njezinih dijelova, već se temelji na kakvoj neobičnoj metaforici³². M. Rammelmeyer

³⁰ Premda I. Klajn [2002: 58] smatra da su imenice na *-bolja* složeno-sufiksne jer je „imenica *bolja* samo pesnička i verovatno je uvek takva bila, dok su složenice na *-bolja* potpuno stilski neobložene“, mi kajkavske tvorenice smatramo dvoimeničkima jer se u kajkavskome književnom jeziku *bolja* javlja kao istoznačnica od *bol* („Boļa – der Schmerz.“ W 8; „Ona [tela] već ne budeju niti boļam niti smerti podveržena.“ Verh 430. [Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika s. v. *bolja*], stilski je neutralna te nema razloga da ne sudjeluje u rječotvorbenim procesima.

³¹ Obje imenice u Jambrešićevu rječniku s. v. *tyrannicida*.

³² Usp. M. Rammelmeyer [1975: 25].

[1975: 26] upozorava i na to da pri kalkiranju često nastaju dublete, tj. da jednu riječ nalazimo u nekoliko varijantâ, što također može biti dragocjena pomoć pri identifikaciji posuđenica.

Osim tih jezikoslovnih kriterija vrlo je važan i izvanjezični kontekst, odnosno uzimanje u obzir sociolingvističkih kriterija, poznavanje društvene, političke i kulturarne situacije na temelju kojih se dolazi do identifikacije dominantnoga jezika i pretpostavljenih modela kalkova. Taj je kriterij osobito važan za analizu prevedenica koje su mogle nastati prema više modela.

Prema drugom navedenom kriteriju koji zahtijeva da se kalk s modelom podudara samo u jednom leksičkom morfemu, u slučaju složenica moguće je identificirati samo djelomične prevedenice (hrv. *cvjetača* < njem. *Blumenkohl*, hrv. *lisnica* < njem. *Brieftasche*, hrv. *štednjak* < njem. *Sparherd*)³³.

Znatan se broj složenica iz našega korpusa prema prvima trima kriterijima može smatrati kalkovima, npr. *hižomladenka* ‘sluškinja, družbenica’ (< njem. *Hausmädchen*), *marhotat* ‘kradljivac stoke’ (< njem. *Viehdieb*), *marhoodgon*, *marhotatbina* ‘krađa stoke’ (< njem. *Viehdiebstahl*, *Viehraub*), *orgulodelec* ‘izrađivač orgulja’ (< njem. *Orgelmacher*). Problem, međutim, predstavlja četvrti kriterij koji zahtijeva da prevedenica odudara od tvorbenoga sustava jezika primatelja ili je bar prva u svom tipu. Naime, kao što je vidljivo iz dosada navednih primjera složeničke se strukture *io^si* i *io^sgo + Ø* javljaju i u vrlo starim jezičnim izvorima. Nesumljivo da pod utjecajem stranih tvorbenih obrazaca (grčkoga, mađarskoga, njemačkoga) doživljavaju svojevrsan procvat, no tim tipovima ne pripadaju samo složenice već i domaće tvorenice, stoga je vrlo teško govoriti o „odudaranju od sustava“.

Prijepornim smatramo i zaključak S. Babića [1980: 11] da se „ono što bi u domaćem jeziku bilo isto i da nema utjecaja prestižnog jezika, ne može se smatrati prevedenicom“ jer jezik primatelj u načelu vlastitim tvorbenim i leksičkim sredstvima nastoji reproducirati modele jezika davatelja, pa se mnoge prevedenice koje su uspješno skovane ne bi moglo smatrati kalkovima. Babićevu se tvrdnju može prihvatiti jedino ako se pod pojmom „utjecaj“ podrazumijevaju i kulturološki i sociolingvistički čimbenici, tj. utjecaj dominantne kulture i dominantnoga jezika.

Mnogobrojne su prevedenice u kajkavskome književnom jeziku tvorenice kajkavskih leksikografa. Istraživanja leksika u Belostenčevu i Jambrešićevu rječniku pokazala su da su stari leksikografi kalirali u oba smjera: stvarali su latinske tvorbeno neologizme kako bi preveli kajkavske riječi, pri čemu su im uzori često bile njemačke riječi ili kalkovi prema njemačkome³⁴, a čest je bio i obrnuti postupak, odnosno za latinske su se natuknice kovali kajkavski tvorbeni neologizmi pri čemu su uzori bile latinske, njemačke ili mađarske riječi.

Istražujući paralele i međusobne jezične utjecaje između mađarskoga i hrvatskoga, I. Nyomárkay zaključuje da su stari kajkavski leksikografi bili puristi, odnosno da su svoje jezične uzore nalazili u njemačkome i osobito u mađarskome pokretu jezične obnove: „...später lehnten sie sich jedoch, gerade weil sie möglichst jeden (auch jeden

³³ Primjeri prema Turk [2001: 277].

³⁴ V. Dukat [1933].

neuen) Begriff in der Muttersprache ausdrücken wollen, vielfach an das Verfahren der ungarischen Spracherneuerer an. Wie wir noch sehen werden, spielen die ung. Vorbilder auf fast allen Gebieten des Wortbestandes eine sehr bedeutende Rolle. In vielen Fällen bildeten die kroatischen Spracherneuerer neue Wörter nach ung. Muster: die Betrachtungsweise, sogar der Typ der Wortbildung sind gleichsam.“ [Nyomárkay 1989: 69]

U svojoj težnji da izbjegnju germanizme i hungarizme, pa čak i učene europeizme kajkavski leksikografi pribjegavaju prevođenju i stvaranju neologizama pri čemu se složenice obično prevode složenicama. Pišući o Jambrešiću I. Nyomárkay [1989: 75] ovako opisuje njegovu metodu: „Jambresic bildet neue Wörter gern durch Zusammensetzung. Das erste Glied dieser Komposita ist ein Substantiv mit dem Bindevokal -o-, das zweite Glied ein deverbales Substantiv mit dem Suffix -ac, -ec oder ein Verbalstamm.“

Naša je analiza pokazala da je znatan broj složenica iz korpusa zabilježen samo u rječničkim izvorima, što upućuje na zaključak da je riječ o hapaksima pojedinih leksikografa. Tako je 35,8 % složenica potvrđeno samo u Belostenčevu rječniku (*bajsoigrač* ‘svirač basa’, *batonosec* ‘onaj koji nosi toljagu’, *češljodelec* ‘izrađivač češljeva’, *lavgomerec* ‘bačvar’), 4,25 % u Jambrešićevu rječniku (*bojomešter* ‘slikar’, *bolvanosluga* ‘poganin’, *celovčinitel* ‘onaj koji što popravlja, čini cijelim’, *čestosernica* ‘proljev’), a 6 % u Patačiću rječniku (*blagoshranište* ‘riznica’, *brusojezik* ‘brbljavac, pričalo’, *glavovrtje* ‘vrtoglavica’, *kozlojarec* ‘mužjak koze’). U mnogim su slučajevima kao uzor za kajkavske neologizme poslužile njemačke i mađarske riječi, što je osobito razvidno kod Jambrešića jer uz latinsku natuknicu donosi kajkavski, njemački i mađarski ekvivalent (npr. uz lat. *tegularius* donosi kajk. *opekar*, *črepodelavec*, *zemljopek*, njem. *Ziegelbrenner*, mađ. *tégla vető*), no ponekad je teško jednoznačno odrediti je li model kajkavske tvorenice bio mađarski ili njemački.

Tako u starijim kajkavskim izvorima za riječ *igrokaz* nalazimo sljedeće varijante: *gledoigra* (potvrđeno samo u Belostenčevu rječniku), *igrokaz* (potvrđen od 18. st.) i *igrokazanje* (potvrđeno od 18. st.). Dok je za Belostenčev hapaks *gledoigra* razvidno da mu je model njem. *Schauspiel*, za riječi *igrokaz* i *igrokazanje*, ako bi ih se smatralo prevedenicama prema njemačkome, valjalo bi pretpostaviti da je došlo do zamjene članova. Da je *igrokaz* kalk prema njemačkome smatraju M. Rammelmeyer [1975: 188], R. Zett [1970: 106] i M. Turk [2001: 270] koja čak zaključuje: „Osobito zanimljivu i za hrvatsku tvorbu riječi razumljivu pojavu čine djelomični kalkovi. U nekim se primjerima predložak prenosi slobodno. Iza prividne slobode stoji pravilo. Kad bi se, naime, predložak vjerno preslikao, u prvom bi dijelu složenice bila glagolska osnova, što se protivi tradicionalnoj tvorbi. Tako se zamjenom mjesta članova složenice dobivaju djelomični kalkovi: *Schauspiel* > *igrokaz*.“ No takvom bi se navodnom zamjenom mjesta članova prekršilo treće pravilo identifikacije prevedenica, a osim toga hrvatski elementi ne bi ni semantički u potpunosti odgovarali njemačkima (*schauen* znači ‘gledati’, a ne ‘kazati’ zbog čega Belostenčev kalk i glasi *gledoigra*). I. Nyomárkay [1982] stoga smatra da se riječ teško može objasniti kao prevedenica s njemačkoga i uzor nalazi u mađarskome *játékszín* koji je nastao kao kalk prema njemačkome u prvoj polovici 18. st. Dakle, Belostenec u 17. st. prema njem. *Schauspiel* stvara kalk *gledoigra* (a prema njem. *Schauspieler gledoigrač*) koji nije zaživio u književnoj kajkavštini, a tijekom 18. st. prema mađ. *játékszín* javljaju se prevedenice *igrokaz* i *igrokazanje* od kojih u suvremenom jeziku postoji samo prva.

Tijekom 18. st. u kajkavskome književnom jeziku nalazimo čak tri leksema sa značenjem ‚brodolom‘: *ladjoter* („Vreme bi bilo da ali prestanemo [broditi], ali pak vu brodišću ovom *ladjoter* dragovoljno terpimo.“ Št past 5)³⁵, *ladjotera* („Tri puta sem *ladjoteru* preterpel, noč i dan bil sem vu glubljinu morja.“ Ev 38)³⁶ i *ladjoterje* (Jambrešić s.v. *naufragus* i „Ako bi koja auštrijanska ili gerčka ... ladja ... *ladjoterje* podnesla, tak bude ... pomoč dobila.“ Nov horv 321)³⁷. Premda sve te složenice pripadaju istome tipu io^sgosuf, tvorene su različitim sufiksima: Ø, -a, -je, što potvrđuje već spomenuto Rammelmeyerovo zapažanje o čestom nastanku inačica u procesu kalkiranja. Za *brodolom*, M. Rammelmeyer [1975: 154] smatra da je prevedenica prema njem. *Schiffbruch*, a nikako prema lat. *naufragium* zato što je hrvatska riječ formalno sličnija njemačkoj nego latinskoj (nesufiksna tvorenica kao i njemačka, a za razliku od latinske) i zato što se relativno kasno javlja. U slučaju kajkavskih prevedenica napomena o formalnoj sličnosti otpada jer sve imaju sufikse. Replike su, doduše, i u kajkavskome potvrđene tek od 18. st., no to ne smatramo dovoljnim kriterijem za njihovu jednoznačnu kvalifikaciju kao kalkova prema njemačkome.

Premda bi riječ *ljudožrlec* ‚ljudožder‘, potvrđena u Vraničevu prijevodu *Robinzona* („Ne si on mislil Europanca ... nego jednoga divjaka, *ljudožerlca*, pesoglavca.“ Rob II, 20)³⁸ mogla biti i prevedenica prema lat.-grč. *anthropophagus*, prednost ćemo dati tumačenju da se radi o kalku prema njem. *Menschenfresser* jer je roman preveden s njemačkoga. No budući da i u drugim slavinaama postoje istoznačne složenice, češ. *lidojed*, r. *ljudoed*, slov. *ljudožderec*, postoji i mogućnost slavenskog utjecaja.

Premda M. Rammelmeyer [1975: 169] smatra da je *dobročinitelj* prevedenica prema njem. *Wohltäter* ili lat. *benefactor*, budući da R. Zett [1970: 178] bilježi *dobroděi* < grč. ἀγαθοποιός, model je kajkavske tvorenice *dobrodelnik* („[Gospone] daj naše gospode ... da budu z svetem Davidom prijatelji *dobrodelnikom*.“ Kraj 383)³⁹ teško jednoznačno odrediti.

Purizam starih kajkavskih leksikografa o kojem piše I. Nyomárkay [1989], vidljiv je iz njihove težnje da donesu kajkavske ekvivalente, a ne latinizme, germanizme ili hugarizme, svih latinskih natuknica, pa čak i onih koje se odnose na elemente civilizacijske nadgradnje i koje nisu mogli crpiti iz organskih govora, zbog čega su stvorili velik broj učenih neologizama: *bogoslovje* ‚teologija‘ (Jambrešić s. v. *theologia*), *danorastje* ‚solsticij‘ (Jambrešić s. v. *solstitium*), *dvojženjenje* ‚bigamija‘ (Belostenec s. v. *bigamia*), *jednoženitva* ‚monogamija‘ (Beleostenec s. v. *monogamia*), *kopnopisje* ‚zemljopis‘ (Belostenec s. v. *geographia*), *kopnomerenje* ‚geodezija‘ (Belostenec s. v. *geometria* i Patačić s. v. *iconographia*).

Starokajkavsko je jezikoslovno nazivlje također uglavnom nastalo kalkiranjem: *delnikoreč*, *delnikorečje*, *delnoreč* ‚particip‘ (< lat. *participium*), *dvojglasnik* ‚diftong‘ (< lat. *diphthongus*), *jednobrojnič* ‚jednina‘ (< njem. *Einzahl*), *višebrojnič* ‚množina‘ (< njem. *Mehrzahl*), *vremenoreč* ‚glagol‘ (< njem. *Zeitwort*).

³⁵ Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika s. v. *ladjoter*.

³⁶ Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika s. v. *ladjotera*.

³⁷ Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika s. v. *ladjoterje*.

³⁸ Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika s. v. *ljudožrlec*.

³⁹ Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika s. v. *dobrodelnik*.

U korpusu su vrlo česte i prevedenice prema latinskim složenicama s drugim dijelom *-cidium*⁴⁰ (*decomorstvo*, *decovmorenje* ‘ubojstvo djece’ < lat. *infanticidium*, *bratomorstvo*, *bratovmorenje* ‘bratoubojstvo’ < lat. *fratricidium*, *kervolokomorstvo* < *tyrannicidium*, *ludomorstvo* ‘umorstvo’ < lat. *homicidium*, *majkomorstvo*, *materomorstvo* ‘ubojstvo majke’ < lat. *matercidium*), kao i složenice s rednim brojem ‘prvi’ u prvome dijelu (*prvočasnik* ‘voj.osoba koja obnaša najvišu časničku dužnost; prvi časnik’ < lat. *primicerius*, *prvočetnik* ‘pov. voj. zapovjednik manipula u rimskoj vojsci’ < lat. *primipilus*, *prvolikar* ‘liječnik’ < lat. *protomedicus*, *prvomučenic* < grč. *prôtómártyr*, *prvopelda* ‘prvi primjerak, original’ < lat. *archetypum*, *prvopisarstvo* ‘visoka državna sudska vlast; protonotarska, prabilježnička služba’ < lat. *protonotariatus*).

Vrlo je zanimljiva prevedenica *Ludozemlja* ‘Irska’, potvrđena u Jambrešićevu rječniku s. v. *Juverna*, nastala prema pogrešno shvaćenom njemačkom nazivu te zemlje *Irland*.

2. 5. Već je spomenuto da je veći broj složenica iz našega korpusa potvrđen samo u rječničkim izvorima gdje su skovane kao ekvivalenti latinskih lema koje je valjalo prevesti na književnu kajkavštinu. Riječ je hapaksima kajkavskih leksikografa koji nisu zaživjeli u široj jezičnoj uporabi. Premda Fleischer i Barz (1985: 24) smatraju da okazionalizme ne treba ubrajati u lekseme, mi smo ih zbog njihove tvorbene zanimljivosti uključili u naše istraživanje. Osim toga, kao što spomenuti autori zaključuju: „Nicht alle Okkazionalismen festigen sich im Sprachgebrauch so weit, dass sie gespeichert werden. Ihre Lexikalisierung ist primär aussersprachlich bedingt, und zwar hängt sie davon ab, ob in der Kommunikationsgemeinschaft eine entsprechende Bezeichnungsnötwendigkeit vorliegt und die WBK akzeptiert wird.“ [Fleischer; Barz 1985: 24].

Osobito su zanimljivi oni okazionalizmi koji se često temelje na idiomatskim izrazima te se ističu svojom slikovitošću. Od kajkavskih leksikografa sklonost prema takvim slikovitim izrazima osobito je izražena u Jambrešića (*hižobež* ‘beskućnik’ s.v. *larifuga*, *jelosestrica* ‘proždrljivica’ s. v. *estrix*, *kesorez* ‘džepar’ s.v. *manticularius*, *penzoder*, *penzoderec* ‘lihvar’ s.v. *aeruscator*, *cybiosacates*) i Patačića (*kesodoj* ‘onaj koji izmamљуje novac od ljudi, varalica’ s. v. *circumscripitor* 295 ... vkanjuvalec koi vnogoverstnemi čalariami peneze ljudemi iz kes vabi i puče, *dehnikuhnu* s. v. *parasitus*, *potrihiža* s.v. *barathro* 294).

Svojom vještinom kovanja slikovitih novotvorenica često teško iščitljivog semantizma među autorima koji su pisali kajkavskim književnim jezikom, prednjači M. Krleža. Samo neki od Krležinih složeničkih hapaksa jesu: *buholofka* ‘ona koja je puna buha; pej. o ženi laka morala’ („*Buholofka* stara, larfa nacifrana ... vu vuho je gluho Smolku gluhom rekla da komendrijaši dorajžali su z pekla.“)⁴¹, *larfonos* ‘čovjek pod maskom, krinkom; fig. neiskren, podmukao čovjek’ („Fratrī, suci, hahari, *larfonosi*.“)⁴², *dretvosmolec* ‘postolar; pej. isusovac’ („Se po nami bluže, slini ... Ježuviti, *dretvosmolci* i biškupi čarnoškolci.“)⁴³, *penzolovec* ‘lihvar’ („*Penzolovec*, škudolizec, skupec, klafrac, sladobizec, v Kronike kak dični muž ostal bu taj grešni guž.“)⁴⁴.

⁴⁰ Ovdje je također moguće, barem za dio prevedenica, da su modeli bili i njemačke riječi na -mord.

⁴¹ Krleža [1936: 93].

⁴² Krleža [1936: 77].

⁴³ Krleža [1936: 137].

⁴⁴ Krleža [1936: 37].

3. Naše istraživanje, provedeno na oko 3000 složenica, pokazalo je da su u kajkavskome književnom jeziku, kao u suvremenome hrvatskom standardu, najbrojnije imeničke posuđenice.

U radu smo se usredotočili na imeničke složenice s glagolskim prvim dijelom i na tvorenice struktura $io^s go + \emptyset io^s i$. Imenice s glagolskim prvim dijelom trojake su: $go^s gosuf$, $go^s i$ i $go^s iosuf$. Zabilježene su samo dvije složenice strukture $go^s gosuf$, *jestinos* i *jestinosec*. Riječ je o strukturama anomalima za hrvatski jezik.

Analiza tzv. imperativnih složenica pokazala je da je riječ o heterogenoj skupini i da tvorenice koje se tradicionalno u nju ubrajaju, zapravo pripadaju dvama tvorbenim tipovima: $go^s i$ i $go^s iosuf$.

Istraživanje endocentričnih složenica struktura $io^s go + \emptyset i$ i $io^s iosuf$ koje M. Rammelmeyer [1975] smatra novim tvorbenim tipovima koji se javljaju u 19. st., točnije tijekom i nakon ilirskoga preporoda, a nastale su pod utjecajem njemačkoga jezika te uglavnom i obuhvaćaju prevedenice prema njemačkome, pokazalo je da je riječ o bitno starijim tvorbenim tipovima te da se endocentrične složenice tih struktura u književnoj kajkavštini javljaju barem dva stoljeća prije hrvatskog narodnoga preporoda.

Velik broj istraživanih složenica hapaksi su pojedinih starokajkavskih, puristički orijentiranih leksikografa koji su stvarajući kajkavske ekvivalente latinskih lema često prevodili latinske, mađarske i njemačke riječi.

Literatura

1. Babić, S. 1980. Prevedenic – izazov našim lingvistima. *Dometi*, XIII/9, 9–15.
2. Babić, S. 1986. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Djela JAZU, Razred za filologiju, knjiga 62. Zagreb: JAZU, Globus.
3. Barić, E. 1980. Imeničke složenice neprefiksalne i nesufiskalne tvorbe. Zagreb: Liber.
4. Barić, E. 1980/1. Imeničke složenice s glagolskim prvim dijelom, *Rasprave Zavoda za jezik*, 6/7, 17–30.
5. Dukat, V. 1933. Latinska građa u Belostenčevom Gazofilaciju. *Spomenik srpske akademije*, LXXIV.
6. Fleischer, W., Barz, I. 1995. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
7. Jembrih, A. 1997. Na izvorima hrvatske kajkavske književne riječi. Čakovec: Zrinski.
8. Kapetanović, A. 2007. Jesu li endocentrične imeničke složenice tvorbeni inovacija u hrvatskom jeziku 19. stoljeća?, *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 33, 235–244.
9. Klajn, I. 2002. *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku*. Beograd: Panteon.
10. Lewis, K., Štebih, B. 2004. Nazivi za vrste riječi u hrvatskome kajkavskome književnom jeziku. *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 30, Zagreb, 107–121.
11. Lopina, V. 1990. Imeničke složenice – prevedenice s grčkoga u crkvenoslavenskom jeziku hrvatske redakcije, *Suvremena lingvistika*, 29/30, 75–87.
12. Muhvić-Dimanovski, V. 1992. Prevedenice – jedan oblik neologizama. *Rad HAZU*, 446, 93 – 205.

13. Nyomárkay, I. 1982. Igrokaz ili Schauspiel?, *Jezik*, 3, 89–91.
14. Nyomárkay, I. 1989. Ungarische Vorbilder der kroatischen Spracherneuerung. Budapest: Akadémiai Kiadó.
15. Rammelmeyer, M. 1975. Die deutschen Lehnübersetzungen im Serbokroatischen. Wiesbaden: Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik, Bd. 23.
16. Šojat, A. 1985. Prva objavljena gramatika kajkavskoga književnog jezika. *Rasprave Zavoda za jezik*, 10/11, 201–221.
17. Šojat, A. 2009. *Kratki navuk jezičnice hrvatske*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
18. Štebih, B. 2005. Kajkavska gramatika Ivana Vitkovića, *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 31, Zagreb, 329–355.
19. Štebih, B. 2007. Hibridne složenice u kajkavskome književnom jeziku, *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 33, Zagreb, 391–411.
20. Štebih, B. 2008. Pravi mocijski parnjaci u kajkavskome književnom jeziku, *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 34, Zagreb, 393–412.
21. Vajs, N., Zečević, V. 1995. Glagolske lokucije u hrvatskome kajkavskom književnom jeziku. *Filologija*, 25/25, Zagreb, 363–372.
22. Turk, M. 1995. Leksički i semantički kalkovi u hrvatskome jeziku, *Fluminensia*, V, ½, 39 – 48.
23. Turk, M. 2001. Tvorbene značajke kalkiranih imenica, *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 27, 267–280.
24. Zett, R. 1969. O problematici složenica tipa «nogomet», *Jezik*, 16, 103 – 111.
25. Zett, R. 1970. Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Köln, Wien Böhlau: Verlag.

Izvori

1. Belostenec, I. 1740. *Gazophylacium*. Zagreb.
2. Habelić, J. 1670. *Dikcionar*. Graz.
3. Jambrešić, A. 1742. *Lexicon latinum interpretatione Illyrica, Germanica et Hungarica locuples*. Zagreb.
4. Krleža, M. 1936. *Balade Petrice Kerempuha*. Ljubljana: Akademsko založba.
5. Patačić, A. 1797. *Dictionarium latino-illyricum et germanicum*.
6. Finka, B. (ur.) 1984. – 2001. *Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika 1 – 8*. Zagreb: HAZU i IHJJ.
7. Katičić, R. (ur.) 2002. – 2009. *Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika 9 – 11*. Zagreb: HAZU i IHJJ.

Barbara Stebih Golub**ZUSAMMENSETZUNGEN IN DER
KAJKAVISCHEN SCHRIFTSPRACHE**

In der Kroatistik liegen fast keine Arbeiten weder über die Wortbildung in den kajkavischen Mundarten noch über die Wortbildung in der kajkavischen Schriftsprache vor. Da die kajkavische Schriftsprache einen wichtigen, aber leider noch ziemlich unerforschten Teil der kroatischen Sprachgeschichte darstellt, sollten auch Wortbildungsprozesse in dem alten Kajkavischen zum Forschungsobjekt werden. In der vorliegenden Arbeit wird nur ein Aspekt der schriftkajkavischen Wortbildung, nämlich die Zusammensetzungen, behandelt.

Es ist allgemein akzeptiert, dass die Zusammensetzung in den Slavinen viel seltener als die Ableitung ist. In der kajkavischen Schriftsprache besteht eine ziemlich grosse Anzahl der Komposita. In dieser Arbeit werden ihre Häufigkeiten und ihre Struktur untersucht. Da es angenommen wird, dass die meisten von slavischen Komposita Lehnübersetzungen sind, wird auch über ihre mögliche Modelle diskutiert.

**ДОПОВІДІ ВЧЕНИХ УКРАЇНИ,
ЗАПРОШЕНИХ НА ЗАСІДАННЯ
КОМІСІЇ ЗІ СЛОВ'ЯНСЬКОГО
СЛОВОТВОРЕННЯ**

Петро І. Білоусенко

(Запорізький національний університет, Запоріжжя, Україна)

НАЗВИ ПОДАТКІВ ІЗ СУФІКСОМ -ИНА ТА -ЧИНА (-ЩИНА) В ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Суфікс **-ина** (<**-ina**) з давніх часів мав уточнювально-увиразнювальне значення: приєднуючись до іменників, що позначали певну множинність предметів, він посилював цю семантику, стаючи, таким чином, засобом творення збірних іменників. У праслов'янській мові деривати на **-ina** могли позначати *сукупність осіб* (**družina* “дружина, загін, товариство”; **rodina* “люди, що належать до одного роду”; **obročina* “оброчні селяни”), *тварин* (**zvěrina* “звірина”; **govędina*/*govędjina* “велика рогата худоба”) та ін. Багато праслов'янських дериватів іменували *сукупність дерев*, найчастіше це назви *лісів (гаїв)* з певною породою дерев: **berzina*, **berzovina* “березовий ліс, березові зарослі”; **borina* “сосновий ліс”; **dŕbina* “дубовий ліс, дуби”; **berstina* “берестяний гай; береста” тощо. Збірне значення мали також номени *неживої природи*: **esenina* “осінній урожай; сіно пізнього покосу; вовна осінньої стрижки”; **lětina* “урожай одного року”, **obprašina* “полова, хмиз, відходи виробництва”. Ця семантика проступає в назвах речовин, матеріалів і т. ін.: **obyt'ina* “общинна спільнота”; **dičina* “м'ясо дикого звіра”; **lětnina* “щось пов'язане з літом: літні (ярі) посіви, овеча шерсть літньої стрижки тощо”. Серед іменників зі значенням сукупності формується група іменувань *спадків*: **babina* “бабин спадок”; **bratrina* “спадок від брата”; **otъčina* “батьківський спадок”. Згадані групи іменників фіксуються й у найдавніших пам'ятках української мови [див. докладніше: Sławski 1974: 121; Білоусенко, Німчук 2009: 7–22].

У текстах давньокиївського періоду знаходимо й назви *податків*, у яких теж прозирала семантика сукупності, адже податки платили в давні часи переважно певною, чітко визначеною кількістю грошей, товарів, продуктів і т.ін.: *старина* (1136 Ср III 494) “давній податок”; *ажє боудеть кнѧзю городъ роубити уни к городу а поборомъ. и татаръчиною* (ін. сп. *татаръчиною*) *ко кнѧзю* (к. XIII/1425 ЛГВ 904) “податок, який сплачували татарам” від *татаръскии*. Укладачі СлРЯ подають дериват *мостовщина* (XII//XV СлРЯ IX 276) “побор, пов'язаний з будівництвом, лагодженням мостів”, цей іменник, однак, не потрапив до СДЯ з огляду на пізній список пам'ятки. У неавтентичних текстах, які датуються кінцем XIII – початком XIV ст., фіксується згаданий дериват *татаръщина* та іменник *посеребщина*, що позначають податки: пор.: *ажє боудеть кнѧзю городъ роубити ни к городу а поборомъ и татаръчиною* (ін. список *татаръчиною*) *ко кнѧзю* (1288 АктиГ-Вол 317); *И свободныхъ ихъ чинимъ во всемъ отъ бояръ и сыновъ и природныхъ нашихъ во данехъ и посеребщинахъ нашихъ во всехъ данехъ свободныхъ чинимо* (1292/1854 Там само 530). Нашарування суфікса **-ина** на прикметниковий формант **-ьsk-** (із закономірним переходом **-ьsk-** у **-ьšč-** і формування фіналі **-ščina**) мало місце й у праслов'янський період, наприклад, **bratovъskъ* – **bratovъščina* [Sławski 1974: 120], однак достатні підстави для виокремлення суфікса **-щина**, треба думати, почали з'являтися лише в мові давньокиївського

періоду, оскільки не всі із наведених дериватів мотивуються прикметниками, зокрема, прикметниками на **-ск-**, а деад'єктиви типу *татарщина*, нам видається, мають подвійну (прикметникову й іменникову) мотивацію.

У пам'ятках наступних століть дериватів на **-ина**, що позначали податки, побори, проплати фіксується значно більше. Такі іменники творилися переважно від прикметників та іменників, рідше, від дієслів.

1.1. **Відприкметникові** іменники. Новотвір *данина* поряд зі значенням “дарування, надання, пожалування” (див. ССУМ I 279, Тимч 664, Сл XVI – п. п. XVII VII 171 – 172) з др. пол. XVI ст. дедалі частіше вживається зі значенням “податок, данина”, причому йдеться, очевидно, не про семантичну деривацію, а про паралельні утворення, пор.: *листь данины певныхъ маетностей* (1322 П 20) “дарування”; *данина* (1556 Тимч 663) “податок, чинш”, *за даниною ... наедеть* (1576 АЮЗР I 60), *и ѿ(т) иныхъ княжат Литовски(х) данины мають* (1623 Тіт 73), *данина* (Гр I 357, Яв 175, СУМ II 292) “данина” від *даний* [див. різні погляди на походження цього деривата: Гумецька 1958: 90; Азарх 1974: 11; Керницький 1980: 23]; *броднина* (1429 ССУМ I 124) “плата за користування бродом”; *дев'ятина* (XVIII Тимч 681) “податок у розмірі дев'ятої частини з доходу”.

1.2. Іменник *ординщина* (СУМ V 743) іст. “данина, яку збирала орда на завойованих землях” не подається в словозбірках, що фіксують лексику часів ординської навали, він є, можливо, витвором письменників значно пізніших часів. Дериват *капищина* (1556 МагТимч I 358) “податок за право гнати горілку чи пиво” співвідноситься з *капъ* “вмістилище; одиниця ваги (близько 4 пудів); гиря з цією вагою”, але, імовірніше, це слово походить від словосполучення **капская дань* (ЕСУМ II 380).

Однак у староукраїнській мові XV ст. фіксуються **відприкметникові** іменники, у яких однозначно вичленовується формант **-щина**: *волощина* (1487 ССУМ I 190) “податок від волового плуга”. Назва іншого податку – *болкоуновщина* також пов'язана зі словом на позначення вола: *а вси тые люди ... бо(л)коно(в)щиною дають с вола по три гроши* (1471 ССУМ I 110) “податок на вола (*бовкуна*)”. *Болкуновщиною* в Київській землі називали повинність, яка полягала в тому, що в разі прибуття князя з його почтом і службою або княжих послів і гінців населення цієї місцевості повинне було утримувати їх [Карпова 1970: 29].

У наступних текстах фіксується давній іменник *волощина*, наприклад: *волощина* (1503 Тимч 298), *волощина* (Яв 121). Тим часом спостерігаємо появу цілої низки нових дериватів на **-щина**: *верховщина* (1497–1497 ССУМ I 166) “вид податку”, *верховщина* (1545 МагТимч I 93) “податок від боргу”, *верховщина* (Яв 72); *путевщина* (1522 II 259) “вид податку”; *серповщина* (1523 319) “податок від серпа”; *городовщина* (1528 I 184) “податок з міщан – *городових*”; *коневщину отъ воротъ ... выбирали* (1582 АЮЗР I 155), *коневщина* (Яв 374) “грошовий податок, що замінював собою натуральний конем”; *бобровщина* (1589 МагТимч I 60) “податок за право ловити бобрів”, *бобровщина* (Яв 42); *роковщина* (XVI МагТимч II 290), *Треба и роковщину, що школу зучае* (1747 Инт 166), *роковщина* (Б-Н 317, Гр IV 64) “річний податок”, *роківщина* (Крим I 234 268) “заробіток за рік; щорічний збір із парафіян для священика”; *годівщина* (Там само 234) “те саме, річний податок”; *би-ковщина* (1716 Тимч 89) “податок від вола”; *гаевщина* (1759 500) “плата, чинш, що

брали за користування гаєм”; *береговщина* (1770 83) “податок за користування берегом”; *мостовщина*, цей іменник, виявлений у тексті під 1772 р., вживається в тому ж значенні, що й термін *мостове* [Бойко 1996: 169].

2.1. *Відіменникові* деривати на *-ина*, що позначали податки, побори, традиційні проплати, творилися спорадично. Так, у середньоукраїнській мові функціонував конфіксальний дериват *повіщина* “митний збір за право продажу прісного меду” від *віск*: *повісчина* (1518 МатТимч I 125), *беру(т) ... ось меду повіщина* (1545 Торг 66); *мыта и повіщини не брати* (69). У новій українській мові фіксується кілька історизмів, які, певне, були утворені значно раніше: *колодина* (Яв 368) “повинність поставляти для замкових укріплень колоди”; *милостина* (СУМ IV 707) заст. “милостиня”; *місячина* (754) іст. “натуральна плата за місяць кріпакам”.

2.2. У текстах XIV–XV ст. фіксується лише два деривати з суфіксом *-щина* (рідше *-чина*) на позначення податків, поборів, проплат: *тивоущина* (бл. 1471 ССУМ II 430) “данина, яка стягувалася на користь *тівуна* – службової особи у Великому князівстві Литовському”; *житищина* (1444 МатТимч I 253) “податок із жита”. В.Л.Карпова вважає, що останній іменник був загальною назвою натурального податку, сплачуваного зерном (згодом – його грошовим еквівалентом) [Карпова 1982: 44]. У пам’ятках середньоукраїнської мови кількість дериватів на *-чина* (*-щина*) з розгляданим значенням стрімко зростає: *винщина* (1522 Тимч 255) “податок із винниці”; *дубащина* (1540 835) “побір від *дубаса* – дуба”; *Ямцины ... не давати* (1590 МатТимч II 511) “вид податку”, пов’язане з давнім *ямь*, що з середини XIII ст. означало встановлену татарами повинність перевозити людей і вантажі (Черных II 470); *для скуплення и отобрання осеницины* (1723 ЯМ 51), *сеголхтную осеницину вибирать указь дань* (1724 129) “податок у вигляді частини врожаю натурою чи грошима”, *осінищина* (Гр III 67, Крим I 268, СУМ V 766) “податок, який селяни сплачували восени поміщикам, церкві тощо; земельна рента, яку стягували зерном”; *головщина* (Б-Н 101, Яв 148) “віра, плата за вбивство за рішенням суду”; *сербищина* (Б-Н 325) “повинність, яка полягає у виконанні робіт на пана”, пор. конфіксальне *посеребщизна* (1556 МатТимч II 318) “податок від волів і коней, яку платили сребром”, *серебщина* (СПГ 192) стар. “податки на військові потреби”, істор. *серебщина* (СловСоцЕк 270), певне, від *серебро* “срібло”, хоча *сербищина* пов’язують також із *сербувати* “служити у війську” (див. ЕСУМ V 216); *вигінищина* (Гр I 152) “плата пастуху від кожного двору у вигляді паляниці і дрібки солі при першому вигоні худоби на пасовище”, *вигонщина* (Яв 78) “плата натурою пастухові при першій вигонці в поле худоби”; *пастущина* (Ж 605, Гр III 101) “плата пастухові”; *не будете и паницыны робыть* (1887 Новицкий 25); *ставщина* (Гр IV 195, Крим I 268) “орендна плата за дозвіл ловити рибу в ставку”, утворилося від слова *став* [Москаленко 1969: 30]; *житищина* (Яв 225) “данина житом”; *половинщина* (СловСоцЕк 97, СУМ VII 89) іст. “оренда землі з віддачею половини зібраного врожаю власникові землі за користування”; *На Петриўку дають* [пастухові – П.Б.] *сыр и масло. Називаеца пэтриўщина* [Плотникова 1997: 335]; *мірошшина* (Бевка 88) “кількість зерна в млині, яку віддавали за помел”, певне, від *мірошник* із відтинанням *-ник* (*мірошчина* > *мірошшина*); *пастиршіна* (Бевка 99) “плата пастухові” (*пастирчина* > *пастиршіна*).

2.3. Унаслідок подвійної (прикметникової та іменникової) мотивації суфікс **-чина (-щина)** зазнав лівобічного поширення, що спричинило виникнення варіанта **-овщина**, який приєднувався до іменникових основ. Окрім згаданого серед деад'єктивів деривата **болкоуновищина**, який можна розглядати і як десубстантив на **-овщина**, маємо ще кілька похідних, мотивованих іменниками: **сторожовщина** (1589 МатТимч 367, СУМ IX 735) “податок на оплату сторожам”; **корговщина** (Яв 378) “мито з річкових комяг чи суден, певне, від *коргіта* – дерева, що використовується на побудову галер”.

У середньоукраїнській мові функцію творення дериватів зі значенням податків, поборів, проплат остаточно перебирає на себе суфікс **-чина (-щина)**. Про це свідчить, наприклад, те, що навіть часто вживаний іменник *данина* набирає форми **даниновщина** (1545 МатТимч I 199) “данина, мито”. Панівна більшість конфіксів, що творять іменники з цією семантикою, мають у ролі другого складника теж **-чина (-щина)**, або **-овщина, -евщина (>івщина)**.

Конфікс **по-...-чина (-щина)**: **подымъщина** (бл. 1471 ССУМ II 171), **подымщина** (1590 МатТимч II 143), **подимщина** (Гр III 241, Крим I 351, СУМ VI 743) “те саме, що *подимне* – у стародавній Русі та феодальній Україні – подать, яку нараховували залежно від кількості печей і димарів у господарстві”, “синонімічні терміни *димъ* і *подимъе* виступають у староукраїнських пам’ятках XIV–XV ст. на означення селянського двора як одиниці оподаткування” [Керницький 1980: 24], причому слово *димъ* з цим же значенням вживалося вже в давньоруськоукраїнській мові [Там само: 25]; **посощина** (1499 ССУМ II 204) “вид податку від *сохи* як одиниці вимірювання орної землі” [Керницький 1980: 29], **посощина** (1590 МатТимч II 183); **дати ... подужъчины отъ воза грош** (1552 Торг 81) (*душа*); **поворотщина** (1516 МатТимч I 122) “плата охоронцеві міських, замкових воріт”; **брали дани ... поголовищину** (1639 – 1648 ДДО 301), **поголов(ъ)щину заплатити** (1719 ДНМ 98), **поголовщина** (Крим III 2048) “прямий податок у XV – XVII ст. на українських землях, що перебували під владою Великого князівства Литовського і Речі Посполитої. Стягувався від площі землі, кількості худоби (“голів”) та ін. майна”; **поголовщина** (О II 92) “податок від голови; оплата від *відумерщини*”; **Покаранщины съ посполитыхъ же брано по 2 таляры** (XVII МатТимч II 152); **поколещину 7 зол. заплатитъ** (1725 ЯМ 195), **поколещина** (Гр III 273), **поколещина** (ІвШумл 303) “мито від млинового колеса”, пор. **поколейщина** (1648 – 1783 МатТимч II 154) “те саме”; **з пол ихъ церковныхъ и пустыхъ десятинь збожнюю, пчелную и показанищину козаки ... отдавали** (1658 УнГетьм 81), **показанищина ... тако жъ протчіе збори** (1728 ЯМ 34, Гр III 269), **показанищина** (Гр III 269, СУМ VII 9) “плата від винокурного казана”; **погребщина** (1717 – 1734 МатТимч II 129) “плата за торгівлю вином”; **покабанищина** (1717 – 1734 Там само 152) “плата за випас свиней”; **Коли якийсь чоловік [на Поліссі] хотів жити з дівчиною чи вдовою без церковного шлюбу, тобто на віру, тоді обоє йшли до замку і давали певну суму грошей на дозвіл, так звану *почеревищину*** (СУМ VII 467); **пос’іл’щина** [Аркушин 2004: 551] “відкупне тим, хто перепиняє весільний поїзд”.

Конфікс **по-...-овщина (-евщина)**: **по килко цуговъ коней справляеть, вимишляючи чинши великіе, поволовищину, дуди, осипъ** (до 1672 ЛСам 5), **поволовищина** (Гр III 225), **поволовищина** (ІвШумл 303), **поволівщина** (Крим I 268) “данина, яку

беруть з власників рогатої худоби”; **пороговщина** (1740 МагТимч II 175) “податок з рогатої худоби”; **подушевищина** (Б-Н 404, Крим III 2107) “подушний податок, основний прямий податок у Російській імперії (зокрема, в Україні) у XVIII – XIX ст., який сплачувало все чоловіче населення країни, крім дворян, духовенства і осіб, що перебували на державній службі”.

Конфікс з(**із, с**)-...-щина: **скопщина** (1727 – 1753 МагТимч II 325); **скіпщина** (Кв-Осн III 238), **зкпщина** (Б-Н 155), **скіпщина** (Гр IV 135, СУМ IX 271) “плата снопами зжатою хліба власнику землі за право щорічно користуватися цією землею” (*копа*), пор. **скіпщина** (О II 222) “овес, який священник одержував від поміщика”; **ізнільщина** (Яв 323) “плата за найм землі *із половини* врожаю зерна”, пор. **спулиїна** (Бевка 121) “оренда землі за половину врожаю”; **здольщина** (СловСоцЕк 97, СУМ III 545) “земельна оренда, при якій плата за землю вноситься не грошима, а частиною врожаю”.

3. **Віддієслівні** деривати. Вряди-годи в пам’ятках XV і наступних століть натрапляємо на давній **девербатив** на **-ина** *пошьлина*, пов’язаний з дієсловом *пошель*, *пошьло* (Ф III 349): *съ всеми пошлинами* (1427 Р 108), *А моих пошлинь мне не дают* (1484 Рус 138), *взяли пошлин* (1788 Деркач 107) [див. також: Керницький 1980: 27]. Треба думати, що мотиваційну співвіднесеність з вихідним дієсловом він уже втратив. Інші деривати мають суфікс **-щина**: **поємищина** (1465 ССУМ II 172) “церковний доход”. Є.Тимченко вважає, що це слово означає плату, яку селянин вносив поміщику за право одружитися (1465 МагТимч II 144), пор. *поимати, по~млю* “брати за дружину, одружитися” (Ср II 1094–1095); **затулицина** (XVII МагТимч I 293) “вид податку – податок з котла у винокурній справі”, **затульщина** (Гр II 110), певне, від *затуляти* “задовольняти претензії” (там само); **відсипщина** (Гр I 228) “оплата за що-небудь зерном чи борошном”; **погуковщина** (III 236) “внесок в загальний капітал на сплату податків за бідних та на інші благочинні дії”; **ловщина** (Крим I 268) “данина від рибної ловлі”; **одбігщина** (Крим I 61); *Пастуху, як вигоняє корову, дають буханец хлеба, кусок сала, або яйца, що е. Це називаєца вигонщина.. потэм ў висэнь кончица товар пасти ... дають дякоўцину* [Плотникова 1997: 335]. Пор. також складносуфіксальні деривати з опорним дієслівним елементом: **сухомелищина** (1740 МагТимч II 379, СУМ IX 869) “плата за помел”, **сухомельщина** (Крим I 268) “те саме”.

Посилюючи семи сукупності або одиничності (так само, як і пейоративності, аугментативності тощо) в твірних іменниках, суфікс **-ина**, таким чином, набував властивості творити нові слова зі згаданою семантикою. Інколи це призводило до того, що часом навіть під однією звуковою оболонкою примхливо поєднувалися слова з полярно протилежними модифікаційними значеннями, зокрема, сукупності і сингулятивності, див, наприклад, статтю про слово *скотина* в одинадцятитомному тлумачному словнику (СУМ IX 306), де подається збірне й одиничне значення цього іменника й кожне із них яскраво екземпліфікується прикладами з класичної літератури. Цю суперечність українська мова впродовж писемного періоду її розвитку поступово долала. Так, у ряді дериватів сингулятивна і множинна семантика почали розрізнятися за допомогою наголосу, наприклад: **тварі́на** “одна жива істота”, **тварина́** “зб. тварини” (див. Гр IV 250, СУМ X 45). Однак панівний шлях

подолання згаданої суперечності, як показав обстежений матеріал, був іншим: суфікс **-ина**, стаючи основним словотворчим засобом продукування іменників із модифікаційним значенням одиничності [див. Білоусенко 2004], поступово втрачав здатність творити деривати зі збірним значенням. Натомість функцію творення іменників із семантикою сукупності, у тому числі й іменників, що позначали податки, побори, проплати, в українській мові XIII – XVII ст. перебрав на себе похідний суфікс **-чина (-щина)** та його варіанти **-овщина (-евщина)**, тобто він почав виконувати ті функції, які втрачав суфікс **-ина**, цим самим його відрив від свого попередника ставав усе вагомішим. Зрештою, розмежування функцій цих суфіксів стало основним фактором утворення нового форманта.

Список умовних скорочень використаних джерел

АктиГ-Вол	Купчинський О. Акти та документи Гальцько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. – Львів, 2004.
АЮЗР	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб., 1861–1892. – Т.1–15.
Бевка	Бевка О. Словник-пам'ятник. Діалектний словник села Поляни Марамороського комітату. – Ніредьгаза, 2004.
Б-Н	Білецький-Носенко П. Словник української мови / Підгот. до вид. В. В. Німчук. –К.: Наук. думка, 1966.
Гр	Словарь української мови / Зібр. ред. журн. “Киев, старина”. Упорядкував, з дод. власн. матеріалу, Б. Грінченко. – К., 1907–1909. – Т. I–4.
ДДО	Дополнение дневника Окольского // Летопись событий в Юго-западной России в XVII в. / Сост. Самоиль Величко. – К., 1984. – С.297–313.
Деркач	Деркач Б.А. Перекладна українська повість XVII–XVIII ст. – К.: Вид-во АН УРСР, 1960.
ДНМ	Ділова і народнорозмовна мова XVIII ст. (Матер. сотенних канцелярій і ратуш Лівобережної України) / Підгот. до вид. В.А. Передрієнко. – К.: Наук. думка, 1976.
ЕСУМ	Етимологічний словник української мови / За ред. О. С. Мельничука: в 7 тт. – К.: Наук. думка, 1982–2006. – Т. 1–5.
Ж	Желехівський Є., Недільський С. Малорусько-німецький словник. – Львів, 1886. – Т. 1–2.
ІвШумл	Іваницький С., Шумлянський Ф. Російсько-український словник. – Вінниця: Нова друкарня Пойлішер, 1918. – Т.І–ІІ.
Інт	Українські інтермедії XVII–XVIII ст. – К.: Вид-во АН УРСР, 1960.
Кв-Осн	Словник мови творів Г.Квітки-Основ'яненка. – Харків: ХДУ, 1978–1979. – Т.1–3.

- Крим Електронна версія «Російсько-українського словника» Української Академії Наук 1924-1932 рр. за ред. А. Кримського та С. Єфремова: А–П. / Підгот. О. Телемко. – К., 2007.
- ЛГВ Галицько-Волинський літопис // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. – М.: Изд-во вост. литературы, 1962. – С. 715–938.
- ЛСам Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник. – К., 1873.
- МагТимч Тимченко Є. Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст. / Підгот. до вид. В. В. Німчук та Г. І. Лиса. – Київ–Нью-Йорк: Преса України. – Кн. 1–2.
- Новицкий Новицкий Я. П. Народная память о Запорожьи. – Екатеринослав, 1911.
- О Онишкевич М. Г. Словник бойківських говірок. – К.: Наук. думка, 1984. – Ч. 1–2.
- П Грамоты XIV ст. / Упоряд., вступ. стаття, комент. і словники-показчики М. М. Пещак. – К.: Наук. думка, 1974.
- Р Южнорусские грамоты. Собр. В. Розовым. – К.: Изд. отд. русского языка и словесности Академии наук, 1917.
- Рус Українські грамоти XV ст. / Підгот. тексту, вступна стаття і комент. В.М. Русанівського. – К.: Наук. думка, 1965.
- СДЯ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов, И. С. Улуханов, В. Б. Крысько. – М.: Рус. язык, 1988–2004. – Т. 1–7.
- СловСоцЕк Воробйова С. А., Молодід Т. К. Російсько-український словник соціально-економічної лексики. – К.: Наук. думка, 1966.
- СПГ Ващенко В.С. Словник полтавських говорів. – Харків: Вид-во Харків. університету, 1960.
- Ср Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – СПб., 1893–1912. – Т. 1–3.
- Сл XVI-п.п.XVII Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. – Львів, 1994–2006. – Вип.1–13.
- СлРЯ Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1982. – Вып. 9.
- ССУМ Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. – К.: Наук. думка, 1977–1978. – Т.1–2.
- СУМ Словник української мови. – К.: Наук. думка, 1970–1980. – Т. 1–11.
- Тимч Історичний словник українського язика / За ред. Є.Тимченка. – Харків–Київ: ДБУ, 1930–1932. – Т.1.
- Тіт Тітов Хв. Матеріали для історії книжної справи на Україні в XVII–XVIII ст. Всезбірка передмов до українських стародруків. – К., 1924.
- Торг Торгівля на Україні XIV – середини XVII ст. Волинь і Наддніпрянина. – К.: Наук. думка, 1990.

УнГетьм	Універсали українських гетьманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657–1687) / Упор. І. Бутич, В. Ринсевич, І. Тесленко. – Київ-Львів, 2004.
Ф	Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1964–1973. – Т.1–4.
Черных	Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006. – Т. 1–2.
Яв	Яворницький Д. Словник української мови. – Т. 1. А–К. – Катеринослав: Слово, 1920.
ЯМ	Дневник генерального подскарбья Якова Марковича (1717–1734 гг.) / Под. ред. А. Лазаревского. – К., 1983–1987. – Ч. I–III.

Література

1. Азарх Ю.С. Из истории именного словообразования (слова женского рода на –нь) // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1974. – С.3–22.
2. Аркушин Г. Именной словотвір західнополіського говору / Г.Аркушин. – Луцьк: Вежа, 2004.
3. Бойко Л. Лексика на означення митних зборів у мовленнєвому житку запорозьких козаків // Східнослов'янські мови в їх історичному розвитку: Збірник наукових праць, присвячених пам'яті професора С.П.Саміленка. Ч.І. – Запоріжжя: ЗДУ, 1996. – С. 168–170.
4. Білоусенко П.І. З історії словотвірної модифікації (сингулятивний суфікс -ина) // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту: Зб. наук. праць, присвячений ювілею д-ра філол. наук, проф., акад. АН ВШ України, зав. кафедри української мови ДонНУ Загнітка А.П. – Донецьк: ДонНУ, 2004. – С. 115–122.
5. Білоусенко П.І., Німчук В.В. Нариси з історії українського словотворення (суфікс -ина). – Запоріжжя–Ялта–Київ: ТОВ «Ліпе» ЛТД, 2009.
6. Гумецька Л.Л. Нарис словотворчої системи української актової мови XIV–XV ст. – К.: Вид-во АН УРСР, 1958.
7. Карпова В.Л. Назви тварин та слова на означення пов'язаних з ними понять у мові пам'яток XIV – XV ст. // Питання історії української мови. – К.: Наук. думка, 1970. – С. 26–52.
8. Карпова В.Л. Семантична еволюція назв рослин у староукраїнській мові // Мовознавство. – 1982. – № 2. – С. 43–51.
9. Керницький І.М. Лексика на означення населення за соціальним складом, суспільно-економічним становищем, майново-правовими відносинами // З історії української лексикології. – К.: Наук. думка, 1980. – С. 6–33.
10. Москаленко А.А. Українська лексика першої половини XIX ст. (конспект лекцій із спецкурсу). – Одеса, 1969.
11. Плотникова А. Угощение пастуха: география полесской обрядовой терминологии // Український діалектологічний збірник. – Кн. 3. – К.: Довіра, 1997. – С.335–340.

12. Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. – Wrocław. Warszawa. Kraków. Gdańsk, 1974. – Т.1. – S. 58–141.

Петр И. Белоусенко

**НАЗВАНИЯ ПОДАТЕЙ С СУФФИКСОМ –ИНА И –ЧИНА (-ЩИНА)
В ИСТОРИИ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА**

На материале, почерпнутом из письменных источников разных стилей и жанров XI–XXI вв., а также из современных диалектов, описана история образования названий податей (пошлин, платежей) с суффиксом **-ина** и **-чина (-щина)**. Утверждается, что формант **-ина**, став основным средством образования сингулятивных существительных, постепенно терял способность производить дериваты с собирательным значением, в том числе и производные со значением податей. В то же время указанную функцию начал выполнять суффикс **-чина (-щина)**, что и предопределило его окончательный отрыв от своего предшественника.

Катерина Г. Городенська
(Інститут української мови НАН України, Київ, Україна)

ДІЇ ТА СТАНИ ПОХІДНИХ ДІЄСЛІВ ЯК ДЖЕРЕЛО ПІЗНАННЯ ІСТОРІЇ ТА КУЛЬТУРИ УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ

У словотворенні кожної мови маємо різне співвідношення спільних тенденцій у розвитку її словотвірних процесів і часткових, властивих лише цій мові, що разом становлять цілісну словотвірну систему. Якщо спільні словотвірні ознаки свідчать про входження певної мови до групи споріднених, то відмінні індивідуалізують, виокремлюють її серед споріднених і неспоріднених мов.

Дослідники зазначали, що словотворення української мови має немало рис, які надають їй “особливого вигляду”, відрізняють від багатьох інших або й усіх мов [Лавровский 1859 : 19 – 30].

Українська мова має свою специфіку у творенні слів різної частиномовної належності. Вона виявляється насамперед у використанні певних, властивих лише їй словотворчих засобів, а також у тому, як у похідних одиницях відбиті реалії та їхні ознаки історичного й культурного розвитку українського народу. Серед таких одиниць деривати різної частиномовної належності: іменники, дієслова, прикметники та прислівники. **Мета** пропонованого дослідження полягає в з'ясуванні зв'язку дієслів, утворених різними способами, з певними видами та формами господарської діяльності українців, зі становленням особливостей їхнього внутрішнього й емоційного стану та з деякими сторінками історії українського народу.

Відомо, що крім непохідних дієслів, успадкованих від праслов'янської мови, та дієслів, запозичених з різних мов світу для номінування нових дій, процесів та станів, в українській мові використовується чимало похідних дієслів, утворених від основ іменників, прикметників, числівників, займенників, а також від вигуків та звуконаслідувальних слів. Це відіменні, відвигуківі та відзвуконаслідувальні дієслова, що постали переважно суфіксальним способом, а також деякими так званими комбінованими способами, зокрема суфіксально-постфіксальним, суфіксально-префіксальним і префіксально-суфіксально-постфіксальним. Похідні віддієслівні дієслова утворені префіксальним та префіксально-постфіксальним способами.

Суфіксальні відіменні дієслова, як відомо, сформувалися на основі чотирьох частиномовних типів твірних основ: іменникових, прикметникових, займенникових та числівникових. Відіменникові суфіксальні дієслова – це деривати різних суфіксальних словотвірних типів. Найпродуктивнішим з-поміж них є словотвірний тип із суфіксом **-ува-**, що виражає словотвірне значення “бути кимсь за професією, видом занять, соціальним або родинним станом, виконувати те, що властиве особі, названій твірною іменниковою основою, уподібнюватися до особи, окресленої такою основою” [Словотвір 1979 : 51, 173]. Це словотвірне значення властиве і менш продуктивному словотвірному типові відіменникових дієслів із суфіксом **-и-**. Кваліфікація дієслівного стану (його кваліфікують ще і як процесуальна дія) за назвою особи-діяча, визначеної твірною іменниковою основою, цікава тим, що вона дає змогу пізнати заняття українців, їхні професії,

організацію господарської діяльності тощо, оскільки такі відіменникові дієслова зберегли у своєму складі основи іменників на позначення видів занять, професій тощо, пор.: *бортник-увати, бондар-ювати, чоботар-ювати, кравц-ювати, шевц-ювати, гончар-ювати, стельмах-увати, мірошник-увати, теслювати, тесляр-увати, писар-ювати, чабан-увати, вівчар-ювати* та ін. Напр.: *До Заріччя він прибився колись із дружиною, жив з бондарства та теслярства, часом шевцював* (Ю. Яновський); *Володів він золотим ремеслом – гончарював* (В. Речмедін).

Відіменникові дієслова із суфіксом *-ува-* широко відбивають різні соціальні стани українців за словотвірними зв'язками цих дієслів з основами іменників, які визначають осіб за їхнім соціальним станом. Чимало з них пов'язано зі станами, характерними для тієї доби в історії України, що відома як козаччина, пор.: *козак-увати, гетьман-увати, отаман-увати, полковник-увати, сотник-увати* та ін. Цю сторінку з історії українського народу відбиває дієслово *козакувати*, основне лексичне значення якого – “бути козаком”, тобто вільною людиною з кріпосних селян або міської бідноти, що втекла за південні межі України й брала участь у визвольній боротьбі проти турецьких і польських загарбників, напр.: *Колись він козакував, був у неволі турецькій, але визволився відтіля* (Б. Грінченко); *Він давно покинув козакувати і за час моєї служби жодного аулу ханського не зруйнував* (І. Ле). Цікаво, що дієслово *козакувати* в українській мові стало синонімом дієслова *парубкувати*, оскільки іменник *козак* набув переносного значення “парубок, юнак”, яке має в українській ментальності позитивне конотативне забарвлення.

Дієслово *гетьманувати*, марковане в сучасних словниках як історизм, означало “бути гетьманом”, тобто виборним ватажком козацького війська Запорізької Січі, а в XVII – XVIII ст. – начальником козацького війська та верховним правителем України, напр.: *Небагато Барабаш, гетьман молодий, гетьманував – Тільки півтора года* (Укр. думи). У староукраїнській мові XIV – XVIII ст. воно мало ще два синоніми – *гетьманити, гетьманствувати* [Штанденко 2008 : 125 – 126].

У дієслова *отаманувати* (*отаманити*) значення “бути отаманом” – це спочатку “бути виборним або призначеним ватажком козацького війська”, а в XVII – XVIII ст. – “представником козацької адміністрації в населених пунктах на Україні”, напр.: *Батько її Ковбаня отаманував у Січі* (П. Куліш). У сучасній українській мові воно поширене з переносним значенням “верховодити в чому-небудь, вести перед”, напр.: *Гордій справді вмів перед вести, вмів отаманувати так, що інші його слухалися* (Б. Грінченко).

Значення “бути полковником” дієслова *полковникувати* також пов'язане з козацькою добою в історії України, оскільки, як відомо, у XVI – XVIII полк був тут військовою та адміністративно-територіальною одиницею, напр.: – *Отож і судилось мені* [Мамаєві], *я думаю, полковникувати в Мирославі* (О. Ільченко).

Нарешті, дієслово *сотникувати* мало значення “бути сотником”, яким називали особу, що очолювала сотню і яку спочатку обирали козаки, згодом – призначав гетьман або цар, а також особу офіцерського чину в козацких військах дореволюційної Росії та формуваннях періоду громадянської війни, напр.: *Ви у дев'ятнадцятому році сотникували отут в гайдамаках* (Н. Рибак).

Збереглися дієслова, що характеризують соціальний стан українців у період Гайдамаччини – у народно-визвольному русі XVIII ст. на Правобережній Украї-

ні проти польсько-шляхетського гніту. Найвідомішим стало дієслово *гайдамакувати*, що виражає значення “бути гайдамакою”, тобто учасником цієї народно-визвольної боротьби, а згодом, у період іноземної інтервенції та громадянської війни, – солдатом особливих кінних частин Центральної ради та інших військових загонів. У дослідженнях зі словотвору подають ще й паралельне дієслово *гайдамачити*, яке за радянського часу набуло негативного забарвлення, оскільки слово *гайдамака* зробили синонімом слова *розбійник*.

Соціальний стан особи на Україні в XV– XVIII ст. (у Західній Україні – до 1939 р.) визначали і синонімічні дієслова *старостувати* та *війтувати*, значення яких “бути старостою”, “бути війтом” вказували на виконання обов’язків керівника місцевого (міського чи сільського) управління або самоврядування, напр.: [Ф е с ь к а :] *Каже кума Матрона, що не дозволить своєму чоловікові довше **війтувати*** (І. Франко).

Кілька дієслів, серед яких *бурлакувати*, *наймитувати*, *наймичкувати*, *батракувати*, *старцювати*, *жебракувати* та ін., характеризують осіб залежно від умов прийняття їх на роботу та за їхнім матеріальним становищем. Такі дієслова, як *бурлакувати*, *наймитувати*, *наймичкувати*, *батракувати*, віддзеркалюють невилітницьке життя бідних українських селян за часів кріпацтва, коли українці тікали від панів, ставали бурлаками – людьми без постійної роботи і постійного місця проживання, коли українці та українки працювали за наймом у поміщиків, а згодом і в інших приватних власників. Її закарбовано в українських народних піснях, думках, у художній літературі, зокрема в поезіях Т. Шевченка, його поемі “Наймичка”, у повісті І. Нечуя-Левицького “Микола Джеря”, романі Панаса Мирного “Повія” та багатьох інших писемних джерелах. Напр.: *Йому [Миколі] так огидло **бурлакувать**, так забажалося осістись і оселитись на одному місці* (І. Нечуй-Левицький); *На старості літ прийшлося **наймичкувати** в людей* (Панас Мирний); *Свир учився в сільській школі тільки дві зими, а підрісши, **наймитував** по панських економіях* (П. Панч); *Опанас Трубенко розумівся трохи на машинах – замолоду років зо два **батракував** у Фальцфейна в Каховці й бачив там, як хліб збирають машинами* (О. Довженко).

Зовсім небагато відсубстантивних дієслів передає родинний та віковий стан українців, пор.: *бабувати*, *вдовувати*, *діувати* (дівочити, діал.) *парубкувати* (парубочити, діал.). Напр.: *Живе вона сама собі, **вдовуючи**, і хлопчик у неї* (Г. Барвінок); *Сього чоловіка всі поважали змолоду. Як **парубкував**, поведе чорними бровами – дівчата сохнуть і дуріють* (Марко Вовчок).

Відсубстантивні дієслова із суфіксом *-ува-* в українській мові характеризують і такі стани, як стосунки з людьми, оточенням, названі твірними іменниковими основами зі значенням відповідних осіб, пор. *кум-увати*, *товариш-увати*, *ворогувати*, *старос-увати*, *батьк-увати*, *боярин-увати*, *дружк-увати*, *свашик-увати*, *гост-ювати*. Примітно, що серед них є п’ятеро дієслів (*старостувати*, *батькувати*, *бояринувати*, *дружкувати*, *сваш-увати*), які визначають ролі чоловіків і жінок в українському весільному обряді. Дієслово *старостувати* означає “бути старостою”, тобто тим, хто сватає нареченого нареченій або наречену нареченому, напр.: [Г а р л о:] *Скільки літ **старостую**, а ні разу без рушника не вертався* (М. Кропивницький). Дієслово *батькувати* з-поміж інших має і значення “бути

весільним батьком”. Друге значення дієслова *бояринувати* – “бути боярином”, на роль якого брали товариша молодого (нареченого), що був головним розпорядником весілля. Дієслово *дружкувати* виражає значення “бути дружкою – дівчиною, яка на запрошення молодого бере участь у весільному обряді” або “бути дружком – одруженим чоловіком, який на запрошення родичів молодого є головним розпорядником весільного обряду”, пор.: [М е н ш а д р у ж к а (виступає й співає до дружка):] *Тобі, дружку, не дружкувати, Тобі, дружку, панувати* (І. Нечуй-Левицький); *Іванові нагадалася Маковейова дружка. Скільки не їздять по весіллях, скільки не дружкують – усі ті молоді дівчата!..* (А. Крушельницький). Нарешті, дієслово *свашкувати* передає значення “бути свашкою”, тобто жінкою, яка порядкує на весіллі, добре знаючи весільні обряди. Це дієслово відоме і зі значенням “бути жінкою, яка організовує сватання”, пор.: *Венера все свашкує, Енеєчка свого муштрує, Щоб він з ума Дидону звів* (І. Котляревський).

Нарешті, відіменникові дієслова із суфіксом *-ува-* виражають стани, марковані за двома протилежними ознаками “працьовитість” і “неробство, лінощі, хитрощі”. Вираження цих двох станів уможливили твірні іменникові основи, що називають людей за зовнішніми та внутрішніми ознаками, пор.: *хазяїн-увати, господарювати, ледар-ювати, гультяй-увати, пан-увати, злодій-увати, шахрай-увати*. Напр.: – *Привикла [Параска] змалку ледарювати...* (Панас Мирний); *От такий він спідсподу. Крутиться, метушиться, обманює всіх, шахраює* (А. Хижняк). За спостереженнями дослідників, такі дієслова, як *господарювати, хазяїнувати, панувати* та ін., ще в українській мові XIV – XVIII ст. втратили свої первісні значення “бути господарем”, “бути хазяїном”, “бути паном” і в сучасній українській літературній мові вживаються відповідно зі значеннями “вести добре господарство” і “мати владу над ким-, чим-небудь” [Штанденко 2008 : 126].

Відсубстантивних дієслів, утворених за допомогою різних словотворчих суфіксів від іменникових основ на позначення знарядь та засобів праці, в українській мові небагато, що унеможливлює широке ознайомлення із знаряддями та засобами, які використовували українці у своїй господарській діяльності. Це переважно знаряддя, якими користувалися для обробки землі в різні історичні періоди, пор.: *кос-ити, рал-ити, мотиж-ити, пил-яти, стріл-яти, сідл-ати, пуг-ати, сап-ати* і *сап-увати, борон-увати, котк-увати* тощо. Як відомо, не всі дослідники встановлювали відіменниковий напрям словотвірної похідності деяких із цих дієслів: одні його визнавали [Возний 1981 : 35], інші – лише зіставляли дієслова із співвідносними іменами [Авилова 1951: 278], треті – вважали їхні відношення “взаємно однозначними” [Мейє 1951 : 278]. До таких належать, зокрема, дієслівно-іменникові пари *косити – коса, пиляти – пила* та ін.

Значно більше відсубстантивних дієслів постало від твірних іменникових основ, що визначають речовину, матеріал, якими покривають щось, обробляють поверхню чого-небудь тощо. Вони утворені за допомогою двох словотворчих суфіксів – *-ува-* (*воскувати, вапнувати, бронзувати, гіпсувати, бальзамувати, цементувати, гіпсувати, ваксувати*) та *-и-* (*вощити, вохрити, золотити, сріблити, крохмалити, перчити, смолити, вапнити, оліїти* та ін.). Іменникові назви речовин та матеріалів – це переважно назви, які використовували також для утворення дієслів і в інших слов’янських мовах. Українського побутового та господарського

вжитку, на нашу думку, найбільше стосуються такі назви, як *вохра*, *віск* і похідні від них дієслова *вохрити*, *воцити*.

У чотирьох відсубстантивних дієсловах із суфіксом *-а-* зафіксовані дії, пов'язані зі споживанням їжі українцями в чотири пори доби, пор.: *снідати*, *обідати*, *полуднати*, *вечеряти*. Крім дієслова *полуднати* вживали і *полуднувати*, утворене від тієї самої іменникової основи за допомогою суфікса *-ува-*, та *підвечіркувати*, що постало від твірної іменникової основи *підвечірок*. Напр.: *Василина і робить все без метушні, мову веде неквапливо, і обідає без поспіху* (О. Гончар); *Косить бідний [циган], косить, А господар полуднати Цигана не просить* (С. Руданський); – *Давайте вже полуднувать, чи що! – Який там полудень! Вечеряти вже пора, – одказав батько* (О. Довженко); – *Недалеко вже до вечора. Будемо вже підвечіркувати* (Г.Квітка-Основ'яненко).

Зі значенням “перебувати, проживати ту пору дня чи року, яку визначає твірна іменникова основа”, вживаються відсубстантивні дієслова *днювати*, *ночувати*, *веснувати*, *літувати*, *зимувати*. Напр.: *Йшов я з двома товаришами в розвідку. Днювати довелося якраз біля нашого села* (Ю. Збанацький); *Він [кріт] літує І зимує У норі, Тільки шапку Залишає Угорі* (М. Стельмах).

Кілька відіменникових дієслів, утворених за допомогою суфікса *-а-* (зрідка – *-и-*) і постфікса *-ся*, визначають найменування взаємовідношень та зв'язків, характерних для родинного життя українців, або почуттів, які вони виявляють щодо інших. Це – *родичатися*, *родатися*, *куматися*, *свахатися*, *брататися*, *сестритися*. Напр.: *Хоч ти його [Дениса] й не полюбляєш, та таки ж він тобі брат, то треба вам родичатися...* (Б. Грінченко); *Колись божились [люди] та клялись, Братались, сестрились зі мною* (Т. Шевченко).

Відсубстантивні дієслова із суфіксом *-и-* і постфіксом *-ся* зберегли найменування процесів народження дітей у тих тварин, які були в господарстві українських селян, пор.: *телитися*, *пороситися*, *жеребитися*, *щенитися* та ін.

Відіменні дієслова української мови цікаві з погляду переданих ними станів людини. Чимало з них номінує її внутрішній та фізичний і фізіологічний стани. Серед дієслів, що характеризують внутрішній стан людини, наявні лексеми на позначення радості і смутку (пор.: *радіти*, *веселитися* і *сумувати*, *горювати*, *журитися*, *печалитися*, *тужити*), гніву, злості (*сердитися*, *гніватися*, *лютувати*, *злитися*, *шаленіти*, *несамовитіти*, *сатаніти*), страху (*страхатися*, *жахатися*), нудьги (*нудьгувати*, *киснути*), стану, зумовленого особливостями поведінки особи (*хитрувати*, *лукавити*) чи ставленням до кого-небудь (*гордувати*, *жалувати*, *жаліти*), інтелектуального стану (*думати*, *мізкувати*, *мудрувати*, *пам'ятати*). Відіменні дієслова фізичного та фізіологічного стану об'єднують кілька значенневих різновидів, зокрема: стан фізичного нездужання чи виснаження (*хворіти*, *хворувати*, *слабувати*), фізіологічний стан організму, зумовлений недостатньою кількістю їжі, води, повітря (*голодувати*), стан, спричинений підвищенням чи зниженням температури (*дубіти*, *дерев'яніти*, *пітніти*). Очевидне переважання негативно маркованих внутрішніх станів, що може слугувати підставою для висновку про наявність позамовних чинників, які спричинили саме таке семантико-стилістичне навантаження станів, виражених дієсловами в українській мові.

Значно більшу групу становлять відіменні дієслова, що передають набування певного якісного стану, тобто тих якісних ознак, що названі твірними прикметниковими основами. Це словотвірне значення реалізують дієслівні суфікси *-і-* та *-ну-*, які розрізняються лише колом своїх твірних прикметникових основ: воно відчутно ширше (близько 200 прикметників [Городенська, Кравченко 1981 : 44]) в суфікса *-і-*, тому що він поєднується як з непохідними, так і похідними основами, а суфікс *-ну-* – лише з непохідними прикметниковими основами, яких налічується в українській мові 16 [Словотвір 1979 : 189; Городенська, Кравченко 1981 : 45], пор.: *бліднути, сліпнути, глухнути, тверднути, худнути* та ін. Можливість передати за допомогою дієслів набування стану за різноманітним спектром якісних ознак засвідчує, на нашу думку, таку світоглядну рису українців, як широке пізнання станів у навколишньому світі. Ці стани стосуються набування кольорової ознаки (*червоніти, чорніти, синіти, зеленіти, жовтіти, рудіти*), зовнішньої ознаки (за формою, розміром тощо) (*повніти, кругліти, горбатіти*), температури (*холодніти, гарячіти*), консистенції (*водявіти, тужавіти, костеніти*), внутрішніх та розумових якостей людини (*мужніти, ледачіти, простіти, дурніти*) та ін.

Відсубстантивні дієслова української мови із суфіксом *-і-* зафіксували набування стану як уподібнювання людини за певними якостями, ознаками, переважно негативного плану, до живих істот чи надприродних істот (пор.: *звіріти* – уподібнюватися до звіра за такою ознакою, як жорстокість; *совіти* – уподібнюватися до сови за незрячістю її очей удень; *сатаніти* – уподібнюватися до сатани за такою ознакою, як злість, лють, скаженість) або як набуття певних якостей предметів, що знижують позитивну характеристику людини (пор.: *дубіти, каменіти* – ознака твердості, міцності дуба, каменю щодо людини сприймається як втрата нею здатності рухатися; *полотніти, попеліти* – ознака білого кольору, а саме білого кольору полотна та сірого кольору попелу, послугувала для вираження стану хвилювання людини, її гніву, обурення тощо). Напр.: *Олександра сатаніла. Її дратувало мовчання Настине* (М. Коцюбинський); *Юра повертається, щоб мерціям бігти назад. І ноги дубіють від страху* (Ю. Смолич); *Часто-густо він закушував губи, щоб не розпалитися гнівом. То полотнів, то червонів* (Ю. Шовкопляс).

Уподібнювання людини за певними ознаками до предметів та істот виражає також словотвірний тип відсубстантивних суфіксально-постфіксальних дієслів, утворений суфіксом *-и-* і постфіксом *-ся*, пор.: *гадючитися, в'юнитися, комаши-тися, веретенитися, деркачитися, костричитися, лопушитися*. Одні з них мають знижене стилістичне забарвлення (*костричитися, деркачитися*) і слугують для негативної характеристики людини, інші вживають для образної характеристики когось, чого-небудь (*гадючитися, в'юнитися, лопушитися*), напр.: *– А що ж би ви хотіли? – раптом костричить Хома. – Одразу все не впорядкуєш!* (Ю. Яновський); *І гадючаться землею тріщини-розколини, і жовкне трава* (З. Тулуб); *Луг, серединою якого в'юнилася... повноводна, каламутна річка, зеленів неприродно зеленою отавою* (В. Козаченко).

Набуття ознак людей або тварин, названих твірною іменниковою основою, тобто певного якісного стану, в українській мові виражає три малопродуктивних типи префіксально-суфіксальних відсубстантивних дієслів: із префіксами *з-*, *о-*, *по-* та суфіксом *-і-*, пор.: *зміцаніти, знімчіти, збюрократіти, збудліти, обара-*

нити, оскотиніти, побараніти. Напр.: *Пригінчі стерялися, обараніли, не могли ради дати, стільки сили привалило, людей чи не більше ніж буряків повиходило* (К. Гордієнко).

Українську мову вирізняє з-поміж інших слов'янських ще одна особливість дієслівного вираження якісного стану – як набуття якісної ознаки в більшому її вияві порівняно із звичайним вираженням якісної ознаки. Ця особливість спричинила вживання великої групи відад'єктивних дієслів, утворених за допомогою суфікса *-а-* від основ прикметників вищого ступеня порівняння. Вони так само, як і відад'єктивні дієслова із суфіксом *-і-*, по-різному модифікують за значенням якісний стан, пор.: *червоніш-ати, чорніш-ати, синіш-ати, зеленіш-ати, жовтіш-ати, рідіш-ати, повніш-ати, кругліш-ати, холодніш-ати, гарячіш-ати, тужавіш-ати, мужніш-ати, простіш-ати, дурніш-ати* та ін.

Чимало словотвірних типів дієслів є переконливою ілюстрацією твердження про народну основу української літературної мови та про народність як визначальну рису української культури. Із живою народною мовою доби Київської Русі, за спостереженнями дослідників, пов'язані вживані в сучасній українській мові відвігукові та відзвуконаслідувальні дієслова, утворені за допомогою суфіксів *-ка-* та *-а-*, що становлять особливий словотвірний тип, який виражає словотвірне значення – “повторювати те, що назване твірним вигуком або звуконаслідувальним словом” [Словотвір 1979 : 192], пор.: *ойкати, гейкати, гавкати, собкати, тюкати, кукурікати, мекати, кахкати, някати, пікати, хіхікати* та ін. Напр.: *Люди стогнуть, ойкають* (І. Нечуй-Левицький); *Погонічі пританцьовували коло саней..., гейкали на коней* (В. Кучер); *Вони ж [пташенята], сердешні, пікають уже, пікають та так уже страдно ротками зітхають* (А. Тесленко). Вони послуговували основою для витворення цілої низки переносних, стилістично виразних, образно-метафоричних дієслівних значень, що вийшли за межі усно-розмовного вжитку.

За зразком цього словотвірного типу в українській мові утворилися дієслова і від займенникових слів, пор.: *ви-кати, ти-кати, я-кати, ми-кати, що-кати (шо-кати), чого-кати* та ін. Вони належать до емоційної дієслівної лексики, яку українці використовували і використовують для вираження поваги або зневаги, непошани до когось тощо, що характеризує морально-етичні принципи їхнього спілкування та життя. Пор.: – *Як звати вас? Повторив я запитання. – Мене?.. – і дівчина осміхнулася. – Чудний ти якийсь. У нас тільки на старших викають* (В. Минко); *Як тільки будеш на мене викати, то я тебе присилую тикати...* (І. Нечуй-Левицький); [Г а п к а:] *Я... Я... [З а х а р к о:] Годі якати. Путнішого нічого не вигадаси* (М. Кропивницький).

Народно-розмовні витоки мають і словотвірні типи відприслівникових дієслів із суфіксом *-ува-* (пор.: *задкувати, рачкувати, дармувати, шкодувати, жалкувати*) та відчислівникових дієслів із суфіксом *-и(-ї-)* (пор.: *двоїти, троїти, восьмерити, десятирити*). Цих дієслів небагато в мові, але у своєму переносному вжитку вони реалізують виразний експресивний потенціал характеристики кого-, чого-небудь. Пор.: *Настя злякано ойкнула: – Ой хтось вилазить із печі! І справді з печі задкувало хлоп'я...* (В. Речмедін) і *Скільки в українському політикумі тих, що відмовилися від своїх ідей, обіцянок, намірів, тобто тих, які просто задкували* (Україна молода, 12.01.2010); *Дівчинонька кропиви шаткує,*

А за нею дитина рачкує (П. Чубинський) і *Треба уперед йти, а не назад рачкувати!* (Панас Мирний); *Доки ми будемо двоїти поняття формування людської душі?* (І. Муратов).

Суфіксальне дієслівне словотворення зафіксувало ту сторінку в розвитку української мови і мовної практики українців, яку називали добою зближення української і російської мов, взаємодії двох споріднених мов, збагачення української мови на різних її рівнях під впливом російської мови. Так кваліфікувати її дають підстави кілька словотвірних типів суфіксальних дієслів, які були перенесені на ґрунт української мови з російської, незважаючи на їхню чужорідність, усупереч сформованим традиціям і способам творення таких дієслів в українській мові. Це словотвірний тип відприкметникових дієслів із суфіксом *-ича-*, що виражає словотвірне значення “виявляти ознаки та властивості, визначені твірною прикметниковою основою” [Словотвір 1979 : 190], пор.: *скромничати, сентиментальничати, фамільярничати, делікатничати, офіційничати, манірничати* та ін., словотвірний тип відсубстантивних дієслів із суфіксом *-нича-*, що передає словотвірне значення “бути тим, кого визначає твірна іменникова основа” [Сопоставительная 2003 : 153], пор.: *фіглярничати, ловеласничати, дипломатничати*. Якщо ж твірна іменникова основа мала у своєму складі суфікс *-ник*, то виразником згаданого словотвірного значення був дієслівний суфікс *-а-*, пор.: *паломничати, капосничати*. Нарешті, кілька дієслів дістало статус полімотивованих, тобто таких, що одночасно можуть співвідноситися з твірною іменниковою основою без суфікса *-ник* або з цим суфіксом, та ще й з прикметником основою, що спричинило виокремлення в них залежно від цих твірних основ словотворчих дієслівних суфіксів *-нича-*, *-а-* та *-ича-*, пор.: *мод-нича-ти* (“йти услід за модою, дотримуватися моди”), *моднич-а-ти* (“бути модником”), *модн-ича-ти* (“бути модним”) *розбій-нича-ти* (“вдаватися до розбою”), *розбійнич-а-ти* (“бути розбійником”); *лібераль-нича-ти* (“бути лібералом, поводитися як ліберал”), *ліберальн-ича-ти* (“бути ліберальним”) [Городенська, Кравченко 1981 : 42 – 43].

Деякі словотвірні типи суфіксальних дієслів української мови під впливом відповідних словотвірних типів російської мови набули високої продуктивності. До таких належить словотвірний тип дієслів із суфіксом *-ізува-/изува-*, співвідносний з іменними основами грецького та латинського походження. За допомогою цього суфікса оформляли й ті запозичені основи, де цілком природним і органічним був би суфікс *-ува(-юва-)*, мотивуючи надання йому переваги тим, що він вносить до дієслівної семантики деякі інші відтінки, ніж суфікс *-ува(-юва-)* – “охоплення, забезпечення чимсь, перетворення в щось” [Словотвір 1979 : 178]. До дієслів на *-ізува-ти/изува-ти*, які можна, на думку дослідників і практиків, замінити дієсловами на *-ува-ти*, належать *стандартизувати* (пор. *стандартувати*), *вітамінізувати* (пор. *вітамінувати*) та ін.

Отже, стани та дії, виражені відсубстантивними суфіксальними дієсловами сучасної української мови, значення їхніх твірних іменникових основ дають відомості про основні види колишньої господарської діяльності українців, зокрема про їхні професії, заняття, знаряддя та засоби праці, про їхній побут, а також

про ті соціальні стани, у яких їм довелося бути в різні історичні періоди. Через стани, означені відсубстантивними дієсловами, пізнаємо родинні і вікові стани українців та українок, їхні стосунки та зв'язки з іншими людьми, морально-етичні принципи спілкування, дізнаємося про обрядові дії та режим вживання їжі тощо.

Відіменні дієслова зафіксували важливу світоглядну особливість українців, що виявляється в докладній диференціації станів істот, предметів та докільля, у передаванні процесів набування/набуття станів через уподібнення за якимись ознаками, якостями до істот або предметів.

Деякі відіменні дієслова, зокрема на **-ничати** та інші, засвідчують відступ від національних традицій у розвитку дієслівного словотворення української літературної мови, що був спричинений радянською мовною політикою.

Література

1. Авилова Н.С. К вопросу о суффиксальном образовании русского глагола в XVIII в. // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 2. – С. 253–283.
2. Возний Т.М. Словотвір дієслів в українській мові у порівнянні з російською та білоруською. – Львів : Вид-во при Львів. держ ун-ті Видавничого об'єднання “Вища школа”, 1981.
3. Городенська К.Г., Кравченко М.В. Словотвірна структура слова (відіменні деривати). – К. : Наук. думка, 1981.
4. Лавровский П.А. Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительного с великорусским и другими славянскими наречиями // Журнал Министерства народного просвещения. – 1859. – Ч. 102. – Отд. 2. – С. 225–266.
5. Мейе А. Общеславянский язык. – М. : Изд-во иностр. л-ры, 1951.
6. Словотвір сучасної української літературної мови. – К. : Наук. думка, 1979.
7. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков [отв. ред. Н.Г. Озерова]. – Киев : Наук. думка, 2003.
8. Штанденко У. Відіменний суфіксальний словотвір дієслів у староукраїнській мові XIV – XVIII ст. – К. : Інститут української мови НАН України, 2008.

Екатерина Г. Городенская

ДЕЙСТВИЯ И СОСТОЯНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ КАК ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ УКРАИНСКОГО НАРОДА

В статье сделана попытка связать структуру и значения производных глаголов современного украинского языка с некоторыми страницами истории и культуры украинского народа. Установлен широкий круг отсубстантивных глаголов со значением состояния и действия, производящие основы которых указывают на

занятия, виды деятельности, профессии, родственные отношения, возрастные и социальные состояния украинцев, на орудия и средства труда, используемые ими в различные исторические периоды.

Отмечено семантическое многообразие отадъективных глаголов состояния, свидетельствующее о такой мировоззренческой особенности украинцев, как широкая дифференциация состояний существ и предметов в окружающем мире, о представлении процессов приобретения признаков как уподобления по каким-то признакам кому-, чему-либо. Выделены словообразовательные типы производных глаголов, истоки которых – в живом народном украинском языке, что подтверждает тезис о народности как определяющей черте украинского литературного языка, а также те словообразовательные типы, которые отражают советскую тенденцию к сближению языков и культур и не соответствуют традициям украинского глагольного словообразования.

Павло Ю. Гриценко

(Інститут української мови НАН України, Київ, Україна)

ЛІНГВІСТИЧНЕ КАРТОГРАФУВАННЯ І ПРОБЛЕМИ СЛОВОТВОРЕННЯ

Створення лінгвістичних карт і атласів у ХХ – на початку ХХІ ст. і пов'язані з цим процесом збирання, упорядкування та експлікація лінгвальної інформації мають глибинні наслідки для розвитку мовознавства, оскільки: по-перше, відчутно розширено коло мовних свідчень, які у визначеному форматі (карти, супровідні індекси, коментарі) упорядковано та удоступнено дослідникам; чимало мовних одиниць, процесів, явищ уперше було зауважено саме завдяки масовому й системному (за єдиними питальниками) обстеженню великої кількості говірок, чого до реалізації лінгвогеографічних проєктів не робилося, а заступалося принагідними спостереженнями; по-друге, зазнали змін традиційні дослідницькі прийоми аналізу діалектних свідчень, що поглибило осмислення елементів мовної структури, їхньої сутності, генези, закономірностей розвитку; по-третє, новий матеріал і нові гносеологічні процедури спонукали до формулювання нових лінгвістичних проблем.

Утвердженню методу лінгвістичної географії (з перебільшеними очікуваннями особливих результатів і можливістю швидкого і надійного розв'язання складних проблем, насамперед етногенезу і глотогенезу) були притаманні стереотипи в оцінюванні евристичних можливостей картографування елементів, явищ різних структурних рівнів діалектної мови; вибудована ієрархія цінності карт (від найвищої цінності карт фонологічних явищ до найнижчої – лексики [2]) часто впливала на формування інформаційних очікувань ще до опрацювання матеріалу, сковувала пошуки спеціальних прийомів картографування й аналізу одиниць різних структурних рівнів. Лише згодом, коли в атласах, особливо у так званих національних, які охоплюють увесь етномовний континуум, сформувалася початкова емпірична база (набори карт не тільки фонологічних / фонетичних та граматичних явищ, що ширше були представлені в різних атласах, а й лексичних, семантичних, словотвірних, акцентних), – запанувало розуміння різноплановості й принципової відмінності інформації карт, що відбивають одиниці, явища різних структурних рівнів, прийшло усвідомлення некоректності оцінки евристичної вартості карт лише за віднесенням картографованих елементів до відповідного структурного рівня. У слов'янській лінгвогеографії картографування словотворення тривалий час не належало до пріоритетних завдань, що відбито у програмах багатьох національних атласів; проєктування більшості національних атласів відбувалося у кінці 40-х – початку 50-х рр. ХХ ст., коли увага до дериватології в цілому ще не набрала належної сили. Тому до розуміння цінності діалектного словотвору доходили під впливом розвитку дериватології як розділу в описах структури літературного стандарту, практики укладання лінгвістичних карт, лексичних і словотвірних, коли проблема передачі похідних утворень на картах вимагала їх аналізу і визначення характеру просторового протиставлення, та коли постала необхідність ареалогічної інтерпретації карт. Останнє посилило увагу до діалектного словотворення, оскільки у багатьох випадках презентований на картах матеріал виявив ареальну виразність, відтак – відповідав панівній ідеологемі лінгвістичної географії: встановленню діалектного поділу континууму [6].

Опрацьовуючи карти із словотвору (особливо ізоглосні, синтетичні), дослідники підкреслювали ареалогічну цінність цього структурного рівня діалектів, можливість використання словотвірних ізоглос для окреслення діалектів. Так, Я.В. Закревська зазначила, що картографування явищ словотворчого рівня підтвердило в цілому поділ досліджуваної мовної території на традиційні діалектні групи, що збігається з основним поділом за даними інших мовних рівнів [7: 154]. Спираючись на результати значного за обсягом картографування явищ словотвору в польських говірках Мазовша і Підляся, А. Ковальська так само дійшла висновку про високу ареалогічну цінність словотворення: “Така кількість карт з проблематики виключно словотворення на визначеній діалектній території уповажнює на твердження: факти словотворення, які донедавна діалектологи рідко оцінювали як достатню підставу для виділення ареалів, мають не менше значення для визначення меж діалектів, ніж факти фонетичні чи лексичні” [13: 81]. Низку спеціальних досліджень В. Помяновська [14], Я.В. Закревська [7], Б. Фалінська [10; 12], А. Ковальська [13] та ін. підпорядкували доведенню ареалогічної цінності словотворення, можливості й доцільності визначення й урахування словотвірних ізоглос, які або є синтопічними з ізоглосами явищ інших структурних рівнів діалектів, або творять просторово виразні самостійні ізоглосні пасма. Зауважимо, що в сучасних працях з діалектного словотвору автори досі нерідко оминають картографування, спираються на наддіалектний підхід до зібраного у багатьох говірках (= окремих діалектних системах) матеріалу, аналізуючи його як належний до однієї системи [1; 15]. При цьому дослідники картографування нерідко сприймають лише як прийом упорядкування й експлікації зафіксованих у говірках мовних фактів, а не як інструмент, спосіб і шлях його осмислення, яким воно є насправді. Вивчення деривації у зв’язку з простором буття мовних одиниць, зокрема, окреслення ареалів похідних утворень на тлі географії мотиваторів і словотворчих моделей, урахування просторової поведінки кожного деривата і прихованих за просторовими характеристиками динамічних процесів, які пояснювали б етапи й закономірності деривації, ще чекають на дослідника. Зауважимо, що деякі усталені твердження дериватології видаються не такими аксіоматичними, коли аналізу піддано свідчення лінгвістичних карт. Так, ряди відповідників, які виявляються на лінгвістичній карті, засвідчують різні типи міждіалектних відношень, зокрема: а) семема може бути реалізована в одних говірках безафіксними непохідними лексемами на противагу іншим говіркам, у яких відповідниками є деривати; б) у різних говірках семему реалізують деривати різної структури – похідні з різними афіксами і з неоднаковою кількістю словотвірних кроків. Ситуація, коли функціональними відповідниками є дериваційний нуль, тобто, коли реалізація похідного значення не вимагає матеріалізованого форманта, як і „нанизування” кількох самостійних афіксів і творення ускладненого нового афікса, який функціонально тотожний вихідним (структурно простим) словотворчим сегментам, підкреслює необхідність докладного окреслення ролі словотворчого афікса в оформленні похідного значення лексеми; аксіоматичне твердження – *афіксальні морфемні прислання до твірної основи змінюють, уточнюють її значення* – не охоплює всіх ситуацій словотворення.

Лінгвістичні карти демонструють різноманітність прийомів творення дериватів, неоднаковість системних відношень між мотиваторами і похідними утвореннями, як і характерних рис їх функціонування у різних говірках, віддалених зонах континууму однієї мови чи в різних мовах, як це можемо спостерегти, зокрема, у

полімовному *Загальнослов'янському лінгвістичному атласі* (далі – ЗЛА). Типовою є ситуація, коли дериват у діалектному просторі має різноафіксні відповідники, кількість яких у континуумі може бути значною. Причому валентна потужність кореня зростає пропорційно ступеневі експресивності, наявності оцінних компонентів семантики; останнє спостерігаємо у діалектному мовленні ширше, ніж у більш регламентованому приписами норм літературному стандарті, напр., в українському діалектному континуумі на позначення лівші ('людина, яка лівою рукою володіє краще, ніж правою') зафіксовано 47 афіксальних похідних від *лів-* (як *лівкут*, *~ак*, *~аш*, *~цун*, *~ах*, *~ач* *~шун*, *~шак* та ін.) [5: 105-107]. Така ситуація, ймовірно, є універсальною, оскільки експресивність, оцінність як відчутно рухливий складник семантичної структури лексеми вимагає постійної актуалізації, що зумовлює оновлення формальних засобів передачі конотації, інколи – їх на низування. Подібні висновки зроблено також з аналізу дериватів у різних ареалах польського континууму: "діалектам притаманна значно вища спонтанність мовних процесів та більша розмаїтість мовних засобів, порівняно з літературною мовою, використовуваних для творення експресивних назв" [12: 311]; зауважено, зокрема, що тільки в мазовецьких говірках як репрезентанти семи 'людина, яка шепелявить' зафіксовано близько 80 похідних [12: 305].

Картографування явищ словотворення, особливо в атласах, що відтворюють великі діалектні території мови (мов), виразно постають проблеми, мало зауважані поза діалектним контекстом. Так, у ЗЛА непростим виявилось питання розпізнання та визнання генетично ідентичними чи відмінними словотворчих афіксів, записаних у різних діалектних системах з притаманними їм фонетичними закономірностями; ідентифікація афіксів забезпечує наступний крок – ідентифікацію чи диференціацію моделей творення дериватів. Адже графічна презентація на карті будови слова, окремого форманта, моделі чи напрямку словотворення не може бути здійснена поза попереднім аналізом – розпізнанням афіксів, оцінкою морфемної структури слова. Здебільшого деривати відбивають типові моделі їх творення з використанням поширених афіксів. Проте чимало похідних мають у своїй структурі такі афікси, які інколи складно, а в окремих випадках – неможливо однозначно кваліфікувати. Таку ситуацію спостерігаємо у випадках оформлення афіксів відповідно до типових для говірки, проте локальних у загальному континуумі, фонологічних (фонетичних) закономірностей чи нетипових структурних трансформацій.

Інколи помилки в генетичній інтерпретації афіксів можуть спровокувати неправильну загальну ареалогічну оцінку явища. Так, наприклад, для частини українського діалектного континууму (говірки західнополіські, особливо північна частина, та з різною інтенсивністю – увесь південно-західний діалектний простір [АУМ II: к. 48, 48; також к. 41-47]) типовою є поява голосного переднього ряду середнього і більш високого підняття [e, и, i] на місці /*a/ у позиції після м'якого приголосного; цей перезвук, що відомий уже з XII ст. (поодинокі випадки), ширше – від кінця XIV – початку XV ст. [9: 693], може виявлятися у різних сегментах структури слова – кореневій, афіксальній, на морфемному шві. Внаслідок прояву зазначеної фонологічної закономірності у просторі карт ЗЛА співіснують ситуації, коли:

а) формально (фонетично) відмінні суфікси *-ar*, *-er*, *-yr*, *-ir* сягають *-ar*; тому з позицій генетичної співвіднесеності, яка закладена в ідеологію ЗЛА, усі ці фонетично відмінні афікси на карті мають бути відтворені одним знаком як гомогенні;

б) формально тотожні афікси, зафіксовані в сучасних говірках, можуть продовжувати різні вихідні стани: *-ir* < *-ir* та *-ir* < *-'ar*.

У буковинській говірці (п. 497 мережі ЗЛА, с. Турятка Глибоцького р-ну Чернівецької обл.) сучасні афікси *-er*, *-эр* в одному випадку ідентифіковано з вихідним *-ar* і передано на карті знаком, спільним для похідних з формантом *-ar* (*sto'l'er*) [ОЛА 8: к. 4], а в інших словоформах у тих самих фонологічних умовах – як *-er* (*'mul'er*, *wuŋč'er*, *ko'n'er*) [ОЛА 8: к. 6, 7, 25^a, 25^r], які так само мають вихідну словоформу із суфіксом *-ar* і які мали б бути передані знаком для дериватів з *-ar*. Ідентифікувавши наведені словоформи як такі, що мають формант *-er* (говірки наддністрянські, бойківські, гуцульські та західнополіські), тим самим об'єднано українські говірки з перезвуком 'a > 'e ... 'i з лужицькими говірками (пункти 235, 237), у яких формант *-er* (*цищ'ер* 'вівчар') має нефонетичну природу – сягає вихідного *-er*. Наведений приклад ілюструє відмінність умов постання формально ідентичних похідних, які в різних діалектах можуть бути зумовлені неоднаковими процесами.

Картографування уявило ще одну проблему, яка дещо зневизначена на матеріалі літературного ідіому, де просторовий параметр не є релевантним. Для літературного стандарту достатньо факту наявності мовної одиниці, явища у реєстрі словника, щоб залучити його до моделювання схем дериваційної залежності, вказати на зв'язок між мотиватором і похідним; при цьому можливе отримує статус всеохопного й обов'язкового. У діалектному континуумі ситуація принципово відмінна, що демонструють лінгвістичні карти: у досліджуваних говірках похідний елемент словотвірного ланцюжка може мати вихідну мотивувальну лексему (основу), а може її не мати, оскільки позицію останнього може зайняти гетерогенний щодо деривата елемент. Таким чином, словотвірний зв'язок, існування якого на наддіалектному рівні підтверджене наявністю вихідної і похідної гомогенних лексем, а тому не викликає сумнівів, на рівні говірок (реальних комунікативних систем) може мати різну реалізацію, що, зокрема, підтверджують і карти ЗЛА.

Так, сема 'мисливець' у слов'янських діалектах представлена лексемами, які сягають 18 основ, зокрема, слов'янських – *mysl**, *poljov*-, *хотьн*-, *gon*-, *strěl*-, *po-lěs*-, *gaj*-, *zaj*- [*zaj-ьč-ar-ь*] та неслов'янських – *rabšic*-ь, *jager*-ь, *jaxt-ar*-ь, *vadas*-ь, *čáč-ar*-ь, *cacador*-ь, *nimdor*-ь, *kerul*-, *avži*-[*avži-j-a*], *fošner*- (окремі з них давні, творять виразні ареали) [ОЛА 8: к. 56]; водночас репрезентанти семи 'полювання на диких звірів і птахів' на рівні наддіалектної моделі мають словотвірні кореляти серед назв мисливця [таблиця 1]; у матеріалах ЗЛА серед репрезентантів семи 'мисливець' не зафіксовано однокореневих відповідників таким назвам мисливців, як *gaj-ьн-ik-ь*, *zaj-ьč-ar-ь*, *zvěr-o-boj-ьk-a*, *ob-lav-a*, *rabšic*-ь, *cacador*-ь, *nimdor*-ь, *kerul*-ь, *avži-j-a*, *fošner*-ь; зауважимо, що більшість з наведених некорелятивних репрезентантів семи 'мисливець' зафіксовано в одній говірці, тобто ці локалізми у загальному континуумі не впливають на ареальну ситуацію щодо реалізації семи [ОЛА 8: к. 57].

* Матеріали подано у морфологічному записі; автори реконструкції морфологічних форм – члени морфологічної групи Міжнародної комісії Загальнослов'янського лінгвістичного атласу.

Таблиця 1.

твірна основа	‘мисливець’	‘полювання’
<i>mysl-</i>	<i>mysl-iv-ъ, mys-liv-ъc-ъ, pro-mysl-j-en-ik-ъ</i>	<i>mysl-iv-ъstv-o</i>
<i>lov-</i>	<i>lov-ъc-ъ, lov-ač-ъ, lov-ač-in-ъ, lov-ъč-ar-ъ, lov-ъn-ik-ъ</i>	<i>lov-ъ, lov-y, lov-j-a, lov-in-a</i>
<i>strěl-</i>	<i>strěl-ъc-ъ, strěl-ъk-ъ</i>	<i>strěl-ъb-a, strěl-ъc-tъv-o</i>
<i>lěs-</i>	<i>lěs-ъn-ik-ъ, po-lěs-ъn-ik-ъ</i>	<i>po-lěs-ъn-j-a</i>
<i>pol-j-ov-</i>	<i>pol-j-ov-ač-ъ, pol-j-ov-ъn-ik-ъ, pol-j-ov-ъn-ič-ъ, pol-j-ov-ъB, pol-j-ov-ъč-ik-ъ, pol-j-ov-ъc-ъ, pol-j-ov-an-ъc-ъ</i>	<i>pol-j-ov-ač-ъk-a, pol-j-ov-ъk-a, pol-j-ov-an-ъj-a (-e), pol-j-ov-an-ъn-ъj-a (-e), pol-j-ov-an-ъ=-o</i>
<i>xot-ъn-</i>	<i>xot-ъn-ik-ъ, o-xot-ъn-ъ=ak-ъ, o-xot-ъn-ik-ъ, o-xot-ъn-ič-B</i>	<i>xot-a, o-xot-a,</i>
<i>gon-</i>	<i>gon-ъc-ъ, gon-ъb-ist-a</i>	<i>gon-ъ, gon-ъb-a, gon-i-tъv-a</i>
<i>jager-</i>	<i>jager-ъB</i>	<i>jag-a, jag-an-ъj-e</i>
<i>jaxt-</i>	<i>jaxt-ar-ъ</i>	<i>jaxt-a, jaxt-ъ</i>
<i>vadas-</i>	<i>vadas-ъ, vadas-ъn-ik-ъ</i>	<i>vadas-ъk-a</i>
<i>čač-</i>	<i>čač-ar-ъ</i>	<i>kač-a</i>

Отже, між репрезентантами сем ‘мисливець’ і ‘мисливодство’ на наддіалектному рівні простежується значне накладання твірних основ, що провокує очікування високої регулярності мотиваційних зв’язків між ними у говірках. Аналіз лексичної реалізації цих сем у слов’янських діалектах, водночас – наявності / відсутності словотвірного зв’язку між цими репрезентантами виразно окреслив два типи ареалів: а) з регулярною кореляцією у говірках спільнокореневих дериватів чи домінування цього типу відношень на тлі інших типів (російські, македонські, сербські, хорватські, словенські, словацькі діалекти); б) з переважанням говірок, у яких семантично пов’язані поняття репрезентовано різнокореневими лексемами, тобто відсутні передумови постання словотвірних і мотиваційних відношень між цими номінативними одиницями (польські, чеські, лужицькі говірки). Так, майже в усіх російських говірках мережі ЗІА єдиним репрезентантом семи ‘мисливець’ є *o-xot-ъn-ik-ъ* (*o’xotnik* і регулярні фонетичні варіанти), в 11 говірках – з дублетними *lěs-ъn-ik-ъ* (2 нп.), *po-lěs-ъn-ik-ъ* (3 нп.), *pro-mysl-j-en-ik-ъ* (5 нп.) та *strěl-ъc-ъ* і *strěl-ъk-ъ* (по 1 нп.) і лише в 1 нп. – бездублетна назва *lěs-ъn-ik-ъ*; водночас сема ‘мисливодство’ в усіх говірках реалізована лексемою *o-xot-a*, дублетом якій виступають *zvěr-o-boj-ъk-a* і *lov-j-a* (*‘ловл’а*) (по 1 нп.). Така стабільна відповідність спільнокореневих семантично пов’язаних лексем має продовження у частині білоруських та українських говірок, які безпосередньо продовжують зазначений ареал. Типологічно спільною з окресленою російсько-білорусько-українською є ситуація словацька, де лексемі *pol-j-ov-ъn-ik-ъ* (у кількох говірках дублет *jager-ъB*) ‘мисливець’ майже в усіх говірках відповідає *pol-j-ov-ač-ъk-a* або *pol-j-ov-an-ъj-a (-e)*, чим досягається стабільність структурних і мотиваційних зв’язків. Натомість у польських, чеських і лужицьких говірках спостережено протилежну картину: на наддіалектному рівні засвідчено передумови появи у говірках однокореневих лексичних пар, проте в говірках наявна значна комбінаторика номі-

нативних засобів, яка ослабила структурний зв'язок цих репрезентантів й унеможливила існування дериваційно пов'язаних пар. Так, у польському континуумі сема 'мисливість' у 72 нп. (з усіх 89 польських нп. мережі ЗІА) представлена лексевою *pol-j-ov-an-ьj-e* (з дублетами у 4 нп.) і лише у 12 нп. ця твірна основа наявна у назвах мисливця *pol-j-ov-ьn-ik-ь*, *pol-j-ov-ь*, *pol-j-ov-ащ-*; лише кашубський ареал демонструє стабільність корелятивів зі спільним коренем *jaxt-*. У чеських говірках сема 'мисливість' презентована в усіх говірках одноманітно – *gon-ь*, *gon-ьb-a*, а зі значенням 'мисливець' – лише в 9 нп. (з усіх 33) похідними від *gon-* (*gon-ьc-ь* – 8 нп., *gon-ьb-ist-a* – 1 нп.), причому в усіх випадках – за наявності у цих говірках ще від 1 до 3 лексем-дублетів (найчастіше – *strěl-ьc-ь*, *lov-ьc-ь*, *mys-liv-ьc-ь*); припускаємо, що поширення дублетів спричинило ослаблення мотиваційних зв'язків між корелятами, звуження кількості говірок з опозицією лише спільнокореневих дериватів [карта 1].

Таким чином, розгляд семантично пов'язаних рядів лексем як словотвірних корелятивів демонструє варіативні можливості діалектів, високу комбінаторику в реалізації здавалося б прогнозованих дериваційних відношень, що значно рідше можна спостерегти на матеріалі літературного стандарту. Водночас через таку варіативність уявлюються приховані процеси словотворення, зрушення у складі й архітектоніці лексико-семантичних груп. У багатьох випадках порушення симетрії між мотиватором і похідним, руйнування типових дериваційних ланцюжків пов'язані з відчутними змінами не лише у лексиці, а й в осмисленні пізнаваної дійсності, її мовної категоризації. При цьому змінюється і географія елементів словотвірних ланцюжків, трансформуються конфігурації їхніх ареалів.

Так, у парі сем 'рубач' (дерево в лісі) і 'людина, яка рубає ліс' наявність дієслівної твірної основи *sěč-e-ть* у структурі віддієслівних агентивів у слов'янських діалектах *sěč-ač-ь*, *sěk-ač-ь*, *dьrv-o-sěč-a*, *dьrv-o-sěk-a*, *dьrv-o-sěk-ь*, *gor-o-sěč-a* (гора 'ліс') оцінюється як прогнозоване й закономірне; так само структурно вмотивованою є пара *rqb-a-je-ть* і *lēs-o-rqb-ь*; ці типові кореляції представлені у більшості говірок (відповідно – у 67 і 248) і належать до давніших. Пізніше постали кореляції, які засвідчили накладання, трансформації зазначених вихідних опозицій у говірках, зокрема, паралелізм серед репрезентантів однієї із сем чи – лише в поодиноких випадках – обох сем, пор. набори репрезентантів:

sěč-e-ть // *rqb-a-je-ть* – *dьrv-o-sěk-ь* (зафіксовано у 8 нп.);

rqb-a-je-ть // *sěč-e-ть* – *lēs-o-rqb-ь* (у 2 нп.);

sěč-e-ть – *dьrv-o-sěk-ь*, *lēs-o-rqb-ь* (у 7 нп.);

rqb-a-je-ть – *lēs-o-rqb-ь*, *dьrv-o-sěk-ь* (у 37 нп.);

sěč-e-ть // *rqb-a-je-ть* – *dьrv-o-sěk-ь* // *lēs-o-rqb-ь* (у 4 нп.);

у частині говірок, імовірно, внаслідок субституювання одного із членів опозиції, відбулося руйнування словотвірної кореляції:

sěč-e-ть ↔ *lēs-o-rqb-ь* (у 18 нп.);

rqb-a-je-ть ↔ *dьrv-o-sěk-ь* (у 63 нп.) [ОЛА: 5], див.: [карта 2].

Як свідчить карта 2, некорелятивність (руйнування мотиваційного ланцюжка між вихідним і похідним елементами) – яка може бути наслідком різноманітних процесів, сигналізує про ослаблення мотивації, відхід її з першого плану далі, у глибини мовної свідомості на тлі домінування окремо кожного з понять / сем 'дія' і 'виконавець дії' – поширена у багатьох говірках. До того ж це не хаотична просторова поведінка даного процесу, а виразно окреслена ареальна тенденція –

російсько-білоруський континуум. Комплексний розгляд семантично і структурно пов'язаних елементів (як репрезентантів пар сем 'мисливець' і 'мисливство', 'рубає' і 'лісоруб') спонукає до наступного – пояснення причин та умов збереження (в одних говірках) чи руйнування (в інших діалектах) корелятивних ланцюжків. Водночас зони руйнування структурно мотивованих ланцюжків можемо, гіпотетично, оцінювати як *редуктивний ареал* – втрачений сегмент давнішого поширення деривата, або як *ареал експансії* однієї лексеми на зону поширення іншої лексеми, що переводить студію в контекст *ареальної реконструкції*.

Отже, деривація у діалектах, маючи специфічні риси порівняно з деривацією в літературній мові, зберігає значний евристичний потенціал як для опису конкретних фактів словотворення, так і з'ясування закономірностей творення нових одиниць мови, – процесу, який має складну психолінгвальну основу, має у діалектному континуумі варіативний набір зумовленостей. Останнє відкриває можливості виявлення різних напрямів категоризації пізнаваного світу засобами словотворення, з'ясування типів кореляції між внутрішньомовними (дериваційними) моделями і культурними феноменами.

Складний за своєю будовою і варіативний за іманентною сутністю діалектний простір дає до рук дослідникові різноманітність морфемного членування того самого деривата у різних ареалах, неоднаковість словотвірних типів, що значною мірою виявляється завдяки строгій методиці опрацювання матеріалів для лінгвістичного картографування.

Аналіз словотворення у просторовій парадигмі, зберігаючи увагу до визначення ареалів як проблеми традиційної й невичерпної (просторова поведінка окремих дериватів, афіксів з їхніми функціональними характеристиками, моделей творення слів та ін.) та ізоглосування [4], відкриває можливості нової інтерпретації фактів і процесів у ділянці деривації, спонукає до формулювання нових дослідницьких завдань; зазначимо, що на поглиблення інтерпретації результатів картографування, зокрема, в *Загальнослов'янському лінгвістичному атласі*, спрямовано низку спеціальних студій [3; 8; 11; 16; 17].

Водночас є самоочевидним, що лінгвогеографічний метод для вичерпного вивчення словотворення не є достатнім: карта як одномоментний зріз просторової інформації про відносно обмежене коло репрезентантів спонукає до розширення інформації про горизонтальну просторову парадигму свідченнями про функціональні особливості та діахронію кожного із зафіксованих фактів і / чи процесів словотворення.

Джерела

АУМ – Атлас української мови. – Т.1-3. – К., 1984-2001.

ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. – Вып. 8. Профессии и общественная жизнь. – Warszawa, 2003.

Література

1. Аркушин Г.Л. Іменний словотвір західнополіського говору. – Луцьк, 2004.

2. Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии: На материале диалектов французского языка. – М.: Л., 1966.
3. Вендина Т.И. Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). – М., 2009.
4. Гриценко П.Е. Изоглоссирование как прием исследования восточнославянского континуума // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. – М., 2009. – С. 61-64.
5. Гриценко П.Ю. Ареальные варіювання лексики. – К., 1990.
6. Гриценко П. Діалектна межа як ідеологема лінгвістичної географії // *Słowa jak mosty nad wiekami*. – Białystok, 2003. – S. 155-175
7. Закревська Я.В. Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті. – К., 1976.
8. Матэрыялы Агульнаславянскага лінгвістычнага атласа. Раслінны свет / Рэд. В.П.Русак – Мн., 2009.
9. Шевельов Ю. Исторична фонологія української мови / Пер. С. Вакуленка, А. Даниленка. – Х., 2002.
10. Falińska B., Kowalska A. Polsko-białoruskie i polsko-ukraińskie związki leksykalno-słotwórcze // *Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo*. – Warszawa, 1983. – S. 91-100.
11. Falińska B. Leksyka dotycząca hodowli na mapach Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego. – T. 1-2. – Białystok, 2001.
12. Falińska B. Problematyka słotwórcza w kartografii lingwistycznej // *Studia Dialektologiczne.I* / Red. B. Dunaj, J. Reichan. – Kraków, 1996. – S. 177-183.
13. Kowalska A. *Studia nad dialektem mazowieckim*. – Warszawa, 2001.
14. Pomianowska W. Klasyfikacja rzeczowników odrzeczownikowych. Studium ze słotwórstwa i geografii lingwistycznej. – Wrocław, 1963.
15. Sajewicz M. Derywacja sufiksalna osobowych nazw subiektów w nadnarwiańskich gwarach białoruskich Białostoczczyzny. *Deverbativa deadiectiva*. – Lublin, 2002.
16. Siatkowski J. Słowiańskie nazwy wykonawców zawodów w historii i dialektach. – Warszawa, 2005.
17. Siatkowski J. *Studia nad wpływami obcymi w Ogólnosłowiańskim atlasie językowym*. – Warszawa, 2004.

Pavlo U. Hrytsenko

LINGUISTIC MAPPING AND DERIVATIONAL PROBLEMS

The creation of linguistic maps and atlases in the 19th - early 20th cc. has had a deep impact on the development of linguistics. Progress in linguistic mapping much expanded the scope of linguistic data and generated new means of analysing the structure and the origin of linguistic phenomena. From the 60s in the 19th c. onward, derivational evidence has been employed in the delimitation of dialects and in the formulation of typological traits pertaining both to dialects and dialectal languages. The latter has been practiced especially extensively in the Slavic Linguistic Atlas.

Василь В. Грещук
(Прикарпатський національний університет
ім. Василя Стефаника, Івано-Франківськ, Україна)

КУЛЬТУРА ТРАДИЦІЙНОГО ГІРСЬКОГО ПАСТУХУВАННЯ В УКРАЇНСЬКОМУ ДІАЛЕКТНОМУ СЛОВОТВОРЕННІ

Природно-географічні умови проживання в українських Карпатах зумовили розвиток відгінного полонинського пастухування, яке тривалий час становило основу господарської діяльності горян. Випасання худоби, передовсім овець, на гірських пасовищах – полонинах, переробка молока на продукти харчування тривалого зберігання, інша господарська діяльність, пов'язана з вирощуванням худоби в гірських умовах витворили своєрідну культуру гірського пастухування. З огляду на невивадковість іменування в культурі [Степанов 2004: 67] важливо з'ясувати, якою мірою і в який спосіб ця культура відбита в українському діалектному, передовсім гуцульському, словотворенні. Правомірність такої постановки проблеми ґрунтується також на постулаті, відповідно до якого „мова є не тільки засобом, за допомогою якого ми отримуємо більшу частину відомостей про культуру і пізнавальні процеси, але – згідно з деякими теоріями – й основним чинником, який визначає наші мисленнєві процеси” [Коул, Скрибнер 1977: 54].

Особлива роль щодо репрезентування компонентів культури належить лексиці, оскільки вона забезпечує номінативну функцію мови. Похідні слова як номінативні одиниці не тільки репрезентують у мовній формі складники культури, а й завдяки вираженості словотвірної мотивованості, виразності їх внутрішньої форми фіксують процес формування й усвідомлення явищ культури. „Поява нової назви в мові свідчить про завершення пізнавального процесу: якась сторона об'єктивної дійсності стала суб'єктивно сприйнятою, перетворилася в елемент знання як творчої взаємодії суб'єкта й об'єкта” [Русанівський 1988: 8]. Ця засаднича властивість словотвірно мотивованих слів дає змогу відслідкувати й визначити актуальні для певної культури феномени, їх мовні вияви, специфіку словотворення як своєрідного фіксатора визначальних ознак культури.

Перед тим, як перейти до аналізу конкретного матеріалу, необхідно зупинитись також на тому, який зміст ми вкладаємо в поняття „культура традиційного гуцульського пастухування”. Річ у тому, що визначення поняття „культура” у культурології, мистецтвознавстві, інших наукових галузях, які вивчають явища культури, як і в загальномовному потрактуванні в тлумачних словниках, відзначається неоднорідністю, суперечливим характером, плутаниною. Не вдаючись тут до розгляду різних дефініцій культури (надалі у цій доповіді поняття „культура” вживається зі значенням ‘розведення, вирощування якої-небудь рослини або тварини; культивування’, яке загальномовні тлумачні словники подають і маркують як спеціальне) [див.: Словник 1973: 397], зазначимо, що будь-яке визначення культури завжди співвідносне з певним соціумом, у якому виявляються культурно значущі смисли. В іншому суспільному об'єднанні ці смисли

можуть бути відсутні, не затребувані. Водночас порівняння дослідження мовних репрезентувань певної культури в різних соціумах дає змогу з'ясувати своєрідність відображення певної культури в порівнюваних суспільних середовищах. З цього погляду видається конструктивним аналіз вербалізованих компонентів культури відгінного гірського пастухування горян українських Карпат, які в суспільній комунікації послуговуються гуцульським діалектом, на тлі відбиття цієї культури в українській літературній мові. Окреслений ракурс розгляду проблеми зумовив специфічний підхід до даних гуцульського діалектного словотворення в ділянці похідної лексики гірського пастухування. Вони розглядаються як своєрідні маркери, які дають змогу виявити домінантні ознаки культури традиційного гірського пастухування. Мотиваційні ознаки гуцульських діалектних дериватів, пов'язаних із відгінним гірським пастухуванням, розглядаються як такі, які в мисленнєво-номінативних актах зумовлені їх біологічною, суспільною або культурною значущістю у свідомості носіїв гуцульського діалекту, а тому уможливають виявлення прихованих смислів мови культури пастухування.

Культура традиційного гірського пастухування значною мірою зафіксована в похідних словах, які як номінативні одиниці номінують реалії культивування гірського скотарства, зокрема тварин, яких випасають на полонинах, осіб, які випасають худобу і переробляють молочні продукти, приміщень, споруд, місць, пов'язаних із проживанням пастухів та утримуванням і випасанням худоби, продуктів переробки молока, посудин для їх зберігання, мір, застосовуваних у розрахунках, хвороб тварин, складників пастушого календарного циклу та ін. Характерно, що більшість таких номінацій є похідними словами з прозорою словотвірною мотивацією, здебільшого суфіксальними дериватами. Із загальної кількості номенів, у яких відбита культура відгінного гірського пастухування, – 65 % похідні слова [Ястремська 2008: 212]. Ці слова, відбиваючи важливі ознаки полонинського господарювання на Гуцульщині, стали культурно значущими маркерами відгінного гірського пастухування. Невипадково етнографічні описи господарської діяльності і матеріальної культури гуцулів містять значну кількість таких дериватів, за допомогою яких у цих описах репрезентовано культуру традиційного гуцульського пастухування, пор.: *дробета, вівчар, слочер, коровар, воляр, козар, стадар, конюхар, заватра, застайка, згар, загонільник, неварка, гусянка, вістар, сонічливець, бриндзити, бриндзянка, зимарка, мазанка, смолянка та ін.* [Гуцульщина 1987: 100-108].

Словотвірна система гуцульського діалекту значною мірою задовольняє суспільні потреби в номінуванні онтологічних сегментів, важливих, значущих у культурі відгінного гірського пастухування, і індивідуальних у літературномовному просторі. На підтвердження цієї думки розглянемо словотворчу продуктивність назв пір року – *весна, літо, осінь, зима* – в українській літературній мові та в гуцульському діалекті. Важливість пір року в життєдіяльності українця зумовила такі структури словотвірних парадигм цієї групи твірних слів, пор.:

веснівка	літник	осінщина	зимівля
веснянка	літечко		зимовик
веснянки			зимівник

			ЗИМОВИЩЕ
			ЗИМІВНИК
			ЗИМОВНИК
			ЗИМНИЦЯ
			ЗИМОНЬКА
весняний	літній	осінній	зимний
			зимній
			зимовий
весніти			
веснувати	літувати	осенувати	зимувати
весною	літом	восени	зимою

Носії гуцульського діалекту у спілкуванні теж використовують ці деривати, зазвичай у фонетично видозміненій формі, за винятком *весніти*, *літник*, *осіниця*, *зимниця*, *зимовик*, *зимовище*. Водночас кожна з пір року у відгінному гірському пастухуванні по-своєму важлива, з цим пов'язані циклічність у традиційному скотарстві, яка детермінує формування й структурування компонентів цієї культури. Зазначена обставина спричинила значну словотворчу активність кожного із вказаних твірних слів у гуцульському діалекті, вона помітно більша, ніж у літературній мові. Так, словотвірна парадигма іменника *весна* містить ще низку дериватів, властивих гуцульському діалектному пастушому дискурсу і не характерних для літературної мови, зокрема *весна́рка* 1) 'весняний випас на полонинах', 2) 'приміщення чи загін для худоби, який використовують під час весняного випасу худоби', 3) 'сир, який давали тим, хто допомагав виганяти навесні овець на полонину або робити кошари'¹; *весна́рь* 'вівчар, який випасає навесні'; *весно́вище* 'отара овець, яку випасають на полонинах навесні'; *весно́ля* 'корова, яка народилася навесні'; *веснянік* 'невеликий казан, який навесні пастухи використовують на полонині'; *веснува́ти* 1) 'випасати худобу на полонинах навесні', 2) 'випасатися на полонинах навесні'; пор. також *весно́вання* 'весняний випас на полонинах'.

Гуцульський діалектний словотвір у сфері вербалізації компонентів культури традиційного гірського пастухування поповнив українську загальнонаціональну (не літературномовну) систему словотвору низкою похідних слів із ономасіологічною ознакою „літо”, не відомих українській літературній мові чи іншим говорами, такими, як *літо́вище* 1) 'літний випас худоби на полонинах', 2) 'отара овець, яку випасають улітку на полонинах', 3) 'місце літнього випасу худоби; літнє пасовище в горах'; *літнина* 'оплата вівчаря за випас худоби улітку'; *літнівка* 'загін для худоби, який використовують під час літнього полонинського випасу худоби'; *літна́рька* 'те саме, що *літнівка*'; *літняник* 'казан, який улітку пастухи використовують на полонині'; *літнянка* 'бринза, виготовлена влітку'; *літо́вання* 'літній

¹ Тут і далі полісемію дериватів ми розглядаємо як наслідок повторних, незалежних одна від одної, деривацій від єдиної твірної основи з однаковим словотворчим формантом [див.: Дорошевський 1973: 235; Ермакова 1982]. Самі деривати, як і їх семантичні характеристики, подано за [Ястремська 2008; Грицак 2008].

випас худоби на полонинах'; *літ'овище* 1) 'те саме, що літовання', 2) 'отара овець, яку випасають улітку на полонинах', 3) 'місце літнього випасу худоби; літнє пасовище в горах'; *літу́ка* 'колиба для пастухів під час літнього полонинського випасу худоби'; *літува́ти* 1) 'випасати худобу на полонинах улітку', 2) 'випасатися на полонинах улітку (про худобу)'.

Специфічними в ділянці пастушої лексики для гуцульського діалектного словотвору є низка дериватів із кореневою морфемою *осін-/осен-*: *осенáрька* 'приміщення чи загін для худоби, який використовують під час осіннього випасу худоби'; *осенівка* 1) 'гуртовий осінній випас худоби після повернення з полонин', 2) 'отара овець, яку випасають восени', 3) 'приміщення чи загін для худоби'; *осен'овання* 'те саме, що *осенівка* 1'; *осен'овище* 1) 'те саме, що *осенівка* 1', 2) рідко 'те саме, що *осенівка* 2'; *осінка* 'вівця, яка дає молоко до пізньої осені'; *осінянка* 'бринза, виготовлена восени'; *осені́ти, осенува́ти* 1) 'випасати худобу на полонинах восени', 2) 'випасатися на полонинах восени (про худобу)'.

Не менш важливою в культурі традиційного гірського пастухування є й зима, свідченням чого є наявність похідних слів із *зим-*, функціонування яких обмежено ареалом гуцульського або і суміжних з ним карпатських говорів, зокрема *зимáрка* 'приміщення для з утримування худоби (перев. овець) узимку (на полонині)'; *зимівка* 'те саме, що *зимáрка*'; *зимівнік* 'те саме, що *зимарка*'; *зимівщина* 'оплата за зимування овець'; *зиму́ка* рідк. 'приміщення для перебування пастухів узимку'; *зим'ованя* 'утримання та годування худоби взимку'; *озімківка* 1) 'однорічна телиця', 2) 'теля, ягня, народженне взимку'; *на́зимок* 1) 'однорічне теля', 2) 'корова за два місяці до отелення'; *зимува́ти* 'доглядати, годувати овець взимку'.

Отже, гуцульський діалектний словотвір, поряд з іншими мовними засобами, фіксує найрізноманітніші вербалізовані онтологічні сегменти пастухування в похідних словах із прозорою внутрішньою формою, яка дає змогу встановити визначальні домінанти культури традиційного гірського пастухування. Кількісно багате, розгалужене словотвірне гніздо є свідченням важливості реалії, лінгвалізованої вершинним словом гнізда, для культури пастухування, пор., крім уже наведених, ще деривати від іменника *ватра* – *ватра́к* 1) 'помічник у колибі пастухів, який підтримує вогонь (ватру), варить їсти, заготовляє дрова, носить воду, миє посуд та стежить за порядком на полонинах', 2) 'частина стаї, де пастухи їдять і варять сир', 3) 'мала колиба', 4) 'палиця, якою підгортають вогонь (ватру)', 5) 'місце, де розкладають вогонь (ватру) на гірському пасовищі (під дашком)'; *ват'єрник* 'те саме, що *ватрак* 1', 2) 'те саме, що *ватрак* 2', 3) 'те саме, що *ватрак* 5', 4) 'те саме, що *ватрак* 4'; *ватра́ль* 'те саме, що *ватрак* 4'; *ватра́ч* 'те саме, що *ватрак* 4'; *ва́трище* 1) *згруб.* до ватра', 2) 'місце, де було вогнище (ватра) на гірському пасовищі'; *ватрові́на* 'оплата за використане на полонині паливо'; *ва́те́рка* 1) 'зм.-пест. до *ватра*', 2) 'місце для розпалювання вогнища (ватри) в постійній будівлі на гірському пасовищі'. Знаковою для культури гірського пастухування є лексема *пасту*, її дериваційна спроможність у гуцульському діалекті теж помітно вища, ніж у літературній мові, пор., крім загальноновживаних *пастух, пасовище, пасовисько*, ще такі: *паство́* 1) 'велика рогата худоба', 2) 'худоба'; *пасте́р'чка* 'пастушка'; *пасті́рь* 1) 'пастух (загальна назва)', 2) 'пастух овець; вівчар', 3) 'пастух великої рогатої худоби', 4) 'пастух, який випасає одну корову',

5) 'дояр'; *пасті́рка* 'приміщення для пастухів на полонині; колиба'; *пастівні́к* 1) 'обгороджене пасовище біля хати' 2) *рі́дк.* 'пасовище в лісі', 3) 'загін чи приміщення для хворих овець на полонині', 4) 'загін для худоби'; *пасло́* 'місце випасання худоби'; *пасові́на* 1) 'те саме, що пасло', 2) 'оплата за весняне випасання овець'; *пасті́вщина* 'оплата пастухам'; *пасту́щина* 'те саме, що пастівщина'; *па́ша* 1) 'пасовище, місце випасання худоби', 2) 'пасовище в горах; полонина', 3) 'невисока густа трава, придатна для випасання худоби; корм; трава'; *попаса́ти* 'пастися на ходу, по дорозі на полонину (про худобу)'; *по́пас* 1) 'годування худоби дорогою на полонину', 2) 'місце дорогою на полонину, де зупиняються, щоб відпочити і підгодувати овець'. Такими знаковими для культури відгінного гірського пастухування є твірні слова *міра, ряд, гонити, молоко, вівця, баран, бриндзя, терх, полонина* та ін. Значущість цих слів у культурі пастухування підтверджують також стійкі словосполучення з ними, напр.: *жива вода, ватру класти, живу ватру запускати, живої ватри крутити, живу ватру натерти; велика міра, вісна міра, літна міра, мала міра, молочна міра, доїти на міру; вибирати ряди, виганяти ряди, видавати ряди, відбирати ряди, віддавати ряди, вісний ряд, літній ряд, осінній ряд, забирати ряди; курнутий баран, товканий баран, шутий баран, яловий баран; вівця сі крутит, водява вівця, дійна вівця, домашна вівця, корнута вівця, молода вівця, мішати овець, мотилічна вівця, передова вівця, полонинські вівці, рогата вівця, хрома вівця, чула вівця, шута вівця; бити бриндзю, бриндзити бриндзю, крутити бриндзю, літна бриндза, прятати бриндзю і т.д.*

Гуцульський діалектний словотвір забезпечує диференціацію об'єктів номінації за ознаками, значущими для культури відгінного гірського пастухування. Показовими з цього погляду є, наприклад, похідні іменники для найменування вівці. За ознакою якості вовни вівці серед гуцульських діалектних дериватів засвідчено номінації *во́вня́нка, вовна́ня, вовнистя́нка* 'вівця з чорною, густою вовною'; *волосі́стка* 'вівця з гарною, густою вовною'; *кострюба́ня, кушля́ня знев.* 'вівця зі скуйовдженою, сплутаною вовною'; *парші́вка* 'те саме, що рідкововниця'; *штимі́ня* 'вівця з короткою вовною' (пор. гуц. *штим* 'коротка вовна'); *бирьку́нка* 'вівця з кучерявою м'якою вовною'; *бундза́ня* 'вівця з довгою вовною'. Для стриженої вівці в гуцульському діалекті є такі похідні слова, як *стри́жка, безво́вни́ця, голана́, лупе́нь. Го́лиця* – це вівця, в якої облізла шерсть.

У культурі традиційного гірського пастухування поважне місце посідає окот. За цією ознакою у гуцульській словотвірній номінації зафіксовано такі найменування вівці: *баба́на знев.* 'стара вівця, яка не дає приплоду'; *молоді́чка* 'вівця, яка окотилася вдруге'; *не́літка* 1) 'вівця, яка окотилася на першому році життя', 2) 'вівця, яка окотилася вперше', 3) 'вівця, яка вперше окотилася на другому році життя'; *нечасу́нка* 'те саме, що *нелітка* 1'; *пе́рвістка* 'вівця, яка окотилася вперше'; *перші́нка, першу́нка* 'те саме, що *первістка*'; *перехідни́ця* 'вівця, яка не може доносити ягняти'; *перехі́тка* 'вівця, яка рік не народжувала ягнят'; *тройни́ця* 'ягня-самиця із трійнят'; *тройня́* 'ягнята-трійнята'; *тройня́чка* 'вівця, яка народила ягнят-трійнят'; *тритья́чка* 'те саме, що *тройнячка*'; *часу́нка* 'те саме, що *нелітка*'; *ягня́чка* 'вівця, яка окотилася'; *ялі́вка* 'вівця, яка не дає приплоду'; *ялови́ця, яло́ха, ялове́та знев.* 'те саме, що ялівка'; *близня́чка, близню́чка* 'вівця, яка народила ягнят-близнят', 2) 'ягня-самиця із близнят'; *близни́ця* 'те саме, що *близнячка 2*'; *оди́начка* 'вівця, яка народила одне ягня'.

У культивуванні вівчарства важливо, чи дає вівця молока і скільки. За цією ознакою гуцульський діалектний словотвір відреагував дериватами *дійка* ‘дійна вівця’; *моло́чанка, молочниця* ‘вівця, яка дає багато молока’; *слабіндя, цяплівка* ‘вівця, яка дає небагато молока’; *осінка* ‘вівця, яка дає молоко до пізньої осені’; *ялівка* ‘молода вівця, яка не дає молока’; *загореня́к* ‘вівця із хворим вименем, яка не дає молока’; *тридеці́вка* ‘вівця, яка дає на міру 300 г молока’; *чотиридеці́вка* ‘вівця, яка дає на міру 400 г молока’; *півлі́трівка* ‘вівця, яка дає на міру 500 г молока’; *шістьдеці́вка* ‘вівця, яка дає на міру 600 г молока’; *ші́ївка* ‘вівця, яка дає на міру 700 г молока’; *вісімдеці́вка* ‘вівця, яка дає на міру 800 г молока’; *дев’ятьдеці́вка* ‘вівця, яка дає на міру 900 г молока’; *лі́трівка* ‘вівця, яка дає 1 л молока на міру’.

Низка гуцульських діалектних дериватів позначають вівцю за якоюсь характерною для неї зовнішньою ознакою, зокрема за наявністю чи відсутністю рогів, рога (формою рогів), – *ріга́к* ‘рогатий баран’; *рі́жку́лька* ‘вівця із закрученими рогами’; *рога́ня* 1) ‘рогата вівця’, 2) ‘вівця з великими рогами’; *рога́та ім.* ‘те саме, що *рога́ня* 1’, 2) ‘вівця із закрученими рогами’; *безро́га* ‘вівця зі зламаним рогом’; *однорі́жка* ‘те саме, що *безрога*’; *шу́та ім.* 1) ‘безрога вівця’, 2) ‘вівця зі зламаним рогом’, 3) ‘вівця з малими рогами’ (пор. прикметник *шутий*); *щеборо́га, одноро́га ім., щебу́ришка* ‘вівця зі зламаним рогом’; *кльо́корога ім.* ‘вівця із клюкастими рогами’; *ко́лочкоро́га* ‘вівця із закрученими рогами’; *коса́рька* ‘вівця з рогами у формі коси’.

За зовнішньою ознакою інших органів вівці у гуцульському діалекті функціонують деривати *дійка́ня* ‘вівця з великими дійками’; *икра́ня* ‘вівця, яка має велике вим’я, але дає мало молока’ (пор. гуц. *ікра* ‘вим’я’); *меринда́ня* ‘вівця, з великим вименем’ (пор. гуц. *меринда* ‘вим’я’); *келюха́ня* ‘вівця з великим животом’ (пор. гуц. *келюх* ‘живіт’); *голове́ша* ‘вівця з великою головою’; *сліпу́ха* ‘сліпа вівця’; *клапа́вка* ‘вівця з великими вухами’; *плоска́ня* ‘вівця з плоским животом’; *куца́ня* ‘вівця з малим хвостом’; *чуба́ня* ‘вівця з чубом’; *лаба́ня* ‘вівця з великими ногами’; *фоста́ня* ‘вівця з великим хвостом’; *ока́ня* ‘вівця з великими очима’; *чу́лка* ‘вівця з малими вухами’ (пор. гуц. *чу́лий* ‘який має малі вуха’); *хрі́мка, хрома́к, хрома́ня, хрому́ля* ‘кульгава вівця’; *ребрюга́ня* ‘дуже худя вівця’; *шкіря́тянка знев.* ‘худя вівця’.

Словотвірно маркованими в культурі гірського пастухування для вівці став її вік та час народження, пор.: *дроб’е́* ‘маля вівці незалежно від роду’; *двогоди́ак* ‘дворічний баран’; *лунча́к* ‘старий баран’ (три-чотири-, п’ятирічний) (пор. гуц. *лунчина* ‘будь-що минулорічне (сіно, сало, бринза)’); *три́тяк* ‘трирічний баран’; *четверта́к* ‘чотирирічний баран’; *ягни́ця* 1) ‘вівця від ½ до 1 року; молода вівця, яка ще не дозріла до парування’, 2) ‘ягня-самиця до ½ року’; *марчу́к* ‘баран, народжений у березні’.

Серед словотвірних номінацій вівці у гуцульському діалекті виділяється група дериватів, ономазіологічна ознака яких пов’язана з фізіологічним чи хворобливим станом тварини та її характером: *біго́ля* ‘вівця в період парування’; *гоні́ця* ‘те саме, що *біголя*’; *задрі́станка* ‘вівця, яка має дриславку’; *мотили́чняк* ‘вівця, хвора на мотилицю’; *прохі́дниця* ‘вівця, яка швидко ходить в отарі’; *проходи́ак* ‘те саме, що *прохідниця*’; *ку́санка* ‘вівця, яку вкусила змія’; *здохла́к, здохлі́ця знев.* ‘квола вівця’; *напу́да* ‘ляклива вівця’; *пі́рскавка* ‘норовиста вівця’; *флу́диця* ‘агресивна вівця’ (пор. гуц. *флуд* ‘вовк’); *ліні́вець* ‘лінива вівця’; *сама́ня* ‘вівця, яка не любить ходити в отарі’.

Диференціальними ознаками для вівці у культурі відгінного гірського пастухування за даними гуцульського діалектного словотвору є також її місце в отарі – *передняк*, *передово́жа* ‘вівця, місце якої спереду отари’; *задняк* ‘вівця, місце якої позаду отари’; *крила́ня*, *крила́нка* ‘вівця, місце якої в боковій частині отари’ (пор. гуц. *крило* ‘бічна частина отари’), а також місце випасання – *домáря*, *домáрька* ‘вівця, яка влітку пасеться в селі’; *полони́нка* ‘вівця, яка влітку пасеться на полонині’.

Отже, сегмент культури відгінного гірського пастухування „вівця”, один із основних культуротворчих чинників, досить повно заманіфестовано в гуцульському діалектному словотворі. Він разом з іншими сегментами зазначеної культури, відбитими в гуцульському діалектному пастушому словотворі та в інших мовних культурорепрезентативних одиницях, відтворює багатство та розмаїття культури традиційного гірського пастухування.

Природно-географічні умови замешкання народів, які живуть у Карпатах, спосіб життя, постійні контакти та взаємовпливи впродовж багатовікового співжиття з сусідніми етносами спричинили чимало спільного в матеріальній і духовній культурі горян. Цей полілог культур позначився на номінативних системах мов і діалектів. Дослідник взаємодії мов і діалектів регіону Карпат А. М. Рот зазначив: „Польові дослідження і аналіз зібраного матеріалу дали змогу нам встановити 674 картпатизми на лексичному рівні досліджуваних мов і діалектів, що є результатом мовної інтерференції багатолатеральних контактів мов і діалектів Карпатського ареалу. Вони охоплюють різноманітні мікросемантичні структури і ряди найменувань” [Рот 1973: 191]. На гуцульську діалектну лексико-семантичну систему в частині номінацій гірського пастухування найбільший вплив мала румунська мова – майже половина чужомовних запозичень: назви молокопродуктів (*бриндза*, *вурда*, *будз*, *глет*), посуду (*бербениця*, *теле́та*), приміщень (*ко́либа*, *стру́нта*), пастухів (*вака́р*, *бовга́р*, *вата́г*), їх атрибутів (*тайстра*, *флоє́ра*); більше, ніж кожна п’ята номінація, запозичена з угорської мови (*марга*, *терх*), кожна десята – з тюркських (*това́р*, *ота́ра*), слів’янських (*бача*, *мразни́ця*) мов [Ястремська 2008: 214-215].

Такі номінації, позначаючи знакові реалії для культури полонинського тваринництва, органічно укорінюються в гуцульському діалектному лексиконі, частина з яких за його посередництва інкорпорується і в загальнонаціональний мовний простір, напр.: *ватра*, *бринза*, *трембі́та*, *бануш* тощо. Більшість із запозичених лексем формують свої словотвірні-семантичні поля в межах гуцульського словотворення. Так, румунізм *бербени́ця* стає твірним для дериватів *бербенича́рь* ‘ремісник, який виготовляє бербениці’; *бербени́чка*, *бербе́ня* ‘зменш. до *бербениця*’; *бербени́чник* ‘канат, яким бербениці прив’язують до коня’; *бербени́чнота* зб. ‘бочки, бербениці, які використовуються у полонинському господарстві’. Від іншого румунського запозиченого слова – *бриндзя* – утворено похідні *бриндзя́ник* 1) ‘майстер, який виготовляє бринзу’, 2) *заст.* ‘камінь, яким притискають бринзу’, 3) *заст.* ‘мішок, у якому носять бринзу’; *бриндза́рня* 1) *заст.* ‘дерев’яне корито, у якому роблять бринзу’, 2) *рідк.* ‘приміщення на полонині, де варять сир’; *бриндзі́вка* ‘дерев’яна посудина для зберігання бринзи’; *бріндзя́нка* ‘дерев’яна посудина, бочка для зберігання бринзи, яка вміщує 12-14 міртуків’; *бріндзити*, *бриндзюва́ти* ‘виготовляти бринзу’. Від угорського за походженням слова *терх* в

гуцульському словотворенні засвідчено похідні найменування особи, яка перевозить із полонини в село молокопродукти, а із села на полонину, – сіль, борошно, посуд, зокрема *терхár*, *терхáчь*, *тёръшник* та посудини для перевезення молокопродуктів із полонини в село і мір ваги (бринзи, молока), що дорівнює 30-32 кг., двом бербеницям (по 16 кг. кожна), яку везуть верхи на коні – *терхівка*. Від нього утворено й гуцульське діалектне слово *тёрхати* ‘вантажити (на коня)’.

Запозичення з інших мов не тільки фіксують взаємодію культур і її вектор, а й слугують джерелом словотвірної лінгвалізації певних компонентів культури. Варто зауважити, що гуцульський діалектний словотвір часто породжує паралельні варіантні словотвірні номінації до запозичених питомих дериваційних компонентів. Так, поряд із румунізмом *дзер* ‘сироватка’ в гуцульському словотворі маємо деривати із прозорою словотвірною мотивацією *відварок*, *звárниця*, *нёварок*, *квасніна*, *квасніця*. Подібні гуцульські діалектні словотвірні номінації засвідчено до *коліба* (*пастірька*), *бóвгár* (*коровар*, *волар*), *вáлах* (*товкáльник*, *товкáч*), *ботéй* (*згін*), *байтáрити* (*вівчарити*), *тавляк* (*здохляк*), *дежма* (*дат*), *гляг* (*вівчáник*, *телячка*), *кошáра* (*загорóда*), *мотиліця* (*вертячка*), *табзúk* (*назимок*), *итіря* (*ялівка*) та ін.

Цінну інформацію про культуру традиційного гірського пастухування заховує словотвірна мотивація тих дериватів, які виявились актуальними для цієї культури, але не актуалізована в загальномовному просторі. Ці мотивації є свідченням важливості й актуальності номінованого сегмента позамовної дійсності в культурі гірського відгінного пастухування. Так, випасання овець – один із найважливіших компонентів культури пастухування. Тут важливо все, навіть час, в який пасуться вівці, – до обіду чи після обіду. Основним, важливішим є дообідній час. Тому в цей час вівці пасе головний пастух, а після обіду – його помічник. Ця особливість добре відбита в гуцульському діалектному словотворенні, зокрема в таких дериватах, як *дополуднáрь*, *старший ім.* ‘пастух, який випасає овець до обіду’ та *відполуднáрь*, *підстарший ім.* ‘пастух, який випасає овець після обіду’. Багато такої культурно значущої для гірського пастухування інформації, відбитої в гуцульському діалектному словотворі, містить монографія Тетяни Ястремської [Ястремська 2008].

Таким чином, гуцульський діалектний словотвір у різних своїх виявах заховує важливу інформацію про культуру відгінного гірського пастухування. Похідні слова в ділянці гуцульської пастушої лексики становлять майже дві третини усіх номенів. Феномен їх словотвірної мотивованості, прозора внутрішня форма, як і дериваційна спроможність багатьох твірних, їх властивість фіксувати процеси формування явищ культури і ставати їх мовними маркерами та дискретно репрезентувати компоненти концептів культури гірського пастухування, – все це є свідченням того, що діалектний словотвір відіграє важливу роль у відображенні культури і її осягненні.

Література

1. Грицак М. Скарби гуцульського говору: Росішка (вівчарство у текстах). – Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008.
2. Гуцульщина: Історико-етнографічне дослідження / Відп. ред. Ю.Г.Гошко. – Київ: Наук. думка, 1987.
3. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – М.: Наука, 1973.

4. Ермакова О. П. Вторичная номинация в семантической структуре многозначных производных слов // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 109-123.
5. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление: Психологический очерк. – М.: Прогресс, 1977.
6. Рот А. М. Особенности многосторонних константов языков и диалектов Карпатского ареала и вопросы ареальной структурной типологии // Культура і побут населення українських Карпат: Матер. респуб. наук. конф. – Ужгород, 1973. – С. 189-194.
7. Русанівський В. М. Структура лексичної і граматичної семантики. – К.: Наук. думка, 1988.
8. Словник української мови: в 11-ти тт. – К.: Наук. думка, 1973. – Т. IV.
9. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академ. проект, 2004.
10. Ястремська Т. Традиційне гуцульське пастухування. – Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008.

Vasyl' V. Greshchuk

TRADITIONAL MOUNTAIN PASTURING CULTURE IN THE UKRAINIAN DIALECT WORD-FORMATION

The reflection of traditional mountain herding culture in Guzul dialectal word formation is ascertained in the article. Motivational features of Guzul dialectal derivatives, connected with mountain herding, are regarded as such that in mentally-nominative acts are caused by their biological, social or cultural signification in dialect speakers consciousness. Word formation units are also analyzed from the perspective of cross cultural contacts.

Анатолій П. Загнітко

(Донецький національний університет, Донецьк, Україна)

СТРУКТУРНА І ФУНКЦІЙНА ТИПОЛОГІЯ СИНТАКСИЧНОЇ ДЕРИВАЦІЇ

Сучасна лінгвістика має низку найсуттєвіших вимог щодо того чи іншого мовознавчого опису або дослідження: комплексність, багатоаспектність, різнобічність, врахування складної і суперечливої взаємодії власне-мовних і позамовних чинників та їхнього впливу на постання і функціонування мовної одиниці, застосування до власне-лінгвістичного аналізу закономірностей суміжних з лінгвістикою наук, простеження вияву універсалій, встановлення особливостей інноваційних процесів тощо. Різноманітні процеси в мові постали в центрі уваги багатьох студій [Гловинская 2000: 237-304; Степанов 1995: 7-34; Валгина 2001; Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008]. XX століття знаменувало послідовну видозміну наукових парадигм, концептуальний системно-структурний розгляд мови з усе чіткішим виявом антропоцентричних постулатів та актуалізацією функційно-комунікативних, функційно-когнітивних і синергетичних підходів. Уже ні в кого не викликає сумнівів мотивованість та аргументованість вирізнення словотвірного ярусу як окремого з відповідним категорійно-поняттєвим апаратом (категорії, одиниці, форми, відношення і под.). Теоретичні підходи до аналізу творення слів уможливили розмежування синхронного і діахронного словотвору, вияв і простеження новітніх тенденцій у словотворі. Водночас концептуальне осмислення особливостей творення і перетворення будь-яких мовних одиниць уможливило послідовне розмежування вузького і широкого розуміння деривації, в одній з площин якої досліджують словотворення (пор. вельми своєрідне виділення дериваційного словотвору або словотвірної дериватології (В. Горпинич)), а широкий підхід уможлиблює розгляд умов і встановлення шляхів, напрямів і засобів будь-яких мовних одиниць з простеженням тих чи інших твірних і похідних величин. Останнє дозволяє говорити про дериваційну систему мови в широкому сенсі (пор. погляди В. Грещука, Є. Карпіловської, Н. Клименко, Ж. Колоїз та ін.) та дериваційну систему у вузькому сенсі, поряд з лексичною, морфологічною, синтаксичною системами.

Загалом “деривацію” (лат. *derivatio* – відокремлення, утворення) витлумачують і як похідність одного мовного елемента від іншого, і як процес утворення похідної одиниці – слова, словосполучення, речення. У тих чи тих спеціальних класичних мовознавчих студіях наголошувало на останньому вимірі поняття, що дозволяє деривацію прирівнювати до словотворення [Кубрякова, Панкрац 1990: 129].

На первинних етапах становлення інколи деривацію ототожнювали з етимологією (свого часу і морфологія витлумачувалась як етимологія (І. Нечуй-Левицький та ін.)). Не менш суттєвим постає і дефінування деривації як процесу (етапність творення) і як результату (постання деривата будь-якого рангу) [Словотвір 1979: 9; Горпинич 1998: 79]. У цьому разі дериваційні зв'язки простежувані в будь-яких відношеннях твірного і похідного – в одно- і міжрівневих виявах [Сильницький 1982: 3-7]. Під деривацією за трансформаційного, генеративного

підходу (друга половина ХХ ст.) стали розуміти словозміну (*inflection*) і словотворення (*wordformation*), утворення будь-яких вторинних знаків з опорою на ті чи інші вихідні одиниці та процедурні правила творення (за [Кубрякова, Панкрац 1990: 129]), хоча цим не заперечуване застосування поняття деривації у вузькому значенні, визначаючи його безпосередньо через словотворення. У цьому напрямі наукові здобутки “в царині деривації стосуються насамперед номем на рівні слова” [Колоїз 2008: 24]. Таке твердження, певною мірою, можна розширити, тому що активними постають і студії дискурсивної, текстової деривації (Л. Дж. Філіпс, М.В. Йоргенсен, А. Папина), коли говорять про чинники творення дискурсу, і дослідження текстової деривації, спрямовані на розкриття чинників текстотворення, текстоформування (К.І. Белоусов, Л.А. Петрова) і под.

Концептуальне розмежування лексичної і синтаксичної деривації, як і тлумачення самого поняття деривації, належить Є. Куриловичу, який у розгляді самої деривації наголошував, що широке її витлумачення передбачає потрактування останньої «як утворення одних слів від інших для вияву синтаксичних функцій вихідних слів і як те, що кожне слово може виступати в різних вторинних синтаксичних значеннях, потрапляючи в певне синтаксичне оточення» [Курилович 1962: 61]. Це дозволяє говорити про особливі дериваційні відношення між первинними і вторинними функціями слів, а певною мірою, між первинними і вторинними функціями граматичних (морфологічних і синтаксичних) форм. Розмежування Є. Куриловичем лексичної і синтаксичної деривації як типів має опертям дериваційний процес: лексична деривація – перетворення лексичного значення вихідної одиниці, синтаксична деривація – постання деривата з новою синтаксичною функцією в межах того самого лексичного значення.

У синтаксисі поняття “синтаксична деривація” почали використовувати на позначення процесів творення одних синтаксичних одиниць від інших [Белашапкова 1983: 49] типу синтаксичного слова (синтаксеми) від словосполучення, синтаксичного слова (синтаксеми) від простого речення та ін.; процеси утворення речень [Мурзин 1974: 45], словосполучень [Снитко 1982: 87], пор.: **квіти на балконі** ← *Квіти, що вирощують / знаходяться на балконі; будиночок біля моря* ← *Будиночок, що знаходиться / розташований / збудований біля моря* і под. Концептуальне розмежування первинних і вторинних (похідних) словосполучень (за І. Вихованцем [Вихованець 1992]) ґрунтується на закономірностях творення словосполучень, що легко простежувані або на синхронному (первинний детермінантний вияв у внутрішньореченнєвій структурі (*Хлопці знаходилися в рідному селі + Хлопці в рідному селі познайомилися з геологами = У рідному селі хлопці познайомилися з геологами*)), або на діахронному (сучасні іменникові словосполучення типу *зелена трава, великий ліс, неозоре поле* у своєму постанні пройшли ступінь перетворення).

Проблеми синтаксичної деривації можна розглядати крізь площину синтаксичного ярусу з простеженням особливостей творення словосполучень (похідних словосполучень та слів-конденсатів зі смисловим обсягом тотожності твірної), речень і под. Важливим у синтаксисі постає встановлення диференційних ознак твірної і похідної одиниць, де остання може виступати формально елементарнішою, а семантично бути тотожною твірній або значно ємнішою, ніж твірна, пор.:

Жито сіяли восени, щоб зміцнилося за зиму → Жито сіяли восени для зміцнення протягом зими; Літак не зміг здійснити посадку, тому що був сильний туман → Літак не зміг здійснити посадку через сильний туман і Хлопці збирали урожай картоплі → Хлопці починали збирати урожай картоплі.

У лінгвістичних дослідженнях уже усталеним є розмежування первинних і вторинних функцій граматичних (морфологічних і синтаксичних) форм (концептуалізував їхню відмінність Є. Курилович) та встановлення на цій основі функційних виявів певної морфологічної (функційно-семантична парадигма, пор., наприклад, функційно-семантичну парадигму форми теперішнього часу, де реалізованими є вияви теперішнього історичного, теперішнього уявного майбутнього, теперішнього актуалізаційного і под.) або синтаксичної (синтаксична форма підмета реалізує семантику суб'єкта (у різних функційних виявах типу суб'єкт дії, суб'єкт стану), об'єкта, інструмента, адресата, локатива тощо) форм. У сучасних лінгвістичних енциклопедіях та словниках здебільшого синтаксичну деривацію витлумачують як відповідний тип творення слів, коли похідне слово зберігає поняттєве ядро лексичного значення твірного слова, змінюючи частиномовну належність [Селіванова 2006: 547], пор.: деад'єктиви-прислівники: *холодно, мокро, волого, надійно*; девербативи типу *навчання, сіяння, квиління*; деад'єктиви: *юнь, зелень, синь, блакить* та ін., що корелює з концептуальним тлумаченням синтаксичної деривації Є. Куриловичем. За твердженням окремих лінгвістів (О. Селіванова та ін.), віднесення груп похідних слів до синтаксичних дериватів постає дискусійним, тому що синтаксичні деривати повинні виступати наслідком тільки частиномовної перекатегоризації за умови збереження загальнопоняттєвого значення ядра [Селіванова 2006: 547].

У з'ясуванні особливостей синтаксичної деривації суттєвим є встановлення кваліфікаційних параметрів елементарної реченнєвої структури, що прямо корелює з виявом доцентрової сили дієслова як основного носія активної валентності. Цей вимір принципово концептуалізувався в граматиці залежностей Л. Теньєра. Сьогодні ж суттєвішим є простеження закономірностей вияву кількісної валентності (встановлення і розмежування кількості облігаторних і факультативних актантів), якісно-синтаксичної валентності (типові / нетипові морфолого-синтаксичні виміри дієслівного оточення і визначення умов обмеження дієслівної сполучуваності з іменами тих чи інших категорійно-синтаксичних класів), якісно-семантичної валентності (послідовно окреслювані категорійно-семантичні характеристики дієслівного оточення, пор.: *Hum* (= людина), *Anim* (± істота), *Abstr* (= абстрактність), що виявлюване у “правилах селекції” Н. Хомського (лексико-семантичні відношення в реченні) (див. також: [Важнік 2008: 100-156]). Диференціювання моделей кількісної, синтаксичної і семантичної валентностей створює надійне підґрунтя для встановлення структурних типів синтаксичної деривації, що охоплюють вияви від однорівневої до різнорівневої. Однорівнева синтаксична деривація охоплює усі типові утворення одних одиниць від інших на одному рівні типу речення → речення (*Вода піднялася в річках, тому що йшли проливні дощі → Через проливні дощі вода в річках піднялася*). Такий розгляд одновимірного структурного типу похідності в моделі «речення → речення» можливий за умови віднесення і простого, і складного речення до одного типу синтаксичної одиниці.

За умови їхнього розгляду як окремих синтаксичних одиниць така деривація постає міжрівневою.

Встановлення структурних типів синтаксичної деривації прямо корелює з виявом основних / неосновних шляхів похідності і встановлення закономірностей співвідношення формальної і семантичної структур похідного, що однією зі своїх теоретичних підвалин має тлумачення валентності та послідовне розмежування її аспектів. Розгляд тільки кількісної і синтаксичної валентностей не дозволяє у повному обсязі розкрити значення дієслова та його поширювачів [Хельбиг 1978: 164; Важнік 2008: 107], не розкритими залишаються й особливості сполучуваності дієслова з іменами та вияв первинності / вторинності реченнєвої моделі, що виступає особливо важливим для з'ясування вияву твірної одиниці та її співвідношення з похідною, пор.: *Дитина ходить і Дитина ходить до школи* (див. також приклад Б. Плотникова: *Басаны крумп дыбна лабануў спіжа і бруздзіць сюсяненькага спіжонка* [Плотнікаў 1994], де заявлена конструкція є нормативно правильною, але постає повністю позбавленою змісту, і под.). Врахування моделі семантичної валентності уможливорює встановлення параметрів об'єктивної ймовірності висловленого та визначення семантичної правильності, повнозначності речення та розмежування первинних / вторинних реченнєвих виявів: *При в'їзді до села вершники зупинив патруль* (Юрій Яновський) ← *Коли вершники в'їжджали до села, їх зупинив патруль* (*При в'їзді до села* = *Коли вершники в'їжджали до села*).

Для розкриття структурної і функційної типології синтаксичної деривації важливим постає в описі слова активної валентності, зокрема дієслова, врахування: 1) кількості відкритих позицій та ступінь обов'язковості їхнього заповнення за реалізації актуального значення дієслова (*при в'їзді до села* – необов'язкова реалізація щодо дієслова-предиката *зупинив* і формування залежності до предикативної основи загалом); 2) категорійно-семантичні властивості слова активної валентності, зокрема дієслівного слова; 3) морфолого-синтаксичні властивості оточення слова активної валентності тощо. Предикатний характер дієслова, ситуативно-виявлюваний характер його семантики та реченнєвірні потенції постають важливою основою логіко-семантичної інтерпретації валентності дієслова та встановлення моделі логіко-семантичної валентності [Хельбиг 1978: 159-168; Важнік 2008: 109], крізь призму якої простежуваними постають відношення між реаліями об'єктивної дійсності. Останнє найбільшою мірою висвітлюваним виступає з погляду логіки відношень (логіки предикатів), де основну увагу сконцентровано на відношеннях логіко-семантичних предикатів та їхніх актантів [Важнік 2008: 109], на опис яких орієнтована теорія глибинних відмінків (Ч. Філлмор та ін.). Інвентар реченнєвих моделей, їхнього продукування може ґрунтуватися або на логіко-семантичній, або на семантичній, або на синтаксичній валентності дієслівних предикатів (пор., наприклад, студіювання Й. Андерша, В. Богданова, В. Гака, Р. Гжегорчикової, К. Полянського, Г. Ситар, Г. Хельбіга та ін.). Різні спроби моделювання речень підтвердили, що семантику реченнєвої моделі слід описувати з урахуванням лексичного вияву відповідних синтаксичних позицій, пор.: «речення, що виявляють ситуацію мовленнєвого повідомлення», де базовою моделлю є «суб'єкт – предикат мовлення (мовленнєвого повідомлення) – адресат» з опорними предикатами говорити, повідомляти (типова семантика – адресант повідомляє

що-небудь адресату про щось): мінімальна структурна схема $N_1V_f + N_2$ – типовий поширювач, що складає номінативний мінімум, але не виявляє семантичну структуру твірного, яка охоплює: $N_1V_fN_3N_4 / N_1V_fN_3N_4(\text{Prep})N_4$ – *Батько розповідав дітям казку / Батько розповідав дітям про звірів* (за умови заповнення $N_4 / (\text{Prep})N_4$ компонентом абстрактної семантики (*розповідав дітям про поїзду* (= *Батько їздив*)) структура постає двопрпозиційною, у чому з особливою актуальністю постає питання про врахування когнітивно-семантичної структури пропозиції і категорійно-лексичної семантики відповідних ядерних дієслів, хоча валентність дієслова-предиката постає в тому самому вияві) (див. також: [Русские 2002: 165-191, 207-239 і под.]). Тут особливо актуальним є послідовне врахування особливостей і закономірностей переходу в синтаксисі від поверхнево-синтаксичної структури до глибинно-морфологічної уяви, тобто до лексем з відповідними морфологічними характеристиками, що можливе тільки за умови вияву перетворення морфологічних характеристик лексем відповідно до синтаксичних умов, пор.: *Я спочивав* → *Я міг спочивати* → *Я не міг спочивати* і *Я турбувався про дітей* = *За турботами про дітей я не міг спочивати*. Такі перетворення / чергування залежать не тільки від лінійних одиниць, але й від співвіднесених з ними тих чи інших ситуацій, виявлюваної синтагматичної моделі: *Омити росами квітки / розтулюють повіки* (Володимир Сосюра) ↔ *Квітки, омити росами, розтулюють повіки* ← *Квітки, що омити росами, розтулюють повіки* (на глибинному рівні в цьому похідному реченні більшою мірою виявлюваною постає причинова семантика (*Квітки розтулюють повіки, тому що омити росами*), хоча контактено іменникове лінійне розташування активізує атрибутивну семантику). Тому постає цілком мотивованим у структурно-типологічному аспекті встановлення щонайменше двох кваліфікаційних вимірів похідних: 1) речення → слово: *той, який гризе листя* → *листогриз* (приклад з [Клименко 1984: 123]; *той, який риє землю* → *землерий* (перехідну площину між моделями “речення → слово” і “речення → словосполучення” займають похідні типу *інженер – за фахом економіст* → *інженер-економіст*; *технік – за спеціалізацією механік* → *технік-механік*, що за своєю специфікою є складними словами (Н. Клименко), і водночас наближені до словосполучень з апозитивними відношеннями, де особливо вагомим є врахування значущості класифікатора – першого аргумента: *дуб-велепень* – це дуб, а *велепень* – тільки його додаткова, характеристична ознака; *хата-читальня* як предмет – це насамперед *хата*, а *читальня* – її призначення (використання), основу чого складає причина-результат [Степанов 2007: 54]); 2) речення → словосполучення: *Батько приїжджає* → *приїзд батька*; *Дитина плаче* → *плач дитини*; *Соловейко щибече* → *Щебетання соловейка*; 3) речення + речення → речення: *Проїшов великий дощ. Трава знову зазеленіла* → *Проїшов великий дощ – і трава знову зазеленіла*; 3) речення складне → речення просте: *Я дивлюсь на морські береги і, схиливши голову, думаю про всіх трудівників нового моря* (Олесь Донченко) → *Я дивлюсь на морські береги і, коли схилю голову, думаю про всіх трудівників нового моря*; 4) речення → синтаксема: *Хлопчик пішов до парку, щоб назбирати каштани* → *Хлопчик пішов до парку по каштани*; *І клумба ця, і латка асфальту виникли тому, що була настійливою Лукія Назарівна* → *І клумба ця, і латка асфальту виникли завдяки настійливості Лукії Назарівни* (Олесь Гончар). На витворенні

похідних синтаксем особливою постає спеціалізація вторинних прийменників та їхніх еквівалентів [Щукіна 2009: 107-134; Загнітко 2009: 8-18], що виявляють чітко окреслену семантику (*в умовах, в пам'ять про, в опозиції до* – причина, *на згадку про, на віддяку про, на підтвердження* – мета і под.). Такі прийменники чітко окреслюють напрями дериваційних перетворень і займають здебільшого ініціально детермінантну внутрішньореченнєву позицію (72,3 % з усіх виявів вжитку вторинних прийменників). Прийменникова / прийменниково-відмінкова еквівалентна спеціалізація на вираженні певної семантики мотивована не тільки їхнім синтаксемнотвірним потенціалом (за М.Й. Конюшкевич [Канюшкевич 2008: 3-45]), але й дериваційною похідністю таких одиниць та збереженням семантики трансформа дієслова-предиката в іншому категорійному статусі: **За умови належної підготовки школярі швидко виконують вправу** ← *Якщо наявна належна підготовка (якщо школярі мають належну підготовку / якщо школярі підготовлені належним чином), школярі швидко виконують вправу*. Домінування ініціальної позиції мотивоване або препозицією твірної предикативної частини (37,6 %), або співвіднесеністю з опорним словом – носієм опорної семантики (16,7 %) і под. (кількісні підрахунки виконано на матеріалі Корпусу текстів загальним обсягом п'ять мільйонів слів з охопленням матеріалів художнього, публіцистичного, офіційно-ділового та наукового стилів, що сформований на кафедрі української мови та прикладної лінгвістики Донецького національного університету). Загалом ініціалізація похідного є семантично зумовлена, тому що виражає значення, яке прямо перебуває в кореляції зумовленості (фоновості, характеристикі, расовості тощо) з основним реченнєвим значенням, виступає співвідносним тлом вияву іншої дії: **Вихідними учні відвідали краєзнавчий музей** ← *Коли були вихідні дні, учні відвідали краєзнавчий музей*; або характеризує дії / стан: **На землю швидко опустилася ніч** ← *На землю опустилася ніч, що відбулося швидко* та ін. Не менш знаковими постають покрокові перетворення, пов'язані з постанням дво-, трьох-, чотирьох- і більше пропозиційних реченнєвих утворень, де одна з позицій виявлювана семантично автономним компонентом: **Від морозу пожовклим листям вітер кружляв** ← *Вітер кружляв листям, що пожовкло від морозу*. Такого типу похідні в покроковому перетворенні постають опосередковані кількома похідними, пор.: *Був мороз + Листя пожовкло + Був вітер = Вітер кружляв* → 1) *Листя пожовкло, тому що був мороз + Був вітер = Вітер кружляв* → 2) *Листя пожовкло від морозу + Вітер кружляв* → 3) *Вітер кружляв пожовклим від морозу листям*. Подібні покрокові перетворення не обов'язково є фіксованими, але прогностично вони передбачувані (*Давно спостережено, що коли мурахи транспонують якийсь тягар, то вони смикають його у різні боки* (Іван Дзюба) ← (*Людині властива спостережливість / Людина уміє спостерігати = Людина спостерігає*) + (*Спостерігання властиве давно = Давно спостережено*) + (*Мурахи транспонують тягар + Тягар може бути будь-який = Мурахи транспонують якийсь тягар*) + (*Мурахи смикають тягар + Смикання буває в той чи інший бік = Мурахи смикають тягар у різні боки* (де *в різні боки* окреслює не тільки локус, а просторове переміщення мотивоване відповідною причиною (її виявом є мета), тому глибинною в ньому є семантика причини (мети)). Будь-яке заповнення синтаксичної внутрішньореченнєвої / внутрішньословосполученнєвої позиції вторинною (семантично

неспеціалізованою) формою постає певним кроком синтаксичної деривації. За влучним твердженням Н. Хомського, елементопорядок у глибиннореченнєвій структурі не передбачає жодної обов'язковості, тому що має абстрактний характер і безпосередньо не мотивує опис поверхнево-лінійних структур. Трансформації, що перетворюють глибинні структури на поверхневі, можуть легко міняти елементи місцями [Chomsky 1965: 123-124]. Оскільки в певній структурі може поставати тільки один трансформаційний крок, то суттєвим є встановлення усієї ємності трансформації, простеження усіх кроків поступовості (пор.: [Baker 1978: 125-137; Chomsky 1965: 133-184]). Розглядаючи статусні характеристики причинових синтаксем, І. Вихованець наголошує, що у своєму загалі вони є виявом «причиново-наслідкових відношень у структурі складного речення, яке є для ускладненого простого речення з названими синтаксемами вихідною (базовою) одиницею» [Вихованець 1992: 147]. Тим самим наголошено не тільки їхню похідність, співвіднесеність з відповідним реченнєвим утворенням, але й окреслено покрововість такої похідності: *Діти раділи, тому що їм оголосили подяку – і не одну, а цілих п'ять* → *Діти раділи, тому що їм оголосили п'ять подяк* → *Діти раділи від п'ятьох подяк*. Похідна причинова синтаксема може вказувати на а) джерело, походження (*від зволікання, за численними клопатами; Не чутно за двома шибками*); б) наслідок (*Завдяки допомозі було врятовано дитину*); в) результат (*Унаслідок висловлених пропозицій комісія обґрунтувала нову резолюцію*); г) взаємозв'язок явищ (*У зв'язку з численними перевітками було порушено налагоджений ритм роботи*); ґ) обґрунтування (*Зважаючи на десятки схвальних відгуків театр знову повторює виставу*) і под. Простежити особливості таких похідних утворень і встановити їхні основні типи дозволяє функційна типологія, що охоплює розгляд основних / неосновних різновидів, простеження виявів ускладнення, синкретизму, омонімії, синонімії, еквівалентності тощо.

У цьому разі вияв реченнєвих утворень фразеологізованого типу з елементами *як, мов, наче, неначе* сигналізує про їхню вторинність і постання на ґрунті формально ускладнених конструкцій з розгорнутим виявом порівняння, пор.: *Дівчина мов блискавка* ← *Є дівчина + Дівчина має ознаки, що нагадують вияв блискавки* (*X мов Y = X* подібний *Y*). Подібне легко простежити і в утвореннях, де первинна синтаксична позиція, семантично визначувана дієсловом-предикатом, заповнюється словом іншої семантики, що традиційно покваліфіковане як метафора: *Море хвилювалося* ← *хто? хвилювалося* (синтаксична позиція підмета-істоти, визначувана внутрішньосемантичними інтенціями дієслова-присудка, заповнюється іменником-назвою неістоти).

Структурна типологія синтаксичної деривації має кілька аспектів, основними з-поміж яких постають: 1) вияв структурно-типологічних моделей творення похідного типу «базова модель ← похідна модель», де актуальними виступають формальні співвідношення твірного і похідного (просте речення ← складне речення; словосполучення ← просте речення; синтаксема ← словосполучення; синтаксема ← просте речення і под.); 2) встановлення структурно-типологічних ознак «моделі похідного», де суттєвими є структурно-типологічні вияви похідних (слово, словосполучення, речення тощо); 3) з'ясування кількісного і якісного потенціалів певного твірного конструктивного елемента (словосполученнєвот-

вірного, реченневотвірного, синтаксемнотвірного і под.); 4) встановлення кваліфікаційних і класифікаційних параметрів закріплення похідного в ініціальній / фінальній внутрішньореченнєвій та позареченнєвій позиціях; 5) співвідношення структурного типу похідного з особливостями внутрішньореченнєвих синтаксичних позицій (пор. ініціальний вияв рамових детермінантів, внутрішньореченнєве закріплення характеристичних детермінантів, фінальну внутрішньореченнєву частотність дуплексивів та ін.); 6) міжрівневі кореляції, що умотивовують структурну еквівалентність і под.

У функційній типології синтаксичної деривації, окресленні та визначенні певних крокових моделей утворення похідних, формуванні їхнього корпусу важливими постають питання: 1) встановлення типології елементарних одиниць та специфіки їхнього вияву – синтаксичного слова (синтаксеми), словосполучення, речення, тому що в кожному наявні і спільні й особливі моделі постання корпусу похідних; 2) визначення кількісного і якісного виявів внутрішніх перетворень з простеженням експлікованих та імплікованих тенденцій; 3) вплив на загальне семантичне тло синтаксичної одиниці – її семантичну елементарність / семантичну неелементарність (синкретизм у будь-якому разі слід зараховувати до неелементарності: *дорога* → (яка? куди?) *до села* – атрибутивність + обставинність; *чутка* → (яка? про що?) *про землю* – атрибутивність + об'єктність); 4) вияв впливу частиномовної належності трансформа (*днями* і *цілими днями* (*Днями* заїжджав до мене син і *Цілими днями* ходили люди полями), *вечорами* і *весняними* / *осінніми* / *ранніми вечорами*, *ранками* і *сонячними ранками* тощо, де субстантивно-атрибутивний вияв семантично вужчий, ніж власне-субстантивний), залежність такої належності від синтаксичної позиції; пор., наприклад, інфінітив у синтаксичній позиції додатка (об'єктний інфінітив, за О. Потебнею) більшою мірою категорійно-субстантивний, ніж категорійно-дієслівний: *запросити* *вечеряти* (*Хлопець запросив дівчину* *вечеряти*). У цьому ракурсі проблемним постає студіювання Н. Хомським внутрішньореченнєвого лінійного порядку у двох вимірах – лінеаризація відношень поверхневих структур (суто структуральних відношень) до твірних (базових) структур, що виявляють також семантичний складник, також реляції наступності і попередності застосовуваних трансформаційних правил (= один з виявів синтаксичної деривації) (аналіз за: [Derwojedowa 2000: 17-21]). Аналіз глибинних структур можливий тільки за умови вияву елементарності і покрокового простеження похідності. Останнє є визначальним у студіюваннях когнітивного синтаксису: *І знову, як перший чоловік, усім тваринам дав я ймення... І всяку душу я живу нарік, натхненний, по вподобі, а сам на самоті живу...* (Михайло Драй-Хмара). Напрями міжчастиномовних взаємодій, взаємопереходу, взаємопроникнення мотивовані відповідними внутрішньо- і міжреченнєвими переміщеннями і співвідношеннями, внаслідок чого постає знаковою категорійна трансформація. Розгляд останньої можливий за належного врахування ємності внутрішньореченнєвих синтаксичних позицій, їхніх категорійного і функційного виявів. Функційна типологія дериватів значною мірою пов'язана з їхнім текстотвірним потенціалом (пор. дуплексиви – парцеляти складають 48 %, детермінанти – парцеляти загалом – тільки 23 % та ін.).

Структурна і функційна типологія синтаксичної деривації ґрунтується на особливостях співвідношення когнітивно-семантичної структури пропозиції з

категорійно-лексичною семантикою її вияву, встановленням основних / неосновних шляхів конденсації, контамінації, редукації, кумуляції, трансформації (можливими є дослідження класів модифікованих, контамінованих, конденсованих, редукованих, кумулятивних, трансформованих та інших синтаксичних одиниць) структури за умови збереження ємності семантики (типу семантичної суперкласифікаційної належності) і встановлення типових / нетипових засобів її вираження. Будь-які частиномовні переходи пов'язані зі зміною синтаксичних позицій і модифікацією категорійної семантики.

Література

1. Белоусов 2008: Белоусов К.И. Синергетика текста. От структуры к форме / К.И. Белоусов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. – 248 с. – Библиогр.: С. 229-247.
2. Белошапкова 1983: Белошапкова В.А. О понятии синтаксической производности / В.А. Белошапкова // Рус. яз. за рубежом. – 1983. – № 7. – С. 49-53.
3. Важнік 2008: Важнік С.А. Кантрастыўны сінтаксіс польскай і беларускай моў: семантика і дыстрыбуцыя дзеяслоўнага прэдыката / С.А. Важнік. – Мн.: Права і эканоміка, 2008. – 492 с. – Бібліогр.: С. 397-451.
4. Валгина 2001: Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с. – Бібліогр.: С. 290-291.
5. Вихованець 1992: Вихованець І.Р. Нариси з функціонального синтаксису / І.Р. Вихованець. – К.: Наук. думка, 1992. – 224 с. – Бібліогр.: С. 215-220.
6. Гловинская 2000: Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике / М.Я. Гловинская // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – 2-е изд. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – С. 287-304. – Бібліогр.: С. 302-304.
7. Городенська 1991: Городенська К.Г. Дери́вація синтаксичних одиниць / К.Г. Городенська. – К.: Наук. думка, 1991. – 192 с. – Бібліогр.: С. 187-190.
8. Горпинич 1998: Горпинич В.О. Українська словотвірна дериватологія / В.О. Горпинич. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетровського ун-ту, 1998. – 189 с. – Бібліогр.: С. 182-187.
9. Загнітко 2009: Загнітко А. Ступені при́йменниковості / А. Загнітко // Функціонально-комунікативна і текстова парадигма українських при́йменників та їхніх еквівалентів: монографія / [А.П. Загнітко та ін.]. – Донецьк: Вид-во «Вебер» (Донецька філія), 2009. – С. 18-23. – Бібліогр.: С. 21-23.
10. Канюшкевіч 2008: Канюшкевіч М.І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка: У 3-х ч. – Ч. 1. Дыяпазон Ф – Л / М.І. Канюшкевіч. – Гродна: ГрДУ, 2008. – 492 с.
11. Клименко 1984: Клименко Н.Ф. Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові / Н.Ф. Клименко. – К.: Наук. думка, 1984. – 252 с. – Бібліогр.: С. 245-250.
12. Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008: Клименко Н.Ф., Карпіловська Є.А., Кислюк Л.П. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі : монографія / Н.Ф. Клименко, Є.А. Карпіловська, Л.П. Кислюк. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008. – 336 с.

13. Колоїз 2008: Колоїз Ж. Типологія дериваційних процесів / Ж. Колоїз // Українська мова. – 2008. – № 4. – С. 23-37. – Бібліогр.: С. 37.
14. Кубрякова, Панкрац 1982: Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. О типологии процессов деривации / Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац // Теоретические аспекты деривации: Межвуз. сб. научн. тр. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1982. – С. 7-20. – Бібліогр.: С. 18-20.
15. Кубрякова, Панкрац 1990: Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Деривация / Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 129-130.
16. Курилович 1962: Курилович Е. Очерки по лингвистике: Сб. статей / Е. Курилович. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 456 с. – Бібліогр.: С. 452-454.
17. Мурзин 1974: Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация / Л.Н. Мурзин. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. – 170 с. – Бібліогр.: С. 164-168.
18. Мурзин 1984: Мурзин Л.Н. Основы дериватологии: Конспект лекций / Л.Н. Мурзин. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984. – 56 с.; ил., табл. – Бібліогр.: С. 54-55.
19. Мурзин 1987: Мурзин Л.Н. Деривация в синхронном и диахронном аспектах / Л.Н. Мурзин // Деривация и история языка: Межвуз. сб. научн. тр. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1987. – С. 4-10. – Бібліогр.: С. 9-10.
20. Петрова 2006: Петрова Л.А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира / Л.А. Петрова. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2006. – 284 с. – Бібліогр.: С. 251-283.
21. Плотнікаў 1994: Плотнікаў Б.А. Агульнае мовазнаўства / Б.А. Плотнікаў : манаграфія. – Мн.: Навука і тэхніка, 1994. – 256 с. – Бібліогр.: С. 250-254.
22. Полюжин 1999: Полюжин М.М. Функціональний і когнітивний аспекти англійського словотворення / М.М. Полюжин. – Ужгород: Закарпаття, 1999. – 238 с. – Бібліогр.: С. 215-236.
23. Русские 2002: Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Флинта; Наука, 2002. – 464 с.
24. Селіванова 2006: Селіванова О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. Селіванова: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с. – Бібліогр.: С. 667-688.
25. Сильницкий 1982: Сильницкий Г.Г. Теория деривации и ее место в системе лингвистических дисциплин / Г.Г. Сильницкий // Теоретические аспекты деривации: Межвуз. сб. научн. тр. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1982. – С. 3-8. – Бібліогр.: С. 8.
26. Ситар 2007: Ситар Г. Моделі речень із предикатами відношення частини й цілого в українській мові / Г. Ситар: монографія. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – 238 с. – Бібліогр.: С. 196-238.
27. Словотвір 1979: Словотвір сучасної української літературної мови. – К.: Наук. думка, 1979. – 406 с.
28. Снитко 1982: Снитко Е.С. Деривация и её виды в русском языке / Е.С. Снитко // Русское языкознание. – 1982. – № 4. – С. 84-89. – Бібліогр.: С. 89.

29. Степанов 1995: Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 7-34. – Библиогр.: С. 32-34.
30. Степанов 2007: Степанов Ю. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации / Ю. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.; ил. (Вклейки после с. 64, 192). – Библиогр.: С. 237-246.
31. Филипс, Йоргенсен 2004: Филипс Л. Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. / Л. Дж. Филипс, М.В. Йоргенсен. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с. – Библиогр.: С. 322-334.
32. Хельбиг 1978: Хельбиг Г. Части речи в синтагматике // Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке: монография. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 138-240. – Библиогр.: С. 139-140.
33. Щукіна 2009: Щукіна І. Прийменники причинової семантики: структура і функції / І. Щукіна // Функціонально-комунікативна і текстова парадигма українських прийменників та їхніх еквівалентів: монографія / [А.П. Загнітко та ін.]. – Донецьк: Вид-во «Вебер» (Донецька філія), 2009. – С. 107-134. – Библиогр.: С. 132-134.
34. Baker 1978: Baker C.L. Introduction to Generative-Transformational Grammar / C.L. Baker. – Prentice Hall, 1978. – 245 p. – Библиогр.: С. 229-243.
35. Chomsky 1959: Chomsky N. Syntactic Structures / N. Chomsky. – Mouton & Co., 1959. – 249 p. – Библиогр.: С. 229-240.
36. Chomsky 1965: Chomsky N. Aspects of Theory Syntax / N. Chomsky. – MIT Press, 1965. – 314 p. – Библиогр.: С. 298-308.
37. Derwojedowa 2000: Derwojedowa M. Porządek linearny składników zdania elementarnego w języku polskim / M. Derwojedowa. – Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2000. – 166 s. – Библиогр.: С. 157-163.

Анатолій А. Загнітко

СТРУКТУРНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

В статье рассмотрены структурные типы синтаксических дериватов, исследованы соотношения позиционного закрепления и структурного выражения деривата, определены основные функциональные разновидности синтаксических дериватов с учётом одно- и разноуровневых преобразований, прокомментированы количественные параметры позиционного обнаружения дериватов, особенности их соотношения с инвариантной когнитивно-семантической структурой пропозиции и типами семантических суперклассификаторов.

Лариса П. Кислюк

(Інститут мовознавства ім. О.О.Потебні НАН України, Київ)

НАЦІОНАЛЬНОМОВНІ РЕСУРСИ ВІДОБРАЖЕННЯ СОЦІОДИНАМІКИ

Вплив політичних змін у східноєвропейських суспільствах кінця ХХ століття на розвиток слов'янських мов, передусім зміни у лексиці й словотворенні є предметом осмислення на матеріалі як окремих слов'янських мов [Русский язык... 1996; Динамічні процеси... 2008], так і порівняльних досліджень на базі різних слов'янських мов [Słowotwórstwo / Nominacja... 2003].

Загально визнаним є, що динамічний характер мови зумовлений передусім зовнішніми, позамовними впливами, мисленням, зорієнтованим на пізнання реального світу. Для термінологічного й поняттєвого розрізнення запропоновано терміни *динамічність* (динамічний характер мови, внутрішнє напруження між елементами системи та її підсистемами), *динаміка* (яка існує завдяки процесам, що ведуть до динамічності) та наслідки динамічності й динаміки (існування багатьох виражальних засобів, варіантності) [Горецький 1982: 8]. Для динаміки розвитку лексики вирішальними є різноспрямовані процеси: неологізації й архаїзації, прямої й аналогічної та вторинної номінації, взаємопроникнення різних стилів, термінологізації й детермінологізації, інтелектуалізації й демократизації, інтернаціоналізації й націоналізації, економії мовних засобів і мовного варіювання [Горецький 1982: 8-9; Słowotwórstwo / Nominacja... 2003]. „Відображенням динамічності є варіативність найменувань та номінативних типів, виникнення нових типів та поступове відмирання застарілих” [Горецький 1982: 9]. Зміни у номінативних, та, вужче, словотворчих процесах часто зумовлюють чинники соціодинаміки, яку можна визначити як різновид динаміки, зумовлений впливом соціальних (історичних, культурних, політичних) змін у житті суспільства.

Національну специфіку відображення суспільних процесів визначають:

– важливі для мовної спільноти поняття, навколо яких сконцентрована активність у творенні похідних, названі О.А.Земською „ключовими словами доби”, що позначають явища, які „перебувають у фокусі соціальної уваги” [Земская 1996: 92], і які є „особливо важливими й показовими для окремо взятої культури” [Вежбицкая 2001: 35];

– особливості мовного будівельного матеріалу, зокрема словотворчих ресурсів, використовуваних для творення нової лексики. Визначення словотворчих ресурсів як „сукупності усіх засобів, які беруть участь у словотворенні” подав І.І.Ковалик у праці „Вчення про словотвір” (1958 р.), іншими словами, це – „увесь мовний будівельний матеріал, з якого вже утворились, або ще утворюються нові слова різними словотворчими способами” [цит. за Ковалик 2007: 92].

Здобуття Україною статусу незалежної та суверенної держави у 1991 році надало лексемі *держава* статусу „ключового слова”, що викликало хвилю похідних новотворів від самої лексеми *держава* та від її синонімів у сучасних українськомовних мас-медіях, зумовило дослідження мовної репрезентації образу держави

в українській пресі [Брага 2002]. Словотвірне гніздо з базовим словом *держжава* є показовим щодо ваги питомих словотворчих ресурсів (основ та формантів) у відтворенні динаміки семантичних змін похідних, у творенні нових дериватів (оскільки питомі корені „притягують” передусім питомі афікси чи основи у складних словах).

Багатоаспектність використання гнізда спільнокореневих слів, зокрема на лексичному й словотвірному рівнях мови „зумовлена багатоаспектністю похідного слова як одиниці мови, яке в різних своїх категорійних значеннях бере участь у системній організації різних рівнів мови” [Тихонов 2001: 143]. „Поєднання словотвірного та лексичного аспектів вивчення семантики слів сприяє розкриттю складних процесів у системі мови на всіх етапах її розвитку” [Формалізовані основи 1982: 102]. Заслугує на увагу досвід українських дериватологів у використанні гніздового підходу при вивченні лексико-семантичних полів: врахування кількості та характеру підзначень твірного слова (основне-неосновне, пряме-переносне); стилістичне забарвлення (розмовне-книжне, урочисте, поетичне); емоційно-експресивна характеристика слова, належність до літературної мови, спеціальної чи термінологічної лексики; ступінь нормативності (загальноживане, застаріле, неологізм); а також аналізу категорійних значень та способу їхньої реалізації у похідних словах [Формалізовані основи 1982: 102]. Гніздовий спосіб упорядкування похідних унаочнює динаміку як у словотвірній реалізації, так і в лексичних значеннях похідних. Матеріал охоплює лексикографічні джерела за ХХ і початок ХХІ століття (див. список лексикографічних джерел), дані комп’ютерної бази інновацій у сучасній українській мові, створеної у відділі структурно-математичної лінгвістики Інституту мовознавства ім. О.О.Потебні НАН України, на матеріалі друкованих, електронних та інтернет-видань, обсягом понад 17 тисяч одиниць. Зіставлення нового матеріалу із зафіксованим в академічних авторитетних виданнях дозволяє виявити стабільні, стійкі ділянки (лексико-словотвірне ядро) та напружені, нестійкі ділянки системи (за рахунок яких відбувається розвиток аналізованого гнізда).

За допомогою різних шрифтів у гнізді можна продемонструвати поняттєве і словотвірне ядро (жирним шрифтом) – це ті деривати, які засвідчені словниками всіх етапів досліджуваного періоду; масив новотворів (звичайним шрифтом) післярадянського періоду; деривати, які відійшли в пасив (курсивом) – востаннє засвідчені словниками 30-х років ХХ століття; активізовані після 1991 року деривати (підкреслені) з можливими змінами у значенні; зірочкою (*) позначені неосемантизми; знак || позначає полімотивованість або розходження формальної і семантичної мотивації похідних, які подано у фрагментах одного з підгнізд. Унаочнення стабільної та динамічної частини гнізда, демонструє, що ядро гнізда *держжава* (яке на сучасному зрізі втратило ознаки мотивованості, похідності від дієслова *держжати*) становлять деривати, які нині „обросли” новими похідними й демонструють розростання ядерних понять гнізда, утворюючи частиномовні зони (підгнізда) словотвірного гнізда: субстантивну (*держжава*), ад’єктивну (*держжавний*→ *держжавність*, *держжавний*→ *недержжавний* та дієслівну (*одержжавити*→ *одержжавлений*, *одержжавити*→ *одержжавлення*; *удержжавити*→ *удержжавлений*, *удержжавити*→ *удержжавлення*, *удержжавлювати*). Кожне з цих підгнізд де-

монструє зразки динамічних процесів у семантиці та словотвірних особливостях дериватів, які можна класифікувати як: 1) стабільне функціонування словотворчого активного ядра; 2) поява новотворів, мотивованих базовим словом або ядерними похідними; 3) витіснення у пасив частини похідних; 4) активізація деяких похідних як неосемантизмів.

Динаміка функціонального потенціалу лексеми *держава*

Поняття *держави* має багатоаспектне наповнення, яке словники поділяють на 1) сукупність людей і території та суверенної влади (синонім *країна*) і 2) спосіб організації влади в суспільстві (синонім *влада*). Інтернет-енциклопедія Вікіпедія подає визначення з «Юридичної енциклопедії» [ЮЕ II 1998]: „держава – це 1) сукупність людей, території, на якій вони проживають, та суверенної у межах даної території влади; 2) організація політичної влади, головний інститут політичної системи суспільства, який спрямовує і організовує за допомогою правових норм спільну діяльність людей і соціальних груп, захищає права та інтереси громадян”. Академічний 11-томовий «Словник української мови» трактує державу як „апарат політичної влади в суспільстві; країну з таким апаратом політичної влади” [СУМ II 1971: 248]. З цих визначень випливає, що *влада*, *політична влада*, *суверенна влада*, яка становить зміст одного з наведених значень, є фактично одним із компонентів значення *держави* як „сукупності людей, території та влади”. Отже, базовою основою словотвірного гнізда є *держава* в значенні „сукупність людей, території, на якій вони проживають, та суверенної у межах даної території влади”. Словники також наголошують на *самостійності*, *незалежності держави та уряду як органу держави* [ССМ 1977]. Це поняття змінює своє наповнення, яке є залежним від розвитку людського суспільства: „якщо з розвитком мислення змінюються різні елементи загального уявлення (про явище чи предмет – Л.К.), то змінюється і значення назви” [Матезиус 2003: 21]. Наприклад, у фольклорних джерелах свою державу позначено через окремі визначальні для певного історичного періоду ознаки: *християнська земля*, *християнськії городи*. Приказки, які виражають ставлення до певних проявів держави у повсякденному житті, здебільшого негативно характеризують *закон*, *право*, *силу*, *суд*. Пор.: *Сила закону не знає. Де гроші судять, там право у кут. Не ходи до суду, бо хліба не буде. Закон як помийниця, що в нього налий, тим і смердітиме*. [ПРУСП 1929]. Енциклопедичні видання суть поняття держави визначають через зміст її діяльності, тобто, через її функції, роль, яку вона виконує щодо суспільства. Функції держави класифікують: за пріоритетністю (основні/неосновні), спрямованістю (внутрішні/зовнішні), часом (постійні/тимчасові), локалізованістю (за сферами суспільного життя). Наприклад, до основних функцій держави належать: законодавча, судова, оборона, підтримання зовнішніх відносин, охорона правопорядку, регулювання економіки, екологічна безпека, підтримання і розвитку культури, забезпечення освіти населення тощо. Характеристика і ставлення до цих функцій у суспільстві викликає хвилю новотворів на їх позначення.

Лексему *держава*, відому з XIV століття [ССМ 1977:], до XX ст. включно словники засвідчують з наголосом на першому слові як багатозначне слово, яке має розгалужену семантичну структуру, в якій збережений семантичний зв'язок з твірним багатозначним дієсловом *держати* [ЕСУМ II 1985: 39]: 1) міцність; 2) масток,

володіння; 3) частіше з наголосом на другому складі – *держáва* «государство» (від якого зафіксовано дериват *державник* «государственный человек»); 4) влада. Натомість *державець* подано у значенні „поміщик, власник, володілець”, а *державський* – „поміщицький, власницький, володільницький” [СУМГ I 1907-1909: 370].

Словники української мови, видані в підрадянській Україні 1930-х років, засвідчують деривати, утворені від *держав* у значенні „країна з апаратом політичної влади” з наголосом на другому складі: *державник*, *державність*, *державець* (*володар*, *пан*), *державознавець*, *державознавство* [РУСПМ 1926]; *державник*, *удержавлювати*, *удержавити* [СДМ 1930]; *державувати*, *державник* (государственный), *державність*, *державка*, *державство*, *державування*, *державиця*, *державець*, *державно* [РУС 1924-1932] (перекладаючи російські *государить*, *государствовать*, *государствование*, автори використовують синонімічні утворення *державувати* (-ання), *панувати* (-ання), *володарювати* (-ання), які пізніші видання подають у чіткій, однозначній відповідності: *властвовать* (торж.) – *володарювати*, *господствовать* – *панувати* [РУС 1987], що можна трактувати як процеси профілювання значень під впливом суспільно-історичних обставин).

Так само послідовно розмежовано розходження семантики, відображеної у вживанні наголосу: *дérжáва* у значенні 1) (*заст.*) маєток, помістя, володіння; 2) міцність; 3) влада, керівництво; і *держáва* у значенні ”апарат політичної влади в суспільстві; країна з таким апаратом політичної влади” [СУМ I: 248]. Порівняно зі станом, зафіксованим у словнику Грінченка, відбулося остаточне розходження значень з „міграцією” деяких із них на лексичну „периферію”; інших – у терміносферу суспільних наук (апарат політичної влади).

У середині ХХ століття в українській мові відбулося закріплення семантики „апарат політичної влади в суспільстві; країна з таким апаратом політичної влади” лише за лексемою *держав* з наголосом на другому складі. Порівняймо, якщо [РУС 1924-1932] при перекладі російського *государство* поруч із *держав* подає синоніми *державство*, *панство*, щоправда уже з ремаркою *рідше*, що свідчить про початок відходу їх на периферію цього синонімічного ряду, то [РУС 1987] засвідчує лише *держав*. Лексема *державство* як синонім *держави* відсутня у [СУМ I], як і в жодному з інших сучасних словників, тобто, відійшла у пасив, а *панство* [СУМ] фіксує ще з іншими значеннями (1 – збірне до **пан**, 2 – поведінка, звички як у панів, 3 – *заст.* панування, 4 – *заст.* царство, держава) як застаріле, ілюструючи його прикладами з творів Лесі Українки, П.Грабовського, з перекладів М.Рильського.

У загальнономовних тлумачних та перекладних словниках радянського періоду можна спостерігати часткове звуження семантичного поля *держав*, що виражається у спеціалізації через творення переважно абродериватів на позначення державних установ, організацій тощо, тобто через певне збіднення ресурсного та семантичного розмаїття мовної реалізації цього поняття: *державно-колгоспний*, *державно-монополістичний*, *держустанова*, *держфонд*, словосполучення *державне право*, *державний контроль* [РУС 1987]; *державність*, *державний*, *бездержавний*, *недержавний*, *одержавити*, *одержавлений*, *одержавлення*, *удержавити*, *удержавлювати*, *удержавлений*, *удержавлено*, *удержавлення*, *самодержавець* / *самодержець*, *самодержиця*, *самодержавний* / *самодержавницький*, *самодержавно*, *самодержавство*, *держапарат* та інші складні слова, як:

держарбітраж, держбанк, держбюджет [СУМ 1970-1980]. Тут працюють серійні продуктивні моделі словотворення: префіксальні від прикметника *державний*, семантично тотожні віддієслівні утворення від префіксальних дієслів (за відсутності безпрефіксного дієслова) тощо. Окрім складноскорочених слів з початковою основою **держ-**, з'являються й такі прикметники, як *антидержавний, національно-державний, самодержавно-бюрократичний, самодержавно-кріпосницький* [СДГ 1989].

Вплив суспільно-політичних змін, які активізують творення дериватів, розширення їх функціонального потенціалу (який розуміємо як сукупність парадигматичних, синтагматичних, епідигматичних (асоціативних і дериваційних) зв'язків з іншими одиницями [Кислюк 2009: 108]), починаючи з 90-х років ХХ століття виявився у посиленні спеціалізації термінів *держава, державний* за рахунок розширення їх сполучуваності [РУСНГ 1994]. У роки незалежності відбулося заміщення номінацій: *Радянська держава* на *Українська держава*, розширення часових і просторових рамок лексико-семантичного поля "держава": *тисячолітня історія української державності, відроджена українська державність, розбудова української державності, утвердження української державності, державні інтереси України; спільна держава, сильна європейська держава, суверенна держава*; постали деривати *всдержавний, загальнодержавний, міждержавний, навролодержавний, наддержавний*; за метафоричною моделлю ЛЮДИНА утворені словосполучення *тіло держави, клітина держави, державний організм, із державних до приватних рук, вкрадений у держави ласий шматок, силові органи*; за моделлю МАШИНА: (порівняння держави з машиною належить англійському філософу Т.Гоббсу) *механізм влади, провладна машина, важелі влади*; за моделлю БУДІВЛЯ: *коридори влади, архітектура влади, силові крісла, владна драбина*; за моделлю ДЕРЕВО: *гілки влади*, за моделлю ТРАНСПОРТ: *ешелони влади, держава-транзитер* тощо. Спеціалізацію ілюструють і словосполучення: *моноетнічна держава, кінокультурна держава*.

Субстантивна зона (підгніздо) гнізда

Субстантивну зону аналізованого гнізда, яка містить суфіксальні та префіксальні деривати, композити та юкстапозити, очолює його базове слово *держава*. Фрагмент цього підгнізда (без складних похідних та абродериватів) ілюструє динаміку, зумовлену соціальними процесами: реактивацію похідних, не засвідчених радянськими словниками після 1932 року (*державник, державницький*), появу новотворів та відхід у пасив частини похідних (*державець, державиця, державка, державство*).

Базове слово	Похідні 1 ст.	Похідні 2 ст.	Похідні 3 ст.
держав(а)			
	<i>держав-ець</i>	<i>держав-иц(я)</i>	
	<i>держав-к(а)</i>		
	<i>держав-ник </i>	<i>держав-ниц(я)</i>	
		<i>державниц-тв(о)</i>	

		націоналіст- державник	
		<u>державницьк(ий)</u>	самостійн-о- державницьк(ий)
	держав-оньк(а)		
	<i>держав-ств(о)</i>		
	анти-держав-ник	антидержавниц-тв(о)	
		антидержавниць- к(ий)	
	без-держав-ник		
	не-держав-ник		
	загальн-о-держав- н(ий)		
	між-держав-н(ий)		
	навколо-держав-н(ий)		
	імпер-велик-о- держав-ництв(о)		
	сам-о-держав-ств(о)		
	етн-о-держав-и-(ти)		

Словник-довідник Д.Мазурик „Нове в українській лексиці” (2002) подає як такі, що перейшли з пасивного фонду в активний, лексеми *державник*, *державницький*, оскільки СУМом не засвідчено цих лексем. Семантична структура деривата *державник* зазнала певних змін і модифікацій, порівняймо:

СУМГ 1907-09	<i>державник</i> – государственный человек
РУС 1924-32	<i>державник</i> – государственный
НУЛ 2002	<i>державник</i> – політик, який послідовно працює на зміцнення держави, на утвердження її суверенітету, на зростання міжнародного авторитету
ВТС СУМ 2004	<i>державник</i> – прибічник державності, тобто державного ладу
Електронні ресурси	<i>державник</i> (неосемантизм, розмовне) – студент, який вчиться за державний кошт

Є.А.Карпіловська, розглядаючи слово *державник* серед інших повернених слів, відзначала „модифікацію значення під впливом нових соціальних умов” порівняно, скажімо, з дефініціями у Словнику Грінченка. На фоні активних суспільних змін на пострадянському просторі привертає увагу певний паралелізм, спостережуваний авторкою на прикладі російської мови, де у „Тлумачному словнику російської мови кінця ХХ ст.: Мовні зміни” Г.М.Скляревської російський відповідник *государственный* потрактовано як ”прибічник сильної державної влади, збереження єдиної держави” з ремаркою *публіцистичне* (ТСРЯ 2000: 178) [Клименко/Карпіловська/Кислюк 2008: 11-12]. Семантичне наповнення лексеми

державник можна сформуванати з думок і оцінок, поданих у ЗМІ: „державник понад усе має на оці збудування власної держави”; реалізацію поєднуваності демонструють словосполучення, де прикметники-означення певної держави позначають профілювання поняття: „український державник Іван Мазепа”, „Симон Петлюра – видатний державник України”, „Адам Кисіль – польський державник-патріот”, „русский державник Федор Тютчев”, „советский державник Сергей Михалков”, „русский державник генерал Деникин” тощо. Таким чином формується низка імен для кожної країни, яких зараховують до виразників її державності, що є складником патріотичного виховання та державницької позиції. Скажімо, в Україні існує серія книжок „Українські державники”.

В українському політичному дискурсі вживання назви особи за політичною належністю є доповняльним до характеристики особи як державника, порівняймо: *М.Грушевський – народник і державник*, *Юліан Бачинський – соціал-демократ і державник*, *Олег Тягнибок – націоналіст і державник*, що відповідає дефініції, поданій в НУЛ: „політик, який послідовно працює на зміцнення держави”, звідси *політик-державник* не є тавтологією, навпаки, основа *політик* є категоризатором, а *державник* – ідентифікатором (очевидно, може бути і *політик-антидержавник*). Однак, склалася і протилежна думка, що політики і державники – це не одне й те саме: „*Ющенко – не політик, він – державник*”; і навіть більше, що українські політики не є державниками: „*Політик думає, де він у січні буде, і платить будьчим, навіть економічною незалежністю, а державник думає, де Україна буде через рік...*”. Розмежування понять висловлює негативну емоційну оцінку поняттю „політик”, в той час як лексема „державник” зберігає позитивну конотацію. Порівняймо російські приклади: „*В то же время среди державников немало приличных людей*”; „*Сегодня, что ни подлец, то державник*” [Ризанова-Кларк 2002: 443]. Тут негативну оцінку лексеми *державник*, яка в російській мові вживається в книжному „високому” стилі „*истинный державник*”, формує свідоме зниження стилю і протиставлення її семантично-нейтральній „*государственник*”.

У рядах юкстапозитів, утворених словоскладанням, другий компонент *державник*, позначаючи особу за „ідеєю, яку вона підтримує” [Ризанова-Кларк 2001: 443], виступає ідентифікатором, де категоризатор характеризує особу за видом основної діяльності: *військовик-державник*, *воїн-державник*, *історик-державник*, *педагог-державник*, *політик-державник*; за займаною посадою: *кандидат-державник*, *президент-державник*, *патріарх-державник*, за ідеологією: *патріот-державник*, *націоналіст-державник*; як перший компонент юкстапозита перебирає на себе роль категоризатора, другий компонент – ідентифікатор позначає спеціалізацію державницької діяльності: *державник-практик* і *державник-теоретик*, або специфіку трактування державницької ідеї: *державник-самостійник*. Сформувалася антонімічна пара: *державник – антидержавник* [СТ 2005; ДИН 2008], *недержавник* („той, хто ігнорує або не дбає про державу”). Новотвір *бездержавник* має значення „хтось (щось) без держави, бездержавний”, і функціонує на позначення як народу, так і особи: *Немає жодного народу, який пережив таку трагічну долю бездержавника, як український народ* [ЛСІ 2007: 15]; *І коли, наприклад, бездержавник живе в якійсь державі, то він підлягає, безумовно її законам* [www.plastusa.org/ypu/pdfs/VelykaHra.pdf].

У мовленні студентів побутує лексема *державник* на позначення студента, який вчиться за державний кошт, на противагу *контрактнику*: *Я державник і не плачу за навчання; існує наказ ректора державникам індивідуальний графік не підписувати* [Форум Файного Міста. Крапківські балачки]. Власне, відбулося стягнення словосполучення „той, хто вчиться за державний кошт” за семантично стрижневим словом *державний*, яке виконує роль ономасіологічної ознаки, в суфіксальний дериват, де суфікс виконує роль ономасіологічного базису „той, хто...”. За таким самим принципом у розмовному мовленні функціонує новотвір *недержавник* у значенні „той, хто працює в недержавній, приватній фірмі”, яке трапилося у складі юкстапозитів - конкурентних словотвірних синонімів *охоронець-недержавник, охоронник-недержавник*. Ці похідні-неосемантизми належать до ад’єктивної зони гнізда, оскільки вони мотивовані твірним *державний*, а не базовим словом *державна*. Тут їх розглядаємо, аби проілюструвати динаміку розвитку значень лексеми *державник*.

Прикметник *державницький* – „той, що сприяє утвердженню і розвитку держави” – функціонує у словосполученнях *державницьке мислення, державницька позиція, державницька діяльність*, утворює антонімічну пару з *антидержавницький* і демонструє здатність до спеціалізації: *самостійнодержавницький*.

Та частина субстантивного підгнізда, яку формують префіксальні (7 одиниць) та складні (30 одиниць) похідні (не наведені у фрагменті гнізда), мотивовані твірним *державна*, складається всуціль із новотворів, окрім активізованих *держав-ознавець* і *держав-ознавств(о)*.

За допомогою префіксів формується градуальність оцінки, яка розростається в градуально-оцінну „шкалу” на позначення держави: *квазідержавна – псевдодержавна – недодержавна* (яка має несамодостатню державність) – *мікродержавна – гіпердержавна – наддержавна – супердержавна*. Юкстапозити, де компонент *державна* є категоризатором, можуть позначати як спеціалізацію, зберігаючи відносну стилістичну нейтральність, що частіше спостерігаємо в термінах [РУСНТ 1994 Суспільні науки]: *державна-партнер, державна-постачальник, державна-транзитер, державна-нечлен, державна-донор*, так і яскраву негативну оцінку, закладену в значенні другого компонента: *державна-ізгой, державна-монстр, державна-звір* (яка вважає людину за ніщо). Гібриди з твірною основою *державна* можна розглядати як „сплави” внаслідок взаємопротилежних процесів націоналізації й інтернаціоналізації.

Нові суспільні реалії зумовлюють розвиток значень у похідних, спрямований на творення й розбудову держави та її інституцій, реалізований у наступних новотворах: *державобудівник, державобудівництво, державобудування, держбудування, державорозбудова, державотворення, державотворець, державотвориця, державотворчий, державоутворний*.

Осмислення історичного минулого стимулювало появу конкурентних словотвірних синонімів на позначення цього періоду: *бездержавність* і *бездержав’я*, а також *безвладдя*; науку, яка вивчає теорію і практику державотворення, розбудову та функціонування інститутів держави, внутрішньодержавні і міжнародні взаємини – *державознавство*, найменування фахівця із державознавства – *державознавець*.

Прикладом нереалізованості змістової потенційності є дериват *державка*. Про змістову потенційність мовлення В.Матезіус писав як про „нестійке співвідношен-

ня інтелектуальних і афективних елементів у складі більшості виражальних одиниць, яке виявляється, наприклад, у чеській мові, в тому, що деякі зменшувальні форми використовують то для позначення справді малих предметів, то для позначення улюблених предметів, незалежно від їхньої величини”. Звідси „змістова потенційність мовлення постає перед нами як множинність висловлень, тобто як можливість висловити те саме декількома способами” [Матезиус 2003: 21-22]. Порівняймо, [РУС 1924-32] подає *державка* як модифікацію – зменшувальне до *держава*. І.І.Ковалик, характеризуючи деривати, мотивовані іменником із суфіксом **-к(а)**, писав, що вони виражають семантику зменшеності, пестливості, поєднання цих значень або зневажливості. Важливим є зауваження, що „утворення цього типу значною мірою зазнають десемантизації, занепаду семантики зменшеності” [Словотвір 1979: 105]. Зміна семантики пестливості на семантику зневажливості відбулася в утворенні з модифікаційним суфіксом **-оньк(а)** внаслідок сполучення з оказіональним відверто негативним прикметником: *...в нашій бандючній державоньці нічого не робиться просто...* [О. Забужко. Музей покинутих секретів 2010: 253]. Взагалі така енантіосемія властива демінутивам, пор. *людці, вожденя, лідерчук*. У сучасному вживанні, зокрема в термінології, на позначення малої держави за критерієм її фізичних та географічних параметрів, а також за національною могутністю, тобто, здатністю впливати на інші держави, функціонує назва *мікродержава* (*мікродержави Європи; Ватикан – місто-мікродержава, „країни-карлики” або мікродержави*). Відбувається метафоричне перенесення за ознакою окремішності, часто винятковості або не підпорядкованості загальному порядку (пор. „держави в державі” – вислів французького письменника Агриппи д’Обіньє (155-1630)) назви *мікродержава* на явища, особу, територію тощо (*фестиваль як мікродержава; особистісне я – це мікродержава; Карпати – мікродержава*). Інший варіант *мінідержава* до маленьких країн вживають або в історичному контексті, або у знижено-оцінній площині, очевидно, зумовленій значенням неповноти ознаки, яку виражають префіксоїди **міні-, мікро-, не-, недо-, напів-** (пор.: оказіоналізм *недержави*, який вживають в образливому контексті, або „*недержави не може бути видом держави*”). Натомість його значно частіше в широкому спектрі вживають на позначення всього іншого, що має ознаки впорядкованості, властиві державному ладу: *мінідержава – це бджоли, сім’я, школа, селянський хутір, профспілки, кожне містечко, людське тіло, мафія*. Антонімічні опозиції до *мікродержава* утворюють, передусім за ознакою сили, могутності, впливовості, а не за розмірами території, словотвірні варіанти: *гіпердержава, наддержава, мегадержава* (оказіоналізм *супер-пупер-мегадержава*), *супердержава*.

Похідне *державка* натомість функціонує винятково в термінологічному значенні як технічний пристрій. Перехід, який відбувся в українському вживанні цього слова під впливом російської мови, що можна простежити за рухом наголосу, який ще розрізняв вживання лексем у 1930-ті роки, демонструють термінологічні словники, видані з проміжком у 67 років:

Словник	Слово
І.М.Шелудько. Практичний словник виробничої термінології. – К., 1931. – с.20	рос. <i>держáлка</i> (вставки, ролика) – укр. <i>дѣржавка</i>

РУСНТ. Математика. Фізика. Техніка. – К., 1998. – с. 158	рос. <i>держáвка</i> – укр. (техн.) <i>держáвка</i> (поворотна державка)

Відбулася заміна суфіксального деривата зі значенням зменшеності на префіксоїдні гібридні утворення, в одному випадку, і змісторозрізнявальне пересування наголосу, в другому:

Твірне слово / час фіксації	<i>держава</i>	Категорійне значення	<i>держати</i>	Категорійне значення
30-і роки ХХ століття	<i>держáвка</i>	відсубстантив, семантика зменшеності	<i>дérжавка</i>	віддієслівне, інструмент дії, пристрій
Кінець ХХ – початок ХХІ століття	<i>мікродержава</i> <i>мінідержава</i>	семантика зменшеності, зневажливості	<i>держáвка</i>	інструмент дії, пристрій

Крім похідного *державка*, у відсубстантивній зоні гнізда у пасив відійшли деривати *державиця* і *державство*.

Дериват *державиця* позначає назву особи жіночої статі, утворену від *державець*, яку [РУС 1932] подає як переклад до російських *государь*, *державець*, *властитель* з українськими синонімами *володар*, *зверхник*, *можновладець*, *самовладник*. У часи самодержавства це були живі нейтральні лексеми на позначення царських осіб, зокрема й жіночої статі (*державиця*, *володарка*, *володариця*, *зверхниця*, *можновладниця*). Зі зміною суспільного ладу *державець* стали вживати лише як історизм. Порівняно зі станом, зафіксованим у словнику Грінченка, відбулася остаточна його „міграція” на лексичну „периферію”: *державець* (заст.) 1) володар, що мав права монарха; 2) той, хто користувався ранговими землями, а позначення назв осіб жіночої статі взагалі вийшли з ужитку [СУМ 1970-1980].

Ад’єктивна зона гнізда

Стабільне ядро ад’єктивної зони (подано її фрагмент) формують словотвірні пари *державний* → *державність* та *державний* → *недержавний*, які „обросли” новотворами.

держав(а)				
	держав-н(ий)			
		державн-ик*		
		державн-ість	анти-державність	
			не-державність	
		державн-о		
		анти-державн(ий)		
		без-державн(ий)	бездержавн-ість	
		гіпер-державн(ий)		

		над-державн(ий)		
		не-державн(ий)	недержавн-ик*	охоронець-недержавник*
				охоронник-недержавник*
		державн-о-політичн(ий)		
		все-державн(ий)		
		гіпер-о-державн(ий)		
		етно-державн(ий)		
		квазі-державн(ий)		
		напів-державн(ий)		
		національн-о-державн(ий)		
		політик-о-державн(ий)		

У прикметника *державний* спостерігаємо стабільно високу сполучуваність, зафіксовану як у творенні стилістично-нейтральних назв, складних слів з першим компонентом абросовною **держ-** (від *державний*), а найбільше терміносполучень [РУСНТ 1994: 98-99], так і в появі стилістично маркованих, емоційно-експресивних новотворів: словосполучень *державна кишеня*, „*державна*” *контрабанда*, *державні мужи* (що можна розглядати як оцінну метафору на позначення найчастіше депутатів чи високих державних посадовців: ...*втомлений зір державного мужа, суміш знудженості, поблажливості, іронії й жалю*... [О.Забужко. Музей покинутих секретів 2010: 587]) на відміну від нейтрального *державний службовець*. Н.Ф.Клименко акцентує, що „сполучення основи **держ-** з основами, співвідносними зі словами з негативним забарвленням, зумовлює формування загальної негативної характеристики похідного, оскільки йдеться про поєднання несполучуваного, адже держава покликана боротися з явищами, що іменуються як: *держаморальний, держаморальність, держверхи, держгодовниця, держрекети* [Клименко/Карпіловська/Кислюк 2008: 172]. Складні похідні, першою частиною яких є аброморфема **держ-** (скорочено від *державний*), утворюють найчисленнішу парадигму гнізда. Вони охоплюють широкий спектр словотвірних категорій, передусім це назви різноманітних державних установ, які ілюструють, як змінювалася їхня наявність та діяльність відповідно до соціальних змін: *Держвидав, держкіно, Держплан, держцирк* [ПСГ 1930]; *держарбітраж, держбанк* [СУМ 1970-1980]; *держгосп, держстрах* [СДГ 1989]; *держдепартамент, держтестатр, держустанова* [ОСУМ 1991]; *держадміністрація, Держінформ'юст, Держкомінформполітики, Держкомнацміграції, Держмитком, держскарбниця, ДержТБ* [СТ 2005]. Стабільним вживанням відрізняється *держбюджет*, зафіксоване в усіх словниках, починаючи з 1930-х рр.

Похідні *державний* та *державність* виявляють високу сполучуваність із питомими та запозиченими префіксами та формують синонімічні ряди й антонімічні

пари: *антидержавний, бездержавний, недержавний – наддержавний; антидержавність, бездержавність, недержавність*. Низку опозицій продовжують складні слова: *всдержавний, гіпердержавний, гіперодержавний, загальнодержавний, квазідержавний, навколдержавний, напівдержавний*, серед яких є і гібридні утворення.

Зміни в дієслівному підгнізді

Певну динаміку можна спостерегти у дієслівному підгнізді.

держав(а)				
	держав-и(ти)			
		анти-держави(ти)		
		сам-о-держави(ти)		
			самодержав- ець	
			самодерж- ець	самодерж-иц(я)
			самодержав- н(ий)	самодержавн-о
				самодержавн-ість
				самодержавн-о- бюрократичн(ий)
				самодержавн-о- кріпосницьк(ий)
			самодержав- ницьк(ий)	
	о-держав- и(ти)	одержавл-ен(ий)		
		<u>одержавл-енн(я)</u>		
	роз-держав- и(ти)	роздержавл-ен(ий)		
		роздержавл-енн(я)		
	у-держав- и(ти)	удержавл-юва(ти)		
		удержавл-ен(ий)		
		удержавл-енн(я)		
	<i>держав- ува(ти)</i>	<i>державува-нн(я)</i>		

Засвідчене у додатку до монографії О.А.Стишова дієслово *державити* (що-правда, без текстової ілюстрації) має статус okazionalного. Справді, матеріал показує, що це дієслово функціонує лише в художній літературі, в поетичних тек-

стах (*За тобою правда – державити треба міцно!* (Р.Іванченко); ...*бо ти в цей світ державити прийшла...* (В.Стус); ...*переливати епос порожнього в модерн пустого, обпиватися кавою, державити...* (Є.Пашковський)). Водночас воно заповнює лакуну, утворену відходом у пасив дієслова *державувати* [РУС 1932], у словниках радянського періоду.

Новотвір *самодержавити* (*А хто буде царювати-самодержавити?* [www.ukrreferat.com/humor/humor6htm]) „самоу державити, мати необмежену, монархічну владу” логічно мотивує похідні, які хоч і позначають історичні поняття, однак стабільно засвідчені усіма словниками аналізованого періоду. Префіксальні дієслова *одержавити*, *удержавити* та віддієслівні похідні радянського періоду відображають односторонні процеси, спрямовані на те, щоб „зробити що-небудь власністю держави” [СУМ]. Натомість у післярадянський період з’явилося *роздержавити* з новотворами *роздержавлений*, *роздержавлення*, яких не було у словниках радянського періоду, на позначення дії, протилежної до „зробити власністю держави”, тобто „зробити державну власність недержавною шляхом приватизації”.

Словники 30-х років ХХ століття засвідчують дієслово *державувати* (надалі воно було витіснене у пасив) як нейтральне синонімічне до російського *государствовать*, *управлять государством* з українськими відповідниками *панувати*, *володарювати* [РУС 1932], які пізніше зазнали звуження семантики. Серед префіксальних та складних новотворів є гібрид *антидержавити*.

Висновки

1. Гніздо, мотивоване ключовим словом *держава*, демонструє активне використання національномовних ресурсів у динамічних різноспрямованих процесах розвитку лексики, зумовлених соціальними змінами, які призводять до певної переорганізації лексики на вимогу пізнавальних та комунікативних суспільних потреб: націоналізації / інтернаціоналізації, інтелектуалізації / демократизації, економії мовних засобів / деталізації номінацій, семантико-функціональної диференціації найменувань. У словотворенні це виявляється у стабільному функціонуванні словотворчо активного ядра; появи новотворів, мотивованих базовим словом або ядерними похідними, витісненні у пасив частини похідних, а також активізації деяких похідних як неосемантизмів.

1.1 Лексико-словотвірне ядро гнізда становлять питомі похідні, засвідчені словниками досліджуваного періоду як стабільно активні. Це словотвірні типи: похідний відносний прикметник на **-н(ий)**, який називає ознаку, виражену твірним іменником (*державний*) і який продовжує ланцюжок префіксальним утворенням з **не-** і заперечною семантикою (*недержавний*) й абстрактним іменником на **-ість** (*державність*), а також префіксальні відсубстантивні дієслова (*одержавити*, *удержавити*) з розгортанням ланцюжка в дієприкметник (*одержавлений*, *удержавлений*) і далі в віддієслівний іменник на **-енн(я)** зі значенням опрідметненої дії (*одержавлення*, *удержавлення*). Загалом такі спостереження укладаються в активні словотвірні моделі, названі найбільш продуктивними не лише в українському, а й у слов’янському словотворенні [Словотвір... 1979].

1.2. Активне розростання гнізда відбувається передусім за рахунок питомих словотворчих ресурсів. Серед численних новотворів, що постали після 1991 року,

переважають питомі прості та складні похідні, які демонструють як наявність постійних, так і появу нових варіантних утворень:

– суфіксальних словотвірних синонімів (*державник – державець, державниця – державиця, державити – державувати*), які, переважно, є функціонально диференційованими;

– префіксальних словотвірних синонімів (*одержавити – удержавити*);

– неосемантизмів, які з новими значеннями формують антонімічні пари (*державник – недержавник (контрактник)*), або ж омонімічні конкурентні пари, де один із омонімів витіснений у пасив (*державка (від держава) – державка (від держати)*).

2. Досліджуваний матеріал підтверджує висновки, зроблені для російської мови про високу активність гібридного словотворення [Земская 2002: 157]. Серед дериватів є гібриди з іншомовними формантами чи однією з основ у складних похідних. Найбільше гібридних утворень у субстантивній зоні гнізда (*державамонстр, держаморальність, держрекет, держфункціонер*).

2.1. Результатами динамічних процесів є поява нових варіантних префіксальних утворень, які конкурують з питомими та гібридними дериватами. Найактивнішим запозиченим префіксом є **анти-**, який має значення протилежності, заперечення і поєднується з усіма без винятку частинами мови (*антидержава, антидержавник, антидержавницький, антидержавництво, антидержавний, антидержавність, антидержавити*); у субстантивній зоні гнізда активність виявляють префікси та префіксоїди на позначення високого або низького ступеня оцінки, які формують синонімічні ряди та антонімічні пари як з іншими гібридами, так і з питомими похідними (*мегадержава – наддержава – супердержава; мікродержава – мінідержава*).

Література

1. Брага І.І. Мовна репрезентація образу держави у пресі України (кінець 1970-х – початок 2000-х років). – АКД. – К., 2002.
2. Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Горещкий Я. Динамічність і динаміка в мові // Мовознавство, 1988. - № 6. – с. 7-10.
4. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: «Языки русской культуры», 1996.
5. Земская Е.А. Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. – Münster: Lit, 2002. – S.157-169.
6. Кислюк Л.П. Україноязычное медиа-пространство: тенденции стабилизации инноваций // Славянские языки и культуры в современном мире. – М.: МАКС Пресс, 2009, с.108-109
7. Клименко Н.Ф., Карпіловська Є.А., Кислюк Л.П. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008.
8. Клименко Н.Ф., Пещак М.М., Савченко І.Ф. Формалізовані основи семантичної класифікації лексики. – К.: Наук. думка, 1982.

9. Матезиус В. О потенциальности языковых явлений // Избранные труды по языкознанию. – М.: УРСС, 2003. – с.3-30.
10. Ризанова-Кларк Л. Словообразовательный аспект оценочного речевого воздействия в идеологически-ориентированном дискурсе // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. – Münster: Lit, 2002. – S.441-451.
11. Словотвір сучасної української літературної мови. – К.: Наукова думка, 1979.
12. Тихонов А.Н. Внутренняя форма слова в семантике лексического гнезда // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. – Münster: Lit, 2002. – S.139-155.
13. Słowotwórstwo / Nominacja. – Red. nauk. I.Ohnheiser. – Innsbruck: Univer. Innsbruck; Opole: Uniwer. Opolski, 2003.

Словники

СУМГ: Словарь української мови: В 4-х томах. Упорядкував Б.Грінченко. – К.: Вид-во АН УРСР, 1958. – Надруковано з вид. 1907-1909 рр. фотомеханічним способом. – Т.1.

Словники 1930-х років

РУСПМ: Російсько-український словник правничої мови. Гол. ред. акад. А.Ю.Кримський, К., 1926. – К.: К.І.С., 2007. – Електронна версія.

СДМ: Словник ділової мови М.Дорошенка, М.Станиславського, В.Страшкевича, 1930. – К.: К.І.С., 2007. – Електронна версія.

ПСГ: Голооскевич Г. Правописний словник (за нормами українського правопису ВУАН, Харків, 1929 р.). – Вид. 12. – Нью-Йорк – Париж – Сидней – Торонто – Львів, 1994.

ПРУСП: Практичний російсько-український словник приказок. Упоряд. Г.Млодзинський. За ред. М.Йогансена. – Вип. 8. Відтвор. Вид. 1929 р. – К.: Інститут енциклопедичних досліджень НАНУ, 2009. – Серія „Із словникової спадщини”.

ПСВТ: Шелудько І.М.. Практичний словник виробничої термінології. – Вип. 8. Відтвор. Вид. 1931 р. – К.: Інститут енциклопедичних досліджень НАНУ, 2009. – Серія „Із словникової спадщини”.

РУС-32: Російсько-український словник за ред. акад. А.Ю.Кримського та акад. С.О.Єфремова. – К: Червоний шлях, 1927-1932. – К.: К.І.С., 2007. – Електронна версія.

Словники 1970-90 років

СУМ: Словник української мови: В 11 т. – К.: Наук. думка, 1970-1980.

ССМ: Словник староукраїнської мови. – К. 1977-1978.

РУС-87: Російсько-український словник у 3 т. – К: УРЕ, 1987. – Т.1.

СДГ: Головащук С.І. Словник-довідник з правопису та слововживання. – К.: Наук. думка, 1989.

ЕСУМ: Етимологічний словник української мови. Т.2. – К.: Наук. думка, 1985.

Словники, видані після 1991 року

ОСУМ: Орфографічний словник української мови. – К.: Довіра, 1994.

РУСНТ: Російсько-український словник наукової термінології: у 3 т. – К.: Наук. думка, 1994-1998.- Т.1 Суспільні науки (1994); Т.3. Математика. Фізика. Техніка. (1998).

НУЛ: Мазурик Д. Нове в українській лексиці: Словник-довідник. – Л.: Світ, 2002.

ВЗОС: Великий зведений орфографічний словник сучасної української лексики / Гол. ред. В.Т.Бусел. – К.-Ірпінь: Перун, 2004. – 2-е вид.

ВТССУМ: Великий тлумачний словник сучасної української мови / Гол. ред. В.Т.Бусел. – К.-Ірпінь: Перун, 2007. – 3-є вид.

ЛСІ-2004: Нелюба А. Лексико-словотвірні інновації (1983-2003). – Х., 2004.

ЛСІ-2007: Нелюба А., Нелюба С. Лексико-словотвірні інновації (2004-2006). – Х.: Майдан, 2007.

СТ: Стишов О.А. Українська лексика кінця ХХ століття (на матеріалі мови засобів масової інформації). – К.: Пугач. – 2005, Додатки (Словопоказчик використаних слів): Нові слова.

ДИН: Клименко Н.Ф.Карпіловська Є.А., Кислюк Л.П. Динамічні процеси в сучасному лексиконі. – К., 2008. – Додаток: Індекс нових слів. – С. 279-329.

ЮЕ: Юридична енциклопедія. У 6-ти томах. Т.2. – К.: Вид-во „Укр. енциклопедія” ім. М.П.Бажана, 1998.

Лариса П. Кислюк

НАЦИОНАЛЬНОЯЗЫКОВЫЕ РЕСУРСЫ ОТРАЖЕНИЯ СОЦИОДИНАМИКИ

В контексте изучения тенденций развития современного украинского языка, в частности, динамических процессов в его лексиконе и словообразовании, рассматривается использование национальноязыковых ресурсов в словообразовательном гнезде от ключевого слова *держава* ‘государство’. Особенностью ключевых слов, пребывающих в «фокусе социального внимания», является активизация их словообразовательного потенциала. Тесную связь словообразовательной динамики с социодинамикой подтверждает анализ материалов украинских словарей ХХ – начала ХХІ века, отражающих радикальные изменения в жизни украинского общества, связанные, прежде всего, с созданием в 1991 г. независимого Украинского государства.

Олена С. Снитко

(Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)

ОСОБЛИВОСТІ НОМІНАЦІЇ В ОНТОГЕНЕЗІ

Ключовою для сучасної філософії, психології, когнітивної лінгвістики є ідея образної основи розумових процесів. Висновок про те, що реальне мислення не зводиться до оперування символами, вербальними структурами, а передусім передбачає оперування образами предметів і дій, сьогодні є чітким і аргументованим (нагадаємо, що відповідне положення було одним із найважливіших у психолінгвістичній концепції О.Потебні; згадаємо також дослідження М.Жинкіна, який висунув теорію універсально-предметного коду, коду образів і схем як особливої „мови” розумових процесів, концепцію функціонального базису мовлення І.Горелова, спостереження за механізмами декодування вербальних сигналів групи нейрофізіологів під керівництвом Н.Бехтеревої, праці фахівців з навчання сліпоглухонімих дітей та ін. Цікавий і важливий матеріал для теоретичних узагальнень про характер розумових процесів дає вивчення онтогенезу мислення та онтогенезу мови. На думку дослідників (Ж. Піаже, Л. Виготський, І. Сеченов, А.Шахнарович та ін.), онтогенез мислення тісно пов'язаний з розвитком чуттєвих форм відображення зовнішнього світу. Пор. думку Ж.Піаже про існування кількох стадій інтелектуального розвитку дитини дошкільного віку – сенсорно-моторної (яку зараз іноді називають стадією конкретно-дієвого мислення), стадії образного сприйняття дійсності (або наочно-образного мислення) [Piaget, Inhelder 1956: 12, 192]. І.Сеченов уявляв собі розвиток мислення в онтогенезі таким чином: першим етапом розвитку когнітивної здатності дитини є сукупне відчуття від груп і рядів цілісних предметів; на наступній «інстанції перетворення» відбувається виділення цілісного предмета з групи в малорозчленованій формі (у цей період дитина мислить «тільки конкретною ялинкою», тобто предметними індивідуальностями); наступний етап пов'язаний зі сприйняттям предмета в розчленованому вигляді, тобто дитина здатна вже виділяти окремі ознаки спостережуваних феноменів, образ предмета поступово редукується, з нього відкидаються індивідуальні ознаки і, таким чином, формується уявлення про предмет. [Сеченов 1952: 279].

Провідною формою мислення у дитини дошкільного віку є образ-еталон. Образи-еталони «утворюються в результаті узагальнювальної діяльності свідомості та існують у формі значень, матеріальним втіленням яких є спочатку предмети матеріального світу, а потім – у міру розвитку дитини – знаки мови» [Шахнарович 1983: 186].

Найважливіша роль образів у мисленні дитини підтверджується низкою фактів. Так, наприклад, А. Леушина на основі експериментальних даних прийшла до висновку, що при сприйнятті казки або оповідання на основі словесного опису діти створюють наочні образи і можуть повторити почуте, згадуючи послідовність «картинок» розповіді [Леушина 1941].

Експериментальне дослідження особливостей номінативної діяльності в онтогенезі, метою якого було вивчення когнітивних механізмів номінації, проводилося з урахуванням різних вікових груп – 3-4 роки (17 опитаних), 5-6 років (16 опитаних),

7-9 років (16 опитаних). Вибір вікового діапазону опитаних дітей зумовлений кількома важливими чинниками. Три роки – це певна межа між наймолодшим та дошкільним віком. Саме у цей період починає інтенсивно розвиватися наочно-образне мислення, активний лексикон дитини суттєво збільшується, лакуна між пасивним та активним словником дитини майже зникає [Елисеєва 2009: 174]. Стадія самонавчання мови у цілому завершується у віці 5-6 років [Basser 1962; Седов 2007: 150]. Трисім років, на думку вчених, – найоптимальніший період для дитячої словотворчості: дитина опановує найважливіші закономірності морфемної побудови слів, здобуває навички словотвірної синтезу [Шахнарлович, Юрьєва 1990]. Молодший шкільний вік (7-9 років) характеризується тим, що мовлення, вербально-логічний вид навчання стають основними способами пізнання дійсності.

Експерименти здійснювалися за кількома методиками. По-перше, дітям в ігровій формі пропонувалося назвати зображені на кольорових фотокартках або малюнках незвичайні чи фантастичні предмети (головним завданням, яке виконували діти, було завдання «вгадай назву», незвичний характер об'єктів номінації стимулював креативність мислення), по-друге, пропонувалося придумати найменування на основі розгорнутої синтаксичної конструкції на зразок «як назвати того, хто пише листи».

Як показує узагальнення результатів експерименту, найпродуктивнішим способом номінації в онтогенезі (на всіх етапах розвитку) є генералізація вже відомого найменування, що спирається на образ-еталон, який зберігається свідомістю дитини. Так, наприклад, називаючи зображене на малюнку суцвіття яскравожовтого кольору круглої форми, діти використовували такі одиниці, як: (рос.) *колобок, одуванчики, цветы, котики, лимон, верба, летние цветы, цветущий сад, пахучие гроздья; Это одуванчики растут. Похоже на апельсин.*

Експеримент показав залежність номінативного акту від установки суб'єкта (дитини), тобто того особливого стану, який передує виникненню психічних процесів і залежить від потреби, що актуально діє в даному організмі, і від об'єктивної ситуації задоволення цієї потреби. Саме різні установки, які переживають діти, зумовлювали різне «бачення» ними позначуваних явищ крізь призму образів-еталонів. Так, зображена на малюнку фантастична істота зеленого кольору на коротких ніжках у формі ковшика позначувалася по-різному на основі актуалізації різних ознак: *лягушка, лягушка с хвостом, черепаха, черепашка с таким длинным ухом, жаба, ложечка, дракошка, инопланетянин, улиточка, балалайка, палец.* У всіх випадках назва була психологічно вмотивованою та спиралася на відповідний національно-культурний контекст.

Уже з наведеного переліку відповідей видно, що словотворчість і номінація-висловлення займають периферійне положення. Словотворчість в 1-й віковій групі склала 11% від загальної кількості здійснених номінацій, у 2-й – 24%, в 3-й – 17%; номінація-висловлення, відповідно, – 0,8%, 0%, 0%. Серед номінацій, які пропонують діти, найчастотнішими є генералізовані (тобто такі, які поширюють сферу функціонування) слова. Навіть у відповідь на пропозицію створити назву на основі синтаксично розчленованої конструкції, яку застосовував експериментатор, стимулюючи словотвірний процес, діти переважно використовували вже відомі їм назви. Порівняймо відповіді на питання «Как назвать того, кто чинит

игрушки?» – *мастер, дядя, человек, я, механик, папа, дедушка, починник, чинитель. Фермером, мельником, комбайнером, работником, пахарем, хлеборобом, севачом* був названий той, «кто пшеницу сеет»; *дядей, петушиником, фермером, пасечником, разводителем кур, курятником, куроводом, хозяином, бабушкой и дедушкой* був названий той, «кто кур разводит».

Проведене дослідження змушує поставити під сумнів поширену думку про синтаксичну основу словотворчих явищ у дитячому мовленні (як, власне, і у мовленні дорослої людини), згідно з якою створення нового слова визначається правилами перетворення предикативної синтагми, що відображає ситуацію дії, в слово-універб (див. роботи І.Торопцева, В.Мартінова, Л. Сахарного, Н.Юр'євої та ін.). А. Шахнарович і Н. Юр'єва вважають, наприклад, що при створенні дитиною нового слова його «... аналіз і вибір зумовлені не власне ситуацією, але розвитком того, що ми називаємо програмою предметних дій» [Шахнарович, Юр'єва 1990: 135]. З цим важко погодитися, тому що навряд чи дитина молодшого віку, опинившись у новій для себе ситуації, в якій її дії ще не автоматизувалися, буде робити розгорнутий аналіз цієї ситуації для продукування нової лексичної одиниці. А. Люблінська провела експеримент, в якому дітям 3-4 років пропонувалося до певного фону (сад, галявина, вулиця) підібрати певну фігуру (тварини, людини тощо) так, щоб вийшла «цікава картинка». Перед початком гри експериментатор ставив дитині запитання «Що ти складеш?». Дитина, як правило, була не в змозі відповісти на запитання і відразу ж починала складати «цікаву картинку». Тільки після завершення роботи дитина вже могла пояснити, навіщо і чому вона так зробила [Люблинская 1946]. Справа в тім, що у дитини молодшого віку ще немає навичок до програмування предметних дій.

Сприймаючи нове явище, дитина осмислює його на основі пізнаного раніше, підводячи під той чи інший образ-еталон, що вже існує в її свідомості, й використовуючи для номінації ту відому їй вербальну форму, яка пов'язана з цим еталоном. Діти різних вікових категорій, вигадуючи назву для зображеної на малюнку гілки з вовчими ягодами, позначали їх за допомогою таких російських словесних форм: *смородина, виноград, черника, малина, черешня*. Вживання двох останніх одиниць дітьми молодшої вікової групи (3-4 роки) досить явно демонструє розбіжності у тлумаченні їх семантики в дорослому й дитячому мовленні. Ягоди, які ані за формою, ані за розміром і кольором не схожі на малину та черешню, дорослий номінатор ніколи б не позначив за допомогою відповідних лексичних одиниць, але дитина, еталонне уявлення якої є недосконалим і базується лише на найзагальніших ознаках, використовує генералізацію відповідних лексичних одиниць. Пор. також назви, що пропонували діти першої вікової групи для номінації суцвіття яскраво-жовтого кольору – *лимон, верба, котики*. Значення, які дитина вкладає в лексеми, використовувані у процесах номінації, змінюються разом із розвитком її мислення. Співвідносячи слово з предметом чи явищем, дитина на ранніх стадіях розвитку інтелекту є неспроможною виділити суттєві ознаки позначуваного.

Образ-еталон, що співвідноситься зі словом на ранніх етапах розвитку дитини, – це узагальнення елементарного типу, і лише в міру розвитку дитини в процесі предметної діяльності образ-еталон збагачується, трансформуючись в узагальнення вищого рівня, по-своєму опосередковуючи процес формування понять.

Поступове збагачення змісту уявлень (отже, і розвиток значення слів) може бути показаний на основі аналізу результатів проведеного експерименту, наприклад, під час розгляду так званих „помилкових“ називань, пов'язаних з неправильним тлумаченням семантики слів, які зустрічаються на ранніх етапах розвитку дитини, тобто в наймолодшій і середній вікових групах. Так, здійснюючи номінацію зображеної статуетки китайця в національному вбранні, одна дитина трирічного віку продукувала таку одиницю, як *дядя русский*, а двоє дітей п'ятирічного віку – відповідно, *дядя в украинском костюме*, *дядя в украинской одежде*. Вловивши екзотичний колорит у зовнішньому вигляді іменованого явища, діти співвіднесли позначуване з відомим їм елементарним узагальненням – образом-еталоном, використавши відповідні цьому образіві вербальні форми. Те, що з позицій дорослого носія мови є помилковим, цілком можна пояснити з точки зору дитячої психології. У групах дітей 7-9 років реалізувалися вже більш точні номінації – *древний китаец*, *статуетка древнего жителя Китая*, *японское искусство*.

Аналіз номінативної діяльності в онтогенезі з урахуванням різних вікових груп дітей наочно демонструє якісний стрибок у перебігу номінативних актів, що відбувається в дітей 11-13 років, серед яких проводився так званий пілотний експеримент чи контрольний вимір. Цей стрибок зумовлений процесом формування понять і виражається в набуваній здібності, виокремлюючи ознаки позначуваного, встановлювати їх ієрархію, тобто виділяти інтегральні й диференційні ознаки і в результаті їх об'єктивації створювати мовну форму-найменування (пор., наприклад, створені дітьми 11 років найменування фантастичних істот – *коротколапий зубастик*, *полуптица-полуживотное*), по-друге, осмислювати на основі виділених ознак глибинні зв'язки позначуваного з іншими явищами дійсності, давати не тільки дескриптивну, а й кваліфікативну його характеристику: пор. найменування фантастичного зображення дракона у вбранні селянки, запропоновані дітьми 3-9 років (*дракон*, *змея*, *Баба-Яга*, *Змей-Горыныч*, *кобра*, *баба-ведьма*), і номінації дітей 11-13 років (*источник зла*, *дьяволиада*, *нечистая сила*), які вже демонструють елементи дискурсивного типу мислення дитини, здатність використовувати абстрактну лексику. Разом з формуванням у дитини узагальнювальної функції слова в її свідомості починає створюватися поняттєва система. Так до уже засвоєних правопівкульних стратегій пізнання додаються і поступово розвиваються лівопівкульні. Проте паралельно з розвитком мовних навичок лівої півкулі триває вдосконалення правопівкульних стратегій мислення (пор., наприклад, засвоєння значної кількості фразеологізмів, яскравих метафор, образних висловів тощо) [Седов 2007: 153, 160]. Разом з розширенням соціального досвіду дитини молодшого шкільного віку здійснюється не тільки збагачення концептосфери, але й поглиблення базових концептів, яке обов'язково супроводжується певним «шліфуванням», трансформацією їхнього образного ядра.

Чуттєвий образ, з позицій сучасної когнітології [Попова, Стернин 2001; Язык и национальное сознание...2002], розглядається як базовий шар концепту. На користь такого тлумачення свідчить й експериментальне дослідження номінативних процесів в онтогенезі. Отримані висновки наочно демонструють закономірності

лінгвокогнітивних процесів у дитячому мовленні: «роботу» принципу надгенералізації, який полягає в розширенні сфери використання мовної одиниці, а також руху від конкретного до абстрактного, від образного до умовного [див.: Седов 2007: 149], що може бути узагальнено як шлях від правопівкульних стратегій мислення до лівопівкульних.

Проведене дослідження дає нові аргументи для тлумачення образу як генетично пріоритетної форми мислення і когнітивного базису для формування власне мовних номінативних структур, а також як базового шару концепту.

Література

1. Ваганова А. Номинация в детской речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 1997.
2. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М., 2001.
3. Елисеева М.Б. Взаимосвязь лексического и фонетического развития: понимание и продуцирование речи ребенком от 8 до 24 месяцев // Система языка и языковое мышление. – М., 2009. – С.173-181.
4. Леушина А.И. Развитие связной речи у дошкольников // Уч. зап. ЛГПИ. – 1941. – Т. 35.
5. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., 1979.
6. Люблинская А.А. Образ, мысль и речь в разумной деятельности ребенка-дошкольника // Уч. зап. ЛГПИ. – 1946. – Т. 53.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.
8. Рулева Е.А. Номинативный аспект детской речи (на материале французского, греческого, английского и украинского языков). – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 2002.
9. Седов К.Ф. Нейропсихолингвистика. – М., 2007.
10. Сеченов И.М. Избранные произведения. – М., 1952. – Т.1.
11. Соломоник А. Язык как знаковая система. – М., 1992.
12. Шахнарович А.М. Семантический компонент языковой способности // Психолингвистические проблемы семантики. – М., 1983.
13. Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. – М., 1990.
14. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002.
15. Язык и порождение речи. – М., 1991.
16. Basser L.S. Hemiplegia of early onset and the faculty of speech with special reference to the effects of hemispherectomy // Brain. – 1962. – Vol.85.
17. Piaget J., Inhelder B. The Child's Conception of Space. – London, 1956.
18. Bruner J. Education as Social Invention – Towards a theory of Instruction. – Cambridge, 1966.

Елена С. Снитко

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Статья посвящена анализу особенностей номинации в онтогенезе с учетом различных возрастных групп детей. На базе эксперимента продемонстрирована высокая степень продуктивности так называемых генерализованных наименований в оппозиции к иным способам – созданию нового слова (так наз. детское словотворчество) и номинации-высказыванию.

Генерализация уже известного наименования опирается на существующий в сознании ребенка образ-эталон как ведущую форму мышления. Значения языковых единиц, используемые ребенком в процессах номинации, изменяются вместе с развитием его мышления. Полученные выводы наглядно демонстрируют закономерности лингвокогнитивных процессов в детском возрасте, а также дают дополнительные аргументы для толкования образа как базового слоя концепта.

Світлана О. Соколова

(Інститут української мови НАН України, Київ, Україна)

СЛОВОТВІРНА ПАРАДИГМА ДІЄСЛОВА НА ТЛІ ТЕОРІЇ ФРЕЙМІВ

Визначення словотвірної парадигми (СП) як сукупності похідних тієї самої одиниці, які перебувають на одному ступені деривації [Клименко 2004], найбільш поширене і прийнятне в сучасному мовознавстві, оскільки «таке визначення найбільш ізоморфне поняттю парадигми в морфології» [Грецьук 1995: 16]. Зараз в українському мовознавстві активно розвивається парадигматичний підхід до словотвору, досліджено багато конкретних словотвірних парадигм, досить детально вивчено словотвірну парадигматику іменника [Валюх 2005], однак узагальненням уявлення про словотвірну систему певної мови може бути лише загальний словотвірний словник, у якому відображено системні зв'язки між твірними та похідними одиницями. На жаль, українське мовознавство ще не має повного словотвірного словника, яким є, наприклад, у російському мовознавстві «Словообразовательный словарь русского языка» О.М.Тихонова [1985], та словотвірно-тлумачних словників, у яких значення похідного слова подано з опорою на словотвірну семантику [Ефремова 2000; Ширшов 2004]. «Кореневий гніздовий словник української мови», укладений Є.А.Карпіловською [2002], – це, безперечно, великий крок уперед в українській лексикографії, проте, відповідно до його концепції, він охоплює лише гнізда слів з вершинами – омографічними коренями, тобто не всю лексику, однак саме в цьому словнику наочно проілюстровано важливість семантичного складника для побудови словотвірних гнізд. Особливо важливе послідовне врахування семантики під час словотвірного аналізу для дієслова, яке вирізняється з-поміж інших частин мови вищим ступенем багатозначності. Мета пропонованої статті – реалізувати саме такий підхід.

До СП першого ступеня базових (непохідних у межах дієслова) дієслів передусім зазвичай входить великий дієслівний блок. Зважаючи на те, що базові дієслова переважно належать до недоконаного виду (НДВ), а у внутрішньодієслівному словотворі функціонують передусім префікси (як самостійно, так і в складі конфіксів) похідні дієслова першого ступеня похідності (префіксальні та префіксально-постфіксальні) здебільшого протиставлені твірним за видом, незалежно від того, чи утворюють вони з ним видову пару, чи відрізняються від нього лексичним значенням тощо. За конфіксального способу мотивації (префіксально-суфіксального та префіксально-суфіксально-постфіксального) похідне дієслово, так само, як і твірне, належить до НДВ, але репрезентує один з родів дієслівної дії (РДД), тобто протиставлене твірному за аспектуальним значенням, передусім кратністю, перервністю та ін. Отже, члени дієслівного блоку СП базового дієслова формують його так звану аспектуальну парадигму [Соколова 2009].

За традиційного опису СП значення як твірного, так і похідних зазвичай урахують узагальнено, на рівні загального словотвірного значення всієї лексеми. Досліджуючи значення багатозначних префіксальних дієслів, ми звернули увагу

на те, що різні значення похідного можуть співвідноситися з різними лексико-семантичними варіантами (ЛСВ) твірного [Соколова 2003: 52-61]. Таку саму закономірність спостерігаємо й у відношеннях мотиватора з похідними іншої частини мовної належності, отже, окремі мотиваційно-словотвірні парадигми (МСП) відповідають окремим ЛСВ базових дієслів.

Зважання на семантику під час установа слівотвірних відношень, зокрема співвіднесення в цьому плані не лексем, а їхніх окремих ЛСВ, привертає увагу передусім до такої унікальної групи дієслів слов'янських мов, як парні дієслова руху-пересування, які в межах пар дуже подібні за лексичним значенням, але розрізняються такою аспектуально релевантною ознакою, як кратність, зумовленою протиставленням просторової одно- / різноспрямованості. Дієслова в парах мають спільне походження, проте співвідношення їхніх коренів за формою варіює від повної тотожності (*бігти* – *бігати*, *повзти* – *повзати*) через варіювання (*нести* – *носити*, *пливти* – *плавати*) до повної формальної відмінності (*іти* – *ходити*). За формою можуть бути протиставлені не лише базові дієслова, але й похідні того самого дієслова, особливо це помітно на прикладі видових ланцюжків, мотвованих дієсловом *іти*; пор.: *іти* – *прийти* – *приходити*, *іти* – *зійти* – *сходити* та ін. Словотвірні словники гніздового типу переважно подають лексеми з коренем *-ход-* як похідні від *ходити*, зважаючи передусім на форму, подекуди внаслідок цього в одній словниковій статті об'єднують навіть дієслова доконаного виду (ДВ) та НДВ, наприклад, рос. *исходит* [Ширшов 2004: 855]. Але ретельне врахування семантики, зокрема на рівні ЛСВ, спонукає до побудови як СП першого ступеня, так і слововірного гнізда в дещо інший спосіб [Соколова 2009], а саме: співвіднесення вторинних імперфективів з коренем *-ход-* (*приходити*, *сходити* та ін.) та віддієслівних субстантивів (*вихід*, *вхід*, *схід* та ін.) з мотиватором *іти*, а не *ходити*, як подано у багатьох словниках. Такі ж проблеми, хоч і виражені меншою мірою, постають і під час опрацювання похідних від парних дієслів з незначною формальною відмінністю. Надалі, як приклад, змодельовано СП (на рівні ЛСВ) парних дієслів *бігти* – *бігати* і *нести* – *носити*.

Словникова стаття базового дієслова сформована загалом за «Словником української мови» в 11-ти томах [1970-1980]; унесені зміни тут і надалі позначені жирним шрифтом, так само виділено похідні одиниці, співвідносність яких з мотиватором не збігається із зафіксованою у словотвірних словниках. Відтінки значень для зручності посилання позначено літерами української абетки. Індексацию значень похідних також здійснено за Словником. Таблиця 1 наочно ілюструє, що деякі із зафіксованих у Словнику ЛСВ похідних одиниць можна співвіднести з кількома мотиваторами: *добігти₁* – про істоту (від *бігти₁*) та транспортний засіб (від *бігти₂*); *надбігти_{1,1a}* – наблизитися бігом (від *бігти₁*) або ідучи поспішно (від *бігти_{1a}*); *біг₁* – про істоту, транспортний засіб, рідину, час та ін.), а це означає, що кількість значень похідних одиниць більша від зафіксованої в Словнику. Співвіднесення одного ЛСВ-мотиватора з кількома формально тотожними похідними свідчить про те, що в похідних можуть бути задіяні різні словотвірні значення, пор.: *Новаки сипонули врозтіч. Однак Хомі здалося, що вони розбіглися (1) не досить прудко. – Е-е, хіба так гвардійці розходяться? Гвардійці розскакуються як пружини!* (О. Гончар) – *Ладигін коротко розбігся (5), рвучко махнув рукою, і граната засвітила в повітрі, упавши саме там, де треба було* (Д. Ткач).

Таблиця 1.

Розподіл членів СП¹ дієслова *бігти* за ЛСВ та частиномовними блоками

<i>Бігти</i>				
ЛСВ базового дієслова	Блоки СП першого ступеня			
	Дієслівний	Субстантивний	Ад'єктивний	Адвербіальний
1. Про істоту [= прискорено пересуватися на ногах у певному напрямку]	вбігти ₁ ; вибігти _{1,3} ; відбігти ₁ ; добігти ₁ ; збігти _{1,6,8} ; забігти _{1,1a,2,3a,~5} ; набігти _{1,3,5} ; надбігти _{1,1a} ; оббігти _{1,1a,1b,1в,3} ; перебігти _{1,2,2a} ; підбігти _{1,1a} ; 2,2a; побігти ₁ ; прибігти ₁ ; пробігти _{1,1a,1b,1в,1r,1r} ; розбігтися _{1,5,8}	біг ₁	бігучий ₁ ; біговий _{1,2}	бігом; бігцем; біжка; біжком; бігма
А. Розм. Про людину [= поспішно йти кудись]	вбігти _{1,2} ; вибігти _{1,3} ; добігти ₁ ; збігти _{1,6,8} ; забігти _{1,1a,2,2a,3a,~5} ; набігти _{3,5,6} ; надбігти _{1,1a} ; оббігти ₃ ; перебігти _{2a} ; підбігти ₁ ; побігти _{1a} ; прибігти _{1a,1b,1в,3} ; розбігтися			
Б. [= Поспішно відступати, утікати]	відбігти _{~5} ; збігти ₄ ; забігти ₃ ; побігти _{1b} ; розбігтися _{1a,2}	біга ₁ , біги ₁ ; біженець	біглий	
2. Про транспортні засоби [= швидко рухатися]	добігти ₁ ; забігти ₄ ; надбігти _{1b} ; оббігти _{~1r} ; підбігти _{~1b} ; побігти _{2,~2b} ; пробігти ₂	біг ₁		
А. Про хмари, дим [= швидко нести у повітрі]	~збігти _{6a} ; набігти _{1a} ; надбігти ₂ ; перебігти _{~5} ; побігти _{2a} ; пробігти ₃ ; розбігтися _{3b}	біг ₁	біжучий₁	
Б. Про однорідні або довгі предмети [= простягатися в далечінь]	вибігти ₄ ; відбігти ₃ ; збігти ₂ ; збігти ₇ ; набігти ₈ ; оббігти _{1d} ; підбігти _{1в} ; побігти _{2в} ; пробігти ₄ ; розбігтися ₄	біжак (стежка)		

¹ Склад словотвірної парадигми встановлено за лексикографічними джерелами [Карпіловська 2002; Словник 1970-1980], використано всі похідні, зокрема стилістично і функціонально марковані.

3. Про рідину [= швидко текти]	відбігти ₂ ; збігти ₃ ; забігти _{1,2a} ; набігти ₄ ; надбігти ₂ ; оббігти _{1r} ; підбігти _{~3} ; побігти _{~2r,4} ; пробігти _{2в} ; розбігтися ₃	біг ₁ (рідини)	бігучий ₂ біжучий ₁	
A. Про сипкі субстанції [= швидко сипатися]	побігти _{~2r,4}			
4. Про час [= швидко минати, збігати]	добігти _{1б} ; збігти ₅ ; набігти _{~8a} ; набігти _{~10} ; перебігти ₆ ; пробігти ₅	біг ₁	бігучий ₃ біжучий ₂	
5. Про киплячу рідину [= виливатися через краї посуду]	вибігти ₂ ; збігти _{3a,3б} ; побігти ₅			

Похідні адвербіального блоку співвідносні лише з першим значенням мотиватора. Одне з цих похідних – *бігма* – кореневий словник виводить з мотиватора *бігати*, але його тлумачення ‘бігом’ і приклади вживання (*Віта одразу накинула пальто, вийшла з кімнати і бігма кинулася через вулицю* (Я. Гримайло); *Лара <...> бігма бігла до цеху, щоб там швидше знали про наближення перемоги* (Ю. Шовкопляс)) свідчать про те, що прислівник характеризує односпрямовану дію. Зрозуміло, серед значень похідних одиниць є й такі, що постали внаслідок семантичного розвитку вже похідного слова, тому їх не можна безпосередньо вивести зі значень мотиватора (бігун_{1,3} – ‘вісь у дверях, воротях’: *Ще хазяї, здається, сплять: Не рипає бігун частенько.. Та от бігун і закрипів, І сонні двері відімкнулись* (С. Руданський)).

Дієслова *бігти* і *бігати* (табл. 2) співвідносні у першому (з відтінком А) і другому значеннях; *бігти*_{1б} відповідає *бігати*₄. У решті значень (і відтінках *бігати*_{1б,1з,1r}) семантичний розвиток великою мірою залежить саме від семи кратності, тому ці значення не паралельні і нерідко стосуються різних суб’єктів: *рідина біжить – руки, очі бігають* і под. СП дієслова *бігати* не має адвербіального блоку, ад’єктивний блок представлений лише одним похідним *бігкий*, співвідносним з першим і другим значеннями: ‘який швидко і легко бігає (про тварин)’; ‘який швидко і легко їде (про засоби пересування)’; *Бігка бричка*. Субстантив *біг*₂ (‘вид спорту’), на відміну від *біг*₁ (процес), більшою мірою тяжіє до мотиватора *бігати*₅, аніж до *бігти* в будь-якому зі значень; *біготня – до бігати*_{1,1a}, *бігунка, бігуха* (‘розлад шлунка) – до *бігати*_{1б}, тоді як ад’єктив *бігкий* – до *бігати*_{1,2}, оскільки позначає ознаку за дією *бігати* (‘той, що добре бігає’).

Таблиця 2.

Розподіл членів СП дієслова *бігати* за ЛСВ та частиномовними блоками

<i>Бігати</i>			
ЛСВ базового дієслова	Блоки СП першого ступеня		
	Дієслівний	Субстантивний	Ад'єктивний
1. Про істоту [= швидко пересуватися на ногах у різних напрямах]	вбігати _{1,2,3} ; відбігати; збігати _{1,2} ; забігати; набігати ₁ ; оббігати; побігати ₁ ; пробігати _{1,2} ; вбігатися; добігатися; розбігатися	біга ₂ ; біги ₂ ; бігун _{1,1} ; бігання ₁ ; біготня; біганина; бігання ₁	бігкий ₁
А. Про людину [= поспішно ходити, маючи яку-н. роботу; метушитися]	вбігати _{1,2,3} ; відбігати ₄ ; збігати _{1,2} ; забігати ₂ ; набігати ₁ ; оббігати ₂ ; побігати ₁ ; пробігати _{1,2} ; вбігатися; добігатися; розбігатися	бігання _{1а} ; біготня біганина	
Б. Про людину [= мати звичку пересуватися бігом]	~перебігати	бігання ₁	
В. До кого, чого-н., куди-н. [= часто відвідувати]	збігати ₁ ; побігати ₁	бігачка; бігавка (діарєя); бігунка; бігуха (діарєя)	
Г. За ким-н. [= невідступно, скрізь ходити за ким-н.]	побігати ₁		
Ґ. Розм. До кого-н. [= залицятися]	побігати ₁		
2. Про транспортні засоби [= швидко пересуватися]	відбігати; забігати		бігкий _{1а}
3. Про руки, очі [= швидко перебігати з одного предмета на інший]	забігати		
4. Рідко. Від кого- , чого-н. (про людину) [= тікати, уникати зустрічі]	побігати ₁	біга ₁ ; біги ₁	

5. <i>Спорт</i> . Про людину [= тренуватися, змагатися у бігу]	вибігати ₃ ; відбігати; побігати ₁	біг ₂ ; бігун _{1,2} ; бігання ₂ ; забіг ₁	
6. <i>Розм</i> . Про тварин [= бути в період злучки]	набігати _{~1a} ; побігати ₂		

Порівняння семантичної структури базових дієслів *нести* (табл. 3) і *носити* (табл. 4) вказує на відповідність їхніх першого і другого значень, відмінність між якими практично нейтралізована в похідних субстантивного блоку *ноша_p*, *мироносиця* ('одна з жінок, яка принесла миро для помазання тіла Христа після зняття його з хреста') і под. Усі складні іменники² з другим коренем *-нос-* у словотвірних словниках подано як похідні від *носити*, однак за семантикою з ним співвідносні лише ті, що вказують на особу-діяча (*книгоноша*; *звізднонос*; *лампонос*), тобто спираються на перше значення, з яким пов'язане фразеологічне вживання (*носити мед – медонос*) і не відзначений у словнику відтінок 'мати при собі' (*мечоносець_{1,2}*; *зброносець*). Решта складних іменників та прикметників тяжіє до значення *нести_{1a}* – 'мати, містити в собі': *ефіронос* ('рослина, що містить у собі ефірну олію'); *каучуконос* ('рослина, яка містить молочний сік, з якого виробляють каучук'); *медонос*; *цукронос*; *водоносний* ('який містить у собі воду'); *соленосний* (*пласт ґрунту*) та ін. Статичне значення ЛСВ *нести_o*, *носити_{1a}*, *носити_{3o}*, *носити_{5a}*, *носити_{5o}*, *носити₈* спричиняє відсутність у них дієслівних мотивів; *носити_{5a}* та *носити₈* цілком словотвірно інертні.

За такого підходу навколо кожного ЛСВ базового дієслова формується своя МСП з різною кількістю членів. Процесне значення дієслова НДВ.

Таблиця 3.

Розподіл членів СП дієслова *нести* за ЛСВ та частиномовними блоками

Нести			
ЛСВ базового дієслова	Блоки СП першого ступеня		
	Дієслівний	Субстантивний	Ад'єктивний
1. <u>Кого-, що-н.</u> (<u>куди</u> сь) (про істоту) [= узявши в руки або навантаживши на себе, переміщати, доставляти]	внести ₁ ; винести ₁ ; віднести ₁ ; донести ₁ ; знести _{1,2,5} ; занести _{1,1a,2} ; нанести ₁ ; наднести; обнести _{1,2} ; перенести _{1,2} ; піднести ₁ ; понести ₁ ; принести ₁ ; пронести _{1,1a,2} ; рознести ₁	<u>ноша₁</u> ; <u>миро-</u> <u>носиця</u>	

² У таблиці подано не всі відображені в словниках складні іменники, а лише деякі.

А. <u>Що-н.</u> [= мати, містити в собі]	донести _{1б,1в}	ефіронос; каучуконос; медонос (рослина); цукронос	водоносний; соленосний (пласт ґрунту)
Б. <u>Що-н. (кому-н., куди-н.)</u> [= маючи що-н. передавати його іншим]	винести _{1а} ; віднести ₂ ; занести _{1,2} ; обнести ₃ ; понести _{1а} ; рознести _{1в}		
2. <u>Кого-, що-н.</u> (про коней, транспортний засіб. [= з великою швидкістю везти, пересувати])	знести ₅ ; винести ₂ ; понести _{2,3,~3а} ; пронести _{3г} ; ~ нестися ₁		
А. <u>Кого-, що-н.</u> (про течію води, вітер і т. ін.) [= захопивши силою свого руху, швидко пересувати]	віднести ₃ ; знести ₃ ; занести _{4,4а,4б} ; нанести _{2,2а} ; обнести ₆ ; піднести ₈ ; понести _{4,4в} ; принести ₂ ; нестися _{1а}		
Б. <u>Кого-н. куди-н.</u> [= змушувати йти]	понести _{4г}		
В. <u>Безос.</u>	знести _{5а} ; понести _{4г,4д} ; принести _{~2б}		
3. <u>Що-н.</u> (про вітер, протяг, повітря) [= розносити, розповсюджувати, поширювати]	донести _{1а} ; знести _{5а} ; занести _{1б} ; нанести _{2б} ; перенести _{2,2б} ; понести _{4а} ; рознести _{4,5} ; ~нестися _{1г}		
А. <u>Безос. Чим-н.</u> [= поширюючись повітрям, ставати відчутним]	нанести _{2в} ; понести _{4б} ; нестися _{1в}		
4. <u>Що-н.</u> (службу, вахту) [= виконувати які-н. обов'язки, доручення і т. ін.]	знести _{~7}	несення	
5. <u>Що-н. кому-н.</u> [= бути причиною, приносити з собою як наслідок]	нанести ₅ ; понести _{~5,~5а} ; принести _{4,4а,5,~5б,7}		

А. <u>Що-н. кому-н.</u> [= давати прибуток, вигоду]	принести _{3а}		
6. <u>Спец. Що-н. (на собі)</u> [= тримати, бути опорою для чого-н.]			несучий ₂
7. <u>Розм. Що-н.</u> (несерйозне, нерозумне), <u>про що-н.</u> [= говорити]	понести ₆		
8. <u>Яйця</u> (про птахів) [= відкладати]	знести ₉ ; нанести ₆ ; нести ₃	несіння	несучий ₁

Таблиця 4.

Розподіл членів СП дієслова *носити* за ЛСВ та частиномовними блоками

Носити			
ЛСВ базового дієслова	Блоки СП першого ступеня		
	Дієслівний	Субстантивний	Ад'єктивний
1. <u>Кого-, що-н. (кудиць)</u> (про істоту) [= узявши в руки або навантаживши на себе, переміщати (в різний час або в різних напрямках)]	виносити _{1а,3} ; відносити ₄ ; доносити ₁ ; заносити ₂ ; наносити ₁ ; переносити ₁ ; поносити _{1,1а,2} ; проносити ₂	<u>ноша</u> ₁ ; ноші; ношення; носій; носіння; носильник; водонос (людина), книгоноша; звіздонос; лампонос; <u>мироносиця</u>	
◇ Носити мед	наносити ₁	медонос (бджола)	
А. <u>Що-н. (про істоту)</u> [= <u>мати при собі</u>]		мечоносець _{1,2} ; зброносець	
2. <u>Кого-, що-н. (про коней, транспортний засіб)</u> [= з великою швидкістю возити, пересувати (в різний час або в різних напрямках)]	поносити ₆ ; проносити ₂ ; ~носитися ₁		

А. <u>Кого-, що-н.</u> (про течію води, вітер і т. ін.) [= захопивши силою свого руху, швидко пересувати (в різний час або в різних напрямках)]	наносити ₁ ; поносити ₁ ; проносити ₂		
3. <u>Що-н.</u> (одяг, нагороду) [= надягати на себе, мати при собі або на собі]	виносити ₄ ; відносити; доносити ₂ ; зносити ₁ ; заносити; обносити; переносити ₂ ; поносити _{3,4} ; проносити _{1,2} ; розносити ₁ ; носитися ₄	ноша ₂ ; ношення; носіння; орденоносець	ноский; носильний; ношений ₂
А. <u>Що-н.</u> (<u>коси, бороду, вуса, зачіску</u>) [= мати, зберігати]	відносити; проносити ₂	ношення	
Б. <u>Що-н.</u> (про неістоту) [= мати на собі]		броненосець; авіаносець; міноносець	
4. <u>Назву, ім.'я</u> [= мати назву, ім'я і т. ін.; називатися]	проносити ₂	ношення	
5. <u>Що-н.</u> (почуття, думку) [= мати, містити в собі, зберігати]	виносити ₂ ; проносити ₂	носітель	
А. <u>Певний характер, напрям</u> [= мати]			
Б. <u>Сліди, ознаки чого-н.</u> [= свідчити про що-н., виражати щось]		носітель; носій ₂	
6. <u>Безос., розм. Кого-н. де-н.</u> [= ходити, їздити, перев. багато в багатьох місцях]	проносити ₂ ; розносити ₂		
7. <u>Дитину</u> [= бути вагітною]	виносити ₁ ; доносити ₃ ; переносити ₃ ; поносити ₃ ; проносити ₂		

8. Розм. Чим-н. (животом, грудьми, боками) [= важко дихати, надуваючи груди, живіт, боки]			

спричиняє його внутрішню протяжність у часі, внаслідок чого воно репрезентує певний фрагмент дійсності, типову ситуацію, тобто те, що прийнято називати фреймом. Свого часу О.М.Соколов висловив думку про те, що “дієслово НДВ, а також відповідний віддієслівний спільнокореневий субстантив із процесною семантикою в російській мові (додамо – і в інших слов’янських, зокрема й українській) є своєрідним конструктом, на базі якого формується фрейм – “певне стереотипне уявлення про компоненти й структуру ситуації, позначуваної словом. <...> Дещо інші функції виконують дієслова ДВ. Їхня семантика більшою мірою пристосована для характеристики певних фрагментів фрейма, тому що майже завжди позначає фазу розвитку певного загального процесу. Проте вже цей факт свідчить, що й дієслова ДВ є найважливішим лінгвістичним конструктом, який обслуговує фрейми” [Соколов 1991: 126]. Звісно, семантика базових дієслів також неоднорідна, зокрема не всі дієслова НДВ позначають дію або процес, розгорнуті в часі, відповідно й їхні префіксальні похідні не завжди передають значення фази розвитку актуального процесу, однак їхнє значення може стосуватися початку або завершення серії повторюваних дій.

Віддієслівні іменники – члени субстантивного блоку СП можуть мати значення опредметненої дії, діяча, об’єкта, знаряддя, шляху руху та ін., тобто осіб і предметів, які певним чином стосуються дії (у широкому витлумаченні), позначеної дієсловом, тобто входять до його фрейма. Представники ад’єктивного й адвербіального блоків передають відповідно ознаки істот, предметів, дотичних до дії, та самої дії, отже, також входять до фрейма. Поняття фрейма передбачає його кваліфікацію як “одного зі способів подання стереотипної ситуації” [Минский 1988: 289], відображеної у свідомості людини. Ключовим у визначенні є слово “стереотипний”, оскільки “структури знань, що їх іменують фреймами, схемами, сценаріями, планами та ін., являють собою пакети інформації (збережені у пам’яті або створені в ній за необхідності з компонентів, що є в пам’яті), які забезпечують адекватне когнітивне опрацювання стандартних ситуацій” [Петров 1988: 8].

Саме з погляду участі в певному фреймі спробуємо розглянути члени деяких з уже поданих МСП. Зрозуміло, що найрозгалуженіші фрейми відповідають першим значенням базових дієслів, які мотивують найбільшу кількість похідних, наприклад, *носити*₁ (табл. 5). Одиниці, похідні від базового дієслова, називають релалії, дотичні до дії, у найзагальнішому вигляді, їхня функція у структурі фрейма зумовлена саме їхнім словотвірним значенням. Виконавцем необмеженої в часі дії *носити*₁ може бути будь-яка істота, а не лише *носій* або *носильник*, але саме в цих одиницях функція закладена в їхній внутрішній формі: *Від залізних бочок, з котрих цівкою летиться паруюча рідина, раз у раз бігають з повними бідонами носії* (М. Коцюбинський); *Вусатий носильник, на білому фартусі якого висіла*

мідна бляха з цифрою «три», нарешті поніс чемодани (Я. Гримайло). Складні іменники називають діяча переважно за виконуваною ним функцією: *носить воду* – *водонос*. Іменники *ношення*, *носіння* виражають дію абстраговано від виконавця та розподілу в часі.

Таблиця 5.

Фрейм, утворений МСП *носити*₁ – ‘узявши в руки або навантаживши на себе, переміщати (в різний час або в різних напрямках)’

Суб'єкт дії	Початок	Дія	Завершення	Інструменталь	Об'єкт дії
<i>носій;</i> <i>носильник;</i> <i>водонос;</i> <i>книгоноша;</i> <i>звіздонос;</i> <i>лампонос;</i> <i>мироносиця</i>	<i>заносити</i> ₂	<i>носити</i> ₁ ; <i>ношення;</i> <i>носіння</i>	<i>виносити</i> _{1а,3'} ; <i>відносити</i> ₄ ; <i>доносити</i> ₁ ; <i>наносити</i> ₁ ; <i>переносити</i> ₁	<i>ноші</i>	<i>ноша</i> ₁
<i>поносити</i> _{1,1а,2} ; <i>проносити</i> ₂					
Обмеження дії у часі					

Інші іменники вказують на об'єкт та інструменталь. Члени дієслівного блоку визначають початок (*заносити*₂), завершення (*доносити*₁; *наносити*₁ та ін.) або виконання дії протягом певного часу (*поносити*_{1,1а,2}; *проносити*₂).

Першому значенню дієслова *бігти* відповідає фрейм дещо іншого складу (табл. 6). На власне дію, не обмежену триванням, указує базове дієслово та дєвербатив *біг*. Крім того, не обмежену триванням, але уточнену просторово дію можуть передавати дієслова вторинного НДВ (НДВ II), які належать вже до словотвірної парадигми другого ступеня. Суб'єкт дії названий іменником *бігун*_{1,1'}, а його ознаку виражає прикметник *бігучий*. Члени адвербіального блоку (*бігом*, *біжка*, *бігцем*, *біжком*, *бігма*) характеризують дію за способом здійснення. Власне часове розгортання фрейма репрезентоване похідними дієсловами. На початок дії вказує дієслово з префіксом **по-**: *Сахно й Чіпаріу виплигнули з машини й побігли навпростець.. до куців* (Ю. Смолич). У разі зосередження уваги на вихідному пункті руху на початок дії вказує й дієслово з префіксом **ви-**: *Син твій вибіжить (1) з хати, простягне малі рученята* (А. Малишко). Дієслово з конфіксом позначає інтенсивний,

Таблиця 6.

Фрейм, утворений МСП *бігти*₁

Суб'єкт дії (та його ознака)	Початок дії	Дія (та її ознака)	Ознака шляху руху	Завершення дії

бігун _{1,1} (бігучий ₁)	побігти ₁ ; <u>вибігти</u> _{1,2} ; <u>розбігтися</u>	бігти ₁ ; біг ₁ (бігом; біжка; бігцем; біжком; бігма)	біговий _{1,2}	вбігти ₁ ; <u>в</u> бігти ₃ ; відбігти ₁ ; добігти ₁ ; збігти _{1,6,8} ; забігти _{1,1a,2,3a,-5} ; набігти _{1,3,5} ; надбігти _{1,1a} ; оббігти _{1,1a,1b,1в,3} ; прибігти ₁ ; перебігти _{1,2,2a} ; <u>розбігтися</u> ; підбігти _{1,1a;2,2a} ; пробігти _{1,1a;1b;1в;1г;1г}

розгорнутий у часі початок дії (*розбігтися*₃). Внутрішньо не обмежену дію передає базове дієслово: *Аж ось і дівора біжить* (Т. Шевченко). Інші префіксальні дієслова, зокрема й з префіксом **ви-**, з префіксом **роз-** і конфіксом, переважно вказують на різновиди завершення дії: *Коні вибігли (3) на гору, пішли підтюпцем* (М. Коцюбинський); *Вона відбігла вже досить далеко від свого кошика* (І. Франко); *Карно добіг до води та й спинився* (І. Нечуй-Левицький); *Як тільки звернув [Анатолій] на неї увагу, вона перебігла до іншого віконця і припала до скла* (С. Руданський); *розбігтися*_{1,2} та ін.

Склад МСП для інших ЛСВ інший, відповідно й утворювані ними фрейми також інші. Значення дієслова *бігти*_{2a} ‘швидко нестися в повітрі’ (про хмари, дим) пов’язане з фреймом, який передбачає лише початок, тривання та завершення процесу (табл. 7). Цей процес може бути також позначений девербативом *біг*, ад’єктивний блок представляє прикметник *біжучий*, похідні інших частиномовних класів із цим значенням не корелюють. Незважаючи на те, що Словник фіксує 5 префіксальних дієслівних одиниць зі значенням завершення дії *бігти*_{2a}, у більшості з них об’єднано кілька суб’єктів (хвилі, завірюха та ін.), одним з яких є “хмари”, відповідний приклад подано лише для *збігти*_{6a}, наш пошук у різних джерелах дав змогу зафіксувати реальне вживання для *набігти*.

Таблиця 7.
Фрейм, утворений МСП *бігти*_{2a}

Ознака суб’єкта дії	Початок дії	Дія	Завершення дії
<i>біжучий</i> ₁	<i>побігти</i> _{2a}	<i>бігти</i> _{2a} ; <i>біг</i> ₁	<i>збігти</i> _{6a} ; <i>набігти</i> _{1a} ; <i>надбігти</i> ₂ ; <i>перебігти</i> ₃ ; <i>пробігти</i> ₃
<i>сонце <...> часом поглядає між біжучими хмарами.</i> (В. Барка)	<i>хмари раптом провітлилися, задимились, ожили і побігли на захід</i> (М. Стельмах)	<i>од Чорногори бігли безперестанку хмари (М. Коцюбинський); він більше подібний до стіни туману, до густих сутінків, до бігу хмар</i> (С. Яковенко)	<i>Так над садок збіжить північна хмара І цвіт приб’є й порозкида листки (М. Старицький); Зненацька набігли хмари і пішов дощ (Незвичайне і грізне)</i>

Для позначення руху того самого самого суб'єкта – хмар / диму – можуть бути використані й інші дієслова. Найнейтральнішими з них є словотвірно інертне дієслово *рухатися* і префіксальне *пересуватися*. За їхньою допомогою фази дії можуть бути передані лише аналітично: *хмари почали рухатися (пересуватися) – рухаються – завершили рух*. Відповідно й фрейм, закладений у структурі МСП певного дієслова, не вичерпує уявлення про певне явище дійсності (у нашому випадку – рух хмар), відображеного у свідомості людини. Деякі інші дієслова руху та їхні похідні в непрямих значеннях позначають рух хмар і утворюють фрейм такої самої конфігурації, характеризуючи рух з погляду швидкості – нейтральний (*ити_{2б}*), повільний (*повзти_{2а}*, *пливти_{3б}*), швидкий (*летіти_{1а}*, *мчати(ся)*, *котити(ся)*).

Зважаючи на середовище, у якому об'єктивно пересуваються хмари (повітряний простір), основним для передавання руху хмар мало б бути дієслово *летіти*. Словник подає відповідне значення як відтінок першого (1А) ‘пересуватися в повітрі завдяки певній зовнішній силі (вітру, поштовху і т. ін.)’, у прикладах, крім суб'єкта “хмари”, фігурують й інші (стріла, шматки), тобто цей суб'єкт окремо не виділено. У текстах знаходимо достатню кількість відповідних прикладів: *Хмари круглі, мов барани, летять гладеньким небом, купляться навколо молодого місяця* (У. Самчук); *Мелашка задивилась на гору, на церкву; їй здалось, що не хмарки летять в небі, а тонкі, з самих стовпів, бокові бані на церкві заворушилися, що сама церква почала коливатися на гострому версі гори*. (І. Нечуй-Левицький). Значення віддієслівного іменника *політ* у Словнику подано недиференційовано стосовно суб'єктів, але в матеріалі зафіксоване вживання: *Коливання води та подихи вітру, політ хмар та духів “демонстрував” киянам за допомогою єгипетської флейти Неї (“Хрещатик”)*. Із зафіксованим у Словнику значенням співвідносні різні префіксальні похідні, однак із суб'єктом “хмари” – лише такі вживання, у яких дієслова фіксують увагу на завершальному етапі дії: *Незабаром налетіла сиза хмара і вкрила блискуче сонце* (Панас Мирний); *Із-за лісу надлетіла біла хмара снігу* (О. Кобилянська); *Вже одна хмара пролетіла, як полк зі своїми рейментами й прапорами, одного тільки не було: військової музики, бо біси літають безшумно* (Вал. Шевчук); *а там хмари, прозоробілі, ледве помітні, улітали погід ніжну синяву далеко... далеко...* (О. Кобилянська). Жодного прикладу вживання дієслова *полетіти* із цим суб'єктом, яке б указувало на початковий етап дії, не зафіксовано ані в Словнику, ані в залучених текстах. Прикметник *летючий* називає ознаку суб'єкта: *Тануть, В'януть Сніги, – Як крізь хмари летючі Гляне сонце блискуче* (О. Олесь).

Словник, подаючи значення мотиватора, здебільшого диференціює ЛСВ та відтінки саме за суб'єктом процесу. У мотиватах нерідко в одному ЛСВ або відтінку об'єднані кілька суб'єктів. Так, в основному значенні дієслова *надлетіти* ‘прибути, з'явитися куди-н., летючи’ у прикладах фігурують суб'єкти *бджолиний рій, пластинки снігу, гуси, хмара снігу, вітер*, які в базовому дієслові диференційовані за ЛСВ. Так само не диференційовано стосовно об'єкта *хмари* подано значення об'єктних мотиваторів *нести, носити* – ‘захопивши силою свого руху, швидко пересувати кого-, що-н. (про течію води, вітер і т. ін.)’. Отже, у фреймі задіяні одиниці, не завжди диференційовані лексикографічно. Утім, сполучуваність дієслова в непрямих значеннях із суб'єктами та об'єктами, тобто його спроможність брати участь у відображенні різних типових ситуацій і відповідно формувати різні

фрейми, може виявляти національну специфіку мови і вирізняти її з-поміж навіть споріднених мов.

Повний фрейм руху хмар представлений МСП *пливти*₃₆ (табл. 8). У фреймах, утворених МСП інших ЛСВ дієслів руху, немає відповідних прикметників (табл. 9); від дієслів *повзти* та *мчатися* неможливі іменники, але загальна структура часового фрейма, утвореного похідними від ЛСВ певного дієслова руху на позначення руху хмар, зберігається: похідні вказують на початок та завершення процесу. Крім дієслів із префіксом **по-**, для яких значення початку дії є одним з основних (*хмари попливли, поповзли, пішли, помчалися, посунули*), початковий етап руху виражається аналітично (*хмари починали повзти*) або дієсловом із префіксом **ви-** (*хмари випливли, хмара виповзла*).

Таблиця 8.
Фрейм, утворений МСП *пливти*₃₆

Ознака суб'єкта дії	Початок	Процес	Завершення процесу ³
Немає сонця - І десь воно, проте, живе і світить: <u>За хмарами пливучими, за снігом</u> (М. Рильський)	<i>Я ж бачила, як хмарка та вродилась: вона повстала з гучного потоку туманом білим, парою без барви, і тихо попливла понад водою</i> (Леся Українка); <i>Кілька хмарин, мов опали, знову плили десь зовсім зблизька, ніби сиділи вони за горою, збурились і піднялися. Виплили й посунули чистим небом.</i> (У. Самчук)	<i>Там по них ходило сонце і пливли над ними білі хмари</i> (І. Багрянний); <i>Над головою, зовсім низенько, пливуть у прозоро-блакитному небі білі пухнасті хмаринки</i> (В.Сахно); <i>Закрутилась, плин свій стишила хмарина</i> (П. Дорошко)	<i>Хмара впливла до неї через вікно і лягла їй на обличчя</i> (Вал. Шевчук); <i>Чорна хмара, як ніч, наплила, сліпучі спалахи залили небо</i> (К. Гордієнко); <i>Соломії здалося, що з неба сплили хмари, а надворі зразу вияснилось</i> (І. Нечуй-Левицький); <i>підплили хмарки вгору, пройняв їх гарячий його світ, побілів їх, розтопив, повінув теплий вітрець, розвіяв...</i> (Панас Мирний) <i>У ті ночі над шумливим Мерічем, серед пуц Румелії, під хмарами, що припливли, може, й з-за Дунаю, зачатий був третій син Роксолани</i> (П. Загребельний); <i>Хмарки невеличкі набігали на місяць і пропливали</i> (пор.: пропливли) <i>далі</i> (Б. Грінченко)

³ У разі відсутності в обстеженому матеріалі контекста з дієсловом ДВ тут і далі наведено приклад, в якому можлива заміна ДВ на НДВ.

Звичайно, аналізований фрейм (рух хмар) як відображення в свідомості людини певної ситуації об'єктивної дійсності не вичерпується наведеними прикладами. Для відображення з'явлення, початку та завершення, власне руху або положення на небі хмар в українській мові можуть бути використані найрізноманітніші мовні засоби, серед яких велику частку становлять дієслова: *І в той саме мент із-за башковецького лісу **виринає** велетенська хмара* (У. Самчук); <...> *розкуйовджені ковтуни хмар поволі **висувалися** із західної*

Таблиця 9.

Фрейми, утворені МСП *повзти*_{2а}, *іти*_{2б} та *мчатися*

Початок	Процес	Завершення процесу
<i>Срібні купчасті хмари починали повзти через небо з десятої ранку – доти небо було ясне, кришталеве й трепетне</i> (Вал. Шевчук); <i>Находила осінь. Хмари з-за гір поповзли. Задощило</i> (І. Муратов); <i>Почало вже смеркатись, коли з-за пагорба повільно виповзла важка, чорна хмара</i> (О. Донченко)	<i>Чорні хмари повзли по самому полю, вивергаючи потоки води, заливаючи людей, коней, гармати</i> (П. Загребельний)	<i>Не одна ще біла хмарка проповзе над верхом кичери, не один раз нагріється під сонцем і знов охолоне камінь коло потоку</i> (Г. Хоткевич); <i>Вдалині курився туманами Бабуган, чорні хмари сповзали (пор.: сповзли) з Чатирдагу вниз</i> (Р. Іваничук); <i>Зорі ще де-не-де блискотіли на небі.. Та от наповзло хмаровиння і заховало їх</i> (А. Турчинська); <i>Хмари поволі розповзлися, небо показало кілька блакитних лат, час від часу й сонце почало</i> (У. Самчук)
<i>Не дивися на небо, де хмари пішли</i> (М. Винграновський); <i>А знов хмари низько зайшли; тоді посіріло в степу.</i> (В. Барка)	<i>Над селами, над нивами, лугами та долинами велика хмара йшла</i> (Л. Глібов); <i>Ми відслідкували хід цієї [фосфорної] хмари вночі («Волинська правда»)</i>	<i>Настала ніч. Хмари децю розійшлися.</i> (У. Самчук); <i>Ми сиділи й перечікували, поки хмара перейде, а тоді вилазили</i> (У. Самчук); <i>Вчора небо було ясне, і світив місяць; тепер найшли хмари й затягнули його</i> (У. Самчук); <i>Ось, після невдачі того штучного дощу, як позакидали вже і самі відра, – з'явилась хмарка і стала підходити (пор.: підійшла) і рости; побільшала дуже і все закрила, скільки око бачить</i> (В. Барка); <i>Поле чорніє. Проходять (пор.: пройшли) хмари, Гаптують небо химерною грою</i> (М. Рильський)

<i>Помчалися темні хмари далі</i> (Панас Мирний)	<i>І знов день ішов за днем, мчалися безупинно хмари над головою</i> (Г. Хоткевич)	<i>Гроза відійшла за місто. Вслід за чорною дощовою завісою промчались навздогін <...> шматки розідраних хмар</i> (Ю. Збанацький)

сторони та розповзалися по небі (У. Самчук); Хмари тяжкі і нависли низько, без просвітів; сутінок затоплює сніжний степ (В. Барка); Він [Шевко] знав, що над ним висіла більша хмара (М. Стельмах); Проти села, в степу, хмари стояли стіною (В. Барка); Трохи вище лежали дві розкуйовджені, як дві безголові танцюристки, хмари (Вал. Шевчук); Починало сутеніти. Небо затягнулось хмарами (У. Самчук) та ін. Дослідження цих засобів становить окрему мовознавчу проблему, якої не роз'ясує ця стаття. Зазначимо, що кожне дієслово, яке бере участь в обслуговуванні цього фрейма, лягає як ланка в описану структуру, а його мотиватор або мотивати можуть представляти сусідні ланки цього фрейма.

Отже, СП багатозначного дієслова постає як сукупність МСП його ЛСВ, кожна з яких має структуру фрейма. Елементами цього фрейма є передусім ЛСВ похідних цього дієслова, однак у фреймі як відображенні фрагмента дійсності беруть участь й інші мовні одиниці. Дослідження фреймів, передусім закладених у словотвірній структурі мови, висвітлює специфіку цієї мови і сприяє точнішому відображенню мотиваційно-словотвірних зв'язків у словниках, забезпечує послідовну фіксацію в них системних відношень у лексиці. Використання дієслівних фреймів, доповнених іншими актантами дієслова, не пов'язаними з ним мотиваційно-словотвірними зв'язками, і зведених у тематичні блоки (такі, як аналізований «рух хмар») може бути плідним у лінгводидактиці, зокрема у викладанні мови як нерідної.

Література

1. Валуєв З.О. Словотвірна парадигма іменника в українській мові: Монографія. – Київ-Полтава: АСМІ, 2005.
2. Грещук В.В. Український відприкметниковий словотвір. – Івано-Франківськ: Вид-во «Плай» Прикарпатського ун-ту ім. В.Стефаника, 1995.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2-х т. – М.: Рус. яз., 2000.
4. Карпіловська Є.А. Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами – омографічними коренями. – К.: Укр. енциклопедія, 2002.
5. Клименко Н.Ф. Словотвірна парадигма // Українська мова: Енциклопедія. – Вид. 2-ге, випр. і доп. – К.: Вид-во “Українська енциклопедія” імені М.П.Бажана, 2004. – С. 619.
6. Кронгауз М.А. Сценарий и семантика глагола // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В.С.Храковского. – М.: Знак, 2004. – С.250–258.

7. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII (Когнитивные аспекты языка). – М.: Прогресс, 1988. – С. 281 – 309.
8. Петров В.В., Герасимов В.И. На пути к когнитивной модели языка (вступительная статья) // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII (Когнитивные аспекты языка). – М.: Прогресс, 1988. – С. 5–11.
9. Словник української мови: в 11-ти т. – К.: Наук. думка, 1970 – 1980.
10. Соколов О.М., Пионтовская Т.А. Система лингвистических конструктов, формирующих фреймы на глагольно-предикативной основе // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник, 1991. – М., 1991. – С. 124–141.
11. Соколова С.О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові. – К.: Наук. думка, 2003.
12. Соколова С.О. Словотвірна та аспектуальна парадигма дієслова: проблема співвідношення // Мови та культури у новій Європі: контакти і самобутність /Зб. доповідей Міжнар. наук. читань, присвяч. 70-річчю від дня народження чл.-кор. НАНУ, проф., д.ф.н. Н.Ф.Клименко. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. – С. 155-166.
13. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. – М.: Рус. яз., 1985.
14. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Ок. 37000 слов русского яз., объединенных в 2000 словообразовательных гнезд: Комплексное описание русской лексики и словообразования– М.: ООО „Издательство АСТ”: ООО „Издательство Астрель”: ООО „Издательство „Русские словари”: ЗАО НПП „Ермак”, 2004.

Светлана О. Соколова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ГЛАГОЛА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ФРЕЙМОВ

В статье использован подход к анализу словообразовательных отношений глагола с последовательным учетом его лексико-семантического варьирования. Установлено, что производные могут соотноситься с разными значениями глагола, то есть каждому лексико-семантическому варианту соответствует своя мотивационно-словообразовательная парадигма. В качестве примера смоделированы парадигмы для значений и оттенков значений парных глаголов движения *бігти* – *бігати* и *нести* – *носити*. Мотивационно-словообразовательные парадигмы имеют фреймовую структуру, поскольку процессное значение глагола несовершенного вида репрезентирует определенный фрагмент действительности; глаголы совершенного вида обозначают отдельные моменты фрейма, связанные с фазами протекания действия. Отглагольные существительные входят во фрейм как название опредмеченного

действия, деятеля, объекта, орудия, локатива и др., то есть лиц и предметов, так или иначе касающихся действия. Представители адъективного и адвербиального блоков обозначают признаки лиц, предметов и самого действия и также входят во фрейм. В качестве фрейма, связанного с переносным значением глагола *бігти*, проанализирован фрейм «движение облаков», выражаемый в украинском языке разнообразными средствами. Показана важность учета фреймов, заложенных в словообразовательной структуре языка и отражающих национальную специфику, для фиксации системных отношений в лексике, в частности, в лексикографической практике. Отмечена возможность использования этих данных в лингводидактике.

Марія Ю. Федурко

(Дрогобицький державний педагогічний університет
імені Івана Франка, Україна)

СЛОВОТВІРНА МОРФОЛОГІЯ УКРАЇНСЬКИХ ФЕМІНАТИВІВ У ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНОМУ АСПЕКТІ

Трактуючи мову як глибинне духовне явище, що сформувало людину як *homo sapiens* і вивищило понад усіма живими істотами, сучасна лінгвістична думка спрямовує свої креативні спромоги на розв'язання двох рівноважних проблем – «людина в мові» і «мова в людині» – під поглядом взаємопов'язаності мови, мислення, свідомості, пізнання, культури, світогляду як окремого індивіда, так і народу в цілому. У процесах пізнання світу та в лінгвокреативній діяльності людини особлива роль, на думку учених, належить словотвірним категоріям, адже вони чи, точніше, їхні узагальнені значення «допомагають виявити ту сітку координат, у рамках якої здійснювалося і здійснюється бачення й осмислення світу, розуміння різних типів взаємодії людини з довкіллям – від простого сприйняття його усіма органами чуттів і обробки цієї сенсомоторної інформації до найскладніших процесів орієнтації людини у часі та просторі й, безперечно, до процесів пізнання й розв'язку проблем» [15: 6]. Сьогодні словотвірну категорію інтерпретують як комплексну одиницю, що виявляє себе в рядах дериватів, об'єднаних узагальненим значенням у межах частиномовного, яке виражається певним комплексом словотвірних засобів [6: 58; 14: 12-13; 29: 203-204].

Серед словотвірних категорій іменника дослідники традиційно виділяють категорію фемінативів – похідних від іменників-маскулізмів назв осіб жіночої статі, що, згідно зі своєю природою, субкатегоризує, тобто деталізує [15: 9], граматичну категорію роду іменника.

Загальноновизнано, що категорія роду в іменників-назв істот тісно пов'язана з денотативною сферою: предметні іменники, у семантичній структурі яких наявна сема «особа», називають людину за певною ознакою: *учитель, директор, соціаліст, буддист, мільйонер, делегат*. Однак актуальне для назв осіб протиставлення за статтю у таких номенах нейтралізовано, оскільки, за К.Аксаковим, форми чоловічого роду виражають передусім «рід у цілому (породу, *genus*, тобто загальне логічне значення особи)» (цит. за [27: 139]). Для його актуалізації система української мови, як і інших слов'янських, виробила два способи – словотвірний та синтаксичний. За синтаксичного способу семантична диференціація за статтю виноситься поза межі іменникового слова – на форми компонентів, що перебувають з ним у відношеннях узгодження чи координації: *наш директор оголосив подяку /наша директор оголосила подяку*. Словотвірний спосіб виявляє себе у функціонуванні корелятивів – назв осіб чоловічої і назв осіб жіночої статі: *директор – директорка, фронтовик – фронтовичка, оцінювач – оцінювачка* тощо [5: 89; 8: 97-101; 19: 99-100].

«Інверсійний словник української мови» засвідчує, що словотвірна категорія фемінативів налічує понад 1100 одиниць. Словники неологічної лексики, факти

живого мовлення, художні та публіцистичні тексти дають підстави кваліфікувати її як категорію мобільну (термін Є.Карпіловської [12: 337]), безперервно оновлювану, пор., до прикладу: *держслужбовка, прогресистка, продавчиня, вождиха* (ілюстрації зі словника А.Нелюби); *чугайстриця* – неологізм М.Матіос: *Обніме, наче молода бісиця, В солодкім і глухім малиннику. І ти перейдеш огненну ріку Задля обіймів цієї чугайстриці.*

Серед фемінативів, закономірно, наявні одиниці відмінних семантичних планів: а) назви осіб жіночої статі за національністю: *австралійка, полінезійка, меланезійка, фінікійка, персіянка, ассіріянка*; б) за місцем проживання: *парижанка, самарянка, марсіянка, волинянка, подолянка, львів'янка, горянка*; в) за релігійними, політичними та світоглядними переконаннями: *християнка, мусульманка, шовіністка, консерваторка*; г) за видом діяльності: *газетярка, малярка, фінансистка, артистка*; д) за соціальним статусом: *правителька, володарка, хазяйка, магнатка*; е) за внутрішніми та зовнішніми прикметами: *жартівниця, вигадниця, ініціаторка, добродійка, злодійка, дикунка, фантазерка, шатенка, обідранка* тощо. Вона має польову структуру, ядро якої формують деривати, утворені за допомогою суфіксів **-к(а)** (за даними інверсійного словника – понад 600 субстантивів) та **-иц(я)** – майже 500 дериватів. Утворення з суфіксами **-ин(я), -ис(а), -ес(а), -ев(а) / -ов(а), нульсуфіксальні деривати** належать до її периферії. Фемінативи з суфіксами **-к-(а)** та **-иц(я)** – складник дериваційних континуумів усіх слов'янських мов [7; 14; 29; 30], пор. укр. *маляр – малярка, учитель – учителька*, рос. *учитель – учительница*, білор. *булачник – булачница, выхавацель – выхавацелька*, пол. *malarz – malarka, nauczyciel – nauczycielka*, чес. *učitel – učitelka*, болг. *учител – учителка*, слов. *učitelj – učiteljica*, однак стосовно їх продуктивності спостережено деякі розходження. Скажімо, у російській мові суфікс **-иц(а)**, еквівалент українського **-иц(я)**, теж належить до продуктивних, натомість у польській мові він поступається продуктивністю не лише суфіксові **-к(а)**, але також **-ин(і)** – домінують, отже, утворення на зразок *bibliotekarka, oddawczyni* супроти *diablica*.

В історії українського мовознавства обстежувана словотвірна категорія неодноразово ставала об'єктом лінгвістичного розгляду. Її досліджувано в діахронному аспекті [1; 3], з погляду з'ясування закономірностей формування словотвірної структури [2; 4; 24], окреслення типу словотвірного значення – мутаційне, модифікаційне [2; 4; 10], функційних характеристик [20-22]. Сьогодні особові фемінні назви активно вивчають із позицій гендерної лінгвістики, насамперед у контексті явища маскулінізації – заміщувального вживання форм чоловічого роду на позначення осіб жіночої статі [23, 219]. Прикметно, що це явище характеризує усі слов'янські мови, хоча виявляє себе в них по-різному: найінтенсивніше – у російській, болгарській, сербській, хорватській, польській мовах, найменшою мірою – у чеській та словацькій, бо тут мовна норма накладає жорсткі обмеження на вживання іменників-маскулізмів [7: 125]. У системі української мови явище маскулінізації теж доволі активне; назви осіб чоловічого роду на позначення осіб жіночої статі або вживаються як єдино можливі, або (що трапляється частіше) у межах одного тексту функціонують паралельно з назвами жіночого роду, пор.: *Якою ж може бути концепція поведінки Тимошенко як лідера опозиційної сили супроти І лідерка БЮТ навряд чи обстоюватиме ідею дочасних парламентських виборів* (Експрес. – № 24. – 2010. – С.5).

Звернутися до іменників-фемінативів нас змусило не так саме явище маскулінізації, як аргументи, насамперед фонетико-структурного плану, якими вмотивовують учені його активізацію в сучасному мовленні. І.Фекета, один із перших українських дослідників цього явища, пише про мовні й позамовні фактори маскулінізації. Мовні, за автором, це: а) фонетико-структурні особливості твірної основи чоловічих назв на *-нт, -кт, -тр, рг, -лог*; б) прагнення уникнути омонімії; в) неоднозначність деяких суфіксів (пор. *директорка, директорша* – ‘жінка-директор’ і ‘дружина директора’); г) непродуктивність словотвірної моделі. До екстралінгвістичних віднесено: а) використання для називання жінок таких одиниць, що традиційно вживаються тільки в чоловічому роді (*вождь, ворог, предок*); б) соціально-історичні причини неспродукованості корелятив жіночого роду до іменників на зразок *академік, декан* [28: 18]. Сучасні дослідники доповнюють цей ряд а) впливом офіційно-ділового стилю мови [20: 145; 21: 164-165]; б) семантичною і, головню, стилістичною асиметрією в корелятивних парах фемінативів і маскулізмів: іменники-назви чоловічого роду самі жінки оцінюють [23: 221-222] як престижніші номінації; в) стилістичною зниженістю форм жіночого роду [Там само: 223].

Звичайно, частина іменників-назв жінок (насамперед з суфіксом *-ш-, -их-*, пор., з одного боку, *професор, вождь*, а з другого, – *вождиха, професорша*) таки мають відтінок розмовності [23], однак це не стосується словотвірної категорії фемінативів у цілому, адже словники фіксують її репрезентантів в основному без стилістичних поміток, зазвичай такими вони постають і за вживання у мовленні, до прикладу: *Зоя побачила здалеку рідне село і заплакала. Ні батько, ні мати не чекають її там, і їде вона туди не в гості, а на вічне поселення, як вигнанка (В.Земляк)*. Видається, що стилістична маркованість / немаркованість фемінних найменувань значною мірою залежить від лексико-семантичних ознак твірного, пор., з одного боку, фемінатив *вигнанка*, а з другого, – індивідуально-авторські неологізми *зализувачка, відьмачка* з поезій М.Магіос: *Полярники Південного й Північного полюсів Запишіть мене у свої експедиції. Я – жінка-вигнанка усіх часів – Знаю, що таке екстрадиція супроти Ридай, зализувачко ран Відредагованої драми: То чоловічий хист аркан. Ти ж затесалась між аркани та Ну, а ніч – молода відьмачка – Спить на білій твоїй руці*. Очевидно, деяке занехання (на її тяглість вказують найдавніші українські граматики [3]) традиції послідовно вживати іменники жіночого роду для найменування осіб жіночої статі є основною причиною маскулінізації, тим паче, що українська історія містить чимало свідчень активної ролі жінки у суспільному житті різних епох. Наведені ще в рукописній граматиці І.Ужевича субстантиви *воєводина, пророкиня* спростовують, як видається, думку про форми чоловічого роду як єдино можливі для називання жінок високого сану.

Проаналізуємо ті з чинників маскулінізації, що їх відносять до класу лінгвістичних. Почнемо з останнього. Загальновідомо: продуктивність / непродуктивність словотвірної моделі – поняття історично змінне; сучасне мовлення демонструє немало зразків активізації непродуктивних моделей, скажімо, СМ «префікс пра- + іменникове слово» у творах Л.Костенко: *прадерево, пракішка, прасобака, прापес*. Фемінативи від іменників чоловічого роду – назв осіб за належністю до певної науки (скажімо, *біолог – біоложка*) уважають недоречними не тільки українські дослідники (пор. [9: 86; 30: 53]). Проте мова, щоб уникнути тих чи тих

лакун, завжди надає в розпорядження мовців кілька шляхів розв'язання проблем – це демонструють неологізми на зразок *філологиня*, *філософиня* (на противагу складним найменуванням *жінка-філолог*, *жінка-філософ*), утворені за зразком іншої – «основа особового іменника чоловічого роду + *-ин(я)*» – словотвірної моделі. Функціонування на маргінесі словотвірної категорії фемінативів (усього 19 похідних, за даними інверсійного словника) не стало перешкодою для залучення її до продукування нових одиниць словника.

Омонімію і багатозначність суфіксів теж не можна вважати серйозною підставою для обмеженого вживання іменників жіночого роду – назв осіб жіночої статі, адже у системі мови серед похідних іменників чоловічого роду теж трапляються слова з багатозначними суфіксами (*українець*, *молодець*) та омоніми (*цілинник*¹ 'той, хто працює на цілині, освоює цілинні землі', *цілинник*² 'те саме, що *цілина* 2'); відзначені вони і серед кодифікованих іменників на **-к(а)**, пор.: *американка*¹ 'жителька Америки' та *американка*² – 1. 'сорт пшениці', *американка* – 2. 'сорт картоплі', *американка* – 3 'різновид друкарської машинки'.

Остання причина (фонетико-структурні особливості твірної основи чоловічих назв на **-пт**, **-кт**, **-тр**, **-рг**, **-лог**) – зі сфери дериваційної морфології, до компетенції якої належать усі питання формальної взаємодії словотворчих морфем. Аналіз морфологічної структури¹ наявних у мові фемінативів дозволяє стверджувати таке.

Переважна більшість основ особових назв чоловічого роду має таку морфологічну будову, що дозволяє їм вільно, без формальних перетворень, взаємодіяти з найпродуктивнішим фемінним суфіксом **-к(а)**. Серед них:

а) непохідні (питомі й запозичені) субстантиви: *сусід* – *сусідка*, *корифей* – *корифейка*, *єврей* – *єврейка*, *хам* – *хамка*, *хуліган* – *хуліганка*, *диявол* – *дияволка*;

б) непохідні, але морфологічно членовані субстантивні основи з субморфемами **ин** / **ін** (*блондин* – *блондинка*, *бедуїн* – *бедуїнка*); **ан** (*могікан* – *могіканка*, *чабан* – *чабанка*); **ар** (*кухар* – *кухарка*, *секретар* – *секретарка*), **ат** (*меценат* – *меценатка*, *кандидат* – *кандидатка*, *аристократ* – *аристократка*, *лауреат* – *лауреатка*); **ал** (*феодал* – *феодалка*, *ліберал* – *лібералка*, *фіскал* – *фіскалка*), **от** (*патріот* – *патріотка*, *ідіот* – *ідіотка*, *поліглот* – *поліглотка*); **ант** (*педант* – *педантка*, *офіціант* – *офіціантка*, *дилетант* – *дилетантка*, *негоціант* – *негоціантка*); **ент** (*абонент* – *абонентка*, *абітурієнт* – *абітурієнтка*, *пацієнт* – *пацієнтка*); **ист** (*артист* – *артистка*), **он** (*чемпіон* – *чемпіонка*); **ор** (*автор* – *авторка*, *професор* – *професорка*); **ман** (*меломан* – *меломанка*, *гурман* – *гурманка*), **ир** (*пасажир* – *пасажирка*); до цієї групи відносимо новітні утворення на зразок *спічрайтерка*, *тінейджерка*;

в) відіменникові похідні з суфіксами **-ан** (*політикан* – *політиканка*, *інтриган* – *інтриганка*); **-ант** (*ювілянт* – *ювілянтка*, *диверсант* – *диверсантка*, *комедіант* – *комедіантка*, *музикант* – *музикантка*, *екскурсант* – *екскурсантка*); **-ар** (*аптекарь* – *аптекарька*, *човникар* – *човникарка*, *скотар* – *скотарка*); **-ер** (*призер* – *призерка*, *мільярдер* – *мільярдерка*, *гіпнотизер* – *гіпнотизерка*); **-ист** / **-іст** (*буддист* – *буд-*

¹ Під морфологічною структурою слова розуміємо ті перетворення, яких зазнали словотворчі морфеми за їх поєднання у межах похідного слова – детальніше див. [27: 112-117].

дистка, велосипедист – велосипедистка, гімназист – гімназистка, геодезист – геодезистка, сценарист – сценаристка, експресіоніст – експресіоністка, гандболіст – гандболістка); **-ин** (*сербин – сербинка, грузин – грузинка*); **-ит** (*одесит – одеситка*), **-ич** (*москвич – москвичка*); **-ор** (*літератор – літераторка, лектор – лекторка, фундатор – фундаторка*); із суфіксоїдами **-оїд, -філ, -фоб** (*монголоїд – монголоїдка, українофіл – українофілка, русофоб – русофобка*); з нульовими суфіксами (*агроном – агрономка, швед – шведка, монгол – монголка, румун – румунка, провінціал – провінціалка, театрал – театралка*); складні субстантиви на **-дій, -люб, -роб, -їд, -світ** (*чародій – чародійка, однолюб – однолюбка, хлібороб – хліборобка, серцеїд – серцеїдка, пройдисвіт – пройдисвітка*); коаліційнтка;

г) віддієслівні маскулізми на **-ар** (*страйкар – страйкарка, лікар – лікарка, писар – писарка*), **-ач** (*випалювач – випалювачка*), **-ас** (*любас – любаска*), **-ант** (*проектант – проектантка*); **-ій** (*палій – палійка, крадій – крадійка, хвалій – хвалійка, заводій – заводійка*), **-ент** (*опонент – опонентка, асистент – асистентка*); **-ор** (*організатор – організаторка, декламатор – декламаторка*), **-тель** (*примиритель – примирителька, просвітитель – просвітителька*); **-ун** (*плигун – плигунка, жартун – жартунка*);

е) деякі відприкметникові маскулізми: *дикун – дикунка, хитрун – хитрунка, силач – силачка, багач – багачка*.

Дослідники динамічних процесів у лексичній системі сучасної мови підтверджують високу активність суфікса **-к(а)** за творення назв осіб жіночої статі, пор.: «Назви осіб жіночої статі утворюються переважно від іменників чоловічого роду за допомогою продуктивного суфікса **-к-**: *бізнесменка, спонсорка, рухівка, партократка, нардепка, мажоритаристка, фанатка, стриптизерка, візажистка, наркокур'єрка*» [26: 129], фіксуючи поряд з цим його здатність поєднуватися з аброосновами, скажімо: *нардеп – нардепка* (з варіантами *нардепівець – нардепівка*), *партократ – партократка, пєєрпіст – пєєрпістка*. Серед неологізмів спостережено факти черезступеневого словотворення, які по-різному презентують словники – з покликанням на маскулізми (*профанація – *профанатор – профанаторка, синхронне плавання – *синхроніст – синхроніста*) [18, 102, 113] і не покликаючись на них: *англійка* – ‘викладачка англійської мови’, *форумчанка* – ‘жінка-учасниця форуму’; *електоратка* – ‘жінка з електорату’, *європка* – ‘жителька Європи’, *зоранка* – ‘мешканка планети Зора’ [17: 8, 121; 18: 40, 43, 49].

Попри те частина назв осіб чоловічого роду має таку морфологічну будову, яка не дозволяє їм вільно сполучатися з суфіксом **-к(а)** – це субстантиви на **-ець, -ик, -ак, -ан/ин**. Їхня взаємодія з суфіксом **-к(а)** передбачає увімкнення механізмів відповідних морфологічних моделей. Морфологічна модель, у нашому трактуванні, – це результат узагальнення морфологічної структури певного класу похідних, тобто зведення в одну систему тих морфологічних перетворень, які уможливають постання похідних одиниць словника за умови формальної несумісності поєднуваних морфем [27: 72-73].

Аналіз фактичного матеріалу засвідчує дію таких морфологічних моделей:

1. Усічення твірної основи – ММ «Уо». Її механізми супроводжують утворення фемінативів від твірних на **-ець, -ан/ин**: *скандинавець – скандинавка, литовець – литовка, канадець – канадка, англієць – англійка; обідранець – обідранка, бранець*

– *бранка, голодранець – голодранка, самець – самка; громадянин – громадянка, парижанин – парижанка, мусульманин – мусульманка, марсіяннин – марсіянка, парафіянин – парафіянка, волинянин – волинянка, хазяїн – хазяйка*. Суфікс *-ець* зазнає повної елізії, тоді як у другому випадку усікається тільки сингулятивний сегмент суфікса *-ан/ин*, що, очевидно, послугувало підставою укладачам СУМу покликатися на форми множини за тлумачення значення і фемінативів, і маскулізмів. Думаємо, що й деривати *чорнобривка, смаглявка* можна трактувати з відсиланням до цієї моделі, як це роблять автори словника «Лексико-словотвірні інновації», інтерпретуючи лексико-словотвірну структуру неологізму *правдописка* [18: 98]. Щоправда, словник тлумачить їхнє значення тільки через покликання (і цілком доречно) на значення іменниково-прикметникового словосполучення (*чорнобривка – «та, що має чорні брови»* [СУМ XI: 362]). Немає однозгідності серед учених і щодо трактування похідних на зразок *чешка, грузинка: Чехія – чех, Чехія – чешка (чехиня)* [2: 409] та *Грузія – грузини – грузин, грузинка* [10: 10]. Отже, полімотивація як явище загальноновизнане може бути поширене й на обстежуваний клас слів, пор. з думкою М.Докуліла: «Дериват *mladice* ‘молода жінка’ мотивований не тільки словом *mlady* ‘молода’; він є також корелятом жіночого роду до іменника *mladik* ‘молодий чоловік’» [29: 156], такого самого погляду дотримується й З.Валюх [4: 298].

2. Чергування приголосних у фіналі мотивувальної основи – **ММ «С // Ї»**. Дія цієї моделі поширюється насамперед на основи похідних маскулізмів із суфіксами *-ик / -ік, -ак, -ук*, а також непохідних, що завершуються морфонемами {г}, {к}, {х}: *фронтвик – фронтвичка, таджик – таджичка, фізик – фізичка, католик – католичка, керівник – керівничка, еретик – еретичка, математик – математичка, романтик – романтичка, сангвінік – сангвінічка, меланхолік – меланхолічка, чудак – чудачка, простак – простачка, співак – співачка, юнак – юначка, волиняк – волинячка, селяк – селячка, правнук – правнучка, монах – монашка, чех – чешка*.

3. На нарощенні суфікса, чергуванні наголосу та кінцевих консонантів основи твірного ґрунтуються моделі, що не відзначаються високою продуктивністю, а супроводжують творення лише поодиноких дериватів, скажімо, **ММ «Нс + С // С’ + Ас»**. Її механізми долучаються до творення похідних насамперед від односкладових основ: *жид – жидівка, скіф – скіф’я’нка*, також деяких багатоскладових: *пресвітер – пресвітеріанка*; сучасне мовлення демонструє зразки застосування моделі й за черезступеневого словотворення: *Союз українок – союзя’нка*. Морфонологічна структура фемінатива *француженка* (від *француз*) – це наслідок дії **ММ «Нс + С // Ї»**; *чуканка* (від *чукча*), *форумчанка* (від *форум*) – **ММ «Нс + Ас»**; *турок – турчанка* (**«Нс + С // Ї + О // Ø + Ас»**).

4. Усічення основи твірного у поєднанні з нарощенням суфікса та наголосу – **ММ «Уо + Нс + Ас»**: *китаєць – китая’нка, корєєць – корей’нка, патрицій – патриціанка*. Утворення *китайка, корейка* морфонологічними нормами української мови дозволені, але вони функціонують з іншими значеннями – відповідно ‘тканина’ та ‘свиняча або теляча грудинка’. Як бачимо, мова доволі легко розв’язує проблеми омонімії, пропонуючи мовцям різні способи морфонологічної адаптації словотворчих морфем.

Фемінний суфікс **-иц(я)** майже не поступається продуктивністю суфіксові **-к(а)**, проте деривати, утворені за його участю, характеризуються більшою однотипністю морфологічної структури, що, поза сумнівом, сприяє подальшому зростанню його активності. Валентнісні характеристики суфікса **-иц(я)** прогнозують увімкнення механізмів таких морфологічних моделей:

1. Моделі «Уо». Вона найпродуктивніша. Усичення зазнають суфікси **-ець, -ик** та фінальний компонент похідних суфіксів **-н/ик (-ль/н/ик), -ч/ик, -щ/ик**: *умілець – умілиця, спадкоє'мець – спадкоє'миця, щаслівець – щаслівиця, дбайлівець – дбайливиця; кáрлик – кáрлиця, послідо́вник – послідо́вниця, ра́дник – ра́дниця, замóвник – замóвниця, фехтува́льник – фехтува́льниця, драпірува́льник – драпірува́льниця; перебі́жчик – перебі́жчиця, льóтчик – льóтчиця, нату́рщик – натури́щиця* (при паралельному, що більшою мірою відповідає словотвірним нормам української мови *нату́рник – натурни́ця, обма́нчик – обма́нчиця*).

2. «Уо + Ас». Вона застосовується за взаємодії з такими самими щодо морфемної будови маскулізмами, але з наголосом на суфіксі чи елізованому сегменті: *самéць – самі́ця, жрець – жрі́ця; ремі́сник – ремі́сниця, птахі́вник – птахі́вниця, представні́к – представні́ця, чарі́вник – чарі́вниця, руйні́вник – руйні́вниця, крані́вник – крані́вниця, робі́тник – робі́тниця*; нерегулярне утворення з нарощенням суфікса *продавець – продави́ця* (пор. з паралельним *продавчі́ня*).

3. Модель «Ас» непродуктивна. Її дія характеризує деривати, утворені від первісних основ іменників чоловічого роду – назв осіб чи міфічних істот: *фельдшер – фельдшері́ця, біс – бісі́ця, упі́р – упі́риця, чорт – чорти́ця*.

4. «С // Ї» – теж непродуктивна модель: *проро́к – проро́чиця, владі́ка – владі́чиця*.

Як згадувалося, суфікс **-ин(я)** значно поступається продуктивністю суфіксам **-к(а)** та **-иц(я)**. Проте якраз він взаємодіє з тими основами, що наводяться дослідниками у переліку винятків, пор., крім наведених вище *філологиня, філософиня*, також *лікар-епідеміологиня, продавчиня, членкиня* (з телепередач), *тезкиня* (зі словника А.Нелюби), *їздкиня, стражкиня* (неологізми Н.Королевої). Найважливіші морфологічні характеристики цієї морфеми – це аутоакцентність, вокалічний характер ініціалі і здатність взаємодіяти з основами на {г}, {к}, {х}. Перша з цих характеристик зумовлює дію морфологічної моделі «Ас»: *раб – рабі́ня, бог – богі́ня, бо́йко – бойкі́ня, та́зда – газді́ня, ге́рцог – герцо́гіня, грек – грекі́ня, друг – другі́ня, ле́мко – лемкі́ня*, але *мона́х – мона́хи́ня, шах – шахі́ня*. Неологізми *членкиня, стражкиня* утворені, крім того, за участю морфологічної трансформації нарощення основи, спричиненої, як видається, потребою чіткого прочитання похідного, – модель «Ас + Но». Дериват *їздкиня*, як і *майстри́ня*, демонструє правило застосування операції чергування голосних фонем у контактній зоні твірного, особливо якщо вони презентують нульову морфему – ММ «Ас + О // О», а *кравчиня*, як і новітні утворення *продавчиня, виборчиня*, – ще й операції перехідного пом'якшення – ММ «Ас + О // О + С' // Ї». Автори монографії «Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі» (К., 2008), уважаючи згадані одиниці одним із різновидів okazіоналізмів, наголошують: «Слова ... *політикеса (агентеса, критикеса), ... філологиня (біологиня)* демонструють незвичність не

змісту похідного слова, а лише його форми, пор. нормативні відповідники цих слів ... *жінка-політик*, (*агент, критик*), *агентка, політиканка, критиканка* (з негативною конотацією), ... *жінка-філолог* (*біолог, геолог*) [13: 59].

Ще нижчою продуктивністю у системі мови характеризуються суфікси **-ш(а)**, **-их(а)**, **-ис(а)**, **-ес(а)** – похідні з ними налічують по кілька одиниць і відзначаються стилістичною маркованістю, пор.: *економша, кравчиха і стюардеса, абатиша; деканиша, вождыха і метреса, політикеса*. Однак вони надзвичайно цікаві у контексті пошуку шляхів реалізації прагматичних настанов мовців, без чого годі уявити успішну комунікацію, пор.: «Ефективність вербальної комунікації прямо залежна від індивідуально-авторської компетенції, від уміння індивідуума творчо маніпулювати узуальними знаками, трансформуючи їх у знаки okazionalnі, що в умовах конкретних комунікативно-прагматичних ситуацій сприймаються як «невипадкові випадковості», які певним чином активують силу впливу [16: 343].

Морфонологічні характеристики усіх згаданих суфіксів (крім **-их(а)**) такі, що не вимагають суттєвих морфонологічних перетворень твірних основ. Суфікс **-ш(а)** взаємодіє з основами твірних без морфонологічних перетворень (*директор – директорша, прем'єр – прем'єрша, мільярдер – мільярдерша*), **-ис(а)**, **-ес(а)** – із залученням ММ «**Ас**». Натомість приєднання суфікса **-их(а)** (він частіше творить похідні зі значенням 'дружина того, хто названий мотивувальним словом') активує дію таких морфонологічних моделей: а) «**С'//С + Ас**»: *вождь – вождыха*; «**С // С' + Ас**»: *лісник – лісничиха*, «**Ас + С'//С' + О // О**»: *кравець – кравчиха*.

Усе викладене переконує в широкій репрезентативності словотвірної категорії фемінативів, засвідчує високу дериваційну спроможність її словотворчих засобів і дає підстави визнати слушним висновок О.Пономарева, що маскулізми суперечать морфолого-стилістичним нормам української мови [21: 164], а тому на часі ламати традицію стосовно їхнього домінування також в офіційно-діловій мові [22: 185].

Література

1. Білоусенко П.І., Німчук В.В. Нариси з історії українського словотворення (суфікс -иця). – Київ – Запоріжжя, 2002.
2. Брус М. Словотвірна семантика фемінативів української мови XVII-XVIII століття // Актуальні проблеми українського словотвору: Зб. статей / За ред. Василя Грещука. – Івано-Франківськ: Плай, 2002. – С.403-413.
3. Брус М. Фемінативний словотвір у працях І.І.Ковалика // Вісник Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника. Філологія. – Випуск XVII-XVIII. – Івано-Франківськ: Видавничо-дизайнерський відділ ЦІТ, 2007. – С. 19-23.
4. Валюх З.О. Словотвірна парадигматика іменника в українській мові: Монографія. – Київ – Полтава: АСМІ, 2005.
5. Вихованець І.Р. Теоретична морфологія української мови: Академ. граматика укр. мови / І.Вихованець, К.Городенська; За ред. І.Вихованця. – К.: Унів. вид-во «Пульсари», 2004.

6. Грещук В. Ще раз про словотвірну категорію // Василь Грещук. Студії з українського мовознавства: Вибрані праці / Упор. Р.Бачкур. – Івано-Франківськ: Місто НВ, 2009. – С.53 -58.
7. Дмитриев П.А. О тенденции маскулинизации в зарубежных славянских языках // Славянская филология. – 1986. – № 5. – С. 117-128.
8. Загнітко А.П. Теоретична граматики української мови. Морфологія: Монографія. – Донецьк: Дон.ДУ, 1996.
9. Захарова Е.И. Категория рода // Разговорная речь в системе литературных функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. – С. 85-91.
10. Зверев А.Д. Словотвірна значення в семантичній структурі похідних // Мовознавство. – 1988. – № 1. – С. 22-27.
11. Інверсійний словник української мови. – К.: Наук. думка, 1985.
12. Карпіловська Є.А. Системотвірний потенціал мотивованої лексики: засади моделювання словотвірних категорій // Науковий вісник Чернівецького університету: зб. наук. праць / наук. ред. Б.І.Бунчук. – Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2009. – Вип. 475-477: Слов'янська філологія. – 336-342.
13. Клименко Н.Ф., Карпіловська Є.А., Кислюк Л.П. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі: Монографія. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008.
14. Ковалик І.І. Питання іменникового словотвору в східнослов'янських мовах у порівнянні з іншими слов'янськими мовами. Частина 1. – Львів: видавництво Львівського університету, 1958.
15. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2006. – Т. 65, № 2. – С.3-13.
16. Колоїз Ж. Перлокутивна сила оказіональних утворень // Науковий вісник Чернівецького університету: зб. наук. праць / наук. ред. Б.І.Бунчук. – Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2009. – Вип. 475-477: Слов'янська філологія. – С.342-349.
17. Нелюба А. Лексико-словотвірні інновації. (1983 -2003). Словник. – Харків, 2004.
18. Нелюба А., Нелюба С. Лексико-словотвірні інновації (2004 -2006): Словник. – Х.: Майдан, 2007.
19. Озерова Н. Г., Смольська А. К. Формально-семантична взаємодія субстантивних категорій в аспекті функціональної граматики (на матеріалі української, російської, сербської та болгарської мов) // Мовознавство. – 1998. – № 2-3. – С. 97-106.
20. Пономарів О.Д. Стилїстика сучасної української мови. Підручник. Київ: Либідь, 1992.
21. Пономарів О.Д. Діяч і діячка, кореспондент і кореспондентка, лікар і лікарка, поет і поетка, поетеса // Культура слова: Мовностилїстичні поради. Навч. посібник. Київ.: Либідь, 1999. – С.164-165.
22. Пономарів О. Д. Іменники жіночого роду в назвах за професіями // Філософсько-антропологічні студії. Спецвипуск, 2001. – С. 183-186.

23. Пузиренко Я. Маскулинизация как фактор влияния на агентивно-профессиональную номинацию женщин // *Žmogus kalbos erdvėje* 5 (1). *Mokslinių straipsnių rinkinys*. – Kaunas, 2009. – P. 219-226.
24. Словотвір сучасної української літературної мови. – К.: Наукова думка, 1979.
25. Словник української мови: В 11 тт. – К.: Наукова думка, 1970-1980.
26. Стишов О.А. Українська лексика кінця ХХ століття (на матеріалі мови засобів масової інформації). – К.: Вид. центр КНЛУ, 2003.
27. Федурко М. Морфонологія відіменникового словотворення. – Київ –Дрогобич, 2003.
28. Фекета І. І. Женские личные названия в украинском языке (образование и употребление): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 661. Киевский гос. ун-т им. Т.Г.Шевченко. – Киев, 1969.
29. Dokulil M. Tvoření slov v češtině: Teorie odvozování slov. – Praha: Nakl. Českosl. akad., 1962.
30. Grzegorzczkova Renata. Zarys słowotwórstwa polskiego. Słowotwórstwo opisowe. Wyd. III, poprawione. – Warszawa: PWN, 1979.

Марія Ю. Федурко

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ УКРАИНСКИХ ФЕМИНАТИВОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Неологические словари украинского языка все последовательнее отражают тенденцию роста класса субстантивов для обозначения лиц женского пола по роду профессиональной деятельности, образованных от названий лиц мужского пола. Несмотря на маскулиноцентрический принцип украинского (как и других славянских) языков, упомянутые феминативы приобретают статус стилистически нейтральных единиц, широко употребляемых во всех стилях речи, кроме официально-делового. Изучение указанных субстантивов позволяет установить, какие из тенденций современного словообразования (интернационализация / национализация, интеллектуализация / демократизация, экономия языковых усилий / детализация номинаций) доминирует на этом участке лексикона. Поскольку морфонологические преобразования словообразовательных морфем являются важным (порой обязательным) компонентом деривационных процессов, считаем целесообразным изучить систему предпочтений и на этом языковом уровне.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ ТОМУ

Члени Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славистів

Аврамова Цветанка (Аврамова Цветанка) – доктор, головний асистент Кафедри слов'янського мовознавства Факультету слов'янської філології Софійського університету «Св. Климент Охридський» (Софія, Болгарія).

Основні праці: **1.** Словообразовательни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на ХХ век. София: Херон Прес, 2003; **2.** Новите производни думи в чешкия език и модерната лексикография. В: *За думите и речниците. Лексикографски и лексиколожки четения '98.* София, 2000, 123–127; **3.** Slovtvorné tendence u substantiv v bulharštině a češtině v 80. a 90. letech 20. století. – *Slavia*, 2002, 1, 23–33; **4.** О словообразовательной омонимии и полисемии суффиксальных дериватов в славянских языках. – *Балканско езикознание / Linguistique balkanique* XLIII, 2003–2004, 2–3, 221–230; **5.** Новите думи през призмата на словообразователната норма и система. В: *Стандарт и субстандарт – диахронни и синхронни аспекти.* Шумен, 2005, 241–252; **6.** За конкуренцията в суфиксалното субстантивно словообразуване на българския и чешкия език в края на ХХ век. В: *Националният език в условията на чужди влияния и глобализация.* София, 2006, 282–294; **7.** Univerbáty v lexikálním systému jazyka. – *Bohemistika* 2007, 3, 190–206. (Доклад, представен на Седмата междунар. конф. *Motivované slovo v lexikálním systému jazyka.* Bratislava 27.9. – 1.10.2004.); **8.** Проблемът за словообразователната омонимия и полисемия при суфиксалните деривати в славянските езици. В: *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung.* Ed. H. Burkhardt, A. Nagórko. Olms, Hildesheim – Zürich – New York, 2007, 143–164; **9.** О прагматико-стилистической функции производного слова. В: *Функциональные аспекты словаўтварэння.* Доклады IX Міжнар. навук. канф. Камісії па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнар. камітэце славистаў Мінск / Беларусь 9 – 14 кастрычніка 2006 г. Мінск 2006, 22–37; **10.** За статута на някои морфеми при адаптирането на чужди глаголи в българския език в съпоставка с чешки (върху материал от най-новата лексика). В: *Отговорността пред езика*, кн. 2. Шумен, 2009, 221–227; **11.** Адаптация и деривация (в българския и чешкия език). В: *Словообразуване и лексикология.* Доклади от Десетата Междунар. конф. на Комисията по славянско словообразуване при Междунар. комитет на славистите, София, 1 – 6 октомври 2007 г. София, 2009, 313–322; **12.** Прояви на

интернационализация в словообразуването на българския книжовен език на границата между две хилядолетия. В: *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Pod red. nauk. E. Koriakowcewej. Siedlce, 2009, 77–88.

Аризанковська Лідія (Аризанковска Лидија) – доктор, професор кафедри македонської мови та південнослов'янських мов Філологічного факультету „Блаже Конески“ Університету „Св. Кирил и Методиј“ (Скоп'є, Македонія).

Основні праці: **1.** Функціонально оптоварување на наследените словенски суфікси за nomina agentis во македонскиот и во словенечкиот јазик (со посебен осврт на суфиксот *-tel'b врз фонот на изофункционалните суфікси), Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет „Блаже Конески“, Скопје, 2001; **2.** Од семантиката и синтаксата на дел од словенечките и македонските партикули. Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет „Блаже Конески“, Скопје, 2007; **3.** The Semantic and Syntactic Aspects of the Macedonian Particle 'samo' Compared to its Equivalents in the English Language. Fifth International Macedonian-North American Conference on Macedonian Studies, The Ohio State University, Columbus, Ohio, May 1-4, 2003, (Brian D. Joseph and M.A. Jonson, editors), Volume 4, Ohio, Columbus: 2004, 1-18; **4.** [so Q. Spasov]. Funkcijska zvrstnost jezika in njegova vloga v narativni strukturi sodobnega slovenskega romana, *Zbornik Obdobja 21-Metode in zvrsti (povzetki predavaj)*, Ljubljana, 2004; **5.** Суфиксот *prasl. *-tel'b – mak. -tel* i negovite izofunkcionalni sufiksi vo knigata „Za makedonskite raboti“ od K. P. Misirkov, *Deloto na Krste Misirkov* (zbornik), tom II, MANU, Skopje, 2005: 293-299; **6.** Slovene~kite partikuli *še, že, samo, le, celo* i makedonskite partikuli *ušte, veže, samo, duri (i)* od semanti~ko-sintaksi~ki aspekt *Filologičeskie zametki*, 4, vol. 2, Perm, 2006, 3 -11; **7.** За партикулите во словенечкиот и во македонскиот јазик од семантичко-синтаксички аспект. *Jezikovna predanost*, Zora, 44, Maribor, 2006: 101-107; **8.** Tendencii vo sovremeniot makedonski jazik vo pogled na upotrebata na oddelni sufiksi za obrazuvanje nomina agentis, *Funkcionalni aspekti na zborooobrazuvanje (Zbornik)*, Nacionalna akedemija na naukite na Belorusija, Minsk, 2006, 38-45; **9.** Од семантиката и синтаксата на дел од словенечките и македонските партикули. Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет „Блаже Конески“, Скопје, 2007; **10.** Словенечката лексема *celo* наспрема македонската *дури (u)* како нејзин еквивалент од семантичко-синтаксички аспект, Зборник од XIV Меѓународен светски славистички конгрес, МАНУ, Скопје, 2008, 19-39; **11.** Продуктивноста, односно непродуктивноста на одделни суфікси за образување nomina agentis во современиот македонски јазик, *Зборник посветен на Кирил Конески*, Филолошки факултет „Блаже Конески“, Скопје, 2009., 19-26; **12.** Обиди за дефинирање на партикулите во науката за јазикот, *Зборник посветен на Лилјана Минова-Ѓуркова*, Филолошки факултет „Блаже Конески“, Скопје, 2009, 19-29.

Балтова Јулија (Балтова Юлия) – доктор, старши научовиот співробітник Сектору болгарської лексикології та лексикографії Інституту болгарської мови Болгарської Академії наук (Софія, Болгарія). У 2005-2008 рр. працювала запрошеним професором в Університеті м. Торунь (Польща).

Основні праці: 1. *Речник на българския език* (в съавторство): Т. 2, София, 1979 и 2002; Т. 3, София, 2006; Т. 4, София, 1984; Т. 5, София, 1987; Т. 6, София, 1990; Т. 7, София, 1993; Т. 8, София, 1995, Т. 9, София, 1998; Т. 10, София, 2000; Т. XI, София, 2002; 2. *Изграждане на книжовна лексика в българския език през Възраждането (сложни съществителни potina concreta)*. – Известия на Института за български език. Изследвания върху съвременния български език и неговата история, кн. XXV, 1983, с. 5-30; 3. *Двусъставни субстантивни конструкции в съвременния български книжовен език (към въпроса за езиковата номинация)*. – Известия на Института за български език. История и съвременно състояние на българския книжовен език, кн. XXVI, 1985, с. 81-133; 4. *Сложните съществителни potina abstracta в българския книжовен език от периода на Възраждането (лексико-семантичен анализ)*. – В: Българско езикознание. Проблеми на българската лексикология, фразеология и лексикография. АИ “Проф. Марин Дринов”, София, 2002, с. 7-51; 5. *За словообразователната синонимия и вариантност при композитумите в българския книжовен език през периода на Възраждането*. – Бълг.език, кн. 3, 1979, с. 205-208; 6. *Начало и развитие на научния стил в новобългарския книжовен език и отразяването на този процес в словообразуването*. – Бълг. език, кн. 1, 1980, с. 40-44; 7. *Сложните думи и «композицията» като елементи на изграждането на книжовна лексикална система в българския език през Възраждането*. – В: Славистичен сборник, София, 1985, с. 101-106; 8. *Словообразователни иновации в българския книжовен език от периода на Възраждането*. – В: Kształtowanie się nowobułgarskiego języka literackiego. Wrocław, 1989, с. 7-18; 9. *Субстантивните composita и композитообразуването – отражение на основните тенденции в българския книжовен език през Възраждането*. – В: В търсене на смисъла и инварианта. Сборник в чест на проф. Дина С. Станишева. Университетско издателство „Св. Климент Охридски”, София, 2008, с. 51-56; 10. *Словообразуване и лексикография*. – В: Славистика. Синхрония и диахрония. Сборник статей к 70-летию И. С. Улуканова. Москва, 2006, с. 170-178; 11. *Словообразователното значение в лексикографската дефиниция на производната дума*. – В: Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство. Сборник в честь Е. С. Кубряковой. Москва, 2009, с. 444-450; 12. *Словообразуване, лексикология, лексикография – взаимовръзка и взаимна обусловеност*. – В: Словообразуване и лексикология. Доклади от Десетата Международ. конф. на Комисията по славянско словообразуване при Международ. комитет на славистите, София 1–6 октомври 2007 г. Университетско издателство «Св. Климент Охридски», София, 2009, с. 279-289.

Боздехова Ивана (Bozděchová Ivana) – доктор філософії, кандидат наук, доцент, провідний асистент кафедри чеської мови та теорії комунікації Філософського факультету Карлова університету (Прага, Чехія), професор кафедри чеських та словацьких студій Університету іноземних досліджень Ханкук (Сеул, Корея).

Основні праці: 1. *Morbus professionalis* (K motivovanosti českých názvů nemocí). *Naše řeč*, 2006, roč. 89, č. 3, s. 113–122; 2. *Terminological Collocations in (Czech) Medical Texts*. *Hermeneus*, Universidad de Valladolid, Soria 2006, č. 8,

s. 67–84; **3.** Recept na zkratky a značky. *Naše řeč*, roč. 91, č. 4, 2008, s. 220–222; **4.** Víceslovné odborné názvy v češtině (se zaměřením na lékařskou terminologii). In: *Funkcyjanal'nyja aspekty slovaŭtvarennja*. Daklady IX Mižnarodnaj naukovej kanferencyi. Kamisii na slavjanskamu slovaŭtvarennju pry Mižnarodnym kamitěce slavistaŭ. Minsk / Belarus' 9-14 kastryčnika 2006 h. VTAA „Prava i èkanomika“, Minsk 2006, s. 288–301; **5.** Proměny v terminologii české medicíny. In: *Český jazyk a literatura v evropském kulturním kontextu*. Język i literatura czeska w europejskim kontekście kulturowym. Wydawnictwo Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej, Racibórz 2008, s. 23–31; **6.** Slovtvorba a terminologie. In: *Slovoobrazuvane i leksikologija*. Dokladi ot Desetata međunarodna konferencija na Komisijata po slavjansko slovoobrazuvane pri Meždunarodnija komitet na slavistite, Sofia, 1-6 oktombri 2007 g. Universitetsko izdatelstvo Sv. Kliment Ochridski, Sofia 2009, s. 199–208; **7.** Projevy internacionalizace v současné české odborné komunikaci, zejména lékařské. In: *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Spis treści. Wydawnictwo akademii Podlaskiej, Siedlce 2009, s. 53–62; **8.** Onomaziologie, slovtvorba a jazykový obraz světa. In: *Movy ta kultury u novij Jevropi: kontakty i samobutnist'*. Vydavnychyj Dim Dmytra Burago, Kyjev 2009, s. 57–65.

Вашакова Кристина (Waszakowa Krystyna) – професор, доктор габілітований, професор кафедри полоністики Інституту польської мови Варшавського університету (Варшава, Польща).

Основні праці: **1.** *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki z formantami paradygmatycznymi*. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa 1993, Wyd. 2-ie poprawione – Warszawa 1996; **2.** *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne obce*. Rozprawy Uniwersytetu Warszawskiego. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa 1994; **3.** *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa 2005; **4.** *O nowych pracach Czeskiej Akademii Nauk poświęconych neologizmom*. Poradnik Językowy 2006, 5, s. 3-22; **5.** *Internacjonalizacja współczesnej polszczyzny – szansa czy zagrożenie?* [w:] *Przegląd Humanistyczny* 2007, 1, s. 219-228; **6.** *Derywaty słowotwórcze w tekście*, [w:] *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego* 2007, LXIII, s. 125-138; **7.** *Wariantywne postaci neologizmów w świetle adaptacyjnej funkcji słowotwórstwa*, [w:] *Prace Filologiczne* 2007, LIII, s. 691-699; **8.** *Dynamika zjawisk słowotwórczych w tekście*, [w:] *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria XI. Językoznawstwo. Prace na XIV Międzynarodowy Kongres Slawistów w Ochrydzie 2008. Warszawa 2007, s. 234-242; **9.** *Internacjonalizacja polskiej leksyki – stan obecny, prognozy na najbliższą przyszłość*, [w:] *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Red. E. Koriakowcewa. Siedlce 2009, s. 11-28; **10.** *Derywowane anglicyzmy jako wyraz ekspansji słownictwa potocznego i środowiskowego w języku mediów ostatniego ćwierćwiecza*. *Slavia Meridionalis* 9, Warszawa 2009, s. 1-14; **11.** *Nowe derywaty słowotwórcze w ujęciu*

kognitywno-dyskursywnym, [w:] „Gorizonty sovremennoj lingvistiki. Tradicii i novatorstvo”. Red. V.A. Vinogradov, V.F. Novodranova, N.K. Rjabceva. Jazyki slavianskikh Kultur. Rosijskaja Akademija Nauk. Moskva 2009, s. 365-374.

Виноградова Валентина Миколаївна (Виноградова Валентина Николаевна)

– доктор філологічних наук, професор, провідний науковий співробітник Інституту російської мови ім. В.В. Виноградова РАН (Москва, Росія).

Основні праці: **1.** Стилистический аспект русского словообразования. – М., 1984; **2.** Стилистика русского словообразования. – Peter Lang. Frankfurt am Main, 1992; **3.** Определения в поэтической речи // Поэтическая грамматика. – 2006. – Т.1; **4.** Степени сравнения прилагательных в поэтической речи // Художественный текст как функциональная система. – М., 2006; **5.** Словообразовательная синонимия и антонимия в поэтическом тексте // Функциональные аспекты словоупотребления. – Минск, 2006; **6.** Стилистические пометы в словарях разных типов // Русский язык в двуязычных словарях. – Frankfurt am Main, 2006; **7.** Проблема эволюции словотворчества у поэтов серебряного века // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. – М., 2007; **8.** К вопросу о поэтике В.П.Григорьева. Поэтика и эстетика слова / Сборник научных статей памяти В.П.Григорьева). – М., 2010.

Голев Микола Данилович (Голев Николай Данилович) – доктор філологічних наук, професор кафедри російської мови Кемеровського державного університету (Росія), завідувач лабораторії юрислінгвістики та документознавства, директор регіональної громадської організації лінгво-юридичних експертиз та консультацій, дійсний член Міжнародної академії наук вищої школи (Кемерово, Росія).

Основні праці: **1.** О диалектике генезиса и функционирования словообразовательной системы // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: Труды Межд. науч.-практ. конф. (Бийск, 31.10 – 1.11). – Бийск, 2005. – 3-13; **2.** О современном когнитивном словообразовании: заметки о книге П.А. Катыхшева «Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы» (Томск, 2005) // Актуальные проблемы современного словообразования. – Труды Межд. науч. конф. (г. Кемерово, 1-3 июля 2005 года) – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С.33-37; **3.** Словообразовательная система русского языка: в поисках функции и границ // Актуальные проблемы современного словообразования. – Труды Межд. науч. конф. (г. Кемерово, 1-3 июля 2005 года) – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006. – С. 37-41; **4.** Узуализация номинативных единиц как предмет общей и региональной ономазиологии // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека: матер. Межд. науч. конф., посвященной юбилею академика МАН ВШ, д-ра филол. наук, проф. О.И. Блиновой / Отв. ред. д-р филол. наук Т.А. Демешкина. – Томск: Томский ун-т, 2006. – С.66-75; **5.** Словообразование & деривационная лексикология // Актуальные проблемы словообразования. // Актуальные проблемы словообразования: Матер. III Межд. конф.. Кемерово, 2008. – С. 364-368; **6.** Словообразование как эволютивный синергетический

процесс // Актуальные проблемы словообразования: Матер. III Межд. конф. Кемерово, 2008. – С.21-31; **7.** Потенциальные слова и лексические инновации в поисковых системах Интернета: теоретические и прикладные аспекты // Славянские языки и культуры в современном мире: Межд. науч. симпозиум (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филол. факультет, 24-26 марта 2009 г.): Труды и материалы / Сост. О.В. Дедова, Л.М. Захаров; под общ. руководством М.Л. Ремневой. – М.: МАКС Пресс, 2009; **8.** К проблеме взаимодействия словообразовательной и лексической систем русского языка (на материале количественных данных поисковых систем Интернета) // Славянские языки и культуры в современном мире. М., МГУ, 2010 (в печати).

Драгићевич Райна (Драгићевић Рајна) – доктор, професор Кафедри сербської мови та південнослов'янських мов Філологічного факультету Белградського університету (Белград, Сербія).

Основні праці: **1.** *Семантичко-деривациони речник*, свеска 2: човек – унутрашњи органи и ткива, психофизиолошка стања и радње, психофизичке особине, сродство, редакторке: Д. Гортан-Премк, В. Васић и Р. Драгићевић, Нови Сад, 2006: Филозофски факултет, Одсек за српски језик и лингвистику; **2.** Творба речи и концептуализација емоција, *Славистика*, књ. VIII, 2004, 120-127; **3.** Деривациона гнезда чланова антонимског пара, *Србистички прилози*: зборник у част професора Славка Вукомановића, Филолошки факултет, Београд, 2005, 93-98; **4.** Творба речи у настави српског језика (реферат на 16. Конгресу савеза славистичких друштава Србије и Црне Горе), *Књижевност и језик* LII 3-4, 2005, 347-354; **5.** Деривати у менталном лексикону, *Научни састанак слависта у Вукове дане* 36/1, 2007, 367-379; **6.** Актуелна питања науке о творби речи (на материјалу радова Комисије за творбу речи Међународног славистичког комитета), *Научни састанак слависта у Вукове дане* 36/3, 2008, 61-71; **7.** Деривациона гнезда именица које означавају делове тела из угла лексичког богаћења, *Научни састанак слависта у Вукове дане* 37/1, 2008, 371-389; **8.** Творбени и семантички статус једног значења именица типа *ручица*, *Српски језик* XIII/1-2, 2008, 203-215; **9.** Статус деривационих односа у лексикологији, *Славистика*, књ. XIII, 2009, 89-94; **10.** Потенцијалне речи у српском језику, *Научни састанак слависта у Вукове дане* 38/3, 2009, 119-127; **11.** Иновације у творби речи у словенским језицима : приказ: 11. заседања Комисије за творбу речи Међународног славистичког комитета Москва, 24-26. марта 2009. // *Јужнословенски филолог.* – Књ. 65 (2009), 461-468; **12.** Утицај полисемије на творбу речи, *Књижевност и језик* LVI 1-2, 2009, 147-155.

Єрмакова Ольга Павлівна (Єрмакова Ольга Павловна) – доктор філологічних наук, професор кафедри російської мови Калузького державного університету (Калуга, Росія).

Основні праці: **1.** Лексические значения производных слов. М.: Рус. язык, 1984; **2.** Проблемы лексической семантики производных слов. Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка, т.40, 1981,2; **3.** Сопоставительное изучение словообразо-

вания и внутренней формы слова (в соавторстве с Е.А. Земской). Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка, т.44, 1985,6; **4.** Влияние идиоматичности семантики производных слов на повторную реализацию словообразовательных моделей // *Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung*. Magdeburg, 1999; **5.** Ирония и словообразование // *Slavische Bildung. Semantik und Kombinatorik*, Hamburg – London, 2002; **6.** Мотивация и коннотация // *Мотивированное слово в системе языка Братислава*, 2005; **7.** Производные слова и проблемы архаизации // *Словообразуване и лексикология*. София: Университетско издателство «Св. Клемент Охридски», 2009; **8.** Особенности русского и польского языков на рубеже XX – XXI вв. // *Славянское языкознание*. РАН.. Доклады российской делегации. М.; Индрик, 2008 (в соавторстве с Е.А.Земской, З.Э.Рудник-Карватовой).

Карпіловська Євгенія Анатоліївна – доктор філологічних наук, професор, завідувачка відділу структурно-математичної лінгвістики Інституту мовознавства ім.О.О.Потебні НАН України (Київ, Україна).

Основні праці: **1.** Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами – омографічними коренями // Київ: Українська енциклопедія ім.М.П.Бажана, 2002; **2.** Суфіксальна частина: Індекс суфіксальних одиниць. Індекс значень омонімічних суфіксальних одиниць. Словник суфіксальних одиниць // Н.Ф.Клименко, Є.А. Карпіловська, В.С.Карпіловський, Т.І.Недозим. Словник афіксальних морфем української мови. Київ: Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України, 1998; **3.** Шкільний словотвірний словник сучасної української мови // Київ: Наук. думка, 2005 (разом з Н.Ф.Клименко та Л.П.Кислюк); **4.** Конструювання складних словотворчих одиниць. – Київ: Наук.думка, 1990; **5.** Суфіксальна підсистема сучасної української літературної мови: будова та реалізація // Київ: Ін-т мовознавства ім.О.О.Потебні НАН України, 1999; **6.** Тенденції оновлення сучасного українського лексику // Н.Ф.Клименко, Є.А.Карпіловська, Л.П.Кислюк. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі, Київ: Видавн. Дім Дмитра Бураго, 2008, с.6-133; **7.** Приховані (згорнуті) та відкриті вибірні лексемні категорії: динаміка словотвірних маркерів // *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung*. – Hildesheim – Zürich – New York: Georg Olms Verlag, 2007 (Мат. VIII Міжнар. наук. конф. «Мовні категорії та словотворення» Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнар.комітеті славистів, Берлін, 14-17.11. 2005), с.45-59; **8.** Корпуси кореневих морфем у словацькій та українській мовах: можливості альтернативних рішень // *Morfematický výskum slovenčiny (možnosti jeho štatistického, elektronického a didaktického spracovania)*, Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2006, s.249-262; **9.** Функціональний потенціал конкурентних моделей словотворення: параметри стабільності похідних // Функціональні аспекти словаўтварэння IX Між.наук. конф. Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнар. комітеті славистів (Мінськ, жовтень 2006, с.92-101); **10.** Gniazda słów jako językowy obraz świata: perspektywę badań porównawczych // *LingVaria*. – Фак-т Полоністики Ягеллонського ун-ту, Краків, 2007, № 2(4),

с.27-41; **11.** Роль словотвірних інновацій у стратифікації сучасного українського лексикону // Зб. матеріалів X Міжнар. наук. конф. Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнар. комітеті славистів «Словообразуване и лексикология», Софія, 1-6.10.2007. – Софія: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2009, с. 227-236; **12.** Вплив інновацій на стабільність мовної системи: регулятори системної рівноваги // Зб. темблоку «Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов» на XIV Міжнар. з'їзді славистів (Охрид, Македонія), Київ, 2008, с.3-22.

Клещова Кристина (Kleszczowa Krystyna) – доктор габілітований, професор, завідувачка кафедри лексикології та семантики Інституту польської мови Філологічного факультету Сілезького університету (Катовіце, Польща). Заступник Голови Президії Комітету Мовознавства Польської Академії Наук.

Основні праці: **1.** *Oznaki i skutki wygasania produktywności formantu.* W: *Munuscula linguistica: in honorem Alexandrae Cieślíkowa oblata.* Red. K. Rymut, IJP PAN w Krakowie, Kraków 2006, s. 223–232; **2.** *Słowotwórstwo w perspektywie synchronicznej i diachronicznej.* W: *Lexikálna sémantika a derivatológia. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej pri príležitosti životného jubilea prof. PhDr. Juraja Furdíka,* CSc. Prešov 5. december 2000. Ed. M. Ološtiak. Košice: Vydavateľstvo LG 2007, s. 7–13; **3.** *Destrukcyjne skutki produktywności znaków i reguł słowotwórczych.* В: *Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов.* Тематичний блок на XIV Міжнародний з'їзд славистів. 10.09. – 16.09. 2008, Охрид, Республіка Македонія. Організатор тематичного блоку: Є А. Карпіловська. Київ 2008, с. 23–36; **4.** *Relacja symetrii w polskim słowotwórstwie.* W: *W kręgu języka. Materiały konferencji „Słowotwórstwo – słownictwa – polszczyzna kresowa”, poświęconej pamięci Profesor Zofii Kurzowej.* Kraków 16–17 maja 2008. Red. M. Skarżyński, M. Szpiczakowska. Kraków 2009, s. 285–292; **5.** *Językowy kształt czasu. Ze studiów nad semantyką historyczną.* [В:] *Славистика. Синхрония и диахрония. Сборник статей к 70-летию И. С. Улуханова.* Москва 2006, с. 420-428; **6.** *Przestrzeń semantyczna kategorii „zupełności”.* W: *Ogród nauk filologicznych. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi.* Red. M. Balowski, W. Chlebda, Opole 2005, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, s. 293–301; **7.** *<Bardzo> podobne, a jednak inne. Z historii polskich wykładników intensywności cechy.* „Prace Filologiczne” LIII, Warszawa 2007, s. 317–323; **8.** *W poszukiwaniu logiki zmian znaczeniowych.* В: *Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство. Сборник в честь Е.С.Кубряковой.* Москва 2009, с.530–538; **9.** *Dobrodziejstwo chaosu znaków językowych.* [W:] *Efekt motyla.* Red. Dorota Heck, Kordian Bakuła. Wrocław 2006, s. 47–53; **10.** *Poziomy zmian językowych.* W: *Zielonogórskie seminaria polonistyczne 2005.* Red. S. Borawski, M. Nawrysz, Zielona Góra 2006, s. 117–129 (Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego); **11.** *Историческое языкознание в свете современной историографии.* [В:] „Исследования по славянским языкам” 11, 2006, Корейская Ассоциация Славистов, Seul, с. 1–10; **12.** *Grząski grunt źródeł*

i faktów historycznojęzykowych. W: Amoenitates vel lepores philologiae. Red. R. Laskowski, Roman Mazurkiewicz. IJP PAN. Wydawnictwo LEXIS. Kraków 2007, s. 141–148.

Клименко Ніна Федорівна – доктор філологічних наук, професор, член-кореспондент НАН України, провідний науковий співробітник відділу структурно-математичної лінгвістики Інституту мовознавства ім.О.О.Потебні НАН України, професор кафедри елліністики Київського національного університету ім.Т.Шевченка (Київ, Україна).

Основні праці: 1. Система афіксального словотворення сучасної української мови. – К.: Наук. думка, 1973; 2. Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові. – К.: Наук. думка, 1984; 3. Основи морфеміки сучасної української мови. – К.: ІЗМН, 1998 (2-е вид. – 2000); 4. Словник афіксальних морфем української мови. – К.: Ін-т мовознавства ім.О.О.Потебні НАН України, 1998 (разом з Є.А.Карпіловською, В.С.Карпіловським, Т.І.Недозим); 5. Шкільний словотвірний словник сучасної української мови. – К.: Наук.думка, 2005 (разом з Є.А.Карпіловською та Л.П.Кислюк); 6. Новогрецько-український словник: Близько 22 000 слів. – К.: Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М.П.Бажана, 2005 (разом з О.Д.Пономаревим і Є.К.Чернухіним); 7. Українсько-новогрецький словник: 40 000 слів. – К.: Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М.П.Бажана, 2008 (разом з О.Д.Пономаревим і А.О.Савенком; 8. Словоскладання. Абревіація // Словотвір сучасної української літературної мови. – К.: Наук. думка, 1979. – С.314-403; 9. Словотвірна морфеміка сучасної української літературної мови: Навч. посібник. – К.: Ін-т мовознавства ім.О.О.Потебні НАН України, 1998 (разом з Є.А.Карпіловською); 10. Роль словотворення в сучасній українській номінації // Н.Ф.Клименко, Є.А.Карпіловська, Л.П.Кислюк. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008. – С.134-227; 11. Місце словотворення у функціонально-категорійній граматиці мови // Функціональні аспекти словаутварення. – Мінськ: Вид-во Мінськ. держ. ун-ту, 2006. – С.109-114. – Зб. доповідей членів Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнар. комітеті славистів; 12. Диференційні та інтеграційні процеси в лексиці і словотворенні сучасної української мови // Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов: Темат. блок на XIV Міжнар. з'їзді славистів (Охрид, 2008). – К.: Національна бібліотека України імені В.І.Вернадського, 2008. – С.66-98.

Коряковцева Олена Іванівна (Коряковцева Елена Ивановна) – доктор філологічних наук, професор, завідувачка кафедри прикладної лінгвістики та логопедії Інституту польської філології Академії Підляської, **учений секретар Комісії** (Седльце, Польща).

Основні праці: 1. Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика. – Москва: Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 1998; 2. Имена действия в истории русского языка. – Słupsk: Wydawnictwo

Akademii Pomorskiej, 1999; **3.** Статус имени действия // Вопр. языкознания. – Москва. – 1996. – № 3. – С. 55-66; **4.** Единицы диахронического описания словообразовательной системы: словообразовательная категория // [In:] Renate Belentschikow (ed.), Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. 2. Tagung der Internationalen Kommission für slavistische Wortbildung, Magdeburg, 9-11.10.97. Frankfurt am Main etc. 1999. – S. 295-305; **5.** Словообразование в его отношении к лексической семантике // [In:] Ingeborg Ohnheiser (ed.), Slavica Aenipontana. Band 10: Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand. Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee. Innsbruck, 2000 – S. 231-242; **6.** Словообразование и заимствование (о роли заимствования в развитии и преобразовании словообразовательных типов и категорий русского языка) // [In:] Krystyna Kleszczowa, Ludwik Selimski (red.), Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów. Katowice 27-29.09.2000 r. Katowice: GNOME, 2000 – S. 164-171; **7.** Русские nomina actionis: особенности деривационной комбинаторики (диахронический аспект) // [In:] S. Mengel (ed.), Slavica Varia Halensia. Band 7 : Slawische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. Münster-London-Hamburg, 2002 – S. 343-354; **8.** О словообразовательной компрессии: на материале русского и польского языков // [In:] А.А.Лукашанец (ред.), Функциональные аспекты словообразования. Минск, 2006. – S. 122-131; **9.** Категория nomina abstracta в русском и польском языках: к вопросу о модальных именных предикатах // [In:] Westost-passagen. Slawistische Forschungen und Texte 6: Slawistische Kategorien und die Slawische Wortbildung. Herausgegeben von Hanna Burchardt und Alicja Nagórko. Georg Olms Verlag, Hildesheim– Zürich– New York, 2007. – S.461-478; **10.** Инновации на периферии семантико-словообразовательной категории // [In:] С.А.Карпіловська (ред.), Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов. Доповіді: Тематичний блок на XIV Міжнародний з'їзд славістів, 10.09-16.09.2008, Охрид, Республіка Македонія. Київ, Український комітет славістів etc., 2008. – С.99-115; **11.** Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса // [In:] E. Koriakowcewa (red.), Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich. – Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2009. – S. 179-199; **12.** Словообразование в условиях глобализации: nomina actionis с новыми интернациональными формантами в русском, польском и чешском языках // [In:] Мови та культури у новій Європі: контакти і самобутність. – Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. – с.144-153.

Лукашанець Олександр Олександрович (Лукашанец Аляксандр Аляксандравіч) – доктор філологічних наук, професор, член-кореспондент НАН Білорусі, директор Інституту мови та літератури імені Якуба Коласа та Янки Купали НАН Білорусі, голова Міжнародного комітету славістів, голова Білоруського комітету славістів, голова Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славістів (Мінськ, Білорусь).

Основні праці: **1.** Словаўтварэнне і граматыка. – Мн.: Права і эканоміка – 2001; **2.** Беларуская мова. – Opole – 1998. (сааўтор і соредактор); **3.** Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo. Nominacja. \ Redaktor naukowy Ingeborg Ohnheizer. – Opole – 2003. (сааўтор); **4.** Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы. – Мн.: Беларуская навука – 2000. (сааўтор); **5.** Школьны словаўтваральны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Аверсэв. – 2006. – 512 с. (сааўтор); **6.** Лукашанец А.А. Узаемадзеянне граматычных катэгорый у словаўтварэнні беларускіх назоўнікаў. // Новые пути изучения словообразования славянских языков. Sonderdruck. – 1999. – S. 163 – 178; **7.** Лукашанец А.А. Граматычныя аспекты словаўтваральнай парадыгматыкі. // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. – Katowice, 2000. – С. 78 – 85; **8.** Лукашанец А.А. Аб граматычнай карэляцыі адзінак словаўтварэння. // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik: (Materialen der 5. Internationalen Konferenz der Kommission für slavische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee. Luterstadt Wittenberg, 20 – 25. September 2001) / Svetlana Mengel (Hrsg.). – Münster: Lit, 2002. – S. 211 – 225; **9.** Лукашанец А.А. Граматычны дыяпазон суфіксальнага словаўтварэння назоўнікаў у беларускай мове (аддзеяслоўныя намінацыі). // Словообразование в его отношении к другим сферам языка. Materialien der 3. Konferenz der für slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee. Innsbruck, 28.9. – 1.10.1999. – Innsbruck. – 2000. – S. 109 – 125; **10.** Лукашанец А.А. Сучасныя працэсы ў словаўтварэнні беларускай мовы: Да праблемы міжмоўнага збліжэння і адштурхоўвання. // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка: XIII Міжнародны з’езд славістаў (Любляна, 2003): Даклады беларускай дэлегацыі / НАН Беларусі. Беларускі камітэт славістаў. (Адказны рэдактар – А.А. Лукашанец) – Мн.: Бел. навука, 2003. – С. 52 – 69; **11.** Лукашанец А.А. Міжмоўнае ўзаемадзеянне і функцыянаванне адзінак словаўтварэння. // Функцыянальныя аспекты словаўтварэння. Даклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск / Беларусь 9 – 14 кастрычніка 2006 г. – Мн.: ВТАА “Права і эканоміка”. – 2006. – С. 148 – 155; **12.** Лукашанец А.А. Міжславянскае моўнае ўзаемадзеянне і дынаміка літаратурнай нормы (беларуская мова паміж рускай і польскай). // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. фалькларыстыка: XIV Міжнародны з’езд славістаў (Охрыд, 2008): Даклады беларускай дэлегацыі / НАН Беларусі; Беларускі камітэт славістаў. – Мінск: Права і эканоміка. – 2008. – С. 107 – 120.

Лукашанец Олена Глібівна (Лукашанец Алёна Глебаўна) – кандидат філалагічных наук, доцент, професор кафедры загальнага мовознаўства Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэту (Мінск, Білорусь).

Основні праці: **1** Словаўтварэнне назоўнікаў у беларускіх сацыяльных дыялектах // Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. Псіхалогія. №2. Мінск, 1994, с. 47-50; **2.** Словаўтваральная сістэма беларускіх умоўных моў // Беларуская мова. Міжведамасны зборнік. Вып. 24. Гомель, 1999. С. 160-177; **3.** Проблемы деривации в социолекте // Праблемы тэорыі і гісторыі славянскага словаўтварэння: Даклады Шостага Міжнар. канф.

Камісії па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнар. камітэце славістаў. Мінск / Беларусь, 2-6 сакавіка 2003 г. – Мн.: Права і эканоміка. – 2004. – С. 231-240; **4** Словаўтваральная варыянтнасць і матываванасць слова ў рускім арго // Беларуская лінгвістыка. Вып.57. Мн.: Навука і тэхніка, 2006, с. 12-21; **5** Отраженная мотивация и словообразовательное значение в социолектах // Функциональные аспекты словаўтварэння. Доклады IX Міжнар. навук. канф. Камісії па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнар. камітэце славістаў. Мінск / Беларусь 9–14 кастрычніка 2006 г. / Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2006. – С. 156-169; **6**. Влияние фонетической вариантности на мотивированность слова // Вестник МГЛУ. – 2007. – №2(27). – С. 229-234; **7**. Усечение как способ словообразования в русском криминальном арго // Теория коммуникации. Языковые значения: сб. науч. ст. / МГЛУ; редкол.: Т.В. Бобко (отв. ред.) [и др.]. – Вып. 4. – Минск, 2007. – С.98-105; **8**. Словообразовательная система русского арго и проблемы ее описания // Минск: МГЛУ, 2007; **9**. Лукашанец А.Г. Словаўтваральны патэнцыял суфіксаў назоўнікаў рускай мовы (на матэрыяле сучаснага крымінальнага арго) / А.Г. Лукашанец // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманіт.наук. – 2007. – №4. – С. 115-121; **10**. Нормы современного славянского словообразования и их проявление в литературном языке и социолекте // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка : XIУ Міжнар. з'езд славістаў (Охрыд, 2008): Докл. бел. дэлегацыі / НАН Беларусі ; Беларускі камітэт славістаў. – Мінск : Права і эканоміка, 2008. – С.121–136; **11**. “Лексичность” и “грамматичность” в арготическом словообразовании // Словообразуване и лексикология: доклады от Десетата междун. конф. на Комисията по славянско словообразуване при Междун. комитет на славистите, София, 1–6 окт. 2007 г. / Соф. ун-т. – София, 2009. – С. 376–384; **12**. Паронимическая аттракция как способ образования арготизмов и причины ее появления // Веснік Віцеб. дзярж. ун-та. – 2008. – №1 (47). – С.90–94.

Менгель Світлана (Mengel Swetlana) – доктор філасофських наук, професор, завідувачка Відділення слов'янського мовознавства в Інституті славістики Університету ім. М.Лютера Галле-Віттенберг (Галле на Заале, Німеччина). Директор загальногерманського Центру Сертифікації знань з російської мови. Головний редактор та видавець (спільно з А. Рихтер) серії наукових праць «Slavica Varia Halensia».

Основні праці: **1.** Wege der Herausbildung der Wortbildungsnorm im Ostslawischen des 11.-17. Jahrhunderts». Frankfurt am Main–Berlin–Bern–NewYork–Paris–Wien 1997, 343 стр. (Berliner slawistische Arbeiten, т. 2); **2.** Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. Münster–Hamburg–London 2002, 491 стр. (Slavica Varia Halensia, т. 7); **3.** I.S. Uluchanov, Ausgewählte Schriften zur Theorie der russischen Wortbildung. Halle (Saale) 2004, 230 стр.; **4.** Kontinuität und Entwicklung der altkirchenslawischen Wortbildungsnorm in der sprachlichen Situation des alten Rußland (11.-17. Jh.). Beitrag zum XI. Internationalen Slawistenkongress (Bratislava 1993). В: Zeitschrift für Slawistik, 38 (1993) 3, 333-345; **5.** Text as a unit for codification: a distinctive feature of normalization

in (Old)Church Slavonic. В: XVI Congrès International des Linguistes. Paris, 20-25 juillet 1997, CD, 10 стр. Software Copyright 1998. Optimedia Ltd. Data Copyright. Elsevier Science Ltd. All Rights Reserved; **6.** Место словообразования среди уровней языковой системы. В: I. Ohnheiser (Hrsg.), Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand. Словообразование в его отношении к другим сферам языка. Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee. Innsbruck, 28.9-1.10.1999. Innsbruck 2000, 29-35; **7.** Семантические и формальные корреляции внутри словообразовательной категории и словообразовательной парадигмы. В: S. Mengel (Hrsg.), Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. Münster–Hamburg–London 2002, 329-342 (Slavica Varia Halensia, т. 7); **8.** Процессы специализации и взаимодействия на уровне словообразования в языковом континууме восточнославянской письменности XI-XVII веков. В: Проблемы теории і історії славянського словаўтварэння. Доклады Шостаі Міжнароднай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў Мінск / Беларусь 2 – 6 сакавіка 2003 г. Мінск 2004, 98-109; **9.** Словообразовательное значение. В: Славистика. Синхрония и диахрония. Сборник статей к 70-летию И.С. Улуканова. Москва 2006, 126-141; **10.** Словообразовательные синонимы: языковой феномен между лексикой, грамматикой и словообразованием. В: Sprachliche Kategorien und Wortbildung. Berlin. Herausgegeben von H. Burkhardt und A. Nagórko. Hildesheim–Zürich–NewYork 2007, 131-142. (Westost-passagen. Slawische Forschungen und Texte. Literatur, Sprache, Kultur, т. 6); **11.** Словообразовательно или лексикально значение? В: Словообразуване и лексикология. Доклады от Десятата международна конференция на Комисията по славянско словообразуване при Международния комитет на славистите, София, 1-6 октомври 2007 г. Съставители В. Радева, Ц. Аврамова, Ю. Балтова. София 2009, 76-90; **12.** Wortbildungsbedeutung. В: Die slavischen Sprachen / The Slavic Languages. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung / An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation. Hrsg. v. Kempgen, Sebastian / Kosta, Peter / Berger, Tilman / Gutschmidt, Karl, Halbband 1. Moynon de Gruyter 2010. (Handbuch Sprach- und Kommunikationswissenschaften / Handbooks of Linguistics and Communication Science, т. 32, вып. 1).

Милославський Ігор Григорович (Милославский Игорь Григорьевич) – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри зіставного вивчення мов Московського державного університету ім. М.В.Ломоносова (Москва, Росія).

Основні праці: **1.** Вопросы словообразовательного синтеза, М., 1980; **2.** Краткая практическая грамматика русского языка, М., 1987 та 2010; **3.** Зачем нужна грамматика?, М., 1988 та 2000; **4.** Культура речи и русская грамматика, М., 2002; **5.** Как мысли выразить себя?, М., 2008; **6.** Семантическая модификация и ее формальная типология («ненастоящее» в русском языке) // Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung / Herausgeg. von Hanna

Burkhardt und Alicja Nagórko. – Hildesheim – Zürich – New York, Georg Olms Verlag, 2007. – S.333-345; 7. Денотативное и коннотативное в русском членном слове // Словообразуване и лексикология. – Доклади на Десетата междунар. конференция на Комисията по славянско словообразуване при Международния комитет славистите, София, 1-6 октомври 2007 г. – София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2009. – С.91-100.

Нагурко Аліція (Nagórko Alicja) – доктор габілітований, професор Інституту славістики Університету Гумбольдта (Берлін, Німеччина).

Основні праці: 1. *Zarys gramatyki polskiej*, wyd. I PWN Warszawa, 1996; 2. *Zarys gramatyki polskiej (ze słowotwórstwem)* (jako wyd. III. 1998, rozszerzone wyd. VII. 2003); 3. *Dystynktywny słownik synonimów* (z M. Łazińskim i H. Burkhardt), Universitas 2004, 4. *Lexikologie des Polnischen*, Wyd. Olms, Hildesheim – Zürich – New York; 5. Redakcja i współautorstwo tomów: *Aleksander Brückner – zum 60. Todestag*, Frankfurt am Main, 2001, 6. *Berührungslinien. Polnische Literatur und Sprache aus der Perspektive des deutsch-polnischen kulturellen Austauschs* (z M. Marszałek), Olms, 2006; 7. *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung*, Olms, 2007 (z H. Burkhardt), 8. *Sprache und Gesellschaft* (z S. Heyl, E. Graf), Frankfurt am Main, 2008, 9. *Die Europäizität der Slawia oder die Slawizität Europas. Ein Beitrag der kultur- und sprachrelativistischer Linguistik* (z Chr. Vossem), München – Berlin, 2009, 10. *Podręczna gramatyka języka polskiego*, Warszawa 2010.

Нещименко Галина Парфеніївна (Нещименко Галина Парфеньевна) – провідний науковий співробітник відділу слов'янського мовознавства Інституту слов'янознавства РАН (Москва, Росія).

Основні праці: 1. История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII–XX в. (Прилагательное). – М.: Наука, 1968; 2. Очерк деми-нутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII – середина XX вв.). – Прага: Академия, 1980; 3. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков // *Specimina Philologiae Slavicae*. – München, 1999. – Band 121; 4. Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. – М.: Наука, 2003; 5. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // *Вопр. языкознания*. – 2001. – № 1. – С.98–132; 6. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // *Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками*. – М., 1983. – С.30–52; 7. Словообразовательная конкуренция как фактор динамики литературной нормы // *Проблемы славянской диахронической социолингвистики. Динамика литературно-языковой нормы*. – М., 1999. – С.240–269; 8. Něščimenko G. Tendence verbální úspornosti a její vliv na jazykovou dynamiku // *Jazyky a jazykověda. Sborník k 65. narozeninám prof. F. Čermáka*. – Praha, 2005. – S.139–151; 9. Něščimenko G. K vývojovým tendencím v slovanské slovtvorbě (se zvláštním zřetelem k češtině), *Verba et*

historia, Igoru Němcovi k 80. narozeninám. – Praha, 2005. – S. 255–264; **10.** Заимствования как проявление культурно-языковых контактов и их функционирование в языке-реципиенте // Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. – С.121–151; **11.** Языковая экономия как импульс динамики номинативной системы (на материале восточно- и западнославянских языков) // Słowotwórstwo / Nominacja. Ed. I. Ohnheiser. – Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. – Opole: Univer. Innsbruck. Institut für Slawistik; Uniwer. Opolski. Instytut Filologii Polskiej, 2003. – С.283–306; **12.** К рассмотрению динамики языковой ситуации через призму процессов интеграции и дифференциации // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. М.: Наука, 2006. – С.38-69.

Никитевич Олексій Васильович (Нікіцевіч Аляксей Васільевіч) – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри російської мови Гродненського державного університету імені Янки Купали (Гродно, Білорусь).

Основні праці: **1.** Русский глагол в составе номинативных рядов. – Гродно: Гроднен. гос. ун-т, 2007; **2.** Устойчивые глагольно-именные сочетания и аффиксальные производные как способы представления глагольной семантики (синхронно-диахронический аспект) // Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand: Materialien der 3 Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee. – Innsbruck: Inst. Für Sprachwiss., 2000. – S. 217–230; **3.** Отсубстантивные глаголы и их дискретные соответствия: семантика и комбинаторика составляющих // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik: 5 Internationale Konferenz der Kommission für Slavische wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee/ Svetlana Mengel (Hrsg.). – Munster; London; Hamburg: LIT, 2002. – S.281-292; **4.** К теории деривационных сочетаний. Деривационные сочетания в составе номинативного класса «Глагол» // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. – 2003. – №1. – С. 144-151; **5.** К сопоставлению деривационных подсистем глагола в славянских языках // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка: XIII Міжнар. з’езд славістаў (Любляна, 2003): Дакл. бел. дэлегатыі/НАН Беларусі. Беларускі камітэт славістаў. – Мінск: Бел. навука, 2003. – С. 144 – 158; **6.** Производное слово и словосочетание: взаимодействие дериватов с общим корнем // Праблемы тэорыі і гісторыі славянскага словаўтварэння: Дакл. Шостай Міжнар. канф. Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў, Мінск, 2 – 6 сакавіка 2003 г. / Навук. рэд. А.А.Лукашанец, З.А.Харытончык. – Мінск: Права і эканоміка, 2004. – С. 166 – 175; **7.** Словосочетания в деривационной функции и текст // Функцыянальныя аспекты словаўтварэння: Даклады Дзевятай Між. канф. Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў, Мінск, 9 – 14 кастрычніка 2006 г. / адказны рэдактар А.А.Лукашанец – Мінск: Права і эканоміка, 2006, С. 185 – 192; **8.** Глаголы-отадъективы в составе номинативных рядов // Славистика: синхрония и диахрония. Сб. науч. статей к 70-летию И.С.Улуханова / Под общ.

ред. проф. В.Б.Крысько: ИРЯ им. В.В.Виноградова РАН, М.: ИЦ Азбуковник, 2006. – С. 222-233; **9.** Словообразовательные категории и взаимодействие единиц разных уровней // *Sprachliche Kategorien und die slavische Wortbildung: 8 Internationale Konferenz der Kommission für wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee – Hildesheim – Zürich – New York, 2007.* – S. 311-322; **10.** Комплексные деривационные фрагменты как объект сопоставительного исследования // *Мовознаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка. XIV Міжнар. з'езд славістаў (Охрыд, 2008).* – Доклады белар. делегачыі. – Мінск: Права і эканоміка, 2008, с.173-186; **11.** Словообразовательные лакуны в лексических подсистемах языка В: Словообразуване и лексикология. Доклады от Десетата Междун. конф. на Комисията по славянско словообразуване при Междунар. комитет на славистите, София, 1-6 октомври 2007 г. София, Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2009. – с. 186-196; **12.** Словообразовательные лакуны в лексических подсистемах русского и белорусского языков // Branko Tošovic (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen Kroatischen und Serbischen: Lexik – Wortbildung – Phraseologie.* Wien, Münster, Berlin: LitVerlag, 2009. – S. 473-486.

Онхайзер Ингеборг (Ohnheiser Ingeborg) – доктор філологічних наук, професор славістики Інсбруцького університету (Інсбрук, Австрія).

Основні праці: 1. Автор і ред. наук.: *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. I. Słowotwórstwo/Nominacja.* Opole 2003; 2. *Wortbildung und Synonymie.* Leipzig 1979; 3. *Wortbildung im Sprachvergleich. Russisch – Deutsch.* Leipzig 1987; 4. (Ed.) *Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand.* Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee 1999 (= *Slavica Aenipontana*; Bd. 10). Innsbruck 2000; 5. Эколингвистика и тенденции развития современных славянских языков. // W. Lubaś, I. Ohnheiser, Z. Topolińska, *Języki słowiańskie w perspektywie ekolingwistycznej.* Opole 2003, 9-34; 6. Analytische Tendenzen in der Wortbildung slawischer Gegenwartssprachen? // U. Hinrichs (Hg.), *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp.* Wiesbaden 2004, 197-211; 7. Eurožargon: Разнообразие в единстве. // *Stylistyka XV.* Opole 2006, 49-67; 8. Zwischen Möglichkeit, Notwendigkeit und Usus. Neue Bezeichnungen weiblicher Personen im Tschechischen mit einem Blick auf das Russische. // *Ethnoslavica.* Festschrift für Herrn Univ.-Prof. Dr. Gerhard Neweklowsky zum 65. Geburtstag. Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 65. Wien 2006, 231-244; 9. Номинация и эмоция // H. Burkhardt, A. Nagórko (Ed.), *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung.* Hildesheim, Zürich, New York 2007, 347-368; 10. В поисках слов-заменителей для английских заимствований. // *Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство.* Сборник в честь Е. С. Кубряковой. Москва 2009, 401-411; 11. Verfahren und Mittel der Nomination. // S. Kempgen et al. (Ed.), *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung.* = Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft.

Band 32.1. Berlin – New York 2009, 758-775; 12. Интернационализация глагольного словообразования. // *Мови та культури у новій Європі: контакти і самобутність*. Київ 2009, 185-199.

Радева Василка (Радева Василка) – доктор філологічних наук, професор Факультету слов'янської філології Софійського університету “Св. Климент Охридський» (Софія, Болгарія).

Основні праці: **1.** Сравнението като ономаσιологичен мотив. В: Езиковедски изследвания в чест на 75-годишнината от рождението на ст.н.с. I ст. д.ф.н. Йордан Пенчев. Изд. Артграф. София, 2006, 329-335; **2.** Функция сложных формантов при деноминальных глаголах. В: Функциональные аспекты словаутварення, ВТАА „Права і еканоміка”. Мінск, 213-224; **3.** В света на думите. Структура и значение на производните думи. Унив. изд. „Св. Климент Охридски”. София, 2007; **4.** Мир слов. Мир в словах. В: Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung. Slawistische Forschungen und Texte. 6. Georg Olms Verlag. Hildesheim-Zürich-New York, 2007, 83-100; **5.** Словообразователно значение и полисемия на производната дума. В: Това чудо – езикът! Изследвания в чест на проф. д-р Живко Бояджиев. Унив. изд. „Св. Климент Охридски”. София, 2007, 350-357; **6.** Заета лексика и словообразователни тенденции в славянските езици. Славянска филология. 24. БАН. Акад. изд. „Проф. Марин Дринов”, София, 2008, 97-107; **7.** Производната дума като структурираща единица на лексикалната система. В: Словообразуване и лексикология. Унив. изд. „Св. Климент Охридски”. София, 2009, 37-48.

Реке Йохен (Raecke Jochen) – доктор філології, професор славистики Еберхард-Карлс університету (Тюбінген, Німеччина).

Основні праці: **1.** *Wortbildung*. In: Jachnow, Helmut (Hrsg.): *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen*. Wiesbaden, 1999, 150-181; **2.** *Wortbildungsparadoxie und sprachliche Joker oder: Zur Definition des Untersuchungsgegenstandes einer synchronen Wortbildungslehre*. In: Belentschikow, Renate (Hrsg.): *Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung*. Zürich, 1999, 83-100; **3.** *K razgraničeniju slovoobrazovanja i sintaksisa*. In: Ohnheiser, Ingeborg (Hrsg.): *Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand. Slovoobrazovanie v ego otnošenijach k drugim sferam jazyka*. Innsbruck, 2000, 157-166; **4.** *Abkürzungen als (un)mögliche Objekte der Wortbildungslehre*. In: Mengel, Svetlana (Hrsg.): *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik*. Münster, 2002, 365-377; **5.** *O situativnoj ili stilističkoj podeli južnoslovenskih jezika i o stilističkom razvoju divergencije i konvergencije u oblasti tvorbe reči. (Zur situativen oder stilistischen Gliederung der südslawischen Sprachen und zur Entwicklung stilistischer Divergenz und Konvergenz im Bereich der Wortbildung)*.“ In: Ohnheiser, Ingeborg (Hrsg.): *Komparacija współczesnych języków słowiańskich: Słowotwórstwo/Nominacja*. Opole, 2003, 234-248; **6.** *Bedeutung(en) und Funktion(en) von Diminutiva in der Sprache und in Texten*. In: Krause, Marion und Christian Sappock (Hrsg.): *Slavistische Linguistik 2002*. München, 2004, 169-199; **7.** *Das Wesen*

der Modifikation unter dem Gesichtspunkt der Wortarten. In: Burkhardt, Hanna und Alicja Nagórko (Hrsg.): *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung.* Hildesheim, 2007, 321-332; **8.** *Zur Rolle der Wortbildung im Lexikon des Jargons (am Beispiel des Serbischen mit Seitenblicken auf das Russische).* In: Radeva, Vasilka, Cvetanka Avramova und Julija Baltova (Hrsg.): *Slovoobrazuvane i leksikologija.* Sofija, 2009, 385-400; **10.** *Bedeutung(en) und Funktion(en) von Augmentativa in der Sprache und in Texten.* Sitzung der Internationalen Kommission für Wortbildung in Bratislava (у друці); **11.** *Was du ererbt von deinen Vätern hast – Vom Umgang mit Turzismen im serbischen Jargon.* – In: Festschrift für Miloš Okuka (у друці).

Сиротюк Єжи (Sierociuk Jerzy) – доктор габілітований, професор, завідувач кафедри діалектології Інституту польської філології Університету ім. Адама Міцкевича (Познань, Польща), голова Комісії з діалектології при Міжнародному комітеті славистів.

Основні праці: **1.** *Pieśń ludowa i gwara,* Lublin 1990; **2.** *Budowa wybranych formacji rzeczownikowych – szczególnie nazw miejsc – w gwarach między Wisłą a Wieprzem,* Lublin 1996; **3.** *Założenia metodologiczne badań słowotwórstwa gwarowego, /w:/ Gwary dziś. 1. Metodologia badań,* red. J.Sierociuk, Poznań 2001, s. 153-160; **4.** *Географический компонент в семантической структуре диалектного форманта,* [w:] *Proceedings of the Third International Congress of Dialectologists and Geolinguists, vol.II,* ed. S.Warchoł, Lublin 2003, s. 289-297; **5.** *Założenia metodologiczne badań języka wsi, „Poznańskie Spotkania Językoznawcze“, t. XI,* red. Z.Krażyńska i Z.Zagórski, Poznań 2003, s. 131-136; **6.** *Słowniki gwarowe a możliwości opisu gwarowego słowotwórstwa,* [w:] *Gwary dziś. 2. Regionalne słowniki i atlasy gwarowe,* red. J.Sierociuk, Poznań 2003, s.249-255; **7.** *Problemy współczesnej dialektologii, „Biuletyn PTJ”, z. LXI,* Kraków 2005, s. 67-76; **8.** *Specyfika wariantowości słowotwórczej w gwarach,* [w:] *Gwary dziś. 3. Wewnętrzne zróżnicowanie języka wsi,* red. J.Sierociuk, Poznań 2006, s. 209-214; **9.** *Specyfika gwarowego słowotwórstwa w świetle badań atlasowych,* [w:] *Діалектологічні студії. 6. Лінгвістичний атлас – від створення до інтерпретації. Відповідальні редактори: Павло Гриценко, Наталя Хобзей, Львів 2006, s. 135-143; 10.* *Swoistość słowotwórstwa gwarowego (wybrane problemy), „LingVaria” nr 1 (3), 2007, s. 115-125; 11.* *Socjologiczny kontekst badań języka mieszkańców wsi,* [w:] *Gwary dziś. 4. Konteksty dialektologii,* red. J.Sierociuk, Poznań 2007, s. 325-336; **12.** *Homer i współczesny folklor – różny czas, jedna tradycja,* [w:] *Мови та культури у новій Європі: контакти і самобутність,* Київ 2009, s. 453-462.

Страмлич Брезник Ірена (Stramljič Breznik Irena) – доктор, ординарний професор Кафедри словенської мови та літератури Філософського факультету Університету в Мариборі (Марибор, Словенія).

Основні праці: **1.** *Prispevki iz slovenskega besedoslovja,* 1999; **2.** *Besednodružinski slovar slovenskega jezika: poskusni zvezek za iztočnice B,* 2004; **3.** *Prevzete in domače prvine v slovenkih zloženkah. Jezikosl. zap., 2005, 11, št. 2,*

str. 7-30; **4.** Pojmovanja in poimenovanja besednih združb v slovenistiki. *Filologija*, 2006, god. 46/47, str. 285-300, ilustr.; **5.** Poskusni elektronski besednodružinski slovar slovenskega jezika. *Riječ*, 2006, god. 12, sv. 3, str. 50-64, ilustr.; **6.** Historiat poimenovalne in pojmovne raznolikosti za leksemseke združbe v slovenistiki. *Čas. zgod. narodop.*, 2007, letn. 78 = n.v. 43, št. 1, str. 97-109; **7.** Lastnosti pridevniških tvorjenk v poskusnem besednodružinskem slovarju slovenskega jezika. *Razpr. Razr. filol. lit. vede – Slov. akad. znan. umet.*, 2007, 20, str. 275-289; **8.** Slovenska slengovska frazeologija danes. *Slov. jez.*, 2007, 6, str. 183-193; **9.** Besedotvorje predmetnopomenskih besed v Bohoričevi slovnici Zimske urice proste. *Slavia Centralis*, 2008, letn. 1, št. 2, str. 67-76; **10.** Germanizmi v frazemih Slovarja slovenskega knjižnega jezika od M do P. *Slavia Centralis*, 2009, letn. 2, št. 2, str. 63-74; **11.** Okazionalizmi v sodobni slovenski mladinski književnosti. *Slavia Merid.*, 2009, 9, str. [47]-59; **12.** Stramljič Breznik, Irena, Voršič, Ines. Grafoderivati v tiskanih oglasih. *Teor. praksa*, nov.-dec. 2009, letn. 46, št. 6, str. 826-838.

Тошович Бранко (Tošović Branko) – доктор філологічних наук, ординарний професор, завідувач кафедри мовознавства Інституту славистики Університету ім. Карла Франца (Грац, Австрія).

Основні праці: **1.** (Pseudo)imperativnost glagolskih kompozita u slovenskim jezicima. In: *Slavistika*. – Beograd: 1998. – Knj. II. – S. 30-44; **2.** Глагольность ономастических композитов / Die Verbalität onomastischer Komposita. In: *Slawiańskie composita antroponimiczne*. – Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Skłodowskiej-Curie, 2000. – S. 271-289; **3.** Сложные глаголы. In: *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji (Словообразование и другие способы номинации)*. – Katowice: Zakład leksykologii i semantyki Instytutu języka polskiego, 2001. – S. 111-122; **4.** Derivacioni odnos glagola i imenica u srpskom jeziku. In: *XXXX Međunarodni naučni sastanak slavista u Vukove dane*. – 2002. – S. 39-52; **5.** Словообразовательный корреляционал: категориальные отношения. In: *Проблемы теории и истории славянского словаутварення* – Мінск: ВТАА „Права і еканоміка”, 2004. – 133-155; **6.** Деривационные различия между сербским, хорватским и бошняцким языками (прелиминариум). In: *Функциональные аспекты словаутварення* – Мінск: ВТАА „Права і еканоміка”, 2006. – 234-246; **7.** Диминутивный способ действия в русском и сербском/хорватском/бошняцком языках / Die diminutive Aktionsart im Russischen und Serbischen/Kroatischen/Bosnischen. In: *Исследования по семантике*. – Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2008. – Вып. 24 – 346-352; **8.** Словообразовательная блокировка. In: *Словообразуване и лексикология. Съст. Василка Радева, Цветанка Аврамова, Юлия Балтова* – София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2009. – 351-364; **9.** Способы глагольного действия в сербском, хорватском и бошняцком языках. – Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 2009, 118 с.; **10.** Трансакционал русского и сербского/хорватского/бошняцкого языков. – Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 2009. – 264 с.

Улуханов Ігор Степанович (Улуханов Игорь Степанович) – доктор філологічних наук, професор, головний науковий співробітник Інституту російської мови ім. В.В.Виноградова РАН (Москва, Росія).

Основні праці: **1.** О языке Древней Руси. – М., 1972 (1 изд.), М., 2002 (2 изд.), М., 2009 (3 изд.); **2.** Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – М., 1977 (1 изд.), М., 2001 (2 изд.), М., 2004 (3 изд.), М., 2007 (4 изд.); **3.** Словообразование глаголов // Русская грамматика. – М., 1980 (1 изд.), М., 2005 (2 изд.); **4.** О причинах, влияющих на степень системности и нормативности языковых единиц // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1991, № 4; **5.** Состояние и перспективы изучения исторического словообразования славянских языков // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993; **6.** Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М., 1996 (1 изд.), М., 2008 (2 изд.); **7.** О закономерностях сочетаемости морфем в славянских языках // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998; **8.** Ausgewählte Schriften. Zur Theorie der russischen Wortbildung // Halle/Saale, 2004; **9.** Славянизмы в русском языке. – М., 2004 (1 изд.), М., 2010 (2 изд.); **10.** Мотивация в словообразовательной системе русского языка. – М., 2005; (1 изд.), М., 2010 (2 изд.); **11.** О powiązaniach formantów słowotwórczych z częściami mowy // Przegląd humanistyczny. 2007, 1; **12.** Обратные способы глагольного словообразования // Поэтика и эстетика слова: Сборник статей памяти Виктора Петровича Григорьева. – М., 2010.

Харитончик Зінаїда Андріївна (Харытончык Зінаїда Андрэўна) – доктор філологічних наук, професор, завідувачка кафедри загального мовознавства Мінського державного лінгвістичного університету (Мінськ, Білорусь), професор Білостоцького державного університету (Білосток, Польща).

- Основні праці: **1.** Очерки о языке. – Минск: МГЛУ, 2004. Ч. 3. Словообразование. – С. 173-363; **2.** Лексические поля и словообразовательные процессы // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji słowotwórstwa przy Międzynar. Komitecie Sławistów. Katowice 27–29 września 2000 r. Redaktorzy tomu Krystyna Kleszcowa, Ludwig Selimski. Katowice: Wyd-wo Gnome, 2000. – S.46-52; **3.** О рефлексии лексических значений в семантической структуре дериватов // Slavische Wortbildung und Kombinatorik (Materialien der 5. Internationalen Konferenz der Kommission für slavische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee. Lutherstadt Wittenberg, 20. – 25. September 2001) / Svetlana Mengel (Hrsg.) – Munster: Lit, 2002. – S.73-84; **4.** Транспозиция, конверсия, суффиксация // С любовью к языку. Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С.Кубряковой. – Москва – Воронеж; ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С.197-206; **5.** О сохранении мотивированности аббревиатур // Проблемы теорії і історії славянського словаутварення. Доклади Шостай Міжнар. канф. Камісії па славянскаму словаутваренню пры Міжнар. камітэце славістаў. Мінск / Беларусь, 2-4 сакавіка 2003 г. – Мінск: ВТАА «Права і эканоміка», 2004. – С.176-184; **6.** Проблемы сло-

вооброзования в современной зарубежной лингвистике (15 лет спустя) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН, РАН, 2006 г. – С.124-148; **7.** Перцептивные категории в деривационных процессах / Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung / Herausg. von Hanna Burkhardt und Alicja Nagórko. Westostpassagen. Slawistische Forschungen und Texte. Literatur, Sprache, Kultur. – Band 6. Georg Olms Verlag: Hildesheim, Zürich, New York. – 2007. – S.165-177; **8.** Роль инноваций в организации лексической системы языка / Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов. Тематичний блок. ХІУ Міжнародний з'їзд славістів. 10.09 – 16.09 2008, Охрид, Республіка Македонія. Київ: НАН України, 2008. – С.119-125; **9.** Мотивировочные признаки и семантические компоненты лексических значений производных слов / Вісник Київського національного лінгвістичного університету / Сер. Філологія. – Т. 10. – № 2. Київ, 2007. – С.72-77; **10.** Lexical variation and its types / Methods of lexical analysis: theoretical assumptions and practical applications // Krzysztof Bogacki, Joanna Cholewa, Agata Rozumko (eds.). – Wydawnictwo uniwersytetu w Białymstoku. – Białystok, 2009. – P.215-223; **11.** Внутренняя форма и лексическое значение как способы репрезентации знания / Словообразуване и лексикология // Доклади от Десетата Междунар. конф. на Комисията по славянско словообразуване при Междунар. комитет на славістите, София, 1-6 октомври 2007 г. – С.145-154; **12.** О номинативных ресурсах языка, или к дискуссии о концептуальной интеграции / Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С.Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 412-422.

Чорич Божо (Ћорич Божо Б.) – доктор, професор Філологічного факультету Белградського університету (Белград, Сербія).

Основні праці: **1.** *Моциона творба данас*, in: Функціональні аспекти словаўтварэння (Даклады IX Міжнар. канф. Камісії па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнар. камітэце славістай, Мінск/Беларусь 9-14 кастрычніка 2006 г.), Мінск, 2006, 280-287; **2.** *Граматички род у питање полне дискриминације у језику*, Српски језик XI/1-2, Београд, 2006, 51-63; **3.** *Актуелна питања именичке моције (званја, занимања и титуле женског рода)*, у: Un om, un simbol, In honorem magistri Ivan Evseev, București, 2007, 241-250; **4.** *Генеричка и маркирана форма назива за званја, занимања и титуле женског пола*, Гласник одјелења умјетности, ЦАНУ, књ. 25, Подгорица, 2007, 43-50; **5.** *Традиционално и ново у творбеној терминологији*, Гласник одјелења умјетности 26, Црногорска академија наука и умјетности, Подгорица 2008, 13-39; **6.** *Творба речи у функцији пуризма*, Српски језик XIII/1-2, Београд, 2008, 121-135; **7.** *Стране препозитивне компоненте у структури сложене номинативне јединице*, у: Теоријско-методолошки оквир за модернизацију описа српског језика, Научни састанак славіста у Вукове дане 36/3, Београд 2008, 33-59; **8.** *Творба именица у српском језику*,

Београд, 2008: Друштво за српски језик и књижевност; **9.** *Нека теоријско-методолошка и практична питања творбе речи*, Књижевност и језик, LV, 3-4, Београд, 2008, 265-278; **10.** *Творбено значење и лексикографија*, у: Словообразуване и лексикологија. Сб. доклади от Десетата Междунар. конференция на Комисијата по славјанско словообразуване, Универзитетско издателство „Св. Климент Охридски”, Софија, 2009, 302-310; **11.** *О творбеној хомонимији*, у: Теоријско-методолошки оквир за модернизацију описа српског језика (II), Науч. састанак слависта у Вукове дане, 38/3, Београд, 2009, 11-22; **12.** *Језичке и/или варијантске разлике на плану творбе речи*, in: Бранко Тошовоћ (ур.), *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosnaiakischen, Kroatische und Serbischen* (Lexik, Wortbildung, Phraseologie), Slawische Sprachkorrelationen 2, Wien/Berlin/Münster, 2009, 297-309.

Штебих Голуб Барбара (Štebih Golub Barbara) – доктор наук, наукова співробітниця Інституту хорватської мови та мовознавства (Загреб, Хорватія).

Основні праці: **1.** *Kajkavska gramatika Ivana Vitkovića*, Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje 31, Zagreb 2005., str. 329-355; **2.** *Transmorfemizacija imeničkih germanizama u kajkavskome književnom jeziku*, Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje 32, Zagreb 2006., str. 295-311; **3.** *Tvorba motivirana germanizmima u hrvatskome standardu i kajkavskome književnom jeziku*, Zbornik radova s 9. zasjedanja Komisije za tvorbu Međunar. slavističkog odbora s temom *Funkcionalni aspekti tvorbe*, listopad 2006., Minsk, 349-361; **4.** *Pločki germanizmi*, Gazophylacium XII /1– 2, br. 63, Zagreb 2006., 145-158; **5.** *Germanizmi u hrvatskim rječnicima*, Riječki filološki dani 6, Rijeka 2006., str. 183-193; **6.** *Hibridne složenice u kajkavskome književnom jeziku*, Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje 33, Zagreb 2007., 391-411; **7.** *Usporedba hrvatskoga i srpskoga fonološkoga nazivlja* (s Milicom Mihaljević). u: Tošović, Branko (ur.) *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen* I, Slawische Sprachkorelationen. Graz 2007., str. 227-247; **8.** *Morfološka adaptacija posuđenica*, Suvremena lingvistika 66, Zagreb 2008., 243-261; **9.** *Pravi mocijski parnjaci u kajkavskome književnom jeziku*, Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje 34, Zagreb 2008., 393-412; **10.** *Hrvatsko i srpsko računalno nazivlje*. (s Milicom Mihaljević). u: Tošović, Branko (ur.) *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen* I, Slawische Sprachkorelationen. Graz 2008., str.137-143; **11.** *Tvorbeni obrasci neologizama u hrvatskome standardnom jeziku*, Zbornik radova sa zasjedanje Komisije za tvorbu Slavističkog odbora s temom *Slovoobrazovanje i leksikologija*. Sofija 2008., str. 264-279; **12.** *Uz 200. obljetnicu prvoga jednojezinog hrvatskoga (kajkavskoga) pravopisa (1808.)*, Gazophylacium, god. XIII, ½, Zagreb 2008, str. 139-145.

Учені України, запрошені на засідання Комісії

Білоусенко Петро Іванович – доктор філологічних наук, професор кафедри української мови Запорізького національного університету (Запоріжжя).

Основні праці: **1.** З історії формування словотвірної структури поміна іосі (девербативи на **-ина**) // Українське мовознавство. №35. – К.: Київ. ун-т. – 2006. – С.91-97; **2.** З історії суфікса **-ина** (назви осіб) // Східнослов'янські мови в їх історичному розвитку: Зб. наук. праць, присвячених 100-річчю від дня народження проф. С.П.Самійленка.- Запоріжжя: ЗНУ, 2006. – С.26-42. (У співавторстві); **3.** З історії суфікса **-ина** (назви тварин) // Вісник Прикарпатського національного університету. Ювілейний випуск на пошану 100-річчя від дня народження проф. Івана Ковалика. Філологія Випуск XV-XVIII. – Івано-Франківськ: Вид.-дизайнер. відділ ЦІТ, 2007. – С.188-191; **4.** Відприкметникові іменники з нульовим суфіксом в історії української мови // Ономастика й апелятиви. Вип. 10. – Дніпропетровськ: ДНУ, 2007. – С.65-76; **5.** З історії суфікса **-ощі** // Вісник Запорізького національного університету. Філол. науки. – 2007. №2. – С.29-32. (У співавторстві); **6.** З історії нульсуфіксального творення іменників *pluralia tantum* // Актуальні проблеми слов'янської філології. „Лінгвістика і літературознавство”. Вип. XVII. – Ніжин: Аспект-Поліграф. 2008. – С.16-24; **7.** До питання про основний спосіб творення прислівників в історії української мови // Українська мова. – 2008. – №2. – С.14-30; **8.** Нариси з історії українського словотворення (суфікс **-ина**). – Запоріжжя-Ялта-Київ: ТОВ «Ліпс» ЛТД, 2009. (У співавторстві); **9.** Назви спадків із суфіксом **-ина** та **-щина** в історії української мови // Українська мова серед інших слов'янських: етнологічні та граматичні параметри: [Матер. міжнар. наук. конф.] (Кривий Ріг, 5-6 листопада, 2009 р.). – Кривий Ріг: Видавничий дім, 2009. – С.288-294.

Горденська Катерина Григорівна – доктор філологічних наук, професор, завідувачка відділу граматики Інституту української мови НАН України (Київ).

Основні праці: **1.** Дери́вація синтаксичних одиниць. – К.: Наук. думка, 1991; **2.** Словотвірна структура слова. – К.: Наук. думка, 1981, (співавтор М.В. Кравченко); **3.** Проблема виділення словотвірних категорій (на матеріалі іменника) // Мовознавство. – 1994. – № 6. – С.22–28; **4.** Проблема зв'язку словотвору та синтаксису в новій академічній граматиці української мови // Третій Міжнародний конгрес україністів. Мовознавство (26 – 29 серпня 1996 р.). – Харків, 1996. – С.182–185; **5.** Проблема словотвірної ідентичності в українській термінології // Українська термінологія і сучасність: Зб. наук. праць. – К., 1998. – С.10–13; **6.** Словотвірні категорії іменника // Neue Wege der slavistische Wortbildungsforschung (Magdeburg, 9–11.10.97). – Sonderdruck, 1999. – С.153–162; **7.** Співвідношення синтетичних й аналітичних форм у контексті дієслівної синтаксичної деривації // Система і структура східнослов'янських мов: Міжкафедральний зб. наук. праць. – К.,

1999. – С.10–13; **8.** Синтаксичні засади категорійного словотвору // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету ім. Михайла Коцюбинського: Зб. наук. праць. Серія: Філологія. – Вінниця: ВДПУ, 2000. – Вип. 2. – С.6–9; **9.** Синтаксичні засади словотвірних категорій граматичної ад'єктивації // Актуальні проблеми українського словотвору. – Івано-Франківськ : Плай, 2002. – С.46–54; **10.** Прикметникова словотвірна категоризація супровідної предикатності // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Херсон: Айлант, 2002. – Вип. XIV. – С.206–208; **11.** Словотвірна варіантність і процеси унормування сучасної української термінології // Українська термінологія і сучасність: Зб. наук. праць. – К., 2003. – С.3–6; **12.** Проблеми освоєння та написання нових запозичень і новотворів у сучасній українській мові // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П.Драгоманова. Серія 10. Проблеми граматики і лексикології української мови. – К., 2009. – С.3–7.

Гриценко Павло Юхимович – доктор філологічних наук, професор, директор Інституту української мови НАН України (Київ, Україна).

Основні праці: **1.** Моделювання системи діалектної лексики. – К.: Наук. думка, 1984. **2.** Ареальне варіювання лексики. – К.: Наук. думка, 1990. **3.** Говірки Чорнобильської зони. Тексти. – К.: «Довіра», 1996 (у співавторстві). **4.** Говірки Чорнобильської зони. Системний опис. – К.: «Довіра», 1999 (у співавторстві). **5.** Професор Степан Пилипович Бевзенко. – К., Довіра, 1999. **6.** Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 3. Растительный мир. – Минск, 2000; Вып. 8. Профессии и общественная жизнь. – Варшава, 2003; Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи. – М., 2007. **7.** Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. – Вып. 4б. Рефлексы *ъ, *ь. Вторичные гласные. – Скопье, 2003; Вып. 4 а. Рефлексы *ъ, *ь, – Загреб, 2006; Вып. 5. Рефлексы *о. – М., 2008. **8.** *Загальнослов'янський лінгвістичний атлас як джерело вивчення культури слов'ян* // Комплексне дослідження духовної культури слов'ян. – К., 2004. – С. 13–26. **9.** Український діалектний фонофонд / Уклад.: П.Ю.Гриценко, О.А.Малахівська, М.В.Поістогова. – К., 2004. **10.** Українська діалектологія другої половини ХХ століття: ідеї та результати // *Diachronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah.* – Maribor, 2006. – S. 87–95. **11.** Професор Микола Васильович Никончук. – К., Пульсари, 2007. **12.** *Carpatho-balkanica* в свете «Общекарпатского диалектологического атласа» // *Карпато-балканский диалектний ландшафт: Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой.* – М., 2008. – С. 26-57. **13.** Українсько-хорватські паралелі на картах Загальнослов'янського лінгвістичного атласу // *Hrvatski dijalektološki zbornik.* 15. – Zagreb, 2009. – S. 179-193.

Грещук Василь Васильович – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри української мови, директор Інституту українознавства При-

карпатського національного університету ім. Василя Стефаника (Івано-Франківськ).

Основні праці: **1.** Український відприкметниковий словотвір. – Івано-Франківськ: Плай, 1995; **2.** Нариси з основоцентричної дериватології (у співавторстві з Р. Бачкуром, І. Джочкою, Н. Пославською). – Івано-Франківськ: Місто НВ, 2007; **3.** Словообразовательная парадигма как единица исторического словообразования // Исследования по историческому словообразованию. – М.: Изд-во Ин-та рус. языка РАН, 1994. – С.43-53; **4.** Основоцентрична дериватологія: історія, стан, перспективи // Актуальні проблеми українського словотвору / [ред. д-р філол. наук В.Грещук]. – Івано-Франківськ: Плай, 2002. – С.68-78; **5.** Дериваційна спроможність українських прикметників у порівнянні з польськими // Z badań nad polsko-ukraińskimi powiązaniem językowymi. – Lublin, 2003. – S.69-76; **6.** Твірна основа як типологізувальний чинник у дериватології // Ukrainica I. Současná ukrajnština: Problémy jazyka, literatury a kultury/ K 65/ narozeniam prof. Josefa Anderše. – Olomouc, 2004. – S.37-42; **7.** Виокремлення і лексикалізація словотворчих формантів як текстотвірний засіб // Історія та сучасний стан функціонування граматичної системи української мови: На пошанування академіка А. П. Грищенка з нагоди його 70-річчя. – Черкаси, 2006. – С.33-41; **8.** Дериватологічна концепція Івана Ковалика // Іван Ковалик. Вчення про словотвір. Вибрані праці [упор. і автор передмови В. Грещук]. – Івано-Франківськ. – Львів, 2007. – С.6-20; **9.** Дериваційно-релевантні параметри твірних // На перехресті культур: зб. наук. праць на пошану Леоніда Рудницького з нагоди його 70-річчя. – Львів-Філадельфія, 2008. – С.404-414; **10.** Словотвір у сучасній науковій парадигмі // Мови та культури у новій Європі: контакти і самобутність. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго. 2009. – С.97-105.

Загнітко Анатолій Панасович – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри української мови та прикладної лінгвістики Донецького національного університету (Донецьк).

Основні праці: **1.** Загнітко А.П. Текстотвірний потенціал українських прийменників / А. Загнітко // Донецький вісник Наукового Товариства імені Шевченка. – Т. 7. – Донецьк: Східний видавничий дім, 2005. – С. 6-21; **2.** Загнітко А.П. Реченневокатегорійна інфінитивність / А. Загнітко // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка: Іноземна філологія. – 2004. – № 37-38. – С. 12-15; **3.** Загнітко А. Постмодерністський поетичний синтаксис: типологічні вияви інновацій / А. Загнітко // Граматика слова і граматики мови: Зб. наук. праць / Укл.: Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін. – Донецьк: ДонНУ, 2005. – С.152-175; **4.** Загнітко А.П. Типологічні вияви постмодерністського синтаксису / А. Загнітко // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. – Т. 5: Opis, konfrontacja, przekład / Pod red. Michała Sarnowskiego i Włodzimierza Wysoczańskiego / Acta Wratislaviensia. – CXXXIII. – Wrocław Wyd-wo

Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. – S. 453-459; **5.** Загнітко А.П., Данилюк І., Ситар Г.В., Щукіна І. Словник українських прийменників / А.П. Загнітко, Г.В. Ситар, І.Г. Данилюк, І.А. Щукіна. – Донецьк: ТОВ ВКФ „БАО”, 2007. – 416 с.; **6.** Загнітко А. Прийменники у структурі тексту: первинні і вторинні вияви / А. Загнітко // Лінгвістичні студії: Збірник наук. праць / А. Загнітко (наук. ред.) та ін. – Вип. 15. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – С. 120-131; **7.** Загнітко А. Закономірності вияву прийменниковості / А. Загнітко // Науковий вісник Херсонського державного університету: Лінгвістика. – 2008. – Вип. IV. – С. 39-43; **8.** Загнітко А. Ступені і рівні прийменниковості / А. Загнітко // *Ukrainica III: Současna ukrainistika: Problémy jazyka, literatury a kultury.* – Č. 1. – Olomouc: Univerzita Palackého, 2008. – S. 17-23; **9.** Загнітко А.П. Основні різновиди службовості-допоміжності в реченні і тексті: закономірності вияву / А. Загнітко // Лінгвістична палітра: Збірник наук. праць з актуальних проблем лінгвістики / За заг. ред. проф. Л.А. Лисиченко. – Харків: Вид-во Харківський національний педагогічний університет, 2009. – С. 218-232; **10.** Загнітко А. Аналітичні вияви підмета і присудка у внутрішньореченнєвій структурі / А. Загнітко // *Studia Ruthenica Cracoviensia: 3: Мово рідна, слово рідне: Prace naukowe ofiarowane Doktor Bożenie Zinkewicz-Tomanek / Pod red. Oksany Baraniwskiej, Adama Fałowskiego.* – Kraków: Wyd-wo Uniwersytetu Jagellońskiego, 2009. – S. 153-163; **11.** Загнітко А. Інноваційні тенденції у внутрішньотекстовому внутрішньореченнєвому / зовнішньореченнєвому відцентруванні / А. Загнітко / А. Загнітко // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. – Серія Літературознавство / За ред. Н.М. Поплавської. – Тернопіль: ТНПУ, 2009. – С. 450-462; **12.** Загнітко А. Типологія внутрішньореченнєвих синтаксичних інновацій: структурний і семантико-функційний аспекти / А. Загнітко // *Культура народів Причорномор'я.* – № 168. – Т. 1. – 2009. – С. 276-283.

Кислюк Лариса Павлівна – кандидат філологічних наук, науковий співробітник відділу структурно-математичної лінгвістики, докторант Інституту мовознавства ім. О.О.Потебні НАН України (Київ).

Основні публікації: **1.** Словотвірний потенціал запозичень у сучасній українській літературній мові (на матеріалі англійських та німецьких запозичень). – Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2000; **2.** Особливості творення і функціонування аббревіатур та їхніх дериватів у мові преси // *Українське мовознавство.* – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – Вип. 11. – Кн. 1. – С. 187-190; **3.** Шкільний словотвірний словник сучасної української мови: 15 600 слів у складі 127 гнізд / Уклад.: Н.Ф.Клименко, Є.А.Карпіловська, Л.П.Кислюк – К.: Наук. думка, 2005; **4.** Функціонування та словотвірний потенціал неозапозичень у сучасній українській мові // *Вісник Прикарпатського національного університету ім. В. Стефаника. Філологія.* – Івано-Франківськ, 2007. – Вип. XV-XVIII. – С. 228-231; **5.** Нові тенденції адаптування іншомовної лексики.

Словотворча активність неозапозичень // Н.Ф.Клименко, Є.А.Карпіловська, Л.П.Кислюк Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі. – Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008. – С.227-279; **6.** Досвід українського словникарства при укладанні словників нової лексики // Людина. Комп'ютер. Комунікація. Зб. наукових праць. – Львів, 2008. – С. 199-202; **7.** Функціональний потенціал тематичної групи „засоби масової інформації” // Мовознавчий вісник. – Черкаси, 2008. – Вип.7. – С. 112-118; **8.** Проблеми лексикографічного опрацювання нової іншомовної лексики // Українське мовознавство. – Київ, 2008. – Вип. 38. – С. 93-96; **9.** Україноязычное медиа-пространство: тенденции стабилизации инноваций // Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: Труды и материалы. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С.108-109; **10.** Неосемантизми іншомовного походження в сучасній українській мові // Мовне обличчя міста: Черкаси – 2008: Матеріали наук.-практ. конф. – Черкаси: Брама-Україна, 2009. – С.106-110; **11.** Оновлення словотвірних категорій у контексті тенденцій мовного розвитку // Мови та культури у новій Європі: контакти і самобутність. – Міжнародні наукові читання, присвячені 70-річчю від дня народження члена-кореспондента НАН України, доктора філологічних наук, професора Н.Ф.Клименко. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. – С. 138-144; **12.** Експресивно-оцінне словотворення в сучасній номінації // Українське слово в етнокультурному вимірі. – Дрогобич: Дрогобицький педагогічний університет, 2009. – С. 85-90.

Снитко Олена Степанівна – доктор філологічних наук, професор, заступник директора з наукової роботи, завідувачка кафедри російської мови Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка (Київ).

Основні публікації: **1.** Внутренняя форма номинативных единиц. – Львів: Світ, 1990; **2.** Сопоставительная грамматика русского и украинского языков (у співавторстві). – К., Наук. думка, 2003; **3.** Русский язык в этнолингвистическом освещении. Лекционный курс. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2005; **4.** Русский язык как деятельность: современные направления научного описания. Лекционный курс. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2009; **5.** Архетипи вогню та води в мовній картині світу (на матеріалі російської та китайської казки) // Студії з україністики. Лінгвістика та лінгводидактика. – К., 2005; **6.** Психолінгвістичні ідеї О.О.Потебні і сучасна наука // О.О.Потебня й актуальні питання мови та культури. – К., 2004. – С. 89-94; **7.** Динамика ассоциативно-вербальных сетей в онтогенезе // Мовні і концептуальні картини світу. – К., 2004. – Вип. 11. – Кн. 2. – С. 163-169; **8.** Опозиция верх/низ в семиотике русской сказки // Мовні і концептуальні картини світу. – К., 2000. – Вип. 18. Кн. 2; **9.** Коммуникативная стратегия поощрения и речевые тактики её реализации. // Русистика. – К., 2007. – Вып. 7. – С. 18–25; **10.** Коди культури у мовній об'єктивації дійсності // Studia linguistica. Зб. наукових праць. – Вип. 1. – ВПЦ «Київський університет», 2008. – С. 115-122; **11.** Номинация в детской речи // Русский язык и литература, культура в школе и вузе. – К., 2008 – № 2 (20). – С. 4-8; **12.** Процес породження слова

в контексті загальнонаукової проблеми зв'язку мови і мислення // *Мови та культури у новій Європі: контакти і самотність*. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. – С. 622-628.

Соколова Світлана Олегівна – доктор філологічних наук, старший науковий співробітник, провідний науковий співробітник відділу граматики Інституту української мови НАН України, (Київ, Україна).

Основні праці: **1.** Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові. – Київ: Наук. думка, 2003; **2.** Лексикографічні проблеми префіксальних дієслів: шлях до розв'язання // *Лінгвістика. Зб. наук. праць*. – Вип. 1. – Херсон, 2005. – С. 116-122; **3.** Творческое наследие О.М.Соколова и современные проблемы языкознания // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского: Научный журнал. Серия “Филология”*. – Симферополь, 2007. – Т. 20 (59). – № 1. – С. 5-14; **4.** Проблема створення двомовного словника префіксальної дивергенції // *Вісник Прикарпатського національного університету ім. В.Стефаника. Филологія. Вип. ХУ-ХУІІІ: Ювілейний випуск на пошану 100-річчя від дня народження проф. Івана Ковалика*. – Івано-Франківськ, 2007. – С. 45-50; **5.** Дієслово як носій фреймової семантики // *Теоретична і дидактична філологія / Зб. наук. праць*. – Вип. 2. Київ: Міленіум, 2007. – С. 246-257; **6.** Понятие фрейма при изучении глагольной лексики // *Діалог культур: Теория и практика преподавания языков / Материалы 2 междунар. науч.-практич. конф., посв. 30-летию первого выпуска иностранных студентов филол. ф-та. 6-8 сентября 2007, г. Симферополь*. – 2008. – С. 94-106; **7.** Фреймова структура українського дієслова та її відображення засобами інших мов // *Ukrainica III: Současná ukrajinistika: problémy jazyka, literatury a kultury. 1.část / Sborník článků 3.Olomoucké Simpozium ukrajinistů 28-30 srpna 2008*. – Univerzita Palackého v Olomouci. – Olomouc, 2008. – S. 71-76; **8.** Формально-семантичне варіювання слів та системність лексики // *Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П.Драгоманова. Серія 10. Проблеми граматики і лексикології української мови: Зб. наук. праць*. – К.: НПУ імені М.П.Драгоманова. – Вип. 4. – 2008. – С. 205-214; **9.** Предисловие // О.М.Соколов. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике. Нежин: Гідромакс, 2009. – С. 9-14; **10.** Словотвірна та аспектуальна парадигма дієслова: проблема співвідношення // *Мови та культури у новій Європі: контакти і самотність / Зб. доповідей Міжнар. наук. читань, присвячених 70-річчю від дня народження члена-кор. НАНУ, проф. д.ф.н. Н.Ф.Клименко*. – К., 2009. – С. 155-166.

Федурко Марія Юліанівна – доктор філологічних наук, професор, завідувачка кафедри філологічних дисциплін та методики їх викладання в початковій школі Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка (Дрогобич).

Основні праці: **1.** Субморфеми у системі відіменникового словотворення // *Східнослов'янські мови в їх історичному розвитку: Збірник наукових*

праць, присвячених 100-річчю від дня народження професора Стефана Пилиповича Самійленка . – Запоріжжя: ЗНУ, 2006. – С. 152-160; **2.** Морфонологія у структурі вчення Івана Ковалика про словотвір // Вісник Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника. Філологія. – Випуск XV-XVIII. – Івано-Франківськ: Видавничо-дизайнерський відділ ЦІТ, 2007. – С.13-16; **3.** Фразеологізми у мові історичного роману Ліни Костенко “Берестечко” // *Paremie narodu slovanskych III: Sbornik prispevku mezinarodni konference konane v Ostrave ve dnech 21-22. 11. 2006.* – Ostrava, 2007. – S. 183-193; **4.** Субморфемизация как одно из проявлений динамизма в системе морфем современного украинского словообразования *Язык и дискурс в статике и динамике: тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 14-15 ноября 2008 г./ ред. колл. З.А.Харитончик, А.М.Горлатов и [др.].* – Мн.: МГЛУ, 2008. – С. 121-123 (у співавторстві з Пристай Г.В.); **5.** Заимствованные элементы в системе современного украинского словообразования: этнолингвистический аспект // *Žmogus kalbos erdvėje 5 (1). Mokslinių straipsnių rinkinys.* – Kaunas, 2009. – Kaunas, 2009. – P. 95-100; **6.** Явище аббревіації в лінгвокультурному аспекті // *Ukrajiništika: minulost, přítomnost, budoucnost II: Sborník vědeckých prací.* – Brno, 2009. – S. 301-307; **7.** Українські вигуківі фразеологізми // *Paremie narodu slovanskych IV: Sbornik prispevku mezinarodni konference konane v Ostrave ve dnech 20-21. 11. 2008.* Ostrava, 2009. – S. 55-59 (у співавторстві з Луців С.); **8.** Доминирующие морфонологические модели в системе современного украинского словообразования // *Славянские языки и культуры в современном мире: Труды и материалы Международного научного симпозиума.* – Москва: МАКС ПРЕСС, 2009. – С.135; **9.** Земля и небо как образы-антагонисты в поэтическом языке Лины Костенко // *Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалистов: Материалы международной научно-практической конференции.* – Брест: БрГУ, 2008. – С. 6-9 (у співавторстві з Огар А.); **10.** Поняття морфонологічної моделі та його роль в аналізі та синтезі похідних одиниць словника // *Лінгвістичні студії [Текст]: зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т; наук. ред. Анатолій Загнітко.* – Донецьк: ДонНУ, 2009. – Вип. 19. – С.171-174; **11.** Предмет і завдання морфонології у контексті функціонально-динамічної моделі мови // *Науковий вісник Чернівецького університету: зб. наук. праць / наук. ред. Б.І.Бунчук.* – Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2009. – Вип. 475-477: *Слов'янська філологія.* – С.359-363; **12.** Морфонологія запозичених морфем у системі сучасного українського словотворення // *Мови та культури у новій Європі: контакти і самобутність / Зб. доповідей Міжнар. наук. читань, присвячених 70-річчю від дня народження члена-кор. НАНУ, проф. д.ф.н. Н.Ф.Клименко.* – К., 2009. – С. 259-267.

Наукове видання

ВІДОБРАЖЕННЯ ІСТОРІЇ ТА КУЛЬТУРИ НАРОДУ В СЛОВОТВОРЕННІ

Доповіді

ХІІ Міжнародної наукової конференції
Комісії зі слов'янського словотворення
при Міжнародному комітеті славістів
(25-28 травня 2010 р., Київ, Україна)

Упорядкування та наукове редагування
Н.Ф.Клименко і Є.А.Карпіловської

Коректура: Л.П. Кислюк і К.Л. Ананко
Макет і комп'ютерне верстування: К.Л. Ананко

Підписано до друку 10.05.2010 р.

Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$. Папір офсетний. Гарнітура «Тип Таймс».

Обл.-вид. арк. 31,25. Ум.-друк. арк. 38,35. Наклад 300 прим. Зам. № 1043.

Видавничий дім Дмитра Бураго

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру ДК № 2212 від 13.06.2005 р.

Тел./факс: (044) 238-64-47, 238-64-49; e-mail: conf@graffiti.kiev.ua

www.burago.com.ua

Адреса для листування: 04080, м. Київ-80, а/с 41